Министерство образования и науки РФ

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Нижегородский государственный
педагогический университет им. Козьмы Минина

Исследовательская лаборатория НГПУ
«Воспитательная педагогика А.С. Макаренко»

А.С. МАКАРЕНКО

ШКОЛА ЖИЗНИ, ТРУДА, ВОСПИТАНИЯ

Учебная книга
по истории, теории
и практике воспитания

Часть 5

Статьи, выступления, письма,
подготовительные материалы,
«Книга для родителей»
1936–1937 гг.

Нижний Новгород
2011

УДК 371
ББК 74.03(02)
М 15

Макаренко А.С.

М 15 Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 5. Статьи, выступления, письма, подготовительные материалы, «Книга для родителей» 1936–1937 гг./ А.С. Макаренко; сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов. – Н.Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2011. – 384 с.

ISBN 978-5-85152-931-3

Издание содержит авторские материалы А.С. Макаренко 1936–1937 гг., в хронологической последовательности раскрывающие продолжение и окончание его работы в ОТК НКВД УССР, начало московского периода деятельности, характеризующие развитие его социально-педагогических взглядов, литературно-художественного творчества и качеств личности в этот период.

Вступительная статья о методологии его педагогики (подготовительные материалы) и обширные комментарии отражают многие новые документы, результаты проведенных в последние десятилетия макаренковедческих отечественных и зарубежных исследований.

Включает учебно-методический материал, позволяющий с учетом историко-педагогического опыта по-новому ставить и решать современные проблемы воспитания детей и молодежи. Дан именной указатель лиц, причастных к деятельности А.С. Макаренко в 1936–1937 гг.

Для специалистов в области педагогики, образования и культуры, социальной психологии и социологии, художественной литературы.

УДК 371
ББК 74.03(02)

ISBN 978-5-85152-931-3

© Нижегородский государственный педагогический университет, 2011
© Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., Аксенов С.И., 2011

Содержание

От составителей ... 9

Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии (подготовительные материалы) ... 9

О содержании издания, данного тома ... 37

Письмо Т.А. Милляр, 10 июля 1936 г. ... 42

Письмо Г.С. Макаренко, лето 1936 г. ... 44

Прекрасный памятник ... 45

«Чудо», созданное советской жизнью ... 47

Письмо Г.С. Макаренко, 30 июля 1936 г. ... 49

О лесной школе. Письмо в Совет жен писателей ... 51

Мы живем в самую счастливую эпоху ... 53

Записи на собрании в Союзе советских писателей Украины, 21–22 августа 1936 г. ... 54

Болшевцы ... 55

Из записных книжек, начало августа 1936 г. ... 59

Всенародный приговор ... 59

Из записных книжек, 1936 г. (от начала до конца года) ... 62

Обращение к коммунарам-выпускникам ... 64

Дело партии ... 67

Письмо Л.М. Салько, 22 сентября 1936 г. ... 71

Письмо Л.М. Салько, 27 сентября 1936 г. ... 73

Из письма 7 октября 1936 г. ... 76

Максим Горький в моей жизни ... 76

Письмо Л.М. Салько, 14 октября 1936 г. ... 76

Из записных книжек, октябрь–декабрь 1936 г. ... 77

Выступление на заводе «Шарикоподшипник», 25 октября 1936 г. ... 78

Разговор о воспитании. Выступление в Московском областном педагогическом институте, 27 октября 1936 г. ... 96

Беседа с рабочим активом на заводе «Шарикоподшипник», 28 октября 1936 г. (запись) ... 102

О воспитании детей в семье. Беседа с родителями на заводе «Шарикоподшипник», 28 октября 1936 г. (запись) ... 104

Из письма Лобанову, председателю профкома завода «Шарикоподшипник» ... 105

Телеграмма Г.С. Макаренко, 28 октября 1936 г. ... 105

Из записной книжки, 18 ноября 1936 г. ... 107

Из очерка «Книга для родителей» ... 107

Письмо Л.М. Салько, 26 ноября 1936 г. ... 119

О личности и обществе ... 123

Письмо С.М. Соловьеву, 9 декабря 1936 г., с отзывом о его книге «Америка деловая» ... 127

Радость творческого труда 128
Письмо Л.М. Салько, 4 декабря 1936 г. 131
Телеграммы Е.М. Коростылевой, 20 и 22 декабря 1936 г. 132
Письмо Н.В. Петрову, 22 декабря 1936 г. 133
Письмо М.Е. Лапировой, 25 декабря 1936 г. 136
Письмо Л.М. Салько, 9 января 1937 г. 137
Письмо Н.В. Петрову, 10 января 1937 г. 137
Право автора 139
Письмо М.Е. Лапировой, 17 января 1937 г. 140
Письмо Л.М. Салько, 18 января 1937 г. 140
Фрагменты подготовительных материалов «Книги для родителей», 1-го тома 142
Подготовительные материалы к первому тому «Книги для родителей» и последующим томам 155
Писатели – активные деятели советской демократии 173
Фототелеграмма Г.С. Салько, 16 марта 1937 г. 174
Из записных книжек, 16–23 марта 1937 г. 175
Фототелеграмма Г.С. Салько, 24 марта 1937 г. 177
Больше активности в игре 177
Больше коллективности 178
Запись выступлений на Всероссийском совещании по педагогическим наукам, 7 апреля 1937 г. 182
Письмо Л.В. Конисевичу, 18 апреля 1937 г. 187
Из письма М.М. Прейслеру, 18 апреля 1937 г. 188
Героическая борьба 188
Художественная литература о воспитании несовершеннолетних правонарушителей 191
Роман «Ворошиловцы» (подготовительные материалы, в описании) 213
Сценарий звукового фильма, 6 частей (в описании). 214
Товарищеская лаборатория 214
В день Первого мая 216
Несколько часов на канале 218
Человек. Роман. Часть первая, план 220
Письмо А.С. Сватко, 6 мая 1937 г. 227
Письмо Н.В. Петрову, начало мая 1937 г. 228
Письмо К.С. Кононенко, май 1937 г. 229
Лекция в московском Доме учителя, 22 мая 1937 г. (в записи) 231
В эти дни…... 237
Письмо Н.В. Петрову, 17 июня 1937 г. 240
Из дневника, записных книжек, лето 1937 г. 241

Сила советского гуманизма 242

Происшествие в «Звезде» 244

Детство и литература 246

Вредная повесть 250

Книга для родителей, фрагменты (этические и социально-гуманитарные основы воспитания) 255

Именной указатель лиц, причастных к творческой деятельности А.С. Макаренко в 1936–1937 гг 273

Учебно-методический материал 276

Отдельные издания, публикации, диссертации 2-й пол. 2010 г.–1-й пол. 2011 г. 282

Дополнительный материал к Части 1–4 «А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания...» – Н.Новгород, 2007–2010 гг. 297

Июнь 1937 г.

…...Наш [художественный] реализм построен на оптимистической убежденности, на мажоре всей нашей жизни и на предвидении освобождения человечества.

Коллективизация нашего села есть, может быть…... одно из самых глубоких и смелых по замыслу педагогических явлений человечества.

Июнь–июль 1937 г.

Книги и дела революции – это уже созданная педагогика нового человека...… Воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле. Воспитывает всё: люди, вещи, явления... На первом месте – родители и педагоги...… Бессмысленна и безнадежна попытка извлечь ребенка из-под влияния жизни…...

Человек давно научился осторожно и нежно прикасаться к природе. Он не творит природу и не уничтожает ее, он только вносит в нее свой математически-могучий корректив…...

Наш моральный кодекс должен идти впереди и нашего хозяйственного уклада, и нашего права…... он должен видеть впереди еще более высокие формы общества.

…...Многие еще не способны представить такой высокий [коммунистический] принцип распределения, предполагающий еще невиданные формы честности, справедливости, точности, разума, доверия, чистоты человеческой нравственной личности.

Глубочайший смысл воспитательной работы...… заключается в отборе и воспитании человеческих потребностей...… Потребность у нас есть родная сестра долга, обязанностей, способностей…...

Не всякий опыт в нашей стране есть опыт нравственный...… Потребности отца или матери механически становятся потребностями детей...… Когда потребности детей не будут связаны с заслугами отца, тогда будет действовать другая логика.

По силе эмоций, по тревожности и глубине впечатлений, по чистоте и красоте волевых напряжений детская жизнь несравненно богаче жизни взрослых. Но ее колебания поэтому не только великолепны, но и опасны.

Научить любить, узнавать любовь, научить быть счастливым – это значит уважать самого себя, научить человеческому достоинству... Половой акт не может быть уединен от всех достижений человеческой культуры...

При советской власти расчет идет на настоящих людей.

Наша нравственность вырастает из фактической солидарности трудящихся...… Идея солидарности захватывает все области жизни...… Успехи этой борьбы будут прямо пропорциональны величине человеческой солидарности.

Может быть, все провалы воспитания можно свести к одной формуле: «воспитание жадности»…... Мораль буржуазного мира – это мораль жадности…...

Сотрудникам А.С. Макаренко, его воспитанникам, работникам различных учреждений, в 1936–1937 гг. активно участвовавшим в его деятельности как социального педагога-реформатора, – посвящается эта книга

От составителей

Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии (подготовительные материалы)[1]

По пути созидания и развития самобытной отечественной науки: от М.В. Ломоносова к педагогике А.С. Макаренко

Наука – явление интернациональное, даже ее социально-гуманитарная отрасль, кровно связанная со специфическими условиями экономического, общественно-политического и культурного развития разных стран и народов.

Блестящий пример этого – деятельность М.В. Ломоносова. Он учился в Славяно-греко-латинской академии в Москве и школе при Академии наук в Петербурге, продолжил образование в университетах в Марбурге и Фрайбурге, стал первым русским академиком, основоположником русской науки, избран почетным членом Шведской и Болонской Академий наук, первым стал вести научное преподавание на русском языке.

Переведенный им с латинского языка на русский труд Х. Вольфа по экспериментальной физике – первая в России учебная книга по этой области естественно-научного знания. Им впервые подготовлена и издана хрестоматия мировой художественной литературы, переведены на русский язык образцы литературного творчества разных народов, в ней представлены лучшие отечественные произведения. Его «Российская грамматика», наиболее совершенный для своего времени языковедческий труд, была переведена на немецкий, французский и греческий языки.

В отечественной историографии М.В. Ломоносов показал самобытное происхождение русской культуры и государственности. Он упорно боролся за освобождение науки от засилья иностранного влияния, «немецкой партии» в Петербургской Академии наук. Велики его заслуги в создании условий для подготовки отечественных ученых.

М.В. Ломоносову свойственны характерные черты гениальных и выдающихся ученых мира – многогранность научных интересов и начинаний, органическая связь науки и искусства, теоретического мышления и поэзии.

Это методология опытного научного знания, она ориентируется на практику, постановку и решение актуальных и перспективных жизненных задач. Она прочно опирается на «предысторию» науки, трудовые традиции народа и его самобытную культуру, особенности национального характера. М.В. Ломоносовым заложены основы научной методологии, считающей источником познания внешний мир, его чувственное восприятие и экспериментальное обращение к действительности. Она мыслится в постоянном движении, изменении и развитии.

Все это – черты направления, которое действует в многовековой истории отечественной науки, подвергаясь качественным изменениям в столкновении с другими подходами к познанию и преобразованию мира. Важное место в этом процессе занимает проблема «Восток–Запад», поиск продуктивного взаимодействия отечественных и зарубежных научных достижений. Периодически возникает необходимость защиты самобытного пути развития российской науки, государственного и общественного развития нашей страны.

С большой остротой это проявляется в новейшей российской истории, на фоне закономерной глобализации всех аспектов жизни и деятельности разных стран и народов. Появилась реальная опасность утраты нашей культурной самобытности под давлением западноевропейских жизненных стандартов и ценностей, терпящих сейчас поражение в ходе мирового финансово-экономического кризиса.

Современное российское образование, уже 20 лет действующая «личностно-

---

[1] Продолжение, начало см. в Части 3 этого издания, с. 8–26 и Части 4, с. 8–29. Публикация будет продолжена в Части 6.

ориентированная» педагогика не хотят видеть своей причастности к опасным социально-экономическим явлениям, к распространению «антикультуры». Образование ограничивается слепой верой в одно обучение, хорошие знания, научно-технические достижения, целиком полагается на индивидуальное развитие личности и узкий профессионализм. Роль воспитания и педагогики как науки о воспитании сведена к минимуму, в угоду мифическому «свободному проявлению» личности, освобожденной от социальных обязательств и моральных норм.

Происходит механический перенос в нашу педагогику и школу западноевропейской образовательной политики, ее далеко не в полную меру понятых образцов, ведущих идей педагогической теории и практики. Игнорируются особенности отечественной истории педагогики и школы, необходимость учитывать и развивать эту историю при использовании достижений в мире образования.

Вспоминаются слова М.В. Ломоносова: «…...Всяк, кто увидит в российских преданиях дела и героев, греческим и римским подобным, унижать нас перед оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности» [1, с. 89].

В этом плане стоит вспомнить об А.С. Макаренко, педагоге-ученом и практике, писателе и общественном деятеле, чьи научные заслуги, длительный и необычайно успешный социально-педагогический опыт получили мировое признание и в его лице высоко подняли авторитет отечественной педагогики. Затем, в начале 1990-х гг., последовала попытка ее «демакаренкизации», она возникла в общем русле исключения воспитания из понятийного аппарата педагогики, всей системы педагогического мышления и действия.

Произошло отступление от основ отечественной педагогической традиции, утверждающей приоритет воспитания в становлении человека как личности. Эта традиция коренится в народно-педагогическом опыте, она питает ведущее направление всей мировой истории педагогической мысли и практики, воплощается в знаменитом тезисе Ж.Ж. Руссо и И.Г. Песталоцци «Жизнь образует».

А.С. Макаренко – единственный в мире классик педагогики, всецело посвятивший свое творчество воспитанию, в его принципиальном отличии от обучения и в диалектически-органической связи с ним. Это то, что составляет глубокое существо его выдающегося вклада в педагогику, что лежит в основе полемики с ним при его жизни и в последующем, включая современность. И сейчас наши ведущие педагогические деятели видят в образовании лишь обучение, упорно сопротивляются четкому разграничению процессов воспитания и обучения.

Это разделение произведено К.Д. Ушинским: педагогика – наука о воспитании; рядом – «дидактика, или наука обучения»; это «две части педагогики» [2, с. 213]. Первая из них является фундаментальной, определяющей.

А.С. Макаренко за 5 месяцев до своей кончины заявлял: «У нас нет воспитательной педагогики», – т.е. нет теории и практики воспитания, соответствующих новым социально-гуманитарным условиям и потребностям [3, с. 179]. Большой фрагмент текста с этой фразой опускался во всех предыдущих изданиях его произведений.

В выступлении А.С. Макаренко перед преподавателями и студентами пединститута в Москве (окт. 1936 г.) главенствует мысль: «В интересах дела нужно разделить школьную педагогику классной работы от педагогики воспитания…... Разделить эти две педагогики и определить их главные методы» [4, л. 6]. Вторая фраза опущена во всех изданиях макаренковских сочинений.

Следуя, как и М.В. Ломоносов, научной методологии, которая считает внешний мир, действенное чувственное восприятие основой познания и становления человека человеком, – А.С. Макаренко утверждает: сфера воспитания – непосредственный жизненный опыт, его содержание, мотивация, «переживание», волевая и эмоциональная, духовно-нравственная насыщенность. Сфера обучения – знания и навыки умственной и практической, трудовой, профессиональной деятельности.

Правильное и ясное понимание специфики воспитания, его построение на основе коллективной хозяйственно-трудовой деятельности – это главное, что обеспечило высочайшую эффективность творчества А.С. Макаренко как педагога-теоретика и практика. К его пониманию сущности воспитания сейчас приближается выдвинутый у нас в последние годы тезис: «Уклад жизни школы (семьи и т.д.) – главный фактор воспитания». К сожале-

нию, эта плодотворная идея, как и многое другое в нашей современной действительности, «повисла в воздухе».

Начало борьбы А.С. Макаренко за самобытную отечественную педагогику относится к периоду бурного развития в Западной Европе и США многообразных реформаторских педагогических течений (конец XIX–начало XX вв.). Еще до Октябрьской революции 1917 г., под влиянием событий до и после Февраля 1917 г. он написал работу «Кризис современной педагогики» («большое сочинение», как он говорил, «над которым работал 6 месяцев»). За нее он получил золотую медаль при окончании Полтавского учительского института в июле 1917 г. [3, т. 1, с. 10; т. 8, с. 119] – после 8-летней работы учителем и воспитателем в общеобразовательной школе, ориентированной на подготовку железнодорожного рабочего.

Его труд «Кризис современной педагогики» утрачен, видимо, безвозвратно, в ходе Гражданской войны. Но его основное содержание четко отражено в слове «кризис». Парадоксально, что А.С. Макаренко говорит о нем, хорошо зная, несомненно, о распространении в это время на Западе на основе концепции «свободного воспитания» прогрессивных идей и практики «нового воспитания», «новой школы», «трудовой школы», педологии, прагматической педагогики.

Их проникновение в российское образование сдерживалось политикой царской России, они с большим трудов находили применение лишь в эпизодическом опыте педагогической общественности. Эти идеи получили простор для осуществления в советское время, в 1920-х гг. Их либерально-демократическая направленность ярко проявилась в это время в деятельности П.П. Блонского, С.Т. Шацкого, Н.Н. Иорданского, А.С. Залужного и многих других. В конце 1920-х гг. их деятельность оказалась не соответствующей социально-гуманитарному развитию страны.

О содержании «Кризиса современной педагогики» видно по работам А.С. Макаренко начала 1920-х гг. [5, Часть 1, с. 29–32]. В них он критикует педагогические взгляды Э. Меймана, Г. Шаррельмана, Э. Кей, Л.Н. Толстого. Он изучает и критикует работы С.Т. Шацкого, Н.Н. Иорданского, А.С. Залужного [там же, Часть 1, с. 293–297; Часть 3, с. 43–48].

Он показывает ограниченность западной «трудовой школы»: говорит в 1922 г., что «русская трудовая школа (т.е. «единая трудовая школа» РСФСР) по идее буржуазна» [3, т. 1, с. 11]. В 1925 г. заявляет, что «трудовая педагогика есть нечто чуждое нашему обществу» [5, Часть 1, с. 167], эта фраза опущена во всех предыдущих изданиях макаренковских сочинений. Воодушевленный «Декларацией Наркомпроса УССР о социальном воспитании детей» (опубл. 1 июля 1920 г.), он уходит с заведования Полтавской единой трудовой школой №10 в поиске педагогического учреждения, которое может «всецело удовлетворять» концепции украинского соцвоса.

Показательно отношение А.С. Макаренко к бойскаутизму, 1925 г.: в этой системе «игра по самой своей сути бедна содержанием...… много воззваний и словесных формул», а «самое худшее – бойскаутизм совершенно оторван от хозяйственной жизни, от всякой экономики»; многие недостатки его «повторены в нашем пионерском движении» [5, Часть 1, с. 170]. Абзац с этими словами опущен во всех предыдущих изданиях.

В новом воспитании, говорит А.С. Макаренко, важен не просто труд, нужно «коллективное хозяйство». В единой «трудовой общине» детей и взрослых, на основе самоуправления воспитывается «хозяйственная (экономическая) забота»; нужна «школа-хозяйство» [там же, с. 167–169, 41].

Известны критические высказывания А.С. Макаренко против Ж.Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, П. Наторпа, Дж. Дьюи. С особенной остротой он выступает против «свободного воспитания».

Современные исследования, особенно зарубежные, показывают, что это по существу его реакция на весьма ограниченное, искаженное истолкование взглядов этих классиков педагогики. Реформаторская педагогика направила их наследие в русло, как он говорил, «новейшего европейского индивидуализма» [3, т. 1, с. 179].

Есть все основания утверждать, что А.С. Макаренко продолжал решать те же педагогические задачи, которые выдвинуты в теории «свободного воспитания». Он критически осмысливал, творчески развил это генеральное направление педагогической истории, максимально используя новые социально-экономические условия и требования к человеку. Он обратился к сфере материального производства, видя в ней основу всей системы ду-

ховной жизни общества. Он успешно реализовал в педагогике идею свободного труда, развил изначально присущий труду коллективизм.

Именно это позволило А.С. Макаренко далеко вперед продвинуться по намеченному Ж.Ж. Руссо пути «естественного воспитания». Оно предполагает, что воспитание должно определяться не навязыванием знаний и убеждений и не требованием простого послушания принятому порядку, а реальными обстоятельствами жизни детей. Их социальная практика должна вести к осознанию закономерностей работы и жизни, к успешному их использованию на благо человека.

Это база, на которой А.С. Макаренко разрабатывает свою «педагогику параллельного действия». Вся ее система строится на отрицании насильственного «прямого», непосредственного воспитательного влияния. Цели и средства воспитания необходимо воплощать в самой жизни педагогического учреждения, в содержании деятельности его коллектива и системе управления им.

Уже к 1922 г. он нашел и объяснил организационные и технологические средства реализации такой методологии воспитания. Ее исходный принцип: полное устранение «педагогической нарочитости», нужно обеспечить «свободу в самочувствии воспитанника», чтобы он мог «более просто и радостно переживать свое детство» [3, т. 1, с. 48].

Но лишь в последние годы жизни А.С. Макаренко дал краткое сущностное определение данной концепции педагогики, с объяснением явления «параллельности» двух главных «плоскостей» воспитательного процесса [там же, с. 323]. В этом плане его наследие начало глубоко исследоваться лишь в последние десятилетия XX в., сталкиваясь с укоренившимся ограниченным представлением о нем, основанном на оперировании отдельными цитатами из его произведения.

Он продолжает то, над чем работал И.Г. Песталоцци в области соединения воспитания с производительным трудом. Макаренковское открытие возможной «нейтральности» труда в аспекте воспитания, его новых целей и средств до сих пор воспринимается как какой-то «нонсенс». Но уже И.Г. Песталоцци отмечал: «Прядение или косьба, ткачество и пахота – сами по себе эти работы не делают ни нравственным, ни безнравственным» [6, с. 520].

И.Г. Песталоцци считал возможным раннее «соединение воспитательных задач с промышленной деятельностью»; ссылаясь на пример «фабричных предприятий общины в Гернгуте» (Саксония), где «нравственность вполне уживается с настоящим производственным духом» [там же, с. 517]. Это стало реальностью в опыте макаренковской трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского в 1930–1933 гг., когда ее производственно-хозяйственная деятельность и педагогический процесс развивались в их «параллельности». В 1934–1935 гг. она была нарушена: педагогически неоправданное и бурное расширение производства коммуны вело к разрушению ее педагогической системы.

Педагогическая методология А.С. Макаренко совпадает с фундаментальной установкой Дж. Дьюи: школа должна стать «социальной лабораторией», где устанавливаются новые образцы жизни общества, закладываются основы его прогрессивного развития. Профессора Калифорнийского и Питсбургского университетов Г. Геринг, Ф.Б. Бауэрс, Р. Райт считают: педагогика А.С. Макаренко, как и деятельность Дж. Дьюи, – это «социальный реконструктивизм – применение педагогических методов к социальным проблемам» [7, с. 19 русского перевода].

15-летний масштабный и глубокий социально-педагогический опыт А.С. Макаренко – образец «педагогики завтрашнего дня». Она прокладывает путь к лучшему будущему в неразрывной связи с решением современных социально-экономических задач и закреплением культурных достижений прошлого.

Эпицентр связи А.С. Макаренко с отечественной и зарубежной педагогикой – его бескомпромиссное отрицание педологии, хотя он, несомненно, был вполне согласен с необходимостью создания всеобъемлющей «науки о детстве» и признавал огромную роль тщательного изучения и учета в воспитании возрастных и индивидуальных особенностей детей.

Осмысливая свою работу в науке о воспитании, он летом 1936 г. писал, что его борьба в педагогике была особенно острой, потому что в ней «наиболее ярко звучали противоречия между социально-педагогической и педологической точками зрения» [3, т. 4, с. 15]. Эти противоречия крайне обострились в 1927–1928 гг., что и привело к увольнению его из колонии им. М. Горького. Глубинный смысл его «Педагогической поэмы» – «борьба с

педологией и педологическим уклоном в педагогике» [там же, с. 38].

Начало этому положено в 1922 г., когда А.С. Макаренко со всей категоричностью сказал: объектом исследования в педагогике является не ребенок, а «педагогический факт (явление)» [3, т. 1, с. 10], т.е. процесс «созидания личности», взаимодействие в педагогическом процессе его целей, средств и результатов.

Главный порок педологии (что не получило должной оценки в постановлении ЦК ВКПб о педологии 1936 г.) – «система логики», методология, фактически отвергающая целенаправленное воспитание; развитие личности представляется как результат влияния лишь наследственности и среды [3, т. 7, с. 28–29]. «Педология затягивает и сейчас много умов, когда формально педология не существует» [там же, с. 28] – этот сделанный А.С. Макаренко в 1937 г. вывод в полной мере относится к современной «личностно-ориентированной» педагогике и системе образования.

А.С. Макаренко стал известен за границей уже в конце 1920-х гг. С августа 1926 г. по декабрь 1927 г. его колонию им. М. Горького посетили 32 зарубежные делегации; в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского к концу 1932 г. побывали 214 зарубежных делегаций. Еще при его жизни на успехи его деятельности живо откликнулись выдающиеся педагоги разных стран: Я. Корчак, С. Френе, Дж. Дьюи, Г. Винекен. Позднее влияние макаренковских идей и опыта отразилось в деятельности Г. Гмайнера, М. Джонса, Х. Рассмуссена. Высокую оценку его творчеству дали В.В. Зеньковский, Дж. Боуэн, У. Бронфенбреннер.

Философ и теоретик педагогики Г. Нооль после чтения «Педагогической поэмы» в 1950 г. сказал: «Можно завидовать русскому народу, который владеет таким богатством». Историк и педагог-компаративист О. Анвайлер в 1971 г. определил: «Педагогика XX столетия имеет немного деятелей, чье значение далеко выходит за рамки их родины. Может быть, их только четыре: американец Дж. Дьюи, итальянка М. Монтессори, немец Г. Кершенштейнер и украинец и советский гражданин А.С. Макаренко» [8, с. 3].

В 1968 г. по инициативе Л. Фрезе в Марбургском университете создана, начала работу лаборатория «Макаренко-реферат» (рук. Г. Хиллиг, З. Вайтц). Ее деятельность способствовала объединению сторонников А.С. Макаренко во многих странах. Лаборатория внесла важный вклад в становление и развитие макаренковедения как одного из направлений историко-педагогических и общепедагогических исследований.

Осенью 1987 г. конференция ЮНЕСКО призвала широко отметить в 1988 г. 100-летие со дня рождения А.С. Макаренко как «великого советского писателя и педагога, чья деятельность оказала значительное влияние на становление педагогики». В издании ЮНЕСКО «Перспективы», 1995 г., т. 3, №1–2 он представлен в ряду: Платон, Т. Мор, Д. Локк, Мао Дзедун, Ж. Пиаже и др. Как «педагог и социальный работник» он характеризуется в 29-томной универсальной энциклопедии «Британика» [9, с. 716–717]. Статьи о нем, его работы даются в учебниках и хрестоматиях по педагогике, в педагогических энциклопедиях и словарях разных стран.

В сентябре 1991 г. в Музее-заповеднике А.С. Макаренко под Полтавой состоялась учредительная конференция Международной макаренковской ассоциации, с центром в Полтаве (затем в Марбурге, Москве; сейчас общественная педагогическая организация «Макаренковское содружество»).

Отечественные и зарубежные исследования показывают общие черты в творчестве А.С. Макаренко и более 40 видных представителей педагогики, психологии, общественных и религиозных деятелей зарубежных стран и 16 советских, русских, украинских педагогов [10, с. 30]. Можно сказать, что макаренковское наследие стало важным фактором интернационализации педагогики как науки о воспитании.

С 2003 г. в Нижегородском государственном педагогическом университете действует исследовательская лаборатория «Педагогика А.С. Макаренко». Издана указанная выше монография, где дан критический анализ макаренковедческой работы 1939–2005 гг. в 20 странах, освещается работа более 1500 лиц (в том числе более 500 из зарубежных стран), так или иначе относящихся к изучению и разработке макаренковского наследия [10, Именной указатель, с. 400–416].

Лаборатория выпускает новое издание собрания сочинений А.С. Макаренко в 6 томах, в виде «учебной книги», с включением ранее не публиковавшихся его работ и с комментариями, отражающими результаты отечественных и зарубежных исследований, проведенных в последние пять десятилетий [5]. Завершение издания – к 125-летию со дня рождения А.С. Макаренко в 2013 г. Это издание позволяет вести работу по многим новым

направлениям исследования трудов и опыта А.С. Макаренко.

О жизненности и актуальности его наследия свидетельствует начавшееся в 2003 г. проведение на общественных началах в разных регионах страны ежегодного конкурса школ-хозяйств и Макаренковских чтений (рук. А.М. Кушнир). В конкурсе приняли участие около 100 образовательных учреждений разного типа.

Длящееся уже более 70 лет в атмосфере непрекращающейся полемики освоение наследия А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора продолжается. Оно всегда приобретало особую актуальность на переломных этапах социально-экономического развития. К его использованию в творческой разработке педагогической теории и практики сейчас приступает 4-е поколение его последователей.

Можно с большой уверенностью предполагать, что в дальнейшем развитии педагогики и школы одно из центральных мест будет и далее занимать разрешение противоречия между макаренковской «воспитательной педагогикой», «школой жизни», труда, воспитания, его опытно-экспериментальной педагогикой – и «дидактической педагогикой», «школой учебы», умозрительно-декларативной педагогикой.

Литература

1. История педагогики в России: Хрестоматия для студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений/ Сост. С.Ф. Егоров. – М., 1999.

2. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения: В 2 т./ Под ред. В.Я. Струминского. Т. 1. – М., 1953.

3. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8 т./ Сост. М.Д. Виноградова, Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов. Т. 8. – М., 1986.

4. Рукописный отдел Института мировой литературы им. А.М. Горького АН России, ф. 114, оп. 1.

5. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части 1–4, 1921–1936 гг./ Сост. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. – Н. Новгород, 2007, 2008, 2009, 2010.

6. Хрестоматия по истории педагогики. Том 1/ Сост. И.Ф. Свадковский. 2-е изд. – М., 1936.

7. Tom Gehring, Fredalene B. Bowers, Rondall Wright. Anton Makarenko: The John Dewey of the USSR// Journal of Correctional Education. Lanham: Dec. 2005. V. 56, iss. 4.

8. Anton Makarenko. Gesammelte Werke. Marburger Ausgabe. – Ravensburg, 1975 (информ. буклет).

9. The New Britannic. 1997. V. 7.

10. Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939–2005, критический анализ). – Н.Новгород, 2006.

(Авторы: Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю. Текст принят для опубликования в сборник статей РАО, посвященный 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова).

Масштабы наследия А.С. Макаренко (в аспекте его освоения)

1. Масштабы макаренковского наследия выявляются со временем, в процессе его освоения. Они могут рассматриваться прежде всего как бы ***по горизонтали*** – в ***«пространстве»*** педагогики. Постепенно осваивается пространство педагогических взглядов и опыта А.С. Макаренко. Так, при его жизни считалось: он хороший практик, но его идеи несостоятельны, даже противоречат собственному опыту. В 40–60-х гг. был по достоинству оценен организационно-методический компонент его педагогики. В 70–80-х гг. усилился интерес к ее теоретико-методологическим основам. В 90-х гг. развивается стремление к целостной характеристике этой системы, во взаимообусловленности всех четырех ее основных компонентов: методологического, теоретического, организационно-методического и технологического.

Происходит также постепенное «вхождение» макаренковского наследия в пространство общей педагогики, изменяется его место в системе педагогических наук. Так, до конца жизни А.С. Макаренко оставался не признанным педагогической наукой («Учительская газета» при его кончине лишь перепечатала некролог Союза советских писателей). Его деятельность относилась к «специфической» работе с беспризорными детьми. В 40–60-х гг. его идеи и опыт проникают в слабо развитую область педагогики – теорию и методику

воспитания детей и молодежи, получают широкое распространение в воспитательной практике. В 60–70-х гг. они активно способствуют становлению «педагогики взрослых» – военной и исправительно-трудовой педагогики. С конца 60-х гг. они начинают использоваться в разработке общих основ педагогики, ее предмета и методологии.

Сер. 70-х гг.–90-е гг. – время вытеснения А.С. Макаренко из педагогики. Оно происходит на общем фоне «ликвидации» воспитания как такового и «отмены» педагогики как самостоятельной науки (по американизированному образцу, с заменой Академии педагогических наук Академией образования).

2. Масштабы наследия А.С. Макаренко выявляются и при рассмотрении его как бы ***по вертикали,*** в аспекте ***времени,*** в исторической связи с предшествующим и современным ему развитием педагогического знания и опыта. Только на этой основе может быть выявлена суть его педагогического новаторства, определён его истинный вклад в педагогику.

В его деятельности выделяется *три «слоя»*. Первый – то, что в творчески преобразованном виде освоено им из отечественного и зарубежного педагогического наследия, народной педагогики. Второй – то, что критически переосмыслено и использовано из современных ему педагогических идей и опыта. Третий – то, что стало в полной мере новаторским для педагогической теории и практики. Органическая взаимосвязь элементов этой триады – специфическая черта макаренковского творчества. Оно неотделимо от преемственности.

Этот его аспект стал разрабатываться лишь с середины 70-х гг. Ранее здесь не видели проблемы, т.к. макаренковское наследие считалось вполне современным явлением. С точки зрения истории ограничивались идеалами Октябрьской (1917 г.) революции и общей социально-политической характеристикой 20–30-х гг. Предшествующая общественно-педагогическая история и дооктябрьский период жизни и деятельности А.С. Макаренко рассматривались преимущественно в негативном плане.

В исторической «вертикали» особое место занимает уже полувековой опыт освоения макаренковского наследия в педагогической науке и практике. Этот аспект исследования позволяет лучше понять идеи и опыт А.С. Макаренко в их неразрывной связи с живой, развивающейся действительностью. Такой подход обязывает к рассмотрению данной связи и при его жизни.

Необходимо преодолеть разрыв между процессами формирования макаренковского наследия и его освоения. Несмотря на признание А.С. Макаренко как выдающегося педагога, борьба вокруг его творчества продолжалась и продолжается по тем же основным направлениям, что и при его жизни. Здесь имеет место один, непрерывный процесс.

Все это позволяет поставить проблему: наследие А.С. Макаренко как *открытая педагогическая система.* Она была такой и при его жизни, динамично развиваясь под влиянием новых социально-педагогических условий, а также в соответсвии с внутренней логикой своего развития. И в последующей истории она показала необычайную способность к творческой трансформации – как это всегда бывает с классическими достижениями в науке и искусстве.

При этом освоение открытых А.С. Макаренко педагогических закономерностей идет по двум, *встречным направлениям:* от его наследия к современности и от современности к тому, что уже так или иначе отмечено в его наследии.

Можно заключить, что сейчас первостепенное значение приобрела проблема соотношения в макаренковском творчестве *целостной педагогической теории (системы) и лежащего в ее основе нового метода педагогического мышления и действия.* Ключевой элемент в ее решении – рассмотрение процессов становления, освоения и развития наследия А.С. Макаренко в их неразрывном единстве. Это вековой этап педагогической истории. Второй элемент – *взаимодействие теории и практики* в макаренковском творчестве и его освоении.

В общем результате таким образом может быть достигнуто комплексное решение двух задач: использование в педагогической к теории и практике найденных А.С. Макаренко образцов («находок») – и овладение его творческим подходом к педагогической деятельности как к постоянно развивающемуся процессу, в котором есть определенная последовательность. Только на этом пути работа по освоению макаренковского наследия освободится, с одной стороны, от догматизма, а с другой – от игнорирования и забвения

его достижений.

3. Масштабы макаренковского наследия значительно расширяются и в ***«горизонтальном»,*** и в ***«вертикальном»*** направлениях, если должным образом оценить тот факт, что А.С. Макаренко при работе в педагогике серьезно занимался проблемой ее связи с *другими отраслями социально-гуманитарного знания.* Таким образом он не только обогащал теоретико-методологические основы педагогики, но и сделал многое для определения ее границ, понимания специфического предмета педагогики

Нынешнее широкое внедрение психологии, культурологи, антропологии в область педагогики можно считать прогрессивным явлением лишь при условии, что в результате не происходит размывания предмета педагогики и ее «распредмечивания», ликвидации данной науки как таковой.

Вся совокупность воззрений и опыта А.С. Макаренко – это поиск и выражение определенного взгляда на *объект, предмет и задачи педагогики.* Это «ядро» макаренковской системы и метода. Игнорирование или умаление значимости данного факта ведет к тому, что макаренковское наследие начинает восприниматься как конгломерат идей и практических решений, которые могут быть истолкованы и использованы произвольно, вплоть до противоположных значений.

Есть основания считать, что педагогическое новаторство А.С. Макаренко (как и других классиков педагогики) во многом является производным от его творческих *поисков в «базисных» отраслях социально-гуманитарного знания.*

Он внимательно следил за происходящими в стране на рубеже XIX–XX вв. кардинальными изменениями в сфере социально-экономических отношений, политики и культуры, права и нравственности, семьи, образования и воспитания. Особый интерес он проявлял к истории, театру, военному делу. Этот мощный пласт в его творчестве заслуживает пристального внимания педагогов.

Уже признано, что А.С. Макаренко внес ощутимый *вклад в развитие социальной и педагогической психологии, этики, социологии, даже медицины (психотерапии); отмечена его значимость для развития экономической науки (Л.И. Абалкин, Г.Х. Попов).* Не случайно дискуссии о «макаренковской педагогике» – это большей частью не педагогические споры, а столкновение позиций в области идеологии и морали, научной методологии, расхождение взглядов на предмет педагогики и ее научный метод.

В этом смысле тема нашего семинара подводит к дискуссионному вопросу: социально-личностная концепция *в педагогике* или социально-личностная концепция *педагогики*? В первом случае предполагается, что в основе педагогики могут одновременно лежать разные концепции. Такой подход не может быть эффективным не только в педагогической практике, но и в педагогической теории. Сегодняшняя наша официальная педагогика определила себя однозначно: личностно-ориентированная педагогика, она базируется на идее «свободного индивидуума» и его «саморазвития».

А.С. Макаренко яркий представитель *социально-личностной концепции и жизненно-ориентированной педагогики.* Его практика не ограничивается микроуровнем педагогических явлений, т.е. «субъктно–субъектными», персональными отношениями педагога и воспитанника (как в «парном воспитании»). Его педагогика выходит на макроуровень, включая в сферу своего действия систему трудового коллектива педагогического учреждения и его положение в обществе.

Субъектами воспитания у него становятся не только все члены его коллектива: руководство, педагоги, мастера производства, сами воспитанники, – но и должностные лица, способствующие превращению «детского учреждения» в активного деятеля общественной жизни, производства и культуры. Это решительный прорыв за рамки педагогики «школы учебы», к созданию таких условий воспитания, которые исключают из него искусственность, формализм, авторитарность и принудительность. Это максимальное удовлетворение потребности детства и юности в социально-активной деятельности, в творчестве и свободном развитии личности и индивидуальности.

4. Масштабы макаренковского наследия становятся еще более значительными, если уделить должное внимание тому, что это уникальный пример органического *сочетания практической педагогической работы и теоретической деятельности в педагогике с художественно-эстетическим освоением педагогической действительности.* Опираясь на эти три метода познания в их единстве, А.С. Макаренко вплотную подошел к воспитанию и развитию целостной личности, в гармонической связи *трех ее начал: практически-*

волевого, эмоционально-эстетического и интеллектуально-научного.

Литературоведы первыми по достоинству оценили и защитили педагогическое творчество А.С. Макаренко, потому что не грешили узостью педагогического мышления. Они видели главное: лежащие в основе этого творчества фундаментальные социально-гуманитарные ценности, коренные проблемы бытия и духовного развития человека, смысла жизни, свободы и ответственности.

Ведущую ***«горизонталь»*** *здесь составляет проблема соотношения индивидуального, коллективно-общинного и общественного. По* ***«вертикали»*** *главной является проблема соотношения прошлого, настоящего и будущего.*

А.С. Макаренко – противник индивидуалистической педагогики простого приспособления к существующему. Душа его педагогики – социальный оптимизм, идея созидания и творчества, «возвышения человека». Социализм он воспринял в его исторических предпосылках и развитии, как универсальную ценность. В нем он видел прежде всего солидарность, социальную справедливость, «хозяйственную» позицию человека в труде, возрастающую «ценность человеческой личности».

5. Наконец, масштаб наследия А.С. Макаренко приобретает качественно новое измерение ***и по горизонтали, и по вертикали,*** выходя за пределы отечественной педагогики, в сферу зарубежного макаренковедения и единой мировой педагогической истории, современной педагогики.

(Опубликовано: Фролов А.А.// Социально-личностная концепция в педагогике. Материалы международного макаренковедческого семинара, 12–14 марта 1996 г. – Волгоград, 1996).

Единство административного управления и самоуправления в педагогике А.С. Макаренко: опыт творческого взаимодействия поколений

Характерная особенность управления педагогическим учреждением во взглядах А.С. Макаренко на воспитание – создание единой системы административного руководства и самоуправления. Основа этой системы – специфический «воспитательный» трудовой коллектив (в отличие от коллектива предприятия, учреждения и т.д.), т.е. единый коллектив педагогов, воспитанников, всех сотрудников педагогического учреждения.

В такой «конструкции аппарата воспитания» (как выражался А.С. Макаренко) реализуется суть нового воспитания: оно организуется как творческое взаимодействие старшего и младшего поколений. Воспитанник выступает как деятель, вместе со старшими преобразующий жизнь к лучшему. Педагогическое учреждение становится «социальной лабораторией» (определение ***Дж. Дьюи***), где действует «педагогика завтрашнего дня».

Воспитание решительно освобождается от авторитарности и искусственности, «муштры», а вместе с тем и от разрушающего личность индивидуалистического своеволия. Исчезает «педагогическая нарочитость», появляется «свобода в самочувствии воспитанника, она позволяет ему более просто и радостно переживать свое детство» [1, Часть 1, с. 168].

Такая трактовка макаренковской системы управления педагогическим учреждением до сих пор не является общепринятой. Продолжает использоваться возникшее в советское время представление: *самоуправление «детское», «ученическое»,* оно существует как бы рядом с административно-педагогическим руководством, в дополнение к нему. Это следствие взгляда на макаренковский «воспитательный» *коллектив лишь как на «детский», «ученический», «школьный»,* состоящий из школьников.

Чрезвычайно упрощенный взгляд на действующий в опыте А.С. Макаренко коллектив и управление им глубоко противоречит его педагогике. Она искажается в самом ее существе. Так прежде всего проявляется дилетантство в понимании макаренковского наследия.

Глубинная причина этого – исторически сложившееся *обособление «мира детей» и «мира взрослых».* Оно вызывается не только пониманием специфики детства и юности, но и стремлением оградить молодое поколение от уродливых явлений в жизни взрослых, в социальной действительности. Свойственная старшему поколению склонность к стабильности сталкивается с естественным влечением молодежи к новому. Издавна существует проблема «отцов и детей», конфликт поколений.

А.С. Макаренко «снимает» эту проблему, радикально устраняет обособленность

младших и старших в коллективе педагогического учреждения. Он преодолевает механическое разграничение педагогического и детского коллективов, заложив в основу их деятельности единую систему административного управления и самоуправления. Это полный отказ от *иллюзорного и губительного идеала: «пусть дети все делают сами», должно быть «свободное развитие личности»*.

Макаренковский единый коллектив педагогического учреждения создается как промежуточное звено связи формирующейся личности с жизнью общества. В этом коллективе представлены все основные аспекты «взрослой» жизни: трудовая деятельность, экономические и социально-политические отношения, правовые и духовно-нравственные связи. Здесь они трансформируются, подчиняясь педагогическим целям, закономерностям возрастного развития и становления полноценной личности и индивидуальности. Коллектив становится «формой жизни», новым проявлением коллективности во взаимоотношениях детей и взрослых.

Функции данного коллектива: наиболее полный учет специфических потребностей детства и юности; охрана детей от пагубных, преходящих социальных явлений; прочное закрепление в молодом поколении культурных достижений общества; успешное творчество нового содержания жизни, более совершенных форм труда, социального управления, быта людей и воспитания; углубленное развитие индивидуальных особенностей детей и их жизненное самоопределение в условиях общего социально-культурного положения, равенства и дифференциации.

Все это определяется давно назревшими общественно-педагогическими потребностями. Необходимо исключить из сферы воспитания *патерналистскую направленность, безмерную опеку детей и молодежи, одностороннюю установку лишь на преемственность поколений.* Подготовка молодежи к жизни в обществе, к продуктивному труду и социальному творчеству, приобщение детей к этому с малых лет на основе взаимодействия поколений означает влияние не только взрослых на молодежь, но и молодежи на взрослых.

Воспитанники у А.С. Макаренко – «не подопечная мелочь»; беспризорные становятся «в первые ряды общества». Это недостижимо в *«пáрной педагогике», системе лишь субъектно-субъектных отношений и социальной пассивности.* 15-летний опыт макаренковской колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского показывает, что активно-творческая жизненная позиция молодого поколения в ходе его воспитания вполне реальна и необходима.

Эта тема главенствует в его пьесе «Мажор», она отражает жизнь коммуны дзержинцев в конце лета 1931 г. Он показывает: новая культура труда, быта, человеческих отношений зарождается в столкновении жизнерадостной работающей молодежи и скептически настроенных инженеров-технократов (осужденных). Действующие лица пьесы – 15 взрослых и 17 подростков, юношей (соотношение примерно 1:1). На Всесоюзном конкурсе пьес в 1933 г. «Мажор» рекомендован к постановке (рассматривалось 1200 пьес), опубликован в 1935 г. [1, Часть 3, с. 149–164].

А.С. Макаренко обращает внимание на то, что деятельная взаимосвязь поколений становится важнейшим фактором материального и духовного прогресса общества. Необычайно усложняются социальные связи, растут требования к человеку, старшему поколению. Усиливается роль молодежи в решении социально-экономических проблем, задач культурного развития. *Школа как «сколок общества»* при массовом образовании все более приближается к функции: *«общество – сколок школы»*. Соответственно на необычайную высоту поднимается роль педагогики как науки о воспитании.

В макаренковской системе педагогики идея творческого взаимодействия поколений пронизывает все ее разделы, уровни, аспекты и детали. Ею определяется положение педагогов и детей, старших и младших воспитанников в едином коллективе, логика построения и развития воспитательного процесса. На этом базируется макаренковское понимание предмета педагогики и ее методологии, характера и масштаба ее связи с жизнью, другими социально-гуманитарными науками.

«…...Для каждого поколения, – говорит А.С. Макаренко, – цель воспитания должна быть установлена диалектически», отражая новые потребности развития человека и общества [1, Часть 2, с. 35]. Соответственно должна изменяться материальная и духовно-нравственная основа воспитания, его организация и система средств.

А.С. Макаренко как выдающийся представитель социальной педагогики и педагог-

реформатор в своих взглядах и опыте по существу далеко отходит от *вульгарного понимания исторического материализма,* когда признание первенства производственно-производительных сил в общественном прогрессе сводит на нет роль человеческого фактора. Самоценность общественных отношений, специфические особенности развития культуры и воспитания человека недооцениваются. Факт исторически и биологически закономерной смены поколений игнорируется.

Будучи единственным классиком педагогики, всецело посвятившим свое творчество воспитанию (в его качественном отличии от обучения, в органической связи с ним), А.С. Макаренко в своих педагогических воззрениях и опыте резко противостоит *«школе учебы» и дидактической педагогике.* Он обнажает факт *умаления воспитательной функции школы,* показывает недопустимость сведения задач образования к обучению, преимущественно к получению высшего образования, к узко профессиональной подготовке человека-технократа, батрака, «винтика» производственного и общественного механизма.

В его творчестве реализуется знаменитый тезис ***Ж.Ж. Руссо*** и ***И.Г. Песталоцци*** «Жизнь образует», ярко и масштабно утверждается идеал прогрессивной педагогики: «Школа, как жизнь, и жизнь, как школа».

А.С. Макаренко совершает прорыв в педагогике, преодолевая исторически укоренившееся представление о *несовместимости воспитания в «узком» и «широком» смысле:* как специальной «педагогической деятельности» и как «социального явления», неподвластного педагогической теории и практике. Устраняется обособление воспитания от процессов социализации и развития личности.

Отмечая необходимость существенного изменения содержания воспитания в новых социально-экономических условиях, он за 5 месяцев до своей кончины говорил: «У нас нет воспитательной педагогики…...» [2, т. 8, с. 179]. Обширный текст, начинающийся с этой фразы, вплоть до 1986 г. опускался во всех собраниях и сборниках макаренковских сочинений.

Жизненно-ориентированная педагогика А.С. Макаренко вводит в воспитание производительный труд как первооснову жизнедеятельности человека и мощный материальный фактор, определяющий многообразные проявления культуры, духовной жизни личности и общества. Воспитание, утверждающее всеобщность труда, трудовую этику, коллективизм и личное достоинство, – становится непременным условием решения назревших проблем общественного производства и потребления, социального управления. Существующее в процессе труда разделение функций работников создало объективную основу для их объединения.

Макаренковский «воспитательный коллектив» педагогического учреждения и его воспитанники, в основном 14–17 лет, приобретали «право гражданства» на основе продуктивной трудовой и социально-культурной деятельности. Это единая «трудовая община» детей и взрослых – определение доминирующее в работах А.С. Макаренко 1920-х гг., четко отраженное в наименовании его учреждений: «трудовая колония», «трудовая коммуна».

Дилетантским и глубоко ошибочным является отождествление его *«воспитательного коллектива» с педагогическим объединением, не имеющим трудовой, продуктивной базы.* Не соответствуют макаренковским взглядам и научным представлениям вообще попытки *считать в воспитании труд равнозначным любым видам деятельности,* учению и игре, развлечению, празднествам. Если в колонии нет производства, воспитанник «живет и воспитывается в искусственно созданных несоветских условиях» [1, Часть 4, с. 186].

А.С. Макаренко отрицает *концепцию «трудовой школы»,* возникшую в Западной Европе на рубеже XIX–XX вв., в ходе всеобщего начального образования и воспитания, способствующего лучшему приспособлению низших слоев населения к условиям их жизнедеятельности. Эта теория и практика в советской педагогике и школе 1920-х гг. активно использовалась в формировании нового мировоззрения и трудовых навыков. Труд был базовым компонентом учебного процесса, воспитание строилось на общественно полезной работе.

Мысль о «педагогической нейтральности трудового процесса» – очень важное (сделанное еще в начале 1920-х гг.) открытие А.С. Макаренко-теоретика. Оно и сейчас молчаливо отвергается, хотя еще ***И.Г. Песталоцци*** видел: «Прядение или косьба, ткачество и пахота – сами по себе эти работы не делают ни нравственным, ни безнравственным» [3, с. 520].

А.С. Макаренко говорит: «Труд сам по себе должен быть признан нейтральным явлением в воспитательном отношении, даже коллективный труд...… Важен не столько сам труд, сколько хозяйственное усилие в труде, участие в хозяйственной стороне производства» [1, Часть 1, с. 348]. Необходимо сделать труд средством «собственно воспитания», не допуская отождествления воспитания в труде с трудовым обучением.

Таким образом, центральное место в полемике вокруг макаренковского наследия заняла проблема специфики воспитания, вопрос о том, следует ли вообще четко разграничивать процессы воспитания и обучения. И сейчас сказывается принятая в советской педагогике в середине 1960-х гг. установка: *«обеспечивать слияние обучения и воспитания в единый процесс»,* на базе обучения. «Трудовое воспитание» вне условий производства стало *ограничиваться знаниями и навыками в сфере труда, начального профессионального обучения и «профориентации».* Сейчас это овладение различными «технологиями».

Правильное и четкое понимание специфики воспитания и роли труда в нем – главный фактор необычайного успеха А.С. Макаренко-теоретика и практика, разработчика педагогики как науки о воспитании. Предмет обучения – знания и навыки умственной и практической, трудовой профессиональной деятельности. Сфера воспитания – непосредственный жизненный опыт, его содержание, мотивация практических действий и их «переживание», волевая и эмоциональная, духовно-нравственная насыщенность.

В ходе обучения идет усвоение, «присвоение» достижений общественно-исторического опыта; это деятельность человека-потребителя, в основном индивидуальная. А.С. Макаренко хорошо сказал об этом, имея в виду семью своего близкого друга: «В ней все построено на целесообразности учебы сына. Поэтому для него ничего не остается другого, как расти эгоистом» [1, Часть 2, с. 10].

В ходе воспитания формируется человек-деятель. В зависимости от педагогических целей, социального положения это деятель разного типа. В макаренковской педагогике это созидатель, «человек труда», способный осваивать новые научно-технические достижения, творчески развивать организацию производства, совершенствовать содержание и формы общественной жизни. Воспитание, обращаясь к материальным условиям жизни общества, поднимает на качественно новый уровень «ценность человеческой личности» и главное в ней – ее «силу и красоту», нравственность, ее «созидательный творческий актив» [2, т. 3, с. 397–398; т.4, с. 286]. Возникает новая «трактовка значения человека и величины его ценности» [1, Часть 1, с. 325].

Своеобразие процессов обучения и воспитания, первостепенное значение воспитания в педагогической теории и практике А.С. Макаренко четко отразил в формулировке: «Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно» [2, т. 4, с. 291]. Дилетанты среди его последователей, рабски следуя постулатам господствующей «школы учебы» и дидактической педагогики, как огня боятся постановки вопросов о коренном отличии воспитания от обучения, о приоритете воспитания, о первостепенном значении хозяйственно-трудовой деятельности в воспитании.

Превращение труда в могучее средство воспитания А.С. Макаренко осуществляет, обращая внимание на «социальное содержание» труда, «комплекс побуждений» к нему, его «общественную мотивацию» [1, Часть 3, с. 192–193]. Это не *«труд-работа,* а труд-забота», т.е. личная и коллективная заинтересованность в повышении производительности и культуры труда, трудовых взаимоотношений, это «умение организовать свой и чужой труд, контролировать его и оценивать» [1, Часть 1, с. 41 и др.]. «Хозяйственная (экономическая) забота – элементарный объект воспитания» [там же, с. 167].

«…...Воспитание строится у нас путем комбинирования живых, реальных процессов жизни...… хозяйствования, труда, познания и игры…... при одновременном влиянии дисциплины и самоуправления»; мы «все формы нашей жизни и организации вывели из хозяйства и хозяйствования» [там же, с. 126, 167]; «Мы положились на организующее влияние коллектива... всей советской жизни, работы...… – и самое главное – влияние собственных движений, упражнений и переживаний коммунара» [1, Часть 3, с. 217].

Вся система нового воспитания создается на двух основаниях: «развитие хозяйства» и «внедрение коллектива в управление этим хозяйством» [там же, с. 193]. Совет командиров (СК) колонии горьковцев, коммуны дзержинцев – это «центральный орган» их самоуправления, изначально и все время действующий прежде всего как «хозяйственный орган». Его функции распространяются на все аспекты жизнедеятельности коллектива педагогического учреждения, определяя его «уклад жизни», качества формирующейся личности и инди-

видуальности. Рабочее место секретаря СК – в кабинете заведующего.

Последователям А.С. Макаренко еще предстоит глубоко понять, что труд в его педагогике – это прежде всего «хозяйствование». Он решительно отходит от понятий: «трудовое воспитание», «трудовой коллектив». Отражая новое положение труженика в системе производства, он вводит в педагогическую теорию и практику понятия: «социально-экономическое воспитание», «коллективно-хозяйственное воспитание», «чисто педагогическая система хозяйства», «процесс хозяйствования», «логика хозяйствования».

Главная цель в макаренковской педагогике – «воспитание хозяйственной позиции по отношению к окружающему миру», воспитание «хозяина жизни», «гражданина-хозяина» [1, Часть 1, с. 167]. Эта цель и проецируется на главное: труд, производство материальных и культурных благ, добывание средств к жизни. Положение человека в системе труда становится определяющим в развитии педагогической мысли и практики. В этом сущность нового воспитания, новаторского подхода к его содержанию, организации и технологии.

Фундаментальный этико-педагогический принцип А.С. Макаренко: «Как можно больше уважения к человеку, как можно больше требовательности к нему» – может быть полноценно осмыслен лишь в контексте обращения к сфере производства. Таким образом педагогика приобщается к преодолению *отчуждения человека от средств производства и результатов труда.* Это обращение к идеалу социально-гуманитарного развития: *«Не человек для производства,* а производство для человека», для наиболее полной реализации его сущностных сил и многообразных способностей.

Тенденция такого рода становится все более явной в современной идее «культурного измерения экономической жизни». Американский социолог-экономист ***Ф. Фукуяма*** говорит: история реально действующих экономических систем свидетельствует, что они приобретают максимальную эффективность, жизнеспособность и гуманистическую направленность, когда опираются на сложившуюся культуру и развивают ее. Тогда хорошо действует «социальный капитал». Он «вырастает из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными» [4, с. 54].

Этого не видно в экономической теории, научной системе экономики. В ней реализуется *«концептуальная модель рационального и корыстного поведения человека»,* она хорошо раскрывает закономерности «функционирования денег и рынков», четко ориентируется на принцип личной пользы, материального блага, потребительского благосостояния [4, с. 31]. Человек как моральное существо выпадает из поля зрения.

Опыт современного успешного экономического развития стран, в особенности Японии и Германии, показывает возрастающую значимость морального развития человека, доверия к нему, коллективности, добровольности и дисциплины. Рабочим передается значительная часть ответственности в управлении производственным процессом, существенно расширяется спектр квалификации работника. Утверждается самоценность труда, вера в человека, в его способности, творческие силы и духовный рост. Происходит «одухотворение экономической жизни» [4, с. 577; 5].

А.С. Макаренко в своем опыте не мог положиться на бойскаутизм, так как он *«совершенно оторван от хозяйственной жизни, от всякой экономики».* «Кое-что мы позаимствовали из бойскаутизма», но его игра «бедна содержанием», в ней «чересчур много фантазирования, чистой игры, прямых обращений к личности, воззваний и словесных формул» [1, Часть 1, с. 170]. Этот фрагмент исключался из всех предыдущих изданий трудов А.С. Макаренко.

О причастности А.С. Макаренко-педагога к пониманию возрастающей роли человека в современной системе производства говорят отечественные экономисты.

Профессор ***Г.Х. Попов*** – гениальность А.С. Макаренко заключается в том, что он «первым понял: вся система нравственного воздействия должна базироваться на каком-то материальном факторе, решающем в жизни человека. И он безошибочно выбрал труд... Развертывание детского труда должно быть тесно увязано с изменением всей сферы труда общества» [6].

Академик ***Л.И. Абалкин*** – педагогика А.С. Макаренко не чисто «школьная», а «социальная», она становится особенно нужной сейчас, когда «экономический анализ без оценки социально-культурных процессов будет несовершенным и неполноценным» [7, с. 172].

Американские педагоги, профессора Калифорнийского и Питсбургского университетов ***Т. Геринг, Ф.Б. Бауэрс, Р. Райт*** считают, что педагогика А.С. Макаренко, как и деятельность ***Дж. Дьюи,*** – это «социальный реконструктивизм – применение педагогических

методов к социальным проблемам» [8, с. 19, пер. на рус. яз. Е.Ю. Илалтдиновой]. Социальный психолог, академик ***Ф. Патаки*** (Венгрия) видел в трудах А.С. Макаренко движение к новому «образу социализма» [9, с. 1–20].

Труднейшую проблему установления такой связи педагогического и производственно-хозяйственного процессов, при которой эффективность того и другого достигается при безусловном первенстве целей воспитания, – А.С. Макаренко решает в общем русле его «педагогики параллельного действия».

Введение им этого понятия в арсенал методологии педагогики – научно-педагогическое достижение первостепенной важности. Оно еще только начинает по-настоящему оцениваться и осваиваться в макаренковедении. В ограниченном понимании, применительно лишь к «жизни детей», оно признано основополагающим в первой макаренковедческой кандидатской диссертации, защищенной ***И.Ф. Козловым*** в 1941 г. Но и сейчас это понятие многими дилетантски объясняется на уровне лишь отдельных положений и фактов педагогической практики А.С. Макаренко.

Исторически же «параллельное действие» – это выведенное на уровень методологии понятие «педагогического такта», занимавшее важное место в «старой» педагогике. Это можно заметить по словам А.С. Макаренко, относящимся к 1924 г. [1, Часть 1, с. 123].

И.Г. Песталоцци считал возможным раннее «соединение воспитательных задач с промышленной деятельностью», ссылаясь на пример «фабричных предприятий общины в Гернгуте» (Саксония), где «нравственность вполне уживается с настоящим производственным духом»; он имел в виду и свой 3-летний опыт использования детского труда в «сельском хозяйстве» [3, с. 517, 520–521].

«Параллельность» высокопроизводительного труда и высококачественного воспитания в педагогическом учреждении, как показывает опыт А.С. Макаренко, возможна лишь при немалом участии взрослых, специалистов производства, при определенном соотношении представительства молодого и старшего поколений. В лучшие периоды деятельности его колонии (1923–1926 гг.) и коммуны (1930–1932 гг.) при 150 воспитанниках было 50 взрослых: педагоги, мастера производства, квалифицированные рабочие, инженеры, администрация.

Это соотношение 3:1 затем сменилось 1:1, что, вероятно, можно считать «в пределах нормы». В августе 1933 г. при 380 воспитанниках было 520 взрослых рабочих и служащих. На начало 1934 г. их соответственно было 341 и 957 чел., что выразилось в соотношении примерно 1:3.

Связанное с этим *нарушение педагогически целесообразного единства административного управления и самоуправления* вело к разрушению сложившейся педагогической системы. Оно началось 15 апреля 1932 г., когда А.С. Макаренко был переведен с должности руководителя коммуны, стал ее начальником по педагогической (учебно-воспитательной) части. Постепенно он был полностью отстранен от решения вопросов производства, этой объективной основы его системы воспитания. Начальником коммуны, ставшей крупным промышленным предприятием, он не мог быть, вероятно, потому, что не имел соответствующего опыта и не был сотрудником ГПУ и членом ВКП(б).

Возникающее несоответствие административно-производственного и педагогического руководства, опирающегося на самоуправление, тревожило А.С. Макаренко уже в середине 1920-х гг. в трудовой колонии им. М. Горького. Его стремление прочно связать ее с жизнью, с хозяйственно-трудовой деятельностью *сталкивалось с официально действующими в обществе производственными отношениями и системой управления.* Они, как он видел, далеко не соответствуют новым педагогическим целям и принципам, сковывают самостоятельность и инициативу коллектива, порождают канцелярщину и бюрократизм.

В июне 1924 г. в направленном в украинский Наркомпрос письме он высказал свои соображения о проекте «Устава детской трудовой сельскохозяйственной колонии». Этот документ, говорит А.С. Макаренко, «должен дать колонии юридическую базу для экономически активной воспитывающей жизни», дать право «производства, обмена, строительства и договора», распределения кредитов по необходимым статьям расходов. Административные и контрольные функции инспектуры НКП могут заключаться в следующем: «непосредственное вмешательство в экономическую жизнь детского учреждения, совет, помощь, наблюдение»; все должно измеряться единственным критерием – успехом» [1, Часть 1, с. 114].

В феврале 1926 г. он писал: *«Способы организации, финансирования, отчетности,*

штатов решительным образом противоречат задачам нового воспитания» [там же, с. 186]. В сентябре этого же года он говорит о своей колонии: «Возможны бóльшие [педагогические] достижения при изменении внешних условий: финансовых, материальных, юридических» [там же, с. 198]. В ноябре он констатирует: «…...Система финансирования, какая сейчас практикуется, в совершенстве обуславливает воспитание жадного потребителя» [там же, с. 204].

В «Педагогической поэме» чиновник из финотдела изображен как Кащей Бессмертный. Это «истинный хозяин наших [педагогических] идеалов, принципов и идей. Выдавая в год десятки миллионов [рублей], он зорко следил, чтобы они были именно истрачены, проедены, прожиты в той норме бедности, которую он считал наиболее подходящей» [1, Часть 4, с. 143–145]. Обширный фрагмент с этой фразой отсутствует во всех предшествующих изданиях макаренковских сочинений.

Утверждая в воспитании педагогически наиболее целесообразную организацию труда и хозяйствования, А.С. Макаренко обнаруживает, отмечает *существенные недостатки в советской экономической, финансовой, плановой системе:* опасность хозяйственной пассивности, потребительства и уравниловки, игнорирование педагогических аспектов в решении проблем экономики, общественной жизни.

Организационно-управленческие основы воспитания А.С. Макаренко закреплял и конкретизировал в документе, определяющим уклад жизни его педагогических учреждений. К началу 1927 г. относится упоминание о «Конституции» колонии им. М. Горького. На ее основе строится «Конституция трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского» (февр. 1928 г.), затем «Конституция страны ФЭД» (конец 1932 г.).

Это не составленный кем-то документ, а «на общих собраниях, в органах комсомола и самоуправления, в быту и практике в течение многих лет выработанные правила и нормы, которые составляют как бы неписанную нашу конституцию, определяют весь распорядок и ход жизни коммуны» [1, Часть 2, с. 360]. Здесь административное регулирование органично включается в самоуправление, сферу действия морального сознания, духовно-нравственных требований. Они воплощаются в общественном мнении и личных убеждениях, в мотивах долга, чести и достоинства, справедливости, совести, стыда и позора.

Все так или иначе участвуют в управлении, оно становится одухотворенным и необычайно эффективным, утверждая единство прав и обязанностей. Такое самоуправление – главное основание выдающихся успехов макаренковской колонии-коммуны по всем направлениям ее творческой деятельности. Колонисты говорили: «На территории колонии действуют ее законы». Они принимаются и четко используются как добровольные и обязательные в дисциплине, ведущей к общему и личному благу и успеху.

В педагогике А.С. Макаренко коллектив – это полноправная социальная ячейка, обладающая «суверенитетом» по отношению как к обществу, так и к личности, входящей в него. Он может и должен защищать себя и от неблагоприятного постороннего воздействия, и от посягательства на него отдельного члена коллектива или группы лиц.

Как социальный педагог-реформатор А.С. Макаренко в этих важнейших для «воспитательного коллектива» положениях отражал *острейшую потребность развития советской общественной системы:* разумное сочетание централизованного административно-правового руководства и самоуправления, опирающегося на моральные принципы и нормы.

В воспитании он стремился обойти угрожающие явления: «развивающийся бюрократизм», «появление всякого лакейства и разложения». Он был убежден, что пришло «время новых мыслей, новой борьбы, время великих планов» [1, Часть 1, с. 319–324; сказано в кон. 1920-х–нач. 1930-х гг.].

Школа в макаренковской системе управления педагогическим учреждением занимает важнейшее место. Общее образование в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского опережало введение в стране обязательного общего образования (всеобщего начального и 7-летнего в городах и рабочих поселках, 1930 г.). А.С. Макаренко не допустил *профессионализации в подростковом возрасте* (в стране она началась в 1924 г.). Школа в его практике работала в полном соответствии с общепринятым содержанием ее учебно-образовательной деятельности.

В коммуне дзержинцев школа с сентября 1930 г. действовала как «учебный комбинат»: начальная школа и рабфак (вечерний) Харьковского машиностроительного института – по профилю коммунарского производства. Летом 1934 г. почти половина окончивших

рабфак поступила в вузы технического и гуманитарного профиля.

Осенью этого года «школьный комбинат» коммуны объединяет «под одной крышей» различные направления и уровни образования: 7-летка (с III класса), два отделения техникума (электромеханический и оптико-механический), старшие классы 10-летки (или курсы по подготовке в вуз), одногодичные технические курсы на своем производстве (типа ФЗУ). На своем производстве коммунары получали квалификационные разряды, в основном 1–3, иногда 4–6 [1, Часть 4, с. 65–66; данные мая 1935 г.].

В коммуне соблюдались постановления ЦК ВКП(б) и Советского правительства об общеобразовательной школе 1931–1934 гг. Но учебная база коммуны включала и то, чего эти постановления не предусматривали: *дифференциация обучения, его индивидуализация,* наличие в одном педагогическом учреждении «нескольких учебных организаций, могущих удовлетворять разным наклонностям», это предполагалось осуществить в полном объеме, если «удастся довести коммуну до 1000 человек» [там же, с. 213].

Макаренковская школа с различными учебными направлениями имеет общую фундаментальную цель: «воспитание культурного советского рабочего». Это не просто *технократически обученный рабочий-профессионал,* а хорошо воспитанный человек-гражданин, социально и нравственно активная, полноценно развитая личность, хозяин своей судьбы [1, Часть 2, с. 369–370].

Не то в общей советской образовательной системе: в конце 1920-х гг. она *отошла от идеи «единой трудовой школы».* Сформировалось два направления: общеобразовательная средняя нетрудовая школа (даже без уроков труда), готовящая к получению высшего образования, – и учреждения, готовящие квалифицированных рабочих и специалистов «среднего звена».

Первое направление стало привилегированным; второе превратилось в поставщика «рабочей силы», людей «второго сорта». Произошло *расслоение на управляющую «образованную элиту»* (далекую от производственной и жизненной практики) и *социально инертную «рабочую массу».* Общее образование, ставшее массовым в основном как «научно-теоретическое», слабое в воспитательном отношении, не способствовало закреплению в молодых поколениях их исторических социально-культурных завоеваний.

Это со временем привело к *замедлению экономического роста страны, «застою» в общественной жизни и отказу от действующего мировоззрения.* Невыполнение школой и педагогикой судьбоносных задач в общественном развитии – одна из глубинных причин разрушения СССР, несмотря на его выдающиеся достижения в науке и производстве, военном деле, жилищном строительстве и культуре, искусстве.

Замечательным в социально-педагогическом опыте А.С. Макаренко является то, что его коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, выполняя партийно-государственные решения начала 1930-х гг. о школе, не скатилась на путь «школы учебы», не отказалась от производственных установок. Будучи общественно-государственной организацией, подшефной ГПУ-НКВД УССР, во многом самостоятельной в сфере воспитания, коммуна и далее, до 1935 г. включительно (до ухода из нее А.С. Макаренко), продолжала действовать как «школа жизни, труда, воспитания».

Воспитывая «культурного советского рабочего», А.С. Макаренко решал задачу создания «трудовой интеллигенции» в области не только производства, но и культуры, образования и науки. Устранение *разрыва между научными достижениями и их внедрением в практику, между интеллигенцией и «рабочим классом»* было и остается насущной потребностью развития экономики и духовной жизни общества.

В марте 1939 г., за 22 дня до своей кончины он говорил: «Я вообще сторонник не только трудового, но и производственного воспитания...… Я являюсь сторонником производственных процессов в школе, даже самых простых, самых дешевых, самых скучных…... Я думаю, что такая производственная школа у нас со временем будет» [2, т. 4, с. 361].

29 марта, за 2 дня до кончины, А.С. Макаренко сказал: «Я теперь буду бороться за то, чтобы в нашей советской школе было производство» [там же, с. 367]. Добавим: иначе это гибельно для страны, идущей своим путем.

Литература

1. А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания: в 4 частях./ Сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова.

– Н.Новгород, 2007–2010.
2. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т./ Сост.: М.Д. Виноградова, Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов. – М., 1983–1986.
3. Хрестоматия по истории педагогики. Том 1/ Сост. И.Ф. Свадковский. 2-е изд. – М., 1936.
4. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию/ Пер. с англ. – М., 2004.
5. Фролов А.А. «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко// Вопросы экономики, 2010, №8.
6. Попов Г.Х. Взрослые болезни детского труда// Советская Россия, 1988, 12 марта.
7. Абалкин Л. Обоснована ли тревога? Ответы экономиста на трудные вопросы// Звезда, 1989, №2.
8. Tom Gehring, Fredalene B. Bowers, Rondall Wright. Anton Makarenko: The John Dewey of the USSR// Journal of Correctional Education. Lanham: Dec. 2005. V. 56, iss. 4.
9. Патаки Ф. Об образе социализма в трудах А.С. Макаренко// Самоутверждение или конформизм?/Сост. Г. Хиллиг. – Марбург, Германия, 1987.
10. Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Том 2/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова, А.М. Кушнир. – М., 2007.
(Опубликовано: Фролов А.А.// Педагогика, 2011, №10)

Воспитательно-трудовая община А.С. Макаренко: «старые» и «новые» ценности

1. Наследие А.С. Макаренко обычно ассоциируется прежде всего с понятием «коллектив». Работа над новым, более полным собранием его сочинений в 8 томах (Пед. соч./ Сост. М.Д. Виноградова, Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов. – М.: Педагогика, 1983–1986), куда вошло более 28 печатных листов ранее неизвестных авторских материалов А.С. Макаренко, показывает, что термин «коллектив» закрепился в его творчестве лишь в конце 1920-х гг.

В процессе освоения и разработки его наследия макаренковское представление о коллективе подверглось трансформации под влиянием той трактовки коллектива, которая господствовала в отечественной педагогической теории и практике советского периода. В результате существенно важные аспекты в макаренковском понимании коллектива были утрачены, произошло серьезное искажение этого понимания. Такая деформация стала основой разного рода грубых инсинуаций в отношении наследия А.С. Макаренко в целом.

Исследования показывают также, что используя термин «коллектив», А.С. Макаренко и в последующем, в конце 1920-х гг. и в 30-е гг., – не отказался от того его смысла, который он имел в виду, прибегая ранее к другим терминам: традиционному – «община» и новому – «коммуна».

Обращение к термину «община» вносит много нового, принципиально важного не только в макаренковедческие исследования, но и в разработку проблемы коллектива вообще, а через нее – в исследование фундаментальной социально-гуманитарной проблемы взаимоотношения личности и общества с позиций различных социально-этических систем и лежащих в их основе ценностей. Другой важный аспект проблемы – соотношение «старого» и «нового» в педагогическом творчестве.

2. В работе, относящейся к марту 1923 г., А.С. Макаренко отмечал: очевидные к тому времени воспитательные достижения его колонии им. М. Горького определяются тем, что с самого начала это учреждение встало «на правильный путь» – «путь трудовой общины, определенно прогрессирующей в разных областях ее жизни» (т. 8, с. 246). В документе от 1 января 1925 г. говорится: «...Колонийская коммуна представляет собой крепко спаянную, очень дисциплинированную рабочую общину, но в то же время с постоянным веселым и оживленным настроением. Хотя колонийская дисциплина очень требовательна, нам почти не приходится применять наказаний» (А.С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт/ Сост. А.А. Фролов. – Н.Новгород, 1992, с. 27).

В авторских материалах А.С. Макаренко 1922–1925 гг. отмечается: колония «живет тесной общиной»; на основе коллективной трудовой организации «удалось создать крепкую и дружную семью и найти интересные и оригинальные формы внутренней организации». «Воспитанники и воспитатели к настоящему дню представляют тесную рабочую

семью, проникнутую взаимным уважением и преданностью друг другу... В области общинного труда воспитанники колонии являются убежденными хозяевами и прекрасными работниками, сознательно могущими переживать гордое сознание трудящегося и презирать дармоеда» (т. 1, с. 16, 17, 36). Есть и такое выражение: «рабочее сообщество» (т. 8, с. 131).

3. «Коллективно-хозяйственное воспитание», говорил А.С. Макаренко, требует «организации чисто педагогической системы хозяйства». Форма такой организации – «производственная коммуна с полным самоуправлением и наибольшим формальным равенством положений воспитателей и воспитанников». Самоуправление в ней должно строиться «по типу не демократического народоправства... а демократического централизма, как можно с более широким развитием метода полномочий» (т. 1, с. 41–43). «Труд, дисциплина, быт, образовательная работа, будущее воспитанника и воспитателя – все это должно располагаться по линии экономического прогресса коммуны с учетом центрального основного фактора – экономического прогресса всей страны» (т. 1, с. 49).

В 1930-х гг. А.С. Макаренко стремился к «организации серьезного производства, обставленного станками, обладающего строгим технологическим процессом, дающего подготовку по разным разрезам и специальностям, руководимого инженерами и техническим персоналом, достаточно квалифицированным... Такая колония должна обладать и школой на разные вкусы и способности» (т. 1, с. 203).

А.С. Макаренко развивал идею социальной организации «детского общества». Констатируя отсутствие такого рода «образцов», он отмечал, что здесь могут быть разные варианты, но все они «должны как можно дальше стоять как от нынешней практики воспитания потребителей, так и от предрассудков педагогической литературы». В основу своей воспитательной системы он положил «логику хозяйства», которое «должно отличаться развитием, мощностью, прибыльностью, веселым тоном». На этом строилась «железная логика коммуны», обязательно включающая и «организацию защиты личности» (т. 1, с. 54).

4. Специфика макаренковской общины-коллектива рассматривалась и рассматривается нередко в таком плане: это опыт перевоспитания «трудных» детей в «закрытом» учреждении, он неприемлем для воспитания «нормальных» детей в учреждениях обычного типа. Обходится вниманием то, что в социально-гуманитарном знании крупные открытия нередко делались именно на «специфическом» материале. Классический пример – З. Фрейд, невропатолог и психиатр, создавший общую теорию и метод психоанализа.

В колонии горьковцев и коммуне дзержинцев нашел отражение 9-летний (начавшийся в 1905 г.) опыт работы А.С. Макаренко в «нормальной» школе. Это была, как он говорил, «заводская школа», железнодорожное начальное училище (школа с 5-летним сроком обучения, дающая повышенное начальное образование). В 1911–1914 гг. он получил опыт работы в школьном интернате, а во время Гражданской войны – опыт руководства высшим начальным училищем (с 4-летним сроком обучения детей, имеющих начальное образование).

В школе им был создан ученический кооператив, организована летняя «трудовая дружина» для сельскохозяйственных работ, с подразделениями на отряды, введены некоторые военизированные элементы бойскаутской организации, созданы духовой оркестр, театральный и другие кружки (Макаренко В. Мой брат Антон Семенович. – Марбург, ФРГ, 1985 г., рус. яз., с. 60–66).

Контингент, с которым работал А.С. Макаренко, – преимущественно беспризорные дети и несовершеннолетние правонарушители, большей частью «полусироты», были и «семейные дети». В последние годы его педагогической работы с «воровским стажем» были уже единицы, большинство не имело и «уличного стажа». В горьковской колонии «процент действительно тяжелых», запущенных ребят едва ли был больше пяти». В коммуне дзержинцев, например, в ноябре 1930 г. из общего числа 150 воспитанников более или менее «трудных» было 25–30 (т. 1, с. 128).

Предельная численность воспитанников: в колонии – 400 человек, в коммуне – 500 (при ежегодных выпусках, начиная с 1923 г.). Продолжительность пребывания в этих учреждениях – от 3 до 6 лет. Принимались подростки 12–13 лет. Выпуск производился в 18–19 лет. Соотношение числа воспитанников и педагогов, обслуживающего персонала, мастеров производства и квалифицированных рабочих в оптимальном варианте (до 1934 г.) выражалось как 3:1.

5. С самого начала воспитательно-образовательные учреждения А.С. Макаренко были организованы как «открытые», без ограждений – заборов и сторожей. Применялась лишь обычная охрана территории и зданий от посторонних.

Первостепенное значение имел принцип добровольного пребывания воспитанников в коллективе учреждения, хотя часть их и направлялась туда в порядке принуждения. «Кому в ней (колонии – А.Ф.) не нравится, может свободно уходить» (т. 1, с. 218). «Наша колония представляла собой свободное объединение людей – здесь никого не заставляли жить насильно» (т. 7, с. 96). Это отсутствие формальных препятствий к уходу из колонии сочеталось с системой морально-психологических средств «удержания личности в коллективе».

Другой важнейший принцип – «забвение тяжелого прошлого воспитанников» – это проявление такта и «деликатности» по отношению к детям с трудной судьбой. «...С самого начала педагогический коллектив отказался рассматривать цель своей работы как специфическую, отнесся к воспитанникам как к обыкновенным детям...» (А.С. Макаренко сегодня..., с. 26).

Но элементы перевоспитания в коллективе А.С. Макаренко, несомненно, были. Ему удавалось в течение 3–4 месяцев доводить принятых «трудных» детей до состояния «нормы» и дальнейшую работу с ними вести как с обычными детьми. Прохождение этого начального этапа значительно облегчалось после 1924–1926 гг., когда его учреждение представляло собой уже не «правонарушительский коллектив», а обыкновенный, «нормальный коллектив» и начался период «нормальной работы» (т. 4, с. 139–140).

6. Принципиально не ограничивая себя задачей «исправления», А.С. Макаренко на опыте работы с «трудными» показал высочайший уровень воспитательных достижений, когда дети, молодежь выводятся в «первые ряды общества». В его коллективе воспитанники не только учились (для работы в будущем), но и всем своим образом жизни, посильным трудом вносили ощутимый вклад в развитие материальных и духовных ценностей общества. В этом решительном отходе от «школы учебы» и следовании традициям «школы жизни», труда заключается глубокий смысл макаренковского вклада в решение проблемы коллектива.

В художественно-педагогических произведениях «Марш 30 года», «ФД-1», «Педагогическая поэма», «Книга для родителей», «Флаги на башнях» А.С. Макаренко в качестве основы воспитания в коллективе показал сложнейшую гамму полнокровного взаимодействия детства и юности с жизнью взрослых, социально-культурными преобразованиями. Влияние молодежи на старших в едином трудовом коллективе-общине было важнейшим воспитательным фактором. Это стало одной из главных тем в его пьесах «Мажор» и «Ньютоновы кольца». Не случайно и о себе А.С. Макаренко говорил: «Таким меня сделала колония... Я сделался другим человеком»; «Я благодарен коммунарам: они… и меня во многих отношениях воспитали» (т. 8, с. 15; т. 4, с. 374).

7. В процессе создания и развития своей «педагогическо-хозяйственной коммуны» А.С. Макаренко преодолевал многие трудности, особенно в области «юридических форм и отношений». Коренным недостатком он считал то, что «в своей экономической жизни детское учреждение не имело никаких прав и всецело зависело от снабжения». В массовом опыте «наше воспитание никогда не было социалистическим, ибо быть социалистическим – это значит прежде всего быть основанным на активном экономическом коллективном труде и творчестве». «Ряд детских внутренних организаций, взамоотношений, экономических и юридических форм – вообще вся конституция учреждения должны создаваться им самим» (т. 1, с. 35).

Опираясь на несомненный и признанный многими успех своих воспитательно-образовательных учреждений, А.С. Макаренко предпринял пять попыток дальнейшего расширения и развития своего опыта воспитания в коллективе. В разработанных им проектах (1925, 1927, 1928, 1935–1936) четко обозначены фундаментальные творческие идеи, которые ему удалось осуществить далеко не в полной мере и не совсем так, как он этого хотел.

В начале 1925 г. А.С. Макаренко мечтал: «...Мы представляем себе в будущем серьезную, дисциплинированную производственную семью колонистов, крепкую в хозяйстве, просвещенную в знаниях, которая вокруг себя учредит трудовые коммуны бывших колонистов, связанных с ней культурно и экономически» (А.С.Макаренко сегодня..., с. 30–31).

Он указывал на неэффективность «мелких воспитательных предприятий», настаивал

на создании «мощных очагов воспитания» (на 10–12 тыс. воспитанников). Они должны быть основаны на «экономном и точном расходовании личных и материальных сил в условиях крупного производства и сложного коммунального быта» (т. 1, с. 41).

Насколько серьезными и обоснованными были его масштабные проекты, говорит тот факт, что в сентябре 1928 г. в Украинском ЦИКе возник план поручить А.С. Макаренко организацию на границе с Афганистаном сети колоний для беспризорных детей на 40 тыс. воспитанников, взятых из Украины (Ты научила меня плакать... Переписка А.С. Макаренко с женой. Том 1. – М., 1994, с. 114).

8. Новаторство А.С. Макаренко, как и других классиков педагогики, по сути является производным от его творческих поисков в «базисных» отраслях социально-гуманитарного знания. Внимание к существующему и предшествующему опыту воспитания в духе коллективизма – органический элемент его неустанного поиска, осмысления и реализации в педагогике новых целей, ценностей и средств. Изумительна его способность к выявлению ситуаций, когда «старые педагогические предрассудки представляют как новейшее достижение» (т. 3, с. 484). Непонимание макаренковской диалектики «старого» и «нового» – главная причина критики его идей и опыта как «слева», так и «справа».

Отражая универсальную проблематику различных социально-этических систем, А.С. Макаренко воплотил в своей трактовке коллектива своеобразное решение трех фундаментальных проблем: соотношение категорий прошлого, настоящего и будущего (вектор времени, «вертикаль»); соотношение индивидуального, коллективно-общинного и общечеловеческого (вектор пространства, «горизонталь»); соотношение эмоционального, интеллектуального и практически-волевого начал (вектор пространства в структуре личности). Решая проблему коллектива, он обращался к коренным проблемам бытия и развития человека, смысла жизни, свободы и ответственности.

История педагогики показывает, что по отношению к триаде «прошлое – настоящее – будущее» выделяются две концепции педагогики: оптимистическая и пессимистическая. В отношении триады «индивидуальное – общинно-коллективное – общечеловеческое» эти концепций выступают как социальная или индивидуалистическая. По линии триады «эмоциональное – интеллектуальное – практически-волевое обозначается направленность или к целостному и гармоническому развитию человека или к одностороннему, ущербному.

9. В трактовке коллектива А.С. Макаренко выступает как представитель оптимистической педагогики творческого созидания, решительный противник простого приспособления (адаптации) к существующему. Он олицетворение социально-личностной концепции педагогики, отвергающей как поглощение человека социумом, так и утопическое представление о расцвете личности на основа индивидуализма. Его идеал – сообщество, в котором «отдельная личность будет и наиболее дисциплинирована, и наиболее свободна» (т. 3. с. 457), где будет высоко поднят социальный статус молодежи, дан простор ее коллективной, созидательной энергии, творчеству нового.

Центральное место во взглядах А.С. Макаренко на коллектив занимают идеи социализма и коммунизма, воспринятые в их историческом развитии как универсальная ценность.

Для него это прежде всего «возвышение человека», общее благо, трудовая мораль, взаимопомощь, «ценность человеческой личности» (т. 3, с. 398). «Не может быть воспитания, если не сделана центральная установка о ценности человека» (т. 1, с. 249). В педагогике нужно отразить «новые позиции человека на земле... новые принципы общественной», творческой дисциплины» (т. 7, с. 457).

Полагаясь на длительный и необычайно успешный опыт своего «воспитательного коллектива», А.С. Макаренко стремился превратить педагогику в «активную, целеустремленную, политическую науку», «прежде всего науку практически целесообразную» (т. 4, с. 51, 126).

Теоретически и технологически разработанная им «система перспективных линий коллектива и личности» позволяет производить «сдвиг» будущего на реальности сегодняшнего дня. Сочетание перспектив с учетом их «дальности» и социально-личностного смысла, а также влияния на эмоционально-волевую сферу личности рассматривается многими педагогами как выдающееся открытие, уникальный инструмент педагогической теории и практики.

(Опубликовано: Фролов А.А.// Живые педагогические идеи. День памяти, посвященный А.В. Плеханову. – Владимир, 1996)

В современной психологи и педагогике под непрерывностью понимается обретение ребенком определенных психических процессов и его «введение» в жизнь социума, где он будет действовать в течение всей своей жизни, позиционируя себя по отношению к обществу и другим личностям. Самые важные психические процессы – память, мышление, речь, самостоятельность в поведении, мотивационная готовность к жизни, накопление жизненного опыта.

Личностно-субъективное составляет «ядро» психики индивида, оно сохраняется на каждом возрастном этапе жизни человека, хотя процессы восприятия и понимания мира им постоянно изменяются. Данная преемственность, именуемая онтогенетической, в условиях необычайно быстрого развития современного общества становится особенно значимой в становлении ребенка как личности. Соответственно возрастает и роль педагогики и психологии в осуществлении непрерывного образования – обучения и воспитания.

В течение XX в. педагогика и психология при больших переменах в основах наук и научных парадигмах перестали быть лишь дескриптивными (прерывистыми, состоящими из отдельных частей) науками или просто моральным мерилом сущности человека. Развиваясь, они навели мосты между объективно-субъективным миром и миром субъективно-субъективным. Второе ранее представлялось лишь как описание состояний. Это присуще ранней психологии и «парной педагогике» (как выражался А.С. Макаренко). Они отражали идеалистическую философию 30-х гг. XVIII в.

Педагогика и психология обратились к понятию «личность», имея в виду прежде всего положение человека в пространстве и времени, не только в изменении, но и в устойчивости его жизненных принципов и ориентиров.

Изучение личности в аспекте времени (диахронно и синхронно) и в изменяющейся среде (в пространстве) позволило выйти за рамки эпистемологических научных подходов, ставших тупиковыми.

Данные подходы в свое время внесли большой вклад в развитие современной науки, но далее оказались недостаточными, тесно связанными лишь с естественнонаучным, номотетическим «разорванным» мировоззрением. Такие подходы вносят в психологию и педагогику номинализм (отрицание реальности существования общего), феноменализм и эмпиризм (ограничение познания ощущениями, непосредственным опытом), а в итоге – методологический индивидуализм.

В контексте непрерывного воспитания педагогику и психологию можно воспринимать в русле акмеологии изучения личности в ее способности достигать вершин, предела своего развития. К этому направлена «система перспективных линий» А.С. Макаренко, имеющая приоритетное значение в его наследии [1, с. 311].

А.А. Фролов данную систему характеризует как проявление базовых категорий пространства и времени, определяющих методологию, теорию и практику педагогики [2, с. 12–15]. Личность изменяется в зависимости от обстоятельств ее жизнедеятельности, а она зависит от общего социального контекста, изменений в социуме. Социальная система, несмотря на свои инварианты, не является устойчивой и данной раз и навсегда.

Происходят изменения в сфере «понимания». Как говорит М.М. Бахтин, «нельзя понимать понимание как становление себя на чужое место или как перевод с чужого языка на свой зык» [3, с. 371]. Важно понять реальность как совокупность смысловых отношений разных «Я». Сфера понимания – сумма смысловых-знаковых отношений, она полифонична, диалогична и полисемична.

Чтобы характеризовать личность, играющую свою роль в обществе, педагогика и психологи должны учитывать данную смысловую-знаковую совокупность, включая ее в контекст современности. Констатация этого понимания должна сопровождаться пониманием множества ценностей и нормативно-ценностных процедур, которые присущи человеку как личности, действующему лицу в его «среде обитания». Реальность предстает как множество знаков-символов, образующих фактуальный базис.

Поэтому мы согласны с М. Вебером: «действием мы называем действие человека, если и поскольку действующий индивид (или индивиды) связывают с ним субъективный смысл [4, с. 369].

Уже в конце XVIII в. в имперской России «социальные критики» (Белинский В.Г.,

Добролюбов Н.А.) показывали, что окружающая человека среда образует и влияет на человека больше и сильнее, чем само общество или полученное индивидом образование. В связи с этим кажется уместным и целесообразным рассматривать роль непрерывного воспитания в учреждениях, которыми руководил А.С. Макаренко, особо выделяя при этом его «систему перспективных линий».

А.С. Макаренко рассматривает воспитание всегда в исторической перспективе как процесс непрерывного духовного и социального развития, существования личности. Как и Г.В. Гегель, он в своем времени видел историческое явление. Г.В. Гегель считал: успехи образования мы видим там, где учителю удается провести ученика через историю культуры во всей ее протяженности и полноте. А.С. Макаренко доказывал историческое значение воспитания и перевоспитания. Он исходил из того, что социалистическое общество является обществом постоянного движения вперед [6, с. 18] и учил: надо воспитывать у детей способность преодолевать «границы» общества, в целях его прогрессивного развития.

На наш взгляд, его «система перспективных линий» является проявлением идеи «тройственности» в гегелевской философской системе [5, с. 4]. В качестве тезиса, антитезиса и синтеза у А.С. Макаренко выступают постановка перспективы, ее развитие и переход на качественно новый уровень личной, коллективной и общественной жизни. Перспектива служит средством определения себя, совершенствования и самоопределения личности и общества в целом.

«Перспективные линии» имеют два вектора: пространство и время. Их линии развиваются по спирали, то есть проблематично. Три вида перспектив: близкая, средняя, дальняя – соответствуют трем уровням развития личности: узколичному, коллективистскому, общественному [1, с. 311–316].

Такой подход очень важен в отношении непрерывного воспитания, он обеспечивает передачу определенных ценностей, социальных навыков от одного поколения к другому. Это осуществляется путем образования и развития традиций.

Макаренковское учреждение можно считать социальным микроареалом на групповом уровне, в коллективе этого учреждения. Совокупности личностей, действующих в колонии им. Горького и в коммуне им. Дзержинского присущи общие поведенческие черты, формы, не возникающие у индивидов в отдельности, в процессе индивидуальной жизни. Они появляются в коллективном взаимодействии, интеракции. Здесь происходит интенсивный обмен информацией и коммуникацией, действует редупликация и трансляция. И все это располагается по осям пространства и времени.

Наши общие выводы таковы:

1) Процесс непрерывного воспитания совпадает не с процессом обучения, а с приобретением личного социального опыта. Идея непрерывности воспитания уходит своими корнями далеко в историю вплоть до Я. Коменского и Г. Песталоцци. Это их тезис: «Жизнь образует», она развивает ум, дух, волю и чувства ребенка в их единстве, то есть создает жизнеспособность личности, ее главнейшее социально-моральное качество.

2) Проблема непрерывного образования, воспитания в психологии и педагогике выступает не в виде узкоспециализированного научного подхода, а как социально значимый предмет исследования. Сегодня, в условиях постмодернистского общества психология и педагогика должны владеть инструментарием, который может дать наиболее полное представление об окружающей нас среде. Характерной чертой нашего времени продолжает оставаться фрагментация знания, его «коллажирование». Это кризис, понимаемый не столько как «непреодолимый момент», сколько как «разумный выбор», в этимологическом смысле.

3) Непрерывное воспитание позволяет находить черты, объединяющие обучение и воспитание в один диалектически-целостный процесс. Это то, что является главным фактором полноценного развития личности, благодаря когнитивно-смысловому подходу к педагогическому решению жизненных проблем и ситуаций.

Формирование у человека социальных ценностей и навыков на основе макаренковской «системы перспективных линий» позволяет преодолевать сведение сложнейших явлений человеческой жизнедеятельности к стандартному культурному клише, в особенности к установке «мы» и «чужие», что становится совершенно недопустимым в современной развивающейся межкультурной политике.

Литература

1. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. – Т. 1, М., 1993.

2. Фролов А.А. Пространство и время – базовые категории в методологии, теории и практике педагогики// Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 3. 1932–1934 гг. – Н.Новгород 2009.

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

4. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.

5. Меттини Э. Гегелевские мотивы в творчестве А.С. Макаренко// Духовно-нравственное воспитание в современном образовании: Макаренковские педагогические чтения. Вып. 5. – Волгоград, 2007.

6. Патаки Ф., Хиллиг Г. Самоутверждение или конформизм? К вопросу идейно-политического становления А.С. Макаренко// Опускула Макаренкиана, №6. – Марбург, 1987.

(Автор: Меттини Э., магистр филос., ун-т г. Пизы, Италия. Дается по докладу, сделанному на IX конкурсе им. А.С. Макаренко школ-хозяйств и Макаренковских чтениях, 1–5 апр. 2011 г., Москва.)

А.С. Макаренко в Германии: детдомовское воспитание, «жизненное проектирование»

Вскоре после объединения Германии немецкие специалисты по Макаренко на Востоке и Западе вступили на путь общей работы. Происходило их заинтересованное сближение, появились новые, обнадеживающие планы.

Это происходило на фоне возникшего в конце 1950-х гг. в западной части Германии по инициативе авторитетных педагогов-ученых позитивного отношения к макаренковскому наследию. В 1966 г. в Марбургском университете начала действовать лаборатория «Макаренко-реферат». В течение почти четырех десятилетий она активно способствовала выработке новых подходов к освоению и использованию этого наследия; несмотря на существенные различия и разногласия в направленности исследований.

С коренным изменением социально-экономической ситуации в стране отношение к Макаренко вскоре стало резко негативным. Мощные усилия были направлены на то, чтобы представить ГДР как неправовое государство. Немаловажное значение в этом приобрело все возрастающее враждебное отношение к макаренковским педагогическим идеям и опыту воспитания молодежи.

Приписываемое только Макаренко понятие «коллективного воспитания» стало использоваться для противопоставления идее отдельной личности, самостоятельной индивидуальности. На этой основе демонстрируется принципиальная разница систем социализма и свободного демократического общества. Макаренковское наследие оказалось в фокусе политики времен «холодной войны». Это противостояние искажает суть дел, препятствует плодотворным педагогическим дискуссиям и приносит неожиданные «плоды».

Они видны при возникновении проблемы «детдомовское воспитание». После объединения Германии она с особой остротой стала осуждаться общественностью. Это вполне объяснимо, так как в общем понимании судьба «детдомовских детей» тесно связывается с несчастным детством, вызывает сочувственное внимание.

Такое отношение использовалось для очернения ГДР, т.к. детдомовское воспитание в ней представлялось как недопустимая фальсификация методов воспитания и «черная педагогика», что в немалой степени связывалось с идеями и практикой Макаренко.

Но в результате возникла непредвиденная ситуация. В 2006 г. в публикациях о «прошлой истории детдомовских детей в ФРГ» (после 1945 г, до 1970-х гг.) эта история представлена общественности как «сценарий ужасов». Некоторое время спустя стали известны ошеломляющие многочисленные случаи сексуального насилия не только в детдомах, но и в школах-интернатах, преимущественно церковно-католических.

Общественное потрясение было настолько велико, что политические власти и церковь решились на ряд мер. Предложено учредить «круглый стол», который занимался бы глубокой просвещенческой работой, профилактикой, терапией нанесенного вреда и выплатой компенсаций пострадавшим. Продолжающееся обсуждение проблемы детдомов приобрело общественно-политическую направленность. Происходит пересмотр обвинений в адрес системы воспитания в детских домах ГДР, она освобождается от приписыва-

ния ей враждебного отношения к детям.

Обостренная политическая и идеологическая атмосфера рассмотрения проблемы детдомовского воспитания непродуктивна. В этой сфере воспитания существуют многочисленные трудности, в том числе и относительно независимые от общественно-политических условий. Нужен разумный, профессиональный взгляд на различие детдомовского воспитания на Востоке и Западе. Акцент должен быть сделан на педагогической проблематике, она должна рассматриваться и разрабатываться в плане перспектив детского дома, основ воспитания в нем.

Современная практическая ситуация в детдомовском воспитании очень противоречива. Прежде всего нельзя игнорировать тот разумный факт, что воспитание в детдоме – это по сути есть жизнь детей в особом сообществе. С этой точки зрения нынешняя детдомовская педагогическая практика разочаровывает своей искусственностью, произвольной изолированностью детей и индивидуальной опекой их чуть ли не в клиническом смысле. С другой стороны, используется дисциплинирующее групповое воздействие.

Но все больше пробивает дорогу проектное ориентирование, т.е. взаимодействие детей, направленное на выполнение задач, в ходе чего они объединяются добровольно. Это становится ядром так называемой «жизненной педагогики». Она строится на том, чтобы сделать повседневную детдомовскую жизнь объектом совместных дел и переживаний, более богатой и интересной, что устраняло бы ее ограниченность и «жестокость».

Контуры данной педагогической концепции видны в том, что можно назвать совместным выполнением задач: взрослые и дети, совместно занимаясь каким-то делом, соединяют свою направленную на его выполнение активность. Оказываясь перед возникшими трудностями, они создают собственные, соответствующие целям поведенческие стратегии и решения, образуют социальные и организационные структуры.

Именно такой ход мыслей и практики виден у Макаренко. Колонию им. М. Горького можно назвать гигантским «проектом жизненной педагогики», проектом в самом строгом смысле этого слова. Речь идет о жизненно важных основах детско-взрослого сообщества, т.е. о снабжении самих себя необходимым, а затем и об экономической рентабельности своей жизнедеятельности.

Воспитательный эффект в макаренковской колонии основывался и на том, что молодые люди видели и понимали взаимозависимость, связь друг с другом и со взрослыми. Вновь прибывшие ставились перед выбором: сотрудничать или «улизнуть» (отлынивать). Оценка человека производилась по степени восприятия ответственности за выполнение нужных общих дел. В процессе совместной договоренности и «коллективизма» создавались целесообразные формы управления и кодекс поведения, предусматривающий взаимную инициативу и ответственность. Самым страшным наказанием было отлучение от принадлежности к коллективу или даже исключение из него.

Если даже и есть сомнения в том, что у Макаренко все так и было в действительности («выдумка и правда»), – стоит все же задуматься об использовании основной идеи *«проектной ориентированности»*. Есть основания утверждать, что содержательно-качественная разработка этой идеи является судьбоносной, ключевой в деле детдомовского воспитания. Только так оно сможет получить будущее, надежную перспективу. Воспитание не должно опускаться до объединения детей и подростков в сообщество на уровне лишь их материально-бытового снабжения (простого жизнеобеспечения) или превентивного заключения, содержания в подобном состоянии.

Макаренко был на правильном пути. Большим несчастьем для педагогической практики и теории будет, если этот путь будет утрачен.

В связи с социально-политическими изменениями вполне естественно, что стал горячо дискутироваться вопрос: каким образом соотносятся *политика* и *воспитание*. В этом смысле поиск истины в наследии Макаренко имеет значение, далеко выходящее за рамки детдомовского воспитания. Если исходить из того, что факт воспитания и выбор его средств и способов обусловлены тем, что взрослые и дети совместно проживают и действуют, решают жизненные задачи, вместе переживают ход и результаты сделанного, – то становится ясно, что воспитание осуществляется не «по заданию» политики, а следует своим «внутренним» правилам и закономерностям, устанавливая *со своей стороны* отношения с политикой.

На практике это происходит таким образом, что детско-взрослое сообщество при выполнении задач соприкасается с благоприятными и неблагоприятными окружающими

условиями, с которыми оно должно сосуществовать. Оно, пусть и в небольшой степени, включается в общественный процесс, в целях удовлетворения собственных интересов. Это стремление направлено на социально справедливое положение данного сообщества, понимаемое как такое состояние общества, которое направленно на развитие, дающее молодым людям удовлетворение и уверенную жизненную перспективу.

Здесь следует учитывать и духовно-сознательный компонент. Он выражается в том, что через детско-взрослое сообщество проверяются политические, идеологические, моральные, религиозные, эстетические взгляды, с которыми оно соприкасается, которые ему предлагаются. Важно, насколько они пригодны в качестве объяснения и ориентира практических действий сообщества, осуществления в нем успешных и социально справедливых отношений. Эта проверка и оценка проистекают из того, как общественная среда влияет и воспринимает взгляды данного сообщества, смысловое содержание его жизнедеятельности, т.е. ее политическую, мировоззренческую и моральную *направленность*.

Воспитание на основе жизнедеятельности детско-взрослого сообщества вступает в реальное отношение со всем обществом. Тем самым *ответственность* за политическое воспитание выступает на уровне *педагогической деятельности* союза-взаимодействия взрослых и детей. Вмешательство в него извне должно отвергаться как ненужная и вредная опека.

Следует решительно отказаться от легенды о неизбежной политической режиссуры в сфере воспитания. Уже во времена существования ГДР в научных кругах существовали взгляды и концепции, которые являли собой *отклонение* от общепринятого тогда представления: политика «ставит задачи», «играет ведущую роль в воспитании», она может произвольно вмешиваться в воспитательный процесс. Повсеместно действовал тезис о «внедрении социалистического сознания в рабочий класс». Этот тезис, опиравшийся на марксизм-ленинизм, в действительности являлся искажением взглядов Маркса о превращении пролетариата в субъект истории и о решающей роли революционной *практики* в процессе образования социалистического сознания.

Педагоги, воспитатели в вопросе справедливого социального положения детского сообщества и его интересов стоят на стороне детей, независимо от своих личных политических и идеологических взглядов. Это их «профессиональное» политическое поведение, которое от них требуется и которому они должны точно соответствовать.

С этой точки зрения они *задаются вопросом* о состоянии *существующих общественных отношений:* каково пространство для целесообразной совместной воспитательной деятельности, направленной на благоприятное развитие детского сообщества. Это *политическое* понимание, оно зависит от *профессиональной* ответственности и компетентности педагогов. В период политических перемен это имеет особую актуальность.

Дальнейшая работа над наследием Макаренко необходима прежде всего потому, что она дает импульс для новых опытных решений и размышлений, с учетом уже сделанного и апробированного.

(Автор – Маншатц Э., проф., Германия, Берлин. Его книги:

1. Общее для взрослых и детей решение задач как средство организации специально-педагогической деятельности. Основания для размышлений по выявлению педагогического содержания концепции Макаренко. – Берлин, 2003, нем. яз.

2. Детдомовское воспитание. К проблеме споров о формах заботы. – Берлин, 2007, нем.яз.

3. Что, черт возьми, есть, собственно говоря, воспитание? – Берлин, 2010 г., нем. яз.)

О содержании издания, данного тома

Данная Часть 5 издания «А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания...…» – это продолжение издания нового собрания его сочинений, в виде «учебной книги». Начало этому положила книга А.А. Фролова «А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939–2005 гг., критический анализ)», издана в Н.Новгороде в 2006 г.

Так возникла серия из 8 ежегодно выпускаемых книг (1-я часть нового издания макаренковских трудов вышла в 2007 г.; 6-я часть, последняя, выйдет в 2012 г.). Завершить серию предполагается книгой «Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии, социаль-

но-гуманитарных основ». В Части 3 началось печатанье подготовительных материалов к ней, в форме вступительной статьи, на основе уже опубликованного в разных изданиях. Это продолжено в 4–5-х частях и будет закончено в Части 6.

Задуманный итоговый труд отражает исследовательскую работу, проведенную в ходе нового издания макаренковских трудов, в процессе обобщения и критического анализа результатов изучения, теоретического и практического использования макаренковского наследия в СССР, России и других странах в течение уже более 70 лет.

О возможности и необходимости макаренковедческого исследования с высоким уровнем обобщения свидетельствует проведенный в январе 2008 г. в Федеральном институте развития образования симпозиум «Современный Макаренко: методология, теория и практика педагогики». Его материалы опубликованы в сборнике под этим названием (М., ФИРО, 2008) и в издании: Макаренко: альманах, М., 2008, №1.

Далее начался выпуск брошюр «Наследие А.С. Макаренко: современная разработка и перспективы (в аспекте методологии педагогики)». Сделано 3 выпуска (Н.Новгород, 2009, 2010 гг.). В выпуске 1 помещены тезисы 14 специалистов; в выпуске 2 – 23, авторы из России, Украины, Германии, Польши, Беларуси, доктора и кандидаты наук, специалисты по педагогике, философии, социологии, психологии.

Итоговый макаренковедческий труд по методологии педагогики задуман как приближение к осуществлению замысла А.С. Макаренко, которого ему не удалось осуществить. Он хотел написать «книгу по педагогике», «важный и капитальный труд о воспитании». Он приступал к этой работе, заявлял о ней несколько раз: в 1928 г., в конце 1932–начале 1933 гг., летом 1936 г. А еще раньше, осенью 1922 г., он намеревался «огромный опыт двух лет, вызвавший множество вопросов, обработать научным образом» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда воспитания...… Часть 1, с. 39).

В новом издании трудов А.С. Макаренко он предстает как социальный педагог-реформатор, классик педагогики, органически совмещающий качества педагога-практика, мыслителя и писателя, художника слова, публициста, общественного деятеля.

Новое издание необычно, имеет характерные особенности. Материалы даются в строгой хронологической последовательности (от первой части до последней). Нет разделения материалов «по жанрам». В общем потоке представлены многообразные авторские материалы А.С. Макаренко: статьи, выступления, деловые и личные письма, художественно-педагогические произведения, различные подготовительные материалы, записи.

Все написанное и сделанное им предлагается к восприятию в общем «потоке жизни». Это соответствует его концепции педагогики, идее «школы жизни, труда, воспитания». Таким образом можно приобщиться к его методологии педагогики, видеть и осмысливать педагогические явления и процессы в их масштабности, многообразии и единстве, постоянном развитии.

К этому ведет и нераздельность материалов, относящихся к педагогической теории и практике. Жизненно-ориентированная педагогика А.С. Макаренко примечательна согласованностью теории и практики. Границы его педагогики и ее задачи четко ограничены выявлением закономерностей в сфере взаимодействия педагогических целей, средств и результатов.

В издании предусматривается и общий социальный «фон» деятельности и идей А.С. Макаренко. В рубрике «Дополнения» приводятся сведения и факты, сопутствующие появлению тех или иных макаренковских материалов и действий. Даны многочисленные документы его колонии им. М.Горького, коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, отдела трудовых колоний НКВД УССР, различных государственных и общественных организаций.

Издание претендует на полноту представления известных исследователям к настоящему времени произведений, различных авторских материалов А.С. Макаренко, документов о его деятельности. Среди них много неизвестных ранее и малоизвестных, не вошедших в предыдущее, 8-томное собрание его сочинений (М., 1983–1986 гг.).

Стремление обратить внимание прежде всего на эти новые материалы побудило составителей к публикации макаренковских художественно-педагогических произведений лишь в их фрагментах, имеющих преимущественно научно-теоретическую ценность. (Отдельные издания этих произведений многочисленны и доступны). Таким образом удалось удержать издание в целесообразном объеме.

Издание трудов А.С. Макаренко в виде «учебной книги» – еще одна его уникальная

особенность. Эта учебно-познавательная направленность реализуется в материале «От составителей», в расширенных комментариях, «Учебно-методическом материале» и списке публикаций (включая авторефераты диссертаций), сделанных в последние годы по макаренковедческой и близкой к ней проблематике.

Комментарии в учебных целях не только содержат многоаспектный материал (отражающий современные трактовки и многочисленные попутные сведения), но и печатаются не в конце книги (там их обычно не читают), а сразу после текста А.С. Макаренко, побуждая читателя к вдумчивому его восприятию, сравнению с предыдущими и последующими текстами.

Объективность авторских комментариев может быть проверена повторными обращениями к макаренковским авторским материалам.

Начиная с Части 2 издания в каждом из них в конце книг дается «Дополнительный материал». Это тексты А.С. Макаренко и документы, выявленные позднее, они дополняют содержание 1-й и последующих частей (томов).

Часть 5 издания значительно отличается от предыдущих: в ней уже нет привычных материалов о непосредственной работе А.С. Макаренко в его колонии-коммуне. Новым и ценным является отражение его продолжающейся социально-педагогической деятельности: в отделе трудовых колоний НКВД УССР, в Киеве (сначала в качестве пом. нач. ОТК, затем консультанта). Ранее об этом периоде его творчества было практически неизвестно, что приводило к разного рода домыслам и инсинуациям.

Начало этого периода освещается в Части 4, со с. 70. Часть 5 охватывает его до конца, а также начало жизни А.С. Макаренко в Москве, когда он целиком занят литературной, публицистической, общественной деятельностью. Это еще слабо изученный, новый этап его творчества как социального педагога-реформатора.

В это время он выходит на новый уровень своих обобщений, все теснее связывая педагогику с развитием общественной жизни, различными областями социально-гуманитарного знания. Центральное место в Части 5 занимает подготовка и публикация «Книги для родителей».

Комментарии к текстам А.С. Макаренко начинаются с указания на источник, по которому печатается текст. Публикуемые впервые материалы обозначаются ссылкой на архивный источник.

Хронологически тексты располагаются по времени их написания или публикации, если время написания неизвестно. В наименовании материалов дата ставится, когда это наименование имеют несколько текстов. В комментариях биографические сведения об отдельных лицах даются лишь в рамках рассматриваемого периода. Фамилии руководства коммуны, администрации и актива самоуправления выделяются курсивом.

О проведённой составителями работе над текстами: устранении купюр, уточнении текста, дат и т.д. – не сообщается (за исключением наиболее значимых случаев). Введённые составителями в текст слова (пропущенные или уточняющие) даются в квадратных скобках. Сокращение отдельных мест (обычно при общем сокращении текста источника) отмечается отточиями. Не сообщается о первой и последующих публикациях, о имеющихся разночтениях, а также о переводе с украинского языка (обо всём этом обычно говорится в комментарии к источнику, по которому сделана публикация).

В разных томах издания в макаренковских текстах повторяются идеи, факты, лица, требующие пояснений. Это ведёт к некоторым повторам в комментариях по томам. Тогда отмечается и нечто новое, соответствующее иным обстоятельствам, логике развития социально-педагогических явлений и процессов. Так отражаются и более точные определения, которые дают составители издания в ходе изучения и комментирования дальнейших публикуемых материалов.

Ссылки на издание Пед. соч. А.С. Макаренко в 8 томах (М., 1983–1986) делаются в том случае, если тот или иной материал еще не включен в наше издание, выходит за хронологические рамки его томов. После опубликования в нем ссылки делаются на соответствующий том.

В Именном указателе повторяются некоторые лица, отмеченные в указателях к Частям 1, 2, 3 и 4 издания. Это люди, принимавшие участие в деятельности А.С. Макаренко длительное время.

Цитаты-эпиграфы на первых страницах книги отражают наиболее важные социально-педагогические идеи А.С. Макаренко. Даются в основном в хронологических рамках Ча-

сти 5 издания.

Подписи к фотографиям

На форзаце в начале книги

1. А.С. Макаренко (фото 1934 г., до июня).

2. Обложка первого издания «Педагогической поэмы» на укр. яз. (1935 г.)

3. Письмо А.С. Макаренко Л.М. Салько, 17 янв. 1934 г.. автограф (по публ.: Опускула макаренкиана, №24. – Марбург, 2001, с. 52).

4. Из записной книжки А.С. Макаренко, запись выступлений родителей на встрече с ним, без даты, ориентировочно осень 1937 г. и далее (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 191, л. 34).

5. А.С. Макаренко (1935 г.)

6. Фото в «Литературной газете», 1 мая 1937 г. Комментарий А.С. Макаренко к нему: «В день Первого мая».

7. Коммунары-дзержинцы, выпускники 1937 г., слева направо: З.С. Клямер (впоследствии – командир танкового батальона, участвовал в советско-финской войне (кон. 1939–нач. 1940 гг.), в Великой Отечественной войне (1942–1943 гг.); нач. штаба Сивашской гвардейской танковой бригады в войне с империалистической Японией (осень 1945 г.), награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды; в отставке (командир полка) с 1958 г., инженер на ленинградском Кировском заводе, В.Г. Зайцев (впоследствии журналист, автор «Рассказов о Макаренко», – М., 2-е изд., 1974 г.; изд. на нем. яз., Берлин, 1984), В.Т. Цимбал (затем морской пехотинец, участник десанта на Керченский полуостров в Великую Отечественную войну, в ноябре 1943 г. присвоено звание Героя Советского Союза, посмертно), А.А. Ященко (работница завода «ФЭД»).

На форзаце в конце книги:

8. А.С. Макаренко, март 1936 г.

9. А.С. Макаренко, ориентировочно 1933–1936 гг.

10. Титульный лист «Книги для родителей», 1937 г.

11. Из записной книжки А.С. Макаренко, обсуждение «Книги для родителей» с читателями, ориентировочно осень 1937 г. и далее (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 191, л. 35)

12. Начало статьи А.С. Макаренко в «Литературной газете», 30 июля 1937 г.

13. Фрагмент рукописи седьмой главы «Книги для родителей», автограф А.С. Макаренко.

14. А.С. Макаренко, ориентировочно 1936–1937 гг.

15. Коммунары-дзержинцы, выпускники 1937 г., слева направо: А. Гуляев (фрезеровщик на заводе «ФЭД», затем ст. сержант, погиб в Великую Отечественную войну), А. Ященко, З. Клямер

На стр…. 6

16. А.М. Горький.

17. А.А. Фадеев, писатель.

18. П.А. Павленко, писатель.

19. Ф.И. Панферов, писатель.

20. Ю.Б. Лукин, редактор «Марша 30 года» А.С. Макаренко, литературовед, начало 1930-х г.

21. Правая сторона удостоверения А.С. Макаренко – сотрудника НКВД УССР, февр. 1936 г. (дано по публ.: Опускула макаренкиана, №22. – Марбург, 2000, с. 65).

22. Факсимиле распоряжения врид. нач. ОТК НКВД УССР о возвращении «Временных методических указаний…...», с резолюцией 25 авг. 1936 г. В.С. Бермана, начальника коммы им. Ф.Э. Дзержинского: «Исполнить эту «блестящую» работу Макаренко» (дано по публ.: Опускула макаренкиана, №22. – Марбург, 2000, с. 135).

23. Фото из газ.-многотиражки «За советский подшипник», 3 ноября 1936 г., с подписью: «Недавно по приглашению заводской библиотеки на завод приезжал автор «Педаго-

гической поэмы» т. Макаренко. На снимке: тов. Макаренко (в центре) беседует с работниками завода».

24. Дом в Киеве по ул. Леонтовича, 6, кв. 21, где жила семья А.С. Макаренко с августа 1935 г. и в 1936 г. Дается по изд.: Антон Семенович Макаренко. Жизнь и творчество в документах, фотографиях, иллюстрациях. Изд. 2-е, перераб. и доп./ Сост. П.Г. Лысенко, И.С. Убийвовк. – Киев, 1978. Возможна ошибка, т.к. в одном из источников говорится о 5-этажном доме, без лифта. В настоящее время – Леонтовича, 6а, кв. 22. В издании: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания…..., Часть 4, на форзаце в конце книги дано построенное позднее на этом месте новое здание).

На стр…. 7

25. М.В. Шелухин, в колонии им. М. Горького в 1921–1925 гг., фото середины 1930-х гг., курсант, затем ст. лейтенант, нач. штаба кавалерийской части, участвовал в обороне Киевского укрепрайона в Великую Отечественную войну, погиб. В «Педагогической поэме» – «радостно-благородный Матвей Белухин».

26. А.П. Нечаев, в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского в 1933–1937 гг., фото второй половины 1930-х гг., остался работать на заводе «ФЭД», в 1943 г. ушел добровольцем в армию, погиб в сентябре 1944 г. при освобождении г. Шумен, Болгария.

27. Т.П. Золотарева (Мороз), в коммуне им Ф.Э. Дзержинского в 1931–1935 гг., осталась работать на коммунарском заводе, затем получила финансово-экономическое образование, работала в Сибири, в Москве. Фото второй половины 1930-х гг.

28. В.Д. Шмыгалев, в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского в 1927–1934 гг, по призыву А.С. Макаренко участвовал в оздоровлении Киевской трудовой колонии НКВД УССР №5 (в Броварах, вместе с А.С. Сватко и М.К. Бобиной), в Великую Отечественную войну офицер контрразведки, награжден орденом Славы, далее в Киеве, в органах госбезопасности. Фото второй половины 1930-х гг.

29. Н.В. Курьянова, в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского в 1933–1937 гг, учитель истории в школе Ворошиловграда, директор школы рабочей молодежи в Севастополе, воспитатель школы-интерната, депутат районного и поселкового советов. Фото конца 1930-х–начала 1940-х гг.

30. Г.И. Галкин. Выпускник коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, по приглашению А.С. Макаренко в 1935 г. сотрудник ОТК НКВД УССР, участвовал в оздоровлении Броварской и других колоний.

31. И.И. Волченко, Е.С. Пихоцкая, выпускники коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Фото конца 1930-х–начала 1940-х гг. (в «Марше 30 года» и «ФД-1» – И. Волчок), Е.С. Пихоцкая стала работницей коммунарского завода электроинструмента, затем эвакуированного завода в Казахстане, потом завода «Коммунар» в Харькове. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

32. Выпускники коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, слева направо, в первом ряду – А. Стреляный, М. Пятко, Л. Тулецкая; во втором ряду – Д. Брегель, В. Зозуля (потом жена А. Стрелянова), далее два лица не установлены. Фото конца 1930-х–начала 1940-х гг. Л. Тулецкая окончила институт иностранных языков в Харькове, затем в Молдавии, добровольцем ушла на фронт, была переводчицей с нем. яз., оказалась в плену, повешена фашистами.

На 4-й стр. обложки:
составители данной части: С.И. Аксенов, А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова.

Письмо Т.А. Милляр, 10 июля 1936 г.

Киев, 10 июля 1936 г.

Уважаемая Татьяна Александровна!

Сегодня я получил Ваше письмо, отправленное через Гослитиздат, и спешу ответить. Я очень благодарен Вам за искренний и открытый отзыв о некоторых местах и тенденциях «ПП»[1], – поверьте, это для меня дороже самой квалифицированной критики. В ознаменование моей благодарности отвечаю Вам так же искренно и так же подробно. Только давайте по пунктам.

1. Ваше общее отношение к книге. Вам хотелось ругаться – и все-таки Вы читали и перечитывали книгу. Что же, это меня больше всего радует, это доказывает, что в книге написана правда, а правда вызывает отношение всегда противоречивое. Жизнь не состоит из одних идеальных вещей, и в этом ее прелесть. Такова была и есть и моя жизнь, и, вероятно, Ваша. Жизнь всегда есть цепь коллизий, следовательно, всегда приходится отступать от идеального поступка[2], приходится жертвовать какой-то одной истиной для того, чтобы другая истина жила. Разве Вы не замечали этого жизненного закона? Если хотите, это закон диалектики. Именно потому Вы мои книги читали с увлечением, что я не прикрыл и не прикрасил моих трагедий.

Пощечина Задорову[3]. Вы не совсем ясно говорите об этом. Я, например, не понимаю, в каком смысле Вы поднимаете вопрос о моей трусости, «недостаточной смелости» в моем характере. Может быть, Вы упрекаете меня в том, что я прямо не сказал: «Надо бить морды?» Но ведь так никогда не думал. Вы правы: формула Наполеона, конечно, может быть отнесена не только к Мише Овчаренко, но и к случаю с Задоровым. Почему эта формула так смутила Вас? Конечно, пощечина Задорову не была ошибкой. Скажу грубее: без этого мордобоя не было бы колонии Горького и не было бы никакой поэмы. Но пусть это не смущает Вас: я ведь признаю, что в такой пощечине есть преступление. Это я говорю совершенно серьезно – преступление. Бить морды нельзя, хотя бы и в некоторых случаях это было и полезно. Какое Вы можете сделать заключение? Самое правильное: моя поэма началась с преступления. Начало колонии Горького – это целый клубок преступлений: и моих, и ребячьих.

Если так морально разбираться в моей жизни, то, разумеется, я заслуживаю всяческого осуждения, согласен с Вами. Но так не нужно разбираться. Прочтите «Эпилог», и Вы сразу увидите, в чем дело. В «Эпилоге» я вспоминаю мой первый горьковский день как «день позора и немощи». Я совершил преступление, потому что я был немощен и была немощна моя педагогическая техника. Я не мог справиться с пятью ребятами, а теперь в Дзержинке[4] 1 100 ребят и мордобой невозможен. Какая еще смелость от меня требуется?

Удар Миши Овчаренко – дело совсем другого порядка. Во-первых, он был сделан в самозащите против финки, во-вторых, он не имел такого определяющего значения. Он важен как характеристика положения, и только.

2. Педагогический коллектив. Трудно ответить на этот вопрос. Вы читали первую часть в альманахе или в отдельном издании? В альманахе пропущена глава «Подвижники соцвоса», читали Вы ее?

Впрочем, попытаюсь оправдываться. Во-первых, я был очень ограничен листажом, Горький требовал, чтобы больше 10 листов на часть не было. Во-вторых, Вы представить себе не можете, сколько материала осталось неиспользованного. Я старался показать детский коллектив, моей целью было возбудить у людей симпатии к этим детям, но я вовсе не собирался писать методику воспитательной работы. Сам я выдвинулся нечаянно, трудно обойтись без себя, если пишешь от первого лица. И поэтому я считаю, что прибавлять ничего не нужно, получится нецельно и дидактично.

3. ...Самая дешевая пища – педагогика. Совершенно согласен – это очень глупо, но я в этом не виноват: у меня написано «кормиться педагогами», так напечатано и в альманахе, а в Гослитиздате – опечатка.

4. За библиотекаря извиняюсь. Конечно, я хотел только сказать, что профессор перестал разрешать вопросы воспитания.

5. Излишнее озлобление против Брегель и Зои[5]. Может быть, это и правда, я и сам это чувствовал и предлагал А. М. выбросить две главы, но он написал мне: «Соцвосовцев выбрасывать не нужно. Вы их изобразили правильно».

6. Могила колонии. Как же Вы не поняли, в чем дело, неужели я так не ясно написал?

Колония Горького должна была развалиться не потому, что я ушел, а потому, что в ней были заведены новые порядки. Вы же прекрасно понимаете, что выметали не только меня, а решительно все, что было в колонии сделано: организацию, стиль, традиции, людей, выметали «макаренковщину»[6]. Какой же смысл было оставлять ядро – это могло привести к бунту: мое ядро без боя не уступило бы позиций, а бой заведомо неравный. И я не оглянулся не потому, что мне не было больно, а потому что оглядываться было нельзя: надо было скорее забыть, чтобы дальше работать. Нет, обвинять меня в развале колонии можно только при большом пристрастии. Я сделал все, чтобы моему преемнику было легче работать. Моя фигура и фигуры моих друзей могли только мешать. Впрочем, Вы не правы и по существу – в самой колонии все осталось для того, чтобы она могла работать, остался прекрасный коллектив и остались воспитатели – их, правда, потом разогнали.

Вообще, в этом вопросе Вы напутали.

Лапоть откликнулся – он работает в Полтаве, другие молчат.

Я работаю в Киеве, в НКВД Украины, у меня сейчас 14 трудовых колоний, в том числе и колония имени Горького. Я сам принял ее от Наркомпроса в прошлом году. От старой колонии остались только трубные сигналы. Сейчас она сильно поправилась.

Еще раз благодарю Вас за хорошее письмо. Пожалуйста, напишите о себе, какой Вы человек, как Вам работается. Буду очень вам благодарен.

Киев,
Рейтарская, 37,
ОТК НКВД[7]

Привет *А.Макаренко*

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т./ Сост.: М.Д. Виноградова и Л.Ю. Гордин по отдельным томам, А.А. Фролов по всем томам. – М., Педагогика, 1983–1986. Т. 7, с. 7–9.

[1] «Педагогическая поэма», говорится, видимо, об издании ее по 3 частям в альманахах «Год семнадцатый» и «Год восемнадцатый» (1933, 1935 гг.) или об отдельных ее изданиях по частям (1933–1936 гг.); целиком в отдельном издании вышла в 1937 г.

[2] «Отступление от идеального поступка» во имя истины, в диалектически противоречивой жизненной ситуации, – очень важный философско-этический принцип А.С. Макаренко. Таков его подход к познанию педагогических закономерностей и к их реализации в единстве теории и практики воспитания.

[3] Задоров А. – персонаж «Педагогической поэмы», собирательный образ, введенный в это произведение как жизненный факт, педагогическое явление – и как художественный прием, усиливающий остроту сюжета и выразительность повествования. «Необходима фабульная придирка» (как и случаи с Ужиковым); см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части 1–4 /Сост. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. – Н.Новгород, 2007–2010. Часть 1, с. 145; «Педагогическая поэма»/ Сост. С. Невская. – М., 2003, с. 713.

[4] Говорится о трудовой коммуне НКВД им. Ф.Э. Дзержинского, которой А.С. Макаренко руководил до конца июня 1935 г., затем оказывал содействие в ее деятельности.

[5] **Прототипы: Брегель –** *Дюшен В.М.*; **Зоя (Теляченко) –** *Козлова А.М.* **(см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 336, 338).**

[6] **Данное соображение вносит некоторую ясность в понимание вопроса о соотношении двух факторов в педагогическом опыте А.С. Макаренко: роли его личности и действия определенной системы воспитания.**

[7] **Отдел трудовых колоний для несовершеннолетних НКВД УССР (Киев), куда А.С. Макаренко был переведен из коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (в Харькове) на должность пом. нач. отдела в конце июня 1935 г. Этот период его жизни и творчества начинает освещаться в данном издании: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Части 1–4. – Н. Новгород, 2007–2010. Часть 4, с. 70.**

Письмо Г.С. Макаренко, лето 1936 г.

Дорогая, милая, красивая, умная Ли!

Спасибо за ласковое письмо, давно такого не получал. Дела идут как будто хорошо. Вчера целый вечер работал над сценарием[1] в Отделе, пошел туда на открытое партийное [собрание] и сделал вид, будто нужно в кабинет и задержался. Так приходится работать. Сегодня целый вечер буду работать дома.

Сценарий идет хорошо. Был сегодня на [Киевской] кинофабрике, сказал все, что нужно.

Все сделано.

До 11-го не приеду, нельзя. С деньгами, знаешь, как. Завтра, кажется, к тебе Левка[2] и Натуся[3].

Целую лапки, спешу, девчата уезжают.

Ты научила меня плакать... Переписка А.С. Макаренко с женой. 1927–1939 гг.: в 2 т./ Сост. Г. Хиллиг, С. Невская. – М., 1994; т. 2, с. 224. Письмо из Киева в Харьков. Дата ориентировочно: июнь–июль 1936 г.

Макаренко Г.С. **– жена А.С. Макаренко с осени 1928 г.; официально брак зарегистрирован 4 сентября 1935 г.; по первому браку** *Салько.* **О ней – см. именные указатели в издании: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания..., Части 1–4. – Н.Новгород, 2007–2010.**

[1] **В конце мая 1936 г. студия «Украинфильм» предложила А.С. Макаренко написать сценарий (видимо, по «Педагогической поэме»; см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 255). Условное название: «Четыре товарища».**

[2] *Салько Л.М.* **– сын Г.С. Салько (Макаренко) от первого брака. Принят в коммуну им. Ф.Э. Дзержинского осенью 1928 г., поступил в Московский авиационный институт в авг. 1933 г.**

[3] **Дочь родственницы Г.С. Макаренко.**

Прекрасный памятник

Детская трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского в Харькове не только хорошее учреждение, несущее на своем знамени это имя. Во всей деятельности, в каждом дне своей жизни, в сложном кружеве детского коллектива она отражает и оживляет образ Феликса Эдмундовича. Коммуна – живая композиция живых движений прекрасных новых людей. Именно поэтому коммуна, прежде всего, производит впечатление большой художественной силы, ее жизнь вылеплена с такой же экспрессией таланта, какую мы обычно встречаем и находим в произведениях искусства. И поэтому, говоря о коммуне, нельзя не говорить об ее авторах, о тех людях, которые изваяли этот замечательный памятник.

Достаточно только один раз побывать в коммуне, только прикоснуться к жизни дзержинцев, чтобы сразу увидеть, сколько глубокой мысли, сколько внимания, любви и вкуса заложено в каждом кирпиче ее здания, в каждом луче пронизывающего ее солнца, в каждой линии цветника и, в особенности в жизни тридцати коммунарских отрядов, в их быте, традициях, законах, в высоком человеческом стиле этого коллектива.

Как прекрасна была жизнь Феликса Эдмундовича, так же прекрасна история коммунаров: в течение всех девяти лет коммуна не знала провалов, не знала разложения или упадка энергии, ни одного дня в ее истории не было такого, когда бы имя Ф.Э. Дзержинского звучало укором. И это случилось вовсе не потому, что в коммуну приходили какие-либо особые дети, здоровые и радостные. В коммуну приходили именно те, о которых Ф. Э. Дзержинский сказал:

«Сколько их искалечено борьбой и нуждой!»

Великая и простая любовь Ф.Э. Дзержинского к детям выражена была им однажды в таком коротком и таком выразительном слове: «Когда смотришь на детей, так не можешь не думать – всё для них. Плоды революции не нам, а им»[1].

Не призрение, не высокомерную подачку, не ханжеское умиление перед человеческим несчастьем подарили чекисты этим искалеченным детям. Они дали им то, о чем с таким человеческим чувством говорил Феликс Эдмундович, – всё дали самое дорогое в нашей стране: плоды революции, плоды своей борьбы и своих страданий. А среди этих плодов не паркет, не цветы, не чудесные солнечные комнаты главное. Главное – новое отношение к человеку, новая позиция человека в коллективе, новая о нем забота и новое внимание.

И только поэтому искалеченные дети, пришедшие в коммуну, переставали нести на себе проклятие людей «третьего сорта». Они становились дзержинцами. Об этом хорошо знают коммунары, потому, что и самый путь коммунара в коммуне обозначается знаменательным чертежом движения: вот ты пришел в коммуну – ты только воспитанник; ты уже пошел вперед – ты получаешь звание коммунара, наконец, ты ведешь других, ты борешься, впереди, ты хорошо знаешь, за что борешься, – ты получаешь звание коммунара-дзержинца. Этот путь не такой уж легкий, ибо на легком пути создаются и легкие люди, а коммунары-дзержинцы справедливо утверждают:

«Человека нужно не лепить, а ковать».

Этот путь не легкий, но всегда неизменно радостный, бодрый путь победителя. Коммуна железного Феликса умеет воспитывать в своих прекрасных дворцах, окруженных цветами, не только улыбку друга, не только хорошее, теплое товарищеское слово, но и суровое слово большевика, железное требование и непоколебимую принципиальность. В ее жизни, как в зеркале, отражается личность Ф.Э. Дзержинского, личность великого гуманиста, скромного и доброго человека, и в то же время сурового борца, чекиста. И поэтому таким уверенным и таким большевистским всегда был и будет путь коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, и поэтому с тем большим успехом она выполняет одну из основных своих задач – помощь детям.

К сожалению, в нашем обществе мало знают о жизни коммуны и мало людей наблюдали те чудесные операции, которые с таким блеском и с таким спокойствием умеют совершать коммунары. Постановление партии и правительства от 1 июня 1935 г. о полной ликвидации беспризорности застало коммуну в составе 500 коммунаров. В течение не-

скольких месяцев к ним пришли новые пятьсот[2], пришли с улицы, из зала суда, из неудачных, деморализованных семей. И в настоящее время только очень опытный глаз способен отличить, где старые испытанные дзержинцы, а где новые, только что налаженные воспитанники. В коммуне давно не существует института воспитателей[3], и, принимая новых пятьсот, ни один коммунар не предложил в панике: давайте все-таки пригласим воспитателей.

Проделывая эту совершенно невероятной трудности операцию, коммунары не просили помощи, но, и закончив ее, они не возгордились, не кричали о своих успехах, они, кажется, даже и не заметили успеха, потому что у них много забот и много новых дел и новых стремлений. Среди этих стремлений лицо коммунара-хозяина особенно прелестно.

Ф.Э. Дзержинский оставил коммунарам и второй большевистский завет – строительство. И поэтому, выковывая для советского общества сотни новых большевиков, коммунары делают это как будто между делом, а дело у них серьезное, одно из славных дел нашего времени. Кто теперь не знает ФЭД – советской «Лейки»? Кто не мечтает иметь в своих руках эту прекрасную вещь, и ФЭД, пожалуй, даже более известен, чем коммуна Ф.Э. Дзержинского. История ФЭД – сама по себе чудеснейшая история, это история борьбы, страстного стремления к победе и страстного неутомимого терпения[4]. Эта машинка оказалась гораздо более трудной, чем казалось вначале, а дзержинцам пришлось освоить ее без заграничной помощи.

Выполняя многомиллионные промфинпланы, с гневом вгрызаясь в каждое производственное препятствие, с огромным чувством и размахом подхватив стахановское движение, они способны были всегда поставить «Тартюфа» на своей сцене, не пропустить ни одной премьеры в харьковских театрах, танцевать, петь, сотнями считать значки ГТО и требовать от каждого коммунара, чтобы он был ворошиловским стрелком. И уже совсем как будто нечаянно из последнего класса коммунарской десятилетки[5] ежегодно выходят десятки культурных, образованных людей, а через год приезжают в коммуну в гости и рассказывают простыми словами о своем новом пути: инженера, врача, педагога, летчика, радиста, актера. И, пожалуй, никто из них не думает о том, что в своей жизни они выражают лучшие стремления нашего советского стиля, они находят те пути, за которые боролся Ф. Э. Дзержинский.

г. Киев

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 4, с. 22–24. Впервые опубликовано в газ. «Правда» (Москва), 20 июля 1936 г., среди материалов, посвященных 10-летию со дня смерти Ф.Э. Дзержинского. Отражается главное во взглядах А.С. Макаренко на воспитание и в его социально-педагогическом опыте – «новое отношение к человеку, новая позиция человека в коллективе, новая о нем забота и новое внимание».

[1] Приводятся сказанные А.В. Луначарскому в 1922 г. слова Ф.Э. Дзержинского, когда он предложил привлечь ВЧК для борьбы с детской беспризорностью. См.: Луначарский А.В. Ф.Э. Дзержинский в Наркомпросе (Народное образование, 1926, №7).

[2] Это произошло уже после прекращения работы А.С. Макаренко в коммуне.

[3] Должность воспитателя упразднена в коммуне дзержинцев в октябре 1930 г. Все последующие 6 и более лет в ней действовал главный воспитательный фактор – уклад жизни педагогического учреждения. «Мы положились на организующее влияние коллектива... организующее влияние всей советской жизни, работы... сложных, широких впечатлений жизни – и самое главное – влияние собствен-

ных движений, упражнений и переживаний коммунара» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 217).

[4] Говорится о совместной работе воспитанников-коммунаров и взрослых: инженеров, мастеров производства, квалифицированных рабочих, персонала. Макаренковский «воспитательный коллектив» – это единый трудовой коллектив педагогического учреждения. Взаимодействие молодого и старшего поколений – основа педагогики А.С. Макаренко.

[5] «Школьный комбинат» коммуны с осени 1934 г. объединял «под одной крышей» разные уровни и направления образования: общеобразовательная 10-летняя школа (с IV–V классов), два отделения техникума (по профилю производства), курсы типа ФЗУ.

«Чудо», созданное советской жизнью

Я как-то рискнул написать рассказ еще в 1914 г., задолго до работы в колонии им. Горького. Послал Алексею Максимовичу и получил короткий ответ – тема рассказа интересная, но написано слабо. Это отбило у меня временно охоту писать, но заставило с большей энергией отнестись к работе по специальности. Когда я второй раз попробовал, кое-что получилось. Так и у всех. Если свое советское дело и свою личность, которая вложена в это дело, описать точно и детально, получится интересно. Я не хочу себя чувствовать писателем и в дальнейшем. Я хочу остаться педагогом и очень благодарен вам, что сегодня вы говорили о самом важном, о самом существенном для меня – о педагогической работе, о людях, которые подвергаются педагогическому воздействию.

Посчастливилось мне больше, чем многим другим, посчастливилось потому, что я 8 лет был в колонии им. Горького несменяемым заведующим и 8 лет у меня была в руках коммуна им. Дзержинского, коммуна, созданная не мной, а чекистами. Кроме этих двух коммун очень много таких же учреждений, не менее удачных. Я могу назвать Болшевскую коммуну, Люберецкую коммуну, Томскую – коммуны Наркомвнудела. Я видел много чудес в детских колониях, перед которыми поблекнет опыт горьковской коммуны.

Когда я писал «Педагогическую поэму», я хотел показать, что в Советском Союзе из людей «последнего сорта», из тех, что за рубежом считают «отбросами», можно создать великолепные коллективы. Я хотел это так описать, чтобы было видно, что не я это создаю и не кучка педагогов, но создает это «чудо» вся атмосфера советской жизни.

Я взял темой «Педагогическую поэму», но, работая над ней, я, по совести, не считал себя писателем. «Поэму» я написал в 1928 г., сразу после оставления колонии им. Горького, и считал ее настолько плохой книгой, что не показывал даже ближайшим друзьям. Пять лет она лежала у меня в чемодане, я ее даже в письменном столе не хотел держать[1].

И только настойчивость Алексея Максимовича заставила меня, наконец, с большим страхом отвезти ему первую часть и ждать с трепетом приговора. Приговор был не очень строгий, и книга увидела свет. Теперь я не думаю быть писателем. Я не скромничаю, но говорю это потому, что считаю – в нашей стране происходят сейчас такие события, на которые надо откликаться всяческими способами. Сейчас я работаю над книгой, которую я считаю нужной практически.

Сейчас назрела необходимость выпустить книгу для родителей. Слишком много материала и слишком много уже есть законов советской педагогики, об этом надо писать. Такая книга будет у меня готова к 15 октября, уже и редактор есть.

Спрашивают меня о моей биографии. Она очень проста. С 1905 г. я – народный учитель. Мне посчастливилось учительствовать в народной школе до самой революции. А после революции дали колонию им. Горького.

Я написал в 1930 г. «Марш тридцатого года» – о коммуне им. Дзержинского. Эта

книга понравилась Горькому, но прошла в литературе незамеченной. Она слабее последней книги, но события там не менее яркие. В 1933 г. я написал пьесу «Мажор», под фамилией Гальченко, о коммуне им. Дзержинского, и представил ее на всесоюзный конкурс.

На этом конкурсе она была рекомендована к изданию, была издана и тоже прошла незамеченной.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 4, с. 25–26. Выступление А.С. Макаренко в Доме советского писателя в Москве 27 июля 1936 г. при обсуждении «Педагогической поэмы». В Москве А.С. Макаренко был с 27 июля по 4 августа 1936 г.

[1] **Об истории создания «Педагогической поэмы» см.: А.А. Фролов, А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939–2005 гг., критический анализ) – Н.Новгород, 2006, с. 16–18.**

Дополнение. *Я. Рощин. «Педагогическая поэма». Обсуждение произведения А.С. Макаренко в Доме советского писателя.* **Докладчик Г. Федосова. Все говорили как о крупном художественном событии.**

Тресвятская, зав. библиотекой Люберецкого завода: «Название «Педагогическая поэма» суживает значение книги. Она, собственно, является повестью о социалистическом строительстве в широком смысле слова». Поэтому такой ее резонанс. Она увлекает людей самых различных призваний и возрастов.

И опытные педагоги говорили с юношеским увлечением о книге. Она зажигает бодростью, оптимизмом, укрепляет большевистскую волю. Учит: причины неудач – в неправильном подходе к «самому ценному капиталу – человеку».

Инженер Литинский, врач Будкевич: Книга поучительна для работающего на любом участке социалистической действительности. Написано без «творческих командировок», в гуще жизни, ее активным строителем, он «блестяще знает свой материал, органически сросся с ним».

Гослитиздату нужно выпустить книгу массовым тиражом, она до сих пор не издана в серии «Роман-газета»,

В газете публикуются выступления: В. Камардинова **(«слушатель философского института»): благодарность от имени выпускников колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского;** *Телепина* **(московский автозавод, бывший беспризорник);** *Л. Маврушкиной* **(химлаборатория);** *Херсонской* **(инженер электрозавода): «Многие места в книге вызвали у меня слезы. Каждое слово дышит правдой»;** *Докштейна* **(сотрудник банка): «Показывая массу ребят, Макаренко сумел выявить индивидуальные особенности каждого, в каждом найти яркие черты»;** *Корепановой* **(педагог из г. Камышина): «Главное в книге – коллектив как база педагогической работы».**

Восприятие «Педагогической поэмы», педагогики и школы как социально-культурного явления – характерная черта массы читателей, литературоведов и литературных критиков, правильно понимающих суть взглядов и опыта А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора. Не то в понимании их педагогами-профессионалами: они обычно ограничиваются рамками школы, ее учебно-образовательными задачами и действующими в настоящее время формами и способами педагогической работы.

Письмо Г.С. Макаренко, 30 июля 1936 г.

Москва, 30–VII–36

Дорогая Галя!

Рассказывать тебе о Москве нужно страшно много, писать ни о чем [другом] не успею.

Думал уехать – улететь 30-го, уже и билет был в кармане, но пришлось остаться до 3-го. Ставский[1] (он заменил Щербакова[2]) предложил это еще 26-го. Тогда я решительно отказался, они обратились в НКВД и мне «посоветовали» остаться. 3-го будет собрание московского комсомольского актива, посвященное Горькому. Доклад делает Стецкий[3], а я в виде сезонного блюда – «живые раки». В глубине души я считаю, что без меня можно было бы обойтись.

27, 28 и 29 провели здесь три собрания писателей, посвященных «Педагогической поэме». Ни один критик и писатель не выступал, это не потому, что меня презирают, а исключительно потому, что выступать с читателями считается «неуместно».

Но читатели поразили меня свыше всякой меры. Честное слово, они в несколько раз выше каких хочешь критиков, глубже, искреннее, умнее и самое главное, «социальнее». Об их выступлениях рассказать даже невозможно. Очень многие кончали слезами, некоторые от слез не могли кончить.

Особенно поразил меня один больной наборщик (паралич языка). Он насилу говорил. Но главное все услышали: «Я не могу жить, несколько раз я хотел уже умереть, в такие минуты я беру и читаю «П.п.» (Педагогическую поэму – А.Ф.). Двое даже нашлось таких, которые утверждали, что моя книга не ниже Л. Толстого. В особенности в восторг приводит всех [мое] сообщение о [работе над] «Книгой для родителей». Из-за нее уже идут споры между издательствами.

А тут еще из Испании (новой, борющейся Испании – А.Ф.) требуют перевода какой-нибудь книги о коммунистическом воспитании. Хотят переводить на испанский с рукописи. Видишь, видишь?

Хожу по Москве и страшно хочу, чтобы ты ходила рядом. Хочется ходить с тобой и все покупать: книги, ленты, портреты, булки, портсигары, духи.

Номер [в гостинице] мне дали только 29-го. Сейчас усиленно читаю Горького, на всякий случай – забрал из библиотеки СП несколько томов.

У Глебки[4] бываю ежедневно. На одном читательском собрании были и они, и теперь Глебке хватит на полгода хватит разговоров – «изумительно».

Очень беспокоюсь, как там у вас, здорова ли ты? Рахиль Ароновна[5] восхитилась твоим письмищем и требует от меня разных подробностей, а я ничего такого и не знаю.

Домой прилечу 4-го, если собрание актива не будет отложено. Если отложат, удеру раньше.

Целую твои милые лапки, талантливые лапки, которые пишут «книгу для родителей»[6].

Привет всем дикетикам.

Твой А.М.

Ты научила меня плакать... т. 2, с. 223–224.

[1] *Ставский В.П.* **– генеральный секретарь правления Союза советских писателей (ССП) после кончины А.М. Горького (18 июня 1936 г.).**

[2] *Щербаков А.С.* **был секретарем правления Союза советских писателей с сентября 1934 г.**

[3] *Стецкий В.П.* **– зав. отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) в 1930–1938 гг.**

[4] *Васильев Г.М.,* **Глебка – двоюродный брат Г.С. Макаренко.**

[5] *Ковнатор Р.А.* **редактировала отдельные издания «Педагогической поэмы» (затем «Книгу для родителей»).**

[6] Говорится об участии Г.С. Макаренко в создании «Книги для родителей».

Дополнения. *30 июля 1936 г. – арест Л.С. Ахматова,* **нач. ОТК НКВД УССР, по обвинению к «принадлежности к контрреволюционной троцкистской террористической организации». Освобожден от службы 26 авг. И.о. нач. ОТК стал Яновский.**

А. Абаринов, Г. Хиллиг. Опускула макаренкиана, №22. – Марбург, 2000, с. 129–130.

31 июля – приказ наркома внутренних дел УССР В.А. Балицкого **«О недопустимом поступке группы воспитанников коммуны им. Ф.Э. Дзержинского»: «...Группа воспитанников пыталась дискредитировать вновь назначенного начальника коммуны т. Бермана[1]». 6 воспитанниц и воспитанников направлены в другое учреждение ОТК. Нач. пед. части коммуны С.А. Дидоренко[2] (приемник А.С. Макаренко на этой должности) уволен.**

Опускула макаренкиана, №22, с. 133.

[1] *Берман В.С.* **назначен начальником коммуны им. Ф.Э. Дзержинского 7 мая 1936 г.**

[2] *Дидоренко С.А.* **– завхоз коммуны дзержинцев с янв. 1932 г.; с мая 1933 г. нач. адм-хоз. части. Во «Флагах на башнях» Степан Иванович, завхоз; в «ФД-1» Дидоренко Тимофей Денисович. После увольнения из коммуны стал управляющим хозяйством колонии им. М. Горького. Впоследствии в Томской колонии.**

Лифшиц Ар. Оптимистическая поэма// **Комсомольская правда, 2 авг. 1936 г. – об отдельном издании «Педагогической поэмы», всех ее 3 частей, в Гослитиздате:**

Автор почти дословно повторяет Песталоцци, когда идет речь о пощечине Задорову. Макаренко «понял воспитательную силу коллектива и создал такой коллектив», «Поэзия коллективного труда». Воспитывается отношение к труду, людям, самому себе. У каждого воспитанника – увлечения, способности.

«Пренебрежительное отношение Наркомпроса не давало права отрицать педагогику вообще». 13-летний опыт автора «вносит много ценного в эту науку». Он делает «слишком кичливый и поспешный вывод». Дан опыт перевоспитания.

Обвинение *Бочачер М.*, **что это выступление против Программы партии, постановлений ЦК ВКП(б) и основ советской педагогики, – «настолько абсурдно, что мы не находим нужным его опровергать» (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 62 – рецензия: «Антипедагогическая поэма»).**

Книга правдивая, «пользуется у читателя большим успехом».

4 авг. – распределение квартир в жилищно-строительном товариществе писателей на заседании секретариата ССП, **с предоставлением А.С. Макаренко 3-комнатной квартиры (Москва, Лаврушинский пер.), 63,5 кв. м. (с отдельной комнатой для домработницы, как во всех квартирах этого дома).**

О лесной школе. Письмо в Совет жен писателей

В «Литературной газете» от 15 июля я прочитал об организации Совета жен писателей. От души хочется приветствовать это замечательное дело, тем более что в списке его целей значится: улучшение быта детей писателей. По последнему вопросу мне хочется сделать одно предложение... организовать под Москвой лесную школу, или трудовую колонию, или можно назвать еще как-нибудь удобнее и оригинальнее?

В этом учреждении должна быть полная, хорошо оборудованная десятилетка с общежитием для мальчиков и девочек, с небольшими мастерскими производственного типа, выпускающими товарную продукцию (это обязательно). Рабочий день на производстве – два часа, труд детей должен оплачиваться, как и труд всякого производственного рабочего. Особенно меня интересует такое устройство этого учреждения, при котором не было бы никакого разрыва между семьей и школой.

Питание, одежда, культурные услуги, книги и все прочее должны предоставляться детям учреждением, семья может кое-что добавлять только с разрешения школы.

Я при этом думаю, что полное обеспечение детей не должно иметь характера какого бы то ни было баловства или тем более излишнего удовлетворения потребностей или преждевременного их удовлетворения.

Наряду с вопросами образования должны быть хорошо разрешены все вопросы воспитания характера и физического воспитания. Ведь всем известно, что в этих как раз областях в нашей семье, даже культурной, не всегда умеют дать детям то, что нужно.

Пишу в Совет жен писателей потому, что, мне думается, это дело должно быть сделано матерями, а дело это, уверяю вас, очень хорошее и достойное.

Привет. *А. Макаренко*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, – М, 1984, с. 24–25. Впервые опубликовано в «Литературной газете» (Москва) 5 августа 1936 г., с примечанием от редакции: «Письмо т. Макаренко нашло горячий отклик среди жен писателей. Совет полностью согласился с его предложением и обратился в секретариат Союза писателей с просьбой поддержать это начинание. Секретариат одобрил предложения об ор-

ганизации лесной школы и поручил т. Макаренко разработать подробную докладную записку».

Статья показывает интерес А.С. Макаренко к общественно-государственной форме организации педагогического учреждения (таким учреждением была его коммуна им. Ф.Э. Дзержинского). Отмечены наиболее важные компоненты его педагогической системы в их применении к обычной школе, для «нормальных» и «семейных» детей.

План «лесной школы», относящийся к октябрю 1928 г., см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 111–113. План реорганизации обычной «трудовой школы» (март 1923 г.) см. там же, Часть 1, с. 74–76.

Дополнение. *Лето 1936 г.: отдельные издания «Педагогической поэмы» на укр. яз.* **– части первая и вторая. Пер. О. и М. Езерницких. – Киев–Харьков, 2-е изд., Гослитиздат. То же – часть 3. (Изд. Первой части – нач. 1935 г.).**

Мы живем в самую счастливую эпоху

Мы, вероятно, не в состоянии постигнуть всего величия исторического значения Конституции СССР, первой в мировой истории конституции бесклассового общества[1]. Мы не способны, наверное, почувствовать всю глубину гениальности ее простых положений, потому что эта простота вытекает из железной естественности свободного человечества. Мы живем в самую счастливую эпоху, когда восстанавливается эта свобода[2] и когда вдруг ненужными и смешными стали тонкости, так называемой демократии[3], оправдывающей и регламентирующей повторение несправедливости классового общества.

Нашу Конституцию через тысячелетия будут изучать в школах как первый основной закон нового человечества, как документ, разделяющий всю историю человеческого общества на две принципиально разные части.

И как раз поэтому я считаю, что в Конституции в главе X должно быть сказано о семье. Семья в социалистическом обществе является первичной ячейкой, и эта ячейка должна быть социалистической. Должно быть сказано, что семья является не подвластной отцу (как хозяину) группой родственников, а трудовым коллективом, счастье и разумная жизнь которого обеспечиваются всем строем социалистического государства. Эта семья имеет права и обязанности, особенно обязанности по отношению к детям, их воспитанию, здоровью и т. п. Я полагаю, что такой раздел о семье должен быть в тексте Конституции[4].

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 4, с. 26. Статья написана и опубликована в ходе массового обсуждения проекта новой Конституции Советского государства (принята Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов в декабре 1936 г.). Как социальный педагог–реформатор А.С. Макаренко отмечает элементы педагогики в политической и общественной жизни. Впервые опубликовано: Литературная газета, Киев, 12 авг. 1936 г., укр. яз.

В статье отразилось макаренковское представление о счастье: это не состояние, «полное святости и бездеятельности», не сфера узколичного «потребления». Возникает исторически новый «образ сча-

стья». Это «радость человеческого единения», социального творчества, осуществления вековых народных чаяний. См. статья «Счастье»: А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 93–97.

[1] Имеется в виду, видимо, общество без антагонистического социально-классового расслоения.

[2] Этой Конституцией устранены социальные ограничения, предусмотренные Конституциями РСФСР 1918 г. и СССР 1922 г.; все граждане страны получили равные права. До этого существовали «лишенцы» – граждане, относящиеся к «нетрудовым классам и группам», они не имели права выбирать и быть избранными в органы власти, ограничивались и другие их гражданские права. Устранено правовое преимущество рабочих по отношению к крестьянству. Многоступенчатые выборы заменены прямыми, при всеобщем и равном избирательном праве. Узаконены не только права, но и обязанности граждан. Значительно расширены демократические права и свободы граждан.

[3] Говорится, несомненно, о «либеральной демократии». О «советской демократии» см. там же, т. 7, с. 19–20.

[4] Статус советской семьи впервые нашел отражение в Конституции СССР, принятой в 1977 г. (Основной закон Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1977, статьи 53, 66).

Записи на собрании в Союзе советских писателей Украины, 21–22 августа 1936 г.

Троцкисты. Киевский Союз писателей. Всякие остатки и остаточки:

1. Он когда-то написал письмо в ЦК [ВКП (б)], в котором протестовал против репрессий по отношению к Троцкому[1]. В его взглядах были троцкистские строчки, как он говорит. Теперь он уверяет всех, что он не троцкист, что напрасно, только поглядев на подпись, не хотят печатать его вещей. В то же время он благодарит СП за какую-то помощь.

Выступающие говорят, что [он] писал не только в ЦК, но писал решительно всем, даже Горькому. Что он никогда не улыбается, что в Москве есть его жалоба на киевский СП, что после отмены карточек (на продуктовые и промышленные товары – А.Ф.) он где-то поместил благодарственное письмо, а через полчаса рассказывал [об этом] анекдоты мерзейшего свойства.

«За что вы благодарите СП? Может быть, за либерализм по отношению к Вам? Но ведь на самом деле Вы никому и ни за что не благодарны».

«Если Вы правы, то Вы так и должны были выступать. Если хотите что-то скрыть, то Вы тоже так выступали бы, ибо Вы должны лгать».

2. Он получил письма от сосланного В., на которые якобы не отвечал, которые порвал, никому не показывая. В письмах будто бы просили прислать бумаги. Кто поверит.

3. Он страшный «ленинец», но свою книгу он посвятил «дорогим родителям», а родители имели ювелирный магазин и давно удрали в Палестину.

4. Он вдруг сделался профессором и мэтром и решал все вопросы литературы, но он окончил школу лейтенантов и был в польской армии в 1919–1921 гг.

«Беспощадность не может иметь градаций»…...

«Мартышки с револьвером в руках»…...

Мэтр. Он, конечно, важен. Он, конечно, страшно занят. И даже во время двухдневно-

го заседания, посвященного московскому суду, он неустанно работает, обложившись книжками и книжечками, делает какие-то выписки.

Сенченко к докладу не подготовился. Поэтому весь доклад состоял в чтении выдержек из обвинительного акта, но и выдержки он заранее не отметил и разыскивал их во время самого доклада.

Опускула макаренкиана, №22, с. 137.

Собрание состоялось в связи с проходящим в Москве 19–24 августа 1936 г. открытым судебным процессом против «троцкистско-зиновьевского террористического центра» (Зиновьев Г.Е, Каменев Л.В. и др.). Докладчик – *Н.Е. Сенченко* **(предс. Правления СП Украины), он сообщил о московском суде и призвал к выявлению «троцкистов» в среде писателей.**

А.С. Макаренко записал сказанное докладчиком и выступающими. На собрании критике подверглись писатели Х. Шаевич, Е. Заря, А.Г. Сенченко. А.С. Макаренко в своем выступлении сказал Х. Шаевичу: «Я Вам не верю! Мы не можем верить Вам после всего того, что Вы делали, и после Вашего выступления, потому что Вы и сейчас стараетесь нас запутать. Мы Вам не верим!» (Литературная газета, Киев, 27 авг., укр. яз.).

[1] *Троцкий Л.Д.* **– деятель ВКП(б). В ноябре 1927 г. исключен из партии; в 1928 г. отправлен в Казахстан; в 1929 г. выслан из страны; занимался подрывной деятельностью в СССР.**

Дополнения. *23 августа и.о. нач. ОТК НКВД УССР Яновский потребовал (с грифом «совершенно секретно») от трудколоний и трудкоммун срочного (к 25 авг.) возвращения в ОТК «Временных методических указаний по организации воспитательного процесса в трудовых колониях для несовершеннолетних»* **(макаренковской «Методики организации воспитательного процесса», разосланной 8 марта 1936 г. для обсуждения, с грифом «совершенно секретно»; см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 190–219).**

Берман В.С. **на этом запросе, направленном в коммуну им. Ф.Э. Дзержинского, написал 25/VIII резолюцию: «Т. Адамович. Исполнить – эту «блестящую» работу Макаренко» (Опускула макаренкиана, №22, с. 134–135).**

Болшевцы

На общем собрании коммунаров Г.Г. Ягода[1] сказал: «Вы хотите хорошо жить? Вы будете хорошо жить! У вас есть сейчас мастерские. Они жалкие. У вас будут мощные заводы. У вас сбежала сейчас последняя захудалая кляча. У вас будут гаражи с собственными автомобилями. Вы ходите сейчас на [железнодорожную] станцию в кооператив? Вы на грузовиках будете возить товары в свой собственный. У вас будут школы, больницы, магазины – все. Сумейте создать. Сумейте добиться всего этого своим трудом.....»

Это – речь, обращение к ворам, речь одного из первых людей в нашем государстве.

Мы так привыкли к изумительному стилю нашей жизни, что уже часто не замечаем ее изумительности. Только с трудом отвлекаясь от наших горизонтов, только бросив взгляды далеко на Запад, мы вдруг широко открываем глаза: где это возможно, когда вообще это было возможно в истории, чтобы государственные деятели разговаривали с ворами о будущих заводах, гаражах, кооперативах?

Вся эта книга «Болшевцы» – рассказ о таких изумительных вещах, которые для нас почти перестали быть изумительными, так как мы привыкли к ним, такими они сделались для нас необходимо нашими.

На страницах книги мы встречаем героев шалмана – воровского притона. Их много – этих воров. Их лица мелькают одно за другим, лица людей, пришедших к нам из чужого мира, мира звериной борьбы человека с человеком, взаимного грабежа и взаимной жестокости. Из них соткана подкладка европейской цивилизации, они – ее необходимый элемент.

Новый мир они встретили враждебно, уперлись в привычных рефлексах, закрепились в блатных законах, в блатной морали. В книге прекрасно показано это судорожное сопротивление шалмана новым движениям нашей жизни. В каждой главе, в каждой личной истории вы видите цепкие лапы «цивилизации». Вот Мологин, знаменитый «специалист» по кассам, перед отправлением в коммуну:

«Темный постылый мир таких же, как он, изуродованных жизнью людей, ненавистный и родной, как собаке ее логово, мир шалмана, проституток, азарта, крови, издыхающий, но недобитый мир, который мог теперь покинуть Мологин, властно вставал перед ним. Он хватал его, тянул его назад, он приказывал, диктовал ему. И Мологин не смел ослушаться.

– Только я никогда не буду легавить![2] Не заставите! – крикнул он взвинчено.

Погребинский[3] пожал плечами».

Перед Погребинским не один Мологин «кричал взвинчено», и поэтому он имел право пожимать плечами. Леля Счастливая на том же допросе о блатной морали дошла до истерики, уже будучи в коммуне. Коммуна казалась ей самым поганым местом**,** «которое для честного вора хуже смерти».

Притоны, тюрьмы, улица, зверская, пьяная, грязная жизнь – все это и для воров отвратительно, но социальное их кредо сильнее ужаса, отвращения – они воры, в этом их привычный мир.

С трудом, спотыкаясь, сопротивляясь, с взвинченным криком, с бутылкой водки в руках, с подозрительным недоверием целыми сотнями побрели воры в коммуну, все-таки побрели. Их встретили кордоны, стражи, заборы, запирающиеся ворота? Может быть, их решили соблазнить невиданным комфортом, дорогой пищей, одеждой, светлыми залами, уютом? Может быть, для их перевоспитания был подготовлен целый строй гениальных мастеров-педагогов?

Нет.

До смешного немногочисленны те силы, которые были выставлены против идущего воровского мира. Погребинский, Мелихов, Богословский, потом Островский, Смелянский, Николаев – и десяти имен нельзя насчитать.

И многие из этих людей – чекисты, по горло занятые на своей трудной работе. И нет никаких дворцов, и нет ворот и стражи, вообще ничего нет, кроме одного:

большевистского отношения к человеку.

В этой книге пролетарский гуманизм показан во всем блеске своей логики и строгой, крепко скрытой эмоции.

В своей речи Г.Г. Ягода говорит: «Лошадь я вам достану. Есть у меня на примете, не плохая, хотя и не битюг. И недорого – 120 рублей, в рассрочку. Деньги – к январю».

В приведенных деловых словах Г.Г. Ягода ярко светит, бьет в глаза простое человеческое уважение к человеку, спокойное доверие к его силам. Прекрасно рассказано в книге, как назначенный конюхом Гуляев беспокоится о лошади, и в этом своем трудовом беспокойстве, казалось бы, без достаточных оснований вспоминает слова Г.Г. Ягоды:

«Без тюрем, брат, будем жить»…...

В книге на многих искренних страницах рассказано о том, как прикосновение этого пролетарского гуманизма заставляет по частям сваливаться воровскую личину, как освобождается из-под нее человек. Это освобождение не приходит сразу, человек по ступень-

кам поднимается к свободе, и каждая из этих ступенек замечательна.

Накатников решил уйти из коммуны. К счастью, у Погребинского не нашлось десятки, которая необходима была Накатникову для восстановления «воли». Прожив у Погребинского два дня, Накатников все-таки возвратился в коммуну. Это возвращение должно известной тяжестью лечь на его самолюбие, но при входе в коммуну Накатников увидел станки, лежащие под открытым небом, и это обстоятельство больше всего его взволновало. Этот человек, только на одном волоске удержавшийся в коммуне, – уже хозяин[4], пусть и на шаткой ступеньке, но уже поднялся над шалманом.

Богословский поручил Беспалову вести беседы с ребятами о приеме девушек именно потому, что ожидал от Беспалова малосознательного отношения к девушкам, – здесь ступенька насильственно ставится на пути Беспалова, насильственно по закону пролетарского гуманизма, возвышающего человека в форме требования, предъявленного к его человечности.

Наладка своего станка «Депель» – это уже более высокая ступень, на которой возвышается Леха Гуляев.

Экзамен при поступлении Накатникова в вуз и профессор, расплакавшийся после нескольких слов Накатникова о коммуне, – это уже очень большая выгода коммунарской культуры, которая действительно трогает.

В книге много волнующих, трогательных страниц, она дает много радости читателю и вызывает благодарную улыбку на каждой ступеньке человеческого восхождения большевцев. И радует она чаще всего суровостью своих положений, спокойной, неслезливой ухваткой чекистов, верой их в могущество трудового коллектива и здоровых напряжений борьбы. А из-за этой радости, из-за рядов новых людей, сделанных из несчастных обитателей шалманов, вырастает перед нами и новое педагогическое мастерство, большевистская философия воспитания, которая достаточно сильна и достаточно убедительна, чтобы применить ее не только по отношению к ворам.

К сожалению, по причинам абсолютно странным, десятилетний педагогический опыт чекистов, блестящий опыт мирового значения, до последнего дня игнорируется педагогической литературой. Я не знаю ни одной книги, посвященной анализу выводов из этого опыта.

Книга «Болшевцы» дает много материала для специально педагогических разработок, хотя в ней и не присутствует какая бы то ни было теоретическая полемика. Она рисует педагогическое действие в лицах и движении.

В заключение считаю, необходимым коротко остановиться на некоторых художественных дефектах книги. Она подает историю болшевской коммуны почти исключительно в форме личных историй. Целый коллектив болшевцев виден в книге слабее, чем отдельные лица. Почти не показана хозяйственная деятельность этого коллектива, а она стоит того, чтобы о ней знал советский читатель. Книга говорит об отдельных станках, о видах продукции, о новых стройках, но нет итоговой картины этой деятельности, не видно ее большого размаха. Точно так же в книге игнорируется пейзаж, поэтому читатель с большим трудом представляет себе этот замечательный город, нет его зрительной ощущаемости.

Очень слабо сравнительно с коммунарами сделаны фигуры руководителей коммуны. Мелихова и Богословского почти невозможно отличить одного от другого. Авторы вкладывают в их уста отдельные реплики, сентенции, слова сомнения, но все это подается в явно резонерском плане, живых движений немного, и они не характерны. Обе эти фигуры получились несколько пассивными и бесстрастными, это не соответствует их действительному значению в истории болшевской коммуны.

Несколько живее изображен Погребинский, но и в его изображении преобладают высказывания над показом. В книге, например, несколько раз упоминается, что коммунары бывали на квартире у Погребинского, но ни один из авторов не решился художественно изобразить такое исключительно интересное явление. Единственная глава, в которой автор (К. Горбунов) попытался оживить фигуру Погребинского в прямом движении, – «У котла» – неудачна по слабости и нелогичности материала. «Погребинскому захотелось посмотреть, чем беспризорников прельщает воля». В самой главе, однако, нет ответа на этот вопрос, у котла ничего особенного автор не нашел и ограничился рассказыванием сказок. Можно прямо сказать: создатель болшевской коммуны т. Погребинский в книге не показан во весь рост.

Несмотря на все эти дефекты, необходимо признать: сделана очень хорошая, очень важная и полезная книга. Сделана любовно, талантливо.

За границей книга должна произвести еще большее впечатление, чем у нас, в ней замечательно уверенно звучит наша философия человека, в ней хорошо показаны корни пролетарского гуманизма.

Киев

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 7, с. 9–11. Публикация в «Литературной газете», Москва, 27 авг. 1936 г. Рецензия на книгу: Болшевцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягоды трудкоммуны НКВД/ Под ред. М. Горького, К. Горбунова, М. Лузгина. – М., Изд. «Истории фабрик и заводов». 1936. Рецензия написана А.С. Макаренко по предложению *И.Г. Лежнева,* **сотрудник газеты «Правда».**

В отношении к людям, «даже преступившим закон», А.С. Макаренко показывает новую «философию человека», гуманистическую «философию воспитания», основанную на доверительно-требовательном отношении к человеку и «могуществе трудового коллектива».

Во время летнего московского похода коммуна им. Ф.Э. Дзержинского посетила Болшевскую коммуну 28 июля 1929 г., когда там уже было заводское производство. «С этого дня начали наши коммунары мечтать о заводе...» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 154 – 155).

[1] *Ягода Г.Г.* **– нарком внутренних дел СССР с июня 1934 г. С 1919 г. в органах ВЧК–ГПУ. По поручению Ф.Э. Дзержинского руководил организацией трудовых колоний, коммун для беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей, а также для молодежи, осужденной на небольшие сроки; инициатор создания такой коммуны в Болшево, под Москвой (открыта в 1924 г.). Основные принципы их деятельности: не «кара», а воспитание и перевоспитание; открытость учреждения, добровольность пребывания, хозяйственно-трудовое самообеспечение, самоуправление. См. также: От тюрем к воспитательным учреждениям/Под ред. А.Д. Вышинского. – М., 1934; Авербах И.А. От преступления к труду; Лузгин М. Книги о перековке// Год XIV, альманах 10. – М., 1936.**

[2] **Быть доносчиком (жарг.).**

[3] *Погребинский М.С.* **– с авг. 1924 г. «общий руководитель проекта [в Болшеве] и связной ОГПУ», организатор других трудкоммун осужденной молодежи (Люберецкой, Дивеевской, Понетаевской, Городецкой и др.), с общим охватом в 1929 г. 10 тыс. человек. Опыт Болшевской коммуны стал основой для создания художественного фильма «Путевка в жизнь» (1931 г.), получившего мировую известность. Под редакцией и с предисловием А.М. Горького в 1928 г. вышла книга М.С. Погребинского «Трудовая коммуна ОГПУ», а в 1929 г. – «Фабрика**

людей» (фрагменты последней см.: Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания, в 2 т./ Сост. А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова, А.М. Кушнир, т. 2. – М., 2007, с. 346–355). Содействовал деятельности А.С. Макаренко в 1928 г. (там же, с. 348–349).

[4] «Хозяйствование» в труде, воспитание качеств «хозяина-организатора» производства – качественно новое в макаренковской концепции педагогики.

Из записных книжек, начало августа 1936 г.

Дидоренко. Кончилось с ним в коммуне довольно паскудно. Новый начальник Б.[1] – существо неумное, почти тупое в педагогическом деле, решил почему-то, что у него своя система. «Система Дидоренко» ему не понравилась. Как это можно, что есть какой-то Совет [командиров] и Совет приглашает его, Б., на заседание. Он испугался за свой авторитет. Он ни разу не пошел в Совет[2].

Авто. Почему семья Б. ездит на авто кататься.

Обструкция. Пьяный Б. или не пьяный, но у него ребята вытащили партийный билет…...

Конспект. Б. в Прилуках (ранее *Берман В.С.* был начальником Прилукской молодежной трудкоммуны – А.Ф.). Пьянство, убийства, самоубийства. Перевод в «Дзержинку». Борьба с макаренковщиной (помпадур разобрал мостовую). «Самокритика», драка с пионервожатым [Каменецким] на сцене, даже трибуну повалили, за то, что начал речь: «Я хочу говорить с тов. Б.» Пионервожатый несколько дней ночевал на вокзале…...

Тема. Кинофабрика[3]. Группа Тома Сойера. Целая куча людей, вещей, денег, мастерских, декораций, энергии и даже честности. Только не хватает одного – таланта. Все честно надуваются, работают, даже мыслят – и все-таки ничего не выходит. Какая это важная вещь – талант!

Опускула макаренкиана, № 22, с. 133–134, с. 113–114.

[1] Берман В.С.

[2] Это полный разрыв макаренковского принципа единства административного управления и самоуправления, игнорирование центрального органа самоуправления – совета командиров (при сохранении самоуправления в виде разрозненных специализированных «комиссий», как в Болшевской и Ахтырской молодежных коммунах).

[3] Имеется в виду студия «Украинфильм».

Всенародный приговор

Нельзя сказать: мы одобряем приговор. Все эти дни я чувствую себя судьей. Вот здесь, в этих самых комнатах, вместе со всей страной мы проводим судебное следствие, мы выслушали[1] лепетание подсудимых и мы вынесли им смертный приговор, и вместе с вами и я подал свой голос за расстрел.

Военная коллегия Верховного Суда в эти дни была подчинена нашему гневу, гневу всего трудового человечества, нашему взволнованному сердцу и нашему беспощадному волевому решению. Это мы вынесли приговор и это мы отказали всей банде в помилова-

нии.

Иначе мы и не могли поступить. Великодушное терпение партии, надежда на человеческое достоинство людей, на их политическую честность в течение 10 лет вызвали со стороны этих людей только нахальство, только интриги и злодеяния.

То они тявкали нам под руку, то они устраивали подпольные типографии, теперь они стали ходить с револьверами в руках.

Люди эти – ничтожные люди, люди без совести, без чести и сумасшедшие. Только помешательством можно объяснить их желание прорваться к власти над многомиллионным народом, используя для этого лишь силу, спрятанную в револьвере.

Их ничтожность особенно ярко проявилась в их последних словах на процессе.

В этих словах мы ничего не почувствовали, кроме новой лжи, ничего не увидели, кроме отвратительной игры, рассчитанной на жалость, хотя бы полной презрения.

Это ничтожества! Это обезьяны с револьверами в руках, но они ж ходили около наших вождей, и мы их уничтожили. И также беспощадно мы должны уничтожить всех, кто пойдет за ними!

И чудаки из II Интернационала напрасно посылают нам телеграммы. Что они о себе думают, эти чудаки? Пусть они приедут к нам в Союз, ведь для них давно приготовлены скамьи подсудимых.

Сейчас уже не хочется вспоминать имен бандитов. В моем представлении они уже – безымянные негодяи, просто сволочь.

Наша мысль сейчас неустанно направлена на защиту товарища Сталина. Хочется в каких-то особенно горячих и необычайно искренних, живых словах передать ему нашу взволнованную любовь, наше еще неуспокоившееся волнение.

А. Макаренко

Литературная газета, 29 августа 1936 г. Киев, укр. яз. В газете опубликованы приговор прошедшего в Москве 19–24 авг. 1936 г. открытого судебного процесса против «троцкистско-зиновьевского террористического центра» и корреспонденция: «Приговор миллионов. Митинг писателей столицы УССР» (он состоялся 26 авг., на нем выступили А. Сенченко, О. Копиленко, А. Макаренко и др.). Опубликованы отклики на процесс 13 писателей и данный выше текст А.С. Макаренко.

[1] Ход судебного процесса транслировался по радио, ежедневно отражался в периодической печати. Все 16 обвиняемых, (Г.Е. Зиновьев, Л.В. Каменев и др.) приговорены к «высшей мере наказания», расстреляны.

Письмо Л.М. Салько А.С. Макаренко, кон. авг. 1936 г. **Антон Семенович, я так бесцеремонно начал Вас называть отцом и даже на ты, что сам испугался и решил Вам написать.**

Я очень много думал, имею ли право я Вас называть отцом и на ты – не обижу ли Вас этим? Я сам лично считаю, что Вы для меня больше сделали, во много раз, чем настоящий отец, и что я все-таки вышел человеком, а не маменьки[ны]м сынком (что из меня обязательно получилось бы) – я обязан исключительно Вам. Вот поэтому мне так хочется говорить прямо отец и ты. Правда, у меня очень много недостатков, которые я сам знаю (лентяй, мало мужественности и настойчивости), которые меня и мучат, и может быть, поэтому я не совсем достоин, называть Вас отцом?

Что, Антон Семенович, если Вы мне разрешите так Вас называть, я тогда без зазрения совести буду прямо говорить отец и ты. Здесь в институте я уже давно называю Вас отцом и так и говорю, что пишу письмо отцу.

Лева.

Опускула макаренкиана, №24/ Сост. С. Невская, Г. Хиллиг. – Марбург, 2001, с. 164. Дата – по содержанию. На конверте адресовано: «Антону Семеновичу и больше никому». (Видимо, в обход матери, Г.С. Макаренко–Салько).

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 30 авг. 1936 г.

...Мы приехали из Ирпеня 26-го, мочи не было сидеть там больше, дожди и холодно...

Я в Ирпене продала большую часть вещей... Сейчас сидим в большой квартире и настроение дорожное... В этом настроении проживем около двух месяцев. Меня это совсем не пугает и не тяготит. В Москву будем перевозить четыре шкафа, сундуки, книги и посуду, все остальное продаем. Антон очень доволен, конечно, мечтает переезжать с одним портфелем, но это ему, бедняжке, не удастся теперь...

С уходом Антона что-то туманно – есть надежда на уход и даже он мечтает, что к отъезду будет свободен и будет только консультантом...[1]

Над сценарием Антон работает много и получается очень хорошо – фильм будет мировой... Как трудно [ему] писать между делом, после работы и прочее...

28-го к нам приехал Шершнев Коля[2], гостил у нас... Остаться без Антона в коммуне не хочет... По-видимому, опять поедет в Комсомольск, он там в больнице главврачом и у него большое поле деятельности...

К продолжению совей работы над книгой еще не приступила..., целый день люди в доме...

Опускула макаренкиана, №24, с. 167–168.

[1] Рапорт А.С. Макаренко об освобождении его от должности пом. нач. ОТК НКВД УССР и о предложении работать консультантом см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 265.

[2] *Шершнев Н.Ф.* **– воспитанник колонии им. М. Горького с марта 1921 г., затем врач в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. В «Педагогической поэме», «ФД-1» и «Флагах на башнях» Н. Вершнев.**

Из записных книжек, 1936 г. (от начала до конца года)

Из разговора. Надо сравнивать не что есть сейчас и что было, а что есть и что было бы.

– Но мы не знаем, что было бы.

– Ну вот, значит невозможно никакое сравнение.

Эволюция темы.

В начале революции:

«Жизнь свое возьмет». Это значило: рано или поздно уйдут большевики и вместо них будет какая-то жизнь, бюрократия, что ли.

Бюрократам бумагу надо выдавать с ограничением.

Тема. В будущей совершенной стране, где даже температура мира устанавливается по градуснику, снарядили экспедицию для изучения дикого мира, и в диком мире нашли трамвай, дураков и бюрократов.

Сентенция. Может быть, вся социальная проблема и заключается только в гармонии централизации и децентрализации. В этом вопросе никак не найдут решения. Буржуазный лад – это децентрализация. Весь вопрос в том, кто сумеет сделаться центром и сумеет считаться организатором. Буржуй? Только такие центры дорого стоят.

А социализм. Как будто это централизация, но какое страшное трение. Бюрократы, как пыль, попавшая в машину.

Тема. На небесах усмотрели: упустили из виду, что всегда на рай не обращали внимания. Насколько хорошо и актуально был организован ад, настолько халатно и небрежно рай. Ассортимент радостей почти не был разработан.

Реорганизация рая – вот тема! Надо дать доступные пониманию удовольствия. Возлежать на лоне [природы] и лицезреть бога – кому это может понравиться?

Дурак. Щеголь при обсуждении речи Сталина о стахановцах, утверждает, что мы тоже можем быть стахановцами, нужно только внести организацию. Какой у нас телефон. Карандаши, переводная бумага («копирка» – А.Ф.).

– Как скорее пропустить бумажку? Нужно это согласовать с другими учреждениями.

– Надо вводить стахановское движение.

Самочувствие человека в бесклассовом обществе. Это широчайшая тема. Отсутствие ощущения верхних давящих классов есть новая форма свободы, которая ни кем не показана. Есть новые виды гармонии людей, которые нужно показать. Это тем более должны сделать мы, потому что мы помним еще другую свободу[1].

Опускула макаренкиана, №22, с. 189–191.

[1] Говорится, несомненно, о людях, писателях, часть жизни которых прошла в дореволюционную эпоху, они могут делать убедительные сравнения.

Покровский Н. В защиту педагогики// Средняя школа, 1936, №8: **Макаренко говорит о «чудесных успехах», но «Педагогическая поэма» – это «фундамент [педагогических] извращений». Он предлагает организовать воспитание детей «без всякой увязки теории с практикой». Он «размахнулся направо, по Наркомпросу, а попал налево – по педагогике и педагогам».**

По Макаренко, основное не в системе знаний, а в драмкружке, уходе за поросятами и в «общем развитии». Разрыв воспитания и обучения, «недооценка роли педагога-учителя и воспитателя»[1].

Работа А.С. Макаренко – это «исключительные условия и индивидуальная педагогика». Книгу «следует считать историографией... ее нельзя сделать настольной книгой учителя. Принципы Макаренко построены на зыбучем песке, противоречивы, не систематизирова-

ны, научно не обоснованы, не отвечают требованиям ЦК ВКП(б) от 4 июля с.г.»[2]

[1] О необходимости «обеспечить во всей учебной работе школы руководящую роль преподавательского персонала» впервые заявлено в Постановлении ЦК ВКП(б) о школе 25 авг. 1932 г. Затем это требование, относящееся к обучению, механически перенесено на воспитание, «учебно-воспитательный процесс» – по общей логике «школы учебы», где главенствует обучение.

[2] Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) о педологии, 1936 г. См. в этой книге: Дополнительный материал к Части 4 нашего издания.

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 2 сент. 1936 г. **...Жаль мне его (А.С. Макаренко – А.Ф.) ужасно, как он ходит на эту надоевшую ему работу и вырывает минуты для того единственного дела, которое составляет сейчас суть его жизни – писателя. Это такой почти трагический разрыв между внутренним стремлением человека и его бытием...**

Как только будет квартира [в Москве], мы сейчас же приедем.

Опускула макаренкиана, №24, с. 169.

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 3 сент. 1936 г.

...Рахиль Ароновна (Ковнатор – А.Ф.) написала, оказывается, обо всем и Антону. Наделала паники, неизвестно из-за чего[1]. Антон хохочет и уверяет, что ты не влюблен в Зою, и что вся эта история не стоит выеденного яйца. Просил меня в этом роде написать Рахиль Ароновне, сам не хочет вмешиваться в это дело. Говорит: пока мое участие в этом деле лишнее...

И у тебя, и у Зои будут еще встречи и увлечения и совершенно не надо вам связывать себя так рано...

Опускула макаренкиана, №24, с. 174.

[1] Речь идет о влюбленности дочери Р.А. Ковнатор – Зои, ученицы VIII класса, о ее пребывании на летнем отдыхе в Ирпени в семье Макаренко.

Обращение к коммунарам-выпускникам

Сегодня вы, 70 лучших коммунаров, вступаете в самостоятельную жизнь комсомольцами, образованными и квалифицированными людьми.

…...Вы не только воспитанники коммуны, вы и строители ее. И в этом ваша заслуга и честь, в этом ваше настоящее боевое воспитание[1].

Ваша жизнь в коммуне – это прежде всего участие в общей нашей борьбе, участие в нашей великой революции. Вместе со всем рабочим классом, под руководством Коммунистической партии вы здесь, на своем участке, одерживали победу за победой в борьбе за технику, школу, экономическую независимость, новый быт и новую культуру, за социализм. Именно в этой активной борьбе вы получили воспитание.

Теперь вы выходите в жизнь. Вам предстоит большой путь впереди. На этом пути вы

всегда должны быть, прежде всего, большевиками (партийными и беспартийными). Уже в нашей коммуне вы узнали, что такое большевистская дисциплина[2], что такое наше единство. Только благодаря этому наша коммуна выросла в прекрасное учреждение.

Провожая вас в жизнь, я хочу вам передать только один завет и хочу, чтобы вы помнили его всегда. Где бы вы ни были, будете ли вы рабочими, инженерами, летчиками, студентами, в какие бы условия вас ни бросила жизнь, будьте в каждый момент вашей жизни верными сынами партии, прежде всего, держите наше большевистское единство, держите крепко дисциплину, будьте энергичными последователями нашего гениального Сталина.

Всегда помните, что железная дисциплина, полное единство нашей жизни, наших стремлений и усилий только и может привести к победе. И потом всегда увидите, что против политики нашей партии стояли всегда шкурничество, эгоизм, глупые мысли, невежественные «убеждения», неуважение интересов коллектива.

Великая социальная борьба, происходящая на наших глазах и при нашем участии, уже привела к полной и блестящей победе на одной шестой части земного шара. Наша страна уже не только по сравнению со старой Россией, но и по сравнению с западными странами поражает величием и глубиной своих побед. Наша промышленность, культура, наука, военная мощь, духовная спайка и наша народная энергия сейчас, всего на 19-м году революции, уже выдвинули СССР на первое место в мире, доказывая ни с чем не сравнимую силу Октября, исключительную точность законов марксизма, глубочайшую проницательность и прозорливость Коммунистической партии и ее вождей.

Наш путь должен быть всегда прямым путем, и тогда ваша жизнь будет прекрасной и полезной. Главное, надо быть гражданином нашей великой Родины! Идя вперед по указаниям нашей партии, всегда будьте преданными, искренними и горячими большевиками!

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 8. – М., 1986, с. 179. Текст уточнен по изд.: Опускула макаренкиана, №22, с. 148. Источник: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 147, л. 1, с об.

Это выступление А.С. Макаренко на торжественном общем собрании коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (присутствовало около 1 тыс. человек – коммунары и рабочие, инженеры, административный и технический персонал) 5 сентября 1936 г.; А.С. Макаренко – в президиуме собрания.

[1] Тезис: дети, молодежь воспитываются по-новому, будучи «строителями» новой жизни, активными участниками общественных преобразований вместе со старшим поколением, – имеет ключевое значение в педагогике А.С. Макаренко.

[2] В макаренковских взглядах и опыте это новый тип дисциплины: не дисциплина простого послушания и «торможения», а дисциплина созидания и творчества, «движения вперед и преодоления препятствий» (в 8-томнике, т. 4, с. 49).

Дополнения. *8 сент. Секретарь парткома коммуны Н.А. Огий – Черноуха* **(избран 31 авг. 1936 г.) направил** *секретарю парткома НКВД УССР Я.К. Крауклису* **(«лично», с грифом «совершенно секретно») письмо о прошедшем собрании: «...Первое слово получил начальник коммуны тов. Берман, а затем выступил т. Макаренко. В своей пространной речи, деловой и толковой, он говорил об анализе воспитательного процесса и о том, как должны себя вести коммунары после выхода**

из коммуны. Касаясь отношения коммунаров к оппозиции, он выразился буквально следующим образом:

– Все мы работаем под руководством партии и тов. Сталина, и если т. Сталин сделает хоть тысячу ошибок, а один, имя которого не хочу называть, поведет вас по правильной дороге, то все же надо идти за тов. Сталиным.

Президиум, заметив эту антисоветскую, контрреволюционную мысль, сразу же поручил тов. Берману после того, как т. Макаренко окончит свое выступление, выступить и внести ясность и разоблачить это антисоветское выступление.

Тов. Берман сразу же выступил и проанализировал историю партии до Октября и работу т. Сталина по руководству партией и страной и указал, что результаты нашего социалистического строительства доказали, что дорога, по которой ведет т. Сталин вопреки контрреволюции и предателям Троцкого и Зиновьева, оказалось правильной и коммунарам не придется подсчитывать ошибки т. Сталина и отмечать верные пути кого бы то ни было другого.

Несмотря на то, что т. Макаренко, сидя в президиуме, слыхал поправку, внесенную в его выступление, он, просидев до конца торжественного собрания, ушел, не взяв слова для исправления допущенной им политической ошибки и тотчас уехал.

Нами это истолковывается как выступление классового врага, и на фоне некоторых антипартийных моментов, имеющих место в воспитательном процессе, полагаю, что выступление т. Макаренко заставляет нас проанализировать его повседневную работу».

Крауклис Я.К. **на этом письме 13 сент. написал: «Резолюция не донос. Тов. Стрижевскому[1]. Как только Кидыба сядет в ОТК, мы через некоторое время М. удалим. Я не верю ему ни на грош. Это враг...»**

Дается по публикации: Опускула макаренкиана, № 22, с. 148–152 (с нашим уточнением – А.Ф.).

[1] *Стрижевский Л.И.* **– тогда секретарь парткома Управления безопасности НКВД УССР, зам. нач. секретариата НКВД УССР.**

Позднее, когда 17 мая 1937 г. начальником ОТК НКВД УССР стал *Реферт В.Д.,* **он 26 мая материал письма Огия Н.А. направил** *Чирскому Р.А.* **(нач. отд. кадров НКВД УССР), с копией Л.И. Стрижевскому. Зам. Чирского** *Р.А. Райхштейн* **«компрометирующие материалы» направил 1 июня 1937 г. в Москву. (Г. Хиллиг. Опускула макаренкиана, №21, – Марбург, 1998, с. 64.)**

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 6 сентября 1936 г.

...Он (Антон – А.Ф.) сейчас уехал в командировку в Харьков. Не хотелось ему, бедненькому ехать, но в Андреевской колонии непорядок и выехала целая комиссия...

Приедет отец и я поговорю с ним, он будет очень рад, он давно говорил о том, что хочет усыновить тебя...

Антон высудил с помощью Соломона Борисовича[1] наши деньги, которые, помнишь, пропали на Журавлевской почте. Там 1 500 р. За хлопоты Антон дал Соломону 500 р., а остальные обещал выслать мне из Харькова...

Отец, по-видимому, останется консультантом при ОТК. Нарком (Балицкий В.А. – А.Ф.)[2] передал отцу, что поговорит с ним после возвращения из Москвы, а пока дан приказ искать место нач. пед. части другого, а заместителем начальника отдела будет тоже не отец.

Перед отъездом в Харьков отец сдал все дела, освободил свой стол и служебный кабинет и не собирается больше усаживаться за канцелярские дела. Тем более что нарком так и передал, что Макаренко нельзя загружать канцелярской работой, он не должен ежедневно ходить на службу, но необходимо сохранить его как консультанта по организации дела. Понятно, что у него есть дела в Москве и его нельзя держать в Киеве.

Отец очень доволен и, действительно, это лучшее, на что пока можно было рассчитывать... Ко времени нашего переезда отец использует оставшиеся у него две недели отпуска, говорит, что проживет в Москве месяц. Много пишет сценарий.

Опускула макаренкиана, №24, с. 175–179.

[1] **Имеется в виду** *С.Б. Коган* **– зав. производством коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с сер. марта 1930 г., потом нач. снабжения, работник финчасти. В «Марше 30 года» и «ФД-1» С.Б. Левенсон, во «Флагах на башнях» С.Б. Блюм. В «Типах и прототипах» Б.С. Клямер.**

[2] *Балицкий В.А.* **– в 1924–1930 гг. нарком внутр. дел УССР; в 1931–1932 гг. зам. предс. ОГПУ СССР, затем предс. ГПУ Украины; с 1934 г. нарком внутр. дел УССР. Предс. обществ. совета по организации коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (кон. 1927 г.–нач. 1928 г.), предс. совета по делам коммуны первого состава и последующих. 11 мая 1937 г. назначен нач. управления НКВД по Дальневосточному краю. 7 июля арестован по обвинению в участии в «военно-фашистском заговоре». 21 ноября ВК ВС СССР приговорен к «высшей мере наказания», 27 ноября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в нач. 1950-х гг.**

(Ранее, 2 января 1936 г., когда в своем кабинете застрелился начальник Секретно-политического отдела Управления госбезопасности НКВД УССР *Б.В. Козельский*, – А.С. Макаренко отметил в своей записной книжке: «Жалко не столько Козельского, сколько Балицкого» – дается по Опускуле макаренкиане, №21, с. 61).

«Книга для родителей» и пьеса – информация в «Литературной газете», **Киев, 11 сент. 1936 г., укр. яз., без подписи:**

Писатель А. Макаренко закончил «Книгу для родителей». Автор поставил перед собой задачу помочь родителям разобраться в сложных вопросах воспитания. В художественной форме рассказывает писатель в книге о семье, о том, чем наша семья отличается от старой и т.д. Эта работа А. Макаренко принята к печати в альманах «Год XIX».

Скоро А. Макаренко закончит сценарий «Четыре товарища» (название условное), построенный на материалах трудовых коммун им. Горького, им. Дзержинского и др.

Год тому назад писатель закончил комедию «Ньютоновы кольца» о так называемых «чудаках», которых иногда считают неполноценными для социалистического общества. Если таких «чудаков» окружают вниманием, воспитывают, они становятся полноценными советскими гражданами.

Осенью прошлого года комедию читал М. Горький и одобрил ее. А. Макаренко вносит в комедию ряд дополнений, изменений и лишь после этого произведет окончательную редакцию пьесы.

(Позднее фрагмент этого текста, о пьесе «Ньютоновы кольца», вошел в статью «Драматурги Украины» в украинском журнале *«Театр», 1936, №1* **– сдан в набор 21 сент. 1936 г. (Дается по «Опускуле макаренкиане», №22, с. 146–147).**

Пинкус С.Ф. **(нач. ОТК НКВД УССР с 26 августа 1936 г. направил 11 сентября** *Р.А. Чирскому* **находящийся в делах** *Л.С. Ахматова* **рапорт А.С. Макаренко от 14 июля 1936 г. об увольнении его из ОТК (рапорт см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 265).**

Дело партии

Больше, чем другие детские учреждения Союза, коммуна им. Дзержинского отражает в своей истории и в своем стиле нашу великую эпоху Сталина. Трудно найти в организации «Дзержинки» такую область работы, где бы строительство, которое проводит большевистская партия, не звучало бы во всю мощь, не призывало к новой борьбе и новым завоеваниям. И это потому, что коммуну им. Дзержинского строили лучшие большевики – чекисты.

Пройдите по коммуне, и вы на каждом шагу встретите ответ коммунаров на тот или другой исторический лозунг нашей партии.

В производственных цехах вы увидите бесконечные шеренги лучших станков. Тут техника, достойная социалистических требований. Сама продукция производства – ФЭД и электросверла – это, прежде всего работа за экономическую независимость нашей страны. В последний год дзержинцы так же горячо ответили на призыв товарища Сталина и широко развернули у себя стахановское движение.

Развивая производство, выполняя из года в год миллионные промфинпланы[1], непрестанно повышая качество продукции, – дзержинцы не отстали и в выполнении тех требований, которые партия предъявила школе[2].

Уже на протяжении шести лет у коммунаров есть полная средняя школа[3], из нее ежегодно выпускаются десятки образованных людей, они понимают великое указание товарища Сталина – «Кадры решают все».

Пятого сентября этого года коммуна торжественно выпустила в жизнь 70 человек. Все они, в прошлом беспризорные и правонарушители, вышли из коммуны образованными и квалифицированными людьми, все 70 вышли комсомольцами. Наши большевистские заботы о людях праздновали в этом случае великую победу. В коммуне забота о людях – главное содержание работы. Ведь только за последний год коммуна приняла в свои стены свыше 400 новичков, выполняя директиву Коммунистической партии о ликвидации беспризорности[4].

И именно потому, что коммуна так чутко, так энергично и так искренне откликается на каждое указание партии, на каждое слово, сказанное товарищем Сталиным. Именно поэтому в ее жизни на каждом шагу чувствуется: «Жить стало лучше, жить стало веселее»[5].

Коммуна живет действительно прекрасно, радостно, разумно.

Трудно себе представить более жизнерадостный и бодрый коллектив. У дзержинцев интересна и новая жизнь, полная света, комфорта, чистоты, музыки, танцев, физкультуры, – подлинно социалистическая жизнь.

Пожелаем же коммуне им. Дзержинского – коммунарам и руководителям ее – с таким же энергичным и прекрасным успехом и дальше идти великим и счастливым путем, которым ведет нас Коммунистическая партия! и наш чудесный рулевой – гениальный Сталин.[6]

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 4, с. 27. Впервые опубликовано в газ. «Юный пионер» (орган Харьковского обкома и горкома ЛКСМУ), Харьков, 12 сент. 1963 г., укр. яз. Дано среди материалов, посвященных предстоящему 59-летию со дня рождения Ф.Э. Дзержинского и материалов о коммуне его имени – на двух страницах, под общим заголовком: «Чудесный памятник славному чекисту».

Помещены материалы: Феликс Эдмундович Дзержинский, 1877–1926 (с рубриками: в тюрьме и ссылке, чуткий товарищ, бесстрашный боец, правдивый и неколебимый, друг ребят, пример для новых поколений); Тут растут новые люди (автор секр. комс. комитета коммуны), Я – ворошиловский стрелок (А. Мельник), Хорошо отдохнули (М. Шаповалова), Горжусь званием «Дзержинец» (М. Беселин), В соревновании достигла рекорд (П. Лапина), Я перешел кордон (Г. Блиндер, бегство из Польши), буду капитаном дальнего плаванья (М. Пекер), большое спасибо партии (Л. Тулецкая).

Фото: Ф.Э. Дзержинский; на параде (коммунары со знаменем, ассистенты с винтовками, в белых костюмах); Ю. Камышанский у его картины «Гибель Чапаева»; А.С. Макаренко, организатор и первый руководитель коммуны; Коммунары в школе, урок английского языка; П. Лапина, шлифовальщица деталей фотоаппарата; Косиор, Постышев, Балицкий среди коммунаров-участников олимпиады трудовых коммун в Киеве (они представили пьесу «Бежин луг», танцы, физкультурные упражнения); М. Пекер.

Тема производства – только в статье А.С. Макаренко. В ней прослеживается неразрывная связь воспитания в коммуне с «историей и стилем» эпохи 1930-х гг. Во второй половине 1930-х гг. досрочно завершалась техническая реконструкция народного хозяйства страны,

предусмотренная 2-м пятилетним планом. Осенью 1934 г. отменена карточная система на хлеб и другие продукты.

[1] Эта работа совершалась с привлечением значительного числа организаторов производства, инженеров, инструкторов, квалифицированных рабочих, административного персонала (о чем А.С. Макаренко не упоминает, вероятно, как о само собой разумеющемся).

[2] Имеются в виду постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о школе 1931–1936 г.

[3] С 1930 г. школа в коммуне действовала как вечерний рабфак Харьковского машиностроительного института, затем техникум и параллельно, с 1934 г. – школа 7-летка (с III класса), потом 10-летка.

[4] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (опуб. 1 июня 1935 г.).

[5] Слова из речи *И.В. Сталина* **на I Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г.**

[6] Трижды упомянутое в небольшой статье имя И.В. Сталина (и с определением «гениальный», что не свойственно макаренковской терминологии) позволяет предположить, что это «нагнетание» произведено редакцией газеты. См. далее: ничего подобного нет в выступлениях А.С. Макаренко на заводе «Шарикоподшипник» и в Московском областном пединституте (25 и 27 октября 1936 г.).

Во втором случае он говорит: «Да здравствуют вожди...», даже не выделяя особо И.В. Сталина, имея в виду и других, равных ему (что вполне могло опять расцениваться как серьезная «политическая ошибка»). Вероятно, он тут имел в виду Н.И. Бухарина, как и в выступлении перед коммунарами-выпускниками. В письме Г.С. Салько (Макаренко) 28 сент. 1928 г. он сообщал: «Сейчас много читаю Бухарина и Сталина и прямо в восторг прихожу. Они тоже на нашей стороне» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 94).

Но «нагнетание», возможно, сделано и самим А.С. Макаренко, как бы в оправдание сказанного им ранее коммунарам-выпускникам.

Бухарин Н.А. – член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1924–1929 гг. Вместе с И.В. Сталиным, Г.К. Орджоникидзе и др. на XV съезде партии (дек. 1927 г.) участвовал в «разгроме троцкистско-зиновьевского антипартийного блока». Гл. ред. газ. «Известия» в 1935-1937гг.

Дополнения. *В указанной выше газете дана также статья коммунара-дзержинца М. Пекера* **«Буду капитаном дальнего плаванья». В ней говорится: «В прошлом году харьковские пионеры и школьники поехали в экспедицию на Север, среди них был и я». Были в Москве, Ленинграде, их принял директор арктического института Р.Л. Самойлович. Были на Кольском полуострове, в Мурманске, на ледоколах «Садко», «Сибиряков», встречались с О.Ю. Шмидтом. «Тем временем я стал членом**

клуба юных исследователей Арктики, изучали штурманское дело... В середине июля на ледорезе «Литке» плавали около Скандинавского полуострова. Капитан доверял вахту, рядом со штурманом, затем самостоятельно. Учились и в кочегарке. 10 дней были в чужих водах».

В коммунарской газете-многотиражке «Дзержинец», №33, 13 сент. Н.А. Огий-Чернуха в статье «Бдительность всегда и везде» **сказал: «Выступление А.С. Макаренко на выпускном вечере коммунаров является по существу классово-враждебным, контрреволюционным».**

14 сентября, еще будучи в Харькове, А.С. Макаренко написал объясняющее «заявление» в партком коммуны.

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 14 сент.: **«Вот уже 10 дней, как отец уехал в Харьков, и до сих пор ни слуху, ни духу. Я уже беспокоюсь и не знаю, что думать. Может быть то же, что было в Москве – задержался, а письма не поспевают, тем не менее, я боюсь, не болен ли он. Куда ему писать, не знаю.**

Опускула макаренкиана, №24, с. 181.

С 17 сентября 1936 г. А.С. Макаренко – старший инспектор-консультант по учебно-воспитательной работе в ОТК НКВД УССР. **Вероятно, с этого времени начинается его систематическая работа по упорядочению деятельности Киевской трудовой колонии НКВД №5 в Броварах (под Киевом, 400 воспитанников, около 300 га земли).**

Опускула макаренкиана, №22, с. 163.

Из письма Л.М. Салько (из Москвы) Г.С. Салько, 19 сент.: **«...Квартира наша (после подготовки к вселению – А.Ф.) сразу принимает другой вид... Если так пойдут дела, то к середине октября можно будет уже вселяться».**

Опускула макаренкиана, №24, с. 182.

20 сент. А.С. Макаренко подписал договор с издательством «Художественная литература» (Москва) об отдельном полном издании «Педагогической поэмы», в 3 частях.

Там же, с. 186.

26 сент. – Г.Г. Ягода решением ЦИК СССР освобожден от должности наркома внутренних дел, **назначен наркомом связи СССР. 28 марта 1937 г. арестован по обвинению в причастности к «антисоветскому правотроцкистскому блоку». На судебном процессе 2–13 марта 1937 г. приговорен к «высшей мере наказания», расстрелян 15 марта.**

Осень 1936 г.: Л.С. Ахматов на допросе показал, что М. Букшпан[1] и А.С. Макаренко **причастны к делу «контрреволюционной троцкистской организации», это следует из показаний, данных Н.Д. Грушевским[2] 12 августа 1937 г.**

(Опускула макаренкиана, №21, с. 61, 68). Фамилии М.М. Букшпана и А.А. Макаренко из протокола допроса Л.С. Ахматова вычеркнуты –

вероятно, по указанию В.А. Балицкого. (Опускула макаренкиана, №22, с. 133).

[1] *Букшпан М.М.* **– сотрудник ГПУ УССР, ответственный секретарь правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с мая 1928 г.; с марта 1932 г. член правления и ее секретарь.**

[2] *Грушевский Н.Д.* **– ранее нач. отделения секретно-политического отдела НКВД УССР.**

Письмо Л.М. Салько, 22 сентября 1936 г.

Киев, 22 сентября 1936 г.

Дорогой Лева!

Сегодня пришло твое большое письмо с разными планами и проектами переделок в квартире. Я считаю, что об этих переделках вообще говорить рано и не нужно морочить голову ни тебе, ни администрации постройки. Между прочим, ты совершенно прав, что капитальную перестройку в только что отделанной квартире производить не следует. Для Лили[1] большой комнаты не нужно по многим причинам. Между прочим, не нужно и потому, что нельзя ее раньше времени баловать и не нужно создавать для нее чересчур подчеркнутое уединение. Она и так диковата, пусть будет больше в обществе.

Наконец, в нашей семье никто не будет иметь в своем распоряжении совершенно отдельной комнаты. Я буду с Галей, ты будешь в кабинете, следовательно, в любой момент твоя комната может быть мобилизована для общего пользования. Общий коридор с балконом желателен именно для всех.

Твой последний план вполне нормален и разумен, а я упростил бы его еще больше, но об этом поговорим при встрече, торопиться вообще некуда. Дело в том, что едва ли в течение этой зимы я буду много бывать в Москве. Правда, на днях я уже переведен с должности помощника начальника отдела на должность консультанта, и это обещает мне несколько большую свободу. Не исключена возможность, что меня скоро и совсем освободят, но скорее всего все-таки будут стараться нагружать меня разными поручениями.

Поэтому в течение этой зимы очень возможно придется мне больше разъезжать по Украине, чем сидеть в Москве. Таким образом, и особенной тесноты у нас дома не будет, как-нибудь разместимся, а на следующее лето, если будет все хорошо, если будут деньги, если удастся устроиться всем на даче, можно будет произвести все нужные перестройки, которые к тому времени мы успеем обсудить и примерить.

Так?

Я считаю, что все твои заботы сейчас по отношению к квартире можно свободно ограничить одним вопросом: когда переезжать? Чем скорее, тем, конечно, лучше и для тебя, и для нас. При случае узнай, какие там нужны формальности, ордера, еще что-нибудь такое.

Я несколько беспокоюсь, не будет ли препятствий с нашей пропиской в Москве, но, разумеется, тебе в этом вопросе выяснять ничего не нужно, это я сделаю сам, когда приеду: может быть, придется еще хлопотать в Союзе писателей или в издательстве.

Галя говорила о твоем намерении переменить фамилию, спрашивала меня, как я к этому отнесся. Вопрос, разумеется, не требующий выяснения. Я не только буду страшно рад, но и страшно благодарен тебе за это. Я к тебе всегда относился и отношусь, как к моему сыну, какие могут быть здесь вопросы, а лучшего сына я и не хотел бы иметь. Правда, ты пишешь «ЗДЕЛАТЬ», «НЕЗНАЮ», «НЕХОТЯТ», а надо писать СДЕЛАТЬ, НЕ ЗНАЮ, НЕ ХОТЯТ. Но это не такой большой недостаток, правда! Оформить всю эту историю, оказывается, очень нетрудно. На днях я побываю в нашем загсе и узнаю все подробности по этому вопросу и тебе напишу.

Очень приятно было прочитать о твоих похождениях в зоологическом саду, о кормлении слонов и прочее, но, дорогой мой, не слишком ли большая порция зоологических

увлечений? Ты не забыл, что ты должен окончить институт по первой категории? Не забыл? Я не забыл!

Как у тебя дела с деньгами? После подарка Зое у тебя, вероятно, не осталось ни копейки, правда? Дня четыре назад я подписал договор на тираж в 75 000 всех трех частей[2] и должен на этих днях получить деньги. Как только получу извещение о деньгах, так и пошлю тебе доверенность на сберкассу при Гослитиздате, думаю, что это будет в ближайшие пять-шесть дней. Если же это дело почему-либо задержится, вышлю тебе отсюда из текущих разных поступлений.

Пишу сценарий[3] но писать, собственно говоря, некогда: то заедала командировка в Харьков, то немного приболел гриппом, еще и сейчас сижу дома и кашляю. Сценарий всем нравится.

Страшно хочу, чтобы Москва была скорее: пусть я даже и поживу в Киеве один несколько месяцев, все же будет ближе к берегу.

Видишь ли ты Глебку? Передай ему сердечный привет.

Будь здоров и весел.

Целую.

Твой А.

Опускула макаренкиана, №24, с. 185–186.

[1] *Макаренко О.В.,* **жила и воспитывалась в семье А.С. Макаренко с 1928 г. (в замужестве Васильева). Племянница А.С. Макаренко, дочь его младшего брата, В.С. Макаренко, эмигранта с ноября 1920 г. (Сведения о нем: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 179 и Часть 2, с. 96). Ей А.С. Макаренко 22 марта 1934 г. подарил «Педагогическую поэму» с надписью: «Лиле – замечательно хорошей и милой моей наследнице».**

[2] Говорится об издании «Педагогической поэмы», договор от 20 сент. 1936 г.

[3] Сценарий, видимо, для «Украинфильма».

Письмо Л.М. Салько, 27 сентября 1936 г.

Киев, 27 сент. 1936 г.

Дорогой Лева!

Посылаю тебе две доверенности. Получать нужно по одной, но я не знаю, по какой. Скорее всего, в сберкассу обращайся, прежде всего туда. Если же деньги в сберкассу не перечислены, обратись в соседнее окно, в расчетный отдел, – к Антоновой или кто там ее заменяет.

Из 3 500 рублей пятьсот оставь себе, а 300 рублей уплати в наш жилсройкоап[1]. Бубнов[2] прислал категорическое требование внести до въезда за квартиру, т.е. до 25 октября, 3 000 рублей.

Куда их внести? Может быть, можно отдать просто наличными самому Бобунову или их кассиру. Для тебя, наверное, так легче. Но в своей бумажке Бобунов пишет, что деньги нужно внести на расчетный счет РЖСКТ «Советский писатель» №3350/123 в Правлении Мосгорбанка – Москва, улица Куйбышева, 12.

Куда бы ты их не вносил, а расписку или квитанцию не забудь взять.

Узнавал я здесь в Загсе насчет перемены фамилии. Фамилию переменить очень легко. Нужно тебе только заявить об этом в Московском Загсе, ничьих согласий и никаких формальностей не требуется. Так же легко переменить и имя. Но отчество менять нельзя. Так, по крайней мере, говорят здесь. Может быть, в Москве в главном Загсе иначе? Отчество

тебе можно было бы только в том случае, если бы я тебя усыновил. Но усыновление возможно только до совершеннолетия.

Я тебе советую зайти в московский Загс и там все проделать основательно. Может быть, там и насчет отчества можно.

Имеет ли для тебя смысл менять только фамилию? Об этом ты решай сам, как тебе кажется. Напиши, что ты там узнаешь. Для меня, конечно, приятно будет все во всех случаях.

Живем мечтами о Москве. Для меня основательная Москва, собственно говоря, откладывается, но я надеюсь на всякие неожиданности. Сейчас пока что меня гоняют. Завтра еду в Донбасс дня на 4–5.

Дома благополучно, болеем насморком.

Сценарий гоню, думаю к 5/X кончить и сдать. Будешь у Бобунова, спроси его, что нужно проделать для нашей прописки в Москве, принимая во внимание, что мы переезжаем из Киева. Он, может быть, знает. Не нужно ли мне приезжать раньше?

Ну, будь весел и здоров.

Целую. *А.Макаренко.*

Привет и лобзание от всех. Как там Глебка?

А.М.

Опускула макаренкиана, №24, с. 187–188.

[1] **См. ниже: Районный жилищно-строительный кооператив «Советский писатель».**

[2] *Бобунов А.Г.* **– писатель, тогда сотрудник оргсектора СП, куратор строительства в Москве кооперативного дома писателей.**

Дополнения. *Перцов В. «Педагогическая поэма» – III часть// Литературное обозрение, 1936 г., №9:* **Это своеобразное художественное исследование проблем социалистического воспитания. Конкретное описание опыта – и очень много любопытных и глубоких догадок. Среди них есть и спорные. Обрисован новый, созданный социалистической революцией образ советского педагога – руководителя детского коллектива.**

Здоровец Д. Третья часть «Педагогической поэмы»// Литературная газета, Киев, № 33, укр. яз.: **«Та большевистская прямота, открытость, лирическая теплота и суровость в воспитании новых людей, что господствовало в первых двух частях произведения, – в его третьей части приобретает еще большую углубленность и художественную выразительность. Все это показано в развитии, работе, в действии». Галерея ярких образов, своеобразие их характеров и общие черты. Старшие воспитанники, актив – как воспитатели. В конце – о судьбах воспитанников.**

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 26–29 сентября, 1936 г.: **...Отец уехал уже, бедненький, в командировку в Донбасс... Он еще не совершенно выбрался из гриппа...**

Мы получили, как ты уже знаешь, извещение из РЖСКТ (жилищно-строительного кооператива, Москва – А.Ф.)...

Там приблизительно назначен срок переезда. Мы, так понимаем, числа 25 октября, к которому надо выплатить довъездовский пай...

Смущает несколько то, что отцу надо будет иметь квартиру в Киеве и жить здесь. Он уверяет, правда, что это недолго...

Относительно перемены [твоей] фамилии дело сложнее, чем мне сказали в юридической консультации. Оказывается, нельзя менять отчество... Отец собирается хлопотать в Москве в центральном Загсе... А пока надо менять фамилию. Как ты решил окончательно?...

Как хорошо, что мы уже внесли на нашу квартиру деньги... Оставшиеся четыре [тысячи] мы тоже собираемся уплатить, как только будут деньги...

2 октября и далее, до 16 ноября: письма – напоминания Е.М. Коростылевой А.С. Макаренко о подготовке «Книги для родителей». **«С нетерпением жду первых глав Вашей работы» (2 окт.); «Очень боюсь, что не удастся сделать никаких поправок» (20 окт.); «Рукопись жду с нетерпением» (9 ноября); «Кончайте «Книгу для родителей», ...отбросьте мысли о том, что получается... Получится хорошо» (16 ноября).**

Опускула макаренкиана, №22, с. 114.

Из письма Л.М. Салько «родителям», 3 октября 1936 г. **...Получил деньги... После встречи с Бубновым: деньги я могу внести [за квартиру] там поблизости в кассу на Пятницкой улице... внес деньги на счет №2000 и взял расписку, вселение будет к октябрьским торжествам... Если можно вселиться, то мне выдадут ордер... с пропиской затруднений не будет... Вселение задерживается только из-за газа, который не успели ввести в квартиры...**

Начал отдавать долги... Кроме столовой, буфета и полкило белого хлеба, еще сахара, мало что покупаю...

Ваш сын.

Опускула макаренкиана, №24, с. 190–191.

С 4 октября 1936 г. А.С. Макаренко – консультант по вопросам учебно-воспитательной работы трудкоммун и трудколоний в ОТК НКВД УССР.

Опускула макаренкиана, №22, с. 163.

5 октября в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, газета-многотиражка «Дзержинец» опубликовала статью «Ошибка не случайного характера» **(без подписи; автор, вероятно Н.А. Огий) – по результатам обсуждения заявления А.С. Макаренко, с объяснением его выступления 5 сентября на собрании, посвященном выпуску из коммуны:**

«И в своем выступлении на вечере выпускников, и в заявлении, которое т. Макаренко подал в партийный комитет... красной нитью проходит недооценка т. Макаренко роли партии, советской власти, комсомола в деле воспитания нашей молодежи, всюду выпячивается его собственное «я»... Механически пытается оправдать себя, считая себя обиженным.

Если он свое выступление на вечере может оправдывать «случайностью», то его заявление подтверждает, что эта грубая политическая ошибка вытекает из его концепции взглядов, его антиленинского образа мышления.

В заявлении он пишет: «Я ведь говорил только о будущем, в том числе о далеком будущем и хотел только одного, чтобы у моих воспитанников никакая вздорная мысль об ошибках партии не могла появиться»... Он пропагандирует возможность ошибок ленинско-сталинской партии, правда, «в далеком будущем». И дальше... развивает мысль о возможности безошибочности троцкистско-зиновьевской банды...

Партийная организация... подтверждает правильность статьи в газете «Дзержинец», №33...»

Для глубокого понимания цитируемого выше объяснения А.С. Макаренко необходимо, видимо, принять во внимание его философско-педагогическое положение: «Жизнь не состоит из одних идеальных вещей» (см. письмо Т.А. Миллер в начале этой книги); в новом, творческом деле бывают ошибки, необходимо их видеть и уметь своевременно устранять.

Из письма 7 октября 1936 г.

…...Для меня очень любопытно, как будут меня ругать педагоги формации 1936 г……..

Опускула макаренкиана, №7/ Сост. Г. Хиллиг. – Марбург, 1987, с. IX. Сказано в связи с приглашением на обсуждение «Педагогической поэмы» в Московском областном пединституте, первое ее обсуждение в целом (всех 3 частей) педагогами-специалистами, на новом этапе развития советской педагогики и школы.

Максим Горький в моей жизни

Опубликовано в издании: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 262–275.

Дополнение. *Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько 13 октября 1936 г.:* **...Отец едет в Москву числа 24 или 25. Это складывается благоприятно в том отношении, что он поедет по вызову организации читателей какого-то завода... он уже списался...**

Отец надеется, что его отпустят: сюда заместителем наркома переходит Карлсон[1] и отец надеется, что тот не будет его задерживать,

принимая во внимание их взаимную старую симпатию... Но надо будет позаботиться о жизни отца здесь в Киеве...

Отец разорвал с киевской кинофабрикой, и я очень рада – нехорошо это началось, не надо и дальше с ней иметь дело. Поэтому он сейчас отложил сценарий и пишет книгу для родителей – получается очень интересно. Погружен в книгу совершенно. Но он теперь гораздо скорее устает и не может уже так напряженно работать, как несколько лет тому назад...

[1] *Карлсон К.М.* **– осенью 1935 г. нач. обл. управления НКВД Харьковской обл.; ранее зам. предс. ГПУ УССР. Зам. предс. Совета коммуны им. Ф.Э. Дзержинского со дня ее основания; с марта до сент. 1932 г. предс. правления коммуны.**

Письмо Л.М. Салько, 14 октября 1936 г.

Киев, 14 окт. 36.

Левочка!

Галя вчера писала тебе основательно. А я записку. Ты уже знаешь, вероятно, что 23 и 24 я должен приехать в Москву – диспут на «Шарикоподшипнике» и в Областном педагогическом институте. Одним словом, скоро увидимся и побалакаем.

В письме ты спрашиваешь, когда мы переедем в Москву и где будем праздновать [7 ноября]? Но, серденько, ты об этом ведь лучше знаешь! У тебя нужно спрашивать!

Слухай, узнай срочно, где Рахиль Ароновна, уехала она или нет, почему от нее нет письма. Телефон их домашний Г-6-63-55.

Ну, крепко жму руку, а кроме того целую.

А. Макаренко

«Книга для родителей» идет неплохо.

А.М.

Опускула макаренкиана, №24, с. 193–194.

Из записных книжек, октябрь–декабрь 1936 г.

Бабич[1]. Он толстый и нескладный. «Опецкуватый»[2]. Сидит у себя в кресле и все пытается рассказывать анекдоты, но ему не дают разные дела. А под его рукой всякие ничтожества поразбирали для себя отдельные большие комнаты для кабинетов, поставили столы, постелили дорожки, сидят, зевают, скучают и ждут, пока столовая освободится от «масс», чтобы отправиться потреблять специально для них приготовленную пищу, при этом, бесплатную…...

Кто-то сказал Данцеру, что молоко возили Бабичу на квартиру ежедневно. Данцер ничего лучшего не придумал, как с пристрастием, то есть с матом, допрашивать шоферов, возили или не возили? Бабич об этом узнал. Получился настоящий карамболь...…[3]

Плановый отдел Бабич разогнал, потому что начальник планового отдела Цехановский отказался утром 31-го [октября] дать сводку о выполнении месячного плана.

Как в сберкассе, у него сложены знакомства, воспоминания, какие-то древние подви-

ги. У него страшная память. Он помнит всех Миш, Саш, всех одесских мальчишек с 1922 года, которые, по его словам, делали настоящую революцию в Одессе и забивали даже партию. Сейчас многие Миши, Пети и Саши занимают видные посты. Пинкус тоже старается занять. Хотя это ему почему-то не удается.

Но эти знакомства и весь ритуал воспоминаний составляет истинное содержание его жизни. А дело? А при помощи дела он думает подвинуться на одну ступеньку куда-то выше. Может быть, отхватить орден. Он того не знает, что выше он подвинуться не может, кишка на за что не выдержит.

А все же какое ему дело до дела. Какое ему дело до Б[4].

…...Он приезжает из [посещенных им] колоний веселый и возбужденный, довольный тем, что хорошо «подолбал».

Солнце пухлым синяком смотрит сквозь серую пыль неба. По шоссе восточный ветер расстилает космы поземки. Снежный прах холодными, зыбкими змейками гонится за машинами. Влево за белыми столбиками пучится кочками рябенькое, дрожащее прутиками болото. Направо молодые сосенки уютно ежатся в снеговых кокошниках, муфтах…...[5]

Опускула макаренкиана, №22, с. 169, 173–174.

[1] *Бабич И.* **– тогда управляющий трудколонией №5 в Броварах, 25 км. от Киева, образована в ноябре 1935 г.**

[2] **Толстенький, низенький, приземистый (укр. яз.).**

[3] **В переносном смысле: в игре на биллиарде – удар «своим» шаром в несколько «чужих».**

[4] **Имеется в виду В.А. Балицкий.**

[5] **Макаренковские наблюдения по пути из Киева в Бровары.**

Дополнение. *Лаврова К. Под знаменем социалистического гуманизма***// Книга и пролетарская революция, 1936, №10. Это произведение – «боевое выступление за утверждение принципов большевистской педагогики против чиновничьей схоластики».**

Выступление на заводе «Шарикоподшипник», 25 октября 1936 г.

Дорогие товарищи, очень благодарен вам за внимание, которое вы оказываете мне и тому делу, которому служу я и вместе со мной многие тысячи людей, – делу воспитания.

Я хочу сказать вам несколько слов с таким расчетом, чтобы понятно для вас стало, как я представлял себе задачу своей книги и что я рассчитывал вызвать у читателя.

Признаться, я не очень надеялся на то, что вопросы воспитания беспризорных вызовут такой интерес у общественности, как это оказалось на самом деле. Кроме того, я не надеялся на свои литературные способности. Поэтому написанная мною книга пролежала 5 лет, пока я решился, под большим нажимом и после энергичных требований А.М. Горького, отдать ее в печать.

Чего я хотел добиться этой книгой? Я вовсе не думал писать книгу для того, чтобы у меня учились работать с беспризорными. У меня была другая цель – я хотел доказать нашему широкому обществу, а не педагогам, что эти дети, которые назывались беспризорными, – это такие же обыкновенные, хорошие, нормальные дети, как и все дети. Я хотел вызвать у читателя симпатию к этим детям и тем самым в какой-то мере улучшить нашу работу по воспитанию этих детей.

Это была первая цель.

Какова была вторая цель? Мне хотелось показать, что только в нашем обществе –

обществе трудящихся, в советском обществе, даже из людей третьего сорта, последнего сорта, из тех людей, которых на Западе сваливают на свалку нищеты, огромной смертности и каторжного фабричного детского труда, – могут получиться и получаются образцовые, настоящие советские, я бы даже сказал, – большевистские коллективы.

Мне хотелось на всей этой стихии беспризорщины отразить наш советский стиль – стиль нашей жизни[1].

Наконец, мне хотелось высказать громким голосом те чисто педагогические мысли, которые возникали у меня в процессе работы.

И вот что касается педагогических мыслей, то, вероятно, меньше всего меня поняли даже педагоги, может быть, по моей вине, потому что я только между делом говорил о педагогике. Говорил между делом еще и потому, что боятся говорить, – должен вам прямо признаться в этом. Вы прекрасно знаете, что только в этом году педология[2], так сказать, скончалась благополучно.

Что такое педагогика? До сих пор у нас в этой области существует еще некоторая путаница в терминах. Под педагогикой мы подразумеваем вопросы образования, школьное дело, вопросы повышения человеческих знаний, т.е. все то, что входит в так называемый образовательный процесс. Кроме того, мы понимаем под педагогикой очень широкую стихию воспитания, которая проводится не только воспитателями, но и всей нашей жизнью – каждым из вас над каждым из вас. Два человека, проживающие вместе неделю, уже воспитывают один другого. Явление воспитания – чрезвычайно широкое явление. Трудно понимать его только как явление детское, в особенности в Советском Союзе, где воспитание сделалось одним из широчайших общественных дел. Вы об этом прекрасно знаете.

Если спросить, например, откуда взялась наша новая советская молодежь, то ведь прямо как будто ниоткуда, как будто у нас никаких особенных воспитательных книг не написано, как будто и наркомпросы наши работали плоховато, во всяком случае, мы их ругали буквально ежедневно, как будто и родители наши плавают еще в вопросах воспитания, настоящего коммунистического воспитания, и любовь у нас не всегда зефиром звучала, иногда сквознячком прохватывало. Семейные формы нашего быта недостаточно утряслись. Семья наша только теперь получает свое оформление.

Но вот смотрите – на наших глазах выросли десятки тысяч новых, совершенно новых, страшно интересных людей, которые фактически сейчас ведут нашу работу, – это молодежь, советская молодежь. Вот на вашем заводе средний возраст – это, наверное, 22–24 года.

Да, товарищи, воспитание – это очень широкое общественное явление, и я не осмелился бы взять на себя задачу писать законы этого общественного воспитания. Некоторые догадки, некоторые отдельные мысли, которые у меня, естественно, возникли в процессе работы с беспризорными, я позволил себе высказать в этой книжке.

Я еще раз повторяю – педология я боялся настолько, что в своей книге ни разу не упомянул слова «педология», тогда как фактически моя борьба была с педологией и с педологическим уклоном в педагогике.

В чем заключается педологическая работа в педагогике? Коротко говоря – в том, что ребенок берется совершенно отдельно, как обезьяна или кролик в биологическом кабинете, и рассматривается, при помощи разных искусственных форм наблюдения, оторванных от жизни, оторванных от коллектива, от широкого общественного движения и не диалектически[3] этот ребенок рассматривается и, естественно, в таком случае, что картина получается не социальная, а биологическая.

Этот совершенно уединенный, обособленный ребенок, по мнение педологии, давал основание для, того, чтобы делать о нем разные выводы и рекомендовать методы его воспитания.

С моей точки зрения, такой подход к ребенку всегда был подходом вредным, прямо скажу, антисоветским подходом. С моей точки зрения, ребенок – это прежде всего член общества, и притом – общества советского, общества трудящихся, общества социалистического.

Несмотря на то, что эта мысль как будто бы совершенно ясна, в самой работе по воспитанию на каждом шагу эту ясность нельзя было доказать очень многим людям из нашего педагогического лагеря, людям, которые в той или иной мере увлеклись педологическим подходом к ребенку.

С этой точки зрения я и позволил себе высказать несколько мыслей, строго теорети-

ческих, какие было бы, может быть, даже уместнее высказать не в этой книге, а в книге научной, специально посвящённой вопросам воспитания.

Коснусь только одного из всех педагогических вопросов – вопроса, который и вас, вероятно, в известной мере занимает, вопроса о наказании[4]. Это чрезвычайно трудный вопрос. Мы знаем, что в старой школе и в теперешней буржуазной школе не только употребляются наказания и утверждены как главный метод, но употребляются даже наказания физические. В немецкой школе порют еще сейчас, то же самое и в английской школе. Это установлено законом, допускается и считается необходимым.

После революции мы, педагоги, так широко размахнулись, что пошли прямо по линии «свободного воспитания»[5]. Никакого наказания. Даже слово «наказание» было запрещено. Было запрещено даже слово «методы воздействия», потому что этим можно было прикрыть вопрос наказания.

Я в своей работе с беспризорными правонарушителями сорвался на этом методе. Об этом я прямо и правдиво рассказал в своей книге. Но я сорвался, если хотите, по-советски. Я избил мальчика, но избил я его не потому, что был убежден в необходимости избить его, не потому что я сторонник такого наказания, а потому, что я, как человек, просто сорвался.

Работать с беспризорными, в особенности с правонарушителями, очень трудно. Но сейчас я могу держать коллектив в 800 человек, и у меня нет такого момента, когда я мог бы сорваться. Это невозможно. А тогда, в 1920 году, я совершил преступление. Я это иначе и не называю. Это было преступление, и меня можно было судить и осудить, и я не имел права заявлять какие бы то ни было претензии.

Я рассказал об этом в своей книге вовсе не для того, чтобы другие мне подражали и совершали такое же преступление и с преступления начинали, а для того, чтобы показать, как плохо, как гибельно, как преступно я начал свою работу.

Интересно, между прочим, что и такие, как я, – а таких очень много, в особенности много у нас, в нашем ведомстве НКВД, которое занимается исключительно перековкой взрослых и малолетних правонарушителей, – прошли одну линию. Те, которые раньше говорили, что ребенку все позволено, что ребенок – творческая личность, что он сам себя воспитывает, а потому по отношению к ребенку не может быть никаких мер воздействия, прошли свою линию. И вот наши линии в прошлом году столкнулись.

Это линия таких людей, как я, и старая наробразовская линия. Столкнулись они тогда, когда мы, согласно постановлению ЦК партии и СНК, принимали от Наробраза некоторые колонии для правонарушителей.

Мне самому пришлось принять такую колонию, которая была целиком во власти педологов, т.е. наиболее образованных, прекрасных, с их точки зрения, педагогов, – это одна киевская колония.

За 16 лет нашей работы, стоя на позиции наказания, признавая, что наказание – не физическое, конечно, а вообще – необходимо, мы фактически пришли к такой жизни, когда наказывать, собственно, не нужно, не приходится наказывать, ибо у нас есть другие методы работы.

И вот я принял эту колонию под Киевом у целой кучи педологов в таком виде: колония имела, 300 мальчиков и делилась она на 3 коллектива. Один коллектив сидел буквально за решеткой и не имел права даже и носа показывать из-за этой решетки. Это были наиболее трудные дети – так называемые дезорганизаторы. Второй коллектив сидел тоже взаперти, но решеток на окнах не было, а третий коллектив бродил вокруг этих двух коллективов по двору.

К такой системе пришли на базе отрицания наказания.

Меня уверили, что посадить таких мальчишек 12–13 лет за решетку – это не наказание, а это только изолирование более «трудных» – дезорганизаторов – от менее трудных. Я им только сказал:

– Если бы вас посадить за решетку, как бы вы это испытывали – как изолирование или наказание? *(Смех).*

Мне на это не ответили и с презрением на меня посмотрели.

Что мы сделали из этой колонии? Мы в течение одного дня разрушили все 3 «коллектива», всех смешали вместе, уничтожили решетки, и они и сейчас живут вместе в этой колонии. Прекрасные дети, приветливые, ласковые, трудолюбивые, дисциплинированные и красивые…...[6] И вот они живут и живут, потому что мы их не изолируем, а наказываем

так, как это рекомендовано постановлением ЦК партии[7].

Как мы наказываем? В крайнем случае, если нам нужно оказать какое-то давление, затормозить человека, остановить его в каком-то падении, мы позволяем себе оставить его без отпуска [в выходной день], не выдать ему заработанные деньги, а положить их в сберкассу на его имя. Если он лентяй – поручить ему специальную работу с индивидуальной ответственностью. Иногда мы лишаем его какого-нибудь удовольствия, вроде кино или поездки в театр. Вот что мы понимаем под наказанием.

В коммуне имени Дзержинского – это наша опорная, образцовая коммуна на Украине – за опоздание из отпуска на 5 минут коммунара посадят под «домашний арест» на полчаса в кабинете управляющего [коммуной], а за кражу не накажут совсем, потому что считают, что крадешь ты потому, что привык к этому. Поставят такого пацана «на середину» и скажут ему:

– Ты еще 2–3 раза украдешь, потому что ты привык, так пускай уж скорее эти три раза пройдут. *(Смех).*

Такой пацан начнет доказывать:

– Нет, никогда больше не украду.

– Брось, – говорят ему, – еще на той неделе, еще в том месяце украдешь, а потом перестанешь.

И что всего удивительнее, что это не только точно в смысле воспитательного метода, но это точно и в смысле прогноза. Он на следующей неделе сопрет у кого-нибудь пояс, через некоторое время у другого 3 рубля, а потом ему скажут:

– Ну, это уж в последний раз, правда?

– Совершенно верно, в последний раз. *(Смех)*

Обычно воровство после этого прекращается. Воровство – это результат опыта, даже дети это понимают. Наказывать за это нельзя.

Опоздание же из отпуска – это большое преступление. Раз ты заслужил отпуск, раз ты представился перед коллективом таким, что тебя можно отпустить, а потом ты опоздал и не пришел точно, – значит, ты наврал, значит, ты не уважаешь коллектив, не уважаешь себя, значит, у тебя к себе нет достаточной требовательности, а ты должен ее иметь, ты должен требовать от себя точности. Поэтому, пожалуйста, посиди на диване в кабинете управляющего.

Видите, какие могут быть страшно интересные повороты в вопросе о наказании. Эти повороты, взятые вместе со всеми остальными приемами, должны составить ту педагогическую технику, которая должна быть техникой советской, техникой коммунистического воспитания, мы эту технику творим, творим открыто перед всем миром.

Вот, например, 7-го апреля прошлого года был издан закон, что все несовершеннолетние, совершившие преступления, отдаются под суд и судятся по всем законам обычного нашего советского уголовного права. В Европе тогда крик подняли:

– Смотрите, – говорят, – в Советском Союзе малышей судят по уголовному закону.

Мы не испугались этого – судим и теперь. Но у нас совсем другая стихия этого суда и этого наказания.

Вот и сейчас многие дети, большей частью семейные, потому что беспризорные сейчас перестали совершать преступления, попадаются в том или ином преступлении – в краже, хулиганстве, иногда и в маленьком грабеже, и их судит суд. Выносится приговор: 3 года или 5 лет заключения. Немедленно после суда, тут же в судебном заседании, этот мальчик освобождается из-под стражи и перёдается в наши совершенно открытые колонии, где запрещено иметь стены, заборы, решетки, сторожей.

Приезжает он туда, и говорят ему:

– Ты осужден, но это вовсе не значит, что тебя приговорили к страданию. Нет, это значит, что тебя осудили морально, тебе сказали: ты заслуживаешь по своему проступку 3 года тюрьмы, но фактически ты живешь в свободной трудовой колонии, ты носишь очень почетное звание колониста – члена колонии, ты работаешь на производстве, как и всякий трудящийся, ты учишься в школе, как и каждый ребенок или юноша, ты пользуешься всеми правами гражданства. Проживешь здесь 3–4 года, затем мы тебя выпустим и снимем с тебя ту судимость, которую ты имеешь.

Принципиально оставаясь на позиции наказания, фактически вся наша советская жизнь идет к тому, что наш метод воспитания является методом не наказания, а методом трудового коллектива[8] так же воодушевленного общей работой, как и здесь все на заводе

им. Кагановича, также ведущего свою работу по-стахановски, также идущего вперед в образовательном, политическом и культурно-просветительном деле. Одним словом, такой мальчик становится полноправным настоящим советским гражданином.

Вот видите, как можно, чувствуя общий тон нашей жизни, общие устремления, установить, как нужно воспитывать наших детей.

Это главный пункт, которого я коснулся «Педагогической поэме». Это вопрос о методе, главным образом в смысле приемов воспитания.

Что такое дисциплина? У нас в Советском Союзе это очень хорошо знают. Образцом у нас является дисциплина нашей Коммунистической партии. Такую дисциплину надо, конечно, воспитывать и в наших детях. Если подумать над теми образцами дисциплины, которые мы имеем, то очень легко вывести педагогический метод.

Вот все, что я хотел вам сказать по вопросу о педагогике.

Все остальное, что есть в книжке, – это уже не столько педагогика, сколько живые люди, живые характеры, т.е. то, что вас, вероятно, больше всего могло привлечь и больше всего убедило в том, как нужно работать с таким народом и как нужно к нему относиться.

В настоящее время, согласно постановлению ЦК партии и СНК от прошлого года, беспризорность у нас фактически ликвидирована. Сейчас наша работа заключается уже не столько в подборе беспризорных с улиц, сколько в воспитании тех, кого мы собрали за все это время, и в установлении окончательного трудового метода.

Но должен сказать вам, что в настоящее время перед нами возникла другая, чрезвычайно важная задача – это воспитание тех, детей которые выпадают из семьи. Это небольшой процент, но даже 1–2 процента нас не устраивают.

Есть такие семьи, которые с ребятами, в особенности с мальчиками, не умеют справиться по-настоящему, по-советски, не умеют воспитывать настоящих будущих граждан. Таких детей мы получаем сейчас в наши колонии, и, признаться вам, – они труднее беспризорных. Они труднее потому, что беспризорных портила улица и некоторые педагоги, а этих портят и улица, и педагоги, и родители.

Беспризорные, приходя к нам, видят в нас отцов и матерей. Больше им не к кому обращаться. Семейный же ребенок, который сбился с пути, может выбирать. Некоторые прямо выбирают наши трудовые колонии, а некоторые ребята, окончательно избалованные родителями, не приученные к труду, а только к потреблению, к удовольствию, приученные каждый день ходить в кинотеатр, приученные с 12 лет мечтать о галстуке, о нарядах, о танцах, стараются от нас уйти, чтобы опять продолжать свою жизнь в такой семье, которая их так плохо воспитала.

Эти дети представляют сейчас предмет нашей работы, и я думаю, что всем родителям, в особенности теперь, после постановления ЦК партии о семье[9], о воспитании и о ликвидации беспризорности, нужно особенно заинтересоваться вопросами воспитания. Идя навстречу нужде многих родителей, я написал вторую книгу, которая печатается сейчас в Москве[10]. Она так и называется – «Книга для родителей».

В этой книге я хочу рассказать родителям в простых словах, на примере разных хороших и плохих родителей, как нужно воспитывать настоящих советских граждан, каких ошибок нужно избегать, как нужно себя вести, чтобы воспитать своего ребенка как следует, как нужно найти середину между строгостью и лаской, как нужно найти тот родительский авторитет, который необходим и который является для многих родителей довольно трудным.

Вы знаете, в старое «доброе» время родительский авторитет базировался на третьей заповеди: «Чти отца своего и мать свою, и благо тебе будет». Сам бог приказал чтить, и за это обещалась определенная награда. Будешь чтить – будет тебе хорошо, получишь наследство, получишь приданое, получишь имение от папаши и мамаши.

Так как большинство родителей не имело никаких благ, то обещать своим ребятам награду за почтение было, собственно, не из чего. Таким родителям предлагалось обещать блага со знаком минус, т.е. чти, но если не будешь чтить, то будет тебе порка.

Выходит, что родительский авторитет был построен на законе божьем. А теперь на чем построен родительский авторитет? Никакой исповеди нет, никакого наследства, никаких благ нет – ни со знаком плюс, ни со знаком минус.

Теперешний мальчик в подавляющем большинстве случаев не позволит папаше взять палку – не позволит, да и все. Убежит. Вот родителям и нужно найти свой авторитет и построить его на том, чтобы мальчик оставался их другом, в то же время, чтобы отец и

мать почитались своим сыном.

Всю эту хитрость совсем не трудно постигнуть, если хорошенько вдуматься в один главный вопрос: кого мы должны воспитывать из нашего ребенка.

Я буду очень рад, если из «Педагогической поэмы» и из моей второй книги – пусть, даже, незначительное число людей получит для себя какую-нибудь пользу, хотя бы даже в том смысле, что задумается над вопросом воспитания, остановится на вопросе воспитания, что-то пересмотрит, перечувствует, более серьезно, чем это обычно бывает.

В заключение два слова о самой книге и ее истории. Я книгу писал не как писатель, а потому не придирайтесь ко мне за некоторые промахи, может быть, чисто художественного порядка. И сейчас я себя писателем не считаю, по-прежнему работаю с беспризорными и буду продолжать работать. Поэтому все обвинения, какие будут направлены ко мне как к писателю, я заранее отвожу. *(Смех).* Я просто педагог, который писал так, как писалось.

Затем очень прошу, товарищи, в самую глубину вашей души смотрю с просьбой, – не нужно меня хвалить, потому что это может меня испортить, как лишние похвалы портят многих детей. Всегда в похвале нужно быть особенно осторожным. *(Бурные аплодисменты)*.....[11]

Мне было подано много записок. Большинство записок касается одного вопроса – просят рассказать о моей жизни. Мне легко это сделать, потому что жизнь моя очень проста.

Я учитель, сын рабочего – маляра-железнодорожника. Учительствую с 17 лет. Батька у меня был очень строгий и противник образования. Поэтому я получил образование только низшее и начал учительствовать в 1905 г. в ж.д. рабочей школе того самого вагонного завода, где работал мой отец.

Только в 1914 г., через 9 лет, уже после смерти отца, я смог поступить в педагогический институт и окончил его в 1917 году.

С 1917 г. я опять учительствовал в той же школе, что и раньше, но я был уже директором школы. Это вагонный завод в Крюкове. Меня привлекло туда то, что там была очень знакомая мне среда, так как буквально все рабочее общество, до одной семьи, было мне известно.

Я в этой школе был до Деникина. Во время Деникина мне пришлось оттуда уйти. Я пошел в народную школу в Полтаве учителем. Там я проработал год[12], и когда мне предложили колонию им. Горького – я ее взял.

В этой колонии я работал с 1920 по 1928 г.

Мне пришлось уйти оттуда из-за разногласий с Наробразом. Я, может быть, еще боролся бы и не уходил, если бы в это время я уже целый год параллельно не заведовал коммуной им. Дзержинского, открытой ГПУ [Украины].

Я ушел в коммуну им. Дзержинского, потому что ГПУ всецело приняло мою систему, и я мог работать там более эффективно. Само собой разумеется, что большинство горьковцев, оставшихся в колонии им. Горького, перебежали ко мне в коммуну им. Дзержинского *(аплодисменты)*, так что с этой стороны ребята ничего не потеряли.

В коммуне Дзержинского я работал 8 лет. В прошлом году, после постановления ЦК партии о ликвидации беспризорности, меня командировали в Киев для руководства всей воспитательной работой всех колонией НКВД Украины. Всего там 14 колоний. Эта работа меня не удовлетворяла, так как, сидя в одном месте в канцелярии, я чувствовал себя непривычно. Я привык иметь дело с живым материалом.

Сейчас я упросил свое начальство, и мне дали колонию. В Киеве строится образцовая колония, которая должна быть чем-то вроде коммуны им. Дзержинского. Мы ходатайствуем, чтобы ей дали имя Павла Петровича Постышева.[13] Меня это дело увлекает.

Правда, опять придется с начала начинать, но мне интересно, какое теперь будет начало. Я думаю, конечно, воспользоваться помощью дзержинцев.

Тут есть много записок о коммуне Дзержинского в Харькове. Если я начну рассказывать о коммуне Дзержинского, то вы и до утра не уйдете отсюда. Это, конечно, очень большое и чрезвычайно интересное дело. О нем в двух словах не расскажешь. Это та самая коммуна, которая, вы может быть слышали, производит «лейки» – фотоаппараты.

Коммуна Дзержинского прекрасно организована в смысле материальном. Прекрасное здание, живут они богато, но живут на свой отчет – от государства ничего не получают. Наоборот – они государству дают ежегодно 8 миллионов чистой прибыли. Производят они эти самые «ФЭДы». Завод у них, конечно, по сравнению с вашим, изящная коробочка, но

производство это серьёзное. Требуется большая точность. Это ново и интересно для ребят, особенно оптическая часть требует страшно много всяких знаний, в том числе математических.

Имеется у них 10-летка, все они оттуда выходят, получив полное среднее образование, и большинство из них уходит в вузы. Всего из коммуны Дзержинского только одних студентов в вузах сейчас – в Москве, Харькове, Одессе и т.д. – 86 человек. Кто не идет в вуз, выходит мастером высокой квалификации, обычно 6-го, 7-го, иногда 8-го разряда.

У них свой интересный быт, но в общем повторяющий ту, же систему, которая описана в «Педагогической поэме». В коммуне этой есть и девочки, и мальчики.

Иногда спрашивают о судьбе героев «Педагогической поэмы».

Нужно вам сказать, что в книге почти все фамилии даны без изменения; кроме тех, относительно которых неловко было назвать фамилию – это те, которые попадались в воровстве и т.д.

Где они сейчас? Почти со всеми я имею связь, правда, не регулярно, потому, что многие уехали очень далеко.

Задоров полгода сидит в Туркменистане, где строится большой совхоз им. Сталина – он работает там инженером-мелиоратором[14]. Остальные полгода он сидит в Москве... он работает здесь в каком-то научном институте.

Братченко я потерял. Он окончил ветеринарный институт и уехал с каким-то полком в Сибирь. Потерял его не только я, но и другие мои ребята.

Карабанов работает у меня, заведует Винницкой трудколонией НКВД им. Косиора. Он беспризорным не изменяет.

Работает в нашем ведомстве пом. управляющего Днепропетровской колонией НКВД Марк Шейнгауз, если вы помните из 3-й части моей книги, – такой мальчик с хорошими глазами. Ему такая работа также удается.

Бурун работает врачом в Ярославле.

Синенький недавно только вышел из коммуны Дзержинского и пошел в летчики.

Вообще в летчики ушло очень много народу – человек 30.

Митька Жевелий сейчас на штурманской работе в Артике. Он окончил морской техникум в Мурманске.

Из девочек Оля Воронова – партийный работник в Полтаве и по-прежнему работает на селе.

Олешка Новиков – секретарь райкома партии.

Прошли ведь сотни, а в книге я всех их не мог вывести. Были лица, которые имели не меньшее значение в колонии Горького, чем названные, и которые сейчас мне помогают.

Среди горьковцев существует большая, крепкая связь. В день смерти А.М. Горького я получил 9 телеграмм со всех концов Союза с выражением сочувствия мне. Эти телеграммы давали мне мои ребята.

У них и сейчас еще существует такое стремление: устроить съезд бывших горьковцев. Это, конечно, очень трудно, так как отпуск они получают в разное время и очень далеко живут. Между прочим, сторонником такого съезда был и Алексей Максимович, но так нам и не удалось его устроить.

Вершнев работает сейчас врачом в коммуне им. Дзержинского. Между прочем, очень интересная фигура, его все помнят и называют его по-прежнему Колькой. *(Смех).* С этим Вершневем был недавно такой случай: он работал главным врачом в больнице в Комсомольске на Амуре. Так как нам врачей, умеющих воспитывать наших ребят, не хватало, то я приказал ему телеграммой приехать в Харьков в коммуну Дзержинского. Он подчинился беспрекословно, бросил Комсомольск на Амуре и приехал на новое место.

Колька этот вышел самым интересным человеком из всех. В свою больницу пол натирать он полотеров не пускает, говорит вы мне напачкаете, и сам натирает пол (как в коммуне, она была на самообслуживании – А.Ф.) *(Смех).* Хорош он, как врач, тем, что ни один беспризорный его никогда не обманет. Никакая симуляция для этого Кольки не страшна. *(Смех).*

Расскажу вам один случай; это, было во время одного из наших (летних) походов – «дзержинка» каждый год выезжает, она прошла Кавказ, Крым, Волгу и что хотите. Во время одного из походов этот самый Колька пришел ко мне, притащил зав. хозяйством и говорит:

– Что это такое, немытые груши давать ребятам?

Тот смутился и сказал:

– Хорошо, будем мыть.

Но обиделся на Кольку не только завхоз, но и вся хозяйственная комиссия, которая считала, что мыть груши – это лишнее дело. Через полчаса этого самого Кольку притащили ко мне с немытой грушей, которую он ел сам. Колька говорил:

– Какое тебе дело, если я умру, ты за меня не ответишь.

Все равно, общее собрание совета командиров постановило: раз Колька нарушает дисциплину, обязательную для всех, дать ему 3 «наряда». *(Смех).* И вот Колька выполнял эти 3 наряда и лично убирал лагерь вокруг своей больничной палатки. Чрезвычайно интересный и симпатичный человек.

Спрашивают, где я работаю. Я руковожу сейчас 5-й Киевской колонией[15], если кому нужно будет – пожалуйста. *(Смех).*

Собираюсь ли я написать книгу? Мне писать книгу очень трудно.

В колонии работать нужно как? Вставать в 6 часов и освобождаться от работы в час ночи. Поэтому приходится писать рядом с ребятами. Слово написал и 20 слов поговори. Собираюсь все-таки книжку о взрослых написать. Меня интересуют взрослые с той же воспитательной позиции.

У нас в жизни есть много чудаков, таких как будто странных людей, иногда и дураки есть. *(Смех).* Есть люди с мошенническими наклонностями, халтурщики, марафетчики, портачи. Очень интересно, как их воспитывает общество уже не в колонии, а в самой работе. Эта тема меня страшно увлекает.

Дурак, конечно, дураком останется, но одно дело дурак в буржуазном обществе и другое дело – дурак в советском обществе. Какое место занимает дурак в советском обществе, как мы его перевоспитываем или, по крайней мере, нивелируем его глупость так, что она становится полезной – это чрезвычайно интересная тема, которая меня особенно увлекает.

Как я связан с педагогическим миром? Раньше я был очень связан, как вы знаете по книге. Были у меня противники, но большинство, в особенности члены партии, стояли на моей стороне, или, вернее, – я стоял на их стороне. Я считаю, что советская педагогика носится в воздухе[16]. Тут не может быть 2 мнений. Совершенно ясно и определенно, что нужно делать.

В настоящее время в НКВД я как-то совсем отошел от педагогического мира просто потому, что у нас свой педагогический мир. Чекисты не кончают педтехникумов и вузов, а делают большое воспитательное дело.

Это вы можете видеть на каждом шагу. Воспитывают они не только детей, но и взрослых. Я пока этим педагогическим миром вполне удовлетворен.

Конечно, приходится мне встречаться с педагогами-специалистами. Должен признаться, что как я ни хочу подойти к ним ласково и с открытой душой, все-таки у них и до сих пор есть против меня какое-то предубеждение. Настоящего мира между нами нет.

Особенно меня стали ругать в 1930 г. когда я в «Дзержинке» возился, возился с воспитателями, а потом взял и в один день снял всех. С 1930 г. коммуна Дзержинского буквально возродилась. Работает без воспитателей, но там есть 300 комсомольцев, из которых многие оканчивают десятилетку. Комсомольский коллектив – это такой воспитатель в трудовых условиях коммуны, что я никакой нужды не испытываю в специалистах-воспитателях.

За это меня тоже начали покалывать – как это вы работаете без педагогов, где же руководящая роль педагогов?[17]

Хорошо, я понимаю руководящую роль педагогов в школе: там педагог буквально должен быть командиром, но в коллективе, если у нас есть 300 комсомольцев и из них 50 уж, во всяком случае, настоящих, активных – там никакой надобности в воспитателях я не испытываю.

И сейчас новую большую колонию на 1 000 человек я думаю организовать без единого воспитателя. Я организую там комсомольскую организацию. Кое-кого из старых комсомольцев я уже перетащил. *(Смех).*

Насчет кустарности метода. Это чрезвычайно сложный вопрос. Я сторонник педагогической науки, но только новой науки. Как меня ни обливают холодной и горячей водой, не могу я понять, что я могу взять у Руссо[18]. Я его читаю миллион раз, и все-таки, нет, отвращение у меня к Руссо. Ну, хорошо, Песталоцци[19] был хорошим человеком. Он был

добрым, любил детей – это мы у него давно взяли. Что же касается метода, то у него тоже ничего нельзя взять.

Когда мне говорят: а Маркса читали, Ленина читали? Я отвечаю: извините, пожалуйста, Маркс и Ленин не педагоги, это больше, чем педагоги. Если я беру что-то у Маркса, Ленина и Сталина, то это не значит, что я должен благодарить педагогов. *(Аплодисменты).*

Я выписал из Ленина от первой до последней строчки все места, имеющие отношение к вопросам воспитания, такие, которые сначала, казалось бы, даже никакого отношения не имеют к воспитанию.

Когда Ленин говорит о дисциплине среди рабочих, эти места являются для меня основанием для дисциплины среди воспитанников[20].

Из этого, конечно, можно создать большую, настоящую педагогическую книгу, но я не решаюсь – считаю себя ещё малоподкованным, чтобы заняться такой работой. Когда-нибудь обязательно сделаю это. Я считаю, что можно не читать больше ничего, кроме Маркса, Ленина и Сталина, чтобы создать новую педагогику. *(Аплодисменты).*

Я при этом совершенно отделяю вопрос о методе школьном, классном. Это совсем другое дело. Есть, конечно, много прекрасных образцов в нашей старой и новой школе, и в заграничной школе, откуда можно черпать определенные рецепты. Я же говорю о педагогике только как о воспитании. Образовательный процесс меня в данном случае почти не интересует.

Будет ли продолжена «Поэма»? Хватит, не могу больше «Поэму» продолжать.

Какая судьба Наташи Петренко? Она окончила в прошлом году Одесский мединститут и получила назначение на село – работает там врачом.

Что стало с Калиной Ивановичем? Сначала донеслись до меня такие слухи, что он умер. Недавно я получил от него письмо.

Он пишет: «Так как ты меня так описав в своей книге, что будто я действительно такой хороший работник, то похлопочи для меня персональную пенсию.» *(Смех).*

Я это письмо с приложением «Педагогической поэмы» в прошлом месяце направил в СНК Украины и написал, что действительно человек так работал. Не знаю, чем окончится мое ходатайство.

Вот интересная записка, видно, что писал педагог:

«В последней части своей книги вы сравниваете процесс воспитания детей с технологическим процессом. Не перегнули вы в своих суждениях? Никак нельзя согласиться с вашим сравнением обработки металла и живого человека. Не механический ли это подход?»

Ну, понимаете, никак я не могу добиться, чтобы меня поняли. Все-таки люди верят, что есть душа, какой-то пар, который нужно особо обрабатывать.

Какая, собственно, принципиальная разница? Когда вы берете кусок металла, вы имеете цель, средства и технологический процесс. Почему невозможен технологический процесс по отношению к человеку? Пока мы не придем к необходимому уважению своей технологической науки – мы не сможем хорошо воспитывать детей.

Я в своей книге говорю, что некоторые детали человеческой личности можно штамповать на «штампах». На меня педагоги страшно кричат за это место: как можно человека штамповать?

Я же не предлагаю взять живого человека и засунуть его в пресс. *(Смех).*

Возьмем, например, привычку к чистоте, к точности. Это буквально штампуется в коллективе. Не нужно никакого индивидуального подхода к этому вопросу. Вы создаете общие условия, создаете ежедневный опыт. Они изо дня в день умываются, чистят зубы, моют ноги, и когда они выходят из коммуны – они уже не могут не умываться ежедневно.

Какая особая хитрость для этого нужна? Никакой, это пустяковая задача, и это действительно можно сравнить со штампом. Но, как и в штамповальном деле требуется тонкая работа самих штампов, так и здесь. Опять-таки, сравнение. Что это значит? Конечно, не то, что нужно тонко сделать штамп и бахать по человеку, а нужно тонко, точно, правильно организовать коллектив и тогда этот штамп будет действовать.

В коммуне Дзержинского нельзя опоздать на обед больше, чем на пять минут, причем никаких талончиков нет. Если он пришел в шестую минуту – никакой охраны нет, но ему любой товарищ скажет в столовой: пожалуйста, вы опоздали.

Иногда, когда начинаются очень большие опоздания, я подхожу в двери столовой и разговариваю с каким-нибудь коммунаром. Пробегают все опоздавшие мимо – здрав-

ствуйте, Антон Семенович, – и прямо в цех.

Благодаря такому штампу многие привычки без особых хлопот прививаются человеческой личности.

Что касается других деталей человеческой личности, скажем, отношение к чести, отношение к взрослым, к работе, к своему собственному достоинству, ко всему нашему политическому достоинству, отношение к событиям, в Испании, – это нельзя штамповать. Здесь требуется специальная работа в каждом отдельном случае. Но именно потому ее легко сделать, что другие вещи делаются почти механически[21].

Таким образом, это просто сравнение, а вовсе не механизация.

О моей переписке с Горьким. С Горьким я сначала переписывался как заведующий колонии им. Горького, а потом, когда я оттуда ушел, переписывался с ним лично, как автор.

А.М. очень настаивал все время на том, чтобы я писал книгу, а я сопротивлялся. Хотя книга у меня была написана, но я, по совести, считал ее такой плохой и неинтересной, что думал, что не стоит ее показывать Горькому. По этому вопросу была переписка. Потом она пошла уже в порядке нашей литературной дружбы и, главным образом, – в порядке его опеки над моим литературным трудом.

«Почему вы в конце книги как бы изгоняетесь из своего правого дела?»

Почему изгоняюсь? Нет, я могу гордиться тем, что я не уступил, и не угомонился.

Практический вопрос – когда видишь беспризорного мальчика или старика, надо ему помочь деньгами, когда он просит?

Беспризорному, конечно, нельзя помогать деньгами, это настоящее шахрайство[22]. Просить на улице – это самый плохой сорт. У тех, кто не просит, есть одно достоинство. Те, кто протягивает руку – это самые трудные мальчики. Особенно нельзя поощрять тех, кто в дачной местности, в вагонах поет всякие песни. Такого нужно немедленно сдать стрелковой охране, иначе из него выйдет настоящий бандит.

Большое преступление – помогать беспризорным деньгами. Эти деньги они истратят на водку – больше им не на что тратить, потому что хлеб они себе украдут.

Помогать ли старым, нищим? Я считаю, что в нашем Союзе социальное обеспечение достаточно хорошо организовано, но все-таки, если я вижу какую-нибудь жалкую старуху, которая падает с ног, я ей немного денег, может быть, дам, но я считаю, что это нехорошо. *(Смех).*

Что теперь с колонией Горького? Помните, я в 3-й книге писал, что отправил ребят в колонию им. Горького и больше там не был. Это было в 1928 году. В 1935 году я по поручению НКВД отправился принимать колонию им. Горького в наше собственное ведение.

К сожалению, я застал ее в очень печальном положении. Как же так ухитрились люди жить, что за 8 лет не произвели ни одного ремонта. Все облезло, поломалось. Ребята, конечно, все новые. Сейчас она у нас является 10-й трудколонией НКВД УССР им. Горького. Сейчас там дело наладилось, они скоро переходят на хозрасчет, производят они пресс Брюннля[23] и работают довольно хорошо. Туда пришел новый персонал. Есть там кое-кто из старых горьковцев. Между прочим, с 1-го ноября туда переходит Карабанов, восстанавливать свою колонию.

О девушках. Мне был сделан правильный упрек насчет Раисы, что в книге не показано ее перерождение.

Вообще я должен признаться, что с девушками я работал слабее, чем с мальчиками. С мальчиками у меня как-то лучше выходило, а с девушками, в особенности, когда они достигают 15–16 лет и начинают влюбляться, – дело совсем плохо. *(Смех).*

Мальчик, если влюбится, я могу подозвать его и сказать – подожди. И, конечно, он подождет. *(Смех).*

Девушке этого не скажешь.

Хлопца спросишь – влюблен?

Он скажет – влюблен. А если девушку спросишь, она говорит – ничего подобного, что вы выдумали! *(Смех).*

Не за что взять, и потом там какая-то особенная нежность требуется, особенная паутинка, за которую нужно повести, а я для этого дела немножко грубоват, что ли. Мне с девушками трудно было работать; или я боялся разбить эти нежные организмы – они, знаете, умеют казаться нежными, – или, может быть, там нужна женщина для специальных разговоров.

Все-таки колонию без девушек я себе не представляю. Считаю, что правильное воспитание может быть только совместным. Как в жизни люди живут вместе, так и воспитываться они должны вместе, и тогда нормально будет идти жизнь девушек и мальчиков. Такова наша советская установка.

В некотором отношении с девушками легче, но зато внутренность их души так не ковырнешь, как у хлопца. С внешней сторону они причиняют меньше затруднений. Они почти никогда не крадут, никогда не убегают, не дерутся; но, правда, ссорятся гораздо больше. *(Смех).* Как мирить их в этих ссорах – это даже для меня, с таким опытом, в значительной мере еще секрет. Так трудно добиться того, чтобы они не обиделись на тебя же и чтобы не усилить еще эту ссору.

Вообще с девушками очень трудно работать. Поэтому и книга у меня дана, может быть, без такой прямой любви к делу отражения работы с девушками.

Что касается Раисы, то я хотел показать, что с нею не управились, а жизнь с нею управилась. Что ж поделать – так бывает, не всегда уже мы такие большие мастера.

«На каком языке вы говорили в колонии, и почему книга написана по-русски?»

Это, конечно, грех. Конечно, были у нас украинцы, и школа у нас была украинская, но как-то так получилось, что говорили больше по-русски. И ребята в школе занимались по-украински, а в домашней обстановке говорили наполовину по-украински, наполовину по-русски и в некоторой части – на блатном языке.

Я стоял на точке зрения украинизации, но потом прибавлялось нам больше и больше городских людей. Когда колония получила известность, к нам стали присылать ребят из Харькова, Одессы и т.д. Это уже такие ребята, у которых ничего от украинского языка не осталось. Коммуна им. Дзержинского работает по-русски, потому что ребята там все городские и говорят на русском языке.

Как реагировали сами ребята на мою книгу? Сказать, что они пришли в большой восторг, – нельзя. Они просто считают, что описана правда. Так было, – говорят, – так и написано. Никаких особенных вопросов у них не возникало.

«Каким образом впервые поступающий в колонию правонарушитель вливается в общий коллектив?»

Это технический вопрос. Когда ко мне привозят в колонию группу в 5–6 правонарушителей, я веду с ними беседу для того, чтобы прощупать, кто чем пахнет.

Я должен определить их установку, собирается ли он убежать, как только я его выпущу, кто хочет тут преобладать, играть какую-нибудь роль и кто чересчур пассивен и нужно будет его активизировать.

После этой беседы я вызываю подходящих командиров и говорю:

– Ты возьмешь такого-то, имей в виду, он будет убегать – следи за ним.

– Ты возьмешь такого-то – активизируй его.

– Ты возьмешь этого – он будет красть.

А вот этот совсем хороший парень, и я даю его в нормальный, спокойный коллектив.

Первую неделю я каждый день беседую с этими командирами, даже, всю бригаду собираю и расспрашиваю, как ведет себя новенький. Это самый трудный момент. При малейшем конфликте он может всегда удрать и сделать что угодно.

Когда проходит неделя – я опять вызываю новеньких и беседует с ними. Вижу, какие изменения произошли в настроении, в его тоне. Бывают трудные случаи, когда приходится наблюдать в течение полугода очень близко и ежедневно, но большинство через неделю или две в коллективе уже свои люди и нужно бояться, что они станут в коллективе чересчур своими, т.е. будут красть в коллективе и хулиганить[24].

«Существует ли звание колониста?»

В коммуне Дзержинского существует звание воспитанника. Месяца через 4, когда новенький покажет себя своим во всех отношениях – на работе, в школе, своим поведением – ему дают звание коммунара. Как коммунар, он имеет некоторые преимущества. Он может получать карманные деньги, т.е. заработанные деньги, на руки, а не через меня. Он имеет право уйти в отпуск с разрешения командира, а не с моего разрешения. Он имеет важное право в коммуне Дзержинского, чтобы ему верили, на слово. Если он говорит – это было так, то нельзя требовать от него доказательств.

Наконец, еще очень важное право, которое заключается в том, что его нельзя наказать иначе, как только «домашним арестом», в то время как воспитанника можно наказать как угодно, но только не «домашним арестом».

Как совершается это наказание? Скажем, дают коммунару 3 часа «ареста». Через неделю он приходит к вам, в кабинет, вы уже забыли – за что наложили на него «арест», он говорит:

– Антон Семенович, пришел под арест.

Я не должен спрашивать его – за что, как. Пришел – пожалуйста. Садись и сиди. *(Смех)*.

Он 3 часа сидит, читает, чертит, пошлешь его с каким-нибудь поручением, потом он говорит:

– Антон Семенович, я отсидел свои часы.

– Пожалуйста, можешь уходить.

Это наказание можно наложить только на коммунара, и это очень важная привилегия.

Наконец, перед выпуском, когда человек считается совсем закончившим воспитание, он получает звание коммунара-дзержинца. Это высочайшее звание, которым все очень гордятся и которое никаких привилегий, конечно, приносить не может. В самом звании заключается все его достоинство.

«Скажите, пожалуйста, о своей биографии, и член ли Вы партии?»

Я не член партии. Как-то так вышло, что некогда было мне входить *(смех)* и некогда было жениться. Я женился только в 40 лет, благодаря этим таким пацанам.

«Есть ли в коммуне Дзержинского педагоги?»

Есть только учителя в десятилетке. Они работают, конечно, с кружками [самодеятельности], но педагогов-воспитателей нет. Там день ведется просто дежурным командиром. Это такая сильная фигура, что вы себе даже представить не можете.

Сценарий на тему «Педагогической поэмы» мне предлагали написать, но я считаю, что это уж очень старая тема и есть многое поновее.

«Ваше семейное положение?»

Не знаю, нужно ли отвечать на этот вопрос? Никакого особенного положения нет, есть жена и вот мой сын. Хотя я не отец его, он мой сын и считает меня своим отцом. *(Аплодисменты)*.

Спрашивают о будущей книге – будет ли там сказано об отношениях между школой и семьей? Конечно, без этого никак не обойдешься, но о школе нужно говорить отдельно, и говорить нужно очень много. Там очень много интересных вопросов.

В записке пишут, что нужно подчеркнуть в этой книге, что должно быть созвучие отношений между отцом и матерью. Можно не подчеркивать. Само собой понятно, что если отец и мать находятся в постоянной вражде и драке, то какое же там может быть воспитание.

«Хотелось бы прочесть о похвале и наказании». Об этом нужно говорить в книге. Если воспитание ведется правильно с первого дня рождения, то наказывать никогда не приходится. Наказание – это уже метод перевоспитания, а не воспитания. Товарищам родителям это нужно очень хорошо знать. В нашем советском воспитании не должно быть никакого наказания[25].

Если вы настолько плохо воспитали своего ребенка, что он начинает вас крыть, ругать и не слушается вас, то вы хватаетесь за наказание, причем хватаетесь за него неумеючи. Наказание – хитрая штука, и наказывать нужно только умеючи. Наказывая неумеючи, можно испортить все дело. О том, как наказывать умеючи, я в своей книге думаю кое-что написать.

Но главная задача моя и ваша должна состоять в том, чтоб воспитывать так, чтобы не нужно было наказывать. Это очень нетрудно, если вы к делу воспитания относитесь не как к забаве или игре, а как к серьезному делу, порученному на вашу ответственность, как к такому делу, за которое вы отвечаете перед всей советской страной.

Вы должны понять, что плохо воспитанный ребенок – это брак, который вы сдаете государству. В нашем семейном производстве вы являетесь бракоделами *(смех)*, пользуясь тем, что нет специального браковщика, который стоял бы возле вас. Вы подсунете обществу либо лентяя, либо шкурника, либо портача, либо лакея, либо мошенника, воспользовавшись тем, что его сразу не разобрали, а потом будет браковать, но вас уже не найдут. Если вы серьезно, с первого дня рождения сына подумаете над вопросом воспитания, то наказывать никогда не придется.

Уж на что босяки приходят в коммуну им. Дзержинского, а ведь наказание там – очень редкое явление.

Чем наше советское наказание должно отличаться от наказания буржуазного? В буржуазном наказании такая логика: согрешил, теперь ты страдай, обязательно страдай, сиди без пищи, либо сиди за решеткой, либо палкой тебя треснут, страдай.

У нас такой советской логики быть не может. Наше наказание должно быть таким способом воздействия, когда конфликт разрешается до конца и нового конфликта не получается. Такое наказание вполне возможно и уместно, в особенности в семье.

Вопросы все.

Теперь несколько заключительных слов.

Многие товарищи совершенно правильно указывали на недостатки моей книги, в частности тут говорили, что воспитатели плохо изображены – как-то мельком. Не думайте, что это нарочно вышло, это чисто художественный недостаток. Работа девушек отражена слабо – это тоже большой недостаток чисто художественного порядка.

Таких недостатков, конечно, много, и я считаю, что всех недостатков художественного порядка вы даже не назвали. Есть очень растянутые места, есть неправильные, неточные выражения, которые дают возможность толковать и так и этак. Возьмите хотя бы разговор о «механическом» воспитании. Значит, плохо изложил, не так, как следует.

Но я считаю, что так как главное мое дело всё-таки педагогическое, то особенно придираться ко мне никто не имеет права. Я не давал никогда и никому никакого обязательства написать художественную книгу.

Я лично убежден в том, что каждый из нас, работающий на таком большом и интересном деле, как ваше, скажет: можно писать. Я вчера был у вас на заводе. Ведь у вас прямо какая-то музыка, а не завод. Если бы вы захотели подробно, искренне и честно описать вашу работу с первого дня прихода на завод до сегодняшнего дня – ваши разговоры, ваше участие в производстве, в борьбе, – получилась бы увлекательная книжка.

Я являюсь сторонником именно такой литературы. Я не могу представить себе, как это можно в Советском Союзе писать вымышленные книжки, когда не нужно ничего выдумывать. Зачем тут выдумывать и что выдумывать? Выдумать завод «Шарикоподшипник», когда он существует, когда это реальный завод и тут есть реальные люди, реальная борьба и реальные столкновения.

Я считаю, что теперь никакой особенной заслуги в том, чтобы написать приличную и интересную книжку, нет.

Если у вас есть такие люди, которые захотят такую книгу о своей работе написать, то нужно внимательно, до мельчайших подробностей знать свое дело, следить за ним и кое-что записывать. Я не мог бы дать слова Калины Ивановича, если бы я не записывал некоторые его фразы. Есть много подробностей, которые могут выскочить из памяти. Их нужно записывать. Через 3–4 года вы сможете написать интересную книжку.

Еще раз благодарю вас за внимание ко мне, к моей работе и книге, желаю вам от души в дальнейшей вашей работе добиваться больших успехов и о вашей работе рассказать другим людям так, чтобы она была реальна, интересна и памятна. *(Бурные аплодисменты).*

Опускула макаренкиана, №7/ Сост. Г. Хиллиг, – Марбург, 1987, с. 4–16, 36–55. Стенограмма, полный текст (в изд.: А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 4, с. 27–34 – дано с большими купюрами). Примечательно, что первое обстоятельное обсуждение «Педагогической поэмы» состоялось на заводе. Его полное наименование – «Первый московский подшипниковый завод им. Л.М. Кагановича». Инициаторы встречи – общественность: профком завода и заводская библиотека, зав. библиотекой Троицкая, зав. циклом лекций «За культуру» Левина.

В своем вступительном слове А.С. Макаренко остановился на трех вопросах: поставленные им 3 главные цели книги; его представление о педагогике; воспитание в семье. В его трактовке педагогики на первый план выдвинуты проблемы: воспитание в отличии от обуче-

ния, образования; воспитание не просто «детское», а как «широкое общественное явление» (воспитание «всей нашей жизнью»); недостатки педологии, «педологического уклона в педагогике»; полемика о педагогическом значении и содержании наказания.

В ответах на вопросы читателей особое внимание уделено тематике: продолжение истории колонии им. М. Горького в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского; начавшаяся работа по оздоровлению деятельности Броварской колонии; «метод трудового коллектива» и роль педагога; отношение к педагогической классике и трудам К. Маркса, В.И. Ленина, И.В. Сталина; технологический подход к воспитанию; судьбы героев произведения.

Судя по пригласительному билету на встречу с А.С. Макаренко (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 431, л. 1), она была перенесена с 24 на 25 октября, проходила в актовом зале учебного комбината завода в 2 часа дня.

Председательствующий на встрече *Енцов* **во вступительном слове сказал: в 1935–1936 гг. «Педагогическую поэму» взяли и прочитали 3 тысячи работников завода, это официально, а фактически 1/3 работников. Это «интересная, острая и умная книга», она смело выдвигает целый ряд форм и методов воспитания коллектива, молодежи, детворы. В заводской газете «За советский подшипник» отзывы о книге даны под заголовками: Книга жизни, Только большевикам по плечу такая работа, Волнующая книга. «В книге нет ничего надуманного».**

27 октября в заводской газете напечатана статья: Я. Кауфман. Встреча с тов. Макаренко. Рабочие завода обсуждают «Педагогическую поэму». **В ней говорится: «Никогда еще в этом зале не было таких интересных, любознательных слушателей... Он вошел, встреченный громом рукоплесканий. В военной форме, с блестящими в петлицах звездочками, прошел к трибуне, смущенно улыбаясь...**

Ранее, *18 октября, в этой газете* **вся страница дана под заголовком: «24 октября – встреча с писателем Макаренко». Напечатаны отрывок из «Педагогической поэмы» («Чобот вернулся»), макаренковская статья: «Чудо», созданное советской жизнью; 3 отзыва читателей о книге, объявление о «занятии читального кружка» (в 5 час. веч., в библиотеке, руководитель «критик Платонов»), сведения о произведениях А.С. Макаренко и отзывы о них.**

[1] А.С. Макаренко ввел в педагогику искусствоведческий термин, характеризуя те или иные концепции воспитания в единстве их содержания, форм и средств. В его педагогике это отражение «стиля нашей жизни», ее общей духовно-нравственной направленности и эмоциональной напряженности.

[2] Буквально – «наука о детях», возникла в конце XIX в. в США для обозначения всестороннего исследования возрастного развития детей. На Западе стала активно разрабатываться во втор. пол. XX в.; в России педологические исследования вели П.Ф. Лесгафт, В.М. Бехтерев, Г.И. Россолимо, А.П. Нечаев, А.Ф. Лазурский и др. В 1920–пер. пол. 1930-х гг. педология в СССР развивалась с учетом «2-х факторов», по направлениям: «биогенез» (Е.А. Аркин, И.А. Арямов, П.П. Блонский) и «социогенез» (А.Б. Залкинд, С.С. Моложавый, А.С. Залужный), игнорируя фактор целенаправленного воспитания в процессе развития личности.

[3] В понятии «диалектика» А.С. Макаренко обычно выдвигает на первый план идею развития, необходимость все психолого-педагогические явления, факты, расценивать, всегда имея в виду возможность их качественного изменения под влиянием иных условий жизни и воспитания.

[4] А.С. Макаренко останавливается на вопросе, обычно заостряемом его оппонентами, особенно в 1920-х гг., когда в советской школе официально запрещались «какие-либо наказания». В его теории и практике наказание обычно способствует пониманию «естественных (жизненных) последствий» проступка, развивает морально-этическое осмысление поведенческих действий, их мотивацию.

[5] Выдвинутая Ж.Ж. Руссо философско-педагогическая концепция «естественного» развития человеческой личности в ходе воспитания, исключающая в нем «искусственность» и насильственность. А.С. Макаренко следует этому классическому направлению, критикует его вульгарную трактовку в духе безграничной свободы «саморазвития» и «проявления».

[6] А.С. Макаренко говорит о первоначальном, коренном переломе в процессе «оздоровления» этой колонии.

[7] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (1935 г.) В нем указано на необходимость разработки «правил внутреннего распорядка в детских домах», с применением поощрения и наказания. В отношении школ такого решения в 1930-х гг. не принималось.

[8] Говорится о коллективном «трудовом хозяйствовании» как основе нового воспитания.

[9] Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г.: «О запрещении абортов (за исключением их медицинского показания – А.Ф.), увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказа-

ния за неуплату алиментов и некоторых изменениях в законодательстве о разводах».

[10] **В альманах «Год XIX» было послано начало «Книги для родителей».**

[11] **Далее – выступления читателей.** *Капралов* **(энергоцех): А.С. Макаренко написал это про меня, бывшего беспризорника.** *Бурменко:* **книга «крепко бьет гнилую буржуазную теорию о том, что преступность – это нечто врожденное».** *Шафир:* **«Напрасно т. Макаренко умаляет художественное значение этой книги».** *Кабачев* **(учитель): люди, работающие с Макаренко «оказались в стороне»; о педагогике: «не надо учиться?» – похоже на «левые заскоки»; из книг Руссо, Маркса, Ленина «выделено то, что нужно в воспитании».** *Цыпина* **(роликовый цех): «В книге не отражено перерождение Раисы».** *Лагода:* **«Наверное, легче строить социалистическое производство, чем создавать социалистического человека».**

Морозов: **основная тема книги – «старая и новая педагогика»; написано «ярко, выразительно, жизненно, с юмором, иронией и сарказмом».** *Лапирова,* **библиотекарь: читателям очень хотелось видеть Макаренко «не только как автора, а как человека... Я проводила читки отдельных глав в цехах, после этого много людей приходило в библиотеку... Эта книга, о которой хочется говорить и думать».** *Тонконог* **(секретарь комсомольского комитета): возражение Лагоде: «нельзя противопоставлять» воспитание нового человека «построению социалистического общества или стройке производства»; «ясность цели красной нитью проходит по труду т. Макаренко». Его «методы начали применять в своей работе» (дан пример).**

[12] **В 1919–1920 учебном году А.С. Макаренко заведовал полтавской единой трудовой школой №10. В 1918–1919 учебном году он – заведующий «городским начальным училищем им. князя Куракина», приглашен на эту должность Полтавской городской управой (А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 8, с. 120). Из Кременчуга он уехал в Полтаву сразу, как туда вошла армия Деникина (10 авг. 1919 г.); до этого ею была взята Полтава; она освобождена Красной Армией 10 дек. 1919 г., Кременчуг – 20 дек.).**

[13] *Постышев П.П.* **– тогда второй секретарь ЦК КП(б) Украины; в 1930–1933 гг. секретарь ЦК ВКП(б); в 1926–1930 гг. секретарь Харьковского окрисполкома и горкома КП(б) У.**

[14] **Говорится, очевидно, об одном из прототипов образа Задорова –** *П.П. Архангельском.* **О прототипах других образов – см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 135–138 и Часть 1, с. 328–349.**

[15] **Официально врем. исп. обязанности начальника колонии в Броварах А.С. Макаренко стал в конце октября.**

[16] **А.С. Макаренко неоднократно высказывался в таком духе, имея в виду, что педагогические закономерности возникают и развиваются в реальной социально-экономической действительности; их необходимо понять и содействовать их реализации (не полагаясь на схоластическое умствование, «судороги кабинетного ума»).**

[17] **Положение о «руководящей роли учителя», педагога легло в основу советской педагогической теории и практики 1930-х гг. (зафиксировано в Постановлении ЦК ВКП(б) о школе 25 авг. 1930 г., применительно к обучению). Это привело к отказу в школе от самоуправления, к разобщению педагогического и детского коллективов, усилению административных начал в укладе школьной жизни и дисциплине.**

[18] *Руссо Ж.Ж.* **(1712–1778) – французский философ-просветитель, основатель «свободного», «естественного» воспитания.**

[19] *Песталоцци И.Г.* **(1746–1827) – швейцарский педагог, последователь Ж.Ж. Руссо, основатель «развивающего обучения» и «школы жизни». Один из первых стал соединять воспитание и обучение с производительным трудом, повседневной жизненной практикой.**

[20] **В данных выше четырех абзацах отражаются мысли, содержащиеся в выступлении А.С. Макаренко в Высшем коммунистическом институте просвещения. См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 223.**

[21] **Идею «технологизации» («механизации») воспитания А.С. Макаренко затем развил, выделяя в ее понимании и осуществлении 2 взаимосвязанных аспекта: воспитание «в коллективе как определенной организации» – и «педагогическое мастерство», тщательная индивидуально-своеобразная «обработка» личности в руках «педагога-мастера» (А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 4, с. 235–236, 260; в «Педагогической поэме» см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 96).**

[22] **Шахрай – мошенник, жулик, плут (укр. яз.).**

[23] **Поручение трудной, интересной и ответственной, общественно значимой производственной задачи – это в педагогике А.С. Макаренко исходный пункт преобразования коллектива, развития воспитательного процесса. Так он действовал при оздоровлении Таганчанской колонии (Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 181–182), затем в Броварской колонии (см. далее), а ранее – в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского.**

[24] **Говорится о начальном этапе работы с несовершеннолетними правонарушителями (от недели до полугода), что вносит существен-**

ный корректив в понимание коренного макаренковского принципа обращения с «трудными» как с «нормальными детьми».

[25] Это высказанное лишь однажды положение А.С. Макаренко имеет в его педагогике принципиальное значение. В отчете о работе колонии им. М. Горького в 1923 г. говорится: «Наказания почти забыты в колонии, даже выговоры и замечания стали радостью» (там же, Часть 1, с .100).

Разговор о воспитании. Выступление в Московском областном педагогическом институте, 27 октября 1936 г.

У нас нет еще полноценной методики воспитания, и мы должны ее создать. Критики, разбиравшие «Педагогическую поэму», больше всего меня ругали за недооценку теории педагогики. Но когда я писал свою книгу, то меня занимала не педагогика школы, не классная жизнь, а проблема воспитания и перевоспитания правонарушителей.

Мой опыт воспитательской работы привел меня к тому выводу, что нам нужно создать теорию воспитания. Я получил высшее педагогическое образование[1], перечитал все, что есть в литературе по вопросам воспитания, и все это меня нисколько не удовлетворило. Я не получил метода работы.

Я полагаю, что в интересах дела нужно разделить школьную педагогику классной работы от педагогики воспитания. И у вас в институте создать специальную кафедру воспитания, которой у вас до сих пор нет. Разделить эти две педагогики и определить их главные методы[2].

В начале моей «Педагогической поэмы» я показал свою полную техническую беспомощность. В 20-м г., когда я приступал к воспитанию правонарушителей, я не имел ни инструмента, ни метода. Я оказался в лесу с пятилинейной [керосиновой] лампочкой и стаей бандитов. Я оказался педагогически беспомощен, и тогда, при тех условиях, я назвал педагогику шарлатанством... Тогда я сделал большую ошибку, что ударил своего воспитанника Задорова. В этом я почувствовал крушение моей личности. Я тяжело переживал эти минуты и как человек, и как педагог.

Всегда я считал подобные факты большим педагогическим преступлением, и за это сам отдаю своих подчиненных под суд, добиваюсь за эти преступления 3 лет тюрьмы. Года через два после столкновения с Задоровым я понял и открыто сказал, что нужна педагогическая наука, но не отгороженная от жизни, а связанная с ней и помогающая воспитателю в практической работе. Я уверен, что она будет, в этом меня убедил мой 16-летний опыт. Мне пришлось быть руководителем в пяти колониях НКВД[3].

В нашей прекрасной действительности, способной породить такое величественное движение, как стахановское, в этой действительности есть все, чтобы создать новую науку – педагогику. Мы сейчас крепко бьемся за новую воспитательную технику. И можно быть уверенным, что новая, социалистическая педагогика будет создана сегодня или завтра. Я считаю вредной мысль, что новая педагогика уже создана[4].

В журнале «Коммунистическое просвещение» (август, 1936 г.) дается совет, как бороться с недисциплинированностью учеников, с хулиганством и т.д. Этот вопрос задавался еще в 20-м г., затем повторялся в 23, 25, 27, 29-м гг. и сохранился до 36-го г. Когда же, наконец, будет разрешен этот деловой непростой вопрос?

«Чистая педагогика» показала свою полную беспомощность, если до сих пор не смогла разрешить этого вопроса. В консультации журнала «Коммунистическое просвещение» дается совет учителям самим быть дисциплинированными, сплоченными, самим не опаздывать в школу и т.д. Это отписка, а не совет. Такой «консультацией» ничего не сделаешь для воспитателя. Здесь хотели и совет дать, и ничего «страшного» не насоветовать. В седьмом пункте рекомендуется учителю вести беседу с учеником, нарушающим правила

внутреннего распорядка, занимающимся воровством и хулиганством, вести беседу спокойным, ровным голосом!.. Наша печать ежедневно сообщает о героических людях, о страстной работе, а учителям этот авторитетный журнал Наркомпроса рекомендует спокойный, ровный голос! Это же издевательство!

Со своими воспитанниками я могу говорить ласково и нежно, но могу и повысить голос, твердо сказать: «Брось!» Без этого нет воспитания.

Я не хочу сказать, что нужно кричать на воспитанников. Нет! Но нужны страсть, любовь, увлечение своим собственным делом в той мере, как это мы наблюдаем у стахановцев. Если я не умею волноваться, то я обязан этому научиться! При совершении воспитанником преступления воспитатель как представитель общества должен показать свое негодование.

Неудивительно, что в указанной консультации ничего не говорится о коллективе как воспитательном факторе. Учителю Позднякову рекомендуется только лично побеседовать с учеником, который занимался мелкими кражами и дошел до квартирных краж. Рекомендуется взять с ученика слово, что он больше не будет заниматься подобными делами. И только. Не рекомендуют выносить этот поступок на обсуждение коллектива, так как это нанесет ребенку «тяжелую внутреннюю рану», отчего пострадает учеба, а коллектив ничего не выиграет. Это вредная установка.

Затем в данной консультации ничего не говорится о наказании. Боятся этого слова. А в постановлении ЦК нашей партии это слово называется с большевистской прямотой и наказание не вуалируется словами «мера воздействия». Я стою за наказание. Только надо уметь его применять, а этому нужно учиться.

Весь отдел консультации журнала «Коммунистическое просвещение» отдает установками левака Шульгина[5]. Консультанты стремятся удивить мир фокусом.

Они подобны покойным педологам, которые любили такие вопросы изучать, изучать; изучать и записывать, чем и путали учителя в вопросе, как ему быть с наказанием.

У нас еще не освоена система наказания. Из старой школы мы не можем взять систему наказаний, чуждую нам, с ее слежкой, кондуитами, привязываниями к каждому пустяку и т.д. Применению наказания я долго учился. Начал с мордобоя, а кончил полнейшей демократией. Сами коммунары боролись с нарушениями правил внутреннего распорядка и сами управляли всей жизнью коммуны.

В коммуне им. Дзержинского, в ее «Конституции»[6] записано о наказаниях, они принципиально признаны, именно поэтому практически они почти не применяются. Такого положения мне удалось добиться при помощи использования всей воспитательной силы коллектива. Воспитание, а следовательно, и наказание происходит через крепкий коллектив.

Когда я захожу в школу и слышу [на перемене] крик, вой…... значит там не создан сознательный крепкий коллектив. Его крайне необходимо создать в каждой школе как живой организм, с действующими органами и общими интересами. Снимать ответственность преступника перед коллективом, как советуют в журнале «Коммунистическое просвещение», – значит совершать преступление в педагогике.

В коммуне им. Ф.Э. Дзержинского одна девочка украла деньги. Ее обсуждали на общем собрании коммунаров и требовали исключения из коммуны. Она сильно волновалась и переживала в эти минуты. Тогда она почувствовала свою ответственность перед коллективом и через два дня принесла мне украденные деньги.

В порядке опыта я могу сообщить, что как меру наказания я давал «домашний арест». Нарушитель сидел в моем кабинете, читал газеты, книгу, разговаривал со мной, но не имел права уходить. Когда я назначал «домашний арест», коммунары сами являлись ко мне и садились «под арест». И эта мера хорошо на них действовала.

Я настаиваю, что и в педагогике нужно изобретать. До последнего времени не занимались изобретением в педагогике, так как боялись педологии, которая отнимала это законное право у педагогики. Пусть вновь созданная кафедра воспитания[7] разработает вопросы воспитательного значения коллектива, проблемы наказания, стиля воспитания и т.д.

Я уверен, что в ближайшее 10 лет мы создадим методику коммунистического воспитания.

Да здравствует коммунистическая педагогика![8]

Да здравствуют вожди, помогающие нам создавать и осваивать новую педагогику!..[9]…

Во множестве записок спрашивается, как я воспитал в себе такую крепкую волю, как относиться теперь к телесным наказаниям, где сейчас герои моих книг и т.п.

Часто воспитанники съезжаются ко мне, многие поддерживают письменную связь, и только часть потерялась совсем. По случаю смерти Горького большинство воспитанников прислали сочувственные телеграммы и письма.

Калина Иванович жив и сейчас, прислал письмо, просит похлопотать, чтобы ему увеличили пенсию. Карабанов руководит крупной колонией НКВД в Виннице. Задоров – видный инженер-мелиоратор, работает в большом совхозе им. Сталина где-то за Каспийским морем. Вершнев работает врачом в коммуне им. Дзержинского. Лапоть был найден Вершневым совсем опустившимся. Он имел несчастье влюбиться в очень красивую девушку, изменившую ему, и он запил. Теперь Лапоть проходит вторичное воспитание в колонии у Карабанова. Братченко окончил ветеринарный институт, работает в Сибири.

Свою волю я не считаю крепкой и титанической. Имею обыкновенные нервы, обыкновенную волю и свои слабости, присущие живому человеку. Для воспитания воли нужен здоровый, трезвый анализ своих поступков и чувство ответственности перед коллективом, нужны любовь к нему и уважение. Я горжусь тем, что обладаю каким-то беспокойством, желанием все делать лучше.

Я согласен по поводу педагогики с профессором Шимбиревым. Не отрицаю науку педагогику. Прежнее суждение о педагогике у меня сложилось в ее рабочем понимании. Послезавтра я опять еду в Киев и буду руководить новой колонией НКВД, где придется столкнуться с множеством практических вопросов. Придется опираться не на старую педагогическую систему, а на новую систему завтрашнего дня. Приходится ругаться не из-за отсутствия педагогических идей, а из-за отсутствия педагогической техники, которой не хватает. И сейчас остается спорным вопрос «механизации» воспитательной работы. Это не в смысле «штамповать детали людей», а как расширенное художественное сравнение.

Допустима мысль о том, что можно механически (не в вульгарном смысле) воспитать привычку к точности, чистоте, аккуратности, умения чувствовать локтем товарища.

Я выработал для себя рабочую схему, в которой разбираю четыре типа влияния: чистое и практическое, собственное и постороннее. Надо уметь организовать и подчинить себе эти влияния, чтобы создать технику и полезный пучок влияний[10]. В социалистическом обществе владеть ими будет легче – без применения наказания. Этим общая цель будет достигнута быстрее и лучше.

И, наконец, наша коммунистическая работа не может быть бесстрастной. Надо уметь работать с верой в человека, с сердцем, с настоящим гуманизмом.

Без любви к человеку не было бы и Октябрьской революции.

Мирюсь с вами и по вопросу о наследстве. Глубоко уважаю старых педагогов. Много их читал и многому научился у них. Но нам нужно продолжать дело создания воспитательной методики. Эта ответственная задача лежит на нас. Многому в воспитательной работе учился у чекистов, имеющих доброе сердце и сильно любящих детей. Они ежеминутно чувствуют ответственность за свою работу. Они не проявляют ни лени, ни «самоанализа», ни интеллигентщины в подходе к детям, они работают уверенно, хорошо, эффективно. Я учусь у них. Их работа исключает метод мордобоя.

Я соглашаюсь, что педагогика должна быть единой наукой, но продолжаю настаивать, что необходимо разработать методику воспитания и уметь ее подчинить воспитательным целям школы.

Как прекрасна работа по созданию нового человека! Столько в ней много наслаждения! Я приветствую партию, давшую нам это счастье и радость!

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т.4, с. 35–36. Протокольная запись, машинопись, с правкой, дополнениями и подписью А.С. Макаренко. Внесены некоторые дополнения, содержащиеся в не правленом им тексте (Опускула макаренкиана, №7, с. 57–69). Принимается во внимание то, что он при правке делал некоторые уступки, подчиняясь общепринятому мнению.

Обсуждение «Педагогической поэмы» планировалось в виде диспута, поэтому А.С. Макаренко в своем вступительном слове выделил и заострил главное: педагогика как наука о воспитании; в ней нужно четко обозначить специфику воспитания (в качественном отличии от обучения, в их «раздельном», диалектическом единстве); новая педагогика еще не создана («чистая педагогика показала свою беспомощность»); нет действенной теории и технологии воспитания; нельзя педагогику свести к «педагогике школы», жизни учебного класса.

В заключительном слове, ответах на вопросы он остановился на следующем: воспитание воли; опора «не на старую педагогическую систему, а новую систему завтрашнего дня»; педагогическая техника, «механизация» воспитательной работы; 4 типа воспитательного влияния («без применения наказаний»); необходимость эмоциональной и духовно-нравственной напряженности в практической и исследовательской работе в педагогике.

Совсем не затронутой им оказалась проблема труда, хозяйствования в воспитании: школа и педагогика тогда стали резко ограничиваться сферой «основ наук» и подготовки профессионалов («кадры решают все»).

Диспут был «общеинститутский», его организовывала общественность: комсомольский комитет и библиотека пединститута. Подготовка к нему началась в сентябре, по вопросам, поставленным кафедрами педагогики и литературы. От кафедры литературы был консультант – доц. *Гречишникова.* **В стенгазетах давались отзывы, статьи о «Педагогической поэме». В очередь на ее чтение записалось 150 человек. Выступить на диспуте пожелали 25 человек. Большой зал библиотеки института был переполнен, присутствовало около 900 человек: студенты, преподаватели, учителя (выпускники этого вуза). В диспуте участвовали 4 воспитанника коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, студенты московских вузов:** *В. Камардинов, Л. Салько, Л. Файнергольц, Р. Брайтман.*

Председательствовала на диспуте *Жукова,* **секретарь парткома института. С вступительным словом о книге выступил** *Власов,* **декан литературного факультета.**

[1] А.С. Макаренко в 1905 г. окончил одногодичные педагогические курсы при Кременчугском городском училище, с правом преподавания в сельском 2-класном училище. В 1914–1917 гг. он учился в Полтавском учительском институте (с перерывом: воинская служба с окт. 1916 по апрель 1917 гг.), окончил его с золотой медалью, с правом преподавания в высшем начальном училище.

[2] А.С. Макаренко придерживается «разделения», изначально принятого в отечественной традиции: есть «педагогика и дидактика»; педа-

гогика – наука о воспитании; дидактика – «наука обучения» (К.Д. Ушинский. Избр. пед. соч.: в 2 т., т. 1. – М., 1953, с. 213). Разница – в содержании, методах и, естественно, в определении результатов.

[3] **Говорится, несомненно, с учетом деятельности А.С. Макаренко в ОТК НКВД УССР, когда он принимал непосредственное участие в «оздоровлении» Таганчанской, Броварской, Андреевской колоний.**

[4] **Эта мысль в определенной мере согласуется с выводом Н.К. Крупской: «только первые камни марксисткой педагогики заложены», – сказано ею в нач. 1930 г. (Пед. соч.: в 10 т., т. 2, с. 396).**

[5] *Шульгин В.Н.* **– деятель народного образования в 1920–1930-х гг. Статьями 1927–1928 гг. вызвал дискуссию по проблеме расширения социально-воспитательной функции школы на основе укрепления ее связи с жизнью, общественной средой, производством. Боролся с зарождающейся тогда «школой учебы». Постановлением ЦК ВКП(б), опубл. 5 сент. 1931 г., осужден как сторонник «антиленинской теории отмирания школы». Макаренковскую критику его идей о школьном самоуправлении см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 293–299.**

[6] **«Конституцию трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского» и «Конституцию страны ФЭД» см. там же, Часть 2. Этот свод норм и правил, выработанный в опыте работы этого учреждения, его «моральный кодекс», основа его системы управления и самоуправления.**

[7] **Кафедра воспитания в МОПИ не была создана; таких кафедр в советских педвузах не было. Лишь в 1988 г. по приказу Министерства образования РСФСР кафедры «теории и методики воспитания» стали создаваться в педвузах «1-й и 2-й категории»; действовали в 1989–1991 гг.**

[8] **Примечательно, что А.С. Макаренко на этом диспуте не ограничивается теорий и методикой воспитания, а говорит о «новой педагогике» как науке в целом.**

[9] **Далее следуют выступления участников диспута. Студенты II–III курсов литфака и геофака** *Черняков, Григорьев, Добрынина, Аксенова*: **книга призывает к педагогическому мастерству и творчеству, к перевороту в области педагогики, как «Великая дидактика» Я.А. Коменского и «Эмиль» Ж.Ж. Руссо. Зав. военной кафедрой** *Сангайло*: **«Макаренко критикует педагогику Наркомпроса Украины, руководимого тогда** *Скрыпником и Ефремовым*» **(о них см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Части 2, 3, 4 – именные указатели).**

Доцент кафедры педагогики *Доброхотов*: **книга актуальна, «подчеркивает роль педагога в воспитании», осуждает педологию. Проф. каф. педагогики** *П.Н. Шимбирев* **(автор первого нового учебника по педагогике, для педтехникумов, 1933 г., затем для пединститутов,**

совм. с И.Т. Огородниковым, 1954 г.): «Тов. Макаренко займет почетное место в советской художественной литературе и педагогике... Он незаслуженно ограничивает наследие буржуазной педагогики... Не нужно строить новую педагогику отдельно от педагогики обучения... Сейчас уже нельзя применять методы, которые он применял в 20-м году. Теперь ученики ему самому устроили бы «темную»... Правильно, что изучать ученика надо в процессе обучения и воспитания, а не путем анкет, как педологи».

Другие: в книге «нет типизации и центрального положительного героя»; из описания выпадают учителя-энтузиасты, жизнь школы; есть «композиционная рыхлость» и др. О жизни и деятельности коммуны им. Ф.Э. Дзержинского рассказывали *В. Камардинов* **(историко-философский институт),** *Л. Салько* **(МАИ): «Воспитание в коммуне суровое, много приходится работать и учиться, но представление осталось радостное. Каждый чувствует себя хозяином».**

[10] Фундаментальную в педагогике проблему «типов воспитательных влияний» А.С. Макаренко обозначил в 1925 г., но основательно ее не разработал. См.: «мертвое влияние, влияние организационных форм» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 146–147); «влияние живых деятелей, воспитателей» (там же. С. 159); «чистое и практическое влияние, собственное и постороннее» (там же, Часть 3, с. 8); «технология чистого и практического чувства» (Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 104); «экономическое влияние», влечения и эмоции, ум и бессознательное, привычки, убеждение и принуждение, внушение (см. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 315–318).

Рассматривается первостепенное в воспитании – внешние и внутренние побудители действий и поступков, «мотивационная сфера» личности, процесса ее формирования.

Беседа с рабочим активом на заводе «Шарикоподшипник», 28 октября 1936 г. (запись)

Беседа т. Макаренко с активом состоялась в парткабинете. Писатель-педагог рассказал об очень интересных методах воспитания, переубеждения людей, которые применяются в детских колониях НКВД и основаны на опыте большой долголетней работы.

В коммуне им. Дзержинского, сказал т. Макаренко, мы организовали учет поведения. Каждый воспитанник знал (и это самое главное), что его поведение ежедневно «фотографируется». То или иное уклонение от нормы в поведении всегда отмечалось особым значком. Прогул, например, обозначался кружочком, опоздание – треугольником, грубость с мастером – вертикальной черточкой и т.д. Причем, говорит т. Макаренко, мы этот учет поведения ввели не для организационных выводов. Мы использовали его для соревнования по вопросам поведения. С 1930 г. все 28 бригад ведут это соревнование[1].

Не репрессия, а коллективное осуждение

Мы по-иному относимся к репрессиям.

Допустим, какой-нибудь великовозрастный воспитанник нагрубил мастеру. Его проступок обсуждается на собрании. Собрание постановляет: «Поручить Мише Вареннику (пионеру десяти лет) разъяснить Зубатову (виновнику), в чем заключается неправильность его поведения».

Или другой случай. Собрание, состоявшееся 1 октября, выносит следующее решение: «6 октября в 2 часа дня Иванову обязательно подумать над тем, почему он совершил свой проступок».

Ясно, что Иванов будет думать об этом не только 6 октября в 2 часа дня, но и во все дни, предшествующие этой дате.

Прогульщик – «гость»

Прогульщика мы усаживали в столовой за стол для гостей, а не рядом с товарищами. Причем кормили не хуже, а даже несколько лучше, чем остальных коммунаров. Несколько дней прогульщик в роли гостя чувствовал себя неплохо, но потом это ему надоедало и он возвращался к товарищам на работу.

Практикуем также и объявление выговора в особой обстановке. Например, в апреле выносится такое постановление: «Объявить Петрову выговор в день 1 Мая». Я не помню случая, чтобы выносили кому-нибудь выговор в этот праздничный день, ибо за время, предшествующее празднику, парень настолько исправлялся, что отпадала всякая необходимость вообще выносить ему выговор.

Как беседовать

Важнейшим методом воздействия считаю беседу. Причем эту беседу должен проводить человек высокоавторитетный. Вся наша система воспитания – это реализация лозунга о внимании к человеку. О внимании не только к его интересам, его нуждам, но и к его долгу.

На борьбу с ворами призвали коллектив. Попавшийся вор вызывался на собрание. Оно происходило в большой комнате. С центра потолка свисает большая яркая люстра. Виновнику предлагают выйти на середину. Если он вышел и стал в небрежную позу, все собравшиеся предлагают: «Стань смирно!» Ослушаться всего собрания никто никогда не осмеливался. Затем выступал наш воспитанник Землянский[2], которого мы звали Робеспьером. Робеспьер произносит гневную стремительную речь и в заключение предлагает выгнать виновника из коммуны. Затем выступают еще несколько таких же энергичных ораторов. Вор все это время бледнеет и краснеет. После [этого] говорит кто-нибудь из комсомольцев:

– Мы ведь исправляем таких. Если его выгоним, он опять станет беспризорным. Нужно дать ему возможность исправиться. Я думаю, что его исправить можно. Предлагаю его зачислить в нашу бригаду. Мы за него поручимся. Выгнать всегда успеем.

Излишне отрицать, что этот вор может украсть еще раз, еще два (выступавшие ребята об этом говорили), но больше воровать он не будет. И спустя сравнительно короткий срок он «входит в норму».

Товарищеский «чай»

Часто мы практиковали такой способ сближения людей. Раз в пятидневку вечером я накрываю у себя в кабинете стол для чая, приглашаю бригаду. В этой бригаде есть, конечно, и плохие воспитанники. Во время чая происходит задушевная беседа. Выступающие воспитанники обрушиваются на недисциплинированных, а я беру их под защиту, говорю приблизительно следующее:

– Что вы на них напали? Они ведь хорошие ребята. Ну, были грешки, надо думать, что эти проступки повторяться не будут.

Воспитанники дорожат этими беседами. Они с нетерпением ждут, когда я их приглашу на чай в следующий раз.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 4, с. 36–38. Публикация в газ. «За советский подшипник», 3 ноября 1936 г., под заголовком «Замечательный опыт». Дата беседы не обозначена. По смежным материалам – 28 октября, в первой половине дня.

А.С. Макаренко, видимо, предложили тему «мер воздействия», он осветил ее в плане морального влияния коллектива.

[1] Примеры такого учета см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3 – сводки «по дисциплине», дек. 1933 г., январь 1934 г.

[2] В «ФД-1» – *А. Землянский*; **во «Флагах на башнях» А. Зырянский.**

[3] Приглашение «на чай» практиковались в «институтах благородных девиц». Начальница института приглашала весь класс вместе с «классной дамой» в свой кабинет. Это – одна из форм педагогического контроля и воспитания общей культуры поведения.

О воспитании детей в семье. Беседа с родителями на заводе «Шарикоподшипник», 28 октября 1936 г. (запись)

Особых секретов в этом деле нет. Но не каждый отец или мать умеют воспитывать хорошего будущего гражданина Советской страны. У нас до сих пор многие относятся к детям «по-старинке». Либо слишком балуют, либо изображают из себя «Иванов Грозных». Баловство ведет к тому, что ребенок начинает жадничать.

Ребенок должен расти не жадными потребителем, а членом семьи. В некоторых семьях бывает, что дети или чересчур дружат с родителями или не любят их, у ребенка с родителями слишком панибратские отношения. Это значит, что у родителей нет авторитета. Без родительского авторитета не может быть и хорошего воспитания.

Раньше авторитет поддерживался или розгой, или заповедью: «Чти отца твоего и матерь твою». От этого нас избавила революция. Теперь авторитет родителей должен вырастать на почве участия отца или матери в работе и жизни страны. Ребенок должен знать, кто его родители, и уважать отца, мать за их труд.

Большинство неудач в воспитании происходит только потому, что неправильно построен родительский авторитет. Или отец очень угрюм, он никогда не разговаривает со своими детьми, или он «шляпа», разрешает им делать все, что они хотят.

«За советский подшипник», газета-многотиражка завода, 30 октября 1936 г. Фрагмент статьи: *Кауфман Я. Писатель Макаренко о воспитании детей. Беседа родителей с автором «Педагогической поэмы».* **Беседа прошла 28 октября, в 6 час. веч., в актовом зале учебного комбината завода (по объявлению, данному в этой газете 27 октября). «Зал не мог вместить всех родителей, пришедших побеседовать с автором «Педагогической поэмы»».**

Сделана запись лишь вступительного слова А.С. Макаренко. В нем он выделил главное: воспитание гражданина Советской страны, не «жадного потребителя»; новое в основах авторитета родителей – их «участие в работе и жизни страны».

Многие родители пришли на встречу со своими старшими детьми. Многие уже были на первой встрече с писателем. После вступительного слова А.С. Макаренко выступили родители, они делились своим опытом, проблемами: *Коршунов* **(инструктор школы ФЗУ),** *Клейнберг* **(работник ОТК),** *Киселев* **(автоматно-токарный цех),** *Перши-*

кова **(предс. сов. ИТР), родители** *Потоплева, Кузнецова, Гурвич, Смоленкова.*

Секретарь комитета ВЛКСМ *Тонконог* **внес предложение: на октябрьские праздники взять домой в семьи детей из детдомов и детколоний (одобрено бурными аплодисментами). Выступила предс. депутатской группы завода** *Пичугина* **(см. далее о ней очерк А.С. Макаренко: Пед.соч.: в 8 т., т.7, с.114–122).**

После этого А.С. Макаренко снова поднялся на трибуну, «рассказывал о своей работе в коммуне Дзержинского и о том, что нужно делать в отдельных случаях воспитания».

Характерно, что А.С. Макаренко обычно не «читал лекцию» родителям, а выступал как участник обмена опытом воспитания, полагаясь на коллективный разум и общий педагогический опыт.

Из письма Лобанову, председателю профкома завода «Шарикоподшипник»

…...Очень благодарен Вам и читательскому активу завода за внимание к моей работе и приглашения…...

Для меня страшно важно было поговорить с вашими читателями, главным образом, по вопросам воспитания…...

«За советский подшипник», 18 ноября 1936 г. Фото: «Тов. Макаренко беседует с работниками завода» – в газ. «За советский подшипник», 7 ноября 1936 г.

Телеграмма Г.С. Макаренко, 28 октября 1936 г.

Дорогая Галя! Приеду утром тридцать первого. На Лаврушинском плоховато: будет готово 15 декабря. Утверждают, что это наверно, надеются же на конец ноября, задержка из-за электричества.

Диспуты прошли хорошо. Писать некогда, не дают. У Левки и Васильевых благополучно.

Привет. *Антон.*

Ты научила меня плакать..., т. 2 с. 225. Передано по фототелеграфу (предшественник факса).

Дополнения. *С 30 октября А.С. Макаренко – врид нач. трудовой коммуны №5 в Броварах* **(продолжение работы, начавшейся, вероятно, в середине сентября 1936 г.).**

Художественно-публицистическое изображение этой работы с самого ее начала см. в повести В. Ширяева «Камни с дороги надо убирать» **(М.,**

изд-во «Молодая гвардия», 1990), с. 34–69, 84–100, 131–136, 151–176, 304–333).

Показаны участвующие в этой работе сотрудники ОТК: *Л.С. Ахматов, П.А. Оселок* **(инженер, отв. за производство),** *Н. Прейслер, Н. Савчук, П. Суржик, Тамара Букшпан* **(секретарь),** *Н. Пунченко* **(шофер),** *Я. Френкель* **(завхоз).**

Работники Броварской колонии: ее начальник *Спивак,* **ст. воспитатель** *Г.М. Осотский,* **мастер** *В.И. Буркин,* **воспитатель** *Остап Иванович,* **вахтер** *Бабенко.* **Стали воспитателями бывш. коммунары-дзержинцы:** *А. Сватко, Г. Галкин, В. Шмигалев, М. Бобина.* **В этой работе участвуют:** *С.О. и А.О. Броневые,* **инспектор** *Загоруйко, М.М. Букшпан, В.А. Балицкий.* **Колонисты:** *Д. Мирный, А. Филь, К. Вельченко, В. Гаенко* **и др.**

В преобразовании колонии ведущим фактором стало исполнение госзаказа на изготовление арматуры для шлюзов строящегося канала «Москва–Волга».

См. также: *Бабич И. А.С. Макаренко в Броварах*// Народное образование, М., 1964, №3.

14 ноября 1936 г. – заседание Президиума правления Союза украинских писателей: **избрание нового секретариата Правления. Там А.С. Макаренко «устроили овацию» в связи с возвращением его к педагогической работе. По этой причине ему, видимо, удалось отказаться от членства в секретариате (Литературная газета, Киев, 17 ноября, укр. яз.).**

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 15 ноября 1936 г.: **...Антон назначен вриднач колонии №5 в Броварах, и все праздники провел там, а мы были одни. Отец уверяет, что это назначение облегчит ему уход из Киева, что он будет в колонии до назначения нового начальника и тогда совершенно категорически поставит вопрос об уходе...**

Нас торопят с переездом [в Киеве] – нужна [эта] квартира. Кто же может держать Антона в Киеве без семьи и квартиры... О писании [Антона], конечно, и речи не может быть.

Я решила переехать в Бровары, там есть две комнатки... Я думаю так сделать: приеду в Москву, привезу с собой *Марфушу* **(Марию Ивановну, ее домработницу, была при жизни семьи Макаренко в коммуне дзержинцев и Киеве, потом в Москве – А.Ф.), сделаю вам все необходимое, устрою вас, а сама поеду к отцу...**

До 18 мы будем в Киеве, а числа 18–19 перееду в Бровары – отец уже фактически там [живет]...

Хотя отец увлекается работой с ребятами, но я вижу, что она ему трудна – устает очень...

Получили от *Сергея Соловьева* **(сына К. Соловьевой, жены Г.М. Васильева – А.Ф.) работу об Америке на рецензию и заключение. Я прочла – мне понравилось. Сейчас читает отец...**

Опускула макаренкиана, №24, с. 195–198.

В сер. ноября А.С. Макаренко посылает часть «Книги для родителей» в альманахе «Год XIX».

Из записной книжки, 18 ноября 1936 г.

Почти тема. 18 ноября утром у меня нечто вроде обморока. Общий перепуг! Галя требует отставки, но Пинкус уверяет, что у него недавно тоже был обморок.

Когда я сидел у начальника поликлиники, ему кто-то позвонил, и начальник начал меня уверять, что большинство болезней (80%) внушается врачами. Одним словом, нужно ехать в колонию.

Опускула макаренкиана, №22, с. 170.

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 20 ноября 1936 г.: **...Не едем в Бровары, а будем мирно ждать вестей из Москвы...**

Как и следовало ожидать, отец совершенно замучился в Броварах, и у него был не то что обморок, а некоторая дурнота 18/XI утром. Я немедленно уложила его в постель и пригласила на совет *Захаржевского,* **как известно, очень хорошего врача. После очень тщательного и серьезного осмотра он нашел, что отец здоровый человек, что у него прекрасный организм, но что работать в колонии ему нельзя совершенно...**

Отец отнесся ко всему этому достаточно серьезно и вчера заявил в ОТК, что больше в колонию не поедет. Сегодня он идет к профессору *Тартаковскому,* **чтобы выяснить окончательно, что это за обмороки и какая их причина, чтобы, самое главное, – посоветоваться относительно длительного отпуска...**

У отца есть сейчас право на 2-месячный отпуск (в прошлом году осталось 2 недели и за этот год полтора месяца). Этот тарифный отпуск отец, конечно, использует немедленно и, следовательно, поедет с нами в Москву и там пробудет эти 2 месяца, а может быть и больше, как скажет сегодня профессор... Сейчас отец и выглядит, и чувствует себя хорошо, но, конечно, многолетнее утомление сказывается...

Сегодня отец перевел на Мосбанк 585 р. 23 к. – ежемесячную плату за квартиру, которую надо вносить с 25/XI в течение 6 месяцев...

Из очерка «Книга для родителей»

…...Вечер 7 ноября. Кабинет и столовая в хорошей коммунальной семье. Много книг. На столе сегодня белоснежная скатерть, а из кухни пролезают самые симпатичные запахи. В широкие окна блестящими, яркими глазами смотрит иллюминированный город. Праздник.

На турецком диване девочка лет пятнадцати. Она полулежит в неудобной капризной позе, на худеньком еще кулачке ее кучерявая головка.

Перед девочкой стоит мать:

– Верочка, но что же я могу сделать? Надень шерстяное…...

Девочка подымает голову с кулачка и говорит матери быстро-быстро:

– Отстаньте с вашим шерстяным! Заладили одно и то же! Когда еще…... еще в августе говорили: пошьем, пошьем, вот вам пошили, это потому, что модистка дешевая...… вам все дешевое нужно!

Мать беспомощно оглядывается на мужа. Муж хмурит брови и продолжает перелистывать фолиант академического «Слова о полку Игореве». Вера вдруг срывается с дивана, ветром вылетает из комнаты, хлопает дверью. Она пошла плакать.

Утром на другой день между родителями разговор. Отец говорит:

– Все же это…... черт знает что! Что это такое: комсомолка, ученица седьмого класса, не пошла на вечер... …посвященный Октябрю, потому что у нее не готово новое платье! Ты понимаешь, что это такое?

– Я понимаю, – говорит мать, – Вера так любит этот праздник! Конечно, ей обидно.

...Нет, вы обязательно ищете оправдания: то вы очень заняты, вам некогда воспитывать, то во дворе плохие мальчики, то у вас плохие родственники, то вы были больны, то вы часто переезжали с места на место, то заработок недостаточен. Вспоминаете даже «дороговизну продуктов».

Впрочем, иногда вы честно и благородно говорите:

– Да, другие умеют воспитывать! Я, может быть, действительно не так делаю. Надо, видите ли, знать, как воспитывать, надо, понимаете, такое средство знать...

Действительно, честно и благородно сказано: в самом деле, все хотят хорошо воспитать своих детей, но «секрет» не всем известен. Кто-то им обладает, кто-то им пользуется, а вы во тьме ходите, вам никто не открыл тайны...

В самом деле: может быть, есть такой «секрет»? Может быть, всем родителям поступить в педагогические вузы или техникумы? Там уже все тайны откроются, и тогда без затруднений можно будет вести правильное и безмятежное воспитание.

Но, товарищи родители, между нами: среди нашей педагогической братии процент семейных бракоделов нисколько не меньше, чем у вас. Очевидно, одного вуза все-таки мало. Остается предположить, что этот «секрет» имеет вид специального бальзама, изготовляемого по рецептам черной и белой магии.

Кажется, аппетитные мысли о педагогическом «секрете» в значительной мере обязаны недавно почившей педологии. Все видели: специалисты-ученые целыми хороводами ходили вокруг наших ребят, орудовали какими-то хитрыми аппаратами, чертежами, таблицами, а после таких таинственных трудов ставили над душой ребенка такой же таинственный магический знак: iQ = 88,5.

Но ЦК нашей партии вразумительно и просто сказал, что вся эта ерунда подлежит решительному изгнанию и что педагогическая работа должна строиться на таком начале, которое как раз не представляет никакого секрета, – на здравом смысле.

Здравый смысл сильно бьет по всем предрассудкам и отговоркам, по всем измышлениям ленивого и халтурного портачества. Включите ваш здравый смысл, товарищи родители, откройте ваши простые советские глаза, и вы сразу увидите, в чем дело.

Воспитательное дело трудное, но это прежде всего дело, деловая работа, доступная каждому взрослому советскому гражданину. Этой работой каждый родитель обязан заниматься, и обязан сделать ее хорошо или отлично, как и всякую другую работу. Мало ли у нас трудных дел, однако мы не ищем для их совершения никакие секреты.

Надо до полной глубины продумать идею обязательности воспитательной работы, и тогда все станет ясно. Тогда станет ясно, что без постоянного, ежедневного внимания к делу, без размышления и воли, без сознания ответственности успех воспитания детей невозможен, как невозможен он при таких условиях ни в каком деле. Воспитательный долг родителя требует, чтобы вы не ограничивались одними мечтаниями и желаниями, чтобы вы именно работали, чтобы вы действительно воспитывали ваших детей.

А это значит, что с момента рождения до момента полной гражданской самостоятельности вашего ребенка вы ни на одну минуту не можете, не имеете права остановиться, забыть о вашем деле, что-то выпустить из виду, что-то сделать кое-как, что-то сделать легкомысленно, где-нибудь махнуть рукой и сказать: как-нибудь само сделается!

Это трудно? Это страшно? Это непосильно?

О, нет! Это очень большая радость! Это замечательно глубокое наслаждение!

Когда-то говорили мне некоторые инспектора губнаробраза:

– Это, товарищ, непедагогично!

В то время я с непривычки пугался этого слова. А потом разобрал, что в нем если и есть кое-какое содержание, то исключительно комическое.

Как поступать «педагогично», инспектора, конечно, и сами не знали. Но они исповедовали веру в существование некоторой рецептуры, некоторых золотых приемчиков. А работа воспитателя представлялась им в таком виде: сидит воспитатель и во все глаза смотрит на ребенка. Ребенок шевельнул чем-нибудь, воспитатель должен реагировать, ребенок ударил товарища – реагировать, ребенок украл – реагировать, но реагировать непременно «педагогично».

«Педагогично» вовсе не означало «целесообразно», а совсем другое. Это словечко означало, что и сено должно быть цело, и козы целы, и волки сыты, что никто не должен быть в обиде: ни ребенок, ни воспитатель, ни инспектор, что должны остаться в незапятнанном виде все принципы и идеи, что инициатива ребенка не должна быть подавлена, что после реагирования должны царить мир и гладь и божья благодать.

Фактически инспекторов и вообще вдохновителей всей этой мистерии интересовали не ребенок, не тем более будущий гражданин, не воспитатель, не даже принципы. Их интересовал исключительно педагогический фокус: сделай вот так, чтобы никто ничего не заметил, а тишь и гладь и прочее чтобы из ничего получились.

И у многих наших родителей есть такая любовь к педагогическому фокусу. Ребенок в своем поведении ставит, так сказать, перед родителем более или менее коварную задачу, а родитель должен ее «педагогически» разрешить. А после этого и ребенок должен быть доволен, и родители, и публика. Для выполнения такого фокуса требуется, конечно, соответствующая поза, и голос подходящий, и выражение лица.

Нет сомнения, дело трудное. [Во-первых], фокусник – это все-таки мастер своего искусства: и ловкость рук нужна, и быстрота взгляда, и разные приспособления, а родитель привык поворачиваться довольно медленно. Во-вторых, дети иногда ставят перед родителями такие трудные задачи, что без привлечения консультанта из цирка они вообще неразрешимы. Поэтому фокусы всегда заканчиваются довольно печально. Папаша либо проделывает фокус настолько слабо, что публика требует деньги обратно, либо просто теряет «позу» и хватается за испытанный еще в Спарте педагогический снаряд – брючный ремешок. В последнем случае, разумеется, и родитель недоволен, и ребенок, и вообще получается во всех отношениях «непедагогично». Бывает, конечно, и так, что и фокус проделывается, а после его неудачи и ремешок принимает участие.

...Если даже вы, родители, напутаете, то в подавляющем большинстве случаев наша жизнь, наше движение вперед, наша молодежь выправят.

Но не нужно по этому случаю особенно успокаиваться, товарищи родители!

В деле воспитания нет мелочей и нейтральных мест. То, что мельком проскочило сейчас, то, что ответило сегодняшнему дню нечаянной и быстролетной улыбкой, искоркой в глазах, игривой судорогой бровей, – смотрите, лет через десять ошеломит вас наглым, назойливым смехом, масляным, пошленьким взглядом, развязной и приторной мимикой!

В деле воспитания нельзя ни зубоскалить, ни фиглярничать, ни развлекаться. Пусть даже советская жизнь выправит большие и вредные искривления. Ну, а сколько все-таки потеряно, какие возможности брошены, какие силы завяли? Кто подсчитает?

Во многих семьях наше воспитание сильно шагнуло бы вперед, если бы родители взяли на себя труд поразмыслить о том, о сем. Вот просто сесть и подумать. Наш жизнен-

ный опыт настолько велик, наш революционный опыт настолько значителен, наша партия, наша печать, наша борьба столько дают нам указаний, что материал для размышления у нас предельно великолепен. Не нужно даже никаких дискуссий и наморщенных лбов. Я решительно отрицаю и проблему советской семьи, и проблему советского воспитания. Нет проблем и нет темных мест, встречаются только ленивая мысль и непродуманное, случайное действие.

Можно ли нам чему-либо поучиться у буржуазной семьи, скажем у нашей дореволюционной семьи? О, разумеется, многому научиться можно, многие детали старой семьи были сделаны хорошо. Семья эта обладала вековыми традициями, которые въелись в плоть и кровь каждого родителя и на каждом шагу заменяли для него размышление и возню с принципами. Традиции эти поддерживались силой постоянно действующего, придирчивого и безжалостного общественного мнения, настигающего и карающего свои жертвы почти механически.

Нужны ли нам такие традиции, такое всесильное общественное мнение?

Традиции иные, абсолютно новые, абсолютно точно вытекающие из новых форм нашего общества, крайне необходимы для нашей семьи. Но, конечно, не для того, чтобы заменять размышления, ибо как раз размышление, сознательное отношение к жизни – само сделалось одной из прекрасных традиций в нашем обществе. Традиции нужны нам для того, чтобы направлять нашу мысль, чтобы она легче проходила по тем каналам, которые проложены великими основателями человеческого советского мира, чтобы самодуры, фокусники и безобразники с первого момента своих чудачеств чувствовали себя несколько связанными.

А общественное мнение у нас давно есть, и оно тем сильнее, чем больше в нашем обществе единства и настоящего советского патриотизма.

Кое-чему можно научиться у старой семьи, но основная ее философия все же слишком противна нашему веку.

Была и еще одна заповедь, чрезвычайно важная:

«Не пожелай жены искреннего (т.е. ближнего – А.Ф.) твоего, не пожелай дома ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всякого, елико суть ближнего твоего».

Хорошо, что заповедь была составлена в старое время, список предметов довольно короток, нет в нем ни тракторов, ни океанских пароходов, ни железных дорог, ни пушечных заводов.

Но заповедь понятная: собственность неприкосновенна. При помощи батюшек, полиции и войск эта заповедь крепко втемяшивалась в головы искренних и ближних и соблюдалась замечательно честно: и волы, и ослы, и рабы сидели на своих местах, там, где было указано в купчих крепостях и других документах.

Несмотря, однако, на такую активную заботу о ближних, все же как-то так получалось, что большинство «ближних» не только волов и ослов не имели, но часто у нас и рубашки на теле не было. Зато у других [их] девать было некуда.

При помощи какой эквилибристики так получалось, разъяснено давно. Для нас в данный момент важно, что именно эта эквилибристика была моральным и воспитательным кодексом. Семья была ячейкой, в которой этот кодекс прививался детям.

Вспомните разговор детей помещика Затрапезного в «Пошехонской старине» М. Е. Салтыкова-Щедрина:

«– Вот увидите, отвалит она мне вологодскую деревушку в сто душ и скажет: пей, ешь и веселись! И манже, и буар, и сортир – все тут!

– А мне в Меленках деревнюшку выбросит! – задумчиво отзывалась сестра Вера. – С таким приданым кто меня замуж возьмет?

– Нет, меленковская деревнюшка Любке, а с тебя и в Ветлужском уезде сорока душ будет».

Благочестивые отцы и любящие матери из кожи лезли, чтобы дети их были с волами и ослами. Для этой цели детям давалось образование, заводились знакомства, стаскивались вещи, копились деньги, изучалась сложнейшая наука властвования и эксплуатации, вообще дети приспосабливались к будущим волам и рабам.

Ну, а большинство оставалось при пиковом интересе, не имело ни сел, ни волов, ни ослов и само обращалось в рабов, переходя таким образом из состояния субъекта в состояние объекта. Для таких объектов, собственно говоря, никакого воспитания не нужно бы-

ло. Батюшки, правда, кое-что лепетали о покорности и вспоминали по этому случаю некоего Иова, но это было даже и лишнее. Покорность обеспечивалась призраком голодной смерти.

Наш воспитанник не имеет никакого отношения ни к волам, ни к ослам, ни к другим животным. И стихия нашей семьи не содержит в себе и не может содержать ни приготовления к собственности, ни приготовления к покорности. Наша семья не мобилизует ни денег, ни связей, ни скотов. Нам не нужно готовить детей к беспощадной схватке, нашим детям не нужна и бесполезна жадность.

И снова нужно задуматься каждому родителю: а что же нужно нашим детям, какая философия, какие привычки, куда девать этого ближнего с его волами и скотом, чем его заменить?

Вот у вас родился ребенок, допустим девочка. Назвали вы ее Наташей. Пережили первые восторги и беспокойства: «младенческое», зубки, первые шаги и первые слова. Наигрались с Наташей, нарадовались, походили по магазинам, повозились с игрушками и бантиками. Вот Наташе пять лет, семь, десять, двенадцать...

В течение всего этого времени, задумались ли вы хотя бы один раз над вопросом, какого человека вы хотите воспитать из вашей Наташи? Задумались? И не один раз?

В таком случае скажите, какого?

Почему же вы затрудняетесь ответом, больше помалкиваете и переглядываетесь с женой? Ведь оба вы коммунисты, казалось бы...

Да, вы хотите, чтобы ваша дочь выросла новым человеком, коммунистом, чтобы она была преданным большевиком... Чтобы она ненавидела эксплуатацию, была человеком образованным, знающим, квалифицированным...

Вы действительно хотите многого для вашей дочери. Какие же меры принимаются вами для того, чтобы все это было?

Нет, я не удовлетворен вашим ответом: я не склонен преувеличивать ваши заслуги...

Образование Наташе даст школа. Школа даст ей и квалификацию. Та же школа, комсомольская и пионерская организации дадут ей марксистское миросозерцание. Вы говорите, что Наташа активная пионерка. Прекрасно: ваша Наташа уже счастливый человек, все приносят ей, как новорожденной принцессе, богатые подарки: и школа, и комсомол, и пионеры. Кстати, а вы что подарили принцессе?

Нет, питание, одежду и игрушки пока отложим. Это тоже существенно, но все-таки отложим. Подумали ли вы хотя бы однажды о ее характере, о ее привычках, о ее натуре? Я уверен, что натуру можно воспитать, а это чрезвычайно важно. И характер, и привычки. Нет, вы ошибаетесь. Иногда так называемое миросозерцание и миропонимание может быть только словесное, а натура, характер, привычки будут старые[1]. Не может быть?

Бывает. Вот обратите внимание: ваша дочь Наташа за обедом позвала:

– Даша!

Вошла Даша, ваша домработница, почти старушка, которой вы очень довольны и которая у вас живет и работает тринадцать лет. Вот этому самому человеку, вашему другу, как вы говорили, Наташа сказала несколько расслабленным и усталым голосом:

– Даша, дайте соль, вы всегда забываете поставить соль...

Вы обратили внимание, как это капризно было сказано, сколько было барского высокомерия в лице и голосе вашей девчонки, из которой вы собираетесь воспитать коммунистку?

Вы не обратили на это внимания? А если бы в вашей столовой очутилось какое-нибудь такое «тургеневское» существо, нежное, голубокровное, позвонило бы в колокольчик и попросило бы горничную поднять носовой платок, вы обратили бы внимание?

Никакой нет разницы. Вы только потому не заметили ничего, что это ваша дочь. Ведь вы не заметили того, что Даша, не сходя с места, одной рукой отворила дверцу шкафа и через полсекунды другой рукой подала вашей барышне солонку.

И хотя ваша Наташа пионерка и, как вы говорите, будущая коммунистка, сегодня она вызвала у меня отвращение.

Наташа и ее родители живут в большом приволжском городе. Я иногда бываю там и у них останавливаюсь. Это очень хорошая большевистская семья, пользующаяся заслуженным уважением в городе. Родители уделяют Наташе много любви и заботы, они с замиранием сердца следят за ее ростом и уверены, что из нее вырастет новый человек, полезный член общества.

И они не ошибаются: Наташа уже выросла, она в девятом классе, много читает, много знает, прекрасно разбирается в явлениях политической и общественной жизни.

Но я наблюдал Наташу в домашней обстановке и был ошеломлен и опечален тем тонким и глубоким цинизмом, который каким-то чудом родители воспитали в своей дочери.

Даже и по внешнему виду Наташа производит впечатление двойственное: у нее живые умные карие глазки, но они уже заплыли жидковатым жирком и иногда принимают то интеллектуально-сытое, чуточку умащенное выражение, которое бывало раньше у знаменитых присяжных поверенных. Лицо у Наташи настоящее юное, румяное, но и в румянце просвечивает непрочная, розоватая, излишне акварельная легкость, что-то такое комнатное или даже парниковое.

Наташа глубоко уверена, что она будет юристом.

Во время прогулки я спросил у Наташи:

– Все-таки... Почему вы допускаете, чтобы Даша чистила ваши ботинки, убирала утром вашу постель, даже мыла вашу зубную щетку? И я ни разу не слышал, чтобы вы ее поблагодарили.

Наташа удивленно подняла тонкие брови, глянула на меня уверенно иронически и засмеялась:

– Ой, какой вы старомодный, ужас! Для чего мне чистить ботинки, ну, скажите?

Я действительно потерялся: старая и новая «моды» вдруг закружились в такой стремительной паре, что и в самом деле трудно различить, где старая мода, а где новая. Я все же постарался оправдаться:

– Как для чего чистить ботинки? Для того чтобы они были чистые, надеюсь...

– Вот чудак, – сказала Наташа. – Так для этого же и есть домработница. А для чего домработница, по-вашему?

Я начинал нервничать:

– Собственно говоря, какое вы имеете отношение к домработнице? Какое? Какое право вы имеете на ее труд?

– Как «какое»? Она получает жалованье. За что же она получает жалованье, по-вашему?

– Ваши родители очень заняты, они много работают на большой общественной работе. Вполне заслуженно им помогает Даша. А вы при чем? Чем вы заслужили эту помощь?

Наташа даже остановилась в изумлении и сказала мне целую речь:

– А я не работаю? Вы думаете, это легко учиться на отлично в девятом классе, и потом всякие нагрузки? И читать сколько нужно! Думаете, мало нужно читать? Если я хочу быть юристом, так я не должна читать, а должна чистить ботинки, да? А разве мне в жизни придется чистить ботинки или там застилать постели? Если бы я ничего не делала, другое дело, а то я целый день работаю и так устаю, вы же не знаете! А что, мои родители не заслужили, чтобы их дочь была юристом, что ли? По-вашему, все вместе: и учиться, и ботинки чистить! А где разделение труда? Вот вы учитель, а другой для вас обед готовит. А почему вы сами не готовите себе обед, почему?

Правду нужно сказать, я даже опешил: в самом деле, почему я себе не готовлю обед? Железная логика!

Вечером Наташа лежала на широком диване и читала книжку. Мать вошла в комнату с чайным прибором.

– Наташа, я тебе принесла чаю.

Не отрываясь от книжки и даже не повернув головы к матери Наташа сказала:

– Поставь там.

– Тебе два или три куска? – спросила мать.

– Три, – ответила Наташа, перелистывая страницу и поднимая глаза к первой строчке.

Мать положила в стакан три куска и ушла. По дороге она поймала мой улыбающийся взгляд и отвернулась.

Я отвлекся от размышлений и сказал Наташе:

– Вы даже не поблагодарили мать. Даже не посмотрели на нее. Тоже разделение труда?

Наташа оторвалась от книжки и иронически прищурилась:

– Конечно, разделение: она – мать, а я – «ребенок». Она и должна обо мне заботиться. Что ж тут такого... Ей даже нравится.

– А я после такого вашего... хамства вылил бы чай в умывальник.

Наташа снова обратилась к книжке и сказала спокойно:

– Ну что ж, подумаешь? Это было бы обыкновенное насилие... Это даже хуже хамства!

Еще полсекундочки она посмотрела в книгу и прибавила:

– И хорошо... что я не ваша дочь.

На другой день утром я напал на родителей. И ботинки вспомнил, и зубную щетку, и чай. Отец спешил на работу, совал в портфель какие-то папки, искал какое-то письмо. Он пробурчал:

– Черт его знает! У нас с этим действительно... что-то такое... не так. Некогда все, черт его знает, из одного дня десять сделал бы. Побриться некогда!

Уже в дверях он обернулся к жене:

– А все-таки, Женя, с этим... действительно, подумать... черт знает что! Нельзя же... понимаешь... барышня, понимаешь! Ох, опаздываю, черт его знает!

Мать послала ему вдогонку сочувственную улыбку, потом посмотрела на меня внимательно, склонила набок голову, поджала губы:

– Вы преувеличиваете. Это не так страшно. Наташа много работает, устает страшно. И потом... везде ведь так. Раз есть домработница, что ж...

Я вскочил в гневе:

– Как везде? Везде вот такое открытое циничное барство? Рассказать вам, как в настоящей советской семье? Вы разве не видели?

О, нет, вопрос о домработнице, конечно, не отдельный вопрос. Этот вопрос бьет, прежде всего, по родителям, и в особенности по матери. Именно матери убеждены, что это не так страшно, и матери потом горько расплачиваются за свою смелость. Это происходит потому, что в своей мысли родители не сильно шагают за горизонты сегодняшнего дня, что они не хотят ближе рассмотреть печальные уроки прошлого и сияющие перспективы будущего.

Великий здравый смысл нашей жизни должен быть здравым смыслом не житейского обихода, не «здравым смыслом» сегодняшнего дня, а регулятором и мерилом большой жизненной философии. «Довлеет дневи злоба его» – не наш лозунг. Все злобы, над чем бы они ни «довлели»: над судьбой ли забитых детей, или над страдой матери, – одинаково нам противны. Работа и жизнь наших матерей должны направляться большим устремленным вперед чувством советского гражданина. И такие матери дадут нам счастливых прекрасных людей и сами будут счастливы до конца.

Великое чувство! Его до конца
Мы живо в душе сохраняем.
Мы любим сестру, и жену,
и отца,
Но в муках мы мать
вспоминаем!

Н.А. Некрасов

Некрасовские матери, «подвижницы», оставляющие после себя у своих детей тягостные ощущения невысказанной любви, неоплаченного долга и неоправданной вины, – не наши матери. Их подвиг вызывался к жизни не только их любовью, но главным образом общественным строем, самодурством, насилием, хамством властителей, пассивным и беспросветным рабством женщины. И дети их несли на себе то же проклятие истории, и в этом общем клубке несчастья изувеченная душа матери, беспомощная, горестная ее жизнь находили единственный выход только в подвиге.

Что общего в нашей жизни с этим материнским кошмаром? Наши матери – граждане социалистической страны, их жизнь должна быть такой же полноценной и такой же радостной, как и жизнь отцов и детей[5]. Нам не нужны люди, воспитанные на молчаливом подвиге матерей, обкормленные их бесконечным жертвоприношением, развращенные их рабством. Дети, воспитанные на жертве матери, сохранившие на всю жизнь «муку воспоминания», о которой говорит Н. А. Некрасов, могли жить только в обществе эксплуатации. И в этих муках, и во всей свой жизни они продолжали ту же симфонию страдания, о которой мы можем вспоминать только с отвращением.

И поэтому тем более мы должны протестовать против самоущербления некоторых матерей, которое кое-где происходит на каком-то странном историческом разбеге. За не-

имением подходящих самодуров и поработителей эти наши матери сами их изготовляют из... собственных детей. Этот анахронический стиль в той или иной степени довольно сильно распространен, в особенности в интеллигентных семьях. «Все для детей» понимается здесь в каком-то избыточном формализме. «Все» заменяется «все, что попало»: и ценность материнской жизни, и материнское недомыслие, и материнская слепота. Все это – для детей!

В нашей стране люди не работают только ради денег или ради семейного благополучия. Наши люди работают для дела, а средства к жизни – это у нас производное [от] нашего участия в общем деле всей страны. У нас трудно представить себе человека, который интересами общественными, интересами своего долга и своего коллектива пожертвовал бы в угоду своему семейному благополучию. Такой человек представляется нам уголовным типом, не больше.

В нашем обществе труд и заработок уже не связаны в замкнутую цепь. Наша золотая цепь развернулась широко, через всю страну, и ее компоненты многочисленны и весьма почетны: революция, строительство социализма, счастье трудящихся, труд, долг, дело чести, доблести и геройства, разумная свободная культурная жизнь, заработок и радость труда, и радость творчества...

В этой цепи труд – моральная категория, а не категория узкого финансового расчета.

Вглядитесь в эту существенную разницу между старой трудовой проблемой и новой. И проектируйте ее на вопросы воспитания. Раньше в зажиточных семьях к труду вообще не нужно было готовить, а нужно было готовить к той самой эквилибристике, благодаря которой так удачно обходилась десятая заповедь. В семье пролетарской к труду нужно было готовить как к особого вида проклятию, под черными небесами которого рядом стояли труд, нищета, голод и смерть. Труд был как неизбежное зло, только потому приемлемое, что более «совершенные» формы зла были уже гибельны.

Труд не мог быть тогда моральной категорией; несмотря на весь цинизм Ветхого завета, он все же не решался включить труд в число моральных законов.

В третьей заповеди господь бог беспокоится только об одном: «Пожалуйста, не работайте в субботу. В остальные дни, черт с вами, делайте, что угодно, день же седьмой, суббота,– господу богу твоему; будьте добры, не оскверняйте его вашими трудовыми запахами».

Евангелие еще меньше беспокоится о труде. Иисус недвусмысленно показывал на птиц небесных и обращал внимание публики на то обстоятельство, что они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, а в то же время чувствуют себя прекрасно и шикарно одеваются. Всем ближним Иисус предлагал нечто, очень напоминающее украинскую поговорку: «Не трать, кумэ, сылы, та сидай на дно!» Будешь ты, кумэ, работать или не будешь, все равно нищий. А поэтому будем говорить прямо: блаженни нищие, яко [для] тех есть царство небесное!

Это было настолько неприлично, что батюшки пошли даже на мошенничество: прибавили слово «духом». Рекомендовать ближним нищету, оказалось все-таки рискованным: кто же будет работать? Более позднее христианство все-таки приглашало трудиться, но сколько-нибудь серьезно улучшить этот моральный и догматический прорыв оно уже было не в состоянии. Так труд и остался категорией малосвященной, почти греховной, для господа бога малоприятной: «Вьенце смраду, як поцехе» («Больше вони, чем удовольствия»).

И уже совершенно откровенно верующим обещали, что на том свете, в раю, никакого труда не будет: сад, яблоки, бог, полный пансион и ангельские вечера самодеятельности.

Именно отсутствие труда было моральным идеалом и на том свете, и на этом.

Иначе и быть не могло. Старый «добрый» бог в своем первом проекте мироздания, как известно, не помышлял даже о труде как необходимом элементе мира, а начал прямо с эдема – человеческое общество в его представлений было обществом нетрудовым. Только после небольшого конфликта с Евой он в припадке раздражения проклял людей, и одним из словес его проклятия был «труд»: в поте лица будешь добывать хлеб.

А вторым словом проклятия были «дети»: в болезнях будешь рожать детей.

Необходимо признать, что в первобытных баснях о мироздании человечество правильно высказалось о подневольном труде, труде исторических эпох эксплуатации.

Когда труд – проклятие, когда труд – только неизбежное зло, когда труд – только средство к существованию, когда лучшей целью человеческой жизни является освобождение от труда, и когда на наших глазах сотни и тысячи бездельников живут богаче и счаст-

ливее трудящихся, тогда возникает в человеческом обществе идея «беззаботного детства». Правильная идея – пусть хоть дети будут освобождены от проклятия!

Конечно, это только идея. В практике человеческой истории детская беззаботность не исключала и детского голода, и страшной детской смертности, и детской фабричной каторги. Но идея все-таки жила, и рядом с «ангельскими душами» она прекрасно выражала бессильную любовь матерей и лживую надежду проповедников.

Ну, а мы при чем? «Беззаботное детство» в первом государстве трудящихся какие идеи может выражать и какие рисовать перспективы в жизни будущих граждан этого государства?

Нужно прямо сказать: идея «беззаботного детства» чужда нашему обществу и может принести большой вред будущему.

Гражданином Советской страны может быть только трудящийся, в этом его честь, его радость и его человеческое достоинство. Трудовая забота – это не просто дорога к средствам существования, но это еще и этика, это философия нового мира, это мысль о единстве трудящихся, это мысль о новом счастливом человечестве. Как же мы можем воспитать этого будущего, гражданина, если с малых лет не дадим ему возможности пережить опыта этой трудовой заботы и в ней выковать свой характер, свое отношение к миру, к людям, т.е. свою социалистическую нравственность?[3]

Говорят: у наших детей должно быть радостное детство! Под «радостным» понимают часто именно «беззаботное».

Маленькая поправка: когда мы это говорим о детях, мы только выделяем эту мысль из общей мысли: наша жизнь – жизнь целиком радостная, счастливы должны быть и дети, и юноши, и взрослые, и старики. Мы не отгораживаем для детей обособленный уютный уголок в общем неуютном мире, да такой уголок и невозможен, мы это знаем по историческому опыту. Наши дети только потому счастливы, что они дети счастливых отцов, никакая иная комбинация невозможна.

И если мы счастливы в нашей трудовой заботе, в наших трудовых победах, в нашем росте и преодолениях, то какое мы имеем право выделять для детей противоположные принципы счастья: безделье, потребление, беззаботность?

Но какая же возможна «радость» на таких основаниях в Советском Союзе?

Счастья, принципиально отличного от нашего, мы не можем желать для наших детей. Мы можем искать отличия только в «технике» трудовой заботы: одна «техника» для нас, другая – для детей. Посильная трудовая нагрузка – единственная форма радостного детства.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 5, с. 250–261, где публикация сделана по источнику: РГАЛИ, ф. 622 (ред. Альманаха «Год XVI–XXIII», «12-я книга, 1937 г.»). Машинопись с правкой А.С. Макаренко и пометами, вероятно, редактора. На папке арх. ед. хр. значится: «Макаренко А.С. Книга для родителей. Очерк».

Ранее, в 7-томном Собр. соч. А.С. Макаренко, 2-е издание, 1957 г., фрагменты этого текста напечатаны отдельно и в иной последовательности, в сокращении, под заголовками: «Наши матери», «Об опыте трудовой заботы», «Труд как моральная категория», «Вот у вас родился ребенок». Автограф А.С. Макаренко этих фрагментов, значительно отличающийся от машинописи, см.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 90, лл. 1–20 (в обложке, с машинописным заголовком, данном кем-то ошибочно как материалы 2-й книги «Книги для родителей»). См. также ед. хр. 80, лл. 57–59 об., ед. хр. 81, лл. 11–12 об. и 9 об. Фрагмент «Когда мне говорили...» – там же, ед. хр. 81, лл. 18–21.

Это первый вариант начала «Книги для родителей», он отличается особой социально-педагогической остротой. Пронзительно звучат темы: зарождение «открытого циничного барства» детей в семьях ответственных работников, коммунистов, интеллигенции; конфликт старшего и молодого поколений; опасная «жертвенность матерей», социальные последствия нетрудового и «теплично-парникового» воспитания.

Главное: необходимо отношение родителей к воспитанию в семье как к обязательной, целеустремленной работе. В ней нельзя полагаться на какие-то «секреты», отдельные педагогические приемы и «фокусы». В семье должен действовать «общественный кодекс», зарождаться новые традиции, моральное нормы, новое общественное сознание. В отличии от школы и вуза (где дается образование и квалификация) семья – арена собственно воспитания, здесь формируется «натура, характер, привычки».

В «Книге для родителей» А.С. Макаренко продолжает определять и развивать философско-этические основы воспитания, действовавшие в его колонии им. М.Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. Это одно из направлений дальнейшей разработки им общих основ педагогики, ее методологии. В область семейного воспитания переносится концепция трудового коллектива, идея «не труд-работа, а труд-забота», отрицание «жертвенности педагога» и т.д.

Воспитание в семье у А.С. Макаренко – это не нечто совершенно особенное в педагогике, а ее часть, в которой хорошо проявляются общие закономерности воспитания как социально-культурного явления. В трудах по семейному воспитанию он исходит из анализа и оценки нового общественного положения семьи и родителей, вторгается в область политологии, социологии, этики, социальной психологии. Выясняются ценности, идеи и средства воспитания, имеющие важное значение и для школы, образовательно-воспитательного учреждения, общей педагогики.

«Книга *для* родителей» в сущности является «Книгой *о* родителях», здесь говорится прежде всего о *семье* как таковой, ее *укладе жизни* – главном факторе семейного воспитания. Это принципиально новое, что вносит А.С. Макаренко в теорию и практику семейного воспитания, исходя из своих общих педагогических взглядов, выработанных при работе в дореволюционной школе, колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского.

В трудах А.С. Макаренко по семейному воспитанию все более масштабно и глубоко начинают отражаться особенности его творчества как классика педагогики, социального педагога-реформатора. На первый план выходит проблема старшего поколения, его ответственности за судьбу детей, молодежи и всей страны. Она решается

так: нужно осуществлять не просто *преемственность* поколений, а их *взаимодействие*, преодолевая якобы неизбежный конфликт поколений, обеспечивая динамичное и устойчивое развитие общества и человека. Это ясно обозначается в первоначальном наименовании произведения: «Отцы и дети».

[1] Категорическое отрицание того, что «так называемое миросозерцание и миропонимание» (т.е. формируемые лишь на основе знания, словесных представлений) может автоматически вести к образованию «натуры, характера, привычек» – центральный пункт полемики вокруг макаренковской концепции педагогики. Это основа основ макаренковской разработки педагогики как науки о воспитании, где решающее значение имеет жизненный опыт. В новом воспитании это прежде всего опыт труда и хозяйствования.

[2] Тезис о равенстве родителей и детей в «праве на счастье», о их взаимной заботе имеет общепедагогическое значение. Он относится вообще к проблеме позиции педагогов и детей в новом воспитании, где действует единый коллектив старших и младших.

[3] А.С. Макаренко обогащает этическую теорию и практику категорией «заботы», отражая качественно новую историческую необходимость в духовно-нравственной жизни человека и общества. На основе идеи заботы трансформируется вся система основных этических понятий: долг, честь, совесть, справедливость, добро, зло, счастье.

Опора А.С. Макаренко уже в начале 1920-х гг. на понятие «труд-забота» (Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с.11) – важнейшая предпосылка необычайного успеха его педагогической теории и практики.

Главный редактор альманаха «Год XIX» писатель П.А. Павленко в письме от 24 ноября **сообщал:**

Уважаемый Антон Семенович!

Прочел я начало Вашей «Книги для родителей» и пишу Вам сразу в две руки, как редактор и как читатель. Можно говорить правду? Вы начали книгу, великое народное значение которой во много раз превосходит «Педагогическую поэму», произведение редкое по правдивости, но все же написанное на «частную» тему. А «Книга для родителей» – это то, чего еще никогда не было в нашей литературе как жанра. Сообразно с этим и «работаться» она должна, наверно, труднее, чем «Поэма», да это и естественно. Если «Поэма» в какой-то мере роднилась с очерком, исходила из хроники, то «Книга для родителей» целиком уходит в область философского жанра. Она должна звучать как проповедь, как манифест (грубо говоря), как учебник благородства.

Не знаю, как идут у Вас дела с книгой, много ли уже сделали, но даже если и не быстро движется книга – держите себя в руках, пишите, ни на что не оглядываясь. При трудной работе всегда лезут в голову всякие ненужные мысли: а не бросить ли, а зачем это, стоит ли?.. Когда трудно, вспоминайте, вспоминайте старика Алексея Максимовича. Будь он жив, он бы уже потирал руки от удовольствия увидеть скоро «Книгу для родителей».

Успех она будет иметь, мне кажется, больший, чем «Поэма», даже если учесть, что «Поэма» еще только начинает иметь успех. Первая волна критики всегда сменяется видимым молчанием – это взялся за книгу читатель. Потом приходит третья пора – успеха настоящего, полного.

Напишите, как работается. Имейте в виду, что «Альманах» – Ваш орган, и что все мы без старика должны работать артельно, и что наша альманашья артель всегда к Вашим услугам. Если захотите приехать, прочесть написанное, посоветоваться – соберем хороших людей, кого захотите. А главное, держите нас в курсе дел.

С товарищеским приветом П. Павленко» (Павленко П. Писатель и жизнь: Статьи. Воспоминания. Из записных книжек. Письма. – М., 1955, с. 340–341).

Это начало «Книги для родителей» не было напечатано в альманахе «Год XIX». Причиной могла стать его ярко выраженная критическая направленность. Затем А.С. Макаренко перешел к другому варианту «Книги для родителей»: на первый план вышло публицистическое воодушевление. В таком жанре она стала публиковаться в ж. «Красная новь», в №№7–10, 1937 г. В этом же году она вышла отдельным изданием.

Данное начало «Книги для родителей» затем планировалось опубликовать в виде «очерка» в альманахе «Год XX», №12, в конце 1937 г. Помешали, видимо, обвинения в отходе автора от официально действующих стереотипов морально-политического мышления и действия, это говорилось в некоторых рецензиях на публикацию «Книги для родителей».

Письмо Л.М. Салько, 26 ноября 1936 г.

Киев, 26 ноября 36.

Дорогой Лева!

Пишу тебе в Броварах. Здесь ночевал и здесь вчера получил твое письмо (без числа), которое передали мне из отдела. Очень и очень обескуражен. Ты так долго молчал, что мы, в общем, решили: положение благоприятное, ты со дня на день ожидаешь ордера и поэтому не пишешь.

Дело в том, что наше квартирное положение прямо аховое. Вещи запакованы к отправке, квартиру на Леонтовича нужно освобождать, новая моя комната на Рейтарской бузовая, а Бровары – гадость и для Гали не подходит. И не то досадно, что переезд в Москву переносится на 15 декабря (потерпеть 20 дней – сущий пустяк), а то, что и 15 декабря построено на таком же песке, как и все прежние сроки, начиная с августа.

В моем представлении торчит полная неопределенность, я не вижу впереди абсолютно никакого срока: декабрь, а может быть январь, а может быть февраль, март, а может быть и совсем квартиры не будет. К сожалению, и из твоего письма нельзя извлечь никаких выводов. Что там делается, делается ли вообще что-нибудь, а может быть и ничего не делается. Когда мы были с тобой на постройке месяц назад, нам говорили, что газопровод будет готов дня через два-три, остановка была за электрокабелем. Из твоего письма с трудом можно понять, что газопровод даже не начат.

А что сделано в квартире? И какое настроение на постройке, на что они надеются, о каких сроках думают? Ведь месяц назад Бобунов нам сказал, что должно быть готово к концу ноября, а к 15/XII это уже обязательно. Может быть, хоть теперь у них есть какие-то более точные представления? Я совершенно начинаю боятся, что из-за зимы и морозов они могут и совсем законсервировать окончание постройки и тогда хоть реви.

Для меня очень важно все это знать. Если «конца не видно», я постараюсь как-нибудь здесь устраиваться на зиму. Если ждать только 20 дней, это сущие пустяки – подождем. Больше всего я боюсь за здоровье Гали, оно не приспособлено для цыганской жизни.

Немедленно по получении этого письма садись и отвечай срочно, хоть и коротко, но толково, какие более или менее точные предсказания можно сделать. Лучше даже не пиши, а дай фототелеграмму. Это нужно с главного почтамта на Тверской, она стоит 5 рублей, и написать твоим почерком можно до черта.

Одновременно я пишу Бобунову, требую от него точного ответа, но он, конечно, может и не ответить.

Все эти передряги, существование на четырех квартирах, естественное беспокойство и мое перематывание из Киева в Бровары и обратно, не позволяют мне заняться литературной работой, а это крайне необходимо, ибо скоро мы сможем сесть на такой «декокт»[1], что небо с овчинку покажется. Если бы наши уехали (или я уехал вместе), я все-таки кончил бы «Книгу для родителей», в Броварах писать можно.

На 11–12 декабря меня вызывают в Минск все депутаты, вероятно поеду, хотя и это зависит от квартирных сроков. Правда, я теперь так мало верю в скорую Москву, что, пожалуй, Минск вне опасности.

В остальном все благополучно. Как мы разместимся на наших квартирах, еще и не знаю. Напишем после твоей телеграммы.

Целую крепко.

А.М.
26/XI 36.

Опускула макаренкиана, №27, с. 202–204.

[1] Отвар из лекарственных растений. Говорится о денежных затруднениях.

Дополнения. *Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 28 ноября 1936 г.*... **Если бы ты написал 16-го (после посещения Лаврушинского) сейчас же, то мы не упаковали бы свои вещи...**

Он (Антон – А.Ф.), бедненький, в таком состоянии, что его жалко. Влип он в эту колонию, которая ему не по силам, отвертеться от нее теперь нелегко, работает он массу, дома не бывает, приезжает домой усталый, а тут еще квартирные дела.

...Квартира в Киеве кажется ему сковывающим обстоятельством, вот он и рад был передать ее кому угодно. Пообещал ее своему начальнику Пинкусу. Тот, хотя и имеет прекрасную квартиру из двух

комнат, хочет иметь три комнаты и немедленно получит их... Выходит так, что мы фактически не имеем квартиры с 7 декабря...

Деньги наши уходят, а надежды на то, что отец будет писать, нет совершенно...

Решить непременно надо: оставаться ли нам в старой квартире или переезжать в другую в Киеве... Если бы я знала, что отец пробудет в колонии месяц и больше, то я бы переехала в Бровары...

Профессор *Тартаковский* **сказал, что организм у Антона совершенно здоровый, но есть переутомление нервов и, самое главное, отравление никотином (отец почти не может не курить), но что отдых и занятие тем, что отцу нравится, очень быстро восстановят его силы...**

Его приглашает минский Наркомпрос на доклад о «Педагогической поэме». Кроме того, в Ленинград приглашают писателей на ее обсуждение. Числа 9, 10 отец выедет в Минск, я этого очень хочу – ему маленький отдых и разнообразие. Вероятно, из Минска в Ленинград, а из Ленинграда он надеется [ехать] прямо в Москву, на Лаврушинский. Может быть, и я поеду с ним в Минск, он приглашает очень...

Опускула макаренкиана, №24, с. 205–208.

Чугуев Н.К. Поэма о молодежном коллективе и новом человеке// Педагогическое образование, 1936, №6 **(журнал Управления высшей школы Наркомпроса, РСФСР, вышел в ноябре–декабре). Рецензия на «Педагогическую поэму» (издание всех 3 частей). Написано во многом с приспособлением к официальным представлениям о воспитании: Макаренко «самоотверженным трудом завоевал доверие колонистов, нашел ключ к душе каждого», «дал каждому дело, которое наиболее нравилось». Это – «опыт перевоспитания правонарушителей».**

И вместе с тем: «молодежный коллектив как одно мощное целое», «общий труд и борьба, с целью улучшения жизни колонии», «большие задачи», строгие организационные формы работы, отряды, хозяйствование, «ядро коллектива», сознательность, гуманизм, требовательная любовь. «Овладение ленинским стилем работы». «Одна из умных книг о коллективе», она «сконцентрировала богатый опыт лучших советских педагогов». Прочитав эту книгу, многие «твердо решали стать педагогами». Общественное значение книги.

О рецензии *М. Бочачер* **(см.: Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, Именной указатель. – А.Ф.) – это согласие с «точкой зрения бюрократов и невежд из украинского Наркомпроса». «Важные ошибки, недостатки книги»: огульное отрицание теории и «буржуазного педагогического наследства», это «педагогическая пролеткультовщи-**

на»; «заимствование теорий механистического толка» («инстинкты», «уподобление воспитания производству»).

Златова Е. Выпрямление человека// Литературная учеба, 1936, №11. **Жизнь А.М. Горького стала «масштабом для измерения человеческой ценности», это важное средство нравственного убеждения. Не просто колония для правонарушителей, а социальное воспитание; нужен «новый человек». Сознательные трудовые усилия всего коллектива как «жизненная необходимость». Рост коллектива, людей в решении жизненных задач.**

«Внешняя красочная сторона организации» (строй, знамя, рапорт, «есть!», трубные сигналы) – это обогащение опыта организованного поведения и переживаний. «Органическая связь с советской действительностью пронизывает всю историю колонии».

Бану-Лахути Ц.Б. О «Педагогической поэме»// Книга и пролетарская революция, 1936, №11. **Содержание произведения рассматривается как «борьба отважного человека против слепой стихии»: новая, советская «робинзонада».**

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 1 декабря 1936 г.… **Антон чувствует себя неплохо, не было больше обмороков. Правда, он много работает, но уж такая у него натура…**

Я недавно была по делу в ОТК… Все в один голос утверждают, что если бы отец серьезно поставил вопрос об уходе, то его не держали бы… А отцу нужно сидеть в Броварах и делать «чудеса»…

Когда Антон был у Циклиса[1], тот с удивлением услышал, что надо куда-то переезжать на другую квартиру, и просил отца до переезда в Москву оставаться на 6/21 (ул. Леонтовича, д. 6, кв. 21 – А.Ф.) и спокойно жить… Мы будем в Москве, а месяц-другой не имеет значения… Антон очень хвалит и любит тебя…

В колонии отец, ты знаешь, «перекуривал», и это, вероятно, привело к обмороку. Сейчас он курит до 15 папирос в день (а ранее и потом – до 60 в день – А.Ф.) и чувствует себя гораздо лучше… Может быть, ко времени окончания квартиры отец наладит несколько колонию и сможет совершенно переехать с нами в Москву, а не только в отпуск… Я, видя отца добрым и полным планов, неизбежно успокаиваюсь…

Отец получил очень хорошее письмо от главного редактора «Альманаха» – Павленко[2]. Он пишет, что «Книга для родителей» (он прочитал два [печатных] листа) – произведение огромной важности… что это «манифест о человеческом благородстве»… Отец очень доволен и даже поставил магарыч мне, конечно… Отец сейчас в Броварах, будет вечером.

[1] *Циклис С.М.* **– тогда нач. АХУ НКВД УССР.**

[2] Подписанный П.А. Павленко договор редакции альманаха «Год XIX» с А.С. Макаренко о труде «Отцы и дети» (условное название) 2 июля 1936 г. см.: Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 264.

О личности и обществе

Хочется найти какие-то особенно выразительные слова, чтобы правильно оценить наши замечательно яркие дни. Трудно это сделать. Может быть, для этого нужно было бы выключить какие-то грандиозные рубильники, чтобы потухли и забылись все злобы наших дней, чтобы можно было стать на широких мировых площадях, слушать слова вождя, слушать новые человеческие гимны.

Но жизнь несется вперед вместе с нами, и в музыке и грохоте ее движения мы слышим слова сталинской Конституции. Будущие люди позавидуют нам, в этом соединении жизни и революции они увидят все величие, всю красоту и мощь нашего замечательного времени.

А я завидую будущим людям, я завидую даже тому школьнику, который в какомнибудь 2436 году будет читать первые страницы учебника истории, где будет написано: «История человечества делится на две части: до сталинской Конституции и после сталинской Конституции»…...

Я завидую этому школьнику потому, что его детские глаза лучше моих увидят настоящее величие наших дней: для этого школьника десятки поколений ученых, сотни светлых умов освобожденного человечества раскроют и назовут самые глубокие правды, таящиеся в простых словах Основного Закона СССР.

Ведь удивительно: вот уже 6 месяцев, как проект Конституции нам известен, мы знаем его на память, мы много пережили и передумали, изучая его, а в ноябре, после доклада товарища Сталина наша Конституция как будто заново встала перед нами, и мы увидели многое, чего не видели раньше.

Мы смотрим на Кремль и видим не только Основной Закон нашего государства, не только названные и подытоженные наши победы, но и сияние новой человеческой философии, тем более ослепительное, что в нем горят не огни человеческой мечты, не призывы к счастью, а строгие чертежи реальности, простые и убедительные линии, непривычно для философии называемые фактами.

Да, мы сейчас больше думаем о счастье, чем когда бы, то ни было в истории. Эта тема реально придвинулась к нам, она стала нашей деловой темой – тема о счастье всех людей, тема о человеке, личности, обществе. Мы должны быть философами. На наших глазах самые скромные люди, самые трезвые прозаики, самые практические деятели расправляют крылья высокой синтетической мысли, улетающей в перспективу веков. Широкие народные массы Союза переживают сейчас не только чувства благодарности и радости победы, но и большую философскую взволнованность.

Исторический документ, написанный, как говорил товарищ Сталин, «почти в протокольном стиле», будто раскрыл перед нами широкие врата истины, еще недавно заваленные грудами исторических заблуждений и тяжестью вековых неудач в борьбе за освобождение человека. И поэтому тема о счастье стала близкой и родной темой. А сколько десятков веков люди искали счастья, сколько мудрецов положили головы на путях к нему, какие страшные жертвы принесло ему человечество?!

Теперь, при свете сталинской Конституции, вдруг стало ясно видно, что такое счастье. Оказывается, это вовсе не трансцендентная категория. Оно легко поддается почти математической формулировке. В сталинском Законе оно разрешается в простом сочетании двух величин – личность и общество.

Трудно описать ту безобразную кучу заблуждений, глупости, вранья, мошенничества и сумасбродства, которая до наших дней прикрывалась истрепанной занавеской с надписью: проблема общества и личности.

Каких трюков, каких фокусов, каких затей не показывали нам из-за этой занавески? И любовь к ближнему, и любовь к дальнему, и сверхчеловека, и «человека-зверя», и «не противься злому», и «скашивай на нет», и даже «спасайся кто может».

Веками мы глазели на это представление, а многие из нас даже веровали. Великаны

человечества – Толстой, Достоевский, Гоголь, Верхарн – расшибали себе лбы возле этого балагана.

А ведь существовала только занавеска, в сущности, был только балаган, в котором скрывался вековой обман идеологов эксплуататорского общества. Слова Конституции, как прожектором, осветили это место, и мы увидели бутафорию.

Так понятно стало: проблема личности может быть разрешена, если в каждом человеке видеть личность. Если личность проектируется только в некоторых людях по какому-либо специальному выбору, нет проблемы личности...… И в речи товарища Молотова[1] это замечательно сказано. Какая проблема личности может быть у каннибалов? Можно ли в таком случае сказать: одна личность съела другую личность? Проблема личности в условиях взаимного поедания звучит весьма трагикомично.

А разве лучше с проблемой общества? Те общественные представления, которые такими обычными и будничными стали у нас, просто не подходят, не вяжутся в условиях мира каннибальского. Попробуйте в любом советском окружении сказать неожиданно: коллектив заводов Круппа. Даже не искушенный в социологии советский гражданин услышит нечто дикое в сопоставлении слов «коллектив» и «Крупп».

Мы уже хорошо знаем, что такое коллектив. Это, конечно, не «собрание индивидов, одинаково реагирующих на те или иные раздражители»[2], как учили некоторые чудаки, близко стоявшие к недавно скончавшейся педологии. Коллектив – это свободная группа трудящихся, объединенных единой целью, единым действием, организованная, снабженная органами управления, дисциплины и ответственности. Коллектив – это социальный организм в здоровом человеческом обществе[3]. Такой организм невозможно представить в мещанине буржуазного мира.

Тем более невозможно представить себе «общество» в нашем понимании этого термина. Кое-как мы еще справляемся с такими представлениями, о которых слышим из-за границы: «двор», «свет», «аристократия», «высшие круги», «средние круги», «низшие круги», «простонародье», «чернь». К какому из этих подразделений можно присоединить термин «общество»? В каких комических ансамблях, в каких шутках можно смешать все эти элементы и назвать эту взрывчатую смесь обществом? И тем более: в порядке, какого легкомысленного чудачества можно мечтать о счастье для такого «общества» в целом?

А ведь все-таки мечтают люди и на Западе. Мечтают о счастье, говорят о нем и обещают его приготовить в ближайшее время. Даже Генри Форд однажды занялся этим делом, у него это вышло не очень глупо. В одной из своих книг он сказал приблизительно так: при помощи законодательства нельзя принести человечеству счастье; его принесет конструктивное творчество...

Разумеется, мистер Форд швырнул камень в наш огород. Нашу революцию он назвал законодательством, безнадежной попыткой принести счастье людям. Счастье принесет, мол, сам Форд, «замечательный» конструктор на своих собственных «замечательных» заводах. В первую очередь счастье получат, конечно, не рабочие заводов Форда, а покупатели его автомобилей. Автомобиль – это счастье.

Из творчества мистера Форда, однако, ничего путного не вышло. Во время кризиса тысячи личностей разъезжали на прекрасных машинах по прекрасным дорогам и выпрашивали милостыню у других личностей[4]. Автомобиль, даже самый лучший, не принес никому счастья, кроме самого Форда и немногих ему подобных.

Несмотря на эту печальную неудачу, необходимо признать, что мистер Форд был недалек от истины. «Конструктивное творчество» принесло счастье людям. Но это творчество называется революцией и строительством социализма.

В каждой строчке нашей Конституции мы видим работу гениального конструктора, и объектом этого творчества было общество без кавычек. При помощи одного законодательства его невозможно было создать. Можно издать закон, запрещающий безработицу, но только невиданный размах гения может создать в стране такие условия, при которых десятки миллионов трудящихся обязательно получат работу, а безработица будет навеки уничтожена. Право на отдых не может быть создано законом, если «конструктивно» не созданы сотни и тысячи здравниц.

Сталинская Конституция – единственный в мировой истории документ, имеющий характер исторического паспорта величайшего создания – нового человеческого общества.

И только с появлением этого общества стало возможно говорить о решении проблемы «общество и личность». Эта проблема решена не в горячей проповеди, не в призывах,

не в порядке постановки принципов, а исключительно в процессе грандиозной революционной творческой работы, создавшей конструкцию, продуманную до мелочей и сделанную с точностью до мельчайших величин.

И это общество – настолько новое, настолько принципиально новое явление, что совершенно невозможно никакое сравнение его с буржуазным миром. Детали этого явления недоступны и непонятны для западных мудрецов, ибо этих деталей никогда не было в их жалком опыте.

К примеру, возьмем вопрос о единой и единственной у нас Коммунистической партии. Для нас это так убедительно и просто: только единая партия большевиков, передовой отряд рабочего класса и всех трудящихся, способна к наиболее яркому, эффективному и экономному социалистическому творчеству. Она гениально задумана, гениально организована, счастливо соответствует всей структуре общества.

Западным мудрецам трудно понять такие вещи. Человек, ездивший в своей жизни только на возу, с таким же трудом поймет, как это автомобиль обходится без квача и мазницы. Та сложная смесь лжи, интриги и взаимного поедания, которой смазываются колеса буржуазной демократической телеги, чтобы не слышно было раздирающего скрипа, и которая иронически называется свободой, – в нашем обществе не нужна и не может иметь места.

Наше воодушевленное доверие к партии, наш экономический строй создают невиданную еще свободу личности, но это не та свобода, о которой болтают на Западе. Есть «свобода» и свобода. Есть свобода кочевника в степи, свобода умирающего в пустыне, свобода пьяного хулигана в заброшенной деревне и есть свобода гражданина совершенного общества, точно знающего свои пути и пути встречные[4].

Мы, естественно, предпочитаем последний тип свободы. Ибо коллизия «личность и общество» у нас разрешается не только в свободе, но и в дисциплине.

Как раз дисциплина отличает общество от анархии, как раз дисциплина определяет свободу. «Кто не работает, тот не ест». Эта простая и короткая строчка отражает строгую и крепкую систему социалистической общественной дисциплины, без которой не может быть общества и не может быть свободы личности.

Проблему «общество и личность» буржуазные идеологи связывают с амплитудой колебания личного поступка. Старые законы этого колебания были уже потому порочны, что они были нереальны. Величина колебания в буржуазных конституциях устанавливается для личности, мыслимой идеально, вырванной из общества, абстрагированной. Для такой личности ничто не мешало установить очень широкую амплитуду колебания в области поступка: свобода «употреблять и злоупотреблять», свобода трудиться или лежать на боку, свобода пировать или умереть с голоду, свобода жить в лачуге или во дворце. Ничего не жалко, все можно разрешить личности – действительно широчайшие «просторы».

Но все это для абстрактной личности. Настоящая, живая, реальная личность, живущая под ярмом буржуазного «общества» в подавляющем большинстве случаев имела очень маленькую и жалкую амплитуду поступка: от страха голодной смерти, с одной стороны, до бессильного гнева – с другой.

В нашем обществе обозначены пределы, дальше которых не может размахнуться личность, какой бы гомерической жадностью она ни обладала. Недра, поля, леса в личную собственность? Нельзя! Они принадлежат всему народу... Ничего не делать? Нельзя! «Кто не работает, тот не ест»... Для эксплуататора, для какого-нибудь такого «сверхчеловека» действительно скучно, податься некуда! Зато для реального, живого гражданина нашей страны, для трудящегося амплитуда колебаний поступка очень велика: от радостного, сознательного, творческого труда в полном единстве с трудом других людей, с одной стороны, до полнокровного, жизненного счастья, не отравленного никакой обособленностью, никакими муками совести,– с другой.

Личность и общество в Советском Союзе потому счастливы, что их отношения сконструированы с гениальным разумом, с высочайшей честностью, с великолепной точностью. И хотя в нашей Конституции нигде не стоит слово «любовь», но за всю историю людей в ней впервые реально поставлено слово «Человек».

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 7, с. 11–15, Написано и опубликовано в связи с принятием 5 декабря 1936 г. Чрезвычайным

съездом Советов новой Конституции СССР. Это первая публикация А.С. Макаренко на общественно-политическую тему в центральной печати, газете «Известия», 9 декабря 1936 г.

Говорится о «новом человеческом обществе», его единстве, изменившемся положении человека в социуме, что является базовым компонентом, объективной предпосылкой макаренковской концепции педагогики. В ее основе лежит: «в каждом человеке (без какого-либо социального выбора) видеть личность». Формируется новый «тип свободы», когда «дисциплина определяет свободу». Утверждается идея «счастья всех людей». Возникает трудовой коллектив как «свободная группа трудящихся, снабженная органами управления, дисциплины и ответственности».

Начало изложения этих социально-педагогических воззрений – в параграфе «Коллектив» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 46–52) и в статье «Максим Горький в моей жизни» (там же, Часть 4, с. 265–275). Далее этой проблематике посвящаются статьи «Сила советского гуманизма», «Счастье», «Судьба» и др.

Так, после успеха «Педагогической поэмы» начинается качественно новый этап в педагогическом творчестве А.С. Макаренко – переход от разработки в основном организационно-методической и технологической проблематики к рассмотрению общих основ его социальной педагогики.

Весьма существенно, однако, что в статье «О личности и обществе» и последующих А.С. Макаренко обходит фундаментальный аспект своей педагогической концепции – положения человека в системе управления производством. Он, видимо, остерегается вторжения в эту область, учитывая партийные разногласия по экономической политике 1920-х годов. («троцкизм», «рабочая оппозиция», «децисты», «буферная» оппозиция) и назревающее в первой половине 1930-х гг. противостояние Н.И. Бухарина «линии партии».

В статье «Радость творческого труда» (см. далее) он подходит к теме «хозяйствования», непосредственного участия работников в управлении производством, обращаясь к стахановскому движению.

[1] Говорится о речи В.М. Молотова. «Конституция социализма», 29 ноября 1936 г. *Молотов В.М.* **– в 1930–1941 гг. Председатель Совета Народных Комисаров (правительства) СССР.**

[2] См.: *Залужный А.С.* **– именные указатели в «Школе жизни, труда, воспитания... Части 1–4.**

[3] Обстоятельное рассмотрение А.С. Макаренко понятия «коллектив» в историческом, социально-экономическом аспекте см. там же, Часть 3, с. 46–52. Коллектив характеризуется системно, в органическом единстве его внутренних и внешних связей.

[4] Имеется в виду экономический кризис в США в кон. 1920-х–нач. 1930-х гг.

[5] Данный тезис А.С. Макаренко основывается на признании социально-гуманитарной наукой объективных законов общественного развития. Они могут быть познаны и использованы в интересах общества и личности, их развития. Противоречащие макаренковским взглядам концепции педагогики в сущности исходят из отрицания таких законов или невозможности их познания, из неверия в прогресс общества и человека.

Это ведет к оправданию стихийности, к приоритету «природного» в личности, закреплению и развитию социального неравенства. Отрицается педагогическая целесообразность, определяющий компонент воспитания и самовоспитания. Педагогика подменяется психологией, антропологией, социологией и т.д.

Письмо С.М. Соловьеву, 9 декабря 1936 г., с отзывом о его книге «Америка деловая»

Киев, 9 декабря 1936 г.

Дорогой Сергей Михайлович!

Командировки и болезни помешали мне серьезно заняться Вашей работой. Только сегодня я основательно прочитал ее и подумал над ней.

Работа в общем интересная, хорошая, умная. Совершенно необходимо ее напечатать. Но есть и серьезные недостатки. Устранить их не так трудно, но при одном условии: работу нужно сделать заново.

Эти недостатки:

1. Композиция отдельных глав не продумана, случайна, части их часто не связаны ни логически, ни стилистически.

2. Все сочинение лишено стержневой идеи. Что Вы хотите доказать? Как в общем Вы оцениваете Америку?

3. Мало пейзажа и общих видов (кроме Вашингтона).

4. Чувствуется, что Вы могли бы рассказать больше, подробнее.

5. Самое главное: много изъянов в языке. Язык нужно свирепо править. У Вас есть способности к художественному письму, но мало еще техники и опыта. Есть выражения просто неграмотные:

«...Инженеров в Америке непруженые реки...»

«...Большинство инженеров экономически зависимы...»

«Будучи химиком, мне пришлось столкнуться...»

«Нью-Йорк единственен».

Конечно, все это результаты спешки или недосмотра, и это легко выправить.

Был бы очень рад с Вами встретиться и почитать рукопись вместе. Во всяком случае ее нужно увеличить, прибавить больше подробностей.

В общем, получится очень хорошая книга.

Привет *А. Макаренко*

Америка деловая

По традиции и необходимости – непонятно, какая необходимость?

Смотрели на... перспективы – (!)

Задирая голову до хруста в позвоночнике – и не точно и не красиво!

На проходившую американскую толпу... – не выразительно, получается впечатление, будто толпа проходила в одном направлении.

Небоскребы были необычайно и ни с чем несравненно хороши – так нельзя говорить.

Женщины... густо румяны – нехорошо.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 7, с. 15–16.

Об интересе А.С. Макаренко к американским формам и методам хозяйствования, организации производства и научной работы, о связи теории с практикой в области сельского хозяйства говорится в его большом очерке (брошюре, написанной в соавторстве с Н.Э. Фере): На гигантском фронте. Опыт совхоза №3 (Харьков, Госиздат Украины, 1930, укр. яз.). См.: Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 203–206.

Радость творческого труда

Конституция закрепляет двадцатилетний опыт освобожденного советского народа и в первых своих статьях утверждает новое отношение человека к труду. В обществе, основанном на эксплуатации, труд реально мотивируется как тяжелая необходимость, как реализация библейского приговора: «В поте лица будешь добывать хлеб свой». Этому закону подчиняется не только труд простой, но и труд высококвалифицированный, в том числе и труд интеллигенции[1]. Только очень немногие лица, стоящие в оппозиции к буржуазному строю, могут иногда дать простор своему творческому почину.

Как правило, творческая инициатива может принадлежать исключительно буржуазии, и настоящая логика этой инициативы, этого творчества скрывается от трудящихся масс самым хитроумным и тщательным образом, хотя далеко не всегда успешно. Последние события во Франции показывают, что эта «творческая логика» хорошо известна трудящимся и вызывает у них открытое отвращение, символически выражаемое во всеобщей забастовке, т.е. в демонстративном отказе от труда.

В нашей стране труд является и правом, и обязанностью гражданина. Об этом коротко говорят статьи нашей Конституции, но в ее коротких формулировках отражаются чрезвычайно многообразные и счастливые особенности политического и морального самочувствия советского гражданина. Право на труд в нашем обществе – это не только право на заработок, это, прежде всего, право на творчество, право на участие в социалистическом строительстве, в решении государственных задач. Стахановское движение, захватившее миллионы трудящихся, есть не только движение за новые нормы и за новую технику, это вместе с тем есть движение и за новые творческие позиции человечества.

В стахановском движении право на труд перерастает из экономической категории в категорию моральную и эстетическую. Трудно даже перечислить те изменения, которые на наших глазах внесены в человеческую психику и которые к сегодняшнему дню так далеко продвинули развитие наших человеческих характеров, в особенности по сравнению с буржуазным миром. В своем труде советский гражданин живет в сфере постоянного ощущения не только всей нашей страны, но и всего мира, он уже не может замкнуться в узких границах своего рабочего места, своего цеха, даже своего завода. Его труд стал творческим трудом и в рабочем, и в производственном, и в политическом, и в моральном отношениях.

Расширяясь до очень широких политических синтезов, этот труд сделался основным началом его политического роста – одно из самых замечательных явлений нашей эпохи, породившее новые границы между старым и новым представлениями о труде и о различии между трудом умственным и физическим.

Работа советского гражданина, на каких бы участках она ни происходила, – это очень сложный комплекс и физических, и интеллектуальных переживаний, а в последнем своем

итоге – это переживание полноценности жизни, это ощущение человеческого достоинства и человеческой защищенности, ощущение единства трудящихся и могущества социалистического государства. Этот комплекс перерастает обычное понятие долга – он вплотную подходит к цели жизни – радости существования.

Но труд у нас не только право, но и обязанность. В порядке того же социального возрождения наше понимание обязанности неизмеримо шире обычного понимания обязанности в буржуазном обществе. В нашей стране трудовая обязанность перестала быть негативной стороной жизни[2]. Наша обязанность – это уже не холодная категория связанности человека. У нас это, прежде всего, программа роста и развития личности, крепко связанная с радостными перспективами жизни. Поэтому переживание обязанности у советского гражданина есть переживание активное, не ограниченное рамками договора, а вытекающее из самых глубоких потенций растущей, идущей вперед личности. Именно поэтому мы не только обязаны пассивно выполнять зарегистрированные в трудовом договоре функции, но обязаны и самостоятельно, творчески смело определять их.

В какой мере сказанное относится ко всем трудящимся, в такой же строгой мере оно относится и к работникам искусств. И для работника искусства право на труд открывает широчайшие просторы роста и радости, оно предоставляет нам замечательные творческие возможности. И обязанности наши богаты такими же счастливыми требованиями. Наш долг заключается не только в добросовестности выполнения. Мы обязаны быть такими же инициативными и смелыми, как стахановцы, так же упорно и героически создавать новые слова, краски и звуки, отражая то многообразное новое, чем так богата наша жизнь и наша борьба.

В меру той же свободной и радостной обязанности мы должны не бояться риска. В каждом новом утверждении, в каждой новой детали чувства и мысли всегда есть риск ошибиться, риск увлечения и неточного ракурса. Если мы в самом своем существе, в самой сущности нашего политического самочувствия преданы интересам социалистического общества, если наши помышления и дела искренне и чисто идут за Коммунистической партией, направляются марксистско-ленинской мыслью...[3]… мы не можем ошибиться трагически, в нашей ошибке будет и гарантия ее исправления[4]. И поэтому в нашей стране можно не бояться риска в новом начинании, в смелой пробе и в творческом воображении.

А, кроме того, в нашей художественной работе есть еще и риск уже совершенно благородного наполнения: мы должны участвовать в борьбе с пережитками пошлости, регресса, с припадками глупости, подхалимства и шкурничества, угодливости и формального благочестия[5]. Очень может быть, что в отдельных случаях этой борьбы [в сфере морали] нам придется переживать и временные поражения, и так называемые неприятности.

Но только борьба и может дать нам настоящую радость творчества, ибо в этом случае мы всегда будем находиться в фарватере великого строительства нового человеческого мира, всегда нами будет руководить Коммунистическая партия, всегда мы будем членами единого фронта человеческого освобождения.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 7, с. 16–18. Без даты. Судя по содержанию, написано в начале декабря 1936 г., в связи с принятием новой Конституции. При жизни не опубликовано. Напечатано: А.С. Макаренко. Пед.соч./Под ред.Е.Н. Медынского. Сост. А.Г. Тер-Гевондян. – М.-Л., 1948 г.

Стахановское движение А.С. Макаренко характеризует как активное участие передовых рабочих в «решении государственных задач», как решительный прорыв «узких границ своего рабочего места, цеха, даже своего завода». Это новое общественно-педагогическое явление: творческий труд становится основой «политического роста» людей, «развития наших человеческих характеров». Это «переживание полноценности жизни, ощущение человеческого достоинства», при-

ближение понятия долга к «цели жизни – радости существования». Обозначаются черты этики, органически связанной с трудом.

В такого рода выступлениях А.С. Макаренко начинает в полный голос говорить как социальный педагог-реформатор, отмечая новые «элементы педагогики» прежде всего в сфере экономики. Он показывает: «социальное творчество» вторгается в систему производства; труд становится категорией не только экономической, но «моральной и эстетической»; в труде начинает действовать «гражданин-хозяин».

А.С. Макаренко, однако, по понятным причинам оставляет в стороне правовой и политический аспекты стахановского движения, не затрагивает проблему непосредственного участия стахановцев в управлении производством. Это могло бы обнажить ограниченность стахановского движения в производственном «хозяйствовании».

В этом движении преобладала установка на повышение уровня профессионализма рабочего.

[1] Обращение А.С. Макаренко в начале статьи к «труду интеллигенции», а затем «работникам искусств» с призывом следовать духу стахановского движения показывает, что статья предполагалось, вероятно, для «Литературной газеты». Не была опубликована, видимо, из-за необычной трактовки сущности искусства и острого определения его социально-педагогической ответственности.

[2] Освобождение в новом обществе содержания обязанностей, дисциплины от «негатива», вступление их в органическую связь с правами и свободой личности – ключевой элемент методологии макаренковской педагогики, определяющей все аспекты и уровни его взглядов и практического опыта воспитания.

[3] Опущено, видимо, упоминание о И.В. Сталине.

[4] Эта мысль – уточнение сказанного А.С. Макаренко в обращении к коммунарам-выпускникам 5 сентр. 1936 г.: неизбежность риска и ошибок в социальном творчестве. В новом обществе ошибка включает «гарантию ее исправления».

[5] Здесь он почти дословно повторяет сказанное в обращении к коммунарам-выпускникам 5 сентября о социально-нравственных пороках, стоящих на пути общественного развития, допуская возможность «временных поражений» в борьбе с ними.

Дополнения. *Рецензии на «Педагогическую поэму»: Кон Ф. «Педагогическая поэма» А.С. Макаренко – поэма о жизни, труде и творчестве в нашей стране// Книга и пролетарская революция, 1936, №12.*

См. также: *Дерман, в ж. «30 дней», №12 и в «Детской литературе», №19 – 1936 г.*

Письмо Л.М. Салько, 4 декабря 1936 г.

Киев, 4 декабря 36

Дорогой Лева!

Я на тебя не сержусь, да и не за что, конечно, а сержусь сам на себя. Черт меня угораздил поверить этим сукиным сынам с Лаврушинского и объявить [здесь], что я квартиру оставляю. Теперь на нее стоит целая очередь всяких нахалов, приходится выбираться.

От Бобунова письма не получил. Если у них нет денег, дело скверное, во всяком случае, такие дела быстро не поправляются. Если им и дадут денег, то только после солидной волокиты и разговоров, а может кончиться и тем, что отнимут строительство и передадут другому стройкооперативу.

Я пока что работаю в колонии, но заболел гриппом и два дня сижу дома. Может, еще посижу дня два. Пишу письма во все стороны, отписки собралось на полгода.

С киевской квартирой дело обстоит так. Вероятно, в ближайшие дни мы переберемся на квартиру по Николаевской улице. Квартира из двух комнат, на втором этаже. Комнаты хорошие, но кухня общая, а самое главное, нет центрального отопления. Если так придется пожить несколько дней, полбеды, но если до весны – скверно.

Дней через пять-шесть думаю освободиться от колонии и заняться больше литературной работой.

10-го выезжаю в Минск на диспуты в Педагогическом институте и среди учительства. Из Минска 12-го выезжаю в Ленинград, в котором мой вечер назначен в Союзе писателей на 14-е. Надеюсь 15-го выехать из Ленинграда обратно через Москву и 16-17 побывать у вас. Из Ленинграда дам телеграмму на твое имя, чтобы ты знал, каким поездом приеду, только встречать не выходи, не пропускай занятий, а оставь записку у Глебки, где тебя я увижу.

Галя здорова, но удручена всеми квартирными передрягами.

Впрочем, никто не знает, что у нас к лучшему, а что к худшему, – будем надеяться, что все к лучшему.

Литературно ничего не делаю, но, может быть, и это к лучшему.

Передай привет Глебкам. Целую тебя и прошу не обижаться и ничего плохого не думать.

В общем, все благополучно.

Твой Антон

Ты не волнуйся и спокойно занимайся, все образуется.

Опускула макаренкиана, №24, с. 213.

Дополнения. *Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 14 дек. 1936 г.…* **Отец 13-го в 0 ч. 15 мин. Уехал в Ленинград на диспут в «Дом им. Маяковского». В Москве будет числа 16-го или 17-го и пробудет там несколько дней.**

Сегодня получила от Бобунова телеграмму: «Ввиду критического положения стройки срочно переведите наличными наравне со всеми 4 тысячи»…

Правда, мы уже внесли 2 тысячи с лишним на так называемое улучшение…

Побывала я у Затонских[1]… 11/XII праздновали Нинино рождение, ей 21 год… Я очень люблю Нину и считаю, что ты дурень, что не разглядел ее…

Опускула макаренкиана, №24, с. 214–215.

[1] *Затонский В.П.* **– в 1927–1933 гг. предс. Центр. Контрольной комиссии КП(б)У; в 1922–1923 и 1933–1938 гг. нарком просвещения УССР. С Г.С. Макаренко – земляки, по Каменец-Подольску.**

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 19 дек. 1936 г. **...Отец уехал в свои Бровары. Говорит, что назначение Дидоренко будет в ближайшие дни[1]. Жду с нетерпением, что он совершенно освободится.... Отец очень ждет, когда все вместе будем в Москве...**

Там же, с. 215–216.

[1] **Назначение А.С. Дидоренко в Бровары не состоялось.**

Телеграммы Е.М. Коростылевой, 20 и 22 декабря 1936 г.

Ввиду срочной необходимости внести деньги жилстройкопу «Советский писатель» прошу выдать мне четыре тысячи рублей в счет последнего договора.

Рукопись обязуюсь представить к 15 января 1937 года. Макаренко

Очень благодарен тронут замечательный друг альманах Макаренко

Личный архив А.А. Фролова, без указания на источник. Из Киева, послано по адресу: Москва, ул. Горького, 15, редакции альманаха «Год XIX».

На первой телеграмме запись: Прошу выдать. т. Макаренко кончает большую новую работу для «Альманаха». П. Павленко.

Письмо Н.В. Петрову, 22 декабря 1936 г.

Киев, 22 декабря 1936

Дорогой Николай Васильевич!

…...Не нравится тебе скоропись XVII века, – пожалуйста, читай ундервудовскую тоску[1], сразу видно твои бюрократические замашки. Что касается гриппа, тоже заедаешься напрасно, мне что, если хочешь, буду писать тебе в случае надобности при какой угодно температуре. За последствия, конечно, не отвечаю.

То же самое и насчет называния меня покойником: большей свежести никогда от тебя и не ожидал. Я действительно умирал от разлуки, а ты ничего лучшего не придумал, как проявить свою определенную черствость. Я это запомню и больше нежных писем писать тебе не буду. И вообще посмотрим, кто напишет тебе нежно при твоем характере. Разве Театралов, пожалуйста, ему все равно!

Твое письмо, переполненное грубостями, в фактическом отношении очень страдает. Когда у человека истекает злоба, ему трудно касаться разных фактов. Вот, например: что случилось с харьковским театром? Почему они вдруг все разбежались, а некоторые добежали даже до Ленинграда? Посыпали их каким порошком, что ли? Или Гальперин и Театралов пошли вместо порошка? Ты ничего подробно не написал. Никаких подробностей у тебя не встречается.

То же самое: Крамов[2], какая степень отравления, не написано. Что касается, например, Людмилы[3] то, во-первых, и без тебя знаю степень отравления, а во-вторых, она и сама

расскажет, ибо по опыту знаю, что она врать не то что не любит, а просто не умеет. Ну а все-таки Крамов? Почему он в Москве, да еще с Театраловым? И дальше, что же теперь будет с театром? Пожалуй, его можно будет употреблять вместо крематория, который в Харькове строится десять лет и никак не построится? А теперь будет хорошо: пойди в театр – и через десять минут все кончено, получите вашего родственника без нарушения целости покровов. От скуки, конечно!

Милые мои актеры! Что же это такое? До чего может дойти искусство, если такой живой коллектив может так быстро и некрасиво опаскудиться, попасть под высокую руку Театралова. Черт знает что! До чего великолепен в таком случае и до чего лучезарен был Радин! А ты, дорогой Николай Васильевич, после этого не плачешь и не посыпаешь лысину всякими отбросами, а зубоскалишь по адресу твоего лучшего друга и поклонника. До чего ты тоже опустился...

А где твой стыд, слабые признаки которого изредка можно было наблюдать в Харькове. Ты нахально удрал из Ленинграда и не нашел лучшего оправдания, как сослаться на профсоюз. В сравнении с этим мой грипп, честное слово, образец благородства. Я действительно страдал в вашем паршивом Питере[4] – каменная лоханка, в которой плавает несколько грязных бумажек и перья из императорского орла. Окраины еще так сяк, а центр – ужас. Там могут жить только меланхолики, как ты можешь любить эту бурду?

Ну, бог с тобой, люби.

Только теперь мы с тобой не скоро увидимся, профсоюзник. А вот, если Людмила завернет в Киев, будет страшно хорошо. Она всю правду расскажет и про театр, и про Театралова, и про этот самый профсоюз. А что наши все склочники, так это признак великого подъема искусства, так вам и надо. По-нашему это называется «зашились». А все потому, что Киршона боитесь и Афиногенова[5].

Людмила!

Когда же вы приедете?

Почему написала под влиянием этого Талейрана так невразумительно и противоречиво? Приезжайте скорее, а то в Киеве нас не застанете: в Москву, в Москву! Уже я стащил с себя последнюю писательскую шкуру и отдал в жилстройкоп, уже и шкафы запакованы, уже все готово ехать. Приезжайте скорее!

Привет и поцелуй без различия пола и возраста, значит, и Николаю попадет.

А только жену мою зовут не Астафьевна, и не Остафьевна, и не Евстафьевна, а Стахиевна. Господи, какие теперь пошли режиссеры!

Целую и, ей-богу, соскучился.

Напиши хоть, когда будешь в Москве. Можно остановиться у меня: дам тебе водки и поведу в Третьяковку, очень полезно будет для твоего развития! И для твоей безнравственности.

Крамов очень поседел?

Николай! Ты скажи прямо, может, написать для тебя пьесу? Так ты скажи прямо, на какую тебе нужно тему!

А почему не написали про Янкевского?[6] Он жив?

Господи, боже мой! Как я был огорчен, что у меня не было адреса Татьяны Викторовны! Это все, что у меня осталось от Харьковского театра, ибо... …те далече, а тех... Мазепа украл или как там у Пушкина?

Вот письмо так письмо! Приписок сколько!

И при этом: в половине одиннадцатого еще темно, а в половине первого уже темно! А в промежутке темно от тумана!

А Нева! Сколько даром пропадает…..! А каналы! Мойка! Зимняя канавка! Вообще: – какая...…!

В Ленинграде все улицы одинаковы и шоферы не знают, в какую нужно поворачивать. Памятник Николаю глуп как сивый мерин, а бедный Петя протянул руку к гражданам: да заберите же меня в музей! А Катерина! Бр!!! К чему это! А ангел с крестом?[7] Ну, к чему?!...

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 8, с. 66–67. Адресовано в Ленинград, о чем свидетельствует адрес на конверте. Письмо хорошо

характеризует стиль отношения А.С. Макаренко с близкими ему и дорогими товарищами, друзьями.

Петров Н.В. **– худож. рук. Харьковского театра русской драмы (с осени 1933 г.), шефствующего над коммуной им. Ф.Э. Дзержинского. Заслуженный деятель искусств. О встречах с А.С. Макаренко говорится в его книгах и статьях: «Пути к творчеству», «Встречи с драматургами», «50 и 500», «Правда чувств» и др. См. также его воспоминания в книге «Воспоминания о Макаренко» (Ленинград, 1960).**

[1] **Напечатано на машинке «Ундервуд».**

[2] *Крамов А.Г.* **– ранее артист Харьковского театра русской драмы, заслуженный артист Республики.**

[3] **Жена Н.В. Петрова, артистка** *Л.А. Скопина.*

[4] **Говорится о пребывании в Ленинграде, обсуждении «Педагогической поэмы» на встрече с писателями 14 декабря. Этой встречей А.С. Макаренко был недоволен.**

[5] *Киршон В.Л.* **– русский советский драматург, был одним из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП).** *Афиногенов А.Н.* **– русский советский драматург, был одним из руководителей РАППа.**

[6] *Янкевский А.И.* **– ранее артист Харьковского театра русской драмы.**

[7] **Имеется в виду ангел с католическим крестом на колонне, посвященной Александру II, на Манежной площади в Ленинграде.**

Дополнение. *«Книга для родителей». Вечер А.С. Макаренко// Литературный Ленинград, 23 дек. 1936 г.* **Без подписи.**

«...Рассказ автора «Педагогической поэмы» о своем совершено исключительном по богатству и глубине опыте в деле социалистического воспитания людей интересен не только для педагогов.

– Основную роль в воспитании, – говорил А.С. Макаренко, – играет семья – коллектив, где ребенок является не объектом баловства или родительских «жертв», а участником, в меру своих сил, общей трудовой жизни. К семье обращается новое произведение А.С. Макаренко – «Книга для родителей», уже подготовленная к печати. Отрывки из нее, яркие и острые, автор прочел собравшимся. Сейчас он работает над третьей книгой, в которой хочет показать, как находят свое место в жизни люди неполноценные[1].

Он подчеркнул, что не считает себя писателем, и заявил, что никогда не покинет своей педагогической работы, «самой важной», как он выразился, – в Советском Союзе.

Вопреки этой писательской скромности, все присутствующие на вечере согласились с А.В. Ганзен, которая дала высокую оценку ли-

тературной деятельности писателя А.С. Макаренко, «черпающего материал из самой гущи жизни».

Встреча прошла в Доме писателя 14 декабря. Присутствовали «множество педагогов и два писателя». «В прениях участвовали два переводчика и двое бывших беспризорных. Об отсутствии на вечере писателей приходится пожалеть».

[1] Роман о «чудаках», «дураках», людях особенной судьбы и активности А.С. Макаренко задумал в октябре 1935 г.; работал над ним до февраля 1936 г. (см.: Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 163–164). Эта тема стала одной из основных в пьесе «Ньютоновы кольца» (см. там же, Часть 3, с. 296–315).

Письмо М.Е. Лапировой, 25 декабря 1936 г.

Киев

Марусино, сердце!

Не писать Вам так долго, разумеется, подлость, тем более что Вы в своем роде невинный ребенок, обижать Вас нельзя. Но у меня есть и оправдания. Черт меня угораздил «перекуриться» и переработаться, короче говоря, я на работе свалился в обмороке и перепугал всех местных врачей. Пришлось компенсировать их несколько излишней покорностью и проваляться в постели 2 недели. А потом меня запрягли так, что я от удивления даже пришел в восторг. Сейчас я накануне освобождения, мечтаю о Москве и по секрету мечтаю о прогулке с Вами по Москве, мне страшно понравилось, как Вы разговариваете.

Стихи Ваши доказывают существование в Вашем организме симпатичного и ласкового таланта, но ведь они недоработаны. Может быть, Вы не знаете, что творчество – это работа, прежде всего черная. Поэтическим жаром всего не возьмешь, нужно еще и попотеть, извините за выражение. Поэтому у Вас много хороших, милых стихов, но, например, «Не боишься мертвецов» – в постороннем стиле. То же:

И от тока этой фразы,
Как ее ты произнес...

– сделано в чересчур примитивной грамматике.

«Сын» страшно тепло и нежно сделан, в особенности хорошо, что Ваша мать вышла живая и индивидуальная, но «не скрутит рот» плохо. «Не будет боль широка» нарушает общее настроение. О боли в такой вещи говорить не нужно, пусть читатель без Вашего участия почувствует, какая у женщины боль, широкая или узкая. Последние четыре стиха замечательны по тону, но «оттого, если» нельзя сочетать.

И «Дорога» – прекрасная лирика, женственная по-новому, и концовка восхитительна, но конструкция всей вещи неряшлива. Зачем чемодану отведено так много места, почему запутаны времена глаголов. Любимого поэта нужно выбросить, слишком добродетельно и пахнет Надсоном[1].

Если Вы поэт, так не спешите заканчивать Ваши вещи, возитесь с каждой строчкой. Это обязательно.

При всем том Вы молодец, честное слово. Вы мне очень нравитесь и как «девушка» из Ваших стихов, и как реальная москвичка.

Привет.

Пишите.

А. Макаренко

Киев, Рейтарская, 37, ОТК, мне.

Присылайте еще стихи.

А.М.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 8, с. 68. *Лапирова М.Е.* **– работница библиотеки на заводе «Шарикоподшипник».**

[1] ***Надсон С.Я. – русский поэт 2-й пол. XIX в., отразил кризис народничества. Его поэзии свойственно трагическое мироощущение, острое чувство гражданской скорби.***

Дополнение. *Из писем Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 26 и 28 дек. 1936 г.*: «**...Ждем известий о переезде [в Москву] с нетерпением... Особенно ждет отец, который берет отпуск (ему полагается 2 месяца, рапорт уже подан) и будет писать и отдыхать в Москве. Особенно мечтает об отдыхе, а ты себе представляешь, что это значит, когда отец говорит, что ему нужен отдых...**»

«**...Отец носит твою буденновку и очень доволен, особенно она кстати теперь, когда он едет в Бровары. В Броварах уже назначен новый начальник, и отец на этих днях будет свободен...**

Слышала вчера, что будто бы до окончания переписи населения нельзя будет переезжать с квартиры на квартиру...»

Опускула макаренкина, №24, с. 218.

Письмо Л.М. Салько, 9 янв. 1937 г.

Киев, 9 янв. 1937 г.

Дорогой Лева!

Посылаю тебе доверенность и сберегательную книжку. Получи 1 000 рублей. Оставь себе рублей 200–300 с таким расчетом, чтобы хватило приехать к нам, а остальные вышли телеграфом на улицу Леонтовича.

О квартирных делах тебя не спрашиваю, уже привыкли к мысли, что зиму придется просидеть в Киеве. Все у нас здоровы. Я немного вожусь с ухом, но эта беда побеждается киевским доктором Гиренко. Лиля уехала в Люботин до 12-го.

Есть надежда, что 15-го получаю отпуск. Вероятно, проведу его дома, буду отдыхать и писать.

В квартире самое неприятное то, что удлиняется твое общежитейское бытие. Все-таки интересно, до какого срока законсервировали. Ты, впрочем, туда не ходи. Завтра в Москву едет один такой, «жук», начальник снабжения 5-ой колонии. Я дам ему официальную доверенность, и он все выяснит лучше нас с тобой.

Пиши, как дела.

Целую.

А.

Опускула макаренкиана, №27, с. 219.

Письмо Н.В. Петрову, 10 января 1937 г.

Киев, 10 января 1937

Дорогой Николай Васильевич!

Пишу под первым впечатлением Вашей служебной записки, представляющей, безусловно, шаг вперед в деле опрощения и вообще гибели человеческой культуры. И бумага – дрянь, между нами говоря.

Но какие-то остатки культуры XIX века у Вас еще задержались. Между ними самым заметным нужно признать предложение провести вместе лето. Будущий какой-нибудь Моммзен[1], найдя Вашу служебную записку, обязательно напишет докторскую диссертацию на тему «Моменты просвещения во второй четверти XX века». И заработает сукин сын на этом деле хорошую деньгу.

По существу говоря, данное предложение заставляет меня думать о Вас лучше. Провести вместе лето нам и вам без заметных вкраплений посторонних может понравиться даже такому требовательному человеку, как я; Галя, Людмила и я – хороший комплекс? Похвалы, расточаемые Вами по адресу собственному в летнем оформлении, вызывают естественное сомнение, но так как персонально Вы будете составлять ничтожное меньшинство, то общая гармония не сильно нарушается. Допускается даже, что лето будет несколько испорчено фотоманией некоторых отдыхающих и необходимостью хвалить разные снимки (лучшее доказательство – Ваши настойчивые требования похвалы какой-то фотографии 1935 г.) – все же в штате получается хорошо.

Галя поддерживает проект. Она только просит, чтобы мы с Вами не пели «українських пісень». Ваше близкое знакомство с Корнейчуком и украинские вздохи в служебной записке позволяют мне думать, что песенная опасность гнездится именно в Вас.

Дача может состояться либо под Киевом, либо под Москвой. В первом случае будет земляника, во втором – грибы. Для мученических Ваших запросов и то и другое достаточно.

Окончательно место определится в марте–апреле.

Но где же «безумная» Скопина? Я предпочел бы разговаривать о даче с нею. Это гораздо меньшая нагрузка для моих нервов и культурных навыков.

Спасибо, дорогой Николай, за сообщение о статье Левина[2]. Я ее не читал. Посылаю в Москву просьбу выслать. Меня теперь много хвалят. В одном журнале Феликс Кон написал, что это лучшая книга из прочитанных им за последние годы. Во! Боюсь, как бы это не перед грозой.

Ты великолепно прав, что драматург должен быть поэтом. К сожалению, поэты никогда не бывают хорошими драматургами. Исключение – Шиллер.

Давай летом вместе напишем мировую комедию! Давай?

Целую и обнимаю.

Галина Стахиевна нежно тебя приветствует и прощает твои выпады против ее отчества.

Любящий тебя.

Антон.

В последний момент приехал из Винницы Семен Карабанов и предложил дачу в 7 км от Винницы, рядом с детской колонией НКВД, где он работает. Хороший лес, красивые места. Пруд! Коропчуки![4] Караси! Черешни! Дает нам лошадь и корову, которую ты будешь доить.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 8, с. 69–70. Адресовано: Москва, ул. Герцена, Театр Революции.

[1] *Момзен Т.* **– известный немецкий историк, специалист по истории Рима.**

[2] **Видимо, статья** *Ф.М. Левина* **о «Педагогической поэме» (Литературный критик, 1936, №10).**

[3] *Калабалин С.А.* **– прототип С. Карабанова в «Педагогической поэме» (в колонии им. М. Горького с 9 марта 1921 г.).**

[4] **Короп – карп, сазан (укр. яз.).**

Дополнение. *Обращение писателей* **К. Тренева, В. Вишневского, Н. Вирты, В. Кин: «Письмо в редакцию», о трудностях завершения строительства кооперативного Дома писателей в Москве (Правда, 11 янв. 1937 г.). Редакция на это: сообщение Моссовета (Правда, 5 февр. 1937 г.).**

Право автора

Хочется сказать несколько слов по вопросу об авторском праве.

Проф. В. Сементовский в сущности вопроса увидел только тему справедливости, но упустил из виду тему практической целесообразности. Конечно, было бы справедливо и удобно оплачивать авторский труд единовременно, в тот момент, когда он поступает в распоряжение издательств. Возражение т. В. Финка против этого касается второстепенного обстоятельства: многие писатели тоже получают зарплату в том или ином учреждении как постоянные сотрудники. Наконец, едва ли полезно для писателя уединяться в своей писательской профессии.

Мне кажется, что писателям можно рекомендовать не отрываться от обыкновенной жизни, обязательно участвовать в ее буднях, переживать их удачи и неудачи и отвечать на них.

Меня смущает другая деталь в проекте проф. В. Сементовского.

«Вакханалия переизданий» происходит от того, что вопрос о ценности произведения решается небольшим числом лиц в кабинете издательства. При таком способе всегда возможны ошибки, кумовство, переоценка и недооценка. Но как раз такой способ проф. В. Сементовский предлагает сделать единственным и окончательным приговором над произведением.

Художественное произведение – не техническое изобретение. Оно не так легко поддается оценке, его качество не может быть измерено математически. Доверить это измерение небольшой группе лиц будет нецелесообразно. Суд над художественным произведением может быть вынесен только обществом, всей массой читателей, печатью.

«Вакханалия переизданий» именно потому и происходит, что общественная оценка произведения не принимается в расчет никакими издательствами, которые не имели привычки прислушиваться к читательскому мнению и к читательскому требованию.

Проф. В. Сементовский предлагает совершенно исключить голосование читателя. Пьеса, покоящаяся на полке, и пьеса, волнующая миллионы зрителей, будут приблизительно одинаково оплачены. Плохой роман, которого никто не читает, может быть так же высоко оплачен, как и высокохудожественное произведение. Эта уравниловка может повести к тому, что авторский труд потеряет стремление к высокому качеству.

Мне кажется, что вопрос об авторском праве совершенно ясен.

«Правда» поставила вопрос об авторских гонорарах не в форме протеста против высокого заработка писателя, а в форме требования качества. Если качество – главное, о чем нужно беспокоиться, то желательны следующие коррективы в издательской практике:

1. Переиздание той или иной вещи должно сопровождаться записанной мотивировкой с указанием общественных и критических отзывов о книгах, показаний книжной торговли и библиотек.

2. Авторский гонорар при первом издании книги должен быть низок, равняясь по среднему заработку интеллигентного труженика, при переиздании он должен повышаться, отмечая более высокое качество произведения и стимулируя дальнейшую работу наиболее талантливых авторов.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 18–19. Отклик на статью И. Лежнева «Вакханалия переизданий» в «Правде» 15 дек. 1936 г. Адресовано в «Правду», опубликовано в «Литературной газете» 15 янв. 1937 г.

Как и в педагогической работе, А.С. Макаренко в художественно-литературной деятельности акцентирует внимание на ее «целесооб-

разности», результативности, качестве. Оценку должно давать «общество, масса читателей, печать», а не группа издательских работников. При таком подходе гонорар за первое издание должен быть меньше, чем за переиздание (что противоречит обычной практике).

Письмо М.Е. Лапировой, 17 января 1937 г.

17 января 1937, Киев

Дорогая Мария Ефимовна!

Я снова отвечаю с опозданием, но Вы не должны придавать этому значения, это ведь гораздо важнее того, что с 1 января я переживаю желание Вам ответить, заметьте – неудовлетворенное желание.

Ей-богу, меня обратили в лошадь, не в коня, а именно в лошадь. Что я могу поделать?

О себе писать, честное слово, нечего. Лучше я расскажу, когда буду в Москве, – писать об этом долго. Меня увлекают сейчас не пацаны, а чудаки[1], я собрал здесь прекрасную коллекцию.

Нет, я не врал, когда писал Вам о своей мечте: гулять с Вами по московским улицам и болтать. Вы не можете себе представить, какое в этом деле для меня большое очарование! Вот увидите. А что я не реализовал этой мечты ранее, так… ведь всегда так бывает. Какая же это мечта, если она реализуется сразу! Это уже не мечта, а бизнес!

Хорошая мечта всегда встречает препятствия, хотя бы в образе москвичей, которые хотели сделать из меня дежурное блюдо.

Жаль, что собственные стихи Вы считаете только грехами молодости. Нельзя ханжить, надо продолжать и дальше грешить, ибо без греха невозможна никакая красота. Вы согласны с этим?

Я постараюсь Вас убедить в этом тезисе основательно при встрече.

В Москве надеюсь провести февраль, а впрочем, не знаю, как оно будет.

Вас найду обязательно, очень хочу на Вас посмотреть.

Привет.

Пишите.

А. Макаренко

Киев, Рейтарская, 37, ОТК, мне.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 8, с. 70.

[1] Художественное произведение, роман о «чудаках» в жизни взрослых А.С. Макаренко задумал в октябре 1935 г. Эта тема затронута в его пьесе «Ньютоновы кольца» (написана осенью 1934 г.). См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 163 и Часть 3, с. 296–315.

Письмо Л.М. Салько, 18 января 1937 г.

Киев, 18/I 37

Дорогой Лева!

Спасибо за приятные сообщения, мы так уже привыкли к квартирным неудачам, что боимся и верить.

Я Бобунову[1] особенно не верю, не верю и в то, что он пошлет тебе открытку, а нам

телеграмму. Поэтому ты все-таки наведывайся на Лаврушенский!

Почему ты себе оставил так мало денег?

И неясен для нас вопрос о твоих каникулах, будут они или нет? И когда будут?

Я продолжаю работать в колонии[2], со дня на день жду преемника, обещают со всех сторон, но толку никакого. Как только сдам колонию, так погуляю немножко.

Галя, Лиля и Марфуша только и знают, что толкуют о Москве, а я говорю так: поверю в Москву тогда, когда наши паспорта будут прописаны в московской милиции.

Гадаем так, что сообщение о вселении получим приблизительно 24-25 числа. В таком случае, конечно, будем в Москве к 1 февраля. Но это только гадаем, и как оно будет, знаешь только ты да Бобунов.

А на самом деле не исключена возможность, что вселение будет в мае-июне, а может и того позже.

Рахиль Ароновна[3] пишет, что ты к ним не заходишь. Ты же мне обещал, как прикажешь относиться к твоему обещанию? Что это, звук пустой?

Зайди немедленно.

Целуем тебя все. Будь здоров и весел.

Твой А.

Опускула макаренкиана, №27, с. 225–226.

[1] *Бобунов А.Г.* **– писатель, тогда сотрудник оргсектора ССП, куратор строительства Дома писателей.**

[2] **Говорится о трудовой детской колонии НКВД №5 в Броварах.**

[3] *Р.А. Ковнатор.*

Дополнения. *Из письма Г.С. Макаренко 23 янв. из Киева Л.М. Салько:* **...Антон каждый день ездит в Бровары, и я о нем беспокоюсь до бесконечности...**

Антон получил от Антоновой из Литиздата письмо, так она писала, что ордера [на квартиры писателей в Москве – А.Ф.) будет давать 22-го...

Антон последние дни чувствует себя бодро. Окончил уже первую главу «Книги для родителей». Книга получается хорошая. Настроение у отца поднялось в связи с этим удачным началом. По выходным и нерабочим дням он всегда дома и пишет, но всегда говорит: это не работа...

Он будет в Броварах, пока не найдут туда управляющего, все прежние кандидатуры отпали. Дел он не принимал, так что и сдавать ему нечего.

После отпуска он будет писать книгу о работе ОТК и его колониях. Уверяет меня, что делать это будет в Виннице на даче и никаких других дел по ОТК у него не будет больше, что такое условие он поставил уже категорически... После того, как напишет [эту] книгу, будет совершенно свободен и уйдет из ОТК.

Из письма Г.С. Макаренко 28 янв. из Киева Л.М. Салько: **...Чертовски надоели канительщики из РЖСКТ. Отец уверяет, что, как всегда, не изменяет своему постоянному правилу: «Никто не знает, что к лучшему, что к худшему». Я с ним совершенно согласна, но вношу маленький корректив: я хочу, чтобы всегда было «к лучшему»...**

Я совершенно не болею эту зиму. И даже больше, я окрепла и поздоровела за последнее время, сплю хорошо, ем и все прочее...

Если недомогает такой человек, как отец, если не то, то другое у него болит, то ты понимаешь, какое может быть настроение... Сейчас отец чувствует себя хорошо.

Опускула макаренкиана, №24, с. 227–228, 231–232.

Фрагменты подготовительных материалов «Книги для родителей», 1-го тома

1. Потребности в семье и воспитание

Я за Алешу не боюсь. Дружная, разумная семья к 18 годам приведет в порядок Алешины потребности, а тем временем советская жизнь укажет ему истинные трудовые пути к комфорту и достатку. Но от этого не меняется лицо конфликта в Алешиной семье, и это лицо, то же, что и в семье Коли, – и здесь потребности выросли из опыта удовлетворения, а не из опыта борьбы.

Однако как же быть?.. Как организовать опыт борьбы в советском семейном хозяйстве? Не существует ли непреодолимое противоречие между естественным достатком социалистической семьи и естественным правом детей? Правом, так сказать, на «нетрудовые доходы»?

Семья – естественный человеческий коллектив. И поэтому многое в семье должно быть разумно и соответствовать лучшим человеческим законам. Если семью очистить от пагубных наслоений вековой эксплуатации человека человеком, в ней останутся только естественные и простые отражения человеческой культуры, она может вместить в себя самые совершенные стороны жизни.

Великий закон коммунизма: «от каждого по способности, каждому по потребностям» – для многих еще представляется практически неуловимым, многие еще не способны себе представить такой высокий принцип распределения, предполагающий еще невиданные формы честности, доверия, чистоты человеческой нравственной личности.

А между тем этот закон давно применяется в семье и применяется тем полнее, чем дальше семья отходит от формы отцовской деспотии и приближается к форме свободного человеческого коллектива. И советская семья следует этому закону необходимо и последовательно и не может не следовать без опасности перестать быть советской семьей.

Благодаря этому счастливому обстоятельству наша семья становится настоящей школой коммунистической морали. Но именно поэтому чрезвычайную важность приобретает вопрос о норме потребности, иначе говоря, все тот же вопрос о семейном хозяйстве[1].

И может быть, еще более важным вопросом становится следующий: семейный коммунизм поведения должен обязательно перерастать в коммунизм общественного поведения. В противном случае мы воспитаем самую жалкую тварь, какая только возможна на свете, – ограниченного патриота собственной квартирки, жадненькую и жалкую зверушку семейной норы.

«Избалованные и изнеженные дети, любые прихоти которых удовлетворяются родителями, вырастают выродившимися и слабовольными эгоистами» (Ф. Дзержинский).

Дорогие родители!

Отдохните от такой непривычной философии и проделайте маленькую практическую работу. Рассмотрите хорошенько вашу собственную семью и скажите себе самим, только честно, к какому типу по состоянию потребностей относится ваша семья[2].

А типы бывают такие.

А. Семья не полностью удовлетворяет потребности своих членов, но дружно и деятельно стремится к улучшению своего положения, к повышению заработка, к упорядочению хозяйства, к сокращению непроизводительных расходов.

Б. При таком же неполном удовлетворении члены семьи ни за что не борются, ноют,

ссорятся, впали в панику, опустили руки.

В. Потребности семьи удовлетворяются «как раз». Нет никаких прорывов, но и излишков не образуется. Семья, так сказать, «идеально благополучная».

Г. Потребности семьи не только полностью удовлетворены, но и образуется некоторый остаток, принимающий форму сбережений, допустим, в обыкновенной сберегательной кассе вашего района.

Д. Потребности семьи удовлетворены полностью, но и остатка никакого не получается. Почему? Потому что кроме нормальных потребностей у членов семьи завелись потребности, так сказать, сверхнормальные, явно излишние, для любого свежего глаза несимпатичные – стремление к кутежам, к роскоши, к пустому, но дорогому времяпрепровождению, к чванству, к пусканию пыли в глаза.

Так вот: к какому из этих типов может быть отнесена ваша семья? В приведенном перечислении семейных типов я не упомянул еще один в тайной надежде, что у нас таких семей нет, а если и есть, то члены их никаких книг не читают и никаких вопросов не решают. Это такая семья, в которой просто трудно разобрать, где кончаются потребности, а начинается так называемая судьба, где каждый живет по-своему, по-своему возится с потребностями собственными и соседскими, по-своему вырывает кусок у соседа и по-своему проклинает его за неуступчивость.

Дорогие родители! Сознайтесь, что во время исполнения вами предложенной практической работы вас очень подмывало покривить душой и указать не тот тип семьи, который на самом деле у вас наблюдается, а тот который вам больше нравится, который вы хотели бы на деле завести у себя, который вас, так сказать, соблазняет. Иначе говоря, к которому вы вольно или невольно стремитесь.

Вы, конечно, в глубокой тайне сохраните это ваше вожделение, и напрасны были бы наши попытки проникнуть в эту тайну. Но так как типов всего пять, то что нам мешает пересмотреть их с точки зрения их привлекательности. Если в этом просмотре я нечаянно задену тайные струны вашей души, простите, пожалуйста. Ведь все равно об этом никто не узнает: «я тайну свято сохраню», а вы тоже ни за что не признаетесь.

Мы говорим с глазу на глаз. А в таких случаях легче говорить друг другу правду. Сильнее всего вас притягивает к себе тип «Д», хотя иногда вы и отворачиваетесь от него с отвращением. Но такова уже слабость человеческая, известная еще со времен святого Антония. А так как пороки всегда умнее добродетелей, что блестяще доказано товарищем Салтыковым[3], то и ваш ум приходит на помощь и подсказывает коварно: наговорить, конечно, можно разных словечек, от которых на десять верст несет осуждением. Сказал человек слово «кутежи», и всем страшно стало, а почему непременно кутежи, и кто теперь кутит, да и когда кутить? Но иметь на столе хорошую бутылку вина, в торжественных случаях бутылку «Абрау» совсем не плохо. И если раза два в шестидневку собрать веселых друзей, расположить их милым веночком вокруг накрытого стола, а на столе поставить лучшие эталоны Наркомпищепрома, выпить и закусить, конечно, не до положения риз, а только до «весел бесконечно», какой здесь грех? Или собраться в ресторане... Эх! Все-таки приятное это дело. Или почему «роскошь»? Что такое роскошь? Скажем, кабинет в 30 000, роскошь это или не роскошь? Но он же продается! Его можно купить. И вообще, кабинет отнюдь не роскошь. И издания Академии, выстроенные нарядными корешками от неба до земли, тоже не роскошь. И не тщеславие, потому что все равно никто не верит, что хозяин читает эти книги. Это просто изящно.

Такое же словечко «чванство». Его давно уже произносят, это словечко, и, конечно, это нехорошо чваниться. Но кто же чванится? Никто. Просто при помощи этого слова счеты сводят с теми, кто на деле, по-настоящему, практически ведет борьбу с уравниловкой. Когда у человека заслуженная, конечно, квартирка из нескольких комнат, обстановка, несколько костюмов, из которых один заграничный, библиотека и подобранные, соответствующие кадры друзей, когда у жены имеется китайский или японский глубокого синего цвета халатик, когда уже сильно пахнет бензином от приближающегося собственного авто, когда и казенный автомобиль к вашим услугам, когда летом вы имеете возможность дышать не стандартным городским воздухом, а только что изготовленным специально для вас дачным нектаром – когда все это налицо, естественно, у вас появляется и подходящая осанка, и сильнее звенит голос, и свободнее, если хотите, аристократичнее манеры, и мысль ваша работает смелее, и язык приобретает склонность к уверенному изречению, и вообще нет никакого сомнения в том, что вы существо избранное, отмеченное природой.

Пожалуйста, носите это существо с достоинством, не цепляйтесь боками за потертые бока обыкновенных смертных, не заводите уравниловки.

Собственно говоря, ничего нельзя возразить против такой речи. Описанное обилие может быть заслужено вами, может быть не заслужено, но едва ли оно испортит вас еще больше. Хорошо уже то, что вы довольны. Может быть, хорошее настроение поможет вам лучше делать то дело, которое вам поручено.

Но... у вас есть дети[4]. Они тоже живут в волнах этого чрезмерного изобилия, они тоже поглощают его без меры и логики, они тоже приобретают уверенность – в особом предназначении, и, честное слово, это недалеко ушло от теории голубой крови.

Ваши дети, воспитанные в практике неоправданных потребностей, безудержного и пассивного потребления, к каким берегам придут с возрастом, к каким должны готовиться трудным испытаниям? Но даже и не это самое важное. Какую идеологию вы дадите вашим детям, к какой человеческой истории вы их приготовляете?..[5]

Слабые взгляды некоторых не могут оторваться от типа «Д», тем более что кое-кто уже наблюдал такую жизнь и позавидовал ей.

Это не наша жизнь; если она, правда, чрезвычайно редко у нас встречается, то это не больше как случайность и неопасные фурункулы на нашем теле. Они быстро проходят, и иначе быть не может.

Но стремление к такому типу встречается. Иногда оно начинает реализоваться, обычно осторожно, с невинной миной на лице. Просто появляется какой-нибудь японский халатик глубокого синего цвета, потом другой, третий. На библиотечных полках все прибавляется и прибавляется корешков «Академии», хотя все окружающие прекрасно знают, что никто в доме этих книг не читает. Это никого не смущает – здесь тщеславие уже начинает сбрасывать пролетарскую спецовку и показывается в открытом виде. Из других аксессуаров раньше всего появляется чванство, самая глупая форма поведения в наших условиях и в то же время самая трагическая, ибо что может быть трагичнее одиночества идиота, воображающего, что он отмечен перстом провидения. Все равно наступит момент, и его отметит другой перст, гораздо более справедливый и реальный, – перст советской печати и общественного мнения. И тогда крышка, выражаясь тривиально.

Если даже вам нравится такой тип семьи, вспомните о ваших детях. Представьте себе: они тоже живут...… (далее одно слово неразборчиво – А.Ф.).

Что сказать о других семейных типах?

Нельзя, конечно, возражать против вкладов в сберкассы, нельзя возражать и против типа «В», когда все довольны и ничего больше не нужно, но можно возразить против нравственной картины такого «благополучия».

Разрешите нам быть поклонниками типа «А»…...

Мы не возражаем и против типа «В» и против типа «Г». Пожалуйста, складывайте ваши деньги в сберкассе, это во всех отношениях полезно, но сделайте милость, не консервируйте вашей личности и личности ваших детей «в полном удовлетворении». Пусть в вашей семье всегда будут налицо неудовлетворенные потребности, пусть они волнуют и беспокоят вас, пусть впереди у вас стоит что-нибудь малодоступное, требующее борьбы, напряжения, труда или осторожности. Может быть, и Яша из книги А. Барбюса[5] хотел бы иметь отдельную комнату, но он ее не имеет, и это прекрасно.

Такой стиль семьи нелегко организовать, ибо для этого требуются и пристальное внимание к способностям, и постоянная филигранная работа над потребностями. Ведь те самые, которые всем довольны и пользуются «идеальным благополучием», скорее всего, по уровню своих потребностей стоят очень невысоко.

2. В семье Веткиных

...Оксана завертела ручкой крана, разливая чай в наши чашки. Но строгий порядок за столом в этот момент как-то распался, и последний удар ему был нанесен Марусей. Она стояла за своим примостком, пялилась большими глазами на отца и запищала:

– А сказку? А ты что говорил? Про медведя говорил.

Все быстро оглянулись на Степана Денисовича, и все глаза и глазенки требовательно и с увлечением заулыбались.

Очевидно, в том, что сказка сейчас начнется, ни у кого не было сомнений, потому что все ребята захватили в руки чашки и порции коржей и передвигались на скамьях ближе к батьке. Маруся заявила протест:

Не закрывайте! Не закрывайте! Витька, уходи, чего ты закрываешь!

Ванька старший поставил табуретку между нашим столом и примостком и объявил «мелочи»:

– Не бузите! Батько здесь сидит!

Анна Семеновна безнадежно махнула на детей обеими руками:

– Да чего вы подняли такое?! Чай же выпить нужно.

Но Ванюшка громко распорядился, поворачиваясь на скамье фронтом к Ванькиной табуретке:

– Мы будем чай пить, а он пусть рассказывает.

Степан Денисович недовольно напружился и посерьезнел, даже восстановил свою сосательную гримасу:

– Да чего вы! Какую там сказку! У нас же гость!

Но ему ответил общий возмущенный галдеж, трудно было даже разобрать, почему все закричали, но все были несклонны к уступкам. Возле самого моего уха Васька кричал:

– И гость пускай слушает.

Марусин голос покрывал всех и остался последним хвостиком общего возмущения:

– ...про медведя говорил? А что вчера говорил?

Я присоединил и свой голос к народному требованию:

– Рассказывайте, Степан Денисович! Я двадцать лет сказок не слушал.

– Да я никаких сказок не знаю,– смущенно и по секрету сказал мне Степан Денисович, – ну, иногда выдумаешь что-нибудь – для детишек. А сегодня я им забыл сказать, что... раз... может, человек не любит...

Ванька просунул голову между нами и сказал:

– Вы его не слушайте. Сказки у батька хорошие. Рассказывай, батько, не ломайся.

Степан Денисович глянул на Ваньку и сдался:

– Ну... что ж! Только тихо сидите, не сербайте и не плямкайте[7].

Кто-то из старших обиженно не удержался:

– Мы не плямкаем!

Но на него заворчали, и вдруг все связалось в сплошную гармонию: тишина, направленные на батька искристые взоры и ожидающие, прихваченные хорошим, умным и веселым вниманием лица. Степан Денисович пересел на табуретку, захватил бороду рукой и потащил ее вправо, дрогнул под усом снисходительной, иронической улыбкой и начал...[8]

3. Что такое авторитет?

Что такое авторитет? По этому вопросу не только родители, но и специалисты-педагоги иногда путаются в теории. А на практике явление авторитета предоставлено полному самотеку и поэтому обычно относится к тем качествам человека, которые поступают от бога. Если говорят: «У такого-то есть авторитет» – это вовсе не значит, что «такой-то» чему-то научился, а означает, что у него от природы есть талант авторитета. Развивая это положение, многие убеждены, что авторитет заключается в осанке, в выражении глаз, в голосе, вообще, в наружной импозантности.

Такой милостью божьей авторитет, конечно, не у каждого может быть, как не у каждого случается хороший тенор. Поэтому большинство граждан с завистью посматривают на авторитетных счастливцев. Что делать? Авторитет – нужная вещь, без него невозможно работать, а в семье это предмет самой первой необходимости. Каждый и старается, если уж нет природного дара, заменить его каким-нибудь суррогатом, поскольку суррогаты отнюдь не запрещены, даже в государственных магазинах продается, например, кофе суррогат! Совершенно открыто! Ведь и с голосом так: нет хорошего тенора, есть какой-нибудь, при помощи его не только разговаривают, но даже и поют. Нет хорошей фигуры, делается фигура, при помощи костюма, и не только для общего приличия, но даже и для побед.

Так делают и с авторитетом. Каждый старается из чего-нибудь его приготовить, и очень мало есть таких людей, которые в отчаянии махнули рукой на свою бесталанность и живут как попало.

Давайте заглянем в некоторые семейные гнезда и посмотрим, как родители устраиваются с авторитетом. Нас удивит прежде всего то обстоятельство, что мы нигде не найдем авторитета «милостью божьей», а найдем либо самодеятельный суррогат, либо настоящий авторитет, но последний оказывается сделанным вовсе не из осанки и специ-

альных глаз, а совсем из других вещей.

Суррогатное творчество родительского авторитета очень распространено. Имеется несколько его типов, мы отметим самые яркие[9].

Тип первый. В этом типе авторитет делается по принципу потрясения. Родители, а больше всего отцы, держатся перед домашними, как боги. У нас отдельные углы, недоступные, как «святая святых» в иерусалимском храме. В семье все с трепетом произносят: папина кровать, папин шкаф, папины штаны. Папа, возвращаясь со службы, не проходит по комнатам, а шествует. Обедает папа один, хмурый и «загазеченный», а дети в это время где-нибудь пересиживают в семейном переулке. Когда папа дома, все передвигаются на носках и говорят шепотом. Папин авторитет поддерживается специальным ритуалом и множеством ритуальных предметов. Сюда относятся: папина машина, папин шофер, папин портфель и в особенности папин кабинет, но бывает, что ритуальный характер принимают и предметы менее значительные, в том числе и папина зубочистка. Папина служебная деятельность обыкновенно покрывается мраком неизвестности, отчего она кажется более блестящей и важной.

Папа такого сорта редко спускается со своей вышины для производства педагогического действия, но ни в коем случае нельзя утверждать, что папа педагогически нейтрален. Напротив, все, что совершается в семье, совершается от его имени или от имени его будущего недовольства. Именно недовольства, а не гнева, потому что недовольство папино – вещь ужасная, папин же гнев просто представить себе невозможно. Мама поэтому так и говорит:

– Папа будет недоволен.

– Папа узнает.

– Придется рассказать папе.

Папа редко входит в непосредственное соприкосновение с подчиненными. Иногда он разделяет трапезу за общим столом, иногда даже бросит величественную шутку, на которую все обязаны ответить восторженными улыбками. Иногда он ущипнет девочку за подбородок и скажет:

– Живешь?

Девочка обязана замереть от счастья и опустить голову.

Но такая прогулка папы по семейным угодьям происходит редко. Большей частью папа передает свои впечатления – директивы через маму после ее доклада. Тогда мама говорит:

– Папа не согласен.

– Папа согласен.

– Папа узнал и очень сердился.

Польза такого авторитета в том, что он производит действительное потрясение, и при этом надолго. Даже женатые сыновья боятся беспокоить папу и предпочитают иметь дело с секретарем, то бишь с мамой. Из детей такой семьи выходят люди, очень склонные к подхалимству.

Варианты, конечно, возможны. Это зависит от многих обстоятельств, больше всего от характера мамы. При очень покорной маме, перепуганной не меньше детей, последние получают возможность иногда покуражиться хотя бы над матерью. В такой семье при первом ослаблении отцовского авторитета все может полететь в трубу.

Вариации возможны и в самом отце. В случае недостатка ритуальных предметов напряжение производится более простыми и грубыми способами. Если нет папиной машины и папиного кабинета, пускается в ход постоянная молчаливость, окрик, ругательство, вообще, оскал зубов. Непосредственное соприкосновение протекает с палкой и ремешком в руках.

Само собой разумеется, это суррогат. Авторитета здесь нет, а вместо него организуется страх, притом того сорта, который называется безотчетным.

Предполагается, что страх удержит детей от всего плохого, а священный папин пример и папино одобрение научат детей всему хорошему. На деле и сам папа ничего хорошего не знает, потому что поглощен собственной святыней, и от плохого он никого не удержит, потому что дети умеют служить только его самодурству.

Тип второй. Авторитет создается по принципу «твердой воли». Родители не окружают себя недосягаемым ритуалом и не стараются потрясти и запугать детей. Здесь родители вообще более «умственные» и склонные к педагогическим рассуждениям. Основани-

ем для родительской мудрости здесь служит известная формула:

– Раз сказал – так и будет.

Родители только и следят за тем, чтобы родительский авторитет имел характер тавровой балки: ни согнуть, ни разделить, ни сдвинуть. Несмотря на большую распространенность этого типа, каждый его представитель глубоко уверен, что он первый «это» придумал, поэтому каждый очень ревниво относится к своему детищу и никогда ему не изменяет.

Жизнь детей в такой семье не имеет самодовлеющей ценности, она принесена в жертву последовательности и субординации. Добросовестные родители строго смотрят за тем, чтобы в семейной дисциплине не происходило никаких колебаний. Без грубости и ритуала, тем не менее настойчиво, родители рассыпают положения и приказания, наказания и замечания. Хорошо они сделаны или плохо, изменились обстоятельства или не изменились – «оставь надежду навсегда», они должны быть выполнены, коррективы и перемены невозможны. Часто родители и сами видят, что поступили плохо, что получается бесцельно, иногда опасно, иногда жестоко, все равно: авторитет – главное.

Такая система приносит большой вред не столько в своем действии на ребят, сколько в действии на родителей. Постепенно они становятся сухими формалистами, и уже не только в области приказания, но и вообще в своем отношении к детям. Формализм укрепляется в самой родительской натуре, он мешает им видеть движение и рост детской личности, особенность и своеобразие отдельного случая, неожиданные повороты детской психики, собственные ошибки и собственную неповоротливость. Ребенок таким воспитателям кажется зеркалом авторитета, не больше того.

Это тоже суррогат, не такой глупый, как первый, но гораздо глупее всякого другого. В нем ничего нет, кроме примитивной прямолинейности. Может быть, есть такие роды деятельности, где он может пригодиться, но на детей он может оказывать только безнравственное влияние.

Живые, податливые, легко формирующиеся и изменяющиеся духовные движения ребенка вовсе не имеют вида прямой линии, а, скорее, напоминают сложный зигзаг, сопровождаемый частыми возращениями и петлями, явлениями ритма и повтора. Тавровая балка для такого сложного движения – наименее подходящий регулятор, способный только разрушать нежные нити детского характера. Сегодня ребенка цукали за ложь, наложили наказание, видели какой-то поворот, но не разобрали, какой и в какую сторону, выдержали наказание до конца, создали этим новый поворот, тоже не разобрали какой, наломали, напортили, смяли и идею лжи, и идею правды, все повороты и все впечатления. И довольны, потому что главное достигнуто – сохранен родительский авторитет. Завтра будут цукать за правду, которая показалась почему-то неудобной, будут так же слепы и так же ничего не увидят, а «дело до конца доведут». Все эти концы один с другим не сходятся, да и каждый в отдельности ничего не стоит.

В такой семье нет всеподавляющего страха, но зато нет и другой важной вещи: разумности и целесообразности родительского авторитета. Что получится из детей, предсказать трудно, потому что слишком разнообразны и случайны комбинации детского движения и родительской тупости. Но беспринципность в такой семье рождается обязательно. Дети привыкают к неожиданным и неоправданным сопротивлениям, привыкают к бессилию всех разумных принципов, привыкают к глупости и формализму. Унеся эту привычку в жизнь, они и там готовы будут встретиться с любым требованием и с любым капризом без сопротивления. Они выработали в себе умение извернуться, чтобы в том и в другом случае не сильно пострадать, и этим умением они воспользуются даже и тогда, когда им будет предъявлено разумное требование. Жизнь они встретят без любви и ненависти – только одной ловкостью и острым глазом.

Представители обоих рассмотренных типов очень часто хвастают тем, что они проводят волевое воспитание. Многие любят слушать их рассуждения развесив уши и умиляясь. Многие уверены, что хороший воспитатель невозможен без сильной воли. Это одно из самых диких заблуждений. Нет ничего более смешного, как воля педагога в приложении к ребенку. Сочетание этих двух слов отдает настоящим варварством, как сочетание кузнечного молота и фарфоровой чашки. Воля нужна педагогу только в редких случаях, преимущественно в вопросах перевоспитания. В нормальной семье, в небольшом семейном коллективе, воля нужна только для одной цели: заставить самого себя – воспитателя – подумать и поступить правильно. Направляя же волю на детей, да еще без предварительного

размышления, это приносит только вред, и при этом большой.

4. О половом воспитании

Я разрешаю себе маленький парадокс:

– Наилучшим образом проблема полового воспитания разрешается в отсутствие полового-воспитания[10].

Для нервных читателей, и в особенности профессоров педагогики, дальнейшего читать не рекомендую, а впрочем, особенно волноваться и не следует: некоторые коррективы к парадоксу будут своевременно допущены.

Давайте возьмем быка за рога. Чего мы хотим добиться от наших детей в области полового воспитания? Не подлежит сомнению, что в наши цели вовсе не входит обратить их в бесполые существа, относиться к половой жизни с осуждением и ханжеским стоицизмом. С другой стороны, нас как будто вовсе не увлекает фигура С. из романа А., этакая... жеребячья «простота» отношений.

Единственная наша цель может заключаться только в создании высокой культуры половой жизни, той культуры, которая выработана человечеством очень давно, высочайшие образы которой достигнуты еще во времена Данте, Петрарки, Шекспира. Я думаю, вопрос о необходимости такой культуры мы не будем обсуждать, поскольку мы уже молчаливо согласились, что живем в момент самой напряженной борьбы за большую общечеловеческую культуру, наконец, хотя бы уже потому, что мы не отказываемся от горячей пищи, электричества, радио и книги.

Пожалуйста, только не подумайте, что высокая культура половой жизни необходима только для украшения жизни, что она подобна гирляндам роз, венкам на челе, шелковым одеждам и благовониям. В этой и в самом деле красивой области все же спрятаны настоящие фундаменты человеческого общежития. Здесь заложены начала радости и горя, разумной деятельности, человеческого гуманизма и человеческой любви. Мы еще можем представить себе общество без железных дорог и телефонов, но общество без упорядоченной и приведенной к высоким формам половой жизни не может самостоятельно существовать. Общество развратников стоит ниже социальных возможностей, ибо в таком обществе не может существовать ни человеческая нравственность, ни человеческая дисциплина.

Высокая культура половых отношений должна стоять перед нами как одна из главнейших общественных целей. Но мы еще раз настаиваем на том, что наилучшее половое воспитание то, в котором нет полового воспитания. Это происходит потому, что культура половой жизни не начало вещей, а их конец. Воспитывая отдельно половое чувство, мы еще не воспитываем гражданина, воспитывая же гражданина, мы тем самым воспитываем и половое чувство. И поэтому нет отдельной области полового воспитания.

Я не могу представить себе никакого полезного прикосновения взрослых к половой сфере ребенка или юноши, кроме одной формы: половое воспитание не выходит за границы общего дисциплинирования личности. Вот та самая дисциплина, вот тот самый родительский авторитет, о которых говорилось в прошлой главе, без каких бы то ни было дополнительных специальных приспособлений должны обеспечить и правильное половое воспитание. В совершенно здоровой семье и в совершенно здоровом обществе половые темы просто не возникают. Только когда дети вплотную подходят к границам взрослой жизни, когда начинают звучать уже облагороженные темы любви и брака, возможна прямая консультация родителей и, само собой разумеется, необходима помощь матери в гигиенических вопросах, связанных с наступлением половой зрелости у девушек.

Я заведовал трудовой колонией им. М. Горького, когда вопросы полового воспитания меня поневоле заинтересовали. В то время у меня не было семьи, и мой опыт в этой нежной области был совершенно ничтожен. А в мою колонию приходили дети в 12–15 лет, как раз в том возрасте, когда, казалось мне, без полового воспитания нельзя никак обойтись. Мое положение, конечно, было гораздо труднее положения любого родителя не только потому, что детей было много, но главным образом потому, что у моих детей был уже большой опыт жизненной борьбы, и в том числе опыт половых представлений, если не половой жизни. В особенности затрудняли меня девочки. Некоторые из них побывали даже в проститутках и принесли оттуда растревоженное любопытство, умение кокетничать и скомканные жизненные перспективы.

А я сам не мог противопоставить этому тяжелому комплексу не только никаких зна-

ний, но и никакого жизненного опыта, ибо по странному стечению обстоятельств в своей жизни не видел ни одной проститутки, ни одной развратной женщины (бывают такие телячьи жизни, вот такая была и у меня). О развратной женщине и о проститутке у меня были только книжные представления. Несмотря на то, что книги о таких вещах говорили всегда с хорошими гуманитарными слезами и освещали души лучом благородного всепрощения и надежды, у меня осталось от этих образов ощущение брезгливости и непонятности. Я просто не мог себе представить, как это можно за деньги, регулярно торговать своим телом, как можно при этом сохранить какие-то остатки человеческой личности.

Одним словом, я стоял перед задачей полового воспитания совершенно безоружным, ибо нельзя же было считать оружием мой мещанский страх перед женским развратом.

5. Солидарность, любовь и долг

Аскетизм есть добровольный отказ от желаний, решение уединиться среди общего хаоса в неподвижном голодном покое. В альтруизме больше социальной активности, но это активность уступчивости в каждом отдельном случае, это отказ от желаний из боязни синяков.

Нет, в нашу программу вообще не входит отказ от желаний. Ни голодного одиночества, ни нищенских реверансов перед хаосом жадности мы не хотим. Напротив, сама революция наша – это открыто заявленное право человека на желание. И поэтому в воспитании наших детей аскетизм и альтруизм не могут иметь места, и такие штуки наше общество не считает нравственной доблестью.

Но мы не можем воспитывать и привычку к механическим пределам жадности, т.е. воспитывать моральную систему буржуазного типа. Жадность наших людей должна не механически ограничиваться всеобщей толкотней, а органически превращаться в гармонию желаний, в строгую и точную систему солидарности.

Идея солидарности вырастала в человеческой истории с самых первых, ее страниц. Как только человек поднялся над животным миром, как только научился мыслить и говорить, как только возникло общественное производство – не могла не родиться мысль о необходимости равноправного договора между людьми, о возможности порядка вместо суматохи в области человеческих желаний.

Однако сложность и пестрота человеческой истории не позволили этой идее правильно высказаться и реализоваться. К солидарности человечество пробивалось не только через темноту невежества и нищеты, но и через блеск растущей цивилизации, ослепительные вспышки человеческого изобретения и науки. В этих сложившихся условиях выросли и окрепли тезисы собственности, покупки и продажи, формализм религии и анархия индивидуальной воли. Человечество все больше и больше обрастало историческими привычками классового устройства.

Для идеи солидарности тем более трудно было найти для себя пути, потому что она никогда не была в интересах правящих классов, а следовательно, и в интересах науки и искусства. Она жила в тлеющих, неясных стремлениях, в полусонном социальном институте только в рядах плебса и пролетариев. А в это время мир, построенный на жадности, вырабатывал не только «сильные характеры» владык и миллиардеров, но и правила всеобщей толкотни, то, что называлось в истории законностью, государством, демократией, цивилизацией, вырабатывал буржуазною так называемую «культуру». В известной мере она давала силу проповеди солидарности, она сообщала ей страсть и культуру мысли и слова, она находила огненные принципы справедливости. Только богатство и армия, только организация и опыт власти отсутствовали у сторонников солидарности. И этого было достаточно для того, чтобы проповедь солидарности подменилась проповедью чего-то другого, похожего на нее, но не ее.

Исторический путь идеи солидарности – это путь ошибок и фальсификации. Так была создана с христианских времен Цезарей и Флавиев проповедь бездеятельной любви и нищеты, солидарности терпения и непротивления. Потом родились идеи Великой французской революции, чуть-чуть коснувшиеся вековых стремлений к общечеловеческой солидарности и утопленные в страсти к победе нового класса буржуазии. На смену им пришли идеи утопического социализма, а позже анархизма, идеи солидарности, подкрепленные наивной верой в мощь человеческого сознания и свободы, но не подкрепленные винтовкой.

И только кодекс железных законов Маркса, гений борьбы Ленина, гений конструк-

тивного творчества Сталина, гений народов СССР отдали в распоряжение идеи солидарности великие силы...

В старой морали высокая нравственность всегда была в подозрительном родстве с глупостью. Многие деятели старого времени достаточно откровенно подчеркивали эту родственность. И это были не только циники, купцы и живоглоты, но и такие тонкие аналитики, как Достоевский. Его князь Мышкин[11] – замечательная иллюстрация к этому закону. Структура нравственного поступка так явно противоречила структуре общества, что только слабый мыслящий аппарат способен был не заметить этого противоречия.

Но может быть, в этой толпе найдется несколько человек, которые полезут в драку, которые не побегут в общем паническом движении, которые обрекут себя на голодную смерть, но никого не столкнут с дороги и никому не придавят горла. Их поведение, конечно, обратит на себя внимание остальных – один назовет их подвижниками, высоконравственными героями, другие назовут глупцами, и эти два суждения не будут находиться в особенном противоречии друг с другом.

Теперь представьте себе другой случай: в таком же положении очутился организованный отряд людей, они объединены сознательной уверенностью в том, что их интересы солидарны, что солидарность эта обеспечивается и чувством их уважения друг к другу, и разумной убежденностью в пользе такой солидарности, и доверием к избранным вождям, и дисциплиной в структуре органов и функций. Если такой отряд обнаружит запасы пищи, он направится к ним стройным маршем и остановится по суровому командному слову только одного человека на расстоянии, как будто наименее вероятном, на расстоянии нескольких человек, у которого заглохнет чувство, который завопит, зарычит, оскалит зубы и бросится, чтобы одному поглотить найденные запасы, – его поведение будет явно для всех и самым безнравственным и самым глупым…...

Но кто же в этом отряде будет образцом нравственной высоты?

Здесь мы подошли к самому важнейшему тезису, на который обращаем особенное внимание родителей. В этом отряде на большой нравственной высоте будет не один какой-нибудь герой, а все члены отряда.

По старой морали, нравственная высота была уделом редких подвижников, специальных монстров, число которых было так незначительно, что канонизация их совершалась обычно через несколько сотен лет, когда в памяти людей они сохранялись в туманных формах легенды и устного предания, когда, следовательно, уже не трудно было кое-что и приукрасить. Обыкновенный человек не только в глубине души, а и совершенно открыто для себя такую нравственную высоту считал недоступным и непосильным делом, и с этим все были согласны, т.е. весь контингент таких же обыкновенных людей. Такое, так сказать, снисходительное отношение к нравственному совершенству давно сделалось нормой общественной морали.

В человеческой моральной практике было, собственно говоря, две нормы: одна – парадная, для нравственной проповеди и для специалистов – подвижников, другая – для обыкновенных случаев жизни, для человеческих будней. По первой норме полагалось последнюю рубашку отдать ближнему, пренебречь богатством, предоставить щеки и правую, и левую и пр. По второй норме ничего положительного не полагалось, и измерителем нравственности была не нравственная высота, а нечто противоположное: обыкновенный житейский грех. Так уже и считали: все люди грешат, с этим ничего не поделаешь.

Коммунистическая мораль, построенная на идее солидарности трудящихся, в то же время не есть вовсе мораль воздержания. Требуя от личности ликвидации жадности, уважения к интересам и жизни [человека]-творца, коммунистическая мораль требует солидарного поведения и во всех остальных случаях, и в особенности требует солидарности в борьбе. Расширяясь до философских обобщений, идея солидарности между трудящимися захватывает все области жизни, ибо с точки зрения единого человечества жизнь есть борьба за каждый лучший завтрашний день, борьба с природой, с темнотой, с невежеством, с зоологическими атавизмами, с пережитками варварства, борьба за освоение неисчерпаемых сил земли и неба, за невыразимо великое и прекрасное будущее человечества.

Успехи этой борьбы прямо пропорциональны величине солидарности человечества. Только двадцать лет мы прожили в этой новой нравственной атмосфере, а сколько мы уже пережили великих сдвигов в самочувствии людей! Самочувствие совершенно нового, примечательно нового человека для нас самих еще так непривычно, что мы не всегда отдаем себе отчет в его содержании, и тем более нам трудно проектировать детали этого

самочувствия в нашей воспитательной работе.

Мы еще не можем сказать, что мы окончательно освоили логику и диалектику новой, коммунистической морали. В значительной мере в своей педагогической деятельности мы руководствуемся интуицией, больше надеемся на наше чувство, чем на нашу точную мысль…...

В диалектике чувств социалистического общества любовь никогда не может быть основанием человеческого поступка. Это христианская композиция. В идеальном самочувствии христианина любовь проектировалась как априорное начало человеческих отношений. Сама она исходила непосредственно от божеского задания, сама она не имела никаких оснований в человеческом обществе.

В нашем обществе беспричинная, ни на чем не основанная любовь является безнравственной и чуждой нам категорией. У нас любовь может быть завершением отношений, но не началом их. Долг перед страной, перед всем обществом, перед человечеством может вытекать у нас только из глубокого, сознательного и в то же время кровного ощущения солидарности трудящихся, крепкой убежденности в том, что эта солидарность – благо для всех людей, и в том числе и для меня самого. В социалистическом долге нет ни альтруизма, ни самопожертвования – это необходимая, нравственно обязательная, но совершенно реальная категория, обладающая той железной логичностью, которая может вытекать только из здоровых и реальных, не небесных, а земных, не идеалистических, а материалистических человеческих интересов.

Вот из этой реальной сущности и должна вытекать идея долга. Общественный долг есть функция общественного интереса.

Но в этом положении еще ничего не решается. Из области таких солидарных интересов проистекает идея долга, но не обязательно проистекает выполнение долга.

Солидарность интересов и вытекающая из нее солидарность идей еще не составляют нравственного явления. Последнее наступает только тогда, когда наступает солидарность поведения.

Многие товарищи полагают, что солидарность идей (интересов) обязательно приводит к солидарности поведения. Такое убеждение есть очень большая вредная ошибка.

Вообще можно считать аксиомой, что солидарность поведения невозможна без солидарности идей (за исключением случаев слепого поведения или поведения двурушника), но обратное заключение будет заключением неправильным.

Никакое значение чертежей и расчетов, никакое теоретическое изучение технологии материалов, сопротивления материалов не побудят человека заняться постройкой дома, если он никогда не видел кирпича, балки, цемента, стекла и т.п.; если он не упражнялся практически в работе над ними, если он не освоил процесс постройки всеми своими пятью внешними чувствами, своей волей, своим опытом.

Точно так же никакие идеи не определяют [линии] поведения человека, если у него не было опыта поведения[12].

Опыт солидарного поведения и составляет настоящий объект социалистического воспитания.

В советской семье, в советском обществе этот опыт накапливается с самых малых лет. Развиваясь рядом с развитием сознания, этот опыт и дает те замечательно действенные, воодушевленные кадры молодых наших деятелей, которыми мы справедливо гордимся.

Но в некоторых семьях не уделяют достаточного внимания образованию такого опыта. Там иногда продолжают нажимать на чистую идею, а часто даже и на чистую любовь в надежде, что то или другое достаточно гарантирует правильное поведение.

Зависимость идей и поведения мы уже видели. А что такое любовь? А любовь – это тоже…... поведение. Она придет вместе с долгом, как дети одной матери.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т, т. 5, с. 237–250. Материал без даты. Относится к 1936–нач. 1937 гг.

А.С. Макаренко намеревался продолжить работу над первым фрагментом: большие пустые места оставлены после слов: «К какой человеческой истории вы их приготовляете?» и «Разрешите нам быть

горячими поклонниками типа А». Фрагмент относится к главе второй (в публикации книги), следует после слов: «...Сдаюсь! Готов ехать в товарном вагоне! Пожалуйста!» Следующие фрагменты относятся: 2-й к концу третьей главы, 3-й к началу шестой, 4-й к седьмой главе, 5-й к началу девятой.

Тему семьи и семейного воспитания А.С. Макаренко использует для дальнейшей, глубокой разработки социально-гуманитарных основ его концепции педагогики, «школы жизни».

Вопросы воспитания органически связываются с морально-этическими и правовыми, мировоззренческими идеями. Во главу узла ставится социально-психологическая и общественно-политическая проблема потребностей человека, реализации его способностей, распределение благ по труду. Это педагогика, опирающаяся на категории солидарности, долга, любви, счастья.

А.С. Макаренко выступает в новом жанре художественно-педагогического произведения. Этот его труд определяют как роман-трактат, публицистическое и эпически-повествовательное произведение, включающее элементы лирики, философско-этических и научно-педагогических обобщений. Все это концентрируется на прямом, искреннем и доверительном обращении к читателю.

[1] Хозяйство, хозяйствование, коллективное управление трудом и потреблением у А.С. Макаренко и в семейном воспитании выступает как основа мотивации поведения, мощный источник продуктового знания и основ новой нравственности.

[2] Классификация семей, определение ее оснований, типов семьи – качественно новое в педагогике. Это переход в классификации от узко индивидуальных явлений к рассмотрению коллективов, их типов.

[3] Имеется в виду писатель-сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин.

[4] А.С. Макаренко выдвигает острейшую проблему: право и нравственность, право наследования и воспитание, возможность детей жить в условиях «неоправданных потребностей», за счет труда и заслуг родителей.

[5] Для А.С. Макаренко идеология, формирование мировоззрения – это прежде всего область человеческих потребностей, общественных и личных интересов.

[6] Говорится о Якове, сыне И.В. Сталина, о квартире в Кремле (см. конец главы второй «Книги для родителей» – Пед. соч. А.С. Макаренко в 8 т., т. 5, с. 33).

[7] Не отхлебывайте и не чавкайте (укр. яз.).

[8] Далее – *«Сказка о советском медведе».* **(В нашем кратком изложении – А.Ф.):**

У медведя зуб разболелся, никакого спасения. Лисичка: «Теперь на земле советская

власть даром лечит». Пошел медведь в город, в поликлинику. Идет посередине улицы, народ разбегается. Милиционер под козырек: почему движение нарушаете, без документов? Начальник: поликлиника для людей назначена.

Медведь: я тоже трудящийся! Не вредитель. Ему: Вот Брем, том 1, стр. 594: «Медведь преследует всяких животных, всего охотнее овец...»

– Хо, заревел медведь весело, Брем устарел, написано в 1825 году, тогда и люди другие были, да и книга немецкая. При советской власти овцы, лошади – государственная собственность. Питаюсь исключительно вегетарианской пищей: травка, ягода, иногда кучу муравьев найдешь, мышку, зайчонка – редко, разве в выходной день. Да и некогда, туда-сюда, служба, семья...

– Какая служба?! – А лес кто сторожит от самовольных порубок? Я строго: Давай рррразрешение!.. Не платят жалованья, некому хлопотать.

Медведю зуб вылечили, дали бочку меду да ведро йоду, пшеницы мешок, сукна кусок, сто рублей денег и для хозяйства веник. Рассказал медведь, что такое советская власть: справедливое отношение и доверие к труженику.

На следующий выходной день – сказка «О трактористе Семене и пахаре Филимоне».

Полный текст: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 76.

[9] Впоследствии А.С. Макаренко выделяет 9 типов авторитета родителей: Пед. соч.: в 8 т., т. 4, с. 66–69. Эта классификация вполне может быть отнесена вообще к педагогу, воспитателю-учителю.

[10] Данное положение – один из аспектов всей «макаренковской педагогики параллельного действия»: воспитание воплощено в педагогически целесообразной жизнедеятельности, перестает ощущаться воспитанниками как специальный процесс.

[11] Говорится о главном персонаже романа Ф.М. Достоевского «Идиот».

[12] Данный тезис является методологически фундаментальным, это исходный пункт в полемике о педагогике А.С. Макаренко.

Подготовительные материалы к первому тому «Книги для родителей» и последующим томам

1. О «Книге для родителей» (план)

Ее задача. Три-четыре тома.

[План первого тома]

Трудность.

Удача или неудача: сильный нажим; слабое прикосновение, деликатное[1].

Можно ли давать метод?

«Веткины»[2] – дать результат.

«Вася» – жизнь ребенка.

«Алиментщик» – обида.

«Половое воспитание» – теоремы. Прикосновение.

«Ничего не видно».

Мать и дочь... Вмешательство[3].

Тимка – рассказ о солидарности.

План второго тома

Школа и семья.

«Разложение ребенка». Причины и характер.

Дисциплина. Внешнее поведение. Тон.

Третий том. Эстетика воспитания. Игра
Вопрос о школе и семье.
На чем семья держится.
Коллективное хозяйство – и СССР[4].
Коллективные цели и их достижение – и СССР.
Коллективная жизнь и радость – и СССР.
Педагогические действия не отличны от жизни.
В том и заключается мастерство.
Не бывает мастерства. Часто не бывает.
Что делать? Создать мастерство.
Искусственно это невозможно.
Единство жизни и педагогики.
Это традиция.
Традиция английской, немецкой, французской семьи.
Наша традиция. Зарождающаяся традиция. Ее легкое разрушение.
Случайность семьи. Типы семьи. Разрушение.
Крепкая, но бессильная семья.
Сильная, правильная семья.

Методы помощи семье.
Основной метод – создание традиций – через коллектив.
Разложение идет через разрушение коллектива.
Кто виноват? Школе можно всегда предъявить обвинения.
Методы школы[5].
а) обращение к дисциплинарной власти;
б) обращение к воспитательным возможностям;
в) индивидуальная помощь учителя;
г) коллективная помощь школы;
через родителя.
через ученика[6];
д) обращение к обществу.
Создание традиций.
Не помощь, а организация[7].

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 5, с. 262–263. Текст показывает, что «Книга для родителей» сразу задумывалась в трех-четырех томах. Об этом свидетельствует и указание: «Конец первого тома» (там же, с. 236). Без даты, относится к 1936–нач. 1937 гг.

[1] Имеется в виду «деликатное», тактичное, гуманное «прикосновение» к детям, в русле «параллельного действия» воспитания и жизни. Это конкретизируется ниже: «Ничего не видно» (не видно воспитания, обеспечивается свободное развитие личности); «Педагогические действия не отличны от жизни»; «В этом заключается мастерство»; «Единство жизни и педагогики».

[2] О семье С.Т. Веткина говорится в третьей главе первого тома. Прототип – *семья Пенкиных*; **родители – работники коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.**

[3] Говорится, видимо, о «мере вмешательства в жизнь детей», как выражался А.С. Макаренко позднее.

[4] Разработка проблем воспитания с учетом прежде всего положения человека, детей и молодежи в определенной социально-

экономической системе, в свете ее проблем и перспектив развития – специфическая черта теории и практики А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора.

[5] О формах помощи школы семье см. ранее: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 160.

[6] Влияние школы на семью через ученика, используя авторитет школы, – это обозначение еще одной области социального творчества молодого поколения.

[7] Этот макаренковский принцип имеет общее социально-педагогическое значение. Он учитывает возможность возникновения унизительности и паразитизма при «помощи слабому». Помощь должна быть организована как активизация усилий «слабого» в общей работе, в достижении собственного успеха.

2. Фрагменты подготовительных материалов

Мальчик, оставленный у чужих, гораздо более богатых. Его переживания при виде обилия. Он оскорбляется. Он ждет объяснения. Здесь нельзя удариться в сторону темы о гордой бедности. Мальчику дорого то, что заработано его матерью. Ему дорого свое заработанное богатство.

Очень было бы необходимо [дать] картинку какой-нибудь бедной семьи, которая борется за жизнь весело и энергично. Но какую? Кто? Почему она бедна? Кто отец, кто мать?

Научись сначала зарабатывать, а потом будешь требовать – мещанство. Ничего даром – тоже мещанство.

О потребностях: И одного года жизни нельзя отложить. Как это показать? Вот здесь стоит вопрос о распределении потребностей на текущие и подготовляющие будущее. Это важно, но как бы это устроить, чтобы не показать сухо.

Вопросы о перспективе. Здесь две трудности:

1. Какие семейные перспективы показать?

2. Как их переключить в перспективы общественные?

Семья и другие семьи. Вопрос сложный и трудный. Здесь бывает пренебрежение, но бывает знакомство и помощь... Здесь хороши были бы картинки. Дружба с рабочей семьей.

Сложный вопрос о деньгах. О детской просьбе. Что можно купить, чего нельзя купить. Знать возможности семьи. Определенное чувство собственного достоинства (с. 35 bis). Дети должны знать цену деньгам. Карманные деньги. Покупка сладостей.

Общие деньги. Деньги – стипендия (с. 41 bis).

Большие и малые семьи. Трагедия единственного ребенка. Перекармливают. Старшие и младшие братья (с. 14). Только семья, где несколько детей, – коллектив. Трагическое в единственном ребенке. Сложнейший цикл... (с. 81 и 81 bis). Легкоуязвимые семьи с одним ребенком (с. 77). Истеричный.

Прочность семьи в детях. Прочности коллектива (с. 77). Дело воспитания связывает родителей...

Разрушение коллектива. Конфликты взрослых. Алиментщик. Семья как упражнение для будущих граждан.

Степан Денисович Веткин.

[О половом воспитании]

Не требует труда, а требует: без хитрости.

Половая пытливость есть продукт роста.

Раннее развитие полового любопытства.

Вопросы пола должны быть тайной.

Должны быть нормы...

Из зелени вырастают цветы.
Есть вещи, которые человек научится понимать, когда вырастет.
Облагородить инстинкт.
Делают жизнь нищей и скучной.
Надо, чтобы дети любили своих родителей, дорожили их любовью.
Любовь – благо.
Уметь любить и ненавидеть.
Хороший лирик.
Любовь – большое, красивое чувство.
Благовидное признание большой любви.
Сильная любовь – идеал.
Пример – родители.
Воспитание характера и воли.
От соблазна – «нельзя».
У девушек идеал – целомудрие.
Женская гордость, женская независимость: это не раба.
Не может быть случайных связей...
Люди больших чувств.

Две семьи живут рядом. Мальчики бывают друг у друга. В одной семье пропала готовальня. Подозрение пало на мальчика А. Нужно отдать справедливость: обе семьи не столько интересовались готовальней, сколько воспитательной проблемой. Мальчик в краже не признавался. Началось настоящее следствие, довольно хитрое и воодушевленное. Обе семьи страшно им увлеклись, но ничего открыть не могли. Пришли ко мне обе матери. Я выслушал их и сказал:

– Бросьте, забудьте об этой готовальне. И мальчик пусть забудет.

– А если он все-таки украл?

– И в этом случае.

Они ушли. А потом звонили мне и благодарили.

У Гали[1] сказано: умение принести жертву тому, кого мы любим. Предполагается, что можно любить родителей и не уметь ничем для них пожертвовать. Не уметь ощущать чувства долга.

Очевидно, такое положение возможно не только по отношению к родителям, но и по отношению к обществу.

Чрезвычайно интересным поэтому представляется задание:

параллельные художественные образы ребенка и человека, которые обладают любовью, но лишены чувства долга. (Подходят Олег, Лиля и Люля в некоторых своих проявлениях.)

Либо в художественном образе, либо в сентенции доказать сущность такой любви. Что это за любовь? Мы отбрасываем случаи, когда нет никакой любви, а есть холодный расчет.

Но интересной представляется и такая механика, когда любовь есть, а все-таки присутствует явное и решающее ощущение возможности уклониться при прямом усилии всего общества. В таком случае есть математическая уверенность, что и без меня все будет сделано, что я малая песчинка и мое участие или неучастие ничего, в сущности, не решает. Возможно, что и нет такого рассуждения, но есть такое представление, и оно все решает. Это в особенности важно во время общественных напряжений. Например, наводнение в Крюкове...[2]…

Иногда здесь бывает полная уверенность в том, что мои интересы прямо связаны с общими усилиями, а все-таки я уйду домой и буду со страхом ждать, пока другие сделают. Иногда здесь решающей является физическая лень, но бывает и глубоко циничная арифметическая уверенность.

Во всяком случае, можно утверждать, что работа воспитания здесь должна происходит не в области рассуждения, а в области чувства и опыта. Опыт должен выработать у человека рефлекс на коллективное действие, когда человек бросается на помощь, не производя никакого учета собственных и общественных усилий, когда единственной формой рассуждения должен быть общий, коллективный успех. Митька.

Во всяком случае, в семье совершенной противоположностью правильной линии является непротивленчество в этом отношении. Чувство долга по отношению к родителям

должно воспитываться на каждом шагу, но при одном условии: чтобы оно не заслоняло чувства долга по отношению к обществу. Именно поэтому нужна семья не отца-хозяина, а семья – трудовой коллектив.

Скажем, семья Кононенко не является таким трудовым коллективом. В ней все построено на целесообразности учебы сына. Поэтому для сына вообще не остается ничего другого, как расти эгоистом[3].

Долг по отношению к родителям должен быть воспитан, ибо он не является, по-видимому, зоологическим свойством: забота о потомстве – сохранение вида. Долг по отношению к родителям не заслоняет обыкновенно долга относительно общества.

Даже если семья имеет полную возможность освободить детей от хозяйственной заботы и работы, то делать этого нельзя, потому что важна не работа как трудовое усилие, полезное или бесполезное, а та философия, которая воспитывается в детях. Философия равнодушия.

...Совершенно необходимая черта деликатности и доверия. На этой черте взаимное понимание возможно без применения грубых слов и натуралистических анализов. На этой черте значительным и мудрым будет каждое слово, сказанное вовремя экономное и серьезное слово о мужестве и красоте жизни, о достоинстве человека и женщины, то слово, которое помогает родиться будущей большой любви, творческой и богатой силе жизни.

В такой обстановке сдержанности и чистоты проходит половое воспитание в каждой здоровой семье.

Там же, с. 263–265. Материал без даты. Относится к 1936–нач. 1937 гг. Главенствуют общепедагогические темы: семья как единый трудовой коллектив взрослых и детей, «распределение потребностей», «вопросы пола», «чувство долга по отношению к родителям».

Яркие мысли, афоризмы: Вопросы пола должны быть тайной; Есть вещи, которые человек научится понимать, когда вырастет (Ж.Ж. Руссо: Если бы дети понимали разумное, они бы не нуждались в воспитании); от соблазнов – «нельзя»; работа воспитания – не в области рассуждения, а в области чувства и опыта.

[1] Имеется в виду Г.С. Макаренко. При отдельном издании «Книги для родителей» на ее титуле А.С. Макаренко обозначил: «Написана мною в сотрудничестве с моей женой Галиной Стахиевной Макаренко».

[2] Посад Кременчуга – Крюков (где проходили молодые годы А.С. Макаренко) располагался в пойме реки Днепр, подвергался весенним наводнениям.

[3] Хорошо показана специфика учения-обучения: его индивидуальный характер и потребительская направленность (усвоение, присвоение знаний и навыков).

3. О чем сказать в повести

Случай с лентой и глазами.
Битье и наказание.
«Взять без спросу».
Воровская... …[мораль?].
Отвращение к воровству.
Детский напор.
Каприз – условный рефлекс.

Распоряжение.
Послушание в младенческом возрасте.
Признаки делового распоряжения.

Сюжетные линии:
Ваня.
Родители – друзья…...
Авторитет твердой воли.
Авторитет любви.
Разумный авторитет.

Там же, с. 265.

4. Темы «Книги для родителей»

С. 4. О заботе детей по отношению к родителям. Уборка с 13 лет.

5. На ту же тему. Важно: «единение и братская связь между трудящимися». Отрицательные примеры... Очередь за туфлями для дочери.

5 bis. Ложный аскетизм матери. У дочери лучшая постель. Мать на положении крепостной – мать теряет уважение. Насколько это распространено. Что получится из такой молодежи. Олег.

6. Границы долга родителей и свободы ребенка. Слепая эгоистическая любовь матерей – воспитание тирана и эксплуататора. Два естества: общественное и домашнее... Вина матери в том, что она не воспитывает гражданина.

6 bis. Широкое воспитательное значение чувства благодарности и заботы о родителях.

7. Как воспитывается пролетарский гуманизм. Об обязательном равенстве в пище. Отказ от сладостей.

7 bis. Ела ли домработница. Последний кусок и последняя конфета. Умение без судорог и стенаний ограничить себя для другого. Оставление на тарелках, куски хлеба.

8. Вилка и нож к 6 годам. Общий характер заботы о платье: прежде всего удобное.

8 bis. Одежное тщеславие. Ребенок-игрушка. Бант и нервы.

9. Бант определяет будущий характер. У родителей должно быть более красивое и дорогое платье.

9 bis. Зависть к чужому платью. Аргумент: она молода – ей все. (Пушкин и теща.) В чем красота наших юношей?

10. «Каждому по потребностям» и жадность. Белоподкладочники[1] и кисейные барышни.

Наше старое студенчество.

10 bis. Граница потребления у состоятельных. Зоя. «Вы живете для детей». Нужны идейные мотивы самоограничения.

11. Причины уступчивости родителей: отдохнуть «как у людей». Бездумье и безответственность.

11 bis. Городничиха и ее дочь. Платье Захаржевской. «Подруга – мать. Она от меня ничего не скрывает».

12. Эгоизм, прикрытый правдивостью. Воспитать мужа, будущего семьянина.

12 bis. У нас не может быть вырывания кусков. И сования кусков в рот.

13. «Молоховец»[2].

13 bis. Книга должна спасти от закармливания.

14. Миллион терзаний по поводу пищи.

14 bis. Ребенок ест плохо. Что ему давать.

15. Капризы с едой, рефлекс на родителя.

15 bis. Власть ребенка именно в области еды. Логика родителей: умрет. Логика ребенка.

16. Лечение этих капризов: коллектив.

16 bis. Деловое отношение к вопросу. Распоряжение.

17. Долой ритуальное отношение к еде. К врачу.

17 bis. «Табу»: того не ем – не советское явление.
18. Чистоплотность и брезгливость. Почему парижская мода?
18 bis. Наши возможности в этом отношении.
19. «Не хуже людей». Парижских?
19 bis. Где провести демаркационную линию наших вкусов?
20. «Мы должны красиво жить» (Зоя). Платье из крепдешина.
20 bis. Девочка в 15 лет не пошла на октябрьский вечер, потому что не было готово крепдешиновое платье.
21. Значение школьной формы.
21 bis. Разделение коллектива по одежде.
22. Нужна коллективная этика. Последовательность в нарядах.
22 bis. Как все сказанное совместить с борьбой с уравниловкой...
23. Простая философия распределения.
23 bis. Логика: «Будешь зарабатывать...»
24. Воспитание бережливости.
24 bis. Сохранение платья, стен, паркета. Пыль.
25. Надо щетки, а продается дрянь.
25 bis. Не умеют вытирать ноги.
26. Бережливость к социалистической собственности...
27. Воспитание аккуратности и бережливости.
27 bis. Гладить белье. Бережливость – самодеятельность.
28. Отрицательные примеры...
28 bis. Керосинка, примус.
29. Внимание к мелочам.
29 bis. Что еще должны делать дети?
30. Разделение труда на две категории: высшая и низшая. Домработница. «Она получает деньги».
30 bis. «Дураков хватает». Но дураки – дефицитный товар. Эксплуатация человека в домашней работе.
31. Как дети должны относиться к домработнице?
32. Как говорить детям о труде? Труд не только ради денег.
32 bis. Беззаботное детство... Какую заботу должны переживать дети?
33. Наше отношение к детям – это не наше личное дело. Мы вышли из личной разобщенности. Даже чистота постели общественно резонирует.
33 bis. Транскрипция чувства благодарности.
34. Есть недовольные – все им мало. Неблагодарные.
34 bis. «Болезни» старых и новых терминов. То же о благодарности. Отношение детей к семейному бюджету.
35. Непротивленчество и раздражительность из-за денег. Уничтожение застенчивости. Варина Ляля.
35 bis. Как дети должны относиться к деньгам. Реализм в этом вопросе.
36. О карманных деньгах у детей.
36 bis. «Дай 50 коп.». О тратах на сладкое.
37. «Взять без спросу» (сладкое или деньги). О воровстве.
37 bis. О воспитании отвращения к воровству.
38. О воровстве и воспитании честности в советской семье.
38 bis. Игра в воровство у родителей.
39. «У меня есть 100 рублей. Я у тебя накрала». До каких самодурств может дойти родитель? Мальчик украл пальто на заводе – и повесился. Нет ли здесь связи с игрой?
39 bis. Путаница бессмысленна. Дети, живущие на алименты. Игра детей в алименты.
40. Положение детей, живущих на алименты.
40 bis. Как организовать отношение детей к неполадкам взрослых?
41. «Это на меня папа дает».
41 bis. Деньги должны принадлежать всей семье, даже стипендия.
42. Забота о себе и жертва собой в новой транскрипции. Помочь старухе.
42 bis. Помощь бабушке. В семье не должна воспитываться жадность.
43. О радостях ребенка и родителей. Деньги у нас, в колхозе и в буржуазной семье.
43 bis. Почему нужна была финансовая тайна в буржуазной семье, а у нас не нужна.

44. «Секрет воспитания». Мерка по отношению к себе.

44 bis. Родительские вопросы. «Поза». «Поставить».

45. Воспитание – дело трудное, но дело, от которого никто отказаться не может.

45 bis. Воспитание – дело трудное, длительное. Искреннее [и] простое. «Кто кого воспитывает». Погоня за любовью.

46. Он противный и действует мне на нервы. Никаких фокусов и заклинаний. Никакой погони за любовью.

46 bis. Уравниловка обращается в диктатуру детей. Дети чувствуют большое и глубокое чувство, в каких бы формах его ни выражали. Не нужно проявлять сильных чувств. Девичьи поцелуи и нежности. Воспитание сдержанности.

47. Умение владеть своими чувствами. Поцелуи матерей…... Проявление чувств без тормозов.

47 bis. Встреча матери после отсутствия с сыном.

48. А как можно было бы? Всегда владеть своими чувствами – это и значит воспитывать. Возможны ли игровые установки?..

50. В каких случаях возможна игровая установка? Случай с лентой.

51. Детские глаза. Нужно уметь читать их.

51 bis. Нельзя любоваться детским обманом. Нельзя позволять детям спекулировать интересом к ним. «Мама, это его любовница?» – Восторг?

52. Саша: очень хороший образец воспитания от случая к случаю и полной бестолковости.

52 bis. «Времени нет воспитывать». Ложь, нет не времени, а чувства ответственности.

53. Дело в вашем гражданском долге, товарищи родители!

53 bis. Не требуется так много времени!

54. Первое детство – это здоровье. А к 12 годам – все.

54 bis. Родители должны активно участвовать в определении характера.

В воспитательном деле нет мелочей и нейтральных вещей.

55. «Дети – не ангелы, а звереныши».

55 bis. «Кошке не дам, все съест Вася». Избегать предрассудков и фокусов.

56. Воспитание простых «механических» привычек. Мальчик заснул на новогодней елке.

56 bis. До пяти лет нужно воспитывать отношение к взрослым.

57. Авторитетный тон родителей до 5 лет.

57 bis. Качества родительского распоряжения. Его важность.

58. Даже в играх – вежливость и деликатность.

59. В чем основа родительского авторитета.

59 bis. Потом воспитательная нагрузка уменьшается, но количественная, а не качественная. Не нужно, чтобы ребенок был всегда на глазах.

60. Вопрос решается прежде всего нашей жизнью.

60 bis. Дети рано начинают гордиться работой родителей.

61. Надо ребенку предоставить свободу, но нужно о нем всегда помнить.

61 bis. Надо руководить ребенком; а не надоедать ему.

62. Что я хочу воспитать.

62 bis. Общие понятия надо расчленять. Не просто: коммунистическая личность.

63. Дочь коммунистов, которая не умеет...

63 bis. «Подать ложку из буфета». Тургеневская девушка. Другая ли идеология?

64. Родители не знают, что именно они говорят.

64 bis. Нужна не цель, а программа: советский диапазон необъятен.

65. Бытовая и хозяйственная беспомощность.

65 bis. Плохо чувствовать себя неприспособленным.

66. Две коммунистки в Одессе.

67. Умелость превращается в нагрузку.

68. Одна подруга работает, а другая спит... Она даже не видит работы.

68 bis. Такое неравенство ведет к раздражению.

69. Что же такое разделение труда?

69 bis. В вопросах труда – должны мыслить диалектически.

70. Дети свободны от всякого ига, даже родительского.

71. Наши дети самые счастливые. Они наследники.

71 bis. Они не должны наследовать наши предрассудки.
72. Родительская власть в буржуазной семье.
72 bis. Дети – цветы жизни.
73. Вульгаризация этого лозунга! (А какой будет плод?) Корни.
75. Семья – советская ячейка.
75 bis. «Свободная любовь» и пр.
76. Закон об абортах.
76 bis. Ему нужна девственница.
77. Наш семейный союз.
77 bis. Единственный ребенок…...
78. «Он меня посылает к черту».
79. Он отказался пойти за хлебом.
79 bis. Можно ли такую семью назвать счастливой?
80. Обуздать стихию родительской любви...
80 bis. Зоологическая любовь.
81. Если несколько детей – коллектив.
82. Материальная необеспеченность – лучше.
82 bis. Дети времен гражданской войны – лучше...
84. «Наш шофер». Бьюик.
85. «Он думал, что мы простые мальчики».
85 bis. Отношение старшей сестры к этому...
86. Наше богатство увеличивайся. «Я не аскет...».
87. «Диалектика чувств» Дзержинского[2]. Об избалованности.
87 bis. Изнеженность – признак упадка класса.
88. Мещанское представление об изнеженности.
88 bis. Поблескивают глаза при заграничных подарках…...
89. Диалектика новей этики.
90. Будет самоограничение.
90 bis. Щупак.
91. «Тонкая материя, пропитанная радием».
91 bis. «А я себе сошью шубу – меха дешевы будут».
92. Живы еще Щупаки.
92 bis. «Маленькие дефекты жизнь исправит».
93. Блатные и шантанные песни.
94. «А здесь только мелкота!»
94 bis. Излишнее потребление.
94 a. Хорошее воспитание связывает семью.
95. В больших семьях развивается сварливость.
95 bis. Сварливость – это привычка.
96. Семья Филинских.
97. Наследственность дружной семьи.
98. Семья Ленина, Дзержинского и др.
98 bis. «У моего ребенка нервы слабые».
99. Врачи здесь чего-то не досмотрели.
99 bis. Переживания матери не отражаются.
100. Никто не имеет права быть раздражительным.
100 bis. Раздражительность – привычка.
101. «Шипящие кобры» на почте.
101 bis. О том же и в молодом человеке.
102. В трамвае.
102 bis. А торговка?
103. Это именно крепкие нервы.
103 bis. Раздражительность ничем нельзя оправдать.
104. Вожди: у них нервы? Горький.
105. У них надо учиться.
106. Угрожал револьвером сыну.
106. bis. Иван Грозный.
107. Формы раздражительности. (А с начальством?)

107 bis. Печальные последствия раздражительности.
108. Раздражительность не трудно исправить.
108 bis. Это следствие малой культуры.
109. В очереди в автобусе.
109 bis. К чему приводит раздражительность?
110. Раздражительность на работе.
110 bis. Надо дать успокоиться.
111. Раздражительность неэстетична.
111 bis. Разговор об актрисе.
112. Кто самый красивый?
112 bis. Раздражительность переходит в приставание.
113. Мать и дочь в поселке.
114. Тон спокойный.
114 bis. Гнев и негодование.

Там же, с. 265–269. Отточия означают в основном устранение повторов.

Главная тема: морально-этическое и педагогическое в «мелочах» быта, хозяйствования, отношений, материальной обстановки, имущества и обеспеченности. Границы долга родителей и свободы ребенка. Воспитание «отношения к взрослым» и «чувства благодарности». Умение «владеть своими чувствами» и «ограничивать себя для других». Значение школьной формы.

Наблюдения, мысли: В воспитательном деле нет мелочей и нейтральных явлений; Дети гражданской войны – лучше; изнеженность – признак упадка класса; Первое детство – это здоровье, а к 12 годам – все; Бант определяет будущий характер; Старое – в «новой транскрипции», т.е. в новом внешнем выражении; Общие понятия надо расчленять (практически конкретизировать).

[1] Так в дореволюционное время называли студентов из привилегированных слоев общества.

[2] Автор вышедшей в дореволюционное время книги о здоровой и полезной пище.

5. Проблемы

Семья как коллектив

12. Воспитание семьянина, т.е. умения [жить в семье], уступчивости и гармонии.
14. Преимущественное закармливание единственных детей.
22. Из-за платья ворчат на Советскую власть.
23. Простая философия распределения.
23 bis. «Вырастешь – будешь зарабатывать». Ни одного года жизни не отложить.
31. Домашняя работа и работа домработницы.
35. Вопрос о деньгах в семье.
43. Равенство в праве на радость в семье…...
75. Утверждение семьи.
75 bis. «Свободная любовь» и аборты.
77. В нашем браке нет материальных соображений.
77 bis. Трагедия единственного ребенка.
81. Преимущество большой семьи.
82. Старшие дети лучше младших.

83. Затруднения с Димой.
94 а. Деловая связь родителей.
94. Она скрепляет брачные узы.
119. Алиментщики.

Авторитет, свобода, дисциплина.

11. Уступает под сильным напором дочери.
15. Капризы во время еды – особый вид рефлекса на мать.
15 bis. Власть ребенка проявляется в еде.
16. Излечение капризов в еде – здоровый коллектив семьи.
16 bis. Распоряжение во время еды. Важное указание.
17. Не фиксировать внимание на самом процессе еды.
17 bis. Культура еды пойдет по линии науки, а не изощрения.
35. Непротивленчество – самая нестойкая позиция…...
36. Сладкое для детей…...
38. Воспитание честности…...
46. Подруги-собутыльники.
46 bis. Уравниловка не годится…...
50. Знать детское лицо.
50 bis. Как помогать ребенку? Случай с девочкой.
56. «Автоматические» элементы воспитания.
56 bis. Что нужно привить в первом [раннем] детстве?
57. Авторитет родителей.
57 bis. Форма распоряжения...
60. Полная жизнь родителей – основа авторитета.
60 bis. Дети должны гордиться родителями.
72. «Чти отца». «За битого двух небитых [дают]».
122–123. Половое воспитание.

Любовь и долг

8. Разнаряженный ребенок – игрушка. Чем это кончается?
9. Размер необходимого определяется родителями.
12. Вопросы правильного питания.
13. «Молоховец». Такая книга нужна обязательно.
14. Ребенок ест плохо, возбуждают его аппетит острыми блюдами...
79. Сын не пошел за хлебом.
80. Обуздать стихию родительской любви.
80 bis. Зоологическая любовь антиобщественна.
87. Изнеженность и избалованность...
88. Что значит «зажиточность»?
89. Изнеженность и мещанство.

Эгоизм и пролетарский гуманизм

5. Девочки не облегчают [жизнь] матерей...
6. Чувство благодарности к родителям распространяется на общество...…
6. Дикая свобода и право ребенка перерастают в эксплуатацию.
7. Равенство в пище....
7 bis. Иудушка Головлев...
8. Одежное тщеславие. Ребенок на улице...
9 bis. Из-за любви к тряпкам можно выйти замуж. Тяжесть зависти.
10. Личная жадность – отвратительная вещь...
10 bis. «Вам, старикам, не надо, вы и так обойдетесь».
11. Мать отняла платье у дочери; говорит, что та относится к ней с простотой.
12. Разделить безболезненно, а не сунуть своему кусок в рот.
31. «Ей заплатили».
33. Значение чувства благодарности.
34. Благодарность к революции.
34 bis. Боязнь слова «благодарность».
42. Кому-то хоть маленьким пожертвовать.
120. Любовь и долг.

Труд и заботы детей

4. Дети должна заботиться.
5. Сбережение культурных сил родителей.
29. Что должны делать дети в уборке...
32. Труд в советском обществе.
32 bis. Уместна ли у нас детская беззаботность?
63. Отношение тургеневской девушки к труду.
65. Значение трудовых навыков в советской работе.
65 bis. Неприспособленность.
67. Умелость – дополнительная нагрузка.
68. Неравенство.
69. Разделение труда в социалистическом государстве.
69 bis. Свобода от предрассудков.
115. Как помогать детям играть?
115 bis. Глазение [позиция стороннего наблюдателя].
116. Техническая помощь.
117. Отношение ребенка к игре.
117 bis. Дети, умеющие и не умеющие играть.
118. Наташа не умеет играть.

Отношение к вещи

7. Не размазывать по тарелкам, не оставлять кусков хлеба.
8. Аккуратность в пище. Не чавкать. Пользоваться ножом и вилкой.
18. Чистоплотный человек обыкновенно не брезглив.
24. Сохранить вещь.
24 bis. Какие вещи и как должны храниться?
25. «Вы не умеете вытирать ноги и обращаться с унитазом».
26. Обращение с общественными вещами.
26 bis. «Он еще маленький, и он еще не понимает».
27. Качество вещи зависит от количества вложенного труда.
27 bis. Бережливость имеет большое значение для бюджета семьи.
28. Как изнашиваются и исчезают вещи? Р. Берлин.
28 bis. Не загрязнять. Умение видеть мелочи.
29. Воспитание внимания к мелочам имеет большое значение для работы.

Эстетика

8. О красоте и удобстве платья, башмаках…...
9. Прелесть и красота наших юношей не измеряется платьем.
10. Как одевалось и чем гордилось пролетарское студенчество?..
18. Почему одеваться по парижской моде?
18 bis. Мы можем бросить на одежду лучших художников...
19. Любовь к моделям Покена.
19 bis. О парижских и наших вкусах.
20. «У той портнихи, что берет триста рублей...»
21 bis. Можно ли быть одетым лучше, чем окружающие?
22. Последовательность в нарядах.

Внесемейные влияния

Характер выражения

46. Слишком бурные проявления чувств. «Общество юных джентльменов»...
48. Владеть чувствами – основное в воспитании.
58. Вежливость и деликатность в первом [раннем] детстве.
78. Излишняя нежность...
98 bis. «Плохое состояние нервов».
99. Это – чушь!
100. Это форма общения.
101. Раздражительность на работе.
103. Это порочная привычка.
104. Горький.
104 bis. Ленин...
106 bis. «Иваны Грозные».
107. Раздражительность – это развлечение.

109. Раздражительный человек всегда некрасив.
110. Как поступать с раздражительным ребенком?
111. От раздражительности падает авторитет.

Коллективная этика

89. Элементы будущей этики.
90. Нет мещанской страсти к накоплению...
92. Хвостики мещанства.
92 bis. Мещанство и фашизм.
93. Где теперь действуют Щупаки?

Там же, с. 269–272. Примечательно: старше дети лучше младших; Культура еды; «Автоматические» элементы воспитания; Дети должны гордиться родителями; Зоологическая любовь антиобщественна; Дикая свобода и право ребенка перерастают в эксплуатацию; Одежное тщеславие; Детская беззаботность; Дети, умеющие играть; Мы можем бросить на одежду лучших художников; Элементы будущей этики; Мещанство и фашизм.

6. «Узлы» одной из глав «Книги для родителей»

Детский напор, детское командование, прихоти

11. Р. А. под напором исполняет прихоти. Хочется мира.
15. Капризы за едой – форма общения с родителями. Сначала форма протеста, а потом форма общения.
15 bis. Власть ребенка в области еды особенного велика. А потом отсутствие аппетита как его особенность...
17. «Я так привык».

Распоряжение

16. Распоряжение, а не приказание. Авторитет матери. Несколько правил руководства едой...
35. Не нужно раздражения. Ляля. Должен быть закон и уверенность.
57. Послушание в самом младшем возрасте. Выполнение распоряжений. Деловая сфера.
58. Признаки делового распоряжения.

Расхлябанность

36. Взять без спросу сахар, пищу, деньги.
37. В пользовании вещами должна быть дисциплина. [Иначе] приходит воровство.

Воровство

37 bis. Надо воспитывать в полном отвращении к воровству. Взять без спросу – это начало воровства.

Воспитать честность в нашей стране – дело не трудное. В воровстве виновата семья.

138. Свобода в деньгах.

Основные установки дисциплины

45. Кто кого воспитывает?..
56. Воспитание навыков.
57. Бесконечное послушание в самом младшем возрасте.
59. Основа родительского авторитета – участие в росте.
60. Значение жизни и работы родителей...
72. Что такое права детей?
132. Родители-друзья...

Тон

50. Авторитет проистекает из знания ребенка. Случай с глазами и лентой.
51. Родительское подмигивание. Детская спекуляция.
72. Битье и наказание.
145. Игра.

П о л о в о е в о с п и т а н и е
Аскетизм и самопожертвование родителей.
Самоограничение детей.
Культурные навыки.
Ребенок – игрушка[1].
Ребенок – член трудового коллектива.
Ребенок – слепой, жадный потребитель.
Ребенок – потребитель аскетизма.
Ребенок – тиран и эксплуататор.
Ребенок – наглец.
Ребенок – гражданин.
Ребенок – выразитель благодарности.
Ребенок с самоограничением.
Ребенок культурный.
Ребенок – тщеславие.
Ребенок – зависть.
Ребенок – франт.
Ребенок – товарищ.
Ребенок – актер.
Ребенок – властитель (еда).
Ребенок за столом.
Ребенок – капризы.
Ребенок – сноб.
Ребенок – мещанин.
Ребенок – хозяин.
Ребенок – труженик.
Ребенок – самодур.
Ребенок – больной.
Ребенок – вор и грабитель.
Ребенок – сирота.
Ребенок – свидетель драм.
Ребенок – судья.
Ребенок – рыцарь и джентльмен.
Ребенок – предмет воспитания.
Ребенок – загадка воспитания.
Ребенок – предмет [излишней] чувствительности.
Ребенок – вундеркинд.
Ребенок – гордость (продукция).
Ребенок – спекулянт.
О с т а л о с ь:
Кино, театр. Прогулки. Преподавание уроков. Половое воспитание. Товарищи. Чтение. Спорт. Правда, ложь.
Аскетизм, любовь, требовательность, трудовое воспитание.

Там же, с. 272–273. Характерно: Распоряжение, а не приказание; Послушание в самом младшем возрасте; Кто кого воспитывает? Воспитание навыков; Что такое права детей?

[1] А.С. Макаренко здесь и ниже показывает зарождение в детстве некоторых характерных черт личности.

7. Группы тем

I

Семья хозяина и семья-коллектив. Семья и другие семьи. Семья и другие коллективы. Семья как общественная ячейка и как производственная ячейка.

44. Мерка измерения успешности.

71. Дети – наши наследники.
84–94. Дети вождей.
75. Советское утверждение семьи.
75. Детей будет воспитывать государство.
77. В нашем браке нет материальных соображений.

II

Полезное влияний [волевого] напряжения. Коммунистические элементы семьи. Переход на социалистические формы. Элементы семейных отношений. Семья в нужде и семья в излишке. Перспективы семейные и личные.

54. К девяти годам все готово...
62. Расчленение цели воспитания.
22. Дело не в количестве платьев, а в отношении к ним.
Ворчат на Советскую власть.
23. Мещанский идеал для заработков.
31. Трудность домашней работы...

III

Простая философия распределения. «Вырастешь – будешь зарабатывать». Ни одного года жизни не отложить.

23. Не хотят менять на богатую чужую семью...
Это к главе об эгоизме.

IV

Деньги в семье...
35. Не просить. Уметь тратить.
41. Деньги должны быть общие.
42. Разумное равенство.
43. Отличие от буржуазной семьи.

V

Трагедия единственного ребенка. Большая и малая семьи. Старшие и младшие братья.

14. Миллион терзаний. Перекармливают.
81. Преимущества большой семьи.

VI

Конфликты взрослых. Алиментщики. Семья как упражнение для будущего гражданина.

12. Воспитывать семьянина – уступчивость и гармония.
Каковы сыновья, такие будут семьянины.
39. Дети при алиментах.
Конфликты...

VII

Воспитание скрепляет брачные узы. Утверждение семьи. Деловая связь родителей.
77. Прочность семьи в детях.
94 а. В детях – счастье.

Там же, с. 273–274. Оставлено несколько пустых мест, для доработки материала. Основные темы: Советское учреждение семьи; Семья в нужде и семья в излишке, неравенство; Каковы сыновья, такие будут семьянины; Прочность семьи – в детях.

8. Тематика восьмой, девятой, десятой и одиннадцатой глав.

Общие наметки о конце книги

Главы и их объем

Глава 8. Любовь и долг – 3 печатных листа
Глава 9. Труд и забота. Отношение к вещи – 2
Глава 10. Эстетика и джентльменство – 2
Глава 11. Заключение – 1/2
7 1/2 печатных листа
Всего: 22 1/2 печатных листа

Список и характер материалов

Глава 8

4. Забота детей о родителях. 5. Сохранять культурные силы отцов – братская связь между трудящимися. Не замечают труда матери. Мать – крепостная...… Два естества у юноши. Воспитывать чувство благодарности – чувство долга. Принести жертву тому, кого любит. 7. Умерить эгоизм. Равенство в пище…... Дети должны отказываться от лакомого куска. Поделиться с ребенком, а не отдавать все ребенку. Ориентировка на интересы других... 9. Развитие зависти. Надо, чтобы у родителей была лучшая одежда. 10. Личная жадность... Надела платье матери и изорвала. 12. Так уступи, чтобы другой не заметил... 33. Анализ чувства благодарности. 34. Нет благодарности и к государству. 35. Не зоологическое, а социальное чувство. 43. Ребенку можно пожертвовать, но у него не должно быть представления об этом праве. 55. «Кошке не дадим». 80. На такую любовь способна и корова. «Такая любовь мешает жить». 87. «Диалектика чувств» Дзержинского[1]... 121. Любовь и долг. 156. Мать. 157–159. Тамарочка.

Материалы повести

157. Вера Игнатьевна Коробова. Муж с особым назначением. Павлуша, 13 лет... Тамара 16 лет. Дети учатся... Шелковый халатик. Туфли розовые и коричневые. Платье и обувь матери. Починка туфель вечером. «Ты купила себе на платье». Рабочий-большевик.

5. Одежда, стирка, мытье посуды, туфли. Левка. У дочери лучшая постель. Мама не имеет прав на жизнь.

«На службе комсомолка, а дома наглец». «То было при царизме». «Родители теперь живут для детей. Вы можете купить то и другое, а если не хотите, то только из жадности. Наконец, вы уже старые, и вам не надо», «Зачем ты себе пошила? Лучше бы мне, я молодая». «Она от меня ничего не скрывает». Билеты в театр. Сантименты: дети должны заботиться о родителях. Сохранять культурные силы родителей. Помочь друг другу...… 6. «Он не просил родить на свет». «Воспитание тирана и эксплуататора собственной матери». Должны или не должны иметь чувство благодарности.

Глава 9

24. Развитие бережливости. Стены, обои, вещи, платья. Пол, щетки... Неряха никогда не будет богатым. 26. Личное имущество – только незначительная часть. Квартиры, паразиты. Вагоны... Метро. «Маленький и не понимает». 27. Требовать хорошего качества. Все хорошее зависит от труда. Работы в детстве. 28. Р. Берлин и ее хозяйство...… Глебка. Белье и платье. Отвращение к грязи. Не загрязнять вещи. Умение видеть... 29. Значение мелочей. Ставить на место. Мелкие работы. 30. Барское отношение к труду. Разделение труда. «На наш век дураков хватит». Легче всего эксплуатировать в домашней работе. 31. Уважение к труду работницы. Особое значение: домработница. 32. Труд не ради денег. «Беззаботное детство». 63. Отношение к физическому труду. 65. Человек, не приспособленный к труду. 66. История двух товарищей. 67–69. Вопросы о кадрах. 115. Игра, привычка к «глазению». Книги и кино – глазение. 116. Восторги по поводу плохо сделанного. 117. Не ломать игрушки. 118. Наташа не умеет играть. 139. Игра в воровство. 154. Наташа и домработница.

Глава 10

3 и 3 bis. Платье выходное и невыходное. Стремление одеть только лучшее. Девушке 17 лет. 8. Не размазывать на тарелках – воспитание чувства меры. Красота и удобство одежды. Дети родительского тщеславия. Ребенок – игрушка. Бант О. Эстетика старого студенчества. 18. Парижские моды. Модели Покена. Эллочка. Должны ли наши девушки походить на парижских кокоток? 20. Долой фетишизм моды... «Мы должны красиво жить». Не пошла на школьный вечер. 21. Форма в школе. Разница одежд. Вред для кол-

лектива. «Разве мы виноваты, что у них много детей?» *22.* Шелк до 18 лет запретить – чувство товарищества. Все уже было!– ведет к апатии. Дело не в количестве платьев, а в отношении к ним. Из-за платья нельзя ворчать на Советскую власть. 42. Прекрасное лицо...

46. Проявление «сильных чувств». 47. Страстные поцелуи на улице. Несдержанность. Красота чувства... Тормоза. Встреча матери с сыном. 48. Владеть своими чувствами. 50–51. У него кашель. 78. «Она меня посылает к черту». 95. Спорт, сварливость, агрессия. Отношение родителей друг к другу. 96. Семья Филинского. 97–100. Переутомленные нервы. В кухне: форма общения с людьми. Вагоновожатые. 102. Торговки. 103. Привычка мещанского бытия. 106. «Я очень нервный человек». 107. Даже собственные дети их не любят. 108. Не позволять себе раздражаться. 109. Раздражительность – потеря авторитета. 110. Не говорите с детьми, когда они раздражены. 112. Раздражительность не эстетична. 113. Ссора из-за нервов. 114. Гнев – совсем другое...

Глава 11

77. Семейное счастье связано с детьми. 89. Диалектика новой этики. 90. Нечто противоположное мещанству. 91. Диалектика мещанства.

Написать о значении школы.

Там же, с. 274–276. Некоторые места подчеркнуты красным карандашом.

«Книга для родителей» (1-й том) вышла в 9 главах. При этом содержание предпоследней и последней глав не идентично тому, как оно представлено в публикуемом здесь материале. Разработки 8, 9, 10 и 11 глав – это темы и вопросы, которые большей частью перешли в авторские замыслы последующих томов произведения, как и та тематика, которая оказалась не реализованной в других подготовительных материалах.

Основная тема: нравственные отношения в семье и их материально-бытовые предпосылки. Важно: Так уступи, чтобы другой не заметил; Нет благодарности к государству; Сохранять культурные силы родителей; «Воспитание тирана и эксплуататора собственной матери»; Все хорошие зависит от труда; Барское отношение к труду; Разделение труда; Труд домработницы; Книги и кино – глазение; Воспитание чувства меры; Долой фетишизм моды; Отношение родителей друг к другу; Привычка мещанского бытия; Гнев – совсем другое; Диалектика новой этики; О значении школы.

[1] Имеются в виду слова Ф.Э. Дзержинского: «Я не аскет, но нужна диалектика чувств» (там же, с. 233).

Данный архивный источник завершается *тематической разработкой «Забота о родителях».*

Это графический материал: схема вопросов, раскрывающих данную тему, представленных в их взаимосвязи; используется тематика 9 и 10 глав (лл. 61 об.–62). Многие вопросы, понятия изображены в кружках, обведены красным или синим карандашом, содержат красные или синие значки: кружочек, вертикальная или горизонтальная черточки (одна или две, три), крестик. Вопросы, понятия, взятые в кружок, имеют соединительные линии-стрелки с указанием зависи-

мостей. Применяются также двойные линии и отметка соединительных линий крестиком.

«Забота о родителях» – педагогическое понятие, которое, как и многие другие, данные ранее, – четко показывают применение к семье и семейному воспитанию макаренковского общепедагогического принципа взаимодействия поколений в воспитании, в едином коллективе взрослых и детей. Это и «единство трудящихся», «чувство благодарности», «пролетарский гуманизм».

«Ложный аскетизм матери соседствует с «жадностью», «воспитанием тирана». Одежное тщеславие и зависть, лозунг «Все для детей», погоня за любовью, безмерная уступчивость и самоограничение родителей, стремление «красиво жить» отмечаются как пагубные педагогические явления. Фиксируется проблема оплачиваемой домработницы, вопрос об одежде родителей, о бережливости, умении распорядиться вещами и др.

Эта схема – пример использования графики при выявлении логической структуры педагогических понятий, их взаимосвязи и иерархии.

***Дополнения.* Конец января 1937 г.:** *судебный процесс в Москве против «антисоветского троцкистского центра» (Пятаков Г.Л., Сокольников Г.Е., Радек К.Б. и др.).*

Начало февраля: *переезд семьи А.С. Макаренко из Киева в Москву (Лаврушинский пер., д. 17/19, кв. 14).*

Конец февраля–начало марта 1937 г.: *Пленум ЦК ВКП(б) о подготовке парторганизаций к выборам в Верховный Совет СССР.* **И.В. Сталиным выдвинут тезис: по мере упрочнения позиций социализма в стране «классовая борьба будет все более обостряться». Это привело к нарушению законности, необоснованным репрессиям. Наркомом внутренних дел стал** *Н.Е. Ежов.*

На IV пленуме Правления Союза советских писателей **секретарь Правления** *В.П. Ставский* **сказал о «Педагогической поэме: она «прочно вошла в фонд советской литературы» (Литературная газета, 5 марта 1937 г.).**

9 марта: договор А.С. Макаренко с издательством «Художественная литература (Гослитиздат, Гихл) об *отдельном издании «Книги для родителей»* **– 20 печ. листов, сдача рукописи к 15 августа.**

Писатели – активные деятели советской демократии

С глубокой и живой радостью хочется светло и открыто приветствовать новое решение Пленума ЦК ВКП(б).

С особенной яркой гордостью хочется всем сказать, еще раз сказать, еще раз повторить: я – гражданин Советского Союза.

В этом утверждении, таком как будто обычном и привычном, с каждым новым днем нашей жизни находишь новое, радостное содержание.

Мне хочется в каком-то коротком движении мысли, и воли, и чувства обратиться к нашему будущему, страшно хочется войти в него скорее, увлечь за собой других, хочется работать, творить, жадно хочется реализовать небывало прекрасные наши возможности.

Ощущение моей связи с партией, ощущение моего гражданского и человеческого, политического и нравственного единства с ней давно затушевало и нивелировало звучание слова «беспартийный». И поэтому решения, подобные решению последнего пленума, принимаешь как решения моей партии, моего коллектива, моей страны. И я глубоко горжусь тем, что в его подготовке есть и моя доля, есть участие и моей работы, и моей страсти, и моей мысли.

В такие дни, как сегодня, в особенности ревниво стремишься пересмотреть обстановку своего ближайшего дела, стремишься проверить, не плетемся ли мы позади других. Союз советских писателей, к сожалению, не может похвалиться хорошим местом в ряду советских боевых организаций.

Крайне необходимо, срочно необходимо что-то изменить в стиле нашей работы. Последнее решение пленума должно стать крепким основанием для каких-то принципиальных сдвигов.

Мы совершаем в нашей чудесной социалистической стране великого значения дело – мы, писатели, а между тем в нашем союзе, призванном объединить и направить художественное творчество целых поколений, так мало еще отразились достижения советской демократии, так много еще наш союз походит на «департамент» литературы и масса писательская так слабо втянута в его работу.

В этом виноваты, конечно, прежде всего, сами писатели, но я думаю, что руководство союза обязано помочь нам «осознать» свою вину, расшевелиться, ближе стать друг к другу, лучше и острее почувствовать нашу коллективную ответственность перед страной, горячее и энергичнее, искреннее и откровеннее сказать о наших ошибках, о нашей неповоротливости, уединенности, иногда излишней гордости, иногда малодушии.

Мы должны стать настоящими, активными деятелями советской демократии, и прежде всего, в нашем собственном, таком большом, исключительно важном деле.

В практике такой демократии страшно нужно и важно, чтобы партийные организации союза ближе стали к беспартийным массам писателей, чтобы марксистско-ленинская философия, так необходимая в нашей работе, через партийные ряды наших товарищей сделалась предметом особенного нашего внимания, нашей работы над собой.

При этом я убежден, что в среде писателей – не членов партии – найдется очень много активных и энергичных людей, способных принять полезное участие в руководящих органах нашего союза, и их участие еще больше сблизило бы наши ряды, обеспечило бы развитие у нас настоящей демократии.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 19–20. Опубликовано в «Литературной газете», 10 марта 1937 г. Это отклик на решение Пленума ЦК ВКП(б) по докладу А.А. Жданова о перестройке партийно-политической работы в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР.

А.С. Макаренко призывает Союз писателей принципиально изменить «стиль работы», втягивать в нее «писательскую массу». Нужно всем осознать «коллективную ответственность перед страной», развивать в СП «настоящую демократию».

Дополнения. *«Английское издание «Педагогической поэмы»* **– статья в «Литературной газете», 15 марта 1937 г. Сообщение об издании ее 1-й части, под названием «Путевка в жизнь» (по аналогии с названием советского фильма, вызвавшего в Англии большой интерес; демонстрировался в Лондоне в июле 1932 г.; затем длительное время воспринимался как экранизация «Педагогической поэмы»).**

Издание крупного лондонского издательства «Стенли Нотт Лимитед» по рекомендации Лондонского общества любителей книги.

«Книга оживленно комментируется английскими и американскими газетами разных направлений. Газеты единодушно отмечают художественные достоинства, интересный сюжет...».

Нью Инглиш Уикли (Лондон): «Это... одна из наиболее подлинных и интересных документальных книг, когда-либо издаваемых в Советской России». Красчен Саенс Монитор (Бостон): «Книга Антона Макаренко стоит тысячи пропагандистских книг». Цитируется также «Манчестер Гардиан», литературное приложение к «Таймс», газ. «Дейли Уоркер», ж. Гранта (Кембридж), ж. «Блэк фор рашен Трейд Ревью» (Лондон), ж. «Рейнолас Иллюстратед Ньюз» (Лондон).

Справка, выданная А.С. Макаренко Союзом советских писателей Украины **16 марта 1937 г.:**

Выдана сия писателю, члену Союза советских писателей Украины тов. *Макаренко А.С.* **в том, что он уезжает в гор. Москву на постоянную работу и с учета в Союзе писателей снят.**

Зам. ответственного секретаря ССПУ *Апатян*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 5.

Фототелеграмма Г.С. Салько, 16 марта 1937 г.

Здравствуйте, дорогие!

Есть солидные надежды, что меня отпустят. Сегодня вечером буду у К.М.[1] Как будто никто не возражает. Между прочим, случайно начал копать материалы для романа «Чекист»[2]. Думаю по этому вопросу побывать у В.А.[3] Говорят, он интересуется этим.

Колонию сдал вчера! Оли[4] еще не видел. С Держлитвидавом договор заключил[5], но аванс могут дать только 10 000. Ф.[6] об этом не говорил, ему не дают. Если все будет благополучно, выеду 18–20-го. Дорожки едва ли привезу, очень вышли плохие.

Целую, будьте здоровы и веселы. Берегитесь трамваев и авто.

Ваш Ант.

«Ты научила меня плакать»..., т. 2, с. 225. Отправлено из Киева, в Москву, Лаврушинский, 19, кв. 14. Фототелеграф – предшественник факса.

[1] **Имеется в виду К.М. Карлсон.**

[2] **Тема «Чекист» предложена А.С. Макаренко А.М. Горьким в письме 8 окт. 1935 г.**

[3] **Имеется в виду** *В.А. Балицкий.*

[4] *Домработница* **в семье Макаренко в Киеве (затем в Москве).**

[5] **Договор с Гослитиздатом УССР, вероятно, о «Книге для родителей» (не был реализован).**

[6] **Видимо, говорится о** *В.Г. Финке,* **писателе, соседе в Доме писателей.**

Из записных книжек, 16–23 марта 1937 г.

К теме 4 («Чекист») после встречи с В.А. Балицким, Б. отличает несколько типов происхождения: гимназисты, местечковые[1], военные. Последние с трудом понимают характер дисциплины «Ч».

Он считает, что нужно дать и нечто положительное о положении женщины в семье. Она редко видит мужа и поэтому беднеет духовно. Но между ними и такая, как Тамара[2].

Чванство – тип внутренний и внешний, и это, он говорит, надо изобразить.

Не должно быть романа детективного. Картина роста и образования личности нового типа, в новом коллективе, в том числе и картина борьбы.

Тезис: коллектив лучше своих членов[3], но это его качество как-то особенно отражается на его членах….

К.М. Представитель спокойного массового характера. Ночная работа, недопитые стаканы чая. Телефон [ную трубку] он берет спокойно, говорит тихо, даже как будто сонно и отвечает больше междометиями и глаголами или отглагольными существительными.

– Ну?.. – Да! – Знаю. – Отправил? – Угу!

Наводнение. При этом он смотрит мимо трубки с таким же сонным пренебрежением.

Б. – его полная противоположность: быстрый, яркий, увлекающийся, открыто благородный…...

---

20 марта. У К.М. просидел вечер. Он меня еще не отпустил [с работы в ОТК], но обещал сказать слово у В.А. Как будто трудно меня уволить. А между тем Пинкус на мой вопрос, получу ли я зарплату после 20 февраля, говорит, что меня в штате нет, что платить нечем...… А кроме того, П. просит составить ему большой отчет в Москву. Как это все так совмещается? А ведь В.А. может еще меня не отпустить?..

Десятый день ожидаю решения. К.М. до сих пор ничего не доложил и вообще обо мне не спешат[4]. Пинкус все эти дни обращался со мной хамовато, отмахивался руками и, когда я заходил, говорил:

– Простите, мы здесь кончим…...

Со стороны Циклиса доносились раскаты грома по поводу Дзержинки.

Вчера П. поехал к Ц., а я писал в кабинете Карлсона первую главу книги о колониях[5]. Пинкус возвратился в два часа ночи в состоянии милостивом. Рассказывал о том, что он утром читал и вообще как он читает. Сказал, что Циклис интересуется завтра утром меня обязательно видеть. Милостиво выслушал первую главу и милостиво одобрил.

Спрашивается, откуда ветер? В чем дело? Он даже предложил подвести меня на машине. Не подвох ли это, надолго ли?..

Какая страшная бесталанность, какая убийственная скука! По этой книжке можно только тащиться с величайшим трудом, еле вытягивая ноги из сыпучего песка однообразных лиц, словечек, ситуаций, авторского языка. Ни одного лица, хотя бы смазанной какой-либо оригинальностью, какой-нибудь остротой поворота. Диалог состоит исключительно из таких фраз:

– А, бисова душа!

– А, щоб вам трасця.

Дочитать до конца эту книгу невыносимо трудно. (О книге В.П. Ставского «Разбег» – А.Ф.).

Хиллиг Г. Опускула макаренкиана, №21. – Марбург, 1998, с. 14, 20–21.

[1] **Жители больших поселков городского типа, находящиеся в дореволюционное время в «черте оседлости» для евреев.**

[2] *Т. Букшпан,* **жена М.М. Букшпана.**

[3] В представлении А.С. Макаренко коллектив – это «живой социальный организм». Как и отдельный человек, коллектив имеет ум, чувства и волю. Воплощая черты составляющих его членов, коллектив вырабатывает у них черты, типичные для данного коллектива.

[4] Причина этого, вероятно, – согласование с Москвой кадровых вопросов такого уровня, а также начало следственных действий в отношении ведущих сотрудников НКВД УССР.

«Компрометирующие материалы по выступлению А.С. Макаренко перед коммунарами-выпускниками были подняты 26 мая 1937 г. Отдел кадров НКВД УССР 1 июня направил их в Главное управление государственной безопасности НКВД СССР (Опускула макаренкиана, № 21, с. 64).

В.А. Балицкий **11 мая 1937 г. переведен в Хабаровск, арестован 7 июля. 19 июля арестован** *М.М. Букшпан*; **примерно в это же время –** *К.М. Карлсон, С. Ф. Пинкус, С.М. Циклис.* **Все это связано с арестом Г.Г. Ягоды 28 марта 1937 г. по обвинению в причастности к «антисоветскому правотроцкистскому блоку».**

[5] А.С. Макаренко имел поручение написать работу «Год борьбы с беспризорностью», по итогам работы НКВД УССР (после Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», 1 июля 1935 г.).

Фототелеграмма Г.С. Салько, 24 марта 1937 г.

Все принципиально согласились меня отпустить. Оформления ожидать не буду, но билет достал только на завтра и то по счастливой случайности. Попытаюсь обменять на сегодня, но надежды мало. Очень беспокоюсь за Галино здоровье, а также за деньги. Страшно соскучился.

Сюда еще придется приехать попрощаться и рассчитаться. Матрац, кажется, привезу, кровать взяли Езеры[1], ванна пропадет.

Живу в гостинице.

Целую горячо, не ссорьтесь, слушайтесь маму.

Ваш Антон
24 / III

«Ты научила меня плакать»..., т. 2, с. 226.

[1] *Езерницкая О.М.* **(Ксения) – двоюродная сестра Г.С. Макаренко.**

Больше активности в игре

Очень часто мне вспоминается парадокс моего друга-педагога[1]: «Игрушка тогда хороша, когда ребенок не играет, а действует».

В этом парадоксе чрезвычайно справедливо требование активности. Скажем, ребенку

подарили пароход и он в течение целого дня только водит его по комнате. В этом случае творческая инициатива ребенка не проявляется.

Представим себе другой случай. У ребенка имеются только материалы, из которых он создает по собственной инициативе какие-то сооружения. У него есть песок, вода, спички, стебли растений, и он устраивает парк, проводит дорожки.

Пусть у него даже есть пароход, но он увлечен не простым движением его по полу комнаты, а затевает широкое водное хозяйство – строит порт, прудит реку, нагружает и разгружает пароход, что-то перевозит с места на место, руководствуясь при этом какой-то целью.

Только такая игра будет настоящей, содержащей в себе целесообразное действие.

Дети менее обеспеченной семьи поэтому играют всегда лучше и богаче, чем дети, имеющие много готовых игрушек.

Я считаю, что было бы очень хорошо, если бы в наших магазинах было больше материалов для игры.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 40. Впервые опубликовано: Игрушка. – М., Жургазобъединение, 1937, №3. Подписано: А. Макаренко – писатель, автор «Педагогической поэмы».

Выделяется главное в детской игре – воспитание навыков целесообразной, сознательной, творческой деятельности. О значении игры в развитии способностей ребенка, подготовки его к жизни, труду см. в Пед. соч.: в 8 т., т. 4, с. 72–79.

[1] **Говорится, несомненно, о** *В.Н. Терском,* **воспитателе-учителе рисования и черчения, мастере клубной работы. В колонии им. М. Горького с лета 1926 г., затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. В «Педагогической поэме», «Марше 30 года», «ФД-1» В.Н. Перский, в «Типах и прототипах» Н.Н. Кубанов, во «Флагах на башнях» П.В. Маленький.**

См.: Терский В.Н. Клубные занятия и игры в практике А.С. Макаренко. Изд. 2-е. – М., 1961; Терский В.Н., Кель О.С. Игра. Творчество. Жизнь. – М., 1966.

Больше коллективности

Товарищи, я в московской организации человек новый и деталей московской писательской жизни не знаю. Вообще в писательской среде я новый человек и пришел к вам, если так можно выразиться, из «потустороннего» мира – из мира беспризорных.

(С места. Откуда?)

Кто читал мою книгу – тому это ясно. Моя фамилия Макаренко. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Так вот, товарищи, ваш писательский коллектив мною принимается как явление для меня совершенно новое. И, простите меня, по тем впечатлениям, которые есть у меня за эти 4 дня, по сравнению с коллективом беспризорных у вас есть очень много минусов. *(Смех, аплодисменты.)*

Для меня это представляет большой интерес, так как я хочу остаток своей жизни посвятить писательской работе.

Что меня поражает? По привычке читательской, по привычке учительской – а учителя всегда были большими поклонниками литературы и всегда были немного влюблены в писателей, – когда я получил такое высокое звание писателя и членский билет, я не смог с

себя стряхнуть мое читательское и учительское благоговение перед писателями и не мог поверить, что я писатель. Я и теперь себя чувствую больше читателем, чем писателем.

Я, естественно, стремился к этой организации, мне так хотелось побывать, посмотреть, повидать, послушать этих великих людей, действительно корифеев (я это слово произношу без кавычек).

Позволю себе говорить не об отдельных недостатках, а о чем-то таком, что для меня является главным.

Это главное звучит в ваших словах на каждом шагу.

Смотрите, сколько раз здесь употреблено слово «помощь». Все требуют помощи. Как-то странно подумать даже: Союз советских писателей величайшей социалистической страны – можно сказать, первая не только в мире, но в мировой истории писательская организация – говорит почему-то о помощи.

Все хотят, чтобы союз помогал отдельным членам. Разве это социалистическая постановка вопроса? Надо говорить не о помощи писателям – об организации работы писателя[1]. Наша работа должна быть успешной не потому, что Союз писателей помогает, а потому, что союз прекрасно организован.

А наш коллектив? Едва ли даже он может быть назван коллективом. Нет, пожалуй, сейчас в Советском Союзе таких принципиальных единоличников, как мы. Мы, прежде всего, единоличники. Эта наша единоличность уже начинает перерастать в одиночество. Но есть перерастание и другое, более опасное. Как во всякой сфере единоличного хозяйства, так и у нас возникают такие явления, которых нужно страшно бояться. На единоличном хозяйстве росли кулацкие настроения.

Вчера в выступлении т. Прута[2] я почувствовал вот этот самый, простите меня, кулацкий запах. Мне показалось, что у нас не драматургическая секция, а драматургический хутор. *(Смех, аплодисменты.)*

Вчера здесь были возгласы отдельных товарищей о каких-то миллионах, о каких-то сотнях тысяч. Вообще, надо сказать, запах очень нехороший. Единоличное хозяйство наше не потому опасно, что отражается на нашем производстве, а потому опасно, что отражается, прежде всего, на нас самих, а нашей нравственной личности. Разве нравственно-политическая личность в Советском Союзе может вырасти в одиночной работе? Это даже не кустарная работа.

Вчера кто-то говорил, что можно работать и в советской комнате. Товарищи, не всякая комната на территории Советского Союза обязательно советская. Кто знает, какая получится комната, если человек живет только своей особой, только своей славой, только своим личным устремлением. Тов. Мстиславский[5] предупредил меня и сказал о коллективе. Я ему очень благодарен. Я боялся остаться у вас в одиночестве: так мало говорят у вас о коллективе.

Нравственное и политическое одичание может наступить незаметно. Уже сейчас о нашем коллективе можно писать сатирические романы. Мы можем даже не заметить, а все общество будет иметь о нас неприятное впечатление, такое неприятное впечатление, что нам будет стыдно.

Согласитесь, что инженер человеческих душ – это большая нагрузка, это задача воспитания. Что значит быть инженером душ? Это значит воспитывать людей. Наша общая государственная социалистическая задача: воспитывать коллективиста, воспитывать человека новой эпохи. Как мы можем это сделать, если мы сами неколлективисты, если мы сами одиночки? Если мы не сумеем вовремя заметить эту печальную и, может быть, роковую для нас неприятность, то тогда заметит народ, заметит партия и обратит на это самое серьезное внимание.

В тех наших надеждах, которые здесь высказываются, я не чувствую гарантии, что мы от этого скоро избавимся. У нас идиллические разговоры. Сегодня кто-то рисовал т. Ставского в таких красках, которые нельзя назвать иначе, как идиллическими. Этот товарищ мечтает, что не только можно будет ходить к т. Ставскому, но секретарь т. Ставского сам будет звонить – не нужно ли вам поговорить с т. Ставским? А разве это не идиллия? Т. Ставскому надо только приклеить крылышки, сделать длинные ресницы, дать розу в руку. Разве можно рассчитывать на это?

Я не знаю, почему здесь ругают т. Ставского. У меня такое впечатление, что это единственный человек, не убежавший из нашего правления, – может быть, впечатление неправильное.

Я думаю, что нам нужно рассчитывать не на т. Ставского как на лицо. Нам нужно рассчитывать на какой-то новый принцип нашей организации, и я настаиваю на том, что этот принцип должен быть коллективным принципом, о чем говорил т. Мстиславский.

Я не позволю себе рекомендовать вам какие-то определенные формы, которые казались бы мне нужными.

Но разрешите мне помечтать в вашем присутствии, потому что очень часто с мечты начинается организация.

Я мечтаю сегодня, мечтал вчера, позавчера *(смех)* вот о чем.

Я бы хотел быть членом какой-то постоянной писательской бригады, не группки, и не группочки, и не артели, а специальной зарегистрированной у вас писательской бригады, бригады им. Горького[4]. Я мечтаю о том, чтобы в этой бригаде было 10–15–20 человек. Кто? Прежде всего, те, кто захотел бы подчинить свой интерес, свою славу, свою известность бригаде. Пускай бригада имеет славу, я свою славу уступаю.

Я бы хотел, чтобы все мои произведения и произведения моих товарищей по бригаде так бы и печатались: «Бригада имени Горького», и потом маленькими буквами: «Макаренко». Пусть бригада выступает перед союзом, пусть она отвечает за работу каждого члена.

На что я надеюсь? Я надеюсь, что в работе такой бригады, не случайной группки или группочки, не при случайном сочетании людей, а в настоящей писательской бригаде мы сможем не только помогать друг другу в порядке какой-то благотворительной помощи, а мы сможем работать организованно: просматривать темы, просматривать наши возможности, мы сможем помогать друг другу своевременной и правильной критикой. Мы сможем помогать друг другу и в том, в чем теперь особенно затрудняемся, – пойти поговорить в Союз писателей.

Мы сможем иметь какое-то общественное лицо, мы сможем иметь и более совершенное качество, чем имеем сейчас, работая в одиночку, а самое главное – мы избавимся, наконец, от нашей одинокой гордости и от нашей одинокой тоски *(аплодисменты)*, потому что то чванство, та спесь, о которых здесь говорилось, – это особая форма одиночества. Это не спесь коллективиста – это спесь человека, который в своей уединенной комнате не знает, что ему о себе думать.

Второе, что я считаю необходимым, – это не хвастать творческим характером нашей работы. Теперь не только мы творим, теперь каждый стахановец – творец, каждая стахановская бригада – творческая бригада.

А раз так, нам нужно скромно и законно посмотреть на наше производство, прямо нужно говорить – наше литературное производство. Наше руководство должно организовать это производство[5]. Уже в ваших речах я слышал эти производственные нотки. Ведь что такое вопрос о том, кто бракует произведение – редактор или Союз писателей? Ведь это вопрос о техническом контроле, и не больше. Так и нужно нам ставить вопрос. Нам нужен хороший производственно-технический контроль: брак – долой, условный брак – переделывать, хорошую продукцию – печатать.

У нас нет учета. Мы рассчитываем на то, что все наши нужды, все наши достоинства и недостатки отражаются в душе т. Ставского. Но может ли все отразиться в одной душе? Конечно, нет. Нам нужен настоящий, специальный, прекрасно организованный учет нашей работы, наших недостатков, наших тем, наших ошибок. Это, конечно, не бухгалтерский учет. На таком учете должны работать хорошие писательские кадры. Такой настоящий учет, такой совершенный учет по последнему слову техники должен быть в президиуме правления, чтобы т. Ставский, т. Фадеев[6] или кто-нибудь другой мог в любой момент иметь точную фотографию на данный момент каждого писателя, не только его произведений, но и всей его личности.

Третье, что я считаю необходимым: нам нужен центр. Очень возможно, что полезно иметь самостоятельное московское отделение, но это будет полезно только в том случае, если у нас будут не фанерные коридоры, а настоящий центр писательской общественности.

К сожалению, Дом советских писателей не является у нас таким центром. Туда ходят больше дети, чем писатели, и там больше служебных кабинетов, чем таких мест, в которых имелось бы основание сойтись и поговорить. Организовать этот центр, организовать его так, чтобы писательские личности и писательские бригады, которые, надеюсь, у нас будут созданы – если не в формальном порядке, то в самотечном порядке, – могли там находить ту атмосферу, в которой можно работать. Без такого настоящего материального

центра, организованного так, как я сказал, у нас никакого особенного коллективизма быть не может. *(Аплодисменты.)*

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 7, с. 20–23. «Обработанная стенограмма выступления на общемосковском собрании писателей 2–5 апреля 1937 г.». Впервые опубликовано в ж. «Октябрь» (гл. ред. Ф.И. Парфенов), 1937, №5. А.С. Макаренко выступил 5 апреля.

Как социальный педагог А.С. Макаренко и в литературно-художественном творчестве обращает внимание на то, что является залогом успеха в любой деятельности, обеспечивая его и в педагогическом отношении. Это: коллектив, приближение к производственной организации труда. Не надо «хвастать творческим характером нашей работы», упорствовать в ее «единоличности». Иначе – «кулацкие настроения», «нравственное и политическое одичание» писателя.

В статье в *«Правде»,* **6 апреля об этом собрании в самом начале отмечено: А.С. Макаренко говорил по вопросу «о коллективности в творческой работе писателя». Лазарь говорил о «весьма недружелюбных отношениях» между писателями и работниками издательств. В. Шкловский: «оторванность писателей от жизни», «погоня за материальными благами». А. Сурков: на собрании говорится «больше о хозяйственных и материальных делах, чем об общелитературных проблемах». Молодые писатели «превращаются в писателей-профессионалов, не имея по существу никакого жизненного опыта». Ангаров: «аполитичность некоторых наших писателей» (Опускула макаренкиана, №21, с. 19).**

«Литературная газета», **6 апреля: А.С. Макаренко сказал, что надо говорить не о помощи писателям со стороны ССП, а об «организации им работы творческого коллектива». «Быть инженером человеческих душ – значит воспитывать», решать «государственную задачу воспитания коллективиста, человека новой эпохи». «Новый принцип нашей организации – принцип коллективной работы». (Там же, с. 17).**

«Известия», **6 апреля: А.С. Макаренко «отметил, что писатели страдают от «единоличности». Но как они могут полагать, что, не избавившись от спеси, от «одинокой гордости» и от «одинокой тоски», могут они воспитать своих читателей как коллективистов?» (Там же, с. 20).**

[1] **Общепедагогический тезис «Не помощь, а организация» здесь используется для объяснения элемента педагогики в литературно-творческой деятельности.**

[2] *Прут И.Л.* **– русский советский драматург.**

[3] *Мстиславский С.Д.* **– автор историко-революционных романов.**

[4] **Идею «коллективных произведений», создаваемых коллективом авторов, ранее выдвинул** *А.М. Горький.* **Соавторство и работа группой – нередкие случаи в русской и зарубежной художественной литерату-**

ре, живописи. Театральные постановки, кинофильмы – продукты коллективного творчества.

План создания «первичных производственных коллективов – бригад» писателей и организации совета их, уполномоченных при Секретариате ССП А.С. Макаренко затем изложил 26 февраля 1938 г. на заседании Президиума ССП совместно с активом московских писателей. Таким он видел решение вопроса о преодолении бюрократизма в деятельности ССП, развитии в нем демократических, общественных начал. (Литературная газ., 1938, 1 марта, с. 3–4).

[5] **Ниже отмечены его характерные черты: оценка, учет, контроль, организация общедоступного, коллективного «центра».**

[6] *Фадеев А.А.* **позднее стал генеральным секретарем ССП.**

Запись выступлений на Всероссийском совещании по педагогическим наукам, 7 апреля 1937 г.

КОЛБАНОВСКИЙ [1]

Оптимистическая перспектива

Рефлекс на капризы. Рефлекс на сигналы. Рефлекс ориентировки. Рефлекс коллектива. Вопрос долга и выполнения.	
Эволюция или взрыв.	Стиль и тон.

АРЯМОВ [2] – реакция среды не может изменить ничего в инструментовке организма.

Не среда, а коллектив.

Социальный аспект.

Человек воспитывается не только физически, но и психически. И это не всегда можно разграничить. Лестница.	
Педагогическая дифференциация не должна исходить из данных рефлексологии, но мы имеем факт сопротивления.	
Динамический стереотип.	
Эмоция или не эмоция.	Неинтересно работать.

Дезорганизаторы в роли организаторов.
Полезное значение неблагополучия воровства.

Метод с аппетитом.
Дать задание противоположное.
Не отталкиваться от индивидуальности, а сохранить ее.
Индивидуальный такт.
Только в коллективе.

ГЕОРГИЕВ [3]

Сугубо реакционный, потому что «физиология дает данные для педагогических выводов».

Люди с финками[4].

Предоставьте ее самой себе.

Что нужно делать с учеником, который плохо успевает.

КОНОВАЛОВ

Педология съела науку о детской психологии. И не столько психологию, как ее преподавание.

Не знаем о проблематике исследования в психологии ребенка.

Кто такой Выготский[5], психолог или педолог?

Подозрительное затруднение.

У Выготского 8 подстадий развития ребенка. Где же их границы? Требуется большая скрупулезность.

Вот именно интерес к подстадиям у человека, который не имеет никаких желаний, никакой цели, никакой страсти.
А что?

«Рабское следование иностранным авторам. Многие считают большой честью поместить свою статью в заграничном журнале».

Ясно, почему. Своего нет.

ЭПШТЕЙН [6]

«Много таких даже сильных учителей, которые допускают у себя в школе большую неряшливость».

Воспитание в убеждении, что в советской школе все позволено.

«Доклады сделали попытку смягчить постановление ЦК о педологии».

Вот именно школьный будень[7] нужно сделать для ученика днем страстной, настойчивой, увлекательной борьбы за знание, за будущее, за победу над фашизмом.

Но для того, чтобы организовать это, нужна честность и техника.

«Любое педологическое положение можно сейчас найти в практике нашей школы».

«Наша школа еще до сих пор не разрешила проблемы создания культурно-грамотного человека».

Нам нужен фатализм, но только оптимистический. Это уверенность в победе.

«Мы думаем над тем, какие методы выдвинуть, чтобы наши дети были ***более дисциплинированны».***

ДЬЯКОВ.

Приводит из Блонского: «ребёнок сосет – сексуальное переживание», «поцелуй не что иное, как взаимное сосание».

(С места: «А вы сами читали в Ярославле двухчасовую лекцию о творческом воображении во время онанизма».)

По теории одаренности у нас разброд мнений.

Каждый человек в чем-либо обязательно одарен.

Что такое бессознательное, у нас не найдено ясного ответа.

О наследственности. Мы её решительно отрицаем или до каких-то пределов?

КОЛБАНОВСКИЙ.

«Анализ профессорской вежливости».

Как разрешить проблему наследственности и среды?

«Социальный опыт новорожденного ребёнка». «Влияние социальной среды на ребенка в утробе». «Наша психология ещё не может принести пользы».

В психологии для нас важны явления сопротивления по разным причинам.

Ленин требовал изучения нервных процессов.

Мандат на 15 лет получила педология – НКПр его выдал. Мы, педагоги, признали.

Дело не только в отдельных методах, дело в общем направлении.

Чем объяснить поразительное бесплодие педагогической науки за истекший период?

«Есть прекрасные практики, поставившие замечательно дело воспитания и обучения, но они не имеют теоретической подготовки, надо им дать». (Ха-Ха!)

Возможна ли частная методика без вопросов воспитания. Но, конечно, центр тяжести педагогики близок к методике.

Весь порок педологии – в знахарском подходе к проблемам.

В приведенных примерах «монографических исследований» есть много интересных проблем. Но ни одну из них нельзя решить, не решив общей и важнейшей проблемы: как в конце года количественно и качественно пройдена программа.

Не «соприкосновение с обстоятельствами», а революционная практика.

Психология, биология, рефлексология должны говорить нам не о том, что мы должны сделать, а только о том, как удобнее сделать то, что нам нужно и что мы решили.

МЕДЫНСКИЙ [8]

Экспериментальная педагогика[9] – это будущая педология. Разрыв изучения и воспитания.

Знание человека, его психики, его даже наследственности, даже его отсталости для нас важно не как знание количества, а как поиски того рычага, того хвостика, за который нужно ухватиться, чтобы сделать то, что мы хотим.

РОЗЕНБЕРГ.

В вузах нужно учить этому искусству энергичного вторжения в душу личности и коллектива.

Литература, в особенности для заочного обучения, полна педологических указаний.

(Методика физики Соколова).

В Пермском институте (дошкольном) организовали ларек и очередь для него, чтобы приучить детей к порядку.

«Как же не позволять детям свободу, если сам К. Маркс позволял детям на себе ездить»[10].

Стремление к высшему образование в Дзержинке – как борьба с педологией.

А если бы основания педологии были научны?

АЛЕВСКИЙ (АЛЕКСИНСКИЙ)[11]

Десятки тысяч учителей сейчас заморочены педологией.

Профессора педагогики не знают и не хотят знать современной советской школы.

«Они приготовишки педагогики».

«У них научная тема».

«Мы оказались без теории, мы оказались беспомощны даже перед лицом контрреволюционной теории».

«Нет никакой научной педагогики».

ЛЮБИМОВ.

Его смущает: как быть с наследственностью и изменением.

А нужно: как из всякого «материала» создать человека.

Какое место психологии? Такое: психология только для того, как удобнее ухватиться за человека с определенной целью.

Психология – трамплин для прямой работы.

ПОЗНАНСКИЙ

«Ученица не может осилить «не» и «ни» потому, что она в «том» возрасте».

А что делать? Хитро обойти или настойчиво, добиваться.

Мы слышим грохот разрушения, но музыки новой педагогики не слышно.

РУБИНШТЕЙН [12].

Докладчик. Обиделся. Кто-то ему возражал. Теперь он чуть не плачет (Рубинштейн).

«Значит, он настаивает на отрыве мысли от формы, значит Рубинштейн – идеалист».

Методы Эббингауза[13] я проверил, и у него 28%, а у меня 66%. Мой основной тезис: полнейшая невозможность оторвать мысль от его речевой формы.

Как я объяснил парадоксальный результат опытов Эббингауза. В зависимости, от (далее слово неразборчиво – А.Ф.) адекватна она или нет.

В последнем эксперименте я ставил вопрос: воспроизвести речевой комплекс.

Воспроизведение смысловое – это был эксперимент памяти или мысли. Учитывались

и словесные замены.

Наряду с изучением смыслового содержания я изучал и текстуальное.

Тов. Ананьев[14] подчеркнул.

Вот на этой страничке было выписано постановление партии – изложение исторических событий.

Прочность зависит не только от последующей обработки. Я сформулировал такой тезис: прочность усвоения оформляется в первичной подаче.

Роль повторения я нигде не отрицал. Нельзя сделать такого вывода.

Неизвестный Макаренко. Вып. 5/ Сост. С.С. Невская, А.Н. Русаков, И.В. Филин. – М., 1994, с. 40. Уточнено по источнику: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 144, лл. 1–5 об. Совещание состоялось в Высшем коммунистическом институте просвещения 5–9 апреля. Это первое авторитетное совещание, посвященное обсуждению вопросов педагогики и психологии в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», 6 июля 1936 г. (через 9 месяцев после принятия Постановления).

В этом институте зимой (или весной) 1935 г. прошло обсуждение «Педагогической поэмы», на нем резко критически выступил А.С. Макаренко (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 222–229).

Информация о совещании – в газ. «За коммунистическое просвещение»: 4, 8, 10 и 13 апреля 1937 г. По этим публикациям видно, что А.С. Макаренко присутствовал на совещании один день, 7 апреля, и не выступал.

Первыми доклады сделали *С. Каменев, А.П. Пинкевич, С.Е. Гайсинович,* **с позиций Постановления ЦК ВКП (б) о педологии. В прениях выступили** *Е.Н. Медынский, К.Н. Корнилов, С.Л. Рубинштейн.* **На секциях педагогики и психологии с докладами и в прениях выступили** *С.М.Ривес, Л.Е. Раскин, Головин, Л.И. Божович, Петрова, Б.Г. Ананьев, П.Л. Загоровский, М.С. Берштейн, В.Н. Колбановский, В.С. Мерлин и др.*

Сборник материалов совещания (НКП РСФСР, Управление вышей школы. – М., апр. 1937) включает тексты *С. Белоусова, П. Блонского, А. Веденова, В. Вейкшана, Ш. Ганелина, В. Гмурмана, Н. Добрынина, Б. Есипова, М. Крупениной, Н.А. Менчинской, И. Свадковского, П. Шимбирева и др.* **(Архив РАО, ф. 12 – ВКИП, оп. 1, ед. хр. 26–131 л.).**

А.С. Макаренко выделяет проблематику: влияние среды и наследственности (социальный и биологический факторы), роль коллектива («не среда, а коллектив»), методология («разрыв изучения [детей] и воспитания» в педологии; «не отталкиваться от индивидуальности, а сохранять ее», исходить из педагогических целей), соотношение педагогики, психологии, биологии, рефлексологии (не они указывают педагогические цели; эти науки должны определять, «как удобнее сделать то, что нам нужно, что мы решили»).

Позднее он добавляет: психология нужна и для оценки педагогических результатов, их соответствия природе человека, процессу его развития. 1922 г.: «Психология должна сделаться не основанием педагогики, а продолжением ее в процессе реализации педагогического закона» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 41.).

Важные макаренковские положения: Каждый человек в чем-то обязательно одарен; Не «соприкосновение с обстоятельствами», а революционная практика (целенаправленное воспитание); Как из всякого «материала» создать человека.

[1] *Колбановский В.Н.* **– психолог, педагог, в 1931 г. директор Гос. ин-та психологии, педологии и психотехники. В 1935–1936 гг. выступил в центральной печати в защиту «Педагогической поэмы».**

[2] *Арямов И.А.* **– один из главных представителей «биогенеза» в педологии.**

[3] *Георгиев Ф.И.* **– специалист по истории психологии.**

[4] **Вид ножа, «холодное оружие».**

[5] *Выготский Л.С.* **– специалист по общей, детской, педагогической и патологической психологии. Во 2-й пол. 1920-х гг. создал «культурно-историческую» теорию происхождения высших психических функций человека, выдвинул положение о ведущей роли обучения и воспитания в развитии личности, на основе коллективной практической деятельности и общения.**

[6] *Эпштейн Д.А.* **– химик и педагог, работал в области политехнического и трудового обучения, методики преподавания химии.**

[7] **Будничное, повседневное (укр. яз.).**

[8] *Медынский Е.Н.* **– специалист по внешкольному образованию, автор первого советского учебника по истории педагогики (История педагогики в связи с экономическим развитием общества, в 3 т., 2-е изд. – 1929 г.) и первой макаренковедческой книги (Антон Семенович Макаренко. Жизнь, деятельность, педагогическая система. – М., Мол. гвардия, 1944). Автор главы о нем, впервые введенной в учебник истории педагогики (1956 г. и далее; она почти без изменений воспроизводится в современных учебниках истории педагогики).**

[9] **Направление в педагогике и психологии, ставшее целью всестороннего исследования ребенка путем эксперимента. Возникло в конце XIX в. Представители:** *И.А. Сикорский, Э. Мейман, А. Бине, А.П. Нечаев.* **Стало основанием для развития педологии.**

[10] **Говорится об играх К. Маркса со своими детьми.**

[11] *Алексинский М.А.* **– тогда зав. Ленинградским гороно. Вместе с Н.А. Ждановым весной – летом 1936 г. инициировали Постановление ЦК ВКП(б) о педологии.**

[12] *Рубинштейн С.Л.* **– психолог и философ, обосновывал философские методы в общественных науках. Автор «Основ общей психологии» (1940). Ввел принцип «единства сознания и деятельности», «бытия и сознания» (далее он представляется как «деятельный подход»). В 1941–1946 гг. высоко оценил основы педагогических взглядов и опыта А.С. Макаренко (Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире... – Н.Новгород, 2006, с. 63, 66).**

[13] *Эббингауз Г.* **– нем. психолог, во 2-й пол. XIX в. положил начало экспериментальному исследованию памяти, начал разработку тестов для определения уровня умственного развития.**

Письмо Л.В. Конисевичу, 18 апреля 1937 г.

Москва, 18 апреля, 1937 г.

Дорогой Леонид!

Ты не можешь себе представить, как приятно и важно было получить от тебя письмо, которое с таким опозданием переслали мне из Броваров, где я давно не работаю (с конца января). Горячо поздравляю тебя с орденом и с тем, что ты не подкачал в своем человеческом достоинстве[1]. Горжусь тобой и уверен, что и дальше ты останешься таким же благородным человеком.

Я сейчас живу в Москве на постоянном жительстве. Возможно, что ты будешь в Москве, в таком случае обязательно будешь у нас.

Что касается твоей женитьбы, ты же знаешь мой характер? Я Нину знаю хорошо. Если ты поднимешь ее до значения настоящего человека, это будет новая твоя заслуга. Не знаю, может быть, это дело и трудное, но я люблю людей, которые берутся за трудные дела. Во всяком случае, искренне желаю тебе и Нине счастья и удачи в жизни, а счастье и удача придут только тогда, когда люди меньше всего за ними гоняются, а больше думают о больших человеческих делах.

Дела коммуны мне более или менее известны, и, конечно, они малоутешительны. Я знаю, что по-настоящему поправиться она уже не может без чрезвычайных мер и усилий, а самое главное – без героических людей[2], которые не пожалели бы себя для такого красивого дела. Те люди, которые там сидят сейчас, очень мало соответствуют такому требованию. Я в коммуне давно не был, мне туда и показываться нельзя, ты же понимаешь, одно мое имя производит там беспорядки.

Напиши подробно о своих делах. Очень боюсь, что это письмо тебя не застанет в Одессе, наверное, ты куда-нибудь уплыл. Вообще напиши, что ты делаешь, какую несешь работу.

Мой адрес: Москва, Лаврушинский, 17/19, квартира 14 – мне.

Твой *А. Макаренко*

Если есть литературная работа, зачем тебе искать других шефов, кроме меня. Присылай мне, если вещь стоящая, поправляю и сдам в журнал.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 4, с. 40–41. Конисевич Л.В. выпущен из коммуны им. Ф.Э. Дзержинского летом 1933 г. (см. его характеристику: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 114). Его книги о коммуне дзержинцев: Большая семья (М., 1980), Нас воспитал Макаренко (Челябинск, 1993) – очень важное дополнение к характеристике воспитания в этой коммуне. См. также

его воспоминания 1940-х гг.: По страницам лет (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 477, автограф – 126 лл. и машинопись – 148 лл.).

[1] **Тогда** *Л.В. Конисевич* **был награжден орденом «Знак почета», в составе экипажа «Курска», участвовавшего в эвакуации в СССР испанских детей (во время гражданской войны в Испании).**

[2] **О начавшейся постепенной утрате коммуной дзержинцев педагогических функций в условиях бурно расширяющегося производства см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 230–234 и далее, см. материалы Части 4.**

Из письма И.М. Прейслеру, 18 апреля 1937 г.

…...Никак не могу привыкнуть к Москве, может быть, еще и потому, что со здоровьем у меня очень плохо. Бровары меня, оказывается, сильно подсадили…...

Сейчас только то и делаю, что шляюсь по докторам: выбираю таких, которые будут меня лечить попроще и поскорее. К сожалению, именно таких не находится, все запрещают мне работать, даже писать, требуют полного покоя, гидротерапии, впрыскиваний и поездки в Кисловодск и еще куда-то, а этого всего мне страшно не хочется.

Так жить, чтобы ничего не делать, мне и не удается и не нравится. От этого мои нервы приходят в настоящий бунт. Да мне и не дают отдыхать. Узнала публика, что я в Москве, и буквально растаскивает меня на разные диспуты, доклады, комиссии и все такое…...

Нежинский Н.П. А.С. Макаренко и педагогика школы. – Киев, 1976, с. 95–96. *И.М. Прейслер* – **тогда сотрудник Броварской колонии, работник ОТК НКВД УССР.**

Героическая борьба

Хорошую книгу написал Аркадий Первенцев о борьбе, о победах, о страданиях красного казачества Кубани, о том, с каким величавым и вместе с тем простым героизмом отдали казаки свои жизни за дело Ленина–Сталина, за дело нового человечества. Будут читать эту книгу граждане Советского Союза, будет читать ее молодежь, и комсомольцы, и пионеры, многих она научит горячей страсти борьбы; а ведь борьба у каждого из нас впереди, борьба с жестоким врагом, вооруженным предсмертной яростью.

Такие книги, как раз такие, воспитывают людей, они умеют показать самую глубокую красоту человека в борьбе за освобождение, они умеют привлечь человеческую личность к этой красоте подвига, сделать подвиг полным нового содержания. У Первенцева подвиг – не личная эстетическая поза, здесь он совершенно необходимое и совершенно естественное движение, вызванное крепкой связанностью масс, удивительным чувством единства коллектива.

Специалисты-критики найдут в книге Первенцева много недостатков, обязательно упрекнут его в подражании Гоголю, в перекличке со многими местами «Тараса Бульбы». Но ведь влияние Гоголя вовсе не такое уж плохое явление, и читатель только поблагодарит Первенцева за восстановление страстной гоголевской эпической приподнятости.

Гоголевский тон очень часто открыто прорывается у Первенцева:

«Впереди сотни гарцевал Николай Батышев, рядом с ним, перегнувшись, играя клин-

ком, нагнетая руку для страшного удара, скакал Наливайко. Может, чуял Наливайко, что на этой земле сегодня последний раз прозвенят подковы его вороного коня... но скакал опальный казак Наливайко, заморозив на красивом лице какую-то страдальческую и одновременно зловещую улыбку».

А вот концовка рассказа о конфликте комбрига Кочубея со штабом, когда довелось его казакам вытаскивать батька через окно штабного вагона:

«– Да не пошкарябали мы тебя, батько, як тащили с первого классу? Кажись, стекло хрустнуло.

– Нет, хлопцы, не пошкарябали, только тащили вы меня за плечи, а те за ноги, и хрустнула у меня нога, а не стекло. Надо испытать, – может, ошибся я с перепугу. Давай гопака...

Плясал Кочубей, приговаривая:

– Не, ничего. Мабудь, стекло хрустнуло. Не, ничего».

Или еще:

«А тут, полюбуйтесь! Даже сам Пелипенко, считай уже почти полковник, выволок седло из клуни, кинул на Апостола, и черт его знает, когда он успел подтянуть подпруги. Может, на скаку? Так бывает, но только при очень уж большой спешке, как, к примеру, под Воровсколесекой, против Покровского, когда сам командующий 9-й колонной носился по боевому полю в одних исподних штанах и ночной рубашке».

В самом подборе имен, в отдельных сюжетных ходах Первенцев помнит о Гоголе. Необходимо признать, что очень часто читатель чувствует недостаток стилистической техники, часто звуковое движение фразы слишком царапает слух и нарушает впечатление величавой эпической торжественности. Бывает и так, что, запутавшись в синтаксической прелести рассказа, автор теряет точность мысли, и читатель в некотором недоумении принужден даже возвратиться назад и перечитать прочитанное.

Но этот, надеемся, временный у автора недостаток искупается большим запасом действительного знания боевой жизни, умелой подачей самых разнообразных подробностей: читатель видит не только массы бойцов, но и пейзаж, и оружие, и тачанки, и всякие бытовые аксессуары, множество вещей, которые, однако, и остаются только вещами, не снижая и не закрывая настоящую большую сущность событий. В описании этих вещей автор очень экономен и умеет расположить их просто и убедительно:

«У треногих пулеметов острели башлыки. Пелипенко увидел, как от пулеметов отлетали черные гильзы, моментально заметаемые снегом».

«Кочубей последним оставлял штаб – горницу куркульского дома. По пути приказал Левшакову захватить попавшуюся ему на глаза большую сковороду. На ней застыл белый жир и кусочки недоеденной колбасы. Адъютант пучком соломы смахнул жир, оглядевшись, сорвал с печки пеструю занавеску и завернул в нее сковороду...

– Все одно же бросите сковородку, – сетовала хозяйка.

– Вернем, ей-бо, вернем, – уверял Левшаков. – Ожидай днями обратно. Какая же у меня будет кухня без сковородки!»

Но за сеткой вещей и подробностей все время в романе видишь массы людей. Между другими, не заслоняя их, высится монументальная фигура самого Кочубея.

Этот «простой кубанский казак поразил его буйным размахом неукротимого атамана вольницы, безыскусственностью поступков, каким-то неугасимым огнем его беспокойной и целомудренной души, верующей в великое дело вождя партии – Ленина».

В Кочубее есть нечто не только от Тараса Бульбы, есть кое-что и от Чапаева, но в то же время он по-своему колоритен и по-новому убедителен. То обстоятельство, что в Кочубее много партизанского, что он не разбирается во многих деталях политики и даже военного дела, что ему трудно читать обычную военную карту, – все это не снижает его облик. Главное в Кочубее – это искренняя сила души, поднявшейся против отвратительного старого мира. Таковы и все его казаки, и в особенности его ближайшие помощники: Батышев, Михайлов, Левшаков, Наливайко. В романе они мало отличаются друг от друга, но это не вызывает у читателя ощущения однообразности. Это потому, что то общее, что дается в романе, что присуще им всем, – оно неотрывно прекрасно.

За исключением немногих мест, роман написан хорошим языком, но в своей конструкции несет большое количество неувязок и неудобных мест. Последнее, вероятно, проистекает из неопытности автора.

Попадаются довольно часто грубые конструктивные ошибки. Живому бойцу Айса

уделено всего несколько строчек, но его похороны описываются на нескольких страницах, и это сделано, вероятно, только потому, что автор не мог победить искушения описать сложный ритуал черкесского отпевания. Освобождение взятых в плен разведчиков Пелипенко и Володи происходит с совершенно излишним эффектом неожиданности. Увлекшись здесь чисто фабульным достижением, автор не соразмерил величину этой неожиданности с величиной убедительности. Этот эпизод так и остается не разъясненным, автор так и не показал читателю, почему это вдруг сам Кочубей с целой сотней оказался чуть не в центре неприятельского расположения. И в других местах можно заметить наклонность автора к некоторому гиперболизму, несколько сходному с гиперболой Гоголя, но, к сожалению, не обладающему столь же гипнотизирующей силой. Читатель верит, что Старцев, полевой комиссар, мог пронести на плечах раненого товарища пятнадцать верст по пустыне, но никогда не поверит, что тот же Старцев нарочно возвращается, чтобы взять на плечи и перенести в Астрахань труп умершего.

В романе много уделено внимания попытке освобождения из тюрьмы матери Балаханова, но сама попытка почти не изображена. Такое неумелое распределение действия в романе встречается довольно часто. Вдруг откуда-то вынырнул Щербина, лицо во всех отношениях третьестепенное, но ему начинает уделять автор целые страницы и даже сообщает, что лошадь его называется Кукла. Подробно изображается, как Щербина удирает от разгневанных казаков, приговоривших его к смерти за измену:

«Поверху двигались всадники. Щербина ясно видел их четкие силуэты.

Кукла раздула ноздри, приготовясь заржать. Он схватил ее морду обеими руками, целовал:

– Кукла, Куклочка, молчи, молчи, Кукла.

Таманцы исчезли. По сухой терноватой балке продирался Щербина, ведя в поводу качающуюся, обессиленную лошадь».

Прочитав этот абзац, читатель обязательно предположит, что Щербина, с таким трудом спасшийся от казаков, еще не вышел из действия, что он автору еще нужен и нужны его переживания. В противном случае, зачем же было так подробно его изображать.

Оказывается, нет. Буквально в следующей же строчке автор просто говорит: скоро Щербина был опознан и зарублен, как предатель, бойцами XI армии.

Все эти недостатки очень легко исправить, и это обязательно нужно сделать в отдельном издании книги. Тем более нужно сделать, что Первенцев написал очень волнующую и нужную книгу. Она в особенности хороша для юношества. Люди, здесь показаны во весь рост, показана и идея, вдохновляющая этих людей. Недаром Первенцев заканчивает роман волнующим образом Володьки-знаменосца:

«Плывут знамена в горячем степном воздухе, колышутся. Вот подул от Каспия ветер, слышится команда товарища Хмеликова: «Рысью!» Разматывает Володька штандарт во всю ширину алых полотнищ, разметанная полощется грива, и кажется – ныряет в увалах и лощинах порывистая лодка под бархатным парусом.

Мальчишка же Володька, и все детское ему свойственно. А потому, оглянувшись, точно думая, что и это стыдно перед усатым товарищем, украдкой целует краешек дорогого полотнища партизанский сын, мчится вперед, смеется, и солнце играет золотыми махрами».

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 7, с. 23–26. Рецензия на роман А. Первенцева «Кочубей», напечатанный в ж. «Октябрь», 1937, кн. 1 и 2. Опубликовано в «Литературной газете», 20 апр. 1937 г.

А.С. Макаренко рекомендует роман к изданию отдельной книгой, несмотря на некоторые литературно-художественные недостатки. В этой рецензии, как и в других литературно-критических статьях, А.С. Макаренко очень четко и во взаимодействии характеризуются две главных функции художественного произведения, вообще искусства – воспитательная и эстетическая.

Дополнение. *20 апреля в «Литературной газете»* **редакционная статья указывает на необходимость «радикальной перестройки Дома советского писателя в Москве, Дома им. Маяковского в Ленинграде, всех писательских клубов на основе превращения их в центры литературных споров, чтений и обсуждения новых книг, в центры квалифицированной помощи библиотечными, консультационными и справочными материалами».**

Художественная литература о воспитании несовершеннолетних правонарушителей

Товарищи, я вас должен предупредить, что в сегодняшнем моем сообщении не могу быть совершенно беспристрастным. Видите ли, тема нашей беседы «Художественная литература о воспитании беспризорных и безнадзорных» для меня очень близка, так как в разработке этой темы я сам участвовал не только литературно, но и педагогически, будучи рядовым работником жизненного фронта. В связи с этой работой у меня сложились определенные взгляды, если хотите, определенные доктрины по вопросу, как должно быть организовано коммунистическое воспитание.

В решении этой задачи комплекс моих мнений, опыта, педагогических убеждений сложился так крепко, что из-за какой бы то ни было деликатности или даже товарищеской уступчивости я не могу поступиться ни одной буквой. Поэтому я в таком для меня близком вопросе, в вопросе моей жизни, могу быть только сугубо пристрастным. За это я заранее прошу у вас прощения.

Литература о воспитании у нас в Союзе не так еще велика, художественная литература в особенности, и, прежде всего, мы должны отметить в ней одно удивительное явление.

У нас написано несколько книг о воспитании трудных детей, о воспитании правонарушителей. Вы знаете хорошо нашу литературу; вспомните более или менее замечательные явления в литературе о детях – это почти исключительно книги о работе с правонарушителями. Художественных книг вообще о воспитании, даже о воспитании тех же беспризорных, но не правонарушителей, а так называемых нормальных детей, вы, пожалуй, вспомните очень мало.

Почему у нас такое исключительное внимание к так называемым правонарушителям? Можно было бы подумать, что общество и писатели особенно заинтересовались именно воспитанием правонарушителей. Однако этого на самом деле нет. Мы одинаково интересуемся и воспитанием правонарушителей, и воспитанием нормального детства. Все эти вопросы для нас чрезвычайно важны, чрезвычайно сложны и даже дороги.

Почему же художественная литература особенно сконцентрирована только на теме о правонарушителях? Это произошло по причинам не педагогическим, не связанным с педагогической методикой. Это произошло потому, что как раз в этом пункте наиболее ярко сказалось основное отличие нашего общества от общества буржуазного, дореволюционного. Именно в отношении к несовершеннолетнему человеку, который может считаться врагом общества, в отношении к ребенку, который может стать бандитом, который нарушает право, совершает преступления, ворует, даже убивает, – в отношении к такому ребенку наше общество стоит на диаметрально противоположной позиции, чем общество буржуазное или наше дореволюционное. Здесь сказывается наша основная позиция по отношению вообще к человеку.

Мы знаем, какие основания имеются для преступности в буржуазном мире. Таких оснований у нас в Советском Союзе нет. Поэтому если человек совершает преступление, то для нас совершенно ясно, что это зло можно вырвать, победить, ибо этого зла в самом обществе не может быть. Отсюда и проистекает совершенно исключительное ярко выраженное наше отношение к правонарушителю только как к объекту воспитания, как к человеку, который должен быть переделан, а не как к преступнику, требующему изоляции. Вот по-

этому-то у нас и наблюдается в жизни очень много различных методов воспитания. Одним из таких методов была литература, посвященная правонарушителям.

Но были попытки и не столь положительные. Человеческое отношение к преступнику, уважение личности человека даже в преступнике, уверенность, что из каждого человека можно выработать члена общества, иногда у некоторых людей приобретает характер любования преступником. Это в особенности заметно в так называемой халтурной литературе, или халтурной кинематографии, или в театре, где иногда беспризорный или преступник перестает быть объектом культуры, где [автор], ищущий в нем те черты, которые можно назвать человеческими, перестает их искать, а преступник становится объектом любопытства и некоторого любования. Почему? Потому что он ищет либо отражения в этом романтичности вкуса, либо сентиментальности, отражающей его вкус, чего как раз в фигуре правонарушителя или беспризорника нет. В некоторых наших книгах автор интересуется не серьезным вопросом о характере человека, а только тем, насколько любопытна, насколько необычайна, остроумна эта маленькая фигура преступника.

Я посвятил работе с малолетними преступниками 17 лет и знаю, что это не только тяжелый труд, но и труд, который меньше всего может быть связан с удовлетворением каких-то моих вкусов к приключениям или к сентиментам или вкуса к романтизму. Но я, так же как и все другие работники в этой области, знаю, что ничего особенно эстетического, на чем можно было бы остановиться, у беспризорных и у преступников нет.

Каждый правонарушитель представляет собой явление отрицательное, со всеми деталями, присущими отрицательному явлению. И наблюдать беспризорного настоящему, живому человеку, культурному человеку никакого удовольствия доставить не может. Следовательно, с точки зрения эстетики, фигура беспризорника должна быть решительно отброшена. Она может представлять интерес только с точки зрения педагогической: как из беспризорного, из нарушителя воспитать настоящего нового человека.

Прежде всего посмотрим, как этот вопрос разрешается в педагогике, иначе мы не сможем проверить нашу художественную литературу; не будем здесь вдаваться в особенно большие глубины педагогики, скажем только несколько слов.

Волей нашей партии уничтожена педология. Педология представляла особое направление, так называемое теоретическое, и педологическая мысль являлась враждебным направлением по отношению не только к нашим нуждам, но и к нашей чести, и к нашей преданной работе.

Что утверждала педология, и не только педология, а вообще педологическое направление? Педологическое направление было не только в самой педологии, оно затягивало очень много умов, которые воображали, что никакого отношения к педологии не имели. Педология затягивает даже сейчас много умов, когда формально педология не существует.

Основное, что характеризует педологию, – это определенная система логики. Система такая: надо изучать ребенка. Изучая его, мы что-то найдем, а из того, что мы найдем, сделаем выводы. Какие выводы? Выводы о том, что с этим ребенком нужно делать.

Вот основная логика педологического направления.

Здесь метод работы с ребенком, должен быть выведен из изучения ребенка, при этом не всего детства в целом, а каждого отдельного ребенка и отдельного типа ребенка. Таким образом, сделан был вывод, что поскольку это изучение должно привести нас к разным картинам [личности], то и метод воспитания должен быть разный. Один ребенок оказался одним, его нужно так воспитывать, изучили другого – он оказался другим, его нужно воспитывать иначе, третьего – тоже иначе, и так, сколько детей – столько методов.

Педологи нашли очень много групп детей и умственно отсталых, и социально запущенных, и трудных детей, и правонарушителей и т.д.

Отсюда очень недалеко до чисто фашистской теории, утверждающей, что между расами существуют умственные различия, что отдельным расам предопределены и отдельные судьбы. Естественно, что раз отдельные исторические судьбы, то и метод воспитания у немцев должен быть один, у славян – другой, у негров – третий.

Эта теория близка к теории Ломброзо[1], который утверждал, что люди рождаются с преступными наклонностями. Педология, в конце концов, только и могла прийти к такому заключению, что в самой человеческой натуре, в самом ребенке, в биологической картине его личности и характера заключаются такие различия, такие особенности, которые должны привести и к особым, отдельным методам для его воспитания.

Повторяю, педологическая логика затягивает не только тех людей, которые себя

формально называли педологами, но и очень много людей, считающих совершенно честно, что они не педологи. Вывести педагогический метод из рефлексологии, из психологии, из экспериментальной психологии, вывести данный метод из обстоятельств данной личности – это и есть педологическое направление.

Необходима другая логика, которая метод педагогики выводит из наших целей.

Мы знаем, каким должен быть наш гражданин, мы должны прекрасно знать, что такое новый человек, какими чертами этот человек должен отличаться, какой у него должен быть характер, система убеждений, образование, работоспособность, трудоспособность, мы должны знать все, чем должен отличаться, гордиться новый, наш, социалистический, коммунистический человек.

Раз мы это знаем, раз мы честные педагоги, мы должны стремиться всех людей, всех детей воспитывать в наибольшем приближении к этому нашему коммунистическому идеалу. Вот откуда должна исходить наша практическая педагогика. Она должна исходить из наших политических нужд и при этом диалектически критически. Она должна исходить из нужд не только настоящего, а из нужд нашего социалистического строительства, из нужд коммунистического общества.

Предположим, раньше говорили, что нужно воспитывать гармоническую личность[2]. Это тоже была какая-то цель, но цель вне времени и пространства, цель вообще идеального человека, а мы должны воспитывать гражданина Советского Союза. В нашу великую эпоху мы должны воспитывать наиболее полноценного гражданина, достойного этой эпохи.

Вот из этой нашей священнейшей цели, наиболее простой и практической цели, мы должны выводить метод воспитания. А знание психологии, знание детской души, знание каждого отдельного человека только поможет нам приложить наш метод наиболее удобно в одном случае, несколько отлично в другом.

Кто из вас читал «Педагогическую поэму», тот знает, что в 3-й части изображен мой последний бой с представителями педологической теории. Я в книге тогда не называл их педологами, но речь идет как раз о педологах. Они мне говорили в этом последнем сражении:

«Товарищ Макаренко хочет педагогический процесс построить на идее долга. Правда, он прибавляет слово «пролетарский», но это не может, товарищи, скрыть от нас истинную сущность идеи. Мы советуем товарищу Макаренко внимательно проследить исторический генезис идеи долга. Это идея буржуазных отношений, идея сугубо меркантильного порядка.

Советская педагогика стремится воспитать в личности свободное проявление творческих сил и наклонностей, инициативу, но ни в коем случае не буржуазную категорию долга».

Что такое свобода проявления? Это и есть настоящая педология. Когда человека изучили, узнали и записали, что у него воля – А, эмоция – Б, инстинкт – В, то потом, что дальше делать с этими величинами, никто не знает. Потому что нет цели, и естественно нам умыть руки: ага, А, Б, В есть, пускай себя свободно проявляют, куда покатятся, там и будут. *(Смех в зале.)*

Совершенно естественно, что педология была построена на воспитании при отсутствии политических целей. Но на деле это была враждебная нам политика. Педологи рассуждали о нас, советских воспитателях, так: вы теперь являетесь сторонниками пассивного наблюдения за ребенком и бездеятельного присутствия при его жизни и развитии, а ребенок пускай себе свободно развивает свои творческие силы.

Нет, мы не являемся сторонниками такого пассивного наблюдения. Мы – сторонники активной большевистской педагогики, педагогики, создающей личность, создающей тип нового человека.

Я уверен в совершенно беспредельном могуществе воспитательного воздействия. Я уверен, что если человек плохо воспитан, то в этом исключительно виноваты воспитатели. Если ребенок хорош, то этим он тоже обязан воспитанию, своему детству. Никаких компромиссов, никаких середин быть не может, и никакая педагогика не может быть столь мощной, как наша советская педагогика, потому что у нас нет никаких обстоятельств, препятствующих развитию человека.

Тем более печально, если люди, которым доверено было воспитание детей, не только не захотели воспользоваться этим великим могуществом нашей педагогики, но ограничи-

лись простым наблюдением, простым изучением ребенка, разделением всех детей на разряды, на отдельные биологические группы и т.д.

Но тогда спрашивается: откуда, же взялись правонарушители? Мы говорим, что всех можно воспитать, что нужно исходить не из качеств данной личности, а только из целей нашей педагогики. А что же такое в таком случае правонарушитель, разве это не отдельная группа, не отдельный сорт людей?

Тут, товарищи, я говорю только от себя лично, только я отвечаю за свои слова – да, товарищи, не отдельный. Вот если бы мне сейчас поручили самых настоящих ангелов с крылышками, херувимов и серафимов, я бы и их воспитывал так же, а не иначе, потому что в этом заключается существо нашего, социалистического отношения к человеку.

Человек плох только потому, что он находился в плохой социальной структуре, в плохих условиях. Я был свидетелем многочисленных случаев, когда тяжелейшие мальчики, которых выгоняли из всех школ, считали дезорганизаторами, поставленные в условия нормального педагогического общества, буквально на другой день становились хорошими, очень талантливыми, способными идти быстро вперед. Таких случаев масса.

То, что не правы педологи, настойчиво требовавшие особых методов, практически иллюстрирует лучше всего, к сожалению, малоизвестный еще и малоизученный нашими педагогами опыт колоний НКВД.

Я только что вернулся с Украины, где участвовал последние 2 года в организации новых трудовых колоний, тоже из правонарушителей. Мы, например не соблазнились данным нам правом иметь карцер. Во всех наших 15 украинских колониях нет карцеров, а ведь нам присылают ребят, осужденных судом, их привозят под конвоем. В украинских колониях нет не только карцеров, нет стен, нет ворот, нет калитки.

Что это значит? Это значит, что практика трудовых колоний НКВД не только платонически, а и на самом деле стоит за широкую демократию, за широкое демократическое, настоящее воспитание детей, без карцеров, без стражи, без забора и ворот.

Вот здесь, товарищи, вы видите подтверждение этой основной нашей мысли, что воспитание правонарушителей не является по существу какой-то особой задачей, отличающейся от воспитания всех остальных ребят.

Где-то в моей книге сказано, что самые лучшие мальчики в условиях плохо организованного коллектива очень быстро становятся дикими зверушками[3]. Это так и есть. Соберите самых лучших детей, поставьте около них плохих педагогов, и через месяц они разнесут и колонию, и детдом, и школу, и этих педагогов.

Таким образом, существует не проблема воспитания правонарушителей, а проблема воспитания вообще. В практике наших колоний очень много найдено таких методов, таких организационных принципов, таких даже художественных находок, которые применяются нашей общей педагогикой.

Я сделаю поправку: очень часто для воспитания правонарушителей люди мудрили, хитрили, придумывали разные фокусы. Почему? Только потому, что мало еще опыта, мало людей, знающих, как нужно вести себя с детьми, а не только с правонарушителями.

Вот общие положения, в свете которых мы должны рассмотреть нашу литературу о правонарушителях. Во-первых, посмотрим, как писатель расценивает самый «материал», беспризорника или правонарушителя, как он его себе представляет, что это за материал. Во-вторых, мы рассмотрим вопрос такой: что писатель думает относительно метода, как писатель изображает метод организации детства и творческое лицо педагога? Наконец, третий вопрос: как автор мыслит, как рисует результаты воспитания, что получается или что должно получиться в результате воспитания нарушителя?

Начнем с классической книжки Сейфуллиной «Правонарушители»[4]. Это небольшой рассказ, тем не менее он сыграл очень важную роль, гораздо более важную, чем «Педагогическая поэма». Почему? Потому что в этом рассказе впервые, и довольно неожиданно и смело, были высказаны истины о правонарушителях, составляющие аксиому.

Что это за истины? Читая этот рассказ, вы во всем тексте, от первой до последней строчки, чувствуете, как звучит глубокая искренняя вера в человека, вера в то, что не может быть прирожденной преступности, вера в лучшие человеческие качества, уверенность, которая теперь уже для нас составляет несомненную истину.

Эта вера в человека блестяще звучит у Горького, это то, что можно назвать оптимистической перспективой в подходе к человеку. Вот эта вера звучит в произведении Сейфуллиной гораздо сильнее, несравненно сильнее, чем во всех остальных книгах, посвя-

щенных правонарушителям.

Основные фигуры в рассказе Сейфуллиной – мальчик, который совершил разные правонарушения, и вторая фигура – педагог.

Следовательно, отвечая на вопрос, как автор подходит к материалу, как он расценивает педагогическую среду, мы должны сказать, что Сейфуллина стоит на наших позициях, она стоит на позициях глубокой веры и надежды в человека, на позициях оптимистического воспитания, на позициях, противоположных педологии.

Как же Сейфуллина рисует метод? Вот здесь уже не по своей, конечно, вине Сейфуллина говорит слабо. Метод она видит в совершенно неуловимых влияниях природы и труда. В то время, когда писалась книга, это звучало достаточно убедительно. Для нас это никак не звучит, потому что труд «вообще» не является воспитательным средством. Воспитательным средством является такой труд, который организован определенным образом, с определенной целью, который является частью всего воспитательного процесса.

Что же касается природы, то мы вообще можем сказать, что природа прекрасная вещь, что хорошая погода – лучше плохой, солнечный день – лучше дождливого, но что природа сама по себе есть какое-то особое, мощное средство, которое облагораживает или отвлекает человека от преступности, мы сказать не можем…...

Вот этот пантеизм[5] Сейфуллиной или Мартынова, конечно, не созвучен нашим советским педагогическим воззрениям.

Еще менее созвучна та картина личного творчества, которое приписывается Мартынову-педагогу. Между тем Сейфуллина хотела нарисовать фигуру педагога-мастера.

Что это за фигура? Первый раз Мартынов появляется на сцене, когда он приходит в отдел Наробраза, Гришка увидел его впервые...

«А в комнату бритый, долгоносый, с губами тонкими вошел. На голове, острой кверху, кепка приплюснута была на самые глаза. Ступал твердо. Точно каждым шлагом землю вдавливал. И башмаки, чисто лапы звериные, вытоптались. Как вошел, на стул плюхнулся. И стул тоже в пол вдавливался».

Вы видите чрезвычайно неуклюжего, несобранного и какого-то чудаковатого человека. Дальше это подтверждается:

«Глазки узкие щурил и тонкие губы кривил. Над всем смеялся. Как говорил, руки все тер ладонями одна о другую, ежился, ноги до колен руками разглаживал. Весь трепыхался. Смирно ни минуты не сидел. Каждый сустав у него точно ходу просил».

У мальчика Гришки совершенно справедливое впечатление. «...Обезьяну этакую в зверинце видим, похожа...» *(Читает.)* Дальше вы его увидите на каждом шагу кривляющегося, который имел в своем распоряжении единственное средство – вот это желание заинтересовать, рассмешить, удивить, но удивить только кривлянием, только дерганьем, трепыханьем,– словом, чем-то неестественным.

Ну что ж, может быть, в исключительных случаях такое педагогическое поведение и полезно. В некоторых случаях, очень редко, можно рекомендовать педагогу и некоторые «фокусы». Например, в прошлом году мой воспитанник Калабалин, ныне начальник Винницкой трудовой колонии НКВД, проделал такой фокус.

Группа беспризорных, присланных к нему из Винницы, не захотела оставаться в колонии, потому что там старые дома, бараки и т.д. Калабалина в то время в колонии не было, и ребята, недолго думая, двинулись по шоссе к городу. Воспитатели растерялись, не знают, как их вернуть. Ездили за ними на машине, а они не хотят возвращаться, да и только. Тут как раз в колонию вернулся Калабалин. Он немедленно сел на коня и поскакал вдогонку. Поравнявшись с беспризорными, спрыгивая с коня, он поскользнулся, упал и разыграл такую сцену:

«Ой, я поломався, мабуть я не встану, несіть мені в колонію».

Беспризорные видят, большой человек в беспомощном состоянии. Ребята небольшие, взвалили его на плечи и несут в колонию, с километр. Понесут, понесут – поменяются, кто несет, кто коня ведет – всем нашлась работа. Из простого сочувствия принесли в колонию, а сами в таком восторге, что спасли человека. Опустили на землю, а он встал на ноги и говорит:

«Вот спасибо, хлопцы, не хотелось идти пешком далеко».

Этим «фокусом» он расположил всех к себе, они сразу в него влюбились.

Такие отдельные фокусы разыгрывать можно, мы их в редчайших случаях рекомендуем. Это полезное дело. Мне самому приходилось сплошь и рядом разыгрывать такие

«фокусы»; но одно дело разыграть специально, и притом необходимо талантливо задумать и разыграть, а другое– постоянно кривляться. Такой педагог может занять ребят на час, на два, на день, а потом они не будут верить ему, перестанут любить его. Такому педагогу верить нельзя, а так как ни в чем другом творчество Мартынова не проявляется, а только в кривлянии, то, пожалуй, мы должны признать, что Сейфуллина изобразила это творчество неправильно, не так, как нам нужно. Во всяком случае, нашим педагогам рекомендовать именно такой способ поведения ни в коем случае нельзя.

Есть целая школа воспитанных мною педагогов, я им рекомендовал держать себя всегда с достоинством, искренне, весело, бодро, серьезно, но с большим торможением мускулов лица, с таким торможением, которое должно быть у каждого воспитателя.

Мы не можем обвинять Сейфуллину в том, что она исчерпала этим мастерство Мартынова, да, собственно говоря, в таком коротком рассказе она и не могла подать это творчество как следует. Но она говорит, что Гришка полюбил Мартынова.

О методе мы говорили. Нечего и говорить – этот рассказ Сейфуллиной, при его весьма симпатичной установке, пахнет несколько педологическим анархизмом. Это особенно проявляется под конец, когда говорится о том, что родители не нужны, родители – это барахло, природа – мать и т.д. Весь этот педологический анархизм ни к чему не нужен и никакого метода не показывает.

Несмотря на то, что рассказ Сейфуллиной удовлетворить нас не может, в свое время он сыграл огромную роль, произвел огромное впечатление. Но, к сожалению, она сильно повлияла на очень многих читателей, но меньше всего повлияла на работников Наробраза.

Следующая книга, которая составила эпоху художественной литературы о правонарушителях, – это «Республика Шкид»[6].

Тогда книга представлялась откровением. Когда я ее читал, то думал: «Вот здорово работают люди, куда мне до этой работы». А когда читаешь ее, и в особенности, когда готовишься перед таким серьезным собранием докладывать, то удивляешься, как можно было 10 лет назад считать книгу педагогически ценной. Она имеет огромную ценность как художественная литература, и то, что в ней изображено, конечно, верно, но как педагогический труд эта книга неудачна, причем даже причины самой неудачи можно вскрыть по книге.

Что в этой книге изображается? Школа им. Достоевского в Ленинграде для правонарушителей. Это только школа, причем двери в этом доме всегда на замке. В доме есть заведующий Виктор Николаевич Сорокин, Викниксор, как его зовут, и человек 100–120 нарушителей, которые ничего не делают, кроме своих занятий в школе. Они учатся, и это основной метод школы.

Что же можно ожидать от этой книги?

Давайте разберем книгу со стороны материала и со стороны результатов.

У Сейфуллиной никаких результатов нет, неизвестно, чем кончилась затея Мартынова, известно только, что Гриша полюбил Мартынова и стал хорошим человеком.

А тут что за материал? Правонарушители. Какие же это правонарушители? На с. 34 и 35 описана картинка, как ребята залезли в кладовку и покрали табак. Обычный случай в детдоме. Эти странные правонарушители украли табак, разделили между собой и запрятали. А потом табак нашел Викниксор, позвал ребят в кабинет, стукнул кулаком по столу, они испугались страшно и сказали, что взяли.

Эти правонарушители вначале совершенно ручные дети. Надо знать, в самом деле, какие правонарушения могут совершать ребята, если они разойдутся по-настоящему. Здесь материал показан довольно легкий вначале, а потом, на протяжении 300 страниц, ничего, собственно, не изображается, кроме различных проказ ребят, самых разнообразных. Причем проказы по своей моральной сущности становятся все хуже и хуже.

Можно вам перечислить главные преступления этих шкидовцев. Какие преступления? Прежде всего, развлечение убийством крыс. Крысы бегают по комнате, их убивают ногами. Дикая сцена, несимпатично характеризующая ребят.

Затем один из воспитанников – Слоенов, настоящий кулак, умеет так устраиваться в этом детском коллективе, что весь хлеб, почти вся пища переходит в его собственность и он держит в руках даже старшие классы. Все это терпят, и никто не может ничего против него сделать. Полное бессилие этих мальчиков против одного. Это говорит об отсутствии воспитательной работы, о полном отсутствии влияния педагога.

Затем идет так называемая буза, избиение педагогов. Имейте в виду, что в особенности в Ленинграде это было очень модно. Я знаю много детдомов ленинградских, в то вре-

мя почти каждый месяц происходили избиения. В один прекрасный день воспитанники хватались за палки, за кочерги, гнали педагога по всему зданию и били. Это была дополнительная педагогическая нагрузка. *(В зале смех.)*

И здесь это описано, бьют всех педагогов. Но педагоги терпят, кое-кто удирает. Описана кража картошки. Потом игра «Улигания», это значит «хулигания». Вся игра заключалась в том, что были организации, был почему-то совнарком и даже наркомбузы, и все это держало в руках школу. Били окна, бросали камни.

Так до конца книги идут очень занимательные приключения. А в конце книги такая строчка, что такая шкида хоть кого изменит, такая всесильная шкида, что всех изменит, но в книге никакого изменения нет и даже авторы книги выходят из школы не потому, что они закончили воспитание и приобрели какие-то черты характера, приобрели знания, квалификацию, а потому что они ставили спектакль, пропало два одеяла и им надо эти одеяла возвращать. Они уходят в жизнь, совершая воровское преступление. Следовательно, материал – это как будто нормальные люди, но настолько распустившиеся, что ничем другим, кроме весьма сомнительных игр и развлечений, не занимаются.

Метод и творчество.

Метод – запертые двери, карцер и школьная работа. Когда Викниксор вдруг пришел к выводу что необходимо трудовое воспитание, то он этот вывод оформил так: нужно их послать в какой-нибудь трудовой институт, находящийся за стенами школы. У него у самого никакого трудового воспитания нет, только школа. Лично у самого Викниксора никакого мастерства нет. Вообще эта фигура почти комическая, он строг, заводит летопись и отмечает положительные и отрицательные поступки и, в зависимости от количества их, назначает наказание. Авторитетом, даже уважением Викниксор не пользуется.

Каковы же результаты такого воспитания? Такой педагогический процесс, какой здесь изображен, может привести к чему угодно. На с. 134 мы уже видим результаты такого воспитания.

Изображается пожар. Целая толпа взрослых ребят увидела дым. Что эти ребята делают?

«Началась паника. Кто-то из малышей заплакал трусливо...» *(Читает.)* Ни один из воспитанников не бросился туда, а бросилась женщина. «Минут через 5 в дверь постучали.....» *(Читает.)* Женщина спасает забытого на пожаре мальчика. Чем кончилось дело? «Всех ребят перевели в дворецкую». А что за пожар, кто тушил пожар – неизвестно.

Такое воспитание нам не нужно. Я не могу себе представить, чтобы в моем детском коллективе во время пожара я бросился кого-нибудь спасать. Я должен сидеть в центре и спокойно разговаривать по телефону. Все сделают ребята – и спасут, и потушат, и придут доложить, что все кончено. Иначе в советском детском коллективе быть не может.

Эта стадная картина, наблюдение за тем, как девушка спасает, говорит о том, что такое воспитание неудачно.

Я вам напомню чрезвычайно тяжелый случай, бывший недавно под Калининым, в селе Давыдово: убийство учительницы одним учеником. В том, что ученик выстрелили в учительницу, нет ничего хитрого. Такие случаи личного болезненного припадка, случаи личного разложения под влиянием дурного окружения возможны. Это индивидуальный припадок, единичный случай, который меня не пугает. Но меня страшно поражает, я не могу понять, как это могло случиться, что 24 мальчика VII класса в панике убежали, увидев ружье в руках своего сверстника. Я не представляю себе таких мальчиков. Не могу понять, как их воспитывали и чего от них можно ожидать в дальнейшем. Этот случай напоминает картинку из «Республики Шкид», а картинка показывает, что воспитание там было поставлено плохо.

Из своей практики и из практики многочисленных моих товарищей в разных колониях я прекрасно знаю, что при пожаре, при несчастном случае, угрожающем коллективу или отдельному члену коллектива, тем более учителю – руководителю коллектива, на помощь бросаются все ребята, весь коллектив без размышления о том, что можно погибнуть, что будет неприятно. Только такой коллектив может быть назван настоящим, нашим, советским коллективом.

Вот эта картина пожара для меня является совершенно ясно показывающей отрицательный способ воспитания в практике «Республики Шкид».

Несмотря на то, что книга написана очень художественно, очень ярко рисуются все события в «Республике Шкид», самовоспитание, которое было там организовано, находи-

лось еще на низкой ступени развития, настолько низкой, что может явиться только отрицательным примером для наших педагогов и отрицательным толчком для наших школьников.

Есть еще одна книга, которую вы, вероятно, мало читали, это «Утро» Микитенко[7]. Написан только 1-й том, книга не окончена. Тут уже сказалось полное отсутствие эрудиции педагогической у автора. Чтобы долго не говорить, я вам прочту два места. Одно место из моей книги, не в качестве хорошего отрывка, а в качестве чисто технического, профессионального подхода. «Все время, сидя, морщил...» *(Читает.)*

Это один разговор, и другой разговор, который рисует Микитенко. Грибич, руководитель, разговаривает с приезжим педагогом. Она говорит, что не может больше работать, и подает заявление. «Грибич написал сбоку – категорически против...» *(Читает.)* Педологический кабинет, да еще в ужасном состоянии. *(Смех.)* Вот вам оружие.

Я как раз эту коммуну знаю и могу с уверенностью сказать, что такого разговора не было, ни хорошего, ни плохого. И никто такого оружия не искал. А просто политически неприлично, как это так? Педагогическое учреждение НКВД – и вдруг без педологического кабинета, надо завести.

Что же изобразил Микитенко? Ничего, кроме материала, но сырье подано шикарно. То есть тут не бандиты, тут архибандиты, то, что у нас беспризорные называют «бандюки», это в превосходной степени бандит.

Это, оказывается, упорный народ. Им дали хорошие спальни, они спальни испачкали, кровати поломали, одеяла порвали, простыни изодрали на маленькие клочки. Для чего такие бандиты! Они ушли гулять в лес и пока там гуляли, им положили все новое. Они вернулись и в знак протеста легли спать на полу. Вот какие, бандиты!

Этого мало. На другой день они то же самое сделали в столовой: побили посуду, котлеты не ели, а бросали в потолок, и эти котлеты прилипали к потолку. На другой день они разгромили мастерскую, притом сознательно. И один какой-то «кукла» говорит: «Испортит нас коммуна, смотрите, уже...» *(Читает.) (В зале смех.)*

Понимаете, с такими бандитами действительно ничего не сделаешь. А их преступления? Это какие-то джеки-потрошители, а не просто беспризорники. Миленько, на двух страницах рассказывается, как девушку, выдавшую одного из героев, они решили убить. Такая миленькая картинка! «Сказал я об этом ребятам...» *(Читает.)*

Мало вам? Можно больше. Оказывается, не убилась насмерть, пришлось помирать еще раз. «Приехала она после выздоровления в Запорожье...» *(Читает.)* Вот какие страшные бандиты!

И все, что здесь написано об этих людях, показывает главным образом, какие это прекрасные бандиты, какие замечательные преступники, какие оригинальные характеры! Вот до какого падения дошли люди! А во 2-м томе мы напишем, каких мы героев из них сделаем.

На самом деле материал не такой. Я имею наибольший стаж работы в Союзе с правонарушителями, через мои руки прошло несколько тысяч, и даю вам честное слово, я ни одного такого убийцы не видел. Может быть, убийство в драке, бывает убийство среди батрачков, бывало убийство в горячке, но у Микитенко нарушители такие блатные, таким идиотским блатным языком разговаривают, какого не встретишь на самом деле. В моей практике среди детей, прошедших через мои руки, не было таких убийств.

Мало того, товарищи, как это ни странно, в моей практике не было ни одного сифилитика, а сколько было рассказов о том, что половина из них сифилитики...

Вот это стремление нарисовать общество правонарушителей мрачными красками является самой отвратительной и дешевой формой безответного романтизма, не имеющего под собой никакого основания. Т. Микитенко бросил писать книгу, потому что действительно: что можно сделать из таких бандитов? А я прилучан хорошо знаю. Бывает, что человек шел по улице и подрался, бывает, что и финку для фасона носит, удостаивает известного внимания того, что плохо лежит. Но чтобы разорять свою собственную спальню – этого, я думаю, не бывает. Один, может быть, и захотел бы это сделать, но масса всегда настолько благоразумна, что ей хочется спать на хороших постелях, а уж тем более никогда не дойдет до того, чтобы котлеты бросать в потолок. Это уж совершенно невероятный поступок, котлету обязательно слопают. *(В зале смех.)*

На этом разрешите сделать перерыв с тем, чтобы потом остановиться на моей книге, которая, к сожалению, является самой большой из всех, какие написаны о беспризорных.

***

Я вас, вероятно, утомил подачей сухого педагогического материала, но что поделаешь, я должен остановиться на своем произведении. Не могу из ложной скромности кокетничать перед вами, но считаю, что в моей книге педагогическая проблема отражена наиболее полно, чем в других книгах. Это, конечно, понятно, потому что я сам работал в этой области, состарился на педагогическом поприще и, совершенно естественно, могу подойти к вопросу педагогически более тщательно, чем другие авторы. Но у них есть то преимущество, что они раньше писали, и в их книгах тема пролетарского гуманизма зазвучала раньше, чем у меня. Книга Сейфуллиной на меня произвела в свое время большое впечатление и заставила остановиться на многих вопросах. Точно так же очень талантливо написанная книга «Республика Шкид» понравилась мне своим бодрым тоном, а в работе с беспризорными очень трудно сохранить бодрость тона, без поддержки же таких книг, может быть, даже невозможно.

Что вам сказать о моей книге «Педагогическая поэма»? Если вы ее читали, то я мог бы ограничиться сказанным, считая, что я свое дело сделал, а вы, прочтя книгу, тоже сделали свое. Что я могу еще прибавить? Да как будто и ничего. В моей книге есть много недостатков, которые вы тоже, вероятно, знаете.

Главнейший недостаток – это мелькание лиц, много лиц, некоторые начаты и не докончены, воспитательный персонал описан совсем слабо. Почему? По случайной причине, но я вам скажу по секрету.

Я никогда не был удовлетворен работой воспитателей. Когда книга писалась, я уже работал без воспитателей. Они постепенно растерялись, а последний персонал в коммуне им. Дзержинского я снял в один день. Этот момент был для меня наиболее трагическим, так как я боялся, что провалился в пропасть без поддержки взрослых людей. Но спасибо комсомольцам-дзержинцам, они в течение 8 лет не только не гробили дело, но подняли его на большую высоту. И даже когда в 1931 г. коммуна на одну неделю увеличила свой состав со 150 до 350 человек, комсомольская организация и совет командиров настояли передо мной, чтобы и в этом тяжелом случае не было приглашено ни одного воспитателя.

Для меня эта тема чрезвычайно неприятна, потому что я не могу утверждать, что в детском учреждении не должно быть воспитателей. Я не могу встать на такую позицию, на которой стоят некоторые авторы и практические работники коммун и колоний, утверждающие, что ребята будут сами себя воспитывать, что воспитатели не нужны.

Это, конечно, неправильно. В детском коллективе должны быть авторитетные, культурные, работоспособные, хорошие взрослые люди, только тогда может повыситься культура детского коллектива. Откуда может привиться культура детскому обществу, если ей неоткуда взяться, если нет взрослого общества?

Воспитание в том и заключается, что наиболее взрослое поколение передает свой опыт, свою страсть, свои убеждения младшему поколению.

Именно в этом и заключается активная роль педагогов, представителем которых являюсь и я.

Но в коммуне им. Дзержинского было кем заменить воспитателей. Там была школа-десятилетка, было много инженеров, сильная партийная организация на заводе, словом, общество взрослых достаточно сильное, чтобы оказать влияние на ребят.

Вот именно поэтому я в своей книге отвел такую маленькую роль воспитательному персоналу.

Другой недостаток моей книги заключается в том, что пришлось говорить о постоянной грызне с Наркомпросом. Вас, вероятно, это тоже раздражало. *(Голоса: «Правильно!»)*

Критики уже отмечали эту сторону как несимпатичную. Но я должен сказать, что не мог обойтись без этого, потому что для меня это была книга моей борьбы, и, когда я писал, я меньше всего ощущал себя писателем, я был все-таки педагогом.

Почему же книга вышла в виде поэмы? Только потому, что иначе я писать не умею, как умел, так и написал. Но и в художественной форме отказаться от борьбы, от высказывания своих принципов я не мог. Возможно, что широкого читателя отдельные рассуждения о разных педагогических тонкостях могут утомлять, может быть, в художественном произведении этого не следовало делать. Это недостаток, который отмечают многие читатели.

Есть недостатки конструктивного характера. Многие меня обвиняли в том, что я не описал пребывание Горького в колонии. Я просто не решался со своим маленьким талан-

том описывать такую фигуру, как Горький, не хватило у меня смелости.

Намеревался я в своей книге сказать много, но сказано как будто меньше, чем хотелось. Что же я хотел сказать?

Во-первых, что даже те люди, которые считаются отбросами в капиталистическом обществе, у нас в Советском Союзе складываются в великолепные коллективы. Эти коллективы должны поражать своей красотой, потому что это новые, свободные трудовые человеческие коллективы.

Это первое.

Во-вторых, хотелось показать этого так называемого правонарушителя в том освещении, в каком я его сам видел, показать его как человека, прежде всего как хорошего человека, милого, простого. Я хотел вызвать симпатию к нему у общества, хотел, чтобы общество так же ему верило, как верил я.

Третье, чего я хотел добиться своей книгой: я хотел поставить ребром вопрос о стиле, о тоне советского воспитания. Я хотел настаивать на правильности формулы, которая существует у коммунаров-дзержинцев. Они утверждают, что человека нужно не лепить, а ковать, ковать – это значит хорошенько разогреть, а потом бить молотом. Не в прямом смысле, не по голове молотком, а создать такую цепь упражнений, цепь трудностей, которые надо преодолевать и благодаря которым выходит хороший человек[8].

Я многого добился главным образом благодаря работе чекистов, которые находились со мной, благодаря тому простору для педагогического творчества, который давали чекисты, а в колонии Горького благодаря завоеванной мною самостоятельности.

Наробразовцы меня немного боялись: сумасшедший человек – он что угодно может придумать! Они боялись и не трогали. На такой свободе многое удавалось сделать. Во всяком случае, когда у меня в коммуне случился пожар, то я не должен был вытаскивать кого-нибудь из огня. Однажды ночью в литейной, запертой на замок, вспыхнул пожар. Страсть коммунаров была так велика, что Алеша Землянский прыгнул в литейную через трубу, чтобы затушить этот пожар. Такое воспитание для меня в последние годы не составляло никакого труда, и не нужно было никаких особых изобретений.

Мальчишеский коллектив, поставленный в здоровые педагогические условия, может развиваться до совершенно непредвиденных высот. Это я говорю с полной ответственностью и легкостью, потому что в этом не моя заслуга, а заслуга Октябрьской революции.

Могущество воспитательного приема у нас, в Советском Союзе, неизмеримо, мы даже представить еще не можем, каким всесильным оно может быть, развиваясь дальше. Многие [педагогические] проблемы в моей практике разрешались даже для меня, человека, думающего в этой области, увлеченного этой работой, совершенно неожиданно.

Возьмите такой важный вопрос, как вопрос наказания, над которым теперь многие педагоги ломают головы, и не только педагоги, но и семьи.

У нас еще, вероятно, от Карамзина осталось русское интеллигентское прекраснодушие: как же так наказывать, ребенок – и вдруг наказывать! И у меня было такое отвращение к наказанию. Я начал свою работу с позорного дела, с преступления, настоящего преступления, которое карается 3 годами тюрьмы. Я начал работу с уголовного преступления, с наказания незаконного, вопиющего по своему отвратительному виду, оскорбительного и для того, кто наказывает, и для того, кого наказывают. Начал не потому, что в этом был убежден, а потому, что не мог затормозить свои страсти, свои стремления. С этого начинается «Педагогическая поэма».

За 17 лет работы в детском коллективе, в конце концов это был один коллектив – колония им. Горького, которая целиком перебежала в коммуну Дзержинского после моего перехода, – это один коллектив, с одними привычками, с одними фантазиями, – я изменил свой взгляд на наказание. К концу пребывания моего в коммуне им. Дзержинского наказание приняло совершенно иные формы. Вот здесь присутствуют дзержинцы, они чувствуют это на себе.

Воровство – то преступление, которое повергает в панику даже энергичного педагога. Что делать, когда мальчик украл? Когда в коллективе дзержинцев такой мальчик украл в первый раз, его вызывают на середину комнаты, где проводится общее собрание, и говорят, что он последний человек, что его надо выгнать, что с ним нечего считаться, но фактически его никогда не наказывают. Его хотят «убить», «казнить», но все прекрасно понимают, что никаких результатов этим не добьются, что наказание за воровство не приносит никаких результатов.

Чем ограничивались? Ограничивались тем, что говорили: ты украл, ты еще украдешь, раза два украдешь, а потом не будешь.

Он отвечал:

– Больше не буду.

– Что ж его наказывать, — говорят ему, — он ничего не понимает и украдет еще раз.

– Честное слово, нет.

– Нет, ты обязательно украдешь еще два раза.

И представьте себе, он обязательно крал еще раз, и ребята тогда ему говорили:

– Мы же тебе говорили, вот ты и украл, и еще раз украдешь.

И действительно, у человека складывалось глубочайшее убеждение, что он еще раз украдет, именно раз, а больше не сможет. Такое отношение к правонарушению детей может быть только в советском обществе, в советском воспитательном коллективе, уверенном в своих силах и в силах каждого человека.

Но зато, если коммунар, проживший в коммуне 3–4 года, командир, по сигналу на сбор командиров приходит с опозданием на 2 минуты, то тут уже никто не будет думать – наказывать или нет, обязательно накажут. Это не воровство, это хуже воровства. Опоздал на 2 минуты – это 2 наряда, это 2 часа работы – мыть уборную или еще что-нибудь другое. И тут никто не скажет, что вы делаете с мальчиком, пожалейте. Если бы наказали за воровство, то обязательно ребята сказали бы: что вы делаете с мальчиком, он же ничего не понимает, он же «сырой»!

Вы понимаете, вопрос о наказании решается по-новому, потому что по-новому ставится вопрос об ответственности. Тут ты «сырой», у тебя нет социального опыта, нет человеческого опыта, поэтому ты за себя отвечаешь в очень небольшой дозе, а здесь ты коммунар, тебя 27 командиров ждали 2 минуты, ты сознательно нарушил интересы коллектива, которые коллектив поручил тебе охранять, – ты должен быть наказан.

В этом наказании есть новая логика, и в наказании у дзержинцев вдруг стало звучать следующее. Не имеет никакого значения, что именно, какая нагрузка дается в наказание, а имеет значение символ, что такой-то человек наказан, что он находится «под арестом» на 10 минут в кабинете заведующего.

А что это за арест? Приходит наказанный в мой кабинет, берет книгу, садится на мягкий диван и спрашивает: «Антон Семенович, вы не знаете, завтра будет что-нибудь вечером в клубе или нет?» Потом 10 минут прошло, отбыл арест.

Какое это наказание? Однако попробуй наложить арест неправильно. Поднимутся протесты – не виноват. Символ осуждения коллективом составляет очень существенный момент. В самом наказании можно найти элементы особой чести.

У дзержинцев это понятие о чести в лучшем его значении сделалось в последние годы важнейшим моментом воспитания.

Например, человек, проживший в коммуне больше 4 месяцев, завоевавший доверие коллектива, получает звание коммунара, а до этого он называется воспитанником. Среди его привилегий есть такая: ему обязаны верить на слово. Если коммунар сказал: я там был, то никто не имеет права проверить, был он или не был. Эта привилегия может проистекать из убежденности в честности всего коллектива.

Если дежурный командир или просто дежурный мальчик, дежурный член санкома, а туда выбираются «чистюльки», и у санкома диктаторская власть, если кто-нибудь из них в частном разговоре сказал мне: вот, Антон Семенович, в такой-то спальне сегодня грязновато, то можно возразить: нет, у нас чисто. Но если вечером в официальном рапорте дежурный поднимет руку и скажет, что в 15-й спальне грязно, то проверять нельзя, здесь уже он ошибиться не может.

Уверенность, что в известном положении человек не может сказать неправду, делает то, что никто неправды не говорит.

Это и есть советская педагогика, основанная, с одной стороны, на безграничном доверии к человеку, а с другой стороны, на бесконечном к нему требовании. Соединение огромного доверия с огромным требованием и есть стиль нашего воспитания. На этом построена вся общественная жизнь Советского Союза. Это дает колоссальные результаты.

В коммуне им. Дзержинского и в колонии им. Горького в последние годы этот стиль являлся характерной чертой. Он не был моим изобретением, это естественная находка коллектива, и только потому, что коллектив этот не «коллектив» батраков, не «коллектив» заводов Форда, это советский коллектив, коллектив людей, живущих в свободном госу-

дарстве, и только тут возможен такой стиль работы.

Этот стиль я и хотел как-нибудь передать в «Педагогической поэме», чтобы заразить им не только педагогов, но и молодежь и вообще читателей.

К сожалению, я не решался еще описать опыт коммуны им. Дзержинского, тоже восьмилетний опыт, а нужно было бы. Почему? Потому что там уже можно формулировать и аксиомы, и теоремы советского воспитания, формулировать точно и открыто доказывать. Надеюсь, что со временем это удастся сделать, тем более теперь, потому что это не только моя работа, а работа многих людей, и в особенности чекистов Украины.

Вот что я хотел сказать о своей книге, больше прибавить что-нибудь сейчас, пожалуй, не могу.

Но если вы не устали, товарищи, то я остановлюсь еще на одном общем вопросе. Я имею в виду вопрос, который я ставил в самом начале, – о том, что наша советская педагогика должна отправляться от политических целей, а в нашем представлении это значит от того, каким должен быть новый человек.

«Педагогическая поэма» открывается разговором с завгубнаробразом, где сразу ставится вопрос о новом человеке, о том, что все надо делать по-новому.

А что же такое новый человек? Мало сказать – новый, надо его знать в подробностях, и вот это в моей книге, вероятно, показано слабо. А между тем я прекрасно знаю, что надо делать, я это делаю на живых людях, я это вижу в моем представлении, а в книге показать не сумел. Это потому, что я увлекся главной целью – показать прекрасный коллектив. В будущей книге я должен показать образец воспитания, образец, к которому мы должны стремиться как к нашей педагогической политической цели.

Три дня назад я получил письмо от бывшего своего воспитанника, которое меня очень растрогало, несмотря на то, что я обычно растрагиваюсь с трудом. Он пишет, что за один свой подвиг, сущность которого он в письме рассказать не может, но который заключался в том, что он не дрогнул перед смертью, за этот подвиг он получил орден. Он мне об этом сообщает и благодарит. Говорит просто: «Спасибо вам за то, что научили нас не бояться смерти».

Тут для меня проглянуло лицо нового человека в простом выражении. Научить не бояться смерти – до такой проблемы не может подняться буржуазное общество. Там может быть случай, что человек не боится смерти, а когда человек благодарит за то, что его научили, – это тема советская. При старом режиме такое качество рассматривалось как данное человеку от рождения. Вот я родился храбрым, это мне присуще. А этот юноша утверждает, что его этому научили.

Может быть, он от природы храбрый человек, но уверенность в том, что это достоинство, которому его научили, благодарность за это – все это качество нашего нового, социалистического общества. Когда он пишет: вы меня научили, то он не меня лично благодарит, а Советскую власть, коллектив дзержинцев, которые ему это свойство дали.

Я убежден, что если в будущем кто-нибудь даст в литературе образ идеального человека, то и работа всех нас, педагогов, будет значительно облегчена.

Я, товарищи, считаю, что о моей книге говорить довольно, тут есть вопросы, на которые нужно ответить.

Ответы на вопросы

Товарищей интересует судьба моих героев.

Я в книге об этом написал. Мне трудно отвечать на этот вопрос, потому что героев очень много, сколько же времени я займу для того, чтобы их перечислить? О Карабанове я вам говорил. Ужикова я оставил в колонии им. Горького, и куда он девался, я сказать не могу. С Лаптем произошла печальная история, о ней я расскажу.

По-моему, и в книге видно, что это очень некрасивый человек. И вот он женился на писаной красавице, в чем и состояла причина его трагедии. Она ему, конечно, изменила, а он, конечно, устроил из этого личную трагедию, бросил институт, не кончил высшего учебного заведения и пошел работать в какой-то жилкооп. Были постоянные драмы с женой. Мы узнали три года назад, что он пьет и страдает. У меня был устроен «консилиум»: приехал ко мне Карабанов, приехал Вершнев, и мы в общем заседании решили, что делать с Лаптем. Вершнев поехал к нему в Полтаву и сказал: «По распоряжению Антона Семеновича отправляйся к Карабанову работать, он тебя возьмет». Тот подчинился, поехал к Карабанову и работает завхозом. В прошлом году я был там и видел, что пить он перестал.

Работает хорошо, но меня неприятно поразила в нем живая еще память об этой женщине. Я не мог себе представить, чтобы в одной женщине заключалось столько отравляющих веществ. А это была настоящая отрава на всю жизнь, и, конечно, помочь тут уговорами нельзя. Карабанов – большой мастер на такие разговоры, он доказывал, что у него две руки, и такие же две ноги, а также два уха, но ничего не помогло. И я боюсь, что еще пройдет несколько лет, пока эта женщина из Лаптя выветрится. А жаль, потому что это был огневой талант, это был огневой юмор, человек необычайной коллективности. Очень жаль, что случайная встреча повлияла на него так. Но это произошло именно благодаря его страсти, искренности чувства, преданности какой-то безоглядной. Это его и скрутило.

Братченко работает ветеринарным врачом в кавалерийском полку в Новочеркасске. Он не изменяет лошадям.

В нескольких записках у меня спрашивают мнение о фильме «Путевка в жизнь».

«Путевка в жизнь» – страшная вещь. В этом году моя книга была переведена на английский язык, издавало ее одно буржуазное издательство в Лондоне. Оно мне поставило условием, что издаст книгу только под названием «Путевка в жизнь». Они сказали: «Иначе мы не можем, потому что, если будет заглавие «Путевка в жизнь» – у нас книгу раскупят, а если другое название, то кто ее знает. И как я ни вертелся, так ее и издали.

Я получил несколько отзывов английских газет, и все они почти написаны так: кто видел «Путевку в жизнь» и перечувствовал то глубокое переживание, которое она вызывает, тот должен прочесть «Педагогическую поэму» – она дополняет «Путевку в жизнь».

Так избавиться от «Путевки в жизнь» я и не мог, а между тем ничего общего между «Путевкой в жизнь» и «Педагогической поэмой» нет[9], объединяют советские принципы отношения к человеку, а методы воспитания в этих произведениях разные. Я не могу признать уместным разрешать такой важнейший вопрос, как вопрос воспитания, при помощи двух-трех фокусов с ложкой и т.п.

Но ведь это все-таки кинофильм, и в свое время он имел огромное значение. Да в кинофильме и нельзя было показать педагогической проблемы, а тот же пролетарский гуманизм, та же вера в человека, та же страсть, какая есть у всех нас, там показаны.

Конечно, когда «Путевку в жизнь» смотрели коммунары-дзержинцы, они только улыбались, потому что приятно поют песенку беспризорные, приятно вспомнить, что и сами певали ее, но когда лучший герой вдруг становится кондуктором, то у коммунаров разочарование: стоило ли из-за этого картину пускать, вот если бы летчиком! И это верно!

В картине много и неудачного, и смерть Мустафы не нужна никому, ни в чем она не убеждает, и воровская «малина», и игрушечный поезд – все это окрашивает картину в искусственный цвет, но основной тон все-таки взят правильно.

Сейчас я пишу сценарий[10]. Хочется взять для картины совсем новую тему. Я считаю, что довольно показывать героику пройденного уже нами в педагогике пути. Не Мартыновых надо показывать – романтизм борьбы человека с беспризорностью кончен. Есть уже прекрасные готовые коллективы, где по неделям не приходится делать ни одного замечания. Надо показывать готовый советский коллектив, где это «сырье» переваривается незаметно для глаза.

Я расскажу вам об одном из пополнений коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Нам сказали: надо взять сегодня 30 человек с поездов. Раз надо,– следовательно, выполняй.

На вокзал командируется 5 человек: командир Алеша Землянский – Робеспьер, в коммуне его называли Робеспьером за то, что он за каждый проступок требовал выгнать из коммуны. Или выгнать, или никакого наказания. Едем: Робеспьер, я и еще 2–3 коммунара. На вокзале знакомимся с дежурным и говорим: «Дайте нам комнату, мы сегодня собираем пополнение в коммуну».

«Пожалуйста, вот вам комната».

Подходит один поезд, другой, третий, четвертый. Поездов много. Эта тройка заглядывает под вагоны, залезает на крыши и приглашает следовать за собой. Кого за ногу вытащили, кому просто сказали. Действуют без лишних нежностей. Вводят всех в комнату. У дверей комнаты становится часовой. Собирается 30 человек. Страшно возмущены:

– Кто вы такие, какое ваше дело, что вам надо?

В комнате всего 3 человека против этих 30. Преимущество то, что трое организованны, а 30 – нет. После этого начинается митинг. Митинг самый простой:

– Товарищи, вы тут шатаетесь, по поездам ездите, а у нас рабочих рук не хватает. Куда это годится? Нам рабочие руки нужны. Будьте добры, помогите нам работать.

– А что там такое?

– Завод строим, не хватает рабочих рук.

– Посмотрим...

– Да чего смотреть, решайте сейчас, у нас оркестр, кино, спектакли.

Начинают интересоваться, тогда им говорят:

– Вот вам Алеша, он остается вашим командиром, вот деньги на ужин, без разрешения Алеши никуда не уходить, часового снимаем. Если командир разрешит выйти на 5 минут, выйдешь и через 5 минут не вернешься, лучше совсем не приходи. А мы завтра придем за вами.

Завтра приезжает грузовик и привозит ботинки. Просто неприлично идти по улице без ботинок. Все остальное привезти нельзя, надо их обмыть, остричь и т.д. Они надевают ботинки. Одежда их обычно не застегнута, без пуговиц, кое-как держится на плечах. Тут Алеша строит их в комнате по 6 человек в ряд, 5 рядов, командует – равняйся, держите интервал.

– В ногу умеете ходить?

– Пойдем.

Из комнаты Алеша их не пускает. Настроение ироническое: что такое, ботинки привезли, какие-то 5 рядов по шести, какой-то командир!

А в этот момент к вокзалу подходит коммуна – 500 человек в парадной форме. Это значит – белый воротник, золотая тюбетейка, галифе, словом, полный парад. Строй у них очаровательный, свободный, физкультурный, повзводно, оркестр в 60 человек, серебряные трубы и знамена.

Подошли, выстроились в одну линию, заняли всю вокзальную площадь, расчистили интервал для нового взвода.

– Алеша, выводи!

Вы представляете себе, пол-Харькова на этом вокзале, никто не понимает, в чем дело, почему парад, все серьезны, никто не улыбается.

Выходит Алеша со своим собственным взводом. Команда: «Смирно! Равнение налево!» Салют. Что такое? Коммунары салютуют своим новым членам.

Взвод проходит по всему фронту, все держат руку в салюте, поворачивают головы, оркестр гремит в честь нового пополнения...

У публики нервный шок, слезы, а для беспризорных – это все равно, что хорошая «педагогическая оглобля» по голове. Такая встреча! После этого справа по шести марш, через весь город. Оркестр, знаменщики, особый взвод, все в белых воротниках, мальчики, потом девочки, а в середине – этот новый взвод. Идут серьезно, видят, что дело серьезное.

Без всяких преувеличений – на тротуарах рыдают женщины. Так и надо, надо потрясти.

Приходят в коммуну, баня, парикмахер – на это час. Через час это общий взвод, они уже входят в общую семью. Попробуйте любого беспризорного остричь, помыть, одеть в парадную форму с вензелем, начищенные ботинки, галифе – и он войдет в общий строй.

И последний акт – это сжигание остатков прошлого[11]. Одежду поливают керосином и поджигают. Приходит дворник, все это выметает, а я говорю: «Вот этот пепел – это все, что осталось от вашей прежней жизни». Прекрасное зрелище, без всякой помпы, а уже с шутками, со смехом.

А вечером, посмотрите на них, какие они нежные, осторожные, вежливые, как боятся кого-нибудь зацепить, с каким они удивлением глазеют на всех коммунаров, и на меня, и на девочек, и на педагогов, – словом, на все.

У этих 30 все будет в порядке. Один какой-нибудь выскочит, что-нибудь проявится, какая-нибудь привычка, его выведут на общее собрание, и обязательно Робеспьер скажет:

– Выгнать!

Он еще раз переболеет душой, и этим кончится. Что он может сделать?

Вы видите, как незаметно для глаза вся эта страшная трагедия, начавшаяся мордобоем, сейчас разрешается почти без всякого усилия.

Тут спрашивают: *есть ли колонии для детей безнадзорных, у которых есть родители, но они заняты работой?*

Такие колонии разрешены уже постановлением ЦК партии от 1935 г., но я ни одной не знаю. Сам мечтаю как о лучшем конце моей жизни заведовать такой колонией.

Дело в том, что безнадзорные родительские дети гораздо труднее. Вот в последние

три месяца мне поручили организовать новую колонию под Киевом, привезли ко мне исключительно таких семейных детей, родители которых большей частью либо зажиточные [люди], либо ответственные работники[12]. Мое положение было очень тяжелым; когда ко мне привозили 15–20 человек беспризорных, было гораздо проще. А тут привозили из тюрьмы 15 человек, конвой подавал истрепанную бумажку и говорил:

– Расписывайтесь.

Я расписывался и ужасался, потому что конвой снимал штыки с винтовок и уезжал, а эти 15 вновь прибывших пацанов и я оставались друг против друга. Беспризорные у меня в руках, им больше некуда ехать, а этот говорит:

– Я не хочу тут жить, тут плохо кормят, у папы лучше, у папы можно украсть 2 рубля на кино, а тут взять негде.

И, кроме того, они избалованы, это почти всегда единственные сыновья. Я надеюсь, что когда-нибудь будет издан такой декрет: у кого родился сын, а через 3 года не родился второй – штраф.

Мне задают такой вопрос: *сколько нужно, по-вашему, времени, чтобы раз и навсегда уже из беспризорного воспитать настоящего человека?*

Тут решает начальная стадия. Если вы берете мальчика 8 лет, то нельзя быть уверенным, что он совсем воспитан, пока ему не будет 18 лет. Самый лучший мальчик, вытолкнутый в жизнь очень рано, может свихнуться. Для того чтобы ответить, необходимо прежде всего знать лета, затем колоссальное значение имеет образование. Если бывший беспризорный окончил полную среднюю школу, это хорошая гарантия от рецидивов. У малограмотных иногда рецидивы бывают.

Где я теперь работаю и как реагировали на «Педагогическую поэму» мои воспитанники, увидя свои портреты?

Я болен, у меня переутомлены нервы, и мне врачи предложили годок не работать. Поэтому я сижу в Москве, ничего не делаю и пишу книгу.

Герои «Педагогической поэмы» никак не реагировали. У них такой критерий: если написана правда, значит, хорошо. Так как написана правда, то они решили, что это хорошая книга, – и все. Причем каждый из них глубоко убежден, что если бы он сел писать, то написал бы такую же книгу. Следовательно, особого преклонения у них предо мной на этот счет не было. Это хорошо.

Тут спрашивают относительно книги Шишкова «Странники». О воспитании там мало говорится, а что касается беспризорных, то эта часть там изображена неверно.

Тут написано: «Дзержинцы считают, что летчики важнее кондукторов, верно ли это?»

Во-первых, не только дзержинцы так думают; а во-вторых, не в важности дела. Дело в том, что у летчиков есть столько притягательных сторон, сколько у кондукторов никогда не будет. Во-первых, металл, машина, бензин; во-вторых, высота, воздух; в-третьих, опасность; в-четвертых, красивая форма; в-пятых, общий букет советских летчиков – «сталинских соколов». Это даже и взрослого человека может увлечь. Советский летчик Арктики, сколько славных имен, сколько героев – орденоносцев, что же вы хотите, чтобы мальчика это не привлекало? Кондуктор может прекрасно работать, но все-таки неплохо, если мальчик помечтает в юности о том, что он станет летчиком, может быть, на самом деле он будет прекрасным кондуктором.

В чем заключалась борьба с детской беспризорностью в дореволюционное время?

До революции у безнадзорного была одна дорога – в «мальчики». Я вышел из той социальной среды, в которой большинство моих товарищей уходили в «мальчики» – кто к сапожнику-кустарю, кто к жестянщику, маляру и т.п. Почему уходили они в «мальчики», а не на улицу? Потому что иная позиция была мальчика в то время и в семье, и вне семьи. Теперь мальчик свободен, он чувствует себя гражданином, он настолько доверяет всей нашей жизни, что прется куда попало. Он действительно нигде не пропадет.

Я очень хорошо знаю теперешних мальчиков, которые не уживаются в детских домах. Что они делают? Обычно передвигаются: Одесса, Винница, Полтава, Киев, Харьков, опять Одесса и т.д. Они бродят, воруют и смотрят, где лучше. В этих поисках у них очень много возможностей.

До последнего постановления партии о ликвидации беспризорности беспризорники плохо относились к милиционерам. За последние 2 года это отношение резко изменилось. Если мальчик удрал из детдома, он прямо заявляет милиционеру, что он ушел. Какой рас-

чет? Может быть, в другом детдоме будет лучше. Не понравилось в Киеве, поехал в Харьков, может быть, там лучше? Эта типичная беспризорность, теперь ликвидированная, была страшна не столько числом, сколько движением. Один и тот же беспризорный очень быстро оборачивался по разным городам, а фактически это было немногочисленное войско.

Когда мы принялись за выполнение постановления партии о ликвидации беспризорности, мы боялись: сколько их, тысячи, десятки тысяч? А когда мы их взяли в руки, когда мы их пересчитали, переписали, карточки на каждого завели, то их оказалось немного: у нас в Киеве была картотека с портретами всего этого общества, и мы прекрасно их знаем. Скажем, Павел был сначала в Днепропетровске, потом в Одессе, потом в Харьков и т.д. Мы знаем каждого, кто проходит через наши руки, и делаем все возможное, чтобы он осел, нашел для себя место. Как только ему понравится – помещение ли, управляющий, товарищи, – так он и осядет. Осядет такой Павел, живет-живет месяц, а ему и говорят: ты инструктора оскорбил, мы тебя в другую колонию переведем. И вот, если он упадет на колени и начнет кричать, что больше не будет, конечно: значит, наш.

До революции у таких мальчиков никаких перспектив не было, они работали с утра до вечера, бегали за водкой и знали, что податься им некуда. А теперешний беспризорник – куда хочешь: в инженеры – пожалуйста, в летчики – пожалуйста.

Вот и здесь сейчас сидит один бывший коммунар, он теперь будет летчиком. Когда он пришел в коммуну, я думал, что с таким характером, как у него, то ли выйдет, то ли нет. А теперь он поступает в летную школу. И это очень хорошо, что он туда идет, потому, что он мастерски делает «мертвые петли» и в буквальном смысле, и в переносном. В свое время он тоже долго искал по свету и наконец осел в коммуне.

Какую я получил награду за свою работу?

Во-первых, я получал жалованье, а во-вторых, золотые часы с надписью от коллегии НКВД[13].

Женаты ли вы?

Вопрос такой, от которого краснеть не приходится. Представьте себе, в колонии Горького мне ребята жениться не позволяли. Как только увидят с какой-нибудь женщиной рядом, так и надулись: что же вы, Антон Семенович, мы, конечно, для вас ничего. Поэтому до 40 лет мне было просто некогда жениться, а сейчас – женат, и гораздо более счастливо, чем Лапоть.

Какие наказания я считаю возможным применять в массовой школе?

Я не имею права отвечать на такой вопрос, потому что я скажу вам что-нибудь, а вы потом своему начальству бухнете, и меня обвинят, что я ратую за наказания.

Если бы школа была у меня в руках, то я бы никаких мер наказания не применял, кроме двух: выговор и увольнение из школы. Надо только сделать так, чтобы не директор увольнял, а коллектив, тогда другое дело.

Поэтому говорить о наказании я не могу, не говоря вообще о детском коллективе. Увольнять должен коллектив. А уж если провинившийся просит простить – простите, больше не буду, то отмена решения исключить производит большое впечатление. Никаких других наказаний я себе представить в массовой школе не могу.

Дает ли положительные результаты отправка беспризорных в колхозы?

Дает, но если это сельские дети, а не городские, а во-вторых, если в колхозах им уделяют хотя бы маленькое внимание: дают хорошую квартиру, хорошую бригаду, купают своевременно, одевают и т.д. В таких случаях дает большие результаты. Если же в колхозы посылают городских детей, и тем более там, где колхозники относятся враждебно или небрежно, никаких результатов нет.

Каково ваше мнение о книге «Болшевцы»?

Я не имел в виду говорить о ней, потому что там не дети и совершенно другие задачи воспитания.

Много ли в коммуне девочек и как складывались их отношения с мальчиками?

Вопрос действительно серьезный. Примерно в 1930 г. в коммуне пошла страшная мода на любовь. Об этом и в газете писали, и карикатуры рисовали, и вызывали на общие собрания. Сначала все были поражены такому развитию любви. Страшно против этого были настроены малыши. Если они увидят какого-нибудь взрослого в саду вдвоем, тем более [в] один вечер парочку, да [в] другой вечер, то обязательно поднимут на общем собрании вопрос: а пусть-ка скажет Иванов общему собранию, какие у него секреты с Верой.

Иванов выходит и говорит:

– Какие секреты, геометрию ей объяснял.

– Геометрию? А почему же в темном углу?

Сначала покраснеет человек, а потом доводят его до того, что никакого спасения. Сначала говорили: пусть скажет Кирилл, почему он все время с Варей. И Кирилл молчал. А потом вышел, покраснел, а в это время какой-то тоненький голосок пропищал:

– Да он влюблен.

Тогда поручили Антону Семеновичу выяснить, влюблен или нет. Я выяснил и доложил:

– Влюблен. (В зале смех.)

Решили женить. Выдали гардероб, шкаф, машинку [швейную], квартиру, это стоило страшных денег, и женили их.

А потом – раз все так кончилось, всякая другая любовь пошла быстро и энергично. Я очень испугался. Думаю: чем это кончится, молодежи в 18 лет жениться рано, что это за женитьба, а потом – откуда я наберу денег? Тем не менее я пошел на самое отчаянное средство, и, представьте себе, оно помогло. Как только увижу парочку – женитесь. Вот вам квартира, машинка – и кончено.

Представьте себе, это произвело страшное впечатление. Парень думает: неужели уже жениться, да что ж это такое, куда мы идем, погибаем! Ведь в каждой семье сразу появились отрицательные черты: нужно жить на свой заработок, на свой бюджет, а не на коммунарский, надо рассчитывать деньги, а потом в 19 лет уже пеленки – небольшое счастье. И вы знаете, как рукой сняло! Только увидишь парочку: ты, что, жениться хочешь? Начинает отговариваться: да нет, мы случайно встретились. И последние 3 года почти не было браков. Публика увидела, что женитьба – очень серьезное и имеющее всякие последствия дело, в том числе и отрицательные последствия. Стали относиться к браку серьезнее.

А так, чтобы разврата какого-нибудь, в коммуне никогда не было. Просто вот не было. Может быть, и был, но я об этом не знаю.

Не следует ли из хулиганов создавать отдельные группы и вести с ними работу?

Я бы хулиганов не выделял, это очень опасная вещь. Если у вас есть очень сильный педагог, то он может заняться с этой группой, но самое лучшее воздействие – это воздействие коллектива.

Здесь спрашивают, какова судьба Веры и Наташи?

Вера вышла замуж, и в ее жизни произошла интересная история. В один прекрасный день она заявила совету командиров коммуны [им.] Дзержинского, что ее ударил муж. Совет командиров постановил развести. Решили: его выгнать с должности, которую он занимал тогда в коммуне, сына числить в коллективе, с уплатой ему из фонда совета командиров пенсии в размере 100 рублей в месяц до достижения 8 лет, а после 8 лет считать членом коммуны.

Этот муж принужден был уйти, поехал он в Сочи, а в Сочи работали шоферами два старших воспитанника колонии им. Горького. Они узнали эту историю и сказали ему:

– Ты из Сочи уезжай. Мы тебе здесь не позволим оставаться. Как ты мог ударить Веру и приехать сюда, какое нахальство!

Он ездил так, ездил и приехал в коммуну, и к Вере, на коленях – прости.

Женщина добрая, а возможно, тут и любовь, и сын, она в совет командиров:

– Я его прощаю.

– Что ты нам голову морочишь, он тебя ударил, и его прощать?

Пускай уезжает.

Он пришел сам в совет командиров, буквально земно поклонился и говорит:

– Никогда в жизни не трону.

Простили, восстановили на работе, стипендию ребенку отменили, семья сладилась. Пока живут благополучно и работают.

От Наташи вчера получил письмо, кончает Одесский медицинский институт и просит меня помочь ей. Пишет, что ее оставляют в Одесской области, а она хочет на Дальний Восток, как бы это устроить? Я, может быть, ей помогу[14].

Тут спрашивают насчет пионерорганизации.

В этом отношении у нас всегда было сложно. Ребята 12–13 лет, а интересы уже другие. В 13 лет он токарь 4-го разряда, и, конечно, возражение: какой же я пионер, если я токарь 4-го разряда? А был такой малыш Лапотенко Гриша, он управлял группой фрезер-

ных станков и всегда говорил: какой же я пионер, я хочу быть комсомольцем! Вот он и ждет своего времени. Из коммуны [им.] Дзержинского обязательно выходят комсомольцы. Но пионеры есть, и в последнее время они наладили свою работу.

Что касается моего опыта в массовой школе, то я считаю единственным способом передачи этого опыта только свою собственную работу в массовой школе. Или моих учеников. Методику я не пишу, а коротко не расскажешь.

Спрашивают о Калине Ивановиче[15].

Представьте себе, мне сказали, что он умер. Я поверил, а в прошлом году получил вдруг от него письмо, где написано: «Я прочел твою книгу, и так как ты обо мне пишешь очень хорошо, то похлопочи, чтобы мне дали персональную пенсию». Я хлопотал, но эти хлопоты не увенчались успехом, хоть ему и прибавили 75 рублей.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 7, с. 26–50. Стенограмма лекции (машинопись, с правкой Г.С. Макаренко), прочитанной по поручению лекционно-экскурсионного бюро Московского облсовета профессиональных союзов в Большой аудитории Государственного политехнического музея в Москве 21 апреля 1937 г. Текст см. также: Рукописный отдел Института мировой литературы им. М. Горького Росс. АН, ф. 114, оп. 1, д. №2. Афиша лекции: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 433.

В данной публикации заголовок текста уточнен в соответствии с его содержанием. А.С. Макаренко обошел тему безнадзорных детей, хотя она в афише обозначена главной.

Он не говорит и о беспризорности, обращается к проблеме «так называемых [несовершеннолетних] правонарушителей». В ее решении очень четко проявилась «наша основная позиция по отношению вообще к человеку», диаметрально противоположная «обществу буржуазному и нашему дореволюционному».

Таким образом он подходит к объяснению основы основ своей педагогики, ее «доктрины», в противопоставлении с педологией. Положив это в основу лекции, он анализирует три наиболее значимых художественных произведения о воспитании несовершеннолетних правонарушителей. Он показывает, как несовершенна педагогика, отраженная в этих произведениях, хотя она и несет в себе много нового.

А.С. Макаренко заостряет внимание на роли художественной литературы, искусства в разработке «педагогики жизни», оставляя здесь в стороне их эстетическую функцию. Он говорит о своей борьбе за «демократическое, настоящее воспитание детей». В художественной литературе он прежде всего педагог, утверждающий, что «соединение огромного доверия с огромным требованием» – это особенность нашей жизни, ею определяется «стиль нашего воспитания», его «логика» целесообразности и могущество.

Обращаясь к изображенной в художественной литературе педагогике, А.С. Макаренко выделяет 3 основополагающие проблемы: «материал» воспитания (общее представление о воспитаннике); «метод

организации детства и лицо педагога»; характеристика результатов воспитания.

Как педагогические афоризмы, актуально звучат макаренковские положения: «нет проблемы воспитания правонарушителей, есть проблема воспитания вообще»; утверждается «оптимистическая перспектива в подходе к человеку»; нужна «активная педагогика, создающая личность», «целеустремленная»; педология «затягивает много умов, когда формально уже не существует».

[1] *Ломброзо Ч.* **– итальянский судебный психиатр, криминалист и антрополог (2-я пол. XIX в.), основоположник теории «прирожденной преступности».**

[2] **А.С. Макаренко выступает против представления идеала «гармонически развитой» личности в отрыве от актуальных педагогических задач современности и ближайшего будущего.**

[3] **См.: А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 3, с. 442–444, а также 390.**

[4] **Рассказ «Правонарушители»** *Л.Н. Сейфуллиной* **вышел отдельным изданием в 1922 г. (г. Новониколаевск, Сибирская обл. изд-во).**

[5] **Философское учение, отождествляющее Бога с природой, как бы «растворяющее» его в природе.**

[6] **Повесть** *Г. Белых* **и** *Л. Пантелеева* **«Республика ШКИД» вышла в 1927 г. Макаренковская критическая оценка ее во многом совпадает с критикой этой книги Н.К. Крупской (На путях новой школы, 1927, №4) и с негативным отзывом Института методов школьной работы (там же, №5); см. также предисловие** *С. Маршака* **к изданию «Республика ШКИД» (Л., 1965).**

В.Н. Сорока-Росинский **отстранен от заведования школой-коммуной им. Ф.М. Достоевского в 1925 г., после ее разгрома учениками. Этот ее финал описали** *П. Ольховский* ***и*** *К. Евстратов* **в книге «Последняя гимназия» (изд. 1930 г.). Будучи по существу «школой учебы», педагогическое учреждение В.Н. Сороки-Росинского не выдержало проверку действительно «трудными» подростками.**

[7] **Говорится о книге** *И.К. Микитенко* **«Утро» (укр. яз. – Ранок), художественно изображающей жизнь Прилукской трудовой коммуны НКВД УССР им. В.А. Балицкого. Колония предназначалась для старших подростков и молодежи, осужденной на небольшие сроки, поддерживала шефские связи с макаренковской коммуной им. Ф.Э. Дзержинского.**

[8] **Подчеркивается направленность макаренковской педагогики на воспитание воли, характера, созидательно-творческих способностей человека.**

[9] Далее, конец этой фразы привнесен редакцией при первой публикации, что в сущности соответствует сказанному А.С. Макаренко здесь далее: об общей «вере в человека».

[10] О работе над «сценарием» и «книгой» см. тексты далее.

[11] Художественное описание этой ритуальной «огневой церемонии»: Пед. соч.: в 8 т., т. 6, с. 101.

[12] Говорится о Броварской колонии, ее большом пополнении.

[13] Имеется в виду награда, полученная от НКВД УССР во время празднования 5-летия коммуны им. Ф.Э. Дзержинского в декабре 1932 г.

[14] Говорится о прототипах персонажей «Педагогической поэмы» *Вере Березовской* ***и*** *Наташе Петренко.*

[15] Имеется в виду *К.И. Сердюк,* **завхоз колонии им. М. Горького в период ее пребывания под Полтавой.**

Дополнение. *23 апреля в «Правде»,* **статье «О литературе и ее кадрах»** *И.Г. Лежнев* **(редактор отдела литературы и критики) сказал о «Педагогической поэме»: это «одна из лучших книг новейшей советской литературы».**

Роман «Ворошиловцы» (подготовительные материалы, в описании)

«Роман. Начат 25 апреля 1937 г…. Составлен примерный список действующих лиц, общий план темы и сюжета, начата подборка материала».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 18, л. 2.

«Ворошиловцы. Роман. Действующие лица». В 2 колонки: «лицо» и «прототип». Более 60 лиц. Некоторые из них: Гальченко, Рыжиков (без указания на прототипы). Чернявин Игорь – Огнев, Кравчук – Одарюк, Нестеренко – Федоренко, Гонтарь (слесарь) – Чарский, Зорин – Сопин, Лиственный – Мохорев, Савченко – Харченко, Горовой (кузнец) – Долинный, Оришкова – Борискина, Горохов (машинист) – Перцовский, Оксана – Брегель (воспитанница), Зырянский – Землянский, Шарий – Куслий, Ратштейн – Красная, Грингауз – Швед, Поршень (Пошнев) – Салько, Гриф – Лиф и др. (Здесь указаны лишь наиболее известные лица – А.Ф.). Дано по отрядам, большинство из 8, 4 и 5 отрядов. Распределение на 12 глав.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 18, л. 3.

Сценарий звукового фильма, 6 частей (в описании)

26 апреля. «Закончена подборка материала по частям». С разбивкой, видимо, по кинокадрам и их подсчетом. Выделено: «звуковые узлы».

Начало: «Сценарий. Кабинет комиссии по делам несовершеннолетних. Председатель комиссии Брегель и инспектор Зоя...…» В Куряжской колонии. Педологический кабинет, «кривые инициативных путей».

Затем в колонии им. М. Горького: «речка, флаг с буквами «КГ»». Марк Шенгауз, Шурка Жевелий, Ванька Шелапутин, Петька Кравченко, Клава, Рыжиков, Вера.

Вторая – шестая части – с некоторыми эпизодами из «Марша 30 года» и «ФД-1».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 48, л. 2, 11–13, 48.

Товарищеская лаборатория

О доме советского писателя

Никто в нашем Союзе [писателей] не представляет себе улучшение писательской работы без участия Дома советского писателя. Об этом достаточно убедительно говорили на общемосковском собрании писателей, об этом сказано и в передовой «Литературной газеты» от 20 апреля.

В настоящее время наш ДСП, по крайней мере в Москве, организован по типу рабочих клубов, представляя собой центр так называемой культурно-массовой работы и развлечений.

Сами писатели культурно-массовой работой в клубе не интересуются ни в качестве субъектов, ни в качестве объектов, уступая эту честь членам своих семейств и знакомым. Довольны ли последние зрелищами и концертами, происходящими в клубе, – вопрос малоисследованный. Можно, впрочем, предположить, что и они недовольны, ибо ДСП не обладает ни сценой, ни хорошим залом. Таким образом, и качество культурно-массовой работы в ДСП можно поставить под знак сомнения.

Вопрос о культурном обслуживании членов семьи писателей – вопрос особый. Несмотря на всю его важность, решение его целиком можно передать Литературному фонду – пусть там над ним задумаются.

Если же говорить о ДСП с точки зрения интересов чисто писательской организации, то, прежде всего, необходимо решительно заявить, что никакой параллели между клубом писателей и обычным рабочим клубом быть не может. Каждый рабочий клуб рассчитан именно на свободное время работника, на его внепроизводственное бытие. Наш клуб должен быть, прежде всего, нашим производственным центром.

Я уверен, что большинство писателей именно в таком «производственном» разрезе мечтают о новой работе ДСП, но в то же время как раз со стороны этого большинства слышатся и скептические голоса. Говорят, что индивидуальный характер писательской работы нельзя ни игнорировать, ни тем более ликвидировать.

В буржуазном обществе великие таланты не выдвигаются единодушным усилием общества, а пробиваются сквозь толпу классовых перегородок, сквозь будничную беспросветность эксплуатации, сквозь клоаку конкуренции и рекламы, сквозь непроходимые болота мещанской косности и всеобщей, хотя бы и прилизанной, деморализации.

Совершенно не удивительно, что появление талантов, их звучание кажется историческим феноменом, счастливой случайностью, редким драгоценным даром природы.

Традиционная уединенность писателя должна быть решительно разоблачена, с ней мы должны бороться как с самым худшим пережитком старого мира, как с самым грозным признаком творческой нашей немощи.

И действительно счастливый писатель, до конца сохранивший чистоту и свежесть личности и таланта, до последнего дня богатевший знанием и культурой, Алексей Максимович Горький разве не был великим коллективистом, разве не помогал направо и налево – всем: молодым и начинающим, уставшим, остановившимся и зазнавшимся – всему писательскому коллективу?

Прозаическая параллель нашей творческой работы с «производством» некоторых даже оскорбляет: так приятно верить в свою личную исключительность и в исключительность таланта.

Я уверен, что через самый небольшой ряд лет усилиями нашей советской науки, нашей действительности, наших педагогических исканий будет доказано, что талант только в небольшой мере принадлежит биологии, что в самом основном своем блеске он всегда обязан благотворным влияниям общества, работы, культуры и знания[1]. В этой цепочке оснований, в каждом ее звене всегда присутствует свободный человеческий коллектив, всегда чувствуется дружеский локоть, великое творческое движение масс.

Для вопросов тематики нам уже нужна лаборатория, нужна скрупулезная разработка, аналитика тем, диалектика писательского подхода к жизни, нужна – это самое главное – основательно, широко усвоенная марксистская философия.

Еще больше нам нужно лабораторных проработок в вопросах писательской техники. Если говорить по совести, техника наша находится на очень низком уровне. Даже у самых маститых наших товарищей на каждом шагу можно натолкнуться на совершенно дикие недоработанности, пробелы, грубые мазки, манерность, неиспользование материала.

Вопрос о технике – это не простой вопрос о форме. Самое содержание нашей жизни сделалось таким многообразным, таким сложным, что приемы старой техники, которые годились для семейного романа или психологической драмы, нас удовлетворить уже не могут.

Мы иногда устраиваем так называемые диспуты, на которых дело организуется по очень смешной схеме. Ставится на кон автор, а мы все – кто как умеет, но обязательно по очереди, в порядке записи, – каждый по-своему к нему приближаемся и «реагируем» либо при помощи кадила, либо при помощи дубины.

Автор с такого диспута уходит с единственным результатом – с растрепанными нервами, а все остальные ничего иного с собой не уносят, кроме тех же кадил и дубин.

Никакого технического прогресса от таких диспутов произойти не может. И в данном случае решающей является наша привычка все решать, в общем и целом, наша непривычка к лабораторному анализу, который только и может привести к новым техническим и творческим находкам. И поэтому мы все малограмотны во многих вопросах той работы, которая составляет нашу специальность. Мы мало знаем и мало говорим о композиции произведения, о первом и втором плане, о различном освещении деталей, о натюрморте, о диалоге, об отношении содержания и формы, о стиле, о значении пейзажа, портрета и так далее и так далее.

По вопросам техники нам тоже настоятельно нужна хорошо организованная товарищеская лаборатория.

Такой большой, серьезно поставленной, активно работающей лабораторией и должен сделаться наш писательский клуб.

План этой лабораторной организации не может быть выработан в малой статье.

Этот план сам по себе составляет большую и важную задачу, он сам требует коллективной мысли и творчества. Но я уверен в следующем.

Первое. Реализация этого плана не должна рассчитывать на один энтузиазм писательского актива. Как во всякой серьезной работе, здесь должны присутствовать и «презренные» материальные ценности. Работа такой лаборатории не может быть сделана по дешевке, не может быть рассчитана только на добрые души и намерения[2].

Второе. В настоящее время трудно себе представить, в какие формы и с какой шириной захвата выльется наш клуб. Но лиха беда – начало. Если мы найдем принципиальные установки для товарищеской коллективной работы по всем вопросам нашего дела, если эти установки будут правильны, они с первых дней будут являться и толчками для дальнейших находок и дальнейшего усовершенствования[3].

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 7, с. 50–52. Опубликовано в «Литературной газете», 26 апреля 1937 г., с поздравлениями: «О Доме советского писателя» и «В порядке обсуждения».

В борьбе за усиление воспитательной функции художественной литературы А.С. Макаренко выводит на первый план роль личности писателя и характер его писательской деятельности. Как и в педагогике, он выступает против «уединенной личности», «личной исключительности и исключительности таланта», настаивает на развитии коллективности.

Используются его общепедагогические идеи и понятия: повышение эффективности писательского труда в «параллели с производ-

ством», внимание к «технике» творческой работы, создание «свободного человеческого коллектива», организующего «центра» писательской общественности. Нужна «диалектика подхода к жизни».

Обнажая «пережитки старого мира» в литературно-художественной деятельности, А.С. Макаренко видит в них «самый грозный признак творческой нашей немощи».

[1] Эта мысль имеет существенное значение для понимания макаренковского решения проблемы биологического и социального в педагогике.

[2] И здесь видна установка А.С. Макаренко на тесную связь материальной, организационной и духовно-нравственной основ педагогической деятельности.

[3] Как и в деле воспитания, А.С. Макаренко не определяет заранее все черты плана работы, полагается на выработку необходимых форм и средств в процессе творческой жизненной практики коллектива.

В день Первого мая

Этот, в капитанской фуражке, только что пробил головой заслон из Петьки и появился на переднем плане. Собственно говоря, он стремился поближе рассмотреть проходящие по улице танки, но глаза сами собой поднялись к небу. А на небе творится невероятно чудесное, нестерпимо притягательное для хорошей мальчишеской души! Будущий капитан Северного морского пути очень недалек от мысли: не переменить ли морской путь на славу советского летчика? Слишком уж сильно впечатление, упавшее на его голову, прикрытую капитанской фуражкой!

Вот у Петьки, у того никаких нет вопросов. Он должен быть только летчиком, и как можно скорее. Мертвые петли, штопоры и скольжения вызывают у него в настоящую минуту отнюдь не восхищение. Нет, они вызывают только зависть. Это чувство так сильно у Петьки, что он не заметил даже агрессивно-нахального проникновения на первый план этого самого франта в капитанской фуражке. Легкая досада, конечно, где-то царапает сердце, но некогда заниматься этой досадой. Так недоступны для Петьки небо и стальные ловкие птицы, самой природой назначенные для Петькиной деятельности. Ничего, Петька добьется своего, никакие соблазны не отвлекут Петьку от летного пути. Еще несколько лет, всего несколько лет!

В кепке, спокойный, довольный жизнью, Володя насмотрелся этих аэропланов и дома: он живет рядом с аэродромом. Танки тоже прекрасная вещь, но и танки Володю сейчас не увлекают. Ему просто хорошо. Он занял лучшее место на улице, и в жизни место у него не плохое – он советский школьник. Приятно жить на свете и приятно спокойно ожидать завтрашних дней. К тому же Володя мечтатель, только мечты у него все разные: сегодня одни, завтра другие. Пусть танки с грохочущими взрывами проходят мимо. Они хороши, но не менее хороша была и кавалерия, только что скрывшаяся за углом.

Надя прищурила глазенки на сверкающую стаю самолетов – наших советских самолетов, приветствующих трудящихся в день пролетарского праздника. У Нади радостно на душе, нет у нее ни зависти, ни мечты, чистая свободная радость.

Второй этаж предается главным образом восторгам. У Вани разгона нет настоящего, а то прыгнул бы он прямо в середину эскадрильи, прыгнул бы без всякой цели, от одного только восторга. Ваня сейчас забыл даже об утренних неприятностях, когда возражал и грубил матери, отказываясь от пальто, отмахиваясь от уговоров, от указаний на холодную

погоду...

Коля – тот удрал из дому без пальто, успел обойти все улицы, площади и переулки, устал страшно и от ходьбы и от впечатлений, но сейчас все забыл, забыл даже, что ему холодно. Слишком реально связана его душа с душой того летчика, который идет впереди эскадрильи. Коля уже не различает его крыльев на фоне туманного неба и все следит за ним и мечтает о чем-то неясном и радостном, о какой-то высоте, о каком-то человеческом полете.

Другое дело – Севка. Он никогда не мечтает и не будет мечтать. Он реалист и техник. Его увлекают сложные пути самолетов, и он радуется их удаче, как конструктор находке товарища.

А вся семерка праздничным ярким букетом глядит в лицо Первому мая, в лицо нашему надежному будущему. Не красочные одежды творят эту яркость. Посмотрите, какая радость сверкает перед вами в лицах этих детей, сколько уверенной горячей радости в их движении, сколько новой человеческой свободы в их улыбках!

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 6, с. 314–315. Впервые опубликовано в «Литературной газете» 1 мая 1937 г. под псевдонимом – Андрей Гальченко. Текст под фотографией Рюмкина: группа детей, взобравшись на верх здания, наблюдает за проходящим военным парадом в День международной солидарности трудящихся.

Текст ярко показывает любовное и восторженное отношение А.С. Макаренко к детству, к индивидуальному своеобразию детей, их жизненных судеб. Ему понятно горячее отношение детей к настоящему, неотделимое от веры в будущее страны. Здесь хорошо видна основа его педагогики – «проектирование личности».

Несколько часов на канале

Впечатления

Сто двадцать восемь километров трассы канала, и на этом протяжении чего только нет: шлюзы, насосные станции, плотины и дамбы, мосты, гидростанции, электростанции, подстанции, аванпорты, пристани, гавани, водосбросы и водоспады, туннели...

Все это грандиозное дело совершено в четыре года.

Вдумайтесь в этот срок, и для вас станет ясной величина напряжения человеческого гения и человеческого труда.

Вспомните, сколько десятилетий строился Панамский канал и с какими неприличными скандалами, недаром его именам называют сейчас всякое мошенничество больших масштабов.

Канал Волга – Москва – дело колоссального размаха и колоссального успеха, дело нескольких тысяч инженеров и целой армии строителей.

Бедный журналист стоит перед этим величием и пытается охватить его взглядом – затея безнадежная... Тогда журналист берет за пуговицу какого-нибудь доброго местного деятеля и просит:

– Расскажи!

А рука уже судорожно сжимает блокнот.

Многие «собственные корреспонденты» живут в Дмитрове по целым неделям, ходят, смотрят и пишут.

Мельком я слышал:

– Говорят, на теплоходах десять журналистов из Горького едут!

***

Мы проехали вдоль канала на машине от Дмитрова до шестого шлюза и дальше. Это, вероятно, немного, всего километров пятнадцать.

Но канал уходит вдаль в ту и в другую сторону, в далекую даль уходит за ним и первая эмоция.

В первый момент поразил меня даже не сам канал.

Поразило меня лицо природы.

Здесь природа представляется в чрезвычайно жалком виде. Она глядит на вас вскопанным, взорванным, исковерканным и вывернутым лицом. На десятках и сотнях квадратных километров вы видите следы и последние судороги страшной схватки.

Десять минут назад вы видели знакомое, и даже милое улыбающееся солнечное спокойствие, зеленую улыбку природы, уютные щетинки рощ, повороты оврагов и нетронутую березовую чистоту.

Ранней весной все это сильно пахнет Нестеровым[1], примирением, чуточку небесами, немного слезой.

Правда же, вам знаком этот милый комплекс? Мы, старики, очень хорошо разбираемся в нем.

И вдруг... нет комплекса!

Перед вами обнаженное мясо земли, ярко-рыжие навалы глины, взъерошенные остатки рощ. Все это покрыто бесконечным в пространстве прибоем строительной волны.

Подальше высятся еще в лесах башни и кубы сооружений канала.

Но пройти к ним невозможно: целые штабели металла и дерева, балок, рельсов, прутьев, огромные площадки, заваленные самым разнообразным добром, от аккуратных крытых цементных баз до бесформенных нагромождений обрезков, опилок, остатков, каких-то ведер, каких-то мешков.

Бой с природой еще не окончен, еще в этих полях кипит работа, копошатся люди, с трудом поворачиваются лошади, по неожиданным, кривым и ухабистым дорожкам снуют сотни пыльных уставших грузовиков.

Но над бетонной башней насосной станции уже реет знамя победы – Красный флаг СССР.

Наш газик выскакивает из строительного хаоса, поднимается по шоссе на вздыбленный над равниной новенький чугунный мост и... перед нами до самого горизонта живая, полная дыхания, наша родная, величественная Волга. Она уходит от нас аккуратной веселой лентой, вовсе не такой узкой, как казалось по газетным фото.

Действительно, ее ширина в канале – 85 метров по зеркалу. Это не так мало! Кто понимает в метрах, тот сразу себе представит.

***

Да, это Волга... Конечно, она здесь очень смирненькая, здесь невозможны никакие шутки и капризы, никакие перекаты и «Телячьи броды», здесь никто не позволит ей вихлять из стороны в сторону и закручивать петли в 200 километров, как это она позволила себе сделать под Самарой.

Человек, положивший природу на обе лопатки, пригласил Волгу пожаловать к городу Дмитрову и дальше, к Москве.

Всякие отговорки ее и уверения, что на такую-то и такую-то горку она взобраться не может, не возымели действия. Мы ей предложили: «Мы можем «подсадить»... Пожалуйста! На восемь метров!»

И «подсадили». Потом еще на восемь. А всего к шлюзу №6 «подсадили» на 45 метров – легко сказать – Волгу. От шлюза №6 до шлюза №7, на протяжении больше чем 50 километров, Волга держится на такой высоте.

А потом мы помогаем ей осторожно спуститься к Москве-реке. Собственно говоря, у нее нет оснований для недовольства. Она мирно покоится в уютных берегах канала. По ее поверхности под весеннем ветром уже побежали тоненькие волны и уже успели нарядиться веселыми гребешками.

***

Но мы проезжаем три-четыре километра, и перед нами снова хаос борьбы, снова развороченные мускулы земли, снова склады, краны, насыпи, обрывы, откосы и отбросы, снова в центре хаоса высятся бетонные башни «узлов», снова видим над ними победные

флаги.

Иногда в этом хаосе дрожат и прижимаются к случайному сараю две-три уцелевшие березки.

Но во многих местах мы видим советских людей за новой работой.

Бой с природой окончен, побежденная земля уступила поле битвы, побежденная Волга пошла туда, куда приказал ей человек. И победитель приступил к украшению природы.

На многих площадках уже протянулись новые древесные насаждения, берега канала почти везде обложены дерном, и не как-нибудь, а «в решетку».

Древние овраги и поля смотрят на эту красоту с удивлением, никогда природа не способна была на такие узоры.

Сотни грузовиков вывозят с полей битв ненужные вещи: трупы павших грунтов, изломанное в бою оружие, рассыпанные кругом залежи праха.

У Дмитрова, на канале – пароход «Плеханов». Это буксир, которому поручили протралить канал. Он неуклюже поворачивается в канале, и эта неуклюжесть кажется неестественной: в канале так просторно...

Мы обгоняем пароход на бело-голубом катере «Чекист».

Высаживаемся, чтобы с берега посмотреть шлюзование.

«Плеханов» как раз входит в камеру шлюза.

Тысячи людей со всей строительной площадки бросились к камере. Побежали и мы.

Впереди закричали «Ура!». Взбираться на еще не отделанную глинистую горку довольно трудно.

Нас обгоняет пожилой бородатый рабочий и говорит сам себе, задыхаясь от бега:

– Дождались! Эх... смотри, дождались.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 6, с. 315–317. Впервые опубликовано в «Литературной газете», 1 мая.

Дано под общим заголовком: «Канал Волга – Москва – величайшее сооружение сталинской эпохи» – вместе с информацией С.Г. Фирина «О чем писал Горький каналармейцам». Цитируется обращение писателя к I Вселагерному слету ударников-тридцатипятитысячников, 1 июня 1934 г. Говорится о заключенных Дмитлага, о переписке строителей-ударников с А.М. Горьким, его помощи начинающим «лагерным писателям». «...Десятки бывших воров и бандитов говорили, что письмо Горького заставило их впервые и всерьез призадуматься над своим прошлым и над своим будущим». С.Г. Фирин – нач. управления Дмитлага НКВД СССР (Опускула макаренкиана, №21, с. 24–26).

Канал Москва – Волга построен в целях полномасштабного снабжения Москвы водой. 22 апреля его осмотрели руководящие деятели страны во главе с И.В. Сталиным. Канал официально открыт позднее, 15 июля.

А.С. Макаренко рукопись сопроводил словами в адрес редакции газеты: «...очень благодарен Вам, что Вы дали мне возможность побывать на канале в самый интересный момент. Для меня вчерашний день будет много значить. В статье, конечно, этого не напишешь, а для дружеской беседы можно» (там же, с. 25). Его впечатления пронизаны мыслью о могуществе труда в согласии с природой, ее законами.

[1] *Нестеров М.В.* **– живописец; духовный мир человека раскрывал при созерцательном, умиротворенном отношении к природе.**

1–4 мая: работа над романом «Человек». **После 3-х глав – «застрял» (запись в дневнике; Г. Хиллиг. Опускула макаренкиана, №9. – Марбург, 1989, с. 14).**

Человек. Роман. Часть первая, план

Роман. Основной план.

Фон: Небольшой механический завод.

Тема: Отношение к людям – воспитание кадров из материала второсортного. Фабула и сюжет: Борьба мнений и поступков вокруг этой темы.

Роман. Фон.

Самая трудная проблема. Нежелательно помещать действие на оптическом заводе, ввиду слишком большого напоминания о коммуне имени Дзержинского. А желательно все же сохранить и производственный фон, и цельность коллектива в условиях мне более или менее известных…...

Производство иного типа выбрать очень трудно. Самый трудный вопрос заключается в том, что на фоне большого завода нельзя выделить правильно группу главных действующих лиц, придется много сил истратить на изображение всякой грандиозности. Малый же завод может производить впечатление кустарщины. Да кроме того, малый завод не даст впечатления серьезности задачи, вокруг которой нужно организовать усилия персонажей. Эти усилия потеряют характер значительности и ценности.

Была мысль рисовать фон какого-нибудь треста малой промышленности, но это тоже невыгодно: придется растекаться мыслью между многими мелкими пунктами, малоинтересными и разбросанными, или сосредоточить описание в бюрократическом центре, что может сильно понизить значение и размах главных фигур и сделает малоинтересной фабулу.

Еще менее выгоден непроизводственный фон – в виде группы встречающейся случайно интеллигенции. В этом есть только те выгоды, что нет надобности изображать «массы». Во всем остальном это невыгодно, ибо придется делать слишком искусственную фабулу и отношения героев делать более разговорными.

Может быть, лучшим выходом было бы присоединить действие к какой-нибудь лаборатории, к проектному учреждению, к чему-либо такому с серьезным заданием, но еще не оформившемуся в производство. Тогда откуда я возьму подробности и детали?

Роман. Темы.

1. Основная тема идет по линии типа, который условно называется Дмитрий Иванович Бакурин.

Развитие этого типа в кратких чертах такое. Личное индивидуальное озлобление сильной личности. Борьба рабочего презрения к погибающему миру и бунта гордой личности против толпы, личности, не желающей быть подхваченной никакими вихрями. Последние отзвуки потерь, в том числе брата белогвардейца, бедной запущенной старости матери. Глубокая ненависть к старой России, к кошелькам, дармоедам, эксплуататорам, но в то же время такое же презрение к русскому да и всякому другому человеку, к его глупости, эгоизму, головотяпству, дидактизму. В особенности к городским болтунам, к бессильному презрению что-то организовать, к воскресникам и трудовой повинности, разным согласованиям, к явному развивающемуся бюрократизму. Все это рисуется на фоне страшно глубокого развития идеи долга, доходящего почти до аскетизма. Одновременно и злость на себя за этот долг и особенная чуткость по всякому, даже по мелкому шкурничеству.

Впрочем, то же глубокое чувство долга заставляет самое главное внимание обращать на деловой успех и рабочее движение людей, отбирать их именно по этому признаку и именно поэтому игнорировать непривлекательные и смешные моральные и эстетические

черты.

Гораздо позже эти обстоятельства приводят к осознанному, изложенному в некоторой теории и размышлениях убеждению, что к людям нужно быть терпимее, что важен коллектив, наконец в том, что новый коллектив выше личности и богаче ее, а самое главное, что он создает для личности более здоровые пути развития, и ее отдельные недостатки скорее и гармоничнее нивелируются.

Все эти перепевания не уменьшают силы личности. Руки хотят работы, и сохраняется целостный взгляд на все, не трусливый и не теряющийся. Образуется крепкий и устойчивый одинокий цинизм. Озлобление развивается в сторону растрачивания и разбрасывания себя, в сторону спокойного смеха, и все разрешается в борьбе воли с десятками нездоровых припорченных воль.

По отношению к женщине совершенно космический взгляд, полный глубочайшего иронического сомнения. Веселые иронические эпизоды встреч с женщинами, они не забываются после свиданий, но никаких эмоций после них не остается, кроме веселой расположенной улыбки, какой-то последней мудрости.

Конечно, глубочайшее презрение к семье и к родовому инстинкту.

Во второй части романа по этому характеру бьют два обстоятельства. Бакурин замечает детей, отдельные явления среди молодежи и студенчества и, в особенности среди беспризорных и бывших беспризорных. На него сильное впечатление производит посещение коммуны. Он не видит еще новых людей, но он видит совершенно невиданные явления среди нового коллектива.

Эпоха начинает представляться ему в несколько новом свете. Многие частности этой эпохи вдруг определяются налетевшей любовью, новыми откровениями в жизни личности, новыми опытами человеческого страдания и помощи, новыми элементами лирики и эстетики, хотя и встречают они еще старое привычное ироническое отношение. Благодаря замечательной стихии любимой женщины все человеческие ценности, все проблемы общества и личности, героизма и работы, гордости и достоинства преломляются в новых надеждах на какой-то лучший человеческий коллектив, элементы которого он начинает узнавать в старых людях, так ему надоевших.

Все это пока не оформлено, все это находится в стадии черновых предчувствий и только потому держится, что есть вера и терпение женщины, и любовь к ней.

Отношение Бакурина к людям в это время начинает приобретать характер попыток ускорить их дорогу, убедить, заразить, увлечь. Человеческий состав все же остается в общем прежним, и гримасы человеческого общежития, жадности, глупости и бестолковщины в эти моменты становятся даже более выразительными. Но он встречает все это весело, уже не с веселым цинизмом, а с веселой уверенностью, что на свете все прекрасно, и прекрасно всякое живое движение уже потому, что оно живое.

Особое значение приобретает для Бакурина мальчик (Алеша) сын женщины, которую он любит. Дружба с ним, уроки философии, которые доставляют ему наблюдения над Алешей, и опыт руководства им доказывают ему, что в человеческой природе возможны большие новости и возможности.

В третьей части история Бакурина освещается новыми уверенностями в ценности человека и совершенно неожиданными проектированиями в области положения человека в обществе. Культура и люди приобретают совершенно новое значение в его глазах. Люди остаются с прежними недостатками и Бакурин не уменьшает своей злости к глупости, но он уже понимает, что путь к культуре есть путь к новому обществу, и на этом пути люди способны бороться, хотя и спотыкаться. В его самочувствии появляется ясная программа культуры, и он понимает, для чего нужна борьба за эту программу. Здесь обязательно большие броски в будущее человечество.

Многое происходит из глубокого сознания длительности постройки человеческой культуры и уверенности в том, что всякая проделанная работа создает ценности, вопрос только в человеческой разумности, в количествах и качествах новых идей.

У Бакурина появляется новая способность: в тех же людях видеть больше положительного, чем отрицательного, видеть взмахи чувства, мысли, героизма, большой терпимости в борьбе.

Основные сюжетные действующие лица

БАКУРИН, Дмитрий Иванович – заместитель начальника завода. Фактически на нем

лежит и завод, и настоящая страсть строителя. Он умен, энергичен, обо всем имеет свое мнение, но не нужно его делать твердолобым. Ко многому он присматривается, многое предчувствует впереди, поэтому не рубит сплеча. У него соединение большой веры в людей с большой бдительностью, свободной от трусливой мелкой придирчивости. По внешним выражениям он вежлив и даже деликатен. Но он настоящий большевик и, когда нужно, показывает настоящие зубы.

Завод он получает в очень расстроенном виде, когда нет ни плана, ни материалов, ни кадров, ни уверенности в победе и кое-кто начинает даже скулить и толковать, что такой завод построен несвоевременно.

Завод производит оптические приборы, военные, дальномеры, а может быть и нет? Что в таком случае? Конечно, завод электроинструмента.

Он умеет видеть людей не только с точки зрения своего производства, но и с точки зрения их жизни, поэтому умеет верить им и находить для каждого из них новые проекции. Он не выносит только неприкрытого или прикрытого шкурничества, жадного эгоизма и в особенности ненавидит его, если они прикрывается политической болтовней и показной и вредной деятельностью.

По частям он располагается так: в первой части он старается понять и поддержать чудаков, он защищает их от всяких наскоков халтурщиков и проходимцев, сущность которых чувствует и предвидит их конец. Во второй части он уже работает с этими людьми и переходит в наступление. В третьей части он громит вредителей и приводит завод к победе. Он становится начальником завода.

Отдельные детали к Бакурину сами собой станут понятны из изложения других персонажей.

ВОРГУНОВ, Петр Петрович – беспартийный. Начальник механического цеха. Он должен быть подан в характере «Мотора». Он не шкурник, он человек страстный. Все неудачи в первой части он объясняет слабостью русской культуры и плохими качествами русского человека. Во второй части он еще ругается, но работает с наслаждением, не замечая, что фактически он с русскими помирился. В третьей части он с ужасом видит, что был близок к фашистской теории рас и с тем большей злостью нападает на всех врагов, рвет и мечет и только иногда вспоминает свои громы против русских, но фактически мечет их против шкурников, не замечая, что на каждом шагу сам несет новую культуру, выросшую на русской почве.

ХОДИКОВ, Фома Николаевич – беспартийный. Очень положительный тип, работяга и знающий человек, начальник инструментального цеха. Он страшный оптимист, страшно любит людей и любит природу, ему нравится оригинальность каждого человека, и он наслаждается индивидуальной прелестью жизни. Он все в жизни может оправдать и утверждает, что дуракам необходимо жить на свете, что с ними веселее и без них не было бы никакой культуры. Он любит всякую страсть, хотя сам отнюдь не страстен. Он противник холодного расчета и больше всего верит в разум жизни.

Любопытно его отношение к группе Б. Он относится к ней с отвращением, но и ее считает необходимой в экономике жизни. Тем не менее, он держится от них в стороне и в третьей части торжествует с некоторой грустью. Только окончательное их падение заставляет и его вздохнуть свободно. Он говорит, что все-таки без сволочей легче. По его мнению, и в мире сволочей становится меньше, что мудрость жизни и заключается в освобождении от сволочей.

СТРЕЛЬЧЕНКО, Татьяна Михайловна – молодая, умная, культурная женщина, член партии, человек преданный ей в самом своем существе. Она работает в тресте секретарем Правления. Она многое чувствует в жизни и в особенности чувствует ее украденную буржуями прелесть. В поисках всяких гадов она видит только пережиток старого безобразного мира. Ее основная черта – вера в страшно глубокое воскрешение жизни, вера в новую человеческую красоту.

В своей силе она находит начало своей любви к Бакурину. Ее любовь и любовь Бакурина составляют эмоциональную ось романа. Любовь эта тем сильнее и поэтичнее, чем больше они видят радость в новой жизни, чем больше сами принимают участия в освобождении этой радости от всяких пережитков.

В конце романа Татьяна Михайловна работает уже на заводе Бакурина и вместе с ним подвергается последним атакам врагов и вместе с ним торжествует победу.

РЕДЬКО, Даниил Данилович, тип Шмигалева, бывший кучер, теперь сторож на заво-

де, искренно считающий себя хозяином и принимающий самое деятельное участие решительно во всех событиях. У него нет внешней страсти, но в каждом случае он умеет видеть истину и сказать о ней. Он тоже терпеть не может шкурников и бесхозяйственности, умеет видеть далеко вперед. К группе В относится сдержанно и с осуждением, утверждая, что начальство должно быть не такое.

БОГАТОВ, Трофим Семенович, тип Финантова, член партии, стахановец, человек семейный, спокойный, справедливый, ехидный в выражениях. Его отношение к событиям характеризуется прежде всего уверенностью, что все должно измениться в новом мире, в том числе и люди.

Он с удивлением видит, что одни изменяются, а другие нет, и все старается найти причины этой радости.

СЕВЕРНЫЙ, Исаак Маркович – председатель треста. По натуре тип Броневого. Человек без определенной деловой личности. Он старается все подгонять и всех пугать, но по натуре не может не видеть прелесть людей и видит ее не до конца и не видит гадости: это человек без бдительности. Его увлекает производственный успех и общая красота дела, поэтому вокруг него всегда вертятся разные гады.

БАКУРИНА, Анна Васильевна – мать Бакурина, человек старого мира, со старыми привычками, но с хорошим рабочим инстинктом. Она многое осуждает в новом мире, все ей кажется, что раньше было лучше, на самом же деле, она более новый человек, чем другие, потому что в ее требованиях к жизни всегда звучат именно новые требования.

АБАШИДЗЕ, Семен Константинович – начальник сборочного цеха, член партии страстный, бурливый, доверчивый и свободный. Он любит завод и умеет страстно любить людей, в особенности Бакурина. Несмотря на свою доверчивость он раньше всех раскусил врагов, раскусил страстным инстинктом.

В третьей части у него любовь счастливая с Шамиловой, которую он буквально вытаскивает на берег, но глубоко убежден, что она его вытащила.

ГРУППА «Б»

Все они обязательно шкурники и эгоисты, враги, которых нужно уничтожать, потому что они смотрят на революцию как на поле личного обогащения и власти.

ПЕККЕР, Лев Самойлович, нечто от Тепера, загибщик, штурмовщик, кажущийся страшно энергичным и буревым, на самом деле старающийся только об одном: пустить пыль в глаза и выслужиться. Он и раньше был троцкистом, был осужден, теперь его простили, но ему этого мало. Он имеет некоторые черты Пинкуса в его безразличии к людям, в его слепой нажимной политике. Но внешне он не груб и даже иногда подлизывается к рабочим. Он первый начальник завода. Сорвавшись на штурмовщине, он уходит, но имеет отношение к заводу и работает вместе с Ашмановым.

АШМАНОВ, Валентин Григорьевич, новый начальник завода – троцкист. Когда-то занимал более высокие посты и забыть об этом не может. Кокет, литературщик, остроумщик, но внутри хам и эгоист. Он умнее Пеккера, поэтому надежды пробиться у него немного, он чего-то ждет. Но по своему характеру он не может не подлизываться к Северному. Пытается потихоньку прощупывать почву у Бакурина, но очень осторожно. Изображает восхищение им. Иногда толкует о будущих путях жизни, но только для того, чтобы выведать, есть ли надежда на Бакурина. У него подозрительные отлучки. Бакурин поражает его иногда своей искренней смелостью суждений.

Политика Ашманова заключается в разгоне настоящих двигателей завода: Воргунова, Ходикова, Абашидзе.

Он выдвигает вперед Кругликова, пользуется мелкой слабостью его натуры, его трусливым лакейством.

СУПИКОВ, Иван Николаевич – нач. снабжения, член партии, бывший штабс-капитан, хам, груб, матерщинник, бурбон, начальник и самоснабженец. Все стаскивает, просто крадет. Темная личность.

ЧЕКАТИЛОВ, Виктор Васильевич – уполномоченный треста, любимец Северного. Беспринципен, нахал, энергичен, вообще эгоист. У него много общего с Куперманом, но Куперман беспринципен не столько для себя, сколько для завода. В этом их коренное отличие, и это на каждом шагу бросается в глаза.

ОЛЕШКО, Иван Семенович – начальник планового отдела. Озлоблен до последних пределов, озлоблен неизвестно на кого. Ненавидит всех: и хороших и плохих. У него постоянные сарказмы. Пользуется тем, что он болен и его жалеют. Работает он честно, но

скрыть своей ненависти не может. Он тоже мечтает о Европе, но не так, как Воргунов, он мечтает не о европейском стиле работы, а о европейской внешней цивилизации. На этой злобе его ловит Ашманов, и у них начинается дружба.

В третьей части стреляется, так как понял, что и последняя ставка его бита.

БУНЧУК, Лидия Васильевна – работает в отделе кадров, муж ее, Бунчук Тарас Петрович, работает секретарем. Л.В. красива, но она б...… и для удовольствия и для карьеры. Она помешалась на интересности жизни и на рассказах о прекрасной жизни аристократки. Немного корчит аристократку. Одевается. Пробует разных сильных людей, в том числе и Бакурина. Но настоящее находит только в Ашманове. После его конца снова начинает охоту за Бакуриным.

НАСТОЙЧЕНКО, Антон Спиридонович, секретарь партийной организации, грачек, мелкая тварь, но хитрая, подхалим, гадючка и человек вредный. Дикарь во всех отношениях. Даже в одежде. Самоснабженец и жадный. Труслив и вообще ничтожен. Выдвинулся благодаря связям. Боится всяких случаев и глядит в глаза начальству. Своей политики не ведет, но поневоле становится на сторону разных гадов, потому что вместе с ними старается выслужиться.

ЯКОВЕНКО, Владимир Сергеевич – инспектор треста – бюрократ, дурак и лакей.

ГРУППА «В»

Вместе с придурью, по выражению Ходикова, каждый на чем-нибудь хромает, и это открывается болезненно и на общем деле, и на его собственном самочувствии. Но, в сущности, все обыкновенные люди, и все могут быть и хотят быть полезны. Все дело в установке их на новые позиции.

ШАМИЛОВА, Валентина Петровна, хорошенькая, милая и добрая женщина, но не собранная, растерявшаяся, одинокая, не получившая никакого воспитания, из детского дома. У нее хорошие силы души и любовь к советской власти, но со всем этим она не знает, что делать. Переходит легко от одного настроения в другое. Всегда близка к самоубийству и даже к преступлению, потому что легкомысленна, но никогда не покончит с собой, не совершит преступления. За нею многие охотятся и больше всего Супиков. На этой почве и начинается ее драма. Она уже была в чьих-то руках и у нее от этого ребенок. В первой части удирает, записка о самоубийстве. Ее ловят в Москве и снова травят. Охотится за нею и Настойченко, но боится жены. Она готова снова кончать самоубийством, но случайно и с перепугом наталкивается на Абашидзе, и это ее спасает. Она может быть и становится хорошим работником. Работает сначала библиотекарем, потом на станке. Стахановка.

ТЕСЛИНА, Ольга Викентьева – экономистка. Она свихнулась на ловле женихов.

ТЕСЛИНА, Катерина Аполлоновна, старая полковница, похожа на Ирпеньскую бабушку. Одиноко борется с жизнью. Потом работает буфетчицей.

КРЕНДЯСОВ, Афанасий Акимович – тип Назаренко, важный, глуповатый человек, свихнулся на своих заслугах и важности. Его спасает положение коменданта.

КУПЕРМАН, Соломон Давидович – тип Когана, пом. нач. снабжен.

ЧУМАКОВ, Степан Андреевич – завхоз, тип Дидоренко, член партии. Честный и великолепный работник, но хитер и методически беспринципен. Весел и оригинален. Умен. Все видит насквозь. Он свихнулся на манере держаться.

КОСТЕЦКИЙ, Игорь Николаевич – завфабзаучем, тип Терского. Много страдает от нищеты и непрактичности, но талантлив и поэт, много вносит страсти и оживления в жизнь.

КРУГЛИКОВ, Павел Павлович, способный инженер-конструктор на заводе, работает за всех, очень способный и много знает, но совершенно свихнулся на подхалимской инициативе и на страхе перед начальством.

МАНЬКОВСКИЙ, Ефим Максимович – главный бухгалтер, умный и деятельный человек, свихнулся на педантизме, скатился до самого глупого бюрократа. Постепенно освобождается от этого к концу романа.

ПОДДУЖНЫЙ, Егор Прокофьевич, комендант, старательный дурак, типа «Ньютоновых колец». Тем не менее, вообще полезный человек, если научить его уважению и закону.

ХОДИКОВА, Матильда Петровна – жена Ходикова, накопительница и деспот, не понимающая ценности своего мужа.

ОДАРЮК, Тимка – шофер.

БУНЧУК, Тарас Петрович, секретарь, воображает себя петлюровцем. Собственно го-

воря, ему Петлюра совершенно не нужен, но у него усы Тараса Бульбы, украинское имя и фамилия. Поэтому он переживает. Потом это легче с него спадает, когда приходится сбрить усы.

ВАСИЛЬЕВА, Софья Абрамовна – сестра в амбулатории. Свихнулась на агрессивной жизненной борьбе и на уверенности и неотразимости своих глаз. Потихоньку б…... но не страшно, просто думает где-нибудь остановиться. Выходит замуж за Тарана.

ЗАЗЕРСКИЙ, Всеволод Николаевич – конструктор, свихнулся на любовании собой и вежливости.

ШТОК, Адам Адамович, бывший владелец мельницы, мастер ремонтного цеха, работает за всех и всем улыбается. Стахановец.

Он никому не может отказать и все считают его неумным.

ЗЕЛЕНЯК

НАТАША – телефонистка

ВОЛКОВ – студент-электротехник

ВОРГУНОВА – дочь Воргунова

Комсомольцы: ВОЛКОВ
ВОРГУНОВА
НАТАША
ШАЛИМОВА
УГРЮМОВ – рабочий.

ТАРАС, Василий Федорович – тип Шершнева. Умный философ, но он уже обалдел от одиночества, водки и разврата. Человек большого благородства, прямой и искренний. Заика. Требующий всегда прямых решительных действий.

Неизвестный Макаренко. Вып. 1/ Сост.: С.С. Невская, А.Н. Русаков, Н.В. Филин. – М., 1993, с. 46–58. Ошибочно дано под названием «Пути поколения». РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 28, лл. 25–30 и 6–11. Основное содержание источника дано: А.А. Фролов. А.С. Макаренко: московский период творчества (1937–1939 гг.). Хроника дел и мыслей. – Н.Новгород, 1997, с. 13–14. Роман «Человек» затем в фонде ж. «Знамя»: РГАЛИ, ф. 618, оп. 2, ед. хр. 659, лл. 1–34.

Жизненная основа произведения: реконструкция небольшого механического завода, строящийся завод электроинструмента, освоение оптического производства. Отражение истории трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского начала 1930-х гг. Главное: «Тема – отношение к людям – воспитание кадров из материала «второсортного»».

«…Их можно воспитывать, в каждом человеке что-нибудь найти». «…В сущности, все обыкновенные люди и все могут быть и хотят быть полезны».

Это произведение социального педагога, раскрывающего воспитание взрослых в системе производства, их повседневной жизни. Небольшая группа молодежи: телефонистка, студент-электротехник, дочь инженера, четыре «комсомольца». Без коммунаров-воспитанников и их организации. Внимание к старшему поколению.

Главный персонаж – Д.И. Бакурин, автобиографический образ. В романе действуют некоторые персонажи пьесы-комедии «Ньютоновы кольца» и пьесы «Мажор» (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, тру-

да, воспитания... Часть 3), а также незавершенной комедии «Забота о человеке» (сер. 1930-х гг., не опубликована).

Прототип: Воргунов – Горбунов, Редько – Шмигалов, Богатов – Финантов, Северный – Броневой, Абашидзе – Парусов (?), Пеккер – Тепер, Пинкус; Супиков – Матусов (?), Настойченко – Хлюпшева, Крендясов – Назаренко, Куперман – Коган, Чумаков – Дидоренко, Костецкий – Терский, Кругликов – Колеса, Тарас – Шершнев.

В произведении отразился относящийся к кон. 1920-х–нач. 1930-х гг. замысел автобиографического романа в 3–4 частях о «сильной личности», судьбе представителя интеллигенции в революции, на фоне истории трудовой колонии им. М. Горького. (См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 319–327).

Материал позволяет заглянуть в творческую лабораторию А.С. Макаренко-писателя.

Письмо А.С. Сватко, 6 мая 1937 г.

6 мая 1937, Москва

Дорогой Сватко!

Спасибо, что вспомнил обо мне, теперь мало кто обо мне вспоминает, не пишет никто, кроме Федоренко да Конисевича, все остальные забыли.

Я тебя очень прошу хоть изредка писать мне, держать в курсе дела, как о Броварах, так и о «дзержинцах» – хлопцах и девчатах.

Конисевич мне сам написал о своих успехах, но письмо долго за мной ходило, я не знаю, получил ли он мой ответ. Если знаешь его адрес, пожалуйста, напиши мне. Если что-нибудь знаешь о судьбе других хлопцев и их адресах, сообщи. Особенно прошу о последних дзержинцах.

Относительно тебя я почему-то уверен. Было очень полезно, что ты побродил по Союзу и кое-чего хлебнул. Это всегда помогает человеку, но не все во время умеют выбраться на берег.

Меня очень интересуют твои литературные дела. Жаль, что у тебя лучше выходит по-украински и я мало чем могу тебе помочь. Во всяком случае, если можно, пришли что есть последнего из стихов.

Напиши, как думаешь о своей дальнейшей судьбе. Мое глубокое убеждение, что тебе нужно обязательно идти в вуз. Без высшего образования писателем хорошим быть нельзя. Только не поступай на литфак, там засушивают в форме, а нужна жизнь. Очень хорошо и важно, если писатель знает и какую-нибудь другую работу, кроме порчи бумаги. Самые лучшие писатели выходили из военных и докторов. Ты об этом подумай.

И еще одно: рано не женись, а то от таланта останутся рожки да ножки.

В Броварах старайся держаться до вуза, кажется, для тебя это не трудно.

Очень тебя прошу, обрати там внимание на мальчика Антонова и напиши мне, как он себя ведет и будет ли из него толк.

Я сейчас заканчиваю книгу для родителей и начал большой роман «Человек».

Еще раз прошу тебя писать.

А. Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 8, с. 70–71. *П.С. Сватко* **– выпускник коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, затем работник Киевской трудовой колонии №5 НКВД УССР, в Броварах.**

Примечательно макаренковское стремление хорошо знать жизненное устройство коммунаров-дзержинцев, самое важное в педагогических результатах.

Письмо Н.В. Петрову, начало мая 1937 г.

Милостивый государь мой, Николай Васильевич!

Так как в газетах не было Вашего некролога в сопровождении портрета, делаю отсюда заключение, что Вы находитесь в живых, а посему и принимаю на себя дерзость обратиться к Вам с настоящим письмом, в коем, во-первых, спешу уведомить Вас, что жительство имею в городе Москве, где и рассчитываю увидеть Вас в самое ближайшее время, ибо, зная Ваш характер и характер Вашей деятельности, предвижу, что не может пройти больше месяца без того, чтобы Вы не приехали в наш город по разным делам, имеющим отношение, разумеется, к искусству.

То, что Вы не ответили на мое последнее письмо, отношу единственно к чрезмерной Вашей занятости.

Со своей стороны, рассчитываю быть в Ленинграде в средних числах мая месяца, но зайду к Вам только в том счастливом случае, если получу от Вас благоприятный ответ на сие письмо.

В противном случае буду полагать, что Вы ни в Ленинграде, ни в Москве видеть меня не желаете, что вполне можно ожидать от такого талантливого человека, каким всегда считал Вас, независимо от Вашего ко мне иногда вызывающего отношения.

В Москве проживаю по Лаврушинскому переулку в доме №19, в квартире 14.

Примите уверение в глубочайшем моем к Вам, милостивый государь, почтении и любви.

А. Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 8, с. 78–79. Без даты. Датируется: 1937 г., до сер. мая (по содержанию и смежным материалам).

Письмо К.С. Кононенко, май 1937 г.

…...Спасибо, Костя, что ты оказался гораздо благодарнее нас, свиней, и написал письмо, не ожидая, пока мы соберемся. Признаться сказать, особенно солидных оправданий у нас нет, так и что голову морочить нечего, а просто все думали: вот завтра будет свободный день, напишем настоящее письмо.

Ну, а свободных дней у нас как-то мало получается, даром, что службы никакой нету и Броварская колония остается только в моих записных книжках. А время все-таки занято. Чем? А черт его знает.

Здесь в Москве люди очень надоедливые, нет от них никакого покоя. Оборанили[1] и разные педагоги, журналисты, газетчики, дискуссии, собрания и нагрузки…... Хоть в Москве и 4 миллиона, а в сущности людей мало, за каждого человека хватаются, как собаки. Кое от каких нагрузок я уже отделался, а кое-какие еще висят над душой.

Кроме того, болел, шлялся по докторам, принимал ванны и лекарства, нервничал и т.д., а это все требует времени.

Кое-как в Москве устроились, но мебели мало, одежи мало, выглядим еще украинскими шмаровозами. Материальное становище у нас сейчас довольно поганое: старые гонорары съедены квартирой и вообще съедены, новые еще не заработаны. Пишу сразу несколько вещей, не знаю, что из них выйдет.

Любимая моя работа – роман, который называется шикарно: ***Человек*** (!), но выйдет ли шикарно, кто его знает. Я всегда на этот счет сомневаюсь. Некоторые говорят, что в этом главное мое литературное достоинство.

В этом деле, в оценке написанного страшно не хватает Константина, другого такого человека на свете нет. «Книгу для родителей» домучил до 7 печатных листов и затормозился, сам не знаю почему, просто встал и все. Писать ее хочется, но как-то нет времени.

Кроме того, много и другой работы, думаю потихоньку начать кусать Наркомпрос, для этого есть все данные, и газетные приглашения. Что из этого выйдет, тоже кто его знает…...

Как с вашими планами в отношении переезда в Москву? Костя много хвастался, что это дело легкое, пора уже показать на деле. Ах, ах, как бы было гениально с вашей стороны переехать в Москву. Само собой, вы люди сносные, у вас можно «посидеть и поговорить», и рюмка водки у вас как-то пьется, и диван у вас замечательный, и бюст какого-то философа восхитительный[2], но мне нужен критик и редактор, каковым и является от рождения Константин.

Ибо хоть время сейчас и материалистическое, но писатель принимается только такой, который за душу хватает. А Костя в этом деле достиг невероятной высоты. Кроме того, без Кости никакого понятия не имею о конъюнктуре рынка, без чего органически жить не могу. Киршона ругать не с кем.

Отвечайте же на все эти вопросы без уклонений и ужимок…...

Опускула макаренкиана, №20, с. 20–21.

[1] Окружили (укр. яз.).

[2] Бюст Вольтера.

Дополнения. *8 мая – договор А.С. Макаренко с издательством «Художественная литература» (ГИХЛ, Гослитиздат) о романе «Человек»,* **для публикации в ж. «Октябрь»; 25 печ. листов; представление рукописи к 15 августа (Опускула макаренкиана, №9, с. 13–14). В дальнейшем материал был передан в ж. «Знамя».**

«Макаренко заканчивает большой роман «Человек». Это его первая попытка создать книгу о взрослых. Но о тех взрослых, которых буржуазное общество искалечило своими дикими, уродливыми отношениями: о людях как бы «второго сорта» – чудаках, «дураках», «маньяках», «авантюристах». «Это будут литературные портреты тех живых людей, с которыми автор лично сталкивался в своей богатой опытом жизни». (Текст, видимо, подготовленный как информация в печати. Дается по: Балабанович Е. Макаренко. Человек и писатель. – М., 1963.).

Замысел книги о «чудаках», «дураках» относится к осени 1935 г., он нашел отражение в пьесе «Ньютоновы кольца», затем романе «Ньютоновы кольца». (См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 163, 47, 52).

8 и 13 мая – участие А.С. Макаренко в дискуссии в Доме советского писателя **по 4-й книге романа Ф. Панферова «Бруски», о коллективизации сельского хозяйства (Опускула макаренкиана, №21, с.34).**

9 мая **– запись А.С. Макаренко в дневнике: «вечером в ДСП отчет и перевыборы правления. Меня выбрали единогласно» (там же, с. 18).**

10 мая А.С. Макаренко выступил с *докладом в педагогическом институте им. А.С. Бубнова* **(там же, с. 34).**

11 мая: *«Вечером… собрался «беспартийный актив»* **– Паустовский, Файко, Финк, Славин… Говорили много о нашем неумении разбираться в литературных явлениях. В свое время перехвалили «Ненависть» Шухова и «Человек меняет кожу», теперь уже захвалили Вирту». (Запись в дневнике. Там же, с. 54–55).**

Май – запись в дневнике: *«Вирта. Он прозрачен.* **Его «Закономерность» страшно прозрачна и бесталанна. Он сам тоже прозрачен. И прозрачен его кабинет за 30 000 и торговля из-за рубля с плотником.**

Но в таком случае, почему слава, и МХАТ, и молниеносные пьесы, и чем все это может кончиться». (Там же, с. 54).

13 мая А.С. Макаренко *«отдал Накорякову «ПП» («Педагогическую поэму» – А.Ф.)* **для французского перевода. Кажется, пойдет через «Лит. агентство». Значит, без копейки». (Там же, с. 56).** *Н.Н. Накоряков* **тогда директор Гослитиздата. Книга вышла в Париже в начале марта 1939 г.**

17 мая – выступление *А.С. Макаренко в Смоленском педагогическом институте. 18 мая – выступление на совещании учителей г. Смоленска.* **(Там же, с. 34). Корреспонденция об этом в газ. «Большевистская молодежь», Смоленск, 20 мая: Идея «Книги для родителей» возникла во время встреч с родителями. «Думаю также написать книгу о трудколонии им. Дзержинского» (видимо, «Ворошиловцы» – А.Ф.). Говорил о жизненной судьбе прототипов «Педагогической поэмы» (Задоров, Калабалин, Шершнев, Браткевич, Супрун, Чевелий).**

20 мая: *договор А.С. Макаренко с Детиздатом о книге с рабочим названием «Ворошиловцы»,* **о «коммуне бывших беспризорников в 1937 г.» (в будущем «Флаги на башнях»; Опускула макаренкиана, №9, с. 14).**

Тогда же: *«Альманах бузит по поводу «Книги для родителей»»* **– запись в дневнике; ее публикация ранее предполагалась в этом издании (Опускула макаренкиана, №21, с. 39).**

21 мая: «Сдал *«Цель воспитания»* **Ермилову». Работа над «Книгой для родителей» – запись в дневнике (там же, с. 41).** *Ермилов В.В.* **– тогда один из редакторов ж. «Красная новь».**

22 мая: «Последний день работаю над КДР («Книгой для родителей» – А.Ф.). Отпечатан материал в объеме одного печатного листа». (Опускула макаренкиана, №9, с. 14).

Лекция в московском Доме учителя, 22 мая 1937 г. (в записи)

Я рассчитываю, что здесь собрались мои коллеги. Разрешите говорить как с коллегами.

Я не думаю, что могу вас учить. Могу дать свой опыт как образчик, но не как рецепт. Мой опыт из трудовых коммун вряд ли может быть целиком перенесен в школу. Работавшие много лет – пережившие радость педагогического труда, – могут тоже дать образцы своего опыта и нашей советской педагогической философии[1].

Мне выпало исключительное педагогическое счастье. Я работал 16 лет с одним и тем же коллективом. Люди менялись, но принцип, традиции оставались[2]. Каждый член коллектива знал его историю, гордился его, считал своим долгом поддерживать.

Второе. Работа с чекистами[3]. Они замечательно культурны, большей частью с высшим образованием. Настоящие большевики. Не заражены педагогической скукой (не нашей советской, а общенаучной).

Они сумели найти в педагогической работе ту радость, какая необходима.

Мне повезло – они дали мне простор в коммуне Дзержинского.

Этот простор – в большом доверии, который оказывали работникам коммуны. Ошибаться могли мы все. Ответственность за ошибки наши больше, чем у учителя. Чекисты, умея доверять, умеют и наказывать. Полное доверие и уважение.

Последние 5 лет в коммуне Дзержинского я работал в оборудованном коллективе. Завод, высокое техническое оборудование. Много инженеров. План. Норма. Инструментальный цех. Институт браковки. Большая общественная ответственность. Фотоаппараты «ФЭД» – большая точность. Новинка в советском производстве.

Лейц[4] все засекретил. Даже чекисты не могли секреты найти. В этих условиях не просто трудовой принцип, а труд высокой квалификации.

Мальчик, 15 лет, руководит шипорезным станком и целой группой. Это очень ответственная работа. Шестерёнка, которая там изготовляется, должна быть точной.

Поведение этих ребят в такой обстановке совершенно исключительное.

Были в моей работе все-таки и отрицательные стороны. Мальчик, 13 лет, уже побывавший в тюрьме, отставший, – он требует больше, чем ребенок из обычной школы. И все же в условиях обычной школы.

Это предисловие.

Как в условиях советского революционного общества может родиться новая педагогика? Она рождается в опыте. Появляются отдельные мысли, предчувствия, находки. Я прошел путь от педагогического преступления, уголовного, к педагогическим достижениям.

Я не видел человеческой прелести Задорова[5].

Я начал с насилия, которое отрицает всякая педагогика.

Я и Советская власть.

Прошел за 16 лет большой путь. К «инструментовке» воспитания. От позора, педагогического бессилия – к большому педагогическому могуществу.

Я сторонник активного вмешательства в дело создания человеческого характера.

В моём преступлении было и положительное: активное вмешательство. Те подъемы радости, которые я переживал, – никакой ленивый педагог не будет переживать.

Бодрость! Справедливость в отношении к себе! Подтянутость внешняя. Костюм, походка, руки. Короткое слово!

Нельзя говорить длинных речей! Постоянный анализ мысленный. Концентрация сил на самом важном участке.

Филигранный карандашный учёт (лист, разделенный на графы: актив, пассив и пр.).

Хотя и безобразное. От него я пришел к законной красивой форме: коллектив. О коллективе сейчас говорят мало.

Поручить каждому учить вовсе не безопасно.

Расстояние между...[6] очень бедно заполнено.

Коллектив – это большая симфония. Я не теоретик, не могу дать всестороннего определения[7]. Я только чую, чувствую. Я воспитал в себе и характер, и волю, и мысль – я сам воспитанник[8].

Личное мое – в педагогике.

Я совершил известное преступление в 1-е дни потому, что не было мастерства. Этому можно научиться. Я считал бы необходимой в педвузах постановку голоса. Модуляция. Умение ходить. Одеваться. Умственное развитие. Я знаю одного мастера, руководителя клубной работы[9].

К сожалению, в наших педвузах не дают опыта культурного, профессионального по-

ведения.

Надо уметь играть, как актер.

Ответы на вопросы:

Моя главная хорошая черта – справедливость, работоспособность.

Чтоб отдавать себя делу – подвиг – он дает огромную радость.

1) Вопрос дисциплины: она результат, а не процесс воспитания. Не техника, а категория новой, коммунистической, коллективной нравственности.

Не торможение: этого нельзя делать, этого нельзя, этого не делай.

Устремление, борьба. В случае кражи мы говорим: идем вперед – а это нас задерживает[10].

Это действует и в режиме, и в наказании, и в индивидуальном тоне.

2) Сейчас в Москве: лагеря пионерские. Я смотрел без большого восторга. Проживает 300 ребят, приобретают кое-что в воспитании. Все же прерывается здесь коллективный опыт школы.

А я считаю – неправильно прерывать. Расскажу, что мне дал коллектив и его пафос.

Я проводил каждый год общий коллективный летний поход. На поход надо было заработать деньги. Если финплан был 10 миллионов руб., мы отдали 2 миллиона. Чтобы совершить поход, надо было еще 100 тыс. Их зарабатывали дополнительно.

Мы побывали в Крыму, в августе возвратились. В сентябре чекисты в группе хлопцев спрашивали: куда поедете на будущий год? Пошел разговор в коридорах, классах. Намечаются узлы. Постепенно два варианта: Кавказ и Ленинград. Я делаю секретный доклад на педагогическом совете. Разбиваю педагогов на два лагеря. Два учителя готовят доклад. Учителя доказывают, один предлагает Ленинград, другой – Кавказ. Достоинства Ленинграда: революционный город, промышленность и т.д. А сторона Кавказа: Ленинград надо отложить, это не уйдёт.

Решил вопрос НКВД[11]. Там решили – Кавказ. Все подчинились. Создались комиссии: маршрутная, одежная, культурная, столовая и пр. Всем работы хватило на всю зиму.

Наш педагогический хлеб: поход всю зиму стоит, как маяк. Нарушители. Некоторых прощают. Многие просят прощения у общего собрания. Часть амнистируется. Часть остается. Их обслуживание предусмотрено. Все готово: 30-е июня. Все. Знамя в шелковом чехле. Это – поход-шик. Надо скомандовать: шагом марш!

Такая коллективная инструментовка лагерей – это цель. В другом случае лагерь теряет для меня всю советскую прелесть. Ничего не даст такой лагерь. Мы попали в разгар горной весны. Дорога над Тереком. Мы прошли, – а обоз не идет. Я – обратно.

Общее собрание у башни Тамары. Все – за переход. Стояли 2 дня в 25 км. от цели. И преодолели.

Не представляю, как можно воспитать настоящего советского человека вне коллектива. Надо прежде всего и вместе с ним воспитать целый коллектив. Не группу соседей.

3) О наказаниях. Я сторонник наказания, но стараюсь быть последователем[12]. Меня поносили дамы и педологи. Вся моя книга – борьба с педологами. Они меня называли и Аракчеевым[13], и жандармом.

Я, сторонник наказания – не имел этой необходимости.

В 1935 г. принимал одну колонию для трудных детей[14].

Скандал. Насчет лодки[15]. Вызвал гараж и в лучшей машине попросил их уехать. НКВД и дети – ничего общего[16].

Без наказаний: 300 мальчиков – 3 коллектива. Один за решеткой – самые «трудные». Другой без решеток.

По их мнению: «не было надо наказаний».

В своей практике я стоял на позиции наказания. Коммунары убеждены, что их могут наказать, и наказывать приходилось очень редко.

Все члены коммуны делятся на воспитанников (кандидатов) и коммунаров. Для воспитанника: наряд, без отпуска, без карманных денег и некоторые специальные наказания (без кино, театра). Воспитанникам нельзя было дать арест[17]. Коммунары – никакого другого наказания – только арест.

Содержание этого ареста (ничего плохого). Но его моральная сторона: если несправедливо – ни за что коммунар под арест не пойдет. (Случай с Шуркой[18]). Такое наказание никто не имел права проверять. Это уже новая, советская педагогическая мысль. Это уже

результат воспитания. Такая нужна дисциплина.

Пришлось пережить и трагедию высшей меры наказания – изгнания. Одни педагоги это считают малодушием, другие – дай им волю – будут выгонять пачками.

В связи с преступлением одного дежурного командира, Терехова. Случай с радиоприемником. Сам украл. Его судило общее собрание. Я получил директиву от Правления добиться оставления. Второй случай: на пароходе из Батуми в Ялту. На верхней палубе, во время завтрака. Консервной банкой[19].

Умение иногда совершить такую жестокость и есть настоящая педагогическая мудрость. Изгнание без коллектива – это некоторый террор, это не даёт эффекта. А изгнание с коллективом говорит о его воле. Страх осуждения – большое значение.

Опыт борьбы коллектива против врагов, он дает больше, чем голое морализирование.

Еще пример: тишина, без опыта борьбы. Возможно ли тогда воспитывать борца?

Не нужно специально создавать арену для борьбы. Но борьба всегда нужна. Новенькие, работа с ними. Пример с 5 рублями. Новые потом уже не приводили к мобилизации. Инструментовка коллектива для борьбы очень трудна!

Нужны объекты, движение вперед. Нельзя допускать покоя, успокоенности. Но провоцировать борьбу не надо, искусственно создавать трудности не надо.

После перерыва

Нельзя всего рассказать.

Детали выводов. Отдельные пункты.

1) Стиль, тон работы.

2) Организация центра детского учреждения.

3) Личное мастерство педагога.

Стиль и тон. Это создается не нарочно.

Работа детского коллектива. Было бы вредно, если бы каждый отдельный педагог создавал коллектив.

Есть стиль Советского Союза. (Северный полюс). Уметь в общественно-исторической жизни почувствовать основные «гвозди» и прелести их в детском коллективе!

Обвинение меня в атрибутике и военизации.

Я – за! (до последнего времени). Коммунары не могут видеть, как возвращаются с присутствия на параде. Пример. Коммунары так не сделают, это традиция 16-летняя. (Пример).

В такой символике больше содержания, чем в длинной проповеди.

Это «клей». Очень полезный.

Некоторые законы быта, нельзя держаться за перила. При очень бодром тоне – тихо! «Не мешай работать другим». Не говорят с посторонним, пока не узнают, что он «свой». Я должен представить его как «гостя». Умение беречь и чувствовать достоинство своего коллектива. Не трогать никого, хотя бы назавтра выгонят.

Мы, педагоги, очень безжалостны и несправедливы. Мы лишаем коллектив детский истории. Я дорожил даже такой традицией, которая потеряла содержание. Клей! (Командиры.)

Присутствие мое на утренней проверке. Эти традиции нужно сохранять и беречь.

Коллектив – при общей советской форме – свои индивидуальные традиции. Они потом складываются в нечто особенное.

Пример. Немецкая делегация. Пример с фотоаппаратом. За 1/2 часа, 30 минут.

Не представляю себе в педагогической работе единоличия. Ничего не может пройти без педколлектива. Но я требую от педколлектива большего. Строение педколлектива: сколько молодых, сколько старых, сколько красивых и т.д. Опыт семейной солидарности необходим.

Плохо, что педколлектив составляется без всякого научного подхода. Переход к педагогическому центру. Это техника. С этого начинаю. Должен быть капитанский мостик. (Комната).

Макаренко. Альманах, №2/ Под ред. С.С. Невской. Гл. ред. А. Кушнир. – М., Народное образование, с. 153–158. Запись М.А. Бартклич, психопатолога одной из московских больниц. Сокращенные

слова даны полностью. Подчеркивания устранены. Дополнения – в квадратных скобках.

Заявленная тема лекции: «О трудовом воспитании». А.С. Макаренко лишь коснулся этой темы, кратко сказал о реальном опыте производства в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. В школах в это время исключались даже уроки труда, закрывались школьные мастерские (имеющие также лишь учебный характер).

Основные темы. Рождение новой педагогики – в самой жизни, в передовом педагогическом опыте; это «активная педагогика», «активное вмешательство в дело создания человеческого характера». Коллектив педагогического учреждения: перспективы, анализ, учет, концентрация на главном, «центр детского учреждения», педагогический коллектив. Личные качества педагога; вырабатывать у студента педвуза опыт профессионального поведения. Дисциплина, наказание, стиль и тон жизнедеятельности.

[1] А.С. Макаренко как социальный педагог-реформатор исходит в своих взглядах на воспитание из «философии жизни», закономерностей социально-гуманитарного развития.

[2] Принципиально новое в макаренковской трактовке коллектива: это не просто объединение конкретных людей, а социальная реальность, сохраняющаяся и развивающаяся при естественной смене составляющих ее лиц (как и в объединении типа завода, воинской части, как нация, государство, общество). В ходе воспитания коллектив приобретает свою историю (биографию), характер, «лицо». Это главный объект воспитания и его главный фактор.

[3] Говорится о сотрудниках ГПУ Украины, в 1927 г. на свои средства построивших здание коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, содержавших ее первые 2 года, обеспечивающих и далее ее производственно-хозяйственную и педагогическую деятельность.

[4] Имеется в виду немецкая фирма Лейц, выпускающая оптику и приборы точной механики, с 1924 г. – пленочные портативные фотоаппараты типа «Лейка». Далее по тексту (где говорится: «Пример. Немецкая делегация») сказано, что в коммуне быстро смогли воспользоваться «Лейкой» участника делегации.

[5] Собирательный образ «Педагогической поэмы», вобравший черты Зотова, Затонова, Архангельского.

[6] В тексте пробел. Говорится, видимо, о важнейшей педагогической проблеме: необходимость преодолевать «расстояние между элементами чистого сознания» и практическими действиями, поступками (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 94).

[7] В данном случае А.С. Макаренко, видимо, просто не считал нужным излагать теорию коллектива, которая им представлена,

например, в разделе «Коллектив» (там же, Часть 3, с. 46–52; кон. 1932–нач. 1933 гг.)

[8] **В едином трудовом коллективе детей и взрослых в педагогическом учреждении воспитываются и взрослые, в том числе и педагоги, – такова новаторская сущность макаренковского взгляда на коллектив и воспитание как таковое, оно совершается в творческом взаимодействии поколений, старшего и младшего.**

[9] **Говорится о В.Н. Терском.**

[10] **Это один из ярких примеров проявления макаренковской «педагогики параллельного действия»: отход от прямого индивидуального влияния, перевод его в плоскость общих жизненных потребностей и задач.**

[11] **Правление коммуны, чекисты взяли сторону Кавказа.**

[12] **Видимо, «последователем его отрицания», т.е. установки на отсутствие необходимости в наказании при правильном отношении к нему, – что А.С. Макаренко говорил не раз, и что имело место в его опыте. (См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 100: 1923 г. – «Наказания почти забыты в колонии, даже выговоры и замечания стали редкостью».)**

[13] *Аракчеев А.А.* **– с 1808 г. российский военный министр, основатель военных поселений и военизированных школ при них. Олицетворение муштры и палочной дисциплины.**

[14] **Вероятно, ошибка: осенью и до конца 1936 г. А.С. Макаренко руководил Киевской трудовой колонией НКВД УССР № 5 в Броварах.**

[15] **Говорится, видимо, о случае педологического тестирования в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского (тест – задача о лодке).**

[16] **Отмечается, несомненно, глубокое различие между спецификой работы чекистов – и их деятельности в коммуне Дзержинцев как шефов.**

[17] **Привилегированная форма наказания (пример: для офицеров – только «домашний арест»). Это отбытие в кабинете заведующего (и самоуправления) указанного срока, в свободное время и в самостоятельно определенные часы, без поверки исполнения, с некоторыми ограничениями в поведении и наличием элемента ритуала.**

[18] **Видимо, случай, когда наказание было воспринято воспитанником как несправедливое, последовала апелляция к общему собранию. Салют рукой и слово «Есть!» – знак согласия с наказанием, распоряжением.**

[19] **Старший коммунар во время завтрака ударил младшего по голове консервной банкой, на виду многочисленных пассажиров и команды парохода. По решению общего собрания был ссажен с парохо-**

да. Более точно о предыдущем случае см.: А.С. Макаренко. Пед. соч., т. 4, с. 275.

Дополнения. *24 мая – встреча А.С. Макаренко со студентами станкостроительного института.* **(Опускула макаренкиана, №21, с. 34).**

25 мая – продолжение работы над «Книгой для взрослых».

Тогда же – запись в дневнике: *«Был у Накорякова по поводу «КДР».* **Условились, что я ему дам к 1-му то, что будет написано, а он решит, пускать [публикацию] в «Кр. Нови» или в Альманахе» (там же, с. 39).**

26 мая – приглашение А.С. Макаренко редакцией газ. «За коммунистическое просвещение» **(в дальнейшем «Учительская газета») к сотрудничеству. Запись в дневнике: «От постоянного договора отказался». «Кое-что обещали прислать: к 10/VI – «Размышление о педагогическом величии» и к 31/V – главу из «Книги для родителей»» (Там же, с. 40).**

Судя по заглавию статьи и другим аналогичным высказываниям А.С. Макаренко, он намеревался показать в ней разительное несоответствие теоретических претензий педагогики и ее немощных организационно-методических, технологических решений. Обнажались недостатки в методологии, логике педагогической целесообразности, ведущие к рассогласованности педагогических целей, средств и результатов.

В эти дни…...

В такие дни, как сейчас, пересматривается человеческая история.

Великаны нашей страны там, в пустынном центре Арктики, продолжают ревизию привычных установок человечества и сообщают миру новые идеи.

Нельзя представить ничего более скромного, чем пришедшие к нам радиограммы О.Ю. Шмидта[1]:

«Рады сообщить, что смогли выполнить задание товарища Сталина и создать на полюсе прочную базу для науки и авиации. Наши мысли с нашей великой Родиной».

Здесь слово «полюс» мелькает между прочим, как будто это не заколдованная в студеных просторах недоступная цель вековых человеческих стремлении, а маленький городок где-нибудь на Волге.

Здесь говорится как будто только о «текущих делах»: получено задание и выполнено, создана не историческая победа, блещущая уверенным советским героизмом, а только «прочная база», как будто к неизмеримому числу наших «прочных баз» прибавилась только единица.

Но за этой скромностью весь мир видит величие Советского Союза, на фоне которого совершенно в новом свете выступает фигура человека.

В событиях, происходящих на Северном полюсе, наиболее поражает новое нравственное звучание человека.

Нельзя сейчас не вспомнить капитана Скотта, погибшего с товарищами на обратном пути с Южного полюса в марте 1912 г. Нельзя, не преклоняться перед его мужественным подвигом, нельзя не восхищаться этой большой человеческой личностью.

Но, когда перечитываешь предсмертные записки и письма капитана Скотта, поражает одиночество, тоска, трагизм, фатально сопровождавшие героизм подобных людей.

Так становится ясно, что нравственная атмосфера капиталистического общества – со-

зданные веками традиции разобщения, конкуренции, наживы, спортивного ажиотажа – уже не могла вместить одинокий героизм личности. Между этим героизмом и так называемым обществом всегда стоит «некто в цилиндре», и его присутствие отравляет человеческий подвиг, прежде всего в самой центральной идее, в идее цели.

Здесь драма происходила не только в характере организации.

Экспедиция Скотта была прекрасно организована по тогдашнему времени, и все же величие его усилий заранее было опорочено ничтожным нравственным содержанием цели.

Поэтому так незаслуженно легко подвиг Скотта и его товарищей в их собственных глазах потерял всякую цену, когда они нашли на Южном полюсе флаг Амундсена:

«Подошедши ближе, увидели, что это был черный флаг, привязанный к полозу саней, тут же близко остатки лагеря: следы саней и лыж, которые шли туда и обратно, выразительные следы собачьих лап, – многих собак. Вся история как на ладони: норвежцы нас опередили и первые достигли полюса. Страшное разочарование, и мне больно за моих товарищей!.. Конец нашим мечтам, печальное будет возвращение!..

Мы поставили наш бедный, обманутый английский флаг.

И вот мы повернулись спиной к цели наших честолюбивых стремлений, и перед нами 800 миль пешего хождения с грузом. Прощайте, золотые мечты!»

Конечно, страшно жаль капитана Скотта, хочется сочувствовать его неудаче, но у советского человека этого сочувствия уже не может быть. Мы уже привыкли к новым масштабам измерения удач и неудач.

Не только не сочувствуешь неудаче Скотта, но не радуешься и удаче Амундсена.

Скорее, становится одинаково жаль и Скотта и Амундсена, и победителя и побежденного, потому что на первый план в наших впечатлениях выступает их героическое одиночество, эта страшная неуютность в положении человека в капиталистическом обществе.

Последние строки дневника Скотта и в особенности его письма еще более усиливают это впечатление неуютности и одиночества. Последняя строка дневника Скотта:

«Бога ради, не оставьте наших близких».

В письмах капитана Скотта, написанных над телами раньше его умерших товарищей, читаем:

В письме к Д. М. Барри:

«Умирая, прошу вас, дорогой мой друг, быть добрым к моей жене и к ребенку. Подайте мальчику помощь в жизни, если государство не захочет этого сделать...»

В письме к вице-адмиралу Эджертону:

«Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы мою вдову обеспечили, насколько это будет зависеть от морского ведомства».

В письме к Д. Д. Кинсей-Крайстчерч:

«Мысли мои о моей жене и сыне. Сделаете ли вы для них, что сможете, если страна не сделает?

Если бы я знал, что жена и мальчик обеспечены, то не очень жалел бы, оставляя этот свет...»

В этих строчках важно не то, обеспечили или не обеспечили близких капитана Скотта.

Важно, что в момент предсмертной тоски он должен рядом с уже умершими друзьями сидеть и писать просительные письма. У него нет ощущения единства с своим народом, нет уверенности в том, что он делает общее дело, за которое отвечает не только он, его жена и мальчик, но и все общество.

В этом именно моменте так ясен нравственный порок капиталистического общества. Сам Скотт в своем собственном подвиге не видит большего, чем пример «джентльменства», – жалкое утешение для героя, оказавшегося в момент своей трагической кончины в положении настойчивого просителя... и только.

И таким же одиноким остался бы капитан Скотт, если бы удались ему возвратиться к жене, и таким же одиноким был он в каждый момент своего путешествия. Это фатально!

Почему так героически притягательны, так счастливы и так жизнерадостны наши герои? Почему в этой группе людей на Северном полюсе живут и строят «прочную базу» все люди нашей страны и мысли наши с ними, как и мысли их с нами?

Почему в самой организации этого исторического похода, в каждом воздушном корабле, в каждом пищевом концентрате, в каждой подробности распоряжения и плана так

много общественной и государственной заботы?

И почему, наконец, на Северном полюсе собрались не случайные «джентльмены» героического почина, а крепкий коллектив, связанный со всей страной многолетним напряженным опытом борьбы?

Ответы на все эти вопросы лежат в новой нравственности нового общества.

Потому что исчезли все проклятия капиталистической разобщенности, поедания человека человеком, потому что впервые в мире развевается над нами единый флаг человечества, потому что под этим флагом собрались новые, полной грудью вздохнувшие люди, люди нового подвига и новой человеческой этики.

Наша этика уже не несет в себе припадочный истерики, выпячивания личности, в ней нет надрыва неуюта и одиночества.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 7, с. 53–55. Опубликовано в «Литературной газете», 26 мая 1937 г. Статья посвящена «завоеванию Северного полюса», высадке там научной экспедиции.

А.С. Макаренко показывает зарождение в самой жизни качественно новых для педагогики этических воззрений и моральных принципов, основанных на «нравственности человеческого единства» и коллективизма. Этому исторически противостоят «традиции разобщения, конкуренции, наживы, спортивного ажиотажа» в капиталистическом обществе.

Проблема личности и общества разрабатывается на уровне нравственной сущности героического, принципиального изменения содержания и целей подвига, судьбы героической личности. Возникает «новое нравственное звучание человека». В новой этике нет «припадочной истерики, выпячивания личности».

[1] *Шмидт О.Ю.* **– ученый-математик, государственный и общественный деятель, в 1932–1939 гг. нач. Главсевморпути.**

Дополнения. *Запись в дневнике 27 мая: «Заходил Регинин. Обещал ему еще две статьи»* **(Опускула макаренкиана, №21, с. 37).** *В. Регинин* **– тогда ответственный секретарь «Литературной газеты».**

28 мая – участие А.С. Макаренко в диспуте учителей Октябрьского района г. Москвы **(там же, с. 34).**

29 мая: «Ермилов прислал на просмотр «Цель воспитания» (исправления Колбановского)». «…Оставил у Ермилова четыре [печатных] листа «КДР»» **(там же, с. 41, 39).**

Май 1937 г.: замысел А.С. Макаренко совместно с Г.С. Макаренко написать исторический роман о Киевской Руси **времен Владимира Мономаха. (Записная книжка №12 – Нежинский Н.П. Жизнь и педагогическая деятельность А.С. Макаренко. Творческий путь. – Киев, 1966, с. 210, укр. яз.); Балабанович Е.З. А.С. Макаренко. Человек и писатель. – М., 1963, с. 9).**

2 июня **А.С. Макаренко выехал из Москвы в Киев, встретился с семьей В.П. Захаржевского, затем они семьями провели** *4 недели на даче в с. Верхняя Дубечня (на р. Десне).* **«Макаренко часами сидел под де-**

ревом и на портативной машинке печатал «Книгу для родителей» (по воспоминаниям О.В. Макаренко и Захаржевской). (Опускула макаренкиана, № 1, с. 34).

***Дополнения.* Из письма В. Регинина (нач. июня 1937 г.) А.С. Макаренко: «Ваша дочь (говорится об О.В. Макаренко – А.Ф.) огорчила меня известием, что Вы уехали в Верхнюю Дубечню, так и не повидавшись с «Литературной газетой». В то же время она меня обрадовала, что наконец-то Вы на отдыхе». Ранее В. Регинин предложил А.С. Макаренко участвовать в специальном номере газеты, посвященном годовщине со дня кончины А.М. Горького, предлагал темы: Горький-юморист, Горький и дети, Горький-человек (там же, с. 37).**

Июнь: *в Москве проходит закрытый судебный процесс против М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира и других военоначальников,* **обвиненных в шпионаже в пользу фашисткой Германии.** *15 июня «Литературная газета» публикует коллективное письмо писателей,* **44 человека (в том числе А. Макаренко, Б. Пастернак) – отклик на этот процесс, с требованием сурово наказать обвиняемых. Каким образом было получено согласие А.С. Макаренко на участие в этом письме и было ли оно вообще – неизвестно.**

Письмо Н.В. Петрову, 17 июня 1937 г.

17 июня 1937,
Высшая Дубечня

Милый наш и знаменитый Николай Васильевич!

Прямо в глаза скажу: наш летний план лопнул. Никаких наслаждений в Дубечне нет, кроме сознания, что ты выехал на дачу и не пожалел для этой авантюры столько-то сот рублей. Мы с Галей и прочим семейством будем отсюда удирать в конце июня или в начале июля. Может быть, твое общество и скрасило бы тоску, но согласись, что ожидать тебя до такого времени, да еще с опасностью тосковать потом вместе с тобой, не стоит.

Заедает продовольственный вопрос. Село в трех километрах от базара, а на базаре тоже того купишь, а того и не купишь. Ходим и выпрашиваем у колхозников, но они неохотно снабжают.

Лес далековато, речка прямо далеко, пока до нее доберешься, не узнаешь собственного характера. Блохи, мошки, жара, духота, теснота, отсутствие газет, вечерняя темнота, одним словом, как мы будем рады, когда в Москве прижмем тебя к сердцу и выпьем в хорошей обстановке рюмку коньяку!

Нет, я не создан для дачных наслаждений…...

Сообщаю тебе обо всех этих неприятностях, просим не падать духом. Если ты останешься в Москве, напиши об этом, тем приятнее будет для нас туда возвращаться.

Одним словом, в конце июня встретимся. Ты все-таки напиши два слова.

Привет и поцелуй.

А. Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 8, с. 71–72.

Из дневника, записных книжек, лето 1937 г.

8–29 июня. Дубечня. Написал от 6 до 12 листов включительно – 7 печатных листов КДР. Работалось хорошо. Никто не мешал[1].

Сколько их таких? Она ответственный редактор. Она решает судьбу многих произведений. Она о каждом говорит решительным тоном. Она ничего не понимает, она только держит нос по ветру. Сейчас ей нравится «Закономерность» Вирты только потому, что она услышала чей-то [авторитетный] отзыв.

Но она редактор. Интересно наблюдать вот эти подленькие, гадкие элементы паскудно мелкой твари, которая пользуется каким-то своим влиянием, часто даже эфемерным, понемножку, по пустякам латается. Она усиливает свое значение теми же пустяками. То она поможет получить деньги, замечая только мою скромность, то поможет что-то оформить. И никогда не забудет вспомнить о своей заслуге.

А за это, как-то так получается, что и ей что-то перепадает. То она одолжит денег, то пристроит дочку на даче, подчеркивая особенную свою любовь к вам.

И она на это латание тратит собственно всю свою энергию. И поэтому у нее появляются новые платья, отрезы крепдешина, путевки [в санаторий]. Библиотека на диспуте подарила мне «Витязь в тигровой шкуре» – выпросила. Книги она вообще.....[2]

Вечернее небо. Страшно. На западе стала синевато-сизая гряда. Ее верхние края резко и фигурно обрезаны.....… На ее фоне темно-синим силуэтом нарисован город – башни Кремля.....… Несколько мрачная тревога этого пейзажа как бы прислушивается[3].

[1] Опускула макаренкиана, №21, с. 34. Позднее, 6 октября 1938 г., в одном из писем он говорил: «...Вспоминаю этот месяц как очень большое счастье» (Пед. соч.: в 8 т., т. 8, с. 102).

[2] Опускула макаренкиана, №21, с. 45–46. «Латать» – ставить заплаты, латки на что-то. Речь идет о Р.А. Ковнатор. Комментарий Г.С. Макаренко к этому тексту: к ней А.С. Макаренко «не так плохо относился, но как глубоко умел он прозревать в человеке» (там же, с. 46).

[3] Там же, с. 37 – вид Москвы с балкона московской квартиры А.С. Макаренко. «Любимым его местом был балкон, откуда открывается прекрасная панорама Кремля, столь близкая его сердцу. Он часто выходил на балкон – поразмышлять, полюбоваться чудесным видом. На балкон иногда выносили маленький столик, и Антон Семенович здесь работал» (воспоминания Г.С. Макаренко, там же).

Дополнение. *28 июня 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение о репрессиях в отношении «всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников* **с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного ведения дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД». Далее проведены акции против немцев, работаю-**

щих на оборонных заводах, и членов «польских диверсионно-шпионских групп и Польской организации войсковой».

(Там же, с. 48–49).

Сила советского гуманизма

Величественные пространства СССР окружены мраком фашисткой злобы и первыми вспышками войны.

Новое истребление человечества среди бела дня открыто готовится вокруг нас.

Невиданное в истории мира совершилось: после многих десятилетий классовой борьбы, в конце кровавых путей раздробления, эксплуатации и войны вырос на равнинах некогда нищей и отсталой России сияющий великий социализм. Он создан героической борьбой замечательного поколения людей, гением их руководителей Ленина и Сталина.

С каждым новым днем он все выше и выше вздымает к небу дворцы нового человеческого счастья, он поражает мир величавым спокойствием нового человеческого достоинства, новой культуры, нового искусства.

Советская литература – художественное отражение мысли этого нового человечества.

Жизнь Советского Союза, каждое его деяние есть дело всего человечества, это дело в самых своих корнях насыщено глубочайшей уверенностью в своей правоте, это дело освобождения, дело гуманизма.

И одна из величайших и прекрасных особенностей советской литературы – постоянное, неиссякаемое звучание гуманизма, пленительная красота лучших человеческих стремлений, о которых на протяжении всей истории мечтали самые совершенные люди.

В 1916 г., в самое мрачное время мировой бойни, Маяковский сказал:

И он,
свободный,
ору о ком я,
человек – придет он,
верьте мне,
верьте!
И он пришел – человек!

Гуманизм нашей литературы, развернувшийся перед всем миром в эпоху последних катастрофических схваток, когда-нибудь будет признан одним из самых поразительных явлений революции. В чем сила, в чем уверенность нашей великой гуманистической проповеди?

Мы окружены буйным безумием агонизирующего империализма. Где-то там, в чащах дымящих труб Рура, на нищих полях Италии, в тесноте японских ограбленных городов, последние капиталисты истории жаждут войны. Они протягивают жадные руки во все стороны: к железу, к углю, к машинам, к нефти, к хлебу.

В смертельном отчаянии конца каждый фашистский лагерь бредит о завоевании мира. И Гитлер, и Муссолини, и японские генералишки – порождение этого общего бреда.

Против этой мировой шайки сумасшедших мы подняли и высоко держим наши гуманистические знамена.

В этом лишний раз сказывается наше историческое здоровье – здоровье побеждающего молодого социализма.

Присмотримся только к одной нашей литературной теме, к той теме, в которой особенно разительно нарисована пропасть между нами и ими.

В советской литературе на страницах очень многих романов, повестей и рассказов проходит тема строительства и индустриализации. Заводские цехи – вот те самые громады, те самые машины, краны, экскаваторы, которые на Западе встают в воображении писателя как символы подавления и истощения человечества, как представители жадного, бесчувственного и беспринципного Молоха, – у нас возносятся, как храмы, овеянные радостной симпатией нового человека. Там от них рождается захватническая жадность, располагающаяся вширь энергия эксплуататоров, у нас от них родится только энергия побед

над природой, возносящаяся вверх энергия общечеловеческого богатства. Там между машинами бродит закованный в нормы квалифицированный раб, у нас над ними стоит свободный хозяин – человек. И так естественно: там машины и богатство родят войну, у нас от них исходит мысль о едином счастливом человечестве – социалистический гуманизм.

Гуманизм нашей литературы не заключен в скобки формальных пожеланий, он не литературная поза, он заключен в самих наших темах, в самом тоне писателя, в его социалистическом самочувствии. Социалистический реализм может с полным правом быть назван гуманистическим реализмом, ибо наш реализм построен на оптимистической убежденности, на мажоре всей нашей жизни и на предвидении освобождения человечества.

И поэтому наш гуманизм читается в каждой нашей строчке и дополнительно между всеми строчками. О чем бы ни рассказывала наша литература, о «дне втором» нашего строительства, о будущей войне «на Востоке», об одноэтажной Америке, о жизни замечательных пионеров, о перевоспитании беспризорных, о любви, о ревности, о завоевании Северного полюса и о детстве Пушкина, с каждой страницы смотрит на читателя лицо свободного человечества, будущее лицо мира. И это лицо, и его уверенная радость могущественнее и убедительнее оскаленных зубов фашизма! Знамя гуманизма – это знамя не благостной мечты, это знамя непобедимой силы.

И поэтому в нашем гуманизме совершенно не присутствует мысль о примирении, он не пахнет бездеятельным, словесным пацифизмом.

И если вспыхнет война, наш гражданин и гражданин мира под знаменем гуманизма спокойно свернет шею любой фашистской гадине, под каким бы национальным флагом она ни бросилась на СССР. И эта победа будет самой гуманистической победой в истории. Она будет той победой, о которой мечтал Гейне[1]:

В драке со скотами буду
Драться я за человека,
За исконное святое
Человеческое право!

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 64–66. Опубликовано в «Литературной газете», 30 июня 1937 г. В статье звучит тревога, предчувствие страшной мировой войны. Это отклик на захватнические войны, развязанные японским, итальянским и германским фашизмом в Китае, Эфиопии, Испании. Звучит призыв: утверждать в художественной литературе гуманизм «побеждающего молодого социализма», отвергая «бездеятельный, словесный пацифизм». Показана неразрывная связь педагогики и политики.

[1] *Гейне Г.* **– немецкий поэт, публицист, критик (2-я пол. XIX в.). Его стихи переводили М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.А. Блок. В гитлеровской Германии его книги сжигались на кострах.**

Происшествие в «Звезде»

Известно, что критики нередко грешат невоздержанностью в похвалах: едва допишет писатель первую свою вещь, вокруг нее уже клубятся туманные облака критического ладана. Только через год обнаруживается истина: вещь чрезвычайно слабая! Книга стоит на полках всеми своими переизданиями.

Нечто подобное происходит с романом Ф. Олесова «Возвращение», напечатанным в журнале «Звезда» в невиданном еще парадном антураже. Роман появился в сопровождении двух статей его «покровителей» – Б. Лавренева и А. Амстердама – случай, заслуживающий особого внимания.

Из статей А. Амстердама и Б. Лавренева видно, о чем мечтали критики, что хотели

они найти в романе: правдивость, типический образ человека, отражение силы советского строя. Видно, куда критики ехали. А теперь посмотрим, куда приехали.

И с автором романа и с его редакторами-покровителями, к сожалению, произошло то же, что произошло с беспризорником Валеткой из романа «Возвращение».

Валетка выезжает из Ленинграда севастопольским поездом, забравшись «в ящик под вагоном прямого сообщения». Однако читатель скоро начинает недоумевать: в каком же направлении поехал Валетка?

«За Ростовом-на-Дону, в канавах... переливалась вода». Ясно, Валетка едет на Кавказ. Поезд едет дальше.

«...Суровая русская речь смешалась с гортанными выкриками грузин; здесь можно было услышать напевные голоса казачек и однотонную песню армянина».

И вдруг...

«На утро четвертого дня Валетка приехал к веселому морю, в теплый солнечный Севастополь».

Ехали на Кавказ, а приехали в Крым. Может быть, Крым и не хуже Кавказа, но все же приключение это – необычное.

А при дальнейшем чтении обнаруживается, что вообще вся «поездка» задумана не туда, куда хотелось бы отправиться редакторам романа. Читатели жаждут «возвращения», но и на него в романе нет надежды.

А. Амстердам в своей хвалебной статье заверяет, что роман «отражает силу советского строя». Это прекрасная цель путешествия, но в романе, в сущности, нет советского строя. Если говорить обыкновенной прозой, то необходимо признать «Возвращение» вещью совершенно аполитичной. Приключения Валетки проходят в стороне от советской действительности. Валетка живет в блатном мире, решительно обособленном от советского строя. Представители последнего, если верить Олесову, встречают Валетку довольно бестактно. На просьбу Валетки сделать из него моряка ему отвечают:

«Мы тебя заставим пока картошку на кухне чистить...»

Как раз эта угроза и побуждает Валетку отказаться от помощи!

Среди немногих советских людей, выведенных в романе, есть некий корабельный доктор. Автор рассказывает, будто бы этот добрый доктор ни с того ни с сего, решительно без всякой цели пригласил двенадцатилетнего Валетку к себе в каюту и оказал ему такую «помощь»:

«– Вот тебе сигара! Гаванна. В Алжире покупал...

Валетка сел в кресло и закурил.

Доктор угостил его каким-то необыкновенным заграничным вином...»

И все. Больше доктор в романе не встречается. Не правда ли, странный советский доктор?

Мальчика встречают и другие «советские люди»:

«Валетка протянул руку.

Вахтенный прижег ему ладонь папиросой...»

«Они долго издевались над Валеткой. Они посылали его на берег в ларек. Они просили его купить полбутылки гальюна, да покрепче, и килограмм свежего камбуза. Они задавали ему всякие каверзные вопросы, а Валетка стоял перед ними серьезный, бледный и смотрел им в глаза доверчиво и печально».

Неужели это советская картина? Советские люди издеваются над голодным мальчиком, а голодный мальчик смотрит им в глаза доверчиво и печально?

Нет, с «советским строем» в романе неблагополучно. Эта цель «путешествия» явно не достигнута. Мы приехали вместе с Валеткой не в наш Севастополь, а в Севастополь времен Александра III.

Но, может быть, правильны другие наблюдения редакторов? Может быть, в романе действительно показаны «человек и его судьба»?

Пожалуй, в советской литературе нет другой вещи с таким сильным привкусом блатной экзотики. На нескольких страницах описывается встреча Валетки с «теткой Музой». Муза, оказавшаяся садисткой, заинтересовалась одиннадцатилетним мужчиной и привела его к себе в комнату. Автор со вкусом приготовляет читателя к исключительным событиям и задергивает занавес только после таких слов:

«Женщина с какой-то особой медлительностью подошла к зеркалу и начала раздеваться».

Центральный эпизод романа – воровская «хаза» Арефия и Калистры – изображен в исключительно экзотических красках. Это целая организация, обладающая традициями, прекрасным оборудованием, военной муштровкой и дисциплиной, даже своей философией. От этой «хазы» несет пинкертоновщиной и беспросветной выдумкой.

Характеров в романе нет. Сам Валетка представляет собой набор труднообъяснимых противоречий. Даже возраст Валетки уловить невозможно. Судя по развитию событий, в конце романа ему не должно быть больше двенадцати лет. Но на 120-й странице Валетку любит женщина, у которой он проводит пять суток. Автор вдобавок сообщает, что Валетка, возвращаясь домой, «шагал спокойно, ощущая в себе незнакомую раньше силу». А в финале Валетка поступает как ребенок: идет наниматься штурманом на пароход, хотя не имеет никакого понятие о том, что такое штурман. В этой детской неопытности и заключаются все мотивы «возвращения».

Литературная слабость и недоработанность романа бросаются в глаза. Роман переполнен немотивированными положениями. Почти на каждой странице у читателя возникают вопросы: почему для Валетки слово «мама» непривычно? Для чего изображается костер на улице? Почему на трех страницах подробно описан пьяный грузчик? Зачем вспоминается Христос, ходящий по водам? Откуда у Валетки кулацкие мечты о прелестях деревенской жизни, если он никогда не был в деревне?

Автор «Возвращения» Ф. Олесов – начинающий писатель, сам когда-то бывший беспризорный. Он заслуживает помощи и внимания; он несомненно литературно способный человек. Но в редакции «Звезды» не сумели помочь начинающему писателю.

Критические статьи Б. Лавренева и А. Амстердама показывают, что над романом слишком много «поработали». Б. Лавренев рассказывает о своем разговоре с автором, когда тот принес ему рукопись:

«Два года тому назад, когда Олесов впервые принес мне рукопись своего романа, это был пухлый том, в котором наряду с хорошими кусками была масса воды, ненужных повторений, растянутости, зоологического натурализма в изображении «ужасов» беспризорничества и прочих дефектов, свойственных неопытной писательской руке.

Получив крепкий ледяной душ, Олесов не растерялся, не обиделся»... Хорошо, что Олесов не растерялся, но... он, несомненно, простудился от «ледяного душа»: в романе на каждом шагу слышен нехороший литературный кашель. Редакционные доктора выпустили на сцену простуженного, хрипящего, кашляющего автора и радуются на весь мир:

– Смотрите, какой у него замечательный голос!

А.С. Макаренко. Пед. соч., т. 7, с. 55–57. Опубликовано в «Правде», 1 июля 1937 г. Рецензия на роман Ф. Олесова «Возвращение», напечатан в «Звезде», 1937, №2.

А.С. Макаренко видит литературную «правду жизни» в изображении типичного, характерного для новой действительности, возражает против ее представления на уровне различных «немотивированных положений» и «труднообъяснимых противоречий».

Детство и литература

Воспитание нового гражданина происходит у нас везде. Трудно назвать такое место, такой общественный процесс, такое общественное явление, где не происходило бы становление нового человека. Коллективизация нашего села есть, может быть, самый яркий в истории случай активного и целеустремленного перевоспитания масс, одно из самых глубоких и смелых по замыслу педагогических явлений человечества.

Перед нами раскрываются широкие политические перспективы, далеко, впрочем, не мирные и далеко не безоблачные. Впереди у нас не только победы, но и борьба. Для этих побед и для этой борьбы воспитываются люди, они сейчас растут в нашей семье и в нашей

школе.

Как же отражает советская литература важнейшие явления в области воспитания будущего гражданина?

В этой статье мы не будем касаться литературы, предназначенной для детского возраста. У нее свои способы освещения жизни. Точно так же мы оставляем в стороне работы советских писателей, касающиеся дореволюционного времени. Нас здесь интересует художественная литература, изображающая советские дни.

Можно назвать очень немного произведений художественной литературы, посвященных вопросам воспитания советских детей, но все эти книги говорят о детях-«правонарушителях». Правда, и в этой узкой теме можно всколыхнуть вопросы общего воспитания. Но этого не случилось. В нашей литературе о правонарушителях больше романтики беспризорности, чем педагогики.

Отношение нашего общества к преступнику и беспризорнику ярко отличается от отношения буржуазного общества. Уже одно это – большая и особая тема. Между тем у некоторых авторов описание жизни беспризорников принимает форму любования ими. Здесь – большой простор для дурного вкуса, для дешевого и бездеятельного романтизма, для дешевой сентиментальности. Некоторые наши авторы интересуются не вопросом о формировании характера человека, а только тем, насколько необычайна, остроумна и привлекательна анархическая поза беспризорного.

Разумеется, преступник – явление отрицательное. Никакого удовольствия фигура беспризорника живому и культурному человеку доставить не может. Она может представлять интерес только с точки зрения педагогической.

Но как раз педагогический момент в нашей литературе отражен очень неудачно. Первой ласточкой этой литературы были «Правонарушители» Сейфуллиной. Педагогическое действие представлено здесь педагогом-чудаком Мартыновым, о котором даже беспризорник Гришка отзывается с осуждением: «Обезьяну эдакую беспокойную в зверинце видал...» Этот Мартынов, на каждом шагу дергающийся и кривляющийся, проповедующий своеобразный пантеизм и отрицание семьи, мог, конечно, поразить на некоторое время десяток-другой ошеломленных жизнью беспризорных, но серьезного воспитательного дела поручить ему нельзя, а тем более нельзя видеть в нем какой-либо «прообраз» социалистической педагогики.

В таком же жалком состоянии представлена воспитательная работа и в «Республике Шкид» Белых и Пантелеева. Собственно говоря, эта книга есть добросовестно нарисованная картина педагогической неудачи. Книга наполнена от начала до конца описаниями весьма несимпатичных приключений «шкиды», от мелкого воровства до избиения педагогов, которые в книге иначе и не называются, как «халдеи». Воспитательный метод руководителя «шкиды» Викниксора и его помощников совершенно ясен. Это карцер, запертые двери, подозрительные дневники, очень похожие на кондуит. Здесь сказывается полное бессилие педагогического «мастерства» перед небольшой группой сравнительно «легких» и способных ребят. До самой последней страницы проходят перед читателем якобы занятные трюки одичавших воспитанников.

В «Утре» Микитенко есть попытки остановиться на некоторых воспитательных принципах, но слишком много внимания автор уделяет блатному великолепию беспризорного мира. Герои Микитенко доходят до такого парада, что отказываются даже спать на чистых постелях и есть хорошо приготовленный обед. Здесь любование беспризорной «красотой» доходит у автора до степени восторга. Педагогические деятели «Утра» не имеют лица. Главный из них, Грипич, с некоторой гордостью утверждает, что даже «ужасный» педологический кабинет (ужасный – значит очень бедный) в его руках – важное оружие. Это вовсе не значит, что Микитенко выступает как сторонник педологии. Сия знаменитая наука интересует его так же мало, как и Грипича, но поскольку роман был задуман на тему педагогическую, вполне прилично было упомянуть и о педологии.

Из указанных «правонарушительских» книг невозможно ни представить себе картину советского воспитания, ни тем более прикоснуться к спорным вопросам нашей педагогики. Педагогически эти книги так же нейтральны, как и бесполезны.

Что же имеется в нашей литературе о школе и семье как факторах воспитания?

Почти ничего.

Особняком стоит «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева. Можно спорить о верности нарисованной здесь картины нашей школы в первые годы нэпа, но нельзя отказать этой

книге в живом и здоровом остроумии, в удачно схваченном колорите юношеского общества. В книге педагогика еще беспомощна, школа еще слабо организована и часто вызывает ироническую улыбку.

Дети в произведениях наших писателей, как правило, отсутствуют. Герои наших романов и повестей принципиально бездетны, наше советское общество имеет чрезвычайно взрослый вид.

Между тем дети составляют самую красивую, самую звучную и радостную часть этого общества[1]. Изображая советскую жизнь в искусственно созданной тишине бездетности, не рискуем ли мы получить сильно искаженную картину? Взрослые без детского окружения не будут ли просто «ненастоящими» взрослыми?

Детские фигурки только изредка мелькают на страницах наших книг, но роль этим фигуркам назначена чисто служебная. В самом лучшем случае ребенок выступает как украшающая подробность, его значение не превышает значения других предметов авторского натюрморта: платья, мебели.

В книге Юрия Германа «Наши знакомые» есть такой симпатичный мальчик Федя, сынок главной героини Антонины. Он необходим как усложнение и без того сложной жизни героини, он придает некоторым страницам характер непритязательной и милой лирики, но присутствие его не несет с собой никаких проблем, ни воспитательных, ни человеческих. Федя – это эстетический орнамент. Недаром автор заставляет его выражаться интересным и симпатичным слогом. В самые трудные минуты жизни матери Федя больше всего интересуется игрушкой-зайцем, и этот заяц играет в романе роль, пожалуй, не менее значительную, чем сам Федя. Круг приключений Антонины кончен, кончен и роман – ни автор, ни читатель не интересуются, что будет дальше с Федей.

Такую же служебную роль играет и Зямка в «Дороге на океан» Леонова. Как и Федя, Зямка просто «хороший» ребенок, специально приготовленный автором для духовного отдыха умирающего Курилова. И этот ребенок, как и все прочие литературные ребенки, говорит специальным украшающим языком: «Она бюлье вешает на чурдаке»; но Леонов не довольствуется такой сравнительно пассивной формой детского действия. В предсмертной тревоге Курилова такие разговоры были бы слишком пресны. Поэтому Зямке поручается гораздо более ответственный диалог. Зямка прямо спрашивает Курилова:

«– Ты шмерть боишься?»

И в конце романа Зямка утешает Курилова:

«– Может, еще выждоровеешь...»

На этом роль Зямки кончена.

Некоторые авторы пользуются детскими фигурками для своих эгоистических целей, пожалуй, даже чересчур безжалостно. В рассказе Василия Гроссмана «В городе Бердичеве» изображается только что родившая мать, комиссар батальона Вавилова. Красные оставляют город, в него с минуты на минуту должны вступить поляки. Мать примиряется с тем, что ей придется остаться, пока красные снова возьмут город. Но вступают не поляки, а красные курсанты. Их боевая песня на улицах города решает судьбу новорожденного.

«...Видели, как по улице вслед курсантам бежала женщина в папахе и шинели, на ходу закладывая обойму в большой тусклый маузер».

А «проснувшийся Алеша плакал и бил ножками, стараясь развернуть пеленки».

Мать оставила только что рожденного ребенка в случайной еврейской семье. В рассказе не изображается никаких переживаний матери по такому случаю, может быть, потому, что ребенка этого родил не комиссар батальона Вавилова, а сам автор Василий Гроссман.

Гораздо лучше поступил тот же автор в рассказе «Муж и жена». Рассказ изображает семейную драму, измены и прочее. Автор вполне правильно решил, что раз есть семья, должны быть и дети. Но чтобы не возиться с ними на страницах книги, он остроумно вписал в первые же абзацы рассказа:

«Верочку Ариша увезла с утра к дедушке».

В дальнейшем о Верочке не вспоминают ни автор, ни ее родители.

Эта Верочка Гроссмана может служить моделью бедных советских детей. Авторы отправляют их к дедушке, чтобы они не мешали взрослым жить, совершать подвиги, иногда совершать и гадости.

Можно еще вспомнить несколько детских фигурок в нашей литературе, но искать в

ней воспитательные проблемы или хотя бы детские характеры было бы совершенно бесполезно. Даже в вещах, специально посвященных детской личности, дети выступают обязательно в искусственной роли. Такова «Таня» Сейфуллиной, двенадцатилетняя девочка, существо ходульное, резонерствующее, воспринимающее мир «по-взрослому».

Нет, дети, роль которых не идет дальше сюжетного орнамента, – это не наши дети. И детские «словечки», книжное детское остроумие, сделанное специально для того, чтобы щекотать чей-нибудь испорченный вкус, нам не нужны. А любовь к таким словечкам у авторов иногда доходит до размеров, абсолютно неприличных. В рассказе Сейфуллиной «Молодость» умирает девушка.

«...Мать спросила:

– Что дать тебе, доченька, что?

Нина взглянула на мать совершенно сознательно и ответила строго:

– Откуда я знаю? Я умираю в первый раз».

Ведь правда же трудно не улыбнуться этому остроумию не то умирающей девушки, не то здравствующего автора.

Все эти дети – случайные фигуры в нашей литературе. Мы не верим в этих однообразно хороших детей потому, что не видим их жизни и их индивидуальности.

И совершенно уже мы не видим в наших книгах советской школы, советских воспитательных проблем и тех трудных педагогических положений, которые на деле так часто занимают и нашу семью, и наше общество. Еще меньше мы видим, как в детстве воспитывались действующие в романах герои.

Ни в какой мере мы пока еще не можем выдержать сравнение с нашими классиками, которые так много уделяли внимания детству своих героев. Вспомним картины детства Обломова, Евгения Онегина, Наташи Ростовой, детей из «Пошехонской старины», из романов Тургенева, «Детства» и «Отрочества» Л. Толстого, «Детства» М. Горького и др.

Это печально в особенности потому, что детская жизнь – органическая часть всей нашей жизни. Мы не имеем права забывать о детстве, ибо это значит игнорировать требование художественной правды.

Наша художественная литература должна уделить детям большее творческое внимание. В ее изображении советские люди не должны выступать как бы обреченно-бездетными. Дети – это живая сила общества. Без них оно представляется бескровным и холодным. Изображая наше общество без детей, советская литература обедняет его, дает картину, лишенную богатства красок и подлинной жизненности.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 7, с. 57–61. Опубликовано в «Правде», 4 июля 1937 г.

В статье представлены важнейшие положения социально-воспитательной педагогики А.С. Макаренко: общественные процессы – это явления и педагогические; воспитание «для побед и борьбы»; распространение его на семью и школу; опасность воспитания «ненастоящих» взрослых, граждан; «детская жизнь – органическая часть всей нашей жизни»; дети – «самая красивая, звучная и радостная часть общества».

Художественная литература по существу изображает «общество без детей», это обедняет его картину, лишает ее «богатства красок и подлинной жизненности».

Педагогический аспект жизненной реальности «отражается очень неудачно». Невозможно ни представить себе картину советского воспитания, ни тем более прикоснуться к спорным вопросам нашей педагогики».

Будучи «нейтральной или бесполезной» в отношении детства и педагогики, художественная литература не решает задач преемственности и взаимодействия поколений в историческом развитии общества и человека.

[1] А.С. Макаренко говорил, что эту особенность детства хорошо отразил А.С. Пушкин в стихе:

«Мальчишек радостный народ коньками звучно режет лед».

Дополнение. *В начале июля А.С. Макаренко работает над пятой и шестой главами «Книги для родителей»* **– по замечаниям редакции ж. «Красная новь». 10 июля получает первый гонорар от этого журнала. В эти дни: «многое исправил и улучшил», «приводил в порядок написанное», «целый день исправлял текст» (Фролов. А.С. Макаренко. Московский период творчества (1937–1939 гг.). Хроника дел и мыслей. – Н.Новгород, 1997, с. 16).**

Вредная повесть

У меня есть знакомый мальчуган, который умеет замечательно мило спрашивать:

– Зя что?

В этой форме объединяются у него все виды пытливости. «Зя что» обозначает и «почему», и «отчего», и «для чего», и «с какой стати».

Вот и мне хочется спросить редакцию «Литературного современника» и Наталью Гирей: «Зя что?»

Повесть Натальи Гирей «Шестьдесят восьмая параллель», напечатанная в четвертой и пятой книгах журнала, вызывает у меня тяжелое недоумение и лишний раз возвращает к старому, давно надоевшему вопросу: до каких пор мы будем печатать что попало, до каких степеней может доходить у нас редакторская небрежность, литературная и художественная всеядность?

Только при очень большой безответственности можно печатать в журнале любую вещь, если она написана достаточно грамотно и если формально она касается темы более или менее актуальной. Как будто редакторы не обязаны задумываться над вопросом: как подается тема, какие мысли и чувства вызывает ее разработка у читателя, насколько художественно и интересно она сделана, наконец, для чего книга написана?!

Дело происходит на строительстве нового города на севере, у залежей апатитов. Но ни новый город, ни строительство, ни апатиты не интересуют автора, отношение к ним, по меньшей мере, бесстрастное, если не хуже. Картины строительства нет, а его детали, разрозненные и беспорядочные, участвуют постольку, поскольку затрагивают кулацких героев повести. Картина стройки вызывает у читателя, пожалуй, даже неприятный осадок:

«...Два больших серо-зеленых трансформатора. Около трансформаторов, в низких сквозных ящиках, как черепахи в зарослях, притаились черные, все в округлых линиях, моторы. Толстые провода клубками сытых ужей свернулись на солнце».

Для меня, как читателя, это неприятно. Для чего вызываются у меня эти образы черепахи и ужей, вообще образы гадов, если я хочу видеть моторы и провода? Почему автор не рисует передо мной ту радостную картину, которую я и без него чувствую в самой теме: моторы на шестьдесят восьмой параллели? Почему ужи?

Почему сама природа смотрит на меня из повести с явно недружелюбной миной:

«Над посиневшим вздувшимся льдом не слышалось ни птичьего гама, ни хлопанья птичьих крыльев. Хибинская весна удивляла Оксану своей беззвучностью».

«Кругом серо-розовые валуны, щуплые, изуродованные ветром ели с ветвями, растущими в одну сторону. Каменистая земля. Поодаль лысые тусклые горы».

«Тлела зеленоватая, как недозрелая морошка, земля».

«Болезненный рыжий пух на горах».

«Рощи уродливой карликовой березы».

«Внизу медленно мертвело озеро».

Вот только такие пейзажи настойчиво «залезают в душу» читателя. А читатель не хочет верить, будто этот край уж так несимпатичен. Ведь в природе можно видеть разное: один видит замерзающее озеро, а другой – «мертвеющее», один чувствует весну, а другой – только ее беззвучность. Пожалуй, и к московской городской весне можно придраться: нет хлопанья птичьих крыльев!

На строительстве нового города используются раскулаченные и уголовные преступники. На фоне этой толпы автор хочет показать врага и дать картину «перековки». Враг в книге показан, я сказал бы, в избыточном количестве. В образах куркульского «паныча» Шовковшитного, молодого инженера-электрика Гордиенко, немца Ганса Лютиха враг преподносится читателю в лошадиной дозе.

Что это за враг, насколько он опасен, к чему он стремится?

Действий врага автор почти не показывает; главная роль, которая уготована врагу, – это произнесение речей. На протяжении полутораста страниц читателю преподносятся петлюровские и фашистские речи, кулацкие стенания, страдания, мечты, бандитские сарказмы и гримасы бандитской любви. В этом и заключается все содержание книги, это и остается в памяти, и именно от этого становится тошно и не хочется дочитывать книгу до конца.

Фигура Шовковшитного создана, кажется, специально для произнесения речей и словечек. В конце повести он «перековывается», но это происходит так неубедительно и так неожиданно, что о его перековке не стоило бы и говорить. На с. 76 Шовковшитный находится на верхней точке своего петлюровского «взлета», а на с. 93 он уже «перековался» и изменяет своему «вдохновителю» Гордиенко, которому только недавно, семнадцать страниц назад, давал горячую и преданную клятву.

Если поверить автору и признать «перековку» Шовковшитного действительно происшедшей, то все-таки останется тайной, куда же девался настоящий Шовковшитный, этот озлобленный, наглый, разложившийся и морально отвратительный человек. Чудо его «перековки» тем более невероятно, что в повести, собственно говоря, никто и не занимался его перековкой.

Шовковшитный в повести развернуто показан до «перековки». Сначала изображается его неудачная юность, смерть его отца, его жажда мести и самая месть: покушение на убийство председателя сельсовета, а потом ссылка в «несимпатичную» хибинскую природу. Здесь Шовковшитный становится организатором всякого сопротивления труду и представителем петлюровского цинизма.

Веньке Салых, одному из самых «порядочных» кулацких сынов, добившемуся бригадирства на стройке и мечтающему о хорошей комнате и женитьбе, принадлежит авторство довольно сомнительной символической линии, проведенной через повесть.

«Горностай – царский зверь. Раньше царям на шубы шел, теперь на экспорт бьют. Очень дорогой зверь, поймать его трудно, а в клетку засадить прямо невозможно. Я пробовал. Не берет еду, только глядит жалобно так и злобно».

Таким «царским горностаем», не выносящим неволи, и выступает в повести Шовковшитный. Венька Салых всегда называет его «горностаюшкой», подчеркивая длящееся и очевидно значительное сравнение. А ближе к концу повести тот же Венька раскрывает идею сравнения до конца.

У него для этого есть газетная заметка:

«Впервые в истории звероводства в Восточносибирском питомнике самка царского горностая родила в неволе... Мы стоим перед разрешением проблемы научного планирования пушного хозяйства... Состояние зверей является лучшим опровержением оппортунистических теорий о невозможности культивирования царского горностая в питомнике».

Поневоле напрашивается мысль, что вся идея книги и заключается в этом расширенном сравнении. Для Шовковшитного новое общество есть не больше, как принудительный питомник.

Шовковшитный уверен, что Советской власти не удастся его переделать, но повесть показывает, что он ошибся. Его все-таки переделали, не истратив на это большой энергии.

Кто, какими путями?

Пути перековки мало показаны в повести. Здесь есть только один настоящий большевик, да и настоящий ли он, кто его знает? Кажется, взгляды отсекра Геничева на процесс перековки не многим отличаются от взглядов Веньки и Шовковшитного. Первое слово, которое слышит от него Шовковшитный, такое:

«– Об камень споткнешься, голову проломить себе можешь».

Геничев единолично руководит стройкой. На одной из страниц книги попадается директор, но автор так мало им интересуется, что даже не называет ни его имени, ни фамилии. И поселенцы говорят о Геничеве так:

«– Никитка, он ничего – хозяйственный паренек!»

И это правильно: ответственный секретарь парткома, единственный представитель Советской власти и партии на стройке, Геничев есть не больше, чем хозяйственный паренек. Описывается он по старинному штампованному способу описания таких пареньков. Его соприкосновение с действительностью редко выходит за границы таких проявлений:

«– В три смены работать станем.

– Ладно, обмозгуем. Поговорю с профоргом.

– Надо подумать, как к нему подойти».

Не удивительно, что на всем протяжении повести мы не встречаем ни политической страсти, ни человеческой теплоты, ни яркого, зовущего слова. И поэтому вся стройка читателю не кажется большевистской, не представляется большим и значительным делом.

И вот этому самому Шовковшитному, переполнившему книгу безобразными фашистскими и петлюровскими речами, автор позволяет любоваться лицом Кирова, видеть в нем «не только изображение вождя, но и карточку любимого старшего товарища». Между тем читатель расстается с Шовковшитным с неприятным чувством настороженности, он слишком хорошо запомнил его ненависть, слишком хорошо видит его хищную фигуру.

Другой «горностай», Гордиенко, изображен не менее злобным и решительным врагом. Но Гордиенко не «перековывается». Автор неожиданно приканчивает его. Гордиенко погибает в перестрелке после неожиданного молниеносного вредительства. И от этого образа остаются почти одни разговоры и призывы.

То, что написано на 150 страницах этой повести, оставляет у читателя впечатление тяжелое.

Книга сделана настолько неудачно, с таким нарушением законов перспективы, с таким преобладанием вражеских тонов и вражеских слов, с таким завуалированным советским горизонтом, с такими подозрительными сравнениями и с такой холодностью, что при всем моем желании быть снисходительным к молодому автору я не могу быть снисходительным.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 7, с. 61–64. Опубликовано в «Литературной газете», 15 июля 1937 г. О повести Н. Гирей «Шестьдесят восьмая параллель» (Литературный современник, №№5 и 6, 1937 г.).

А.С. Макаренко характеризует повесть как образец безответственности в рассмотрении актуальной и острой в политическом отношении темы. «Перековки» раскулаченных и уголовников на строительстве завода и города, в общем процессе развития страны, – не видно. Много «петлюровских и фашистских речей, бандитских сарказмов и гримас бандитской любви», это во многом определяет содержание произведения.

Дополнения. *20 июля: публикация начала «Книги для родителей» в «Литературной газете».*

27 июля: А.С. Макаренко планирует закончить «Книгу для родителей» к 15 октября.

Лето 1937 г.: *заступничество А. Фадеева и М. Шолохова за А.С. Макаренко, после получения Г.С. Макаренко* **сведений о возможном его аресте, в связи с поступлением в НКВД СССР «копии компрометирующих материалов на бывш. зам. нач. ОТК НКВД УССР Макаренко, проживающего в Москве и работающего в Союзе писателей». (М. Шолохов был на приеме у И.В. Сталина позднее, в присутствии В.М. Молотова и Н.И. Ежова, 27 сент. 1937 г., после чего 3 человека были освобождены из-под ареста. – Опускула макаренкиана, №21, с. 62–65).**

Июль: *публикация первых четырех глав «Книги для родителей» в ж. «Красная новь», №7.* **Редколлегия журнала: Вл. Бахметьев, Ф. Березовский, В. Ермилов, Вс. Иванов, И. Луппол, Ф. Панферов, А. Фадеев, М. Шагинян. Перенос публикации в этот журнал из «Альманаха» связан с тем, что тогда изменился состав редакции последнего, в ней ранее были А. Фадеев и В. Ермилов (там же, с. 39).**

5–9 главы «Книги для родителей» напечатаны в №№8, 9, 10 «Красной нови».

По существу это не «Книга *для* родителей», а «Книга *о* родителях». Ее центральная тема: взаимодействие поколений в семье, их судьбы в настоящем и будущем, – как и в макаренковской педагогике в целом. На материале семьи А.С. Макаренко далее выявляет общепедагогические закономерности, рассматривает социально-этические основы нового воспитания, – что имеет прямое отношение и к педагогике школы, деятельности педагога-профессионала. Развиваются и конкретизируются идеи «Педагогической поэмы».

Основополагающая в макаренковской педагогике проблема коллективного труда-хозяйства в условиях семьи далее разрабатывается в плане воспитания потребностей и развития родственно-товарищеских взаимоотношений между старшими и младшими.

Основные темы глав **(они не имеют наименований). Первая глава: «Родители или жизнь?» Воспитание и жизнь. Природа человека, детства – и воспитание. Не «индивидуальная домашняя дрессировка». Воспитание – гражданский долг родителя. Конфликт поколений в семье.**

Вторая: Жизненные потребности и воспитание, роль «хозяйственного опыта», мотивации. «Нравственно оправданные потребности» и «опыт неоправданного потребления». Моральный кодекс, опережающий хозяйственно-правовые нормы.

Третья: Многодетная семья – норма. Борьба единого коллектива семьи «за лучшую жизнь». Рабочий день родителя – не более 7 часов, «чтобы быть с детьми». Индивидуальный стиль жизни семьи и воспитание.

Четвертая: Деньги в семье, материальное и моральное. Альтруизм и меркантильность. «Финансовая организация» семьи. Деньги как «будничная и полезная деталь».

Пятая: Советская семья как коллектив. Его разрушение, две причины: единственный ребенок; уход отца (алименты). Пути нормализации. «Преступление против детей».

Шестая: Выход из «семейного гнезда» в жизнь, с 4-х лет. Взрослые и дети по месту жительства. Конфликты, взаимопомощь. Свобода и дисциплина, родительский авторитет. Игра, участие в ней взрослых.

Седьмая: вступление в жизнь в 13–17 лет, до 20 и более – формирование «культуры социальной личности». Опыт любви, «творческой силы жизни». «Интимное уважение к вопросам пола». Цинизм матерного слова.

Восьмая: Расхождение любви и долга. Избалованные дети, воспитание эксплуататоров. Необходимое влияние общественности. Право родителей на счастье, забота о старших.

Девятая: разные слои населения, взрослые и дети в условиях опасности, мобилизации. Двойная мораль, жадность. Лучшая жизнь «прямо пропорциональна величине человеческой солидарности».

К двум главам даны эпиграфы: из Ф. Энгельса (о будущих поколениях, не знающих подчинения любви материальной необходимости) и Т. Лукреция (о диком растрачивании «состояния отцов»).

***В** конструкции произведения* **сочетаются: экскурсы в дореволюционную русскую действительность (которую А.С. Макаренко хорошо знал); обращение к социально-экономической практике капиталистического общества; отражение достижений и трудностей, недостатков советской жизни.**

Художественно развернутые примеры: 16 семей разного типа, взяты на основе личных впечатлений. Прототипы: Худяков – Поляков, профессор – Каиров, Веткин – Пенкин, Кетов – Кононенко, Коробова – Лапирова и др. Каиров И.А. – тогда зав. кафедрой педагогики Московского гос. ун-та, затем зав. каф. педагогики Московского гос. пединститута; с 1946 г. президент Академии пед. наук РСФСР. А.С. Макаренко встречался с ним в связи с предложением участвовать в подготовке учебника педагогики, глав. ред. изд. Сочинений А.С. Макаренко в 7 т. (1950–1952 гг.).

Книга для родителей, фрагменты
(этические и социально-гуманитарные основы воспитания)

Глава первая

Может быть, книга эта – дерзость?

Воспитывая детей, нынешние родители воспитывают будущую историю нашей страны и, значит, и историю мира. Могу ли я на свои плечи поднять величественную тяжесть такой необъятной темы? Имею ли я право, посмею ли я разрешить или развязать хотя бы

главные ее вопросы?

К счастью, такая дерзость от меня не требуется. Наша революция имеет свои великие книги, но еще больше у нее великих дел. Книги и дела революции – это уже созданная педагогика нового человека[1]. В каждой мысли, в каждом движении, в каждом дыхании нашей жизни звучит слава нового гражданина мира. Разве можно не услышать этого звучания, разве можно не знать, как мы должны воспитывать наших детей?

Но и в нашей жизни есть будни, и в будни родятся сложные наборы мелочей. В мелочах жизни теряется иногда человек. Наши родители, бывает, в этих мелочах ищут истину, забывая, что у них под руками великая философия революции.

Помочь родителям оглянуться, задуматься, открыть глаза – скромная задача этой книги…...

Дорогие родители!

Не подумайте, пожалуйста, что всякая беседа с ребенком не имеет смысла. Мы предостерегаем вас только от чрезмерных надежд на разговоры.

Как раз те родители, которые плохо воспитывают своих детей, и вообще те люди, которые отличаются полным отсутствием педагогического такта,– все они слишком преувеличивают значение педагогических бесед…...

Советский человек не может быть воспитан непосредственным влиянием одной личности, какими бы качествами эта личность ни обладала. Воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле. Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего – люди. Из них на первом месте – родители и педагоги. Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка.

Весь этот «хаос» не поддается как будто никакому учету, тем не менее, он создает в каждый данный момент определенные изменения в личности ребенка. Направить это развитие и руководить им – задача воспитателя.

Бессмысленна и безнадежна попытка некоторых родителей извлечь ребенка из-под влияния жизни и подменить социальное воспитание индивидуальной домашней дрессировкой. Все равно это окончится неудачей: либо ребенок вырвется из домашнего застенка, либо вы воспитаете урода…...

Нет, наши дети вовсе не такие цветы. Наши дети цветут на живом стволе нашей жизни, это не букет, это прекрасный яблоневый сад. И этот сад – наш, здесь право собственности звучит, честное слово, очаровательно! Трудно, конечно, не любоваться таким садом, трудно ему не радоваться, но еще труднее не работать в таком саду. Будьте добры, займитесь этим делом: вскапывайте, поливайте, снимайте гусеницу, обрезайте сухие веточки. Вспомните слова гениального садовника, товарища Сталина:

«Людей нужно заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбованное плодовое дерево».

Обратите внимание: плодовое. Не только аромат, не только «гаммы красок» – плоды, вот что должно вас интересовать в особенной степени. И поэтому не набрасывайтесь на цветы с одними вздохами и поцелуями, возьмите в руки лопату, ножницы, лейку, достаньте лестницу. А когда в вашем саду появится гусеница, возьмите парижскую зелень. Не бойтесь, побрызгайте немножко, пусть даже цветам будет чуточку неприятно. Между прочим, у хорошего садовника гусеница никогда не появится.

Да, давайте будем садовниками. Это блестящее сравнение позволит нам кое-что выяснить в трудном вопросе, кто воспитывает ребенка – родители или жизнь?

Кто выращивает садовое дерево?

Из земли и воздуха оно берет атомы своего тела, солнце дает ему драгоценную силу горения, ветры и бури воспитывают в нем стойкость в борьбе, соседние братья-деревья спасают его от гибельного одиночества. И в дереве и вокруг него всегда протекают сложнейшие химические процессы.

Что может изменить садовник в этой кропотливой работе жизни?..

Человек давно научился осторожно и нежно прикасаться к природе. Он не творит природу и не уничтожает ее, он только вносит в нее свой математически-могучий корректив; его прикосновение, в сущности, не что иное, как еле заметная перестановка сил. Там подпорка, там разрыхленная земля, там терпеливый зоркий отбор.

Наше воспитание такой же корректив[2]. И поэтому только и возможно воспитание. Ра-

зумно и точно провести ребенка по богатым дорогам жизни, среди ее цветов и сквозь вихри ее бурь, может каждый человек, если он действительно захочет это сделать…...

В успехе семейного воспитания решающим является активное, постоянное, вполне сознательное выполнение родителями их гражданского долга перед советским обществом. Там, где этот долг реально переживается родителями, где он составляет основу ежедневного их самочувствия, там он необходимо направляет и воспитательную работу семьи, и там невозможны никакие провалы и никакие катастрофы…...

Вы должны быть не только отцом и шефом ваших детей, вы должны быть еще и организатором вашей собственной жизни, ибо вне вашей деятельности как гражданина, вне вашего самочувствия как личности не может существовать и воспитатель.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 5, с. 8, 14–16, 18.

[1] Данное положение является основополагающим в педагогических взглядах А.С. Макаренко-теоретика. См. также: его «Школа жизни, труда, воспитания…» Часть 4, с. 81; Пед. соч.: в 8 т., т. 6, с. 100.

[2] Воспитание лишь как «корректив» (поправка, изменение, частичное исправление) природного развития ребенка – фундаментальный принцип макаренковской природосообразной педагогики, еще очень слабо разработанный.

Глава вторая

…...Наша семья, как и прежняя, составляет хозяйственную единицу[1]. Но советское семейное хозяйство есть обязательно сумма трудовых заработков. Даже если они очень велики, даже если они превышают нормальные потребности семьи, даже если они накопляются, это накопление имеет совершенно иной характер, чем накопление в семье капиталистического общества…...

В нашем этическом каталоге навсегда вычеркнута организованная жадность, составляющая мотивационную основу всего капиталистического общества. От потребительской жадности, которая логически допустима и у нас, она отличается очень сложной картиной психологических и перспективных деталей, ибо заключает в себе и стремление к власти, и честолюбие, и гонор, и любовь к раболепству, и ту сложнейшую цепь зависимостей, которая необходимо приходит вместе с широкой властью над множеством людей и множеством предметов.

Эта организованная жадность вычеркнута впервые в истории мира Октябрьской революцией, и это коротко отмечено в статье шестой Конституции:

«Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т.п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием».

Эта статья, несмотря на всю ее простую скромность, является основанием новой морали человечества...…[2]

Советский семейный коллектив на основании статьи десятой Конституции является полным хозяином своего семейного имущества, которое имеет исключительно трудовое происхождение. Эта хозяйственная арена семейного коллектива становится в значительной мере и ареной педагогической.

Наше общество открыто и сознательно идет к коммунистическому обществу.

У нас моральные требования к человеку должны быть выше среднего уровня человеческого поступка. Мораль требует общего равнения на поведение самое совершенное[3]. Наша мораль уже в настоящее время должна быть моралью коммунистической. Наш моральный кодекс должен идти впереди и нашего хозяйственного уклада и нашего права, отраженного в Конституции, он должен видеть впереди еще более высокие формы общества. В борьбе за коммунизм мы уже сейчас должны воспитывать в себе качества члена

коммунистического общества. Только в этом случае мы сохраним ту моральную высоту, которая сейчас так сильно отличает наше общество от всякого другого.

Великий закон коммунизма «От каждого по способности, каждому по потребности» для многих еще представляется практически неуловимым, многие еще не способны представить такой высокий принцип распределения, предполагающий еще невиданные формы честности, справедливости, точности, разума, доверия, чистоты человеческой нравственной личности.

Глубочайший смысл воспитательной работы, и в особенности работы семейного коллектива, заключается в отборе и воспитании человеческих потребностей, в приведении их к той нравственной высоте, которая возможна только в бесклассовом обществе и которая только и может побуждать человека к борьбе за дальнейшее совершенствование.

Нравственно оправданная потребность – это есть потребность коллективиста, т.е. человека, связанного со своим коллективом единой целью движения, единством борьбы, живым и несомненным ощущением своего долга перед обществом.

Потребность у нас есть родная сестра долга, обязанности, способностей, это проявление интересов не потребителя общественных благ, а деятеля социалистического общества, создателя этих благ...

Не всякий опыт в нашей стране есть опыт нравственный. Наша семья не является замкнутым коллективом, как семья буржуазная. Она составляет органическую часть советского общества, и всякая ее попытка построить свой опыт независимо от нравственных требований общества обязательно приводит к диспропорции, которая звучит как тревожный сигнал опасности.

Диспропорция в семье Алеши заключается в том, что потребности отца или матери механически становятся потребностями детей. У отца они вытекают из большого ответственного и напряженного труда, из его трудового значения в Советском государстве. А у Алеши они не оправданы никаким коллективным трудовым опытом, а даны в отцовской щедрости; эти потребности у него – отцовская подачка. Принципиально такая семья есть самая старая, старая отцовская монархия, нечто подобное просвещенному абсолютизму.

У нас приходится, в виде исключения, наблюдать такие семьи. У них словесная советская идеология мирно уживается с опытом старого типа. Когда потребности детей не будут связаны с заслугами отца, тогда и у Алеши будет действовать другая логика.

Все это вовсе не значит, что в такой семье к детям нужно применять какую-то особенную дрессировку. Вопрос решается в стиле всей семьи. И если сам отец как гражданин имеет право на дополнительный комфорт, то как член семейного коллектива он тоже должен себя ограничивать. Какие-то нормы скромности обязательны и для него, тем более что в биографиях наших великих людей скромность всегда присутствует…...

Нравственная глубина и единство семейного коллективного опыта – совершенно необходимое условие советского воспитания. Это относится одинаково и к семьям с достатком и к семьям с недостатком.

В нашей стране только тот человек будет полноценным, потребности и желания которого есть потребности и желания коллективиста. Наша семья представляет собой благодарный институт для воспитания такого коллективизма…...

Там же, с. 24–27, 32–33.

[1] Разрабатывается применительно к семье организационно-методический принцип А.С. Макаренко: единый хозяйственно-трудовой коллектив взрослых и детей – главный фактор воспитания.

[2] В новой этике А.С. Макаренко четко показывает ее основание – коренное изменение характера собственности.

[3] Этот тезис отражает особенность морали как таковой – ее обращение к идеалу. В разных социально-экономических условиях он имеет разное содержание. Макаренковская «педагогика завтрашнего дня», соединяя закрепление культурных достижений прошлого с решением актуальных задач современности, необычайно усиливает в

педагогике значение категории будущего. Целеустремленность, активное отношение к идеалу – характерная особенность воспитания.

Глава четвертая

Деньги![1] Изо всех изобретений человечества это изобретение ближе всех стояло к дьяволу. Ни в чем другом не было такого простора для приложения подлости и обмана, и поэтому ни в какой другой области не было такой благодатной почвы для произрастания ханжества.

Казалось бы, в советской действительности для ханжества нет места.

Однако его бактерии то там, то сям попадаются, мы не имеем права забывать об этом, как нельзя забывать о возбудителях гриппа, малярии, тифа и других подобных гадостях.

Какова формула ханжества? Эгоизм, плюс цинизм, плюс водянистая среда идеалистической глупости, плюс нищенская эстетика показного смирения. Ни один из этих элементов не может содержаться в советской жизни. Другое дело там, где и бог и черт вмешиваются в человеческую жизнь и претендуют на руководство. У ханжи в одном кармане деньги, в другом – молитвенник, ханжа служит и богу и черту, обманывает и того и другого.

В старом мире каждый накопитель не мог не быть ханжой в большей или меньшей степени. Для этого вовсе не нужно было на каждом шагу играть Тартюфа, в последнем счете и для ханжества были найдены приличные формы, очищенные от примитивной позы и комической простоты. Самые матерые эксплуататоры научились пожимать рабочие руки, умели поговорить с пролетарием о разных делах, похлопать по плечу и пошутить, а навыки благотворительности и меценатства сопровождать солидноуверенной скромностью и еле заметным покраснением ланит. Получалась в высшей степени милая и привлекательная картина. Не только не спешили славословить господа бога, но даже делали вид, что о господе боге и речи быть не может, вообще не нужно ни благодарности на земле, ни благодарности на небесах. Это была замечательно мудрая политика. Какой-нибудь Тартюф из кожи лез вон, чтобы понравиться господу, его подхалимство было активное, напористое, неудержимое, но именно поэтому от такого Тартюфа за десять километров несло запахом черта, который, между прочим, даже и не прятался, а тут же рядом помещался в старом кресле, курил махорку и, скучая, ожидал своего выхода.

Это была грубейшая форма ханжества, нечто напоминающее по технике паровоз Стефенсона. У современных западных ханжей все обставлено с завидной обстоятельностью: никакого господа, никаких святых, но зато и чертом не пахнет и вообще ничем не пахнет, кроме духов. Любителям этой темы рекомендуем познакомиться с классическим образчиком ханжества – с сочинением Андре Жида «Путешествие в Конго».

Но вся эта чистота – только эстетическая техника, не больше. Как только редеет толпа, как только папаша с мамашей останутся в интимном семейном кругу, как только встанут перед ними вопросы воспитания детей, так немедленно появляются на сцену и оба приятеля: и аккуратный, чисто выбритый, благостный и сияющий бог, и неряшливый, с гнилыми зубами, нахально ухмыляющийся дьявол. Первый приносит «идеалы», у второго в кармане звенят деньги – вещь не менее приятная, чем «идеалы».

Здесь, в семье, где не нужно было никакой «общественной» тактики, где властвовали всемогущие зоологические инстинкты и беспокойство, где на глазах копошились живые, неоспоримые потомки, здесь именно несправедливый, кровожадный и бессовестный строй, отвратительное лицо которого нельзя было прикрыть никаким гримом, выступал почти с хулиганской бесцеремонностью. И его моральные противоречия, его практический деловой цинизм казались оскорбительными для детской ясной сущности.

И поэтому именно здесь, в буржуазной семье, настойчиво старались загнать дьявола в какой-нибудь дальний угол, вместе с его деньгами и другими бесовскими выдумками. Только поэтому в буржуазном обществе старались в тайне хранить финансовые источники семейного богатства, в этом обществе родились потуги отделить детство от денег, именно здесь делались глупые и безнадежные попытки воспитания «высоконравственной личности» эксплуататора. В этих попытках проекты идеалистического альтруизма, какой-то мифической «доброты» и нестяжания были, в сущности, школой того же утонченного ханжества…...

В особенности привлекала меня финансовая организация семьи Пыжова. Она имела вид законченной системы, давно проверенной на опыте и украшенной старыми привычными традициями.

Иван Прокофьевич отклонял от себя честь автора этой системы. Он говорил:

– Ничего я не придумывал! Семья – это дело и хозяйство, разумеется. Деньги поступают и расходуются, это не я придумал. А раз деньги – должен быть порядок. Деньги тратить в беспорядке можно, только если ты их украл. А раз есть дебет и кредит, значит, есть и порядок. Чего тут придумывать? А, кроме того, такое обстоятельство: дети. А когда же их учить? Теперь самое и учить.

Больше всего удивляло меня то обстоятельство, что Иван Прокофьевич не завел у себя никакой бухгалтерии. Он ничего не записывал и детей к этому не приучал. По его словам, в семье это лишнее:

– Запись нужна для контроля. А нас семь человек, сами себе и контроль. А приучи к записи, бюрократами и вырастут, тоже опасность. Вы знаете, из нашего брата, бухгалтера, больше всего бюрократов выходит. Работа такая, ну ее!

Веселый глаз Ивана Прокофьевича умел видеть все подробности финансовых операций членов семьи, не прибегая к бухгалтерским записям.

Иван Прокофьевич выдавал карманные деньги накануне выходного дня в довольно торжественной обстановке. В этот день после обеда из-за стола не расходились. Феня убирала посуду и сама присаживалась рядом с Иваном Прокофьевичем. Иван Прокофьевич раскладывал на столе бумажник и спрашивал:

– Ну, Севка, хватило тебе на неделю?..

Такие бюджетные совещания бывают у Пыжовых редко. Подобные проблемы затрагиваются у них по мере возникновения и решаются почти незаметно для глаза. Иван Прокофьевич признает такой способ наилучшим:

– Тот скажет, другой прискажет, смотришь, у кого-нибудь и правильно!

А народ все понимающий – бухгалтерские дети…...

Меня всегда радовала эта веселая семья и ее строгий денежный порядок. Здесь деньги не пахли ни благостным богом, ни коварным дьяволом. Это было то обычное удобство жизни, которое не требует никаких моральных напряжений. Пыжовы смотрели на деньги как на будничную и полезную деталь. Именно поэтому деньги у них не валялись по ящикам и не прятались с накопительской судорогой. Они хранились у Ивана Прокофьевича с простой и убедительной серьезностью, как всякая нужная вещь.

Там же, с. 54–55, 64, 66.

[1] Проблему денег, материальных условий жизни семьи А.С. Макаренко ставит и решает в русле своего общепедагогического положения: «Хозрасчет – замечательный педагог» (Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 346).

Глава пятая

…...Советская семья должна быть только коллективом[1]. Теряя признаки коллектива, семья теряет большую часть своего значения, как организация воспитания и счастья. Потеря признаков коллектива происходит различными способами. Одним из самых распространенных является так называемая система единственного ребенка.

Даже в самых лучших, самых счастливых случаях, даже в руках талантливых и внимательных родителей воспитание единственного ребенка представляет исключительно трудную задачу…...

Я рассказал одну из печальных историй с участием единственного сына-царевича. Таких историй бывает много. Пусть не посетуют на меня родители единственных детей, я вовсе не хочу их запугивать, я только рассказываю то, чему был свидетелем в жизни.

Бывают и счастливые случаи в таких семьях. Бывает сверхнормальная чуткость родителей, позволяющая им найти правильный тон и организовать товарищеское окружение сына, в известной мере заменяющее братьев и сестер. Особенно часто приходилось мне наблюдать у нас прекрасные характеры единственных детей при одинокой матери или овдовевшем отце. В этом случае тяжелая потеря или несомненная страда одиночества с

большой силой мобилизуют и любовь и заботу детей и тормозят развитие эгоизма. Но эти случаи родятся в обстановке горя, они сами по себе болезненны и ни в какой мере не снимают проблемы единственного ребенка. Концентрация родительской любви на одном ребенке – страшное заблуждение.

Миллионы примеров – именно миллионы – можно привести, утверждающих огромные успехи детей из большой семьи. И наоборот, успехи единственных детей страшно эфемерная вещь. Лично мне если и приходилось встречаться с самым разнузданным эгоизмом, разрушающим не только родительское счастье, но и успехи детей, то это были почти исключительно единственные сыновья и дочери.

В буржуазной семье единственный ребенок не представляет такой общественной опасности, как у нас, ибо там сам характер общества не противоречит качествам, воспитанным в единственном отпрыске. Холодная жесткость характера, прикрытая формальной вежливостью, слабые эмоции симпатии, привычка единоличного эгоизма, прямолинейный карьеризм и моральная увертливость и безразличие ко всему человечеству – все это естественно в буржуазном обществе и патологично и вредно в обществе советском…...

Гораздо тяжелее семейный коллектив переносит разрушительные влияния, связанные с длительными процессами разложения. Эти явления так же условно можно назвать «химическими»[2]. Я уже указал, что «механический» тип единственного ребенка только потому должен приводить к неудаче, что он необходимо вызывает «химическую» реакцию в виде гипертрофии родительской любви. «Химические» реакции в семье являются и наиболее страшными. Можно назвать несколько форм такой реакции, но я хочу остановиться особо на одной, самой тяжелейшей и вредной…...

История Евгении Алексеевны, конечно, не самая горестная. Встречаются и такие отцы, которые умеют не только бросить детей, но и ограбить их, перетащив на новое место отдельные соломинки семейного гнезда.

Говорят, есть такие отцы, которые, оставив семью, умеют сохранить действительно благородные отношения с детьми, даже принимают участие в их воспитании, даже воспитывают из них правильных людей. Я верю, что это возможно, что это по силам человеку, но я таких не видел. Зато я встречал людей, которые умеют не поддаваться впечатлениям первых семейных недоразумений, способны пренебречь притягательной прелестью новой любви и сохранить в чистоте договор с женой, не придираясь к отдельным ее недостаткам, обнаруженным с таким запозданием. В этом случае и долг перед детьми выполняется более совершенно, и таких людей можно считать образцами.

Но много еще есть «благородных» и неблагородных донжуанов, которые с безобразной слабостью рыскают по семейным очагам, разбрасывая повсюду стайки полусирот, которые, с одной стороны, всегда готовы изображать ревнителей свободы человеческой любви, с другой – готовы показать свое внимание к брошенным детям, с третьей стороны, просто ничего не стоят как люди и не заслуживают никакой милости.

Обиженные и оскорбленные матери и дети при всякой возможности должны обращать «химическую» фигуру такого алиментщика в «механический» и простой нуль. Не нужно позволять этим людям кокетничать с брошенными ими детьми.

И, во всяком случае, необходимо рекомендовать особую деликатность в вопросе об алиментах, чтобы эти деньги не вносили в семью никакого разложения.

Целость и единство семейного коллектива – необходимое условие хорошего воспитания. Оно разрушается не только алиментщиками и «единственными принцами», но и ссорами родителей, и деспотической жестокостью отца, и легкомысленной слабостью матери.

Кто хочет действительно правильно воспитать своих детей, тот должен беречь это единство. Оно необходимо не только для детей, но и для родителей.

Как же быть, если остался только один ребенок и другого почему-либо вы родить не можете?

Очень просто: возьмите в вашу семью чужого ребенка, возьмите из детского дома или сироту, потерявшего родителей. Полюбите его, как собственного, забудьте о том, что не вы его родили, и, самое главное, не воображайте, что вы его облагодетельствовали. Это он пришел на помощь вашей «косой» семье, избавив ее от опасного крена. Сделайте это обязательно, как бы ни затруднительно было ваше материальное положение.

Там же, с. 67, 75–76, 102–103.

[1] А.С. Макаренко последовательно переносит в семейное воспитание фундаментальную идею его педагогики о едином трудовом коллективе детей и взрослых как главной форме организации воспитания, «форме жизни».

[2] А.С. Макаренко характеризует педагогические явления в разных аспектах, в том числе и по аналогии с исследованиями в физике (механике) и химии. В первом случае он имеет в виду конструкцию педагогического явления, нечто «механическое». Во втором – трудноуловимые явления, типа «химической реакции» (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 47, 52). Он говорил и о «педагогической геометрии» («параллельное педагогическое действие») и др.

Глава шестая

…...Авторитет должен заключаться в самих родителях, независимо от их отношения к детям, но авторитет – совсем не специальный талант. Его корни всегда находятся в одном месте: в поведении родителей, включая сюда все отделы поведения, иначе говоря, всю отцовскую и материнскую жизнь – работу, мысль, привычки, чувства, стремления.

Невозможно дать транспарант такого поведения в коротком виде, но все дело сводится к требованию: родители сами должны жить полной, сознательной, нравственной жизнью гражданина советской страны. А это значит, что и по отношению к детям они должны быть на какой-то высоте, на высоте естественной, человеческой, а не созданной искусственно для детского потребления.

Поэтому все вопросы потребления, свободы и дисциплины в семейном коллективе не могут разрешаться ни в каких искусственно придуманных приемах, способах и методах[1]. Воспитательный процесс есть процесс, постоянно длящийся, и отдельные детали его разрешаются в общем тоне семьи, а общий тон семьи нельзя придумать и искусственно поддерживать.

Общий тон, дорогие родители, создается вашей собственной жизнью и вашим собственным поведением. Самые правильные, разумные, продуманные педагогические методы не принесут никакой пользы, если общий тон вашей жизни плох. И, наоборот, только правильный общий тон подскажет вам и правильные методы обращения с ребенком, и прежде всего правильные формы дисциплины, труда, свободы, игры и...… авторитета…...

Ребенок – это живой человек. Это вовсе не орнамент нашей жизни, это отдельная полнокровная и богатая жизнь. По силе эмоций, по тревожности и глубине впечатлений, по чистоте и красоте волевых напряжений детская жизнь несравненно богаче жизни взрослых[2]. Но ее колебания поэтому не только великолепны, но и опасны. И радости, и драмы этой жизни сильнее потрясают личность и скорее способны создавать и мажорные характеры деятелей коллектива, и характеры злобных, подозрительных и одиноких людей.

Если вы эту насыщенную, яркую и нежную жизнь видите и знаете, если вы размышляете над ней, если вы в ней участвуете, только тогда становится действенным и полезным ваш родительский авторитет, та сила, которую вы накопили раньше, в собственной, личной и общественной жизни.

Но если ваш авторитет, как чучело, раскрашенное и неподвижное, только рядом стоит с этой детской жизнью, если детское лицо, детская мимика, улыбка, раздумье и слезы проходят бесследно мимо вас, если в отцовском лице не видно лица гражданина – грош цена вашему авторитету, каким бы гневом или ремешком он ни был вооружен.

Если вы бьете вашего ребенка, для него это во всяком случае трагедия: или трагедия боли и обиды, или трагедия привычного безразличия и жестокого детского терпения.

Но трагедия эта – для ребенка. А вы сами – взрослый, сильный человек, личность и гражданин, существо с мозгами и мускулами, вы, наносящий удары по нежному, слабому растущему телу ребенка, что вы такое? Прежде всего, вы невыносимо комичны, и, если бы не жаль было вашего ребенка, можно до слез хохотать, наблюдая ваше педагогическое

варварство. В самом лучшем случае, в самом лучшем, вы похожи на обезьяну, воспитывающую своих детенышей.

Вы думаете, что это нужно для дисциплины?

У таких родителей никогда не бывает дисциплины. Дети просто боятся родителей и стараются жить подальше от их авторитета и от их власти.

И часто рядом с родительским деспотизмом ухитряется жить и дебоширить детский деспотизм, не менее дикий и разрушительный. Здесь вырастает детский каприз, этот подлинный бич семейного коллектива.

Большей частью каприз родится как естественный протест против родительской деспотии, которая всегда выражается во всяком злоупотреблении властью, во всякой неумеренности: неумеренности любви, строгости, ласки, кормления, раздражения, слепоты и мудрости. А потом каприз уже не протест, а постоянная, привычная форма общения между родителями и детьми.

В условиях обоюдного деспотизма погибают последние остатки дисциплины и здорового воспитательного процесса. Действительно важные явления роста, интересные и значительные движения детской личности проваливаются, как в трясине, в капризной и бестолковой возне, в самодурном процессе высиживания снобов и эгоистов.

В правильном семейном коллективе, где родительский авторитет не подменяется никаким суррогатом, не чувствуется надобности в безнравственных и некрасивых приемах дисциплинирования. И в такой семье всегда есть полный порядок и необходимое подчинение и послушание.

Не самодурство, не гнев, не крик, не мольба, не упрашивание, а спокойное, серьезное и деловое распоряжение – вот что должно внешним образом выражать технику семейной дисциплины. Ни у вас, ни у детей не должно возникать сомнения в том, что вы имеете право на такое распоряжение, как один из старших, уполномоченных членов коллектива. Каждый родитель должен научиться отдавать распоряжение, должен уметь не уклоняться от него, не прятаться от него ни за спиной родительской лени, ни из побуждений семейного пацифизма. И тогда распоряжение сделается обычной, принятой и традиционной формой, и тогда вы научитесь придавать ему самые неуловимые оттенки тона, начиная от тона директивы и переходя к тонам совета, указания, иронии, сарказма, просьбы и намека.

А если вы еще научитесь различать действительные и фиктивные потребности детей, то вы и сами не заметите, как ваше родительское распоряжение сделается самой милой и приятной формой дружбы между вами и ребенком.

Там же, с. 104, 147–149.

[1] Отсутствие в педагогике А.С. Макаренко специальной разработки понятий: «приемы воспитания, способы, методы» – объясняется отрицанием им традиционного представления их в «искусственном» отрыве от общих условий жизни взрослых и детей в коллективе. Это не отрицание данных понятий как таковых, а стремление к их преобразованию на уровне «педагогики «жизни». Характерны его высказывания: «не метод, а организация», «организация – это метод».

[2] Тезис А.С. Макаренко о богатстве детской жизни в эмоциональном отношении (которое ослабляется во взрослой жизни, при усилении роли ума, знания) воплощается в его педагогике путем необычной насыщенности воспитательного процесса элементами игры, широкого использования символики, ритуалов, «военизации».

Это очень важный показатель «природосообразности» макаренковской педагогики. Она исключает искусственное, преждевременное развитие интеллекта и системы знаний, без необходимого опыта переживаний, впечатлений, воображения, чувствований. Жизненная

практика – могучий источник целостного знания и перевода знания на уровень понимания и действия.

Глава седьмая

…...Научить любить, научить узнавать любовь, научить быть счастливым – это значит научить уважать самого себя, научить человеческому достоинству. Никакие образовательные экскурсии в автономную область Венеры не помогут этому делу. В человеческом обществе, а тем более в обществе социалистическом, половое воспитание не может быть воспитанием физиологии. Половой акт не может быть уединен от всех достижений человеческой культуры, от условий жизни социального человека, от гуманитарного пути истории, от побед эстетики. Если мужчина или женщина не ощущает себя членом общества, если у них нет чувства ответственности за его жизнь, за его красоту и разум, как они могут полюбить? Откуда у них возьмутся уважение к себе, уверенность в какой-то своей ценности, превышающей ценность самца или самки?

Половое воспитание – это, прежде всего, воспитание культуры социальной личности. И если в буржуазном обществе такое воспитание на каждом шагу встречает препятствие в классовом разделении общества, в нищете, в насилии, в эксплуатации, то в нашем государстве для такого воспитания проложены широкие дороги. В самой скромной советской семье, как только она до конца поймет, какое важное и определяющее участие ей предоставлено в государственной жизни, как только она научится ощущать это свое единство с обществом не только в великих вопросах истории, но и в каждой подробности своего быта, тем самым разрешается проблема полового воспитания, ибо такая семья уже находится в фарватере культурной революции…...

Мать говорила:

– Любовь надо проверять. Человеку кажется, что он полюбил, а на самом деле это неправда. Масло не покупают без проверки, а наши чувства берем как попало, в охапку и носимся с ними. Это просто глупо.

– Это очень трудно проверять, – еле слышно прошептала Надя.

Потом молчание. Может, так тихо шептались, а может, мать ласково поглаживала Надину растрепанную головку. А потом мать сказала:

– Глупенькая, это очень легко проверить. Хорошее, настоящее чувство всегда узнаешь.

– Как хорошее масло, правда?

В голосе матери пронеслась улыбка:

– Даже легче.

Вероятно, Надя спрятала лицо в подушку или в колени матери, потому что сказала очень глухо:

– Ох, мамочка, трудно!

Александр уж хотел с досадой повернуться на другой бок, но вспомнил, что он крепко спит, поэтому только недовольно выпятил губы: все у них какие-то нежности, а потом масло какое-то! Странные эти женщины, ну, и говорили бы дело!

– Это верно, нужен маленький опыт...

Надя заговорила быстрым возбужденным шепотом:

– Мамочка, тебе хорошо говорить: маленький опыт! А если ничего нет, никакого самого маленького, а? Скажи, как это так: опыт любви, да? Скажи, да? Опыт любви? Ой, я ничего не понимаю.

«Сейчас заплачет», – решил Александр и еле заметно вздохнул.

– Не опыт любви, что ты! Опыт любви – это звучит как-то даже некрасиво. Опыт жизни.

– Какая же у меня жизнь?

– У тебя? Большая жизнь – семнадцать лет. Это большой опыт.

– Ну, скажи, ну, скажи! Да говори же, мама.

Мать, видимо, собиралась с мыслями.

– Ты не скажешь?

– Ты и сама знаешь, не прикидывайся.

– Я прикидываюсь?

– Ты знаешь, что такое женское достоинство, женская гордость. Мужчина легко

смотрит на женщину, если у нее нет этой гордости. Ты знаешь, как это легко сдержать себя, не броситься на первый огонек.

– А если хочется броситься?

Александр совсем начинал грустить, когда же, наконец, они будут говорить о том самом вечере. И что такое случилось? Говорят, как в книгах: броситься, огонек!

Мать сказала строго и гораздо громче, чем раньше:

– Ну, если уж очень слаба, бросайся, пожалуй. Слабый человек, он везде проиграет и запутается. От слабости люди счастье пропивают.

– А почему раньше было строго? А теперь почему такая свобода: хочешь – женишься, хочешь – разводишься? Почему при Советской власти такая свобода?

Мать ответила так же строго:

– При Советской власти расчет идет на настоящих людей[1]. Настоящий человек сам знает, как поступить. А для слякоти всегда упаковка нужна, чтобы не разлезалась во все стороны.

– По-твоему, я слякоть?

– А почему?

– А вот видишь: влюбилась…... чуть не влюбилась…...

– Чуть или не чуть, я этого не боюсь. Ты у меня умница, и тормоза у тебя есть. Я не за то на тебя обижаюсь.

– А за что?

– Я от тебя такого малодушия не ожидала. Я думала, у тебя больше этой самой гордости, женского достоинства. А ты второй раз встретилась с человеком и уже прогуляла с ним до часу ночи.

– Ох!

– Это же, конечно, слабо. Это некрасиво по отношению к себе...

Никакие разговоры о «половом» вопросе с детьми не могут что-либо прибавить к тем знаниям, которые и без того придут в свое время. Но они опошлят проблему любви, они лишат ее той сдержанности, без которой любовь называется развратом. Раскрытие тайны, даже самое мудрое, усиливает физиологическую сторону любви, воспитывает не половое чувство, а половое любопытство, делая его простым и доступным.

Культура любовного переживания невозможна без тормозов, организованных в детстве. Половое воспитание и должно заключаться в воспитании того интимного уважения к вопросам пола, которое называется целомудрием. Умение владеть своим чувством, воображением, возникающими желаниями – это важнейшее умение, общественное значение которого недостаточно оценено.

Многие люди, говоря о половом воспитании, представляют себе половую сферу как нечто совершенно изолированное, отдельное, как что-то такое, с чем можно вести дело с глазу на глаз. Другие, напротив, делают из полового чувства какой-то универсальный фундамент для всего личного и социального развития человека; человек в их представлении есть всегда и прежде всего самец или самка. Естественно, и они приходят к мысли, что воспитание человека должно быть прежде всего воспитанием пола. И те и другие, несмотря на свою противоположность, считают полезным и необходимым прямое и целеустремленное половое воспитание.

Мой опыт говорит, что специальное, целеустремленное так называемое половое воспитание может привести только к печальным результатам. Оно будет «воспитывать» половое влечение в такой обстановке, как будто человек не пережил длинной культурной истории, как будто высокие формы половой любви уже не достигнуты во времена Данте, Петрарки и Шекспира, как будто идея целомудренности не реализовалась людьми еще в Древней Греции.

Половое влечение не может быть социально правильно воспитано, если мыслить его существующим обособленно от всего развития личности. Но и в то же время нельзя половую сферу рассматривать как основу всей человеческой психики и направлять на нее главное внимание воспитателя. Культура половой жизни есть не начало, а завершение. Отдельно воспитывая половое чувство, мы еще не воспитываем гражданина; воспитывая же гражданина, мы тем самым воспитываем и половое чувство, но уже облагороженное основным направлением нашего педагогического внимания.

И поэтому любовь не может быть выращена просто из недр простого зоологического полового влечения. Силы «любовной» любви могут быть найдены только в опыте неполо-

вой человеческой симпатии. Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей. И чем шире область этой неполовой любви, тем благороднее будет и любовь половая.

Человек, который любит свою Родину, народ, свое дело, не станет развратником, его взгляд не увидит в женщине только самку. И совершенно точным представляется обратное заключение: тот, кто способен относиться к женщине с упрощенным и бесстыдным цинизмом, не заслуживает доверия как гражданин; его отношение к общему делу будет так же цинично, ему нельзя верить до конца.

Половой инстинкт, инстинкт огромной действенной силы, оставленный в первоначальном, «диком» состоянии или усиленный «диким» воспитанием, может сделаться только антиобщественным явлением. Но связанный и облагороженный социальным опытом, опытом единства с людьми, дисциплины и торможения, он становится одним из оснований самой высокой эстетики и самого красивого человеческого счастья.

Семья – важнейшая область, где человек проходит свой первый общественный путь!

И если этот путь организован правильно, правильно пойдет и половое воспитание. В семье, где родители деятельны, где их авторитет естественно вытекает из их жизни и работы, где жизнь детей, их первые общественные движения, их учеба, игра, настроения, радости, огорчения вызывают постоянное внимание родителей, где есть дисциплина, распоряжения и контроль, в такой семье всегда правильно организуется и развитие полового инстинкта у детей. В такой семье никогда не возникнет надобности в каких-либо надуманных и припадочных фокусах, не возникнет, во-первых, потому, что между родителями и детьми существует совершенно необходимая черта деликатности и молчаливого доверия. На этой черте взаимное понимание возможно без применения натуралистического анализа и откровенных слов. И, во-вторых, на той же черте значительным и мудрым будет каждое слово, сказанное вовремя, экономное и серьезное слово о мужественности и целомудрии, о красоте жизни и ее достоинстве, то слово, которое поможет родиться будущей большой любви, творческой силе жизни.

В такой атмосфере сдержанности и чистоты проходит половое воспитание в каждой здоровой семье.

Будущая любовь наших детей будет тем прекраснее, чем мудрее и немногословнее мы будем о ней говорить с нашими детьми, но эта сдержанность должна существовать рядом с постоянным и регулярным вниманием нашим к поведению ребенка. Никакая философия, никакая словесная мудрость не принесет пользы, если в семье нет правильного режима, нет законных пределов для поступка.

Старый интеллигентский «российский» разгон умел объединять, казалось бы, несовместимые вещи. С одной стороны, мыслящие интеллигенты всегда умели высказывать самые радикальные и рациональные идеи, часто выходящие даже за границы скромной реальности, и в то же время всегда обнаруживали страстную любовь к неряшливости и к беспорядку. Пожалуй, в этом беспорядке с особенным вкусом видели что-то высшее, что-то привлекательное, что-то забирающее за живое, как будто в нем заключались драгоценные признаки свободы. В разном хламе бытовой богемы умели видеть некоторый высокий и эстетический смысл. В этой любви было что-то от анархизма, от Достоевского, от христианства. А между тем в этой беспорядочной бытовой «левизне» ничего нет, кроме исторической нищеты и оголенности. Иные современники в глубине души еще и сейчас презирают точность и упорядоченное движение, целесообразное и внимательное к мелочам бытия.

Бытовая неряшливость не может быть в стиле советской жизни. Всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении, мы должны вытравливать этот задержавшийся богемный дух, который только по крайнему недоразумению считается некоторыми товарищами признаком поэтического вкуса. В точности, собранности, в строгой и даже суровой последовательности, в обстоятельности и обдуманности человеческого поступка больше красоты и поэзии, чем в любом «поэтическом беспорядке»…...

И в порядке той же бытовой культуры в каждой семье должно быть предоставлено большое место врачу, его совету, его санитарному и профилактическому руководству. Девочки в некоторые периоды особенно требуют этого внимания врача, которому всегда должна помогать и забота матери. Врачебная линия, конечно, главным образом должна лежать на обязанности школы. Здесь уместна организация серьезных бесед по вопросам пола, по ознакомлению мальчиков с вопросами гигиены, воздержания, а в старшем воз-

расте с опасностью венерических заболеваний.

Необходимо отметить, что правильное половое воспитание в границах одной семьи было бы значительно облегчено, если бы и общество в целом этому вопросу уделяло большое активное внимание. В самом обществе должны все сильнее и требовательнее звучать настойчивые суждения общественного мнения и моральный контроль над соблюдением нравственной нормы.

С этой точки зрения нужно в особенности коснуться такой «мелочи», как матерная ругань.

Очень культурные люди, ответственные работники, прекрасно владеющие русским языком, находят иной раз в матерном слове какой-то героический стиль и прибегают к нему по всякому поводу, ухитряясь сохранить на физиономии выражение острого ума и высокой культурности. Трудно понять, откуда идет эта глупая и дикая традиция.

В старое время матерное слово, может быть, служило своеобразным коррективом к нищенскому словарю, к темному косноязычию. При помощи матерной стандартной формулы можно было выразить любую примитивную эмоцию, гнев, восторг, удивление, осуждение, ревность. Но большей частью она даже не выражала никаких эмоций, а служила технической связкой, заменяющей паузы, остановки, переходы – универсальное вводное предложение. В этой роли формула произносилась без какого бы то ни было чувства, она показывала только уверенность говорящего, его речевую развязность.

За двадцать лет наши люди научились говорить. Это бросается в глаза, это можно видеть на любом собрании. Нищенское косноязычие ни в какой мере не характерно для наших людей. Это произошло не только благодаря широкому распространению грамотности, книги, газеты, но и главным образом благодаря тому, что советскому человеку было о чем говорить, существовали мысли и чувства, которые и нужно было выразить и можно было выразить. Наши люди научились без матерного слова высказывать мысли по любому вопросу…...

Матерное слово потеряло у нас свое «техническое» значение, но все же сохраняется в языке, и можно даже утверждать, что оно получило большое распространение и участвует в речи даже культурных людей. Теперь оно выражает молодечество, «железную натуру», решительность, простоту и презрение к изящному. Теперь это своего рода кокетство, цель которого понравиться слушателю, показать ему свой мужественный размах и отсутствие предрассудков.

В особенности любят его употреблять некоторые начальники, разговаривая с подчиненными. Получается такой непередаваемый прелести шик: сидит ответственейший, могущественный деятель за огромным письменным столом, окружен кабинетной тишиной, мягкостью, монументальностью, обставлен телефонами и диаграммами. Как ему разговаривать? Если ему разговаривать точным языком, деловито, вежливо – что получится? Могут сказать: бюрократ сидит. А вот если при всем своем могуществе и блеске рассыпает он гремящее, или шутливое, или сквозь зубы матерное слово, тогда подчиненные, с одной стороны, и трепещут больше, а с другой стороны, и уважают. Прибегут в свою комнату и восторгаются.

– Ох, и крыл же! Ох, и крыл..!

И получается не бюрократ, а свой парень, а отсюда уже близко до «нашего любимого начальника»…...

Там же, с. 153–154, 166–167, 171–173, 175–176. А.С. Макаренко показывает важнейшую особенность полового воспитания – его необычайно глубокую связь с воспитанием общей «культуры социальной личности». Он выступает против ограничения полового воспитания «половым просвещением», преждевременно усиливающим «половое влечение». Такое «половое просвещение» может стать «антиобщественным явлением».

База полового воспитания – жизненный опыт «неполовой любви», «неполовой человеческой симпатии». Необходимо воспитывать «куль-

туру чувств», достоинство и ответственность личности. Основной компонент этого – «культура быта», повседневного общения, «деликатность и молчаливое доверие», «сдержанность и чистота» в отношении половой жизни.

[1] Данный тезис выходит далеко за пределы полового воспитания, он имеет в педагогике А.С. Макаренко методологическое значение.

Глава восьмая

…...Наши матери – граждане социалистической страны: их жизнь должна быть такой же полноценной и такой же радостной, как и жизнь отцов и детей. Нам не нужны люди, воспитанные на молчаливом подвиге матерей, обкормленные их бесконечным жертвоприношением…... Дети, воспитанные на жертве матери[1], могли жить только в обществе эксплуатации.

И мы должны протестовать против самоущербления некоторых матерей, которое кое-где творится у нас. За неимением других самодуров и поработителей эти матери сами их изготовляют из... собственных детей. Такой анахронический стиль в той или иной степени у нас распространен, и особенно в семьях интеллигентных. «Все для детей» понимается здесь в порядке совершенно недопустимого формализма: все, что попало, – это значит и ценность материнской жизни, и материнская слепота. Все это для детей!

Работа и жизнь наших матерей не слепой любовью должна направляться, а большим, устремленным вперед чувством советского гражданина. И такие матери дадут нам прекрасных, счастливых людей и сами будут счастливы до конца.

Там же, с. 207.

[1] Недопустимость «жертвенности матерей» в воспитании – отражение макаренковского категорического отрицания идеи «жертвенности» в профессиональной педагогической деятельности. Гуманистическое воспитание предполагает равенство взрослых и детей в праве на счастье. Забота о детях должна выражаться и в воспитании у них заботы о старших, педагогах, на основе взаимодействия поколений.

Глава девятая

…...Над человеком шефствуют законы человеческого общества, а не только законы природы. Законы социальной жизни обладают гораздо большей точностью, гораздо большим удобством, большей логикой, чем законы природы[1]. Но они предъявляют к человеку гораздо более суровые требования дисциплины, чем мать-природа, и за пренебрежение этой дисциплиной наказывают очень строго.

Очень часто можно наблюдать: человеческая мать обнаруживает склонность подчиняться только законам природы, но в то же время не отказывается от благ человеческой культуры. Как можно назвать такое поведение? Только двурушничеством. И за это преступление матери против высокой человеческой сущности дети несут тяжелое возмездие: они вырастают неполноценными членами человеческого общества…...

Может быть, все провалы воспитания можно свести к одной формуле: «воспитание жадности». Постоянное, неугомонное, тревожное, подозрительное стремление потребить способно выражаться в самых разнообразных формах, очень часто вовсе не отвратительных по внешнему виду[2]. С самых первых месяцев жизни развивается это стремление. Если бы ничего, кроме этого стремления, не было, социальная жизнь, человеческая культура были бы невозможны. Но рядом с этим стремлением развивается и растет знание жизни, и прежде всего знание о пределах жадности.

В буржуазном обществе жадность регулируется конкуренцией. Там размах желаний

одного человека ограничивается размахом желаний другого. Это похоже на колебание миллионов маятников, расположенных в беспорядке в тесном пространстве. Они ходят в разных направлениях и плоскостях, цепляются друг за друга, толкают, царапают и скрежещут. В этом мире выгодно, накопив себе инерцию металлической массы, размахнуться сильнее, сбить и уничтожить движение соседей. Но и в этом мире важно знать силу соседских сопротивлений, чтобы самому не расшибиться в неосторожном движении. Мораль буржуазного мира – это мораль жадности, приспособленной к жадности.

В самом человеческом желании нет жадности. Если человек пришел из дымного города в сосновый лес и дышит в нем счастливой полной грудью, никто никогда не будет обвинять его в том, что он слишком жадно потребляет кислород. Жадность начинается там, где потребность одного человека сталкивается с потребностью другого, где радость или удовлетворение нужно отнять у соседа силой, хитростью или воровством.

В нашу программу не входят ни отказ от желаний, ни голодное одиночество, ни нищенские реверансы перед жадностью соседей.

Мы живем на вершине величайшего перевала истории, в наши дни начинается новый строй человеческих отношений, новая нравственность и новое право, основанием для которых является победившая идея человеческой солидарности. Маятники наших желаний получили возможность большого размаха. Перед каждым человеком теперь открывается широкая дорога для его стремлений, для его счастья и благополучия. Но он трагически попадает в невыносимое положение, если на этом свободном, просторном пути вздумает по старой привычке действовать локтями, ибо даже пионерам теперь хорошо известно, что локоть дан человеку для того, чтобы чувствовать соседа, а не для того, чтобы прокладывать себе дорогу. Агрессивное тыканье локтями в наше время есть действие не столько даже безнравственное, сколько глупое.

В социалистическом обществе, построенном на разумной идее солидарности, нравственный поступок есть в то же время и самый умный. Это очень существенное обстоятельство, которое должно быть хорошо известно каждому родителю и воспитателю…...

В старом мире моральная высота была уделом редких подвижников, число которых измерялось единицами, а поэтому снисходительное отношение к нравственному совершенству давно сделалось нормой общественной морали.

Собственно говоря, было две нормы. Одна парадная, для нравственной проповеди и для специалистов-подвижников, другая для обыкновенной жизни и для «умных» людей. По первой норме полагалось отдать бедному последнюю рубашку, раздать имение, подставлять правую и левую щеки. По второй норме этого ничего не полагалось, да и вообще ничего не полагалось святого.

Здесь измерителем нравственности была не нравственная высота, а обыкновенный житейский грех. Так уже и считали: все люди грешат, и ничего с этим не поделаешь. Грешить в меру – это и было нормой. Для приличия полагалось один раз в год подвести черту всем грехам за истекший период, кое-как попоститься, несколько часов послушать гнусавое пение дьячков, на минуту притаиться под замасленной епитрахилью батюшки... и списать «на убыток» все прегрешения. Обыденная нравственность не выходила за границу среднего греха, не настолько тяжелого, чтобы быть уголовщиной, не настолько и слабого, чтобы заслужить обвинение в простоте, которая, как известно, «хуже воровства».

В социалистическом обществе нравственное требование предъявляется всем людям и всеми людьми должно выполняться. У нас нет парадных норм святости, и наши нравственные движения выражаются в поведении масс…...

В уважении и любви к нашим героям меньше всего морального удивления. Мы любим их потому, что солидарны с ними – в их подвиге видим обязательный для нас практический образец и для нашего поведения.

Наша нравственность вырастает из фактической солидарности трудящихся.

Коммунистическая мораль только потому, что она построена на идее солидарности, не может быть моралью воздержания. Требуя от личности ликвидации жадности, уважения к интересам и жизни товарища, коммунистическая мораль требует солидарного поведения и во всех остальных случаях, и в особенности требует солидарности в борьбе. Расширяясь до философских обобщений, идея солидарности захватывает все области жизни: жизнь есть борьба за каждый завтрашний день, борьба с природой, с темнотой, с невежеством, с зоологическим атавизмом, с пережитками варварства; жизнь – это борьба за освоение неисчерпаемых сил земли и неба.

Успехи этой борьбы будут прямо пропорциональны величине человеческой солидарности.

Только двадцать лет прожили мы в этой новой нравственной атмосфере, а сколько уже мы пережили великих сдвигов в самочувствии людей!

Мы еще не можем сказать, что мы уже окончательно усвоили диалектику коммунистической морали. В значительной мере в нашей педагогической деятельности мы руководствуемся интуицией, больше надеемся на наше чувство, чем на нашу точную мысль.

Много еще живет в нас пережитков старого быта, старых отношений, старых привычных моральных положений. Сами того не замечая, мы в своей практической жизни повторяем многие ошибки и фальсификаты истории человечества. Многие из нас бессознательно преувеличивают значение так называемой любви, другие еще носятся с верой в так называемую свободу, не замечая сплошь и рядом, что вместо любви они воспитывают сентиментальность, а вместо свободы – своеволие.

Из области общих солидарных интересов вытекает идея долга, но не вытекает прямо выполнение долга. И поэтому солидарность интересов еще не составляет нравственного явления. Последнее наступает только тогда, когда наступает солидарность поведения. В истории человечества всегда существовала солидарность интересов трудящихся, но солидарная успешная борьба стала возможна только в конце нашего исторического опыта, завершенного энергией и мыслью великих вождей рабочего движения.

Поведение есть очень сложный результат не одного сознания, но и знания, силы, привычки, ухватки, приспособленности, смелости, здоровья и, самое главное, – социального опыта[3].

С самых малых лет советская семья должна воспитывать этот опыт, должна организовать упражнение человека в самых разнообразных солидарных движениях, в преодолении препятствий, в очень трудном процессе коллективного роста. В особенности важно, чтобы ощущение солидарности у мальчика или у девочки не строилось только на узких семейных транспарантах, а выходило за границы семьи в широкую область советской и общечеловеческой жизни…...

Каждая семья отличается своеобразием жизни и жизненных условий, каждая семья должна самостоятельно решать многие педагогические задачи, пользуясь для этого отнюдь не готовыми, взятыми со стороны рецептами, а исключительно системой общих принципов советской жизни и коммунистической морали.

В первом томе я успел затронуть только узловые вопросы, связанные со структурой советской семьи как коллектива. В дальнейшем рассчитываю перейти к вопросам духовной и материальной культуры семьи и эстетического воспитания. Было бы желательно, чтобы второй том был написан не только на основании моего личного опыта, но и на опыте других людей. Поэтому я буду очень благодарен тем родителям, которые напишут мне о своих мыслях, затруднениях, находках. Такое общение между писателем и читателем будет лучшим выражением нашей солидарности.

Конец первого тома.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 5, с. 232–236.

[1] Педагогика А.С. Макаренко базируется на признании того, что в основе существования и развития общества и человека лежат объективные (независящие от воли и сознания людей) закономерности, подобные законам развития природы (историческая необходимость).

Органической частью общественно-исторических закономерностей являются законы социально-педагогического развития. Их познание и правильное использование в интересах человека и общества позволяют добиваться выдающихся успехов в педагогической теории и практике.

На этом строится макаренковское понимание предмета и задач педагогики как науки «активной», «целесообразной», «созидающей»

личность в соответствии с закономерностями ее развития, воспитания и становления.

Антипод педагогики А.С. Макаренко – педагогические теории и практика, фактически отрицающие наличие таких закономерностей или возможность их познания. За этим следует принципиальное отрицание педагогической целеустремленности и вообще воспитания, а далее – и педагогики как науки. Утверждается социально-педагогический произвол, прикрываемый идеологией «свободного проявления» личности.

Непрекращающаяся уже 8 десятилетий полемика вокруг деятельности и наследия А.С. Макаренко – это по существу не педагогические споры, а полемика между педагогикой и «не педагогикой», балансирующей на границе с психологией, антропологией, социологией и т.д.

[2] А.С. Макаренко здесь предвосхищает возникновение «общества потребления» и его неизбежный кризис, происходящий в современном мире.

[3] Приоритет «социального опыта» (а не просто «знания») в поведении человека, в воспитании реальных качеств личности – это главная идея, разделяющая макаренковскую «воспитательную» педагогику, «школу жизни», труда, воспитания – и «школу учебы», «дидактическую» педагогику, умозрительно-декларативную.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

лиц, причастных к педагогической и литературной деятельности А.С. Макаренко в 1936–1937 гг.

Адамович Т. – 55
Аксенова – 101
Алексинский М.А. – 184, 186
Амстердам А. – 244, 245
Ананьев Б.Г. – 185
Архангельский П.П. – 95, 235
Арямов И.А. – 93, 182, 186
Ахматов Л.С. – 50, 67, 71, 105

Бабенко – 106
Бабич И. – 77, 106
Балицкий В.А. – 50, 66, 67, 69, 71, 78, 106, 175, 176, 212
Бану-Лахути Ц.Б. – 122
Бартклич М.А. – 234
Бахметьев Вл. – 253
Белоусов С. – 185
Белых Г. – 212, 247
Березовский Ф. – 253
Берман В.С. – 40, 51, 55, 59, 65
Берштейн М.С. – 185
Беселин М. – 68
Беспалов – 57
Бине А. – 186
Блиндер Г. – 68
Блонский П. – 11, 93, 183, 185
Бобина М. – 106
Бобунов А.Г. – 73, 120, 131, 132, 140, 141
Богословский – 56, 57
Божович Л.И. – 185
Бочачер М. – 51, 121
Брайтман Р. – 100
Броневой А.О. – 106, 224, 227
Броневая С.О. – 106
Бубнов А.С. – 73, 74, 230
Будкевич – 49
Букшпан М.М. – 71, 106, 176
Букшпан Т. – 105, 176
Буркин В.И. – 105
Бурменко – 94
Бухарин Н.А. – 69, 70, 127

Васильев Г.М. – 50, 106
Веденов А. – 185
Вейкшан В. – 185
Вельченко К. – 106
Вирта Н. – 230
Вишневский В. – 138
Власов – 100
Выготский Л.С. – 182, 186
Вышинский А.Д. – 58

Гаенко В. – 106
Гайсинович С.Е. – 185
Галкин Г.И. – 41, 106
Ганелин Ш. – 185
Ганзен А.В. – 135
Георгиев Ф.И. – 182, 186
Герман Ю. – 247
Гирей Н. – 250, 252
Гмурман В.Е. – 185
Головин – 185
Горбунов К. – 57, 58, 227
Григорьев – 101
Гроссман В. – 248
Грушевский Н.Д. – 71
Гурвич – 104

Дидоренко С.А. – 51, 59, 132, 225, 227
Доброхотов – 101
Добрынин Н. – 185
Добрынина – 101
Докштейн – 49
Дюшен В.М. – 44

Евстратов К. – 212
Ежов Н.Е. – 172, 253
Езерницкая О.М. – 52, 177
Езерницкий М. – 52
Енцов – 92
Ермилов В.В. – 231, 239, 253
Есипов Б.П. – 185

Жукова – 100

Загоровский П.Л. – 185
Загоруйко – 106
Заря Е. – 54
Затонский В.П. – 132
Захаржевский В.П. – 107, 239
Здоровец Д. – 74
Землянский А.Н. – 103, 202, 206, 213
Зиновьев Г.Е. – 54, 60, 65
Златова Е. – 121

Иванов Вс. – 253
Иванович О. – 105

Кабачев – 94
Калабалин С.А. – 138, 196, 230
Камардинов В.Р. – 49, 100, 101
Каменев Л.В. – 54, 60
Каменев С. – 185
Камышанский Ю. – 69
Капралов – 94
Карлсон К.М. – 76, 175, 176
Кауфман Я. – 92, 104

Кин В. – 138
Киршон В.Л. – 134, 135, 229
Киселев – 104
Клейнберг – 104
Ковнатор Р.А. – 50, 63, 141, 241
Коган С.Б. – 66, 225, 227
Козельский Б.В. – 67
Козлова А.М. – 44
Колбановский В.Н. – 182, 183, 185, 186, 239
Конисевич Л.В. – 187, 188, 227
Кононенко К.С. – 158, 229, 254
Копиленко О. – 60
Корепанова – 49
Корнилов К.Н. – 185
Коростылева Е.М. – 74, 132
Коршунов – 104
Косиор С.В. – 69, 84
Крамов А.Г. – 133, 134
Крауклис Я.К. – 65
Крупенина М. – 185
Кузнецова – 104

Лавренев Б. – 244, 245
Лаврова К. – 78
Лагода – 94
Лапина П. – 68, 69
Лапирова М.Е. – 94, 136, 140, 254
Левина – 92
Лежнев И.Г. – 58, 139, 213
Леонов – 248
Литинский – 49
Лифшиц Ар. – 51
Лобанов – 105
Лузгин М. – 58
Луппол И. – 253

Маврушкина Л. – 49
Макаренко Г.С. – 44, 45, 49, 50, 61, 63, 66, 69, 70, 74, 76, 105, 106, 107, 120, 122, 132, 136, 141, 159, 174, 177, 211, 239, 241, 253
Макаренко О.В. – 72, 240
Маршак С. – 212
Медынский Е.Н. – 130, 184, 185, 186
Мейман Э. – 186
Мелихов 56, 57
Мельник А. – 68
Менчинская Н.А. – 185
Мерлин В.С. – 185
Микитенко И.К. – 199, 200, 212, 247
Милляр Т.А. – 42
Мирный Д. – 106
Молотов В.М. – 124, 127, 253
Момзен Т. – 138
Морозов – 94
Мстиславский С.Д. – 179, 181

Накатников – 56, 57
Накоряков Н.Н. – 230, 236
Нечаев А.П. – 40, 93, 186
Николаев – 56

Огий Н.А. – 65, 66, 70, 75
Огнев Н. – 213, 247
Олесов Ф. – 244, 245, 246
Ольховский П. – 212
Оселок П.А. – 105
Осотский Г.М. –105
Островский – 56

Павленко П.А. – 40, 118, 119, 122, 133
Пантелеев Л. – 212, 247
Панферов Ф. – 40, 230, 253
Пастернак Б. – 240
Пекер М. – 69, 70
Первенцев А. – 188, 189, 190, 191
Першикова – 104
Петров Н.В. – 133, 134, 135, 137, 228, 240
Петрова – 185
Пинкевич А.П. – 185
Пинкус С.Ф. – 67, 77, 107, 120, 175, 176, 224, 227
Пичугина П.Н. – 104
Погребинский М.С. – 56, 57, 58
Покровский Н.В. – 62
Постышев П.П. – 69, 84, 95
Потоплева – 104
Прейслер И.М. – 188
Прейслер Н. – 105
Прут И.Л. – 178, 181
Пунченко Н. – 105

Радин – 133
Райхштейн Р.А. – 66
Раскин Л.Е. – 185
Регинин В. – 239, 240
Ривес С.М. – 185
Рощин Я. – 48
Рубинштейн С.Л. – 184, 185, 187

Савчук Н. – 105
Салько Л.М. – 39, 45, 60, 61, 63, 66, 70, 71, 73, 74, 76, 100, 101, 106, 107, 119, 120, 122, 131, 132, 136, 137, 140, 141, 213
Сангайло – 101
Свадковский И. – 185
Сватко А.С. – 41, 106, 227, 228
Сейфуллина Л.Н. – 195, 196, 197, 200, 212, 248
Сементовский В. – 139
Сенченко А.Г. – 55, 60
Сикорский И.А. – 186
Скопина Л.А. – 135, 138
Смелянский – 56
Смоленкова – 104
Соловьев С.М. – 106, 127
Соловьева К. – 106
Спивак – 105
Ставский В.П. – 49, 50, 172, 176, 179, 180
Сталин И.В. – 60, 62, 64, 65, 67, 68, 69, 70, 84, 86, 92, 98, 123, 131, 151, 154, 172, 188, 220, 237, 242, 253, 255
Стецкий В.П. – 49, 50
Стрижевский Л.И. – 65, 66

Суржик П. – 105
Сурков А. – 181

Тартаковский – 107, 121
Телепин – 49
Терский В.Н. – 177, 178, 226, 227, 235
Тонконог – 94, 104
Тренев К. – 138
Троицкая – 92
Троцкий Л.Д. – 54, 55, 65
Тулецкая Л. – 41, 69
Тухачевский М.Н. – 240

Фадеев А.А. – 40, 180, 182, 253
Файнергольц Л. – 100
Федосова Г. – 48
Филь А. – 106
Финк В.Г. – 139, 175, 230
Френкель Я. – 105

Херсонская – 49

Циклис С.М. – 122, 175, 176
Цыпина – 94

Черняков – 101
Чирский Р.А. – 66, 67
Чугуев Н.К. – 121

Шагинян М. – 253
Шаевич Х. – 54, 55
Шаповалова М. – 68
Шафир – 94
Шершнев Н.Ф. – 61, 226, 227, 230
Шимбирев П.Н. – 98, 101, 185
Шишков В.Я. – 208
Шкловский В. – 181
Шмигалев В. – 106, 223
Шмидт О.Ю. – 70, 237, 239
Шолохов М. – 253
Щеголь – 62
Щербаков А.С. – 49, 50

Эпштейн Д.А. – 183, 186

Ягода Г.Г. – 55, 56, 58, 71, 176
Якир И.Э. – 240
Янкевский А.И. – 134, 135

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Общие положения

Этот учебно-методический материал рассчитан на работу с текстами данной книги. Дополнительные источники указываются в комментариях к авторским материалам А.С. Макаренко, а также в прилагаемом ниже списке литературы. Обращение к макаренковедческим публикациям 1940-х–сер. 1970-х гг. не рекомендуется (за редким исключением). Эта литература устарела, может мешать современному пониманию макаренковского наследия.

Изучение работ самого А.С. Макаренко, осмысление его идей и практики в их единстве и развитии на основе совокупности известных ранее, малоизвестных и выявленных в последние десятилетия его авторских материалов, в свете многих новых, выдвинутых им проблем (не свойственных традиционной и современной педагогике), – таково общее направление учебно-методической работы над этим изданием.

Поэтому на первый план в учебно-методическом материале выдвигается основанная на современных макаренковедческих отечественных и зарубежных исследованиях тематика учебных и исследовательских работ. Они могут выполняться на разных уровнях: реферат, доклад, статья, курсовая работа, дипломная, магистерская и кандидатская диссертации, монографическое исследование. Указанные темы могут объединяться в некоторые новые, более широкие, и подразделяться на более конкретные и детальные.

Очень важно при этом не ограничиваться принятой в современной педагогике проблематикой, смело выходить за пределы используемых ею понятий, идей и решений. Нужно вводить в научный и практический оборот выдвинутые и обоснованные А.С. Макаренко новые проблемы, положения и термины, выявлять и показывать их огромный потенциал в творческом развитии педагогики, школы, общественных явлений и процессов.

Комментарии, помещенные в книге необычно, сразу после каждого из авторских материалов А.С. Макаренко, – это органическая часть данного учебно-методического материала. Комментарии не только вносят необходимые разъяснения и дополнения, но и указывают на работу А.С. Макаренко в том или ином направлении в дальнейшем, в 1935–1939 гг.

Обширное вступление «От составителей» в начале книги – другая органическая часть учебно-методического материала. Она содержит разработки методологического характера.

Пользоваться 7-томным изданием макаренковских произведений (1951–1952 и 1957–1958 гг.) и сборниками, составленными на его основе, не рекомендуется.

Разработку предлагаемых тем целесообразно производить по литературе, вышедшей в последние десятилетия, с середины 70-х гг., когда определился качественно новый этап развития макаренковедения (см. данный ниже список литературы).

Ведущее направление практического применения макаренковской концепции педагогики в современных условиях отражено в публикациях, посвященных I–VIII Конкурсам им. А.С. Макаренко школ разного типа, широко использующих в педагогических целях хозяйственно-трудовую, производственную деятельность («школ-хозяйств», 2003–2010 гг., см. список).

Перспективным в этом отношении является также утверждение в современной педагогической теории и практике идеи «уклада жизни школы» как главного фактора воспитания, в его отличии от обучения (см. список).

Тематика учебных и исследовательских работ

По работе А.С. Макаренко в Отделе трудовых колоний НКВД УССР (Киев) и по его социально-педагогической, литературной деятельности в Москве

Начало Киевского периода деятельности – см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания…... Часть 4, со с. 70, до конца книги.

Начало московского периода – см. в данной Части 5, с февраля 1937 г.

Темы

Условия работы А.С. Макаренко в ОТК НКВД УССР, статус, взаимоотношения с руководством

Содержание социально-педагогической деятельности, направления, конкретные действия и результаты

Работа в Киевской трудовой колонии №5 НКВД УССР (в Броварах)

Участие в продолжающейся истории трудовой коммуны НКВД им. Ф.Э. Дзержинского

«Педагогическая поэма»: авторские объяснения ее содержания, рецензии

Макаренковская критика педолого-педагогического направления – в противоречии с социально-педагогическим направлением

Педагогическая направленность макаренковских статей общественно-политического характера

Проблемы педагогики в статьях А.С. Макаренко о художественной литературе, в рецензиях, выступлениях

Общественно-политические взгляды его в 1936–1937 гг., отношение к позициям Н.И. Бухарина и И.В. Сталина

Этическая и педагогическая проблематика подготовительных материалов к «Книге для родителей»

Философско-этические и идейно-политические основы «Книги для родителей», 1-го тома

Педагогическая проблематика «Книги для родителей», 1-го тома

Замысел романа «Человек», его связь с предыдущими художественно-педагогическими произведениями А.С. Макаренко и особенности

Объяснение, обобщение А.С. Макаренко его деятельности в колонии им. М. Горького (по материалам данного тома)

Объяснение, обобщение А.С. Макаренко его деятельности в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского (по материалам данного тома)

Письма, записные книжки, дневниковые записи А.С. Макаренко: содержание, назначение, проблематика

Личные качества А.С. Макаренко, их развитие в 1936–1937 гг.

Основные направления использования наследия А.С. Макаренко в современной педагогической практике

Макаренковская концепция «школы-хозяйства» в практике сельских школ разного типа

Макаренковская концепция «школы-хозяйства» в городских школах разного типа

«Уклад жизни школы» как главный фактор воспитания

Литература

А.С. Макаренко. Педагогические сочинения: в 8 т. – М.: Педагогика, 1983–1986. Заключительная статья, сводный предметно-тематический указатель – в т. 8.

А.С. Макаренко. Сборник в серии «Антология гуманной педагогики»/ Сост. В.М. Коротов. – М., 1998.

А.С. Макаренко. О воспитании: Сб. в серии «Золотой фонд педагогики»/ Сост. Д.И. Латышина. – М., 2003.

А.С. Макаренко. Педагогическая поэма/ Сост. С.С. Невская. – М., 2003.

Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Часть 1/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина. – Н.Новгород, 2001. Часть 2/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова. – Н.Новгород, 2003. (С учетом предшественников А.С. Макаренко и с разделом о нем).

Фролов А.А.

Организация воспитательного процесса в практике А.С. Макаренко (колония им. М. Горького). – Горький, 1976.

Кинодокумент о колонии им. М. Горького// Народное образование, 1968, №2.

Кинодокумент о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского// А.С. Макаренко. Кн. 9. – Львов, 1974.

Становление педагогических взглядов А.С. Макаренко в 20-х годах// Советская педагогика, 1976, №9.

Что такое «параллельное педагогическое действие»// Воспитание школьников, 1984, №5.

А.С. Макаренко и педагогика его времени. – Горький, 1988.

А.С. Макаренко: основы педагогической системы. – Горький, 1990.

А.С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт/ Отв. ред. А.А. Фролов. – Н.Новгород, 1992.

А.С. Макаренко за границей и дома// Свободная мысль, 1993, №16.

Международные макаренковедческие исследования. Макаренко на Востоке и Западе – III/ Под. ред. З. Вайтца и А.А. Фролова. – Н.Новгород, 1995.

Воспитательно-трудовая община А.С. Макаренко: основные черты и ценности// Живые педагогические идеи. – Владимир, 1996.

Основные понятия педагогической системы А.С. Макаренко// Понятийный аппарат педагогики и образования. Вып. 3. – Екатеринбург, 1998.

Педагогическая концепция А.С. Макаренко// Открытая школа, 1998, №4.

Освоение наследия А.С. Макаренко: от «школы учебы» к «школе жизни»// Магистр, 1999, №5.

Воспитание в школе: два пути// Образование в современной школе, 2000, №4.

Выбор стратегии воспитания: школа учебы или «школа жизни»?// Альтернативы, 2001, №1.

Педагогика и жизнь: творческий метод А.С. Макаренко// Образование и наука. Известия Уральского отделения РАО. – Екатеринбург, 2001, №4.

Социальное воспитание и наследие А.С. Макаренко// Педагогика, 2002, №6.

Прежде всего – «активное отношение к собственной личности»// Воспитание школьников, 2003, №5.

Пространство и время в воспитании и педагогике// Народное образование, 2003, №5.

Проблема «педагогической нейтральности» трудового процесса в наследии А.С. Макаренко //Воспитание школьников, 2005, №4.

«Параллельность» воспитания, обучения и производительного труда в наследии А.С. Макаренко //Народное образование, 2005, №6

Педагогическая система хозяйства А.С. Макаренко: «параллельность производительного труда и воспитания» //Народное образование, 2006, №6

А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939–2005 гг.). – Н.Новгород, 2006.

Единство процессов образования и социализации// Народное образование, 2007, №6.

Догмы и новые ракурсы в изучении наследия А.С. Макаренко// Педагогика, 2009, №5.

«Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко// Вопросы экономики, М., 2010, №8.

Козлова Г.Н.

Проблема специфики воспитания в отечественном образовании и педагогике XX в.// Философско-исторические основы общего образования в России. Матер. науч. конф. – М., 2002 (в соавт. с А.А. Фроловым).

Наследие А.С. Макаренко в контексте основ отечественной педагогики (учеб.-методич. пособие)/ Предисл. А.А. Фролова. – С.-Петербург, 2004.

А.С. Макаренко и корневые проблемы отечественной педагогики XX в.// Школа жизни – школа воспитания/ Под. ред. И.П. Башкатова. – Матер. конф. – М., Коломна, 2005.

Илалтдинова Е.Ю.

«Официальная педагогика» и общественно-педагогическая инициатива в истории освоения и разработки наследия А.С. Макаренко: 1939–сер. 1970-х гг. – Н.Новгород, 2010.

Взаимосвязь профессионального обучения и производственной деятельности в педагогических учреждениях А.С. Макаренко// Психолого-педагогическое наследие прошлого в современной социально-педагогической деятельности. Матер. II Макаренковских чтений. – Екатеринбург, 2005.

Багреева Е.Г., Данилин Е.М. Возвращение А.С. Макаренко. – М., НИИ ФСИН РФ, 2006.

Белов Ю. Могущество непревзойденное. К 70-летию «Педагогической поэмы» А.С. Макаренко// Сов. Россия, 2004, 25 дек.

Богуславский М.В. Антон Семенович Макаренко// Подвижники и реформаторы российского образования. – М., 2005.

Гмурман В.Е. Научное наследие А.С. Макаренко и задачи педагогического образования// Советская педагогика, 1981, №3.

Голованова Н.Ф. Социализация и воспитание// Народное образование, 2005, №6.

Гордин Л.Ю. Диалектика общечеловеческих и социалистических ценностей// А.С. Макаренко сегодня…... – Н.Новгород, 1992.

Гриценко Л.И. Личностно-социальная концепция А.С. Макаренко в современной педагогике (сравнительный анализ отечественного и зарубежного макаренковедения). – Волгоград, 1997.

Ермолин А. Педагогика развитого тоталитаризма. Триумф и трагедия А.С. Макаренко// Народное образование, 2005, №2.

Зюнкель В. (ФРГ) В Эрлангене изучают А.С. Макаренко// Советская педагогика, 1990, №1.

Иванов И.П. Методика коммунарского воспитания. – М., 1990.

Кораблева Т.Ф. Знания – сильным, труд – бедным, благоденствие – избранным?..// Народное образование, 2006, №6.

Красовицкий М.Ю. Непреходящее в педагогическом наследии А.С. Макаренко: взгляд из США// Педагогика, 2001, №1.

Кумарин В.В. Технология А.С. Макаренко и перестройка школы// Взаимодействие педагогического и ученического коллективов. – М., 1990.

Кушнир А.М. Пора исправить трагическую ошибку КПСС в воспитании// Народное образование, 2005, №6.

Лихачев Б.Т. Воспитание: необходимость и свобода// Педагогика, 1994, №2.

Малинин В.И. К дискуссии о наследии А.С. Макаренко// Педагогика, 1994, №2.

Морозов В.В. Живая практика жизни. Материалы к биографии С.А. Калабалина// Мир образования, 1987, №6.

Мосолов В.А. Приоритеты воспитания: прошлое и настоящее. – С.Петербург, 1996.

Невская С.С. Воспитание гражданина в творчестве А.С. Макаренко. – М., 2006.

Невская С.С. Гражданское воспитание личности в творчестве А.С. Макаренко: Автореф. …докт. ... пед. н. – М., 2006.

Невская С.С. Взаимодействие гражданского и трудового воспитания в педагогике А.С. Макаренко// Народное образование, 2006, №6.

Никандров Н. Воспитание и социализация в современной России: поиски и возможности // Народное образование, 2006, №9.

Новиков А.М. Школа и новый класс эксплуататоров// Народное образование, 2004, №6.

Носаль А.Л. Проблема воспитания и развития личности в практико-теоретической деятельности А.С. Макаренко (психологическое время личности) : Автореф. …... канд. психол. н. – М., 1999.

Равкин З.И. Творцы и новаторы новой школы, рожденной Октябрем. – М., 1990.

Санникова Н.Г. Идеи социального менеджмента в теории и практике А.С. Макаренко// Народное образование, 2006, №6.

Сидельниковский А.П. Проблема отношений в советской педагогике и наследие А.С. Макаренко// Труды кафедры педагогики и психологии Карачаево-Черкесского педагогического института. – Ставрополь, 1971.

Слободчиков В.И. Педагогика А.С. Макаренко – социально-педагогическое открытие XX века// Народное образование, 2006, №6.

Слуцкий В.И. «Наша маленькая община...…»// Народное образование, 2003, №7.

Соколов Р.В. Участие населения в воспитании детей и подростков по месту жительства. 2-е изд. – М., 1993.

Сухомлинский В.А. Идти вперед!// Народное образование, 1989, №8.

Турбовской Я.С. Как слово наше отзовется, или Метод «параллельного действия»// Семья и школа, 1975, №3.

Тюгаева Н.А. Идеи А.С. Макаренко живут и развиваются // Человек: преступление и наказание. 2005, №1.

Филонов Г.Н. А.С. Макаренко// Перспективы. Вопросы образования. – ЮНЕСКО, 1984, №1.

Фрезе Л. (ФРГ) Достояние советской и мировой науки// Советская педагогика, 1989, №4.

Хиллиг Г. (ФРГ) Лаборатория и сцена воспитания А.С. Макаренко// Народное образование, 2003, №2, 6.

Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Часть 1/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина. – М., 2007. Часть 2/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова, под общ. ред. А.М. Кушнира (с учетом предшественников А.С. Макаренко и с разделом о нем). – М., 2007.

Литература о современной практике «школ-хозяйств»

Народное образование, 1998, №2: статьи Н. Бутенко, С. Рогачевой, С. Морозова.

Педагогический вестник, 1998, №6 (Как школа миллионы заработала).

Народное образование, 1999, №7–8: авторы М. Алтухова, А. Пустохайлова.

Семья, 1999, №39 (Школьный капиталист).

Народное образование, 2001, №7: автор Б. Куган.

Народное образование, 2002, №4, 5, 7: Положение о ежегодном международном конкурсе им. А.С. Макаренко школ, использующих производительный труд.

Селевко Г.К., Селевко А.Г. Социально-воспитательные технологии. – М., 2002 (глава: Трудовое и профессиональное воспитание и образование, с. 72–73, 78–86).

Классный руководитель, 2002, №1 (о Лесниковской школе Владимирской обл. и школе-интернате с лицейскими классами №1).

Народное образование, 2002, №5 (о Городищенской школе Белгородской обл.); №10 (о Верховской школе №2 Орловской обл., об ученических производственных бригадах Белогородской обл., школе в с. Серебрянка Новосибирской обл., Шелаевской школе Белгородской обл., Кудиновской школе Калужской обл.).

Педагогика, 2002, №5 (авторы Е.В. Бондаревская, П.П. Пивненко).

Народное образование, 2003, №5: материалы I конкурса им. А.С. Макаренко «школ-хозяйств». Доклады В.И. Слободчикова, В.А. Сластенина, А.А. Фролова, Я.С. Турбовского, А.М. Кушнира, В.Ф. Моргуна, Нгуен Ван Тиня, Э. Меттини и др. Материалы Н. Целищевой (о Городищенской школе), Н. Никопольской (спецшкола-интернат в г. Ногинске).

Народное образование, 2003, №6: материалы Н. Целищевой (о Почаевской школе Белгородской обл.), И. Бурова и И. Петраковой (Камышинская колония), С. Николаевой (коррекционное ПТУ №32, г. Хабаровск).

Народное образование, 2003, №10: А. Черногоров о начавшемся в конце 90-х гг. возрождении ученических сельскохозяйственных бригад.

Народное образование, 2004, №6 – материалы II конкурса им. А.С. Макаренко и Макаренковских чтений: редакц. статья, статьи А.М. Кушнира, А.Б. Вифлеемского (о проблемах финансово-хозяйственной деятельности школ), репортаж Н. Целищевой, материалы Н. Никольской (об ученических бригадах Приморского края, Сержантовской школе), Н. Целищевой (Казинская школа Ставропольского края), О. Николаевой (Ивановская агрошкола Белгородской обл.), Т. Абрамцевой (Исаковская школа, Чувашия), С. Морозова (Новосибирская школа, Оренбуржье), Г. Фроловой (Назранское профучилище).

Продолжение в №7: статья Н. Целищевой (о Шалаевской школе Белгородской обл.), С. Морозова (Саринская школа Оренбургской обл.), Н. Ивашкиной (торгово-техническое училище №12, г. Советск), Т. Жуковой (Бутурлинская школа Владимирской обл.).

Народное образование, 2004, №8: Ученическим производственным бригадами Ставрополья 50 лет, статья Н.Н. Сотниковой, А.Е. Шабалдаса.

Народное образование, 2005, №3 – Сообщение о III конкурсе им. А.С. Макаренко и Макаренковских чтениях, их участниках и лауреатах. Корреспонции – в №6: обзор Н. Целищевой, материалы В. Мирослав (о Кош-Елгинской школе, Башкортостан), С. Морозова (Исаковская школа, Чувашия), Н. Целищевой (спецПТУ «Уральское подворье», г. Пермь), О. Николаевой (Масленниковский образовательный центр Самарской обл.), И. Лашугиной (школа с профильным трудовым обучением, г. Абай, Казахстан), О. Николаевой (детдом «Радуга», г. Миас). Там же – материалы заочного «круглого стола» о содержании и организации производственного труда школьников в современных условиях, публикации руководителей субъектов РФ – В. Бочкарева (Пензенской обл.) и В. Торопова (Республика Коми).

Учительская газета, 18 октября 2005 г. – публикация В. Боченкова, об осуществлении идеи «школы-хозяйства» в Читинской области.

Школа и производство, 2005: №3 – о средней школе №22, г. Абакан (продуктивная деятельность школьных мастерских); №4–6 (УПК-лицей в г. Сибае, Башкортостан).

Народное образование, 2006, №2 – Положение о V конкурсе им. А.С. Макаренко и

Макаренковских чтениях.

Народное образование, 2006, №4: Вифлеемский А.Б. Правовые основы финансово-хозяйственной деятельности школы. Устав муниципального образовательного учреждения – средняя общеобразовательная школа «школа-хозяйство».

Народное образование, 2006, №№ 4-6: Шахлисмаилов Р. В школы Татарстана возвращается производственный труд; корреспонденция о IV конкурсе им. А.С. Макаренко и Макаренковских чтениях; материалы А. Зверева (о Ижевской школе №59), С. Морозова (Переяславская спецшкола закрытого типа), Т. Абрамовой (Верхоторская школа, Башкортостан), О. Николаевой (Роднодолинская школа, Омской обл.), Н. Ивановой (Бутурлинская школа, Владимирской обл.); И. Зотовой и Н. Целищевой («круглый стол» с руководителями «школ-хозяйств»).

Народное образование, 2007, №5, форзац: V Конкурс им. А.С. Макаренко (информация о прошедшем конкурсе и его победителях).

Народное образование, 2007, №6: о проведенных V конкурсе и Макаренковских чтениях (С. Абрамов), корреспонденции о школах победителях конкурса (С. Бестужева, Н. Куликова и Е. Свирид, редакц. ст. о производств. комбинате в г. Сочи), о школьных производственных объединениях в Ставропольском крае, Костромской области, Респ. Саха-Якутия, и др. (А. Черногоров, О. Ручко, С. Морозов, Н. Целищева, С. Адоменко, ред. ст. «География школ-хозяйств России»), «Перспективы школ-хозяйств при измененном законодательстве» (А. Вифлеемский); макаренковедческие статьи, материалы Макаренковских чтений (Л. Гриценко, В. Максакова, И. Гликман, Г. Козлова, В. Морозов, Т. Кораблева, Н. Коршунова, Э. Меттини, В. Моргун, Р. Соколов). А. Фролов: Единство процессов воспитания и социализации. Мясников В., Найденова Н. Компетенции и педагогические измерения //Народное образование, 2006, №9.

Список литературы, вышедший во 2-й пол. 2007 г. и далее *см. в данном издании: Часть 2, с. 399–403; Часть 3, с. 347–357; Часть 4, с. 289–301 (с данными о ресурсах Интернет).*

Отдельные издания, публикации 2-й пол. 2010 г.–1-й пол. 2011 г.

(с включением публикаций предшествующих лет, ранее не учтенных, выявленных позднее)

Отдельные издания

Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 4. Деловые и личные письма, «Педагогическая поэма», «Методика организации воспитательного процесса», статьи, выступления, подготовительные материалы. 1935–1936 гг./ Сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. – Н. Новгород, 2010.

Наследие А.С. Макаренко: современная разработка и перспективы (в аспекте методологии педагогики). Вып. 3/ Под ред. А.А. Фролова, Е.Ю. Илалтдиновой. – Н. Новгород, 2010. *Авторы тезисов: Аксёнов С.И., Билык Н.И. (Украина), Болбас В.С. (Беларусь), Быблюк М. (Польша), Гасымова Г.Н., Гликман И.З., Голованова Н.Ф., Гриценко Л.И., Гюнтер-Шельхаймер Э. (Германия), Еремкин А.И., Карпенчук С.Г. (Украина), Козлова Г.Н., Кувшинов Ю.А., Кувшинова Т.И., Луткин С.С., Мануйлов Ю.С., Маншатц Э. (Германия), Мосолов В.А., Окса Н.Н. (Украина), Соколов Р.В., Сулима И.И., Ткаченко А.В. (Украина).*

Макаренко. Альманах/ Гл. ред. А.Кушнир. – М., 2009, №2; 2010, №1 *(содержание будет показано в Части 6 данного издания)*

Евлашева А.О., Коршунова Н.Н., Николаев А.Б. Закон антикриминального воспитания (открытый и проверенный А.С. Макаренко). – С.Петербург, 2011 *(об ощущениях не только индивидуальных, но и общих, – «ощущениях совокупного рабочего» (по К. Марксу), данных непосредственно в практическом опыте, что ведет к более глубокому пониманию законов социального развития и их эффективному использованию в воспитании).*

Евсеев И.Л. Удивительный человечище. – М., 2008 *(худож. повествование о макаренковских местах в Долинском и встречах с потомками знающих А.С. Макаренко; ранее изд. на укр. яз.)*

Тищенко Е.Г. Организация самостоятельной работы студентов по изучению педаго-

гического наследия А.С. Макаренко. Учебное пособие. Рекомендовано УМО РФ по курсу «Введение в педагогическую деятельность». – Таганрог, 2010.

Ульшина Г.Г. Наталья Султан-Гирей: судьба и книги. – Ярославль, 2011 *(с включением статьи: Хиллиг Г. «Москва против Ленинграда. Антон Макаренко и молодая писательница Наталья Гирей в год большого террора», – критической рецензии А.С. Макаренко на ее повесть «68-я параллель» – см.: А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 61–64)*

Андреев А.Л. Российское образование: социально-исторические контексты. – М., Наука, 2008.

Вульфов Б.З., Иванов В.Д. Основы педагогики. – М., 2000.

Маленкова Л.И. Теория и методика воспитания/ Под ред. П.И. Пидкасистого. 2-е изд. – М., 2004 *(Есть глава «воспитывающая среда и ее развитие», с включением параграфа «Ученический коллектив»; в др. главах есть: «Школа как воспитательная система», «Личностно-ориентированная коллективная творческая деятельность и ее организация». А.С. Макаренко нет в списке «Основной литературы», дан в «Ученическом коллективе». Тема труда отсутствует.)*

Подласый И.П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов. – М., 2001.

Стефановская Т.А. Педагогика: наука и искусство. – М., 1998.

Авторефераты диссертаций, в России и Украине

Аксёнов С.И. Становление и развитие взглядов А.С. Макаренко на воспитание в противоречиях социально-педагогической действительности 1920–1935 гг. Автореф. дис. ..… канд. пед. н. – Н.Новгород, 2011.

2 главы: о становлении этих взглядов в 1920–1928 гг. и об их развитии в 1929–1935 гг.

Бучковская В.В. Личностно-ориентированный подход к воспитанию в педагогическом наследии А.С. Макаренко. Автореф. дис. ..… канд. пед.н. – Киев, Ин-т педагогики РАО, 2004. *(с параграфами: Коллектив как условие личностно-ориентированного воспитания; Педагогическая позиция воспитателя……; Использование идей А. Макаренко в практике современной школы.)*

Синченко О.В. Проблематика и поэтика «Педагогической поэмы». Автореф. дис. ..… канд. филол. н. – М., МГУ, 2006

Гетманец И.О. Человек и мир в художественном творчестве А.С. Макаренко. Автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Харьков, 2011, укр.яз.

Главы: История издания и изучения литературного наследия А.С. Макаренко; Некоторые аспекты мировоззрения А.С. Макаренко с позиций современности; «Педагогическая поэма» в «свете гуманистической экспертизы времени»; «Флаги на башнях»: объективная оценка» – дано в согласии с критикой повести Ф. Левиным. «Книга для родителей» не рассматривается.

Диссертации предыдущих лет см. в данном издании, Часть 3, с. 356–357. И ранее: Носовец, Смолинчук, Гупан, Плетниченко, Носаль, Неустроев.

Отдельные издания зарубежные, Германия

Маншатц Э. Общее [для взрослых и детей] решение [жизненных] задач как средство организации социально-педагогической деятельности. Основы выявления педагогического содержания концепции А.С. Макаренко. – Берлин, 2003, нем. яз.: Mannschatz E. Gemeinsame Aufgabenbewältigung als Mediun sozialpädogigischer Tätigkeit. Denkanstöße für die Wiederewinnung des Pädagogischen aus der Makarenko – Rezeption. – Berlin, 2003.

Главы, параграфы:

Круг проблем для дискуссии. Неолиберальный поворот к жизненной ориентации мира. К проблеме состояния воспитательного аспекта социальной педагогики. Тайная неуверенность: повторение взгляда на воспитание как влияние. Самостоятельная общая [для взрослых и детей], относящаяся к [жизненным] задачам деятельность как средство воспитания.

Педагогическая система в трактовке Макаренко. Макаренко как социальный педагог. Проблема доступа к системной точке зрения. Определяющие систему исходные позиции. Комплекс и система основных приемов. «Параллельность» жизненной практики и воспитания. Коллектив как форма жизни, сфера воспитания и средство. Основное вос-

питательное отношение. Ситуация и процесс. Воспитательная организация и методика воспитания. Оперативные элементы воспитательного процесса.

Макаренко в кругу различных интерпретаций. Макаренковские точки зрения в зеркале политической системной дискуссии. Место Макаренко в политике. Образ человека и педагогический профессионализм Макаренко. Его трактовка педагогики как науки.

Посыл для размышления: социально-педагогическая деятельность как средство решения [жизненных] задач. Положение педагогической деятельности в комплексе задач помощи молодежи. Основные предпосылки эффективности социально-педагогической деятельности. Социально-педагогическая деятельность как фактор воспитания.

Возможности осуществления концепции решения [жизненных] задач.

Справочные задания: в контексте воспитания; в контексте жизни.

Приложение. Возможные выводы из анализа общего в концепции молодежной политики в ГДР и ФРГ. Всеобъемлющее обслуживание, а не ассортимент услуг в борьбе с детской безнадзорностью. Педагогическая программа.

2. Маншатц Э. Детдомовское воспитание: к проблеме основания споров о формах заботы. – Берлин, 2007, нем.яз.: Mannschatz E. Heimerziehung: zum Problemhinter – grund einer umstrittenen Betreuungsform. – Berlin, 2007.

3. Маншатц Э. Что, черт возьми, есть, собственно говоря, воспитание? – Берлин, 2010, нем.яз.: Mannschatz E. Was zum Teufel ist eigetlich Erziehung? – Berlin, 2010.

Главы, параграфы:

Введение. Проблема навигации в исследовательском путешествии; Определение направления поиска; Вставка: личные замечания.

Поиск следов на арене обсуждения. Реальные события в рефлективном толковании; Путь намечается; За кулисами проблематики.

Воспитание как реальное событие. Корни воспитания. О роли и значении социальных отношений; Воспитание и политика, воспитание и среда; Передача опыта посредством воспитательного образца; Модальности соприкосновения; Реальность в реальности; Воспитание происходит……

Воспитание как педагогическая деятельность. Решение задач как внутренняя логика педагогической деятельности; О методике решения задач: общность как педагогическая сцена действия, выработка консенсуса как момент движения внутри решения задач, действие в атмосфере общности, сообщение импульса в меняющихся ситуациях.

(концепция методического процесса, воспитательная методика как оперативная деятельность, о вероятности успеха воспитательной работы); педагогическая деятельность в характере ее требований внутри течения жизни взрослого.

Педагогика в обязанностях. Повышение оценки посредством разочарования; Взаимосвязанные пути закладки фундамента; Заключение……

Сборники материалов научных конференций,
Конкурса школ-хозяйств, макаренковских чтений

Постижение педагогической культуры человечества. Матер. Шестой науч.-практ. конф./ Ред.-сост. Г.Б. Корнетов. – М., 2010 (выборка):

Корнетов Г.Б. Педагогические идеи «Артхшастры»

Корнетов Г.Б. Педагогическая культура человечества. (Процесс социализации человека при смене поколений воплощается в традициях, обрядах, искусстве, образовательных учреждениях, науке)

Макаров М.И. Провиденциалистская идея воспитания в педагогическом учении В.С. Соловьева. (Божественное предназначение человека и педагогическое творчество «доделывания» того, что «не реализовал в мире Бог»)

Савин М.В. Неизвестное педагогическое сочинение Ж.Ж. Руссо. («Письмо Ж.Ж. Руссо к Эбби Мабли» – первоначальное изложение его идей «свободного» и «естественного» воспитания, первый практический педагогический опыт Руссо, обращение доктрины «детской греховности»)

Фролов А.А. «Педагогическая логика» А.С. Макаренко: метод педагогики, системность, логика целесообразности

Юдина Н.П. Механизм влияния философских наук на педагогику (на примере концепции К.Н. Вентцеля. (Первооснова мира – жизнь. Средство воспитания – прежде всего труд, «организующий жизнь»)

Е.В. Южанинова. Педагогическое учение Фридриха Шлейермахера. (Он – «сторонник антропосоциоцентрического подхода в воспитании»)

Историко-педагогический ежегодник – 2010/ Гл. ред. Г.Б. Корнетов. – М., 2010 г. (выборка):

Корнетов Г.Б. Заметки о ранних формах педагогической деятельности. (От ее «вплетения» в поток и пространство жизни – к обособлению от него в специфическом «пространстве образования» – и к его включенности «в живой социальный организм», в пространство конкретной развивающейся культуры)

Макаров М.И. Провиденциалистская идея воспитания в отечественной религиозно-педагогической традиции (2-я пол. XIX–пер. пол. XX столетия). (Божественный промысел и свобода воли человека: Славянофилы и религиозные философы, В.С. Соловьев, В.В. Зеньковский, К.Н. Леонтьев, П.Д. Юркевич, В.В. Розанов и др.)

Фролов А.А. Человек в системе производства: «социальный капитал» Ф. Фукуямы и «хозяйствование» А. Макаренко

Макаренко А.С. Положение о детской милиции (Окт. 1927 г.)

Развитие педагогического знания в науке об образовании. Матер. XXVII сессии Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки РАО/ Под ред. М.В. Богуславского, Т.Б. Игнатьевой. – М.–Тверь, 2011 (выборка):

Богуславский М.В. Историко-педагогическое пространство России: научное сообщество, исследовательские проблемы и перспективы развития

Юдина Н.П. Этапы становления историко-педагогической методологии

Богуславский М.В. Процесс развития отечественной педагогики XX века: проблема моделирования. («Четыре парадигмальных сдвига»: смена «школы учебы» «трудовой школой» (20-е гг.); смена наоборот (с нач. 30-х гг.); возобладание «трудовой школы» и переход снова к «школе учебы» (руб. 50–60-х гг. и 2-я пол. 60-х гг.); доминирование последней при многих изменениях (с 90-х гг.)

Савин М.В. Политологическое течение в современных западных историко-педагогических исследованиях. (В основном о книге: И. Ильич. Бесшкольное общество). (Мексика, об освобождении школы от политики государства в капиталистическом обществе)

Максимова Г.Ю. Реализация идеи «школы жизни» как приоритетная исследовательская задача отечественной дошкольной педагогики начала XX века. (В основном о Л.К. Шлегер и К.Н. Вентцеле)

Игнатьева Т.Б. Тенденции развития теории нравственного воспитания в отечественной педагогике первой пол. XX в. (Об А.С. Макаренко – с. 165–166. В курсе педагогики М.И. Демкова, 1918 г. – три главы о воспитании: воля, характер, чувства.)

Карташева Е.Т., Макаренко Е.А. Реализация идеи образовательных сеттльментов в педагогике Великобритании и США. (Поселения как общинные организации, сочетающие общее улучшение жизни и образование, с 1884, Англия, США, до современности)

Алиева Л.В. Детское движение начала XX века – инновационная социально-педагогическая реальность

Аксёнов С.И. Противоречивое развитие социально-педагогической и производственной деятельности в трудовой коммуне им. Ф.Э. Дзержинского в 1930–1935 гг.

Фролов А.А. «Педагогическая логика» А.С. Макаренко: метод педагогики, индуктивный и дедуктивный методы

Илалтдинова Е.Ю. Альтернативные направления в разработке социально-педагогического наследия А.С. Макаренко (1953–сер. 1970-х гг.)

Гермогенова М.Д. К истокам организационной культуры современной школы. (По Л.С. Выготскому, А.С. Макаренко и И.П. Иванову.)

IX Конкурс школ-хозяйств им. А.С. Макаренко и макаренковские чтения. – М., 2011 (по программе):

Доклады: Кушнир А.М. Социальное предпринимательство школы как фактор инновационного развития страны

Григорьев Д.В. Социальное предпринимательство: школа как субъект общественного развития территории

Маленкова Л.И. Педагогическое наследие А.С. Макаренко как ключ к решению проблем современного воспитания детей и молодежи

Федосов А.Ю. Воспитательная система А.С. Макаренко в условиях информационно-

го образования: идеи, перспективы, технологии

Зыков М.Б. А.С. Макаренко – пионер педагогики человеческого капитала

Соколов Р.В. А.С. Макаренко – как стратег и тактик социального действия

Куприянов Б.В. Производственная модель социального воспитания

Кокурова О.Ю. Педагогика дела: продуктивное партнерство школы и семьи

Меттини Э. (Италия) Непрерывность как подход психологии и педагогики в постмодернистское время (по М.М. Бахтину, А.С. Макаренко и А.А. Фролову)

Коршунова Н.Н. Акмеологическая сущность труда в педагогике А.С. Макаренко

Николаев А.Б. Педагогическое содружество как основа трудового воспитания

Московская А.А. Социальное предпринимательство в образовании (рук. семинара)

Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: традиции и новации… Матер. Седьмой нац. науч. конф./Ред.-сост. Г.Б. Корнетов. – М., 2011 (выборка):

Астафьева Е.Н. Почему А.С. Макаренко видел в детском доме будущую форму советского воспитания?

Врачинская Т.В. Конфликт в педагогическом взаимодействии в отечественной педагогике (XIX – сер. XX вв.). (конфликт в его разрушительной функции и как источник развития, с обращением к А.С. Макаренко.)

Корнетов Г.Б. Древнегреческие истоки педагогических традиций. (В основном в зависимости от степени включения в повседневную «всамделящную» жизнь.)

Макаров М.И. Провиденциалистская идея воспитания в отечественной философско-педагогической традиции (2-я пол. XIX–нач. XX вв.). (Предопределенность – и «человек как творец есть соучастник Божьего творчества»; «охранительная педагогика»: Победоносцев К.П., Рачинский С.А.)

Новиков С.Г. Л.Д. Троцкий о стратегии воспитания советской молодежи. (На этапе перехода от капитализма к социализму цель воспитания – не «отвлеченный гармоничный и совершенный человек коммуны», а «борец-революционер, «сознательный», приобщившийся к достижениям культуры.)

Фролов А.А. А.С. Макаренко и П. Фрейри: сравнение основ социально-педагогической деятельности. (Воспитание на трудовом и жизненном опыте – в отличии от обучения; приоритет воспитания; образование как средство реформирования общества.)

Педагогическое образование: новое время – новые решения. Матер. Всеросс. с международ. участием науч.-практ. конф. Часть II/ Ред. колл.: Т.И. Шукшина и др. – Саранск, 2011 (выборка):

Нижегородов Д.Г. Нравственно-волевое воспитание учащихся как психолого-педагогическая проблема. (История ее исследования, современность)

Оськина С.В. Ученическое самоуправление как эффективное средство воспитания личности. («Событие» – это «момент жизни», единица деятельности)

Илалтдинова Е.Ю. Роль педагогического образования в освоении наследия А.С. Макаренко (1939–1953 гг.)

Фролов А.А. Человек в системе производства – ведущая проблема современного образования (по Ф. Фукуяме и А. Макаренко)

Нормативно-правовые и технологические основы создания и организации деятельности школьных минитехнопарков и детско-взрослых образовательных производств как инновационной структуры технологической подготовки и производственного воспитания в общеобразовательной школе.

Программа межрегиональной науч.-практ. конф. – Москва, 17-19 ноября 2011 г. (выборка):

Кушнир А.М. «Производящая мощность личности» как интегральная характеристика качества образования. Постановка проблемы

Асмолов А.Г. Генезис установки на труд в детстве

Новиков А.М. Парадоксы истории трудового воспитания молодежи в России

Зыков М.Б. Школа как «фабрика человеческого капитала»

Крупнов Ю.В. Подходы, методы и формы перевода российской школы в «трудовое образование»

Григорьев Д.В. Детско-взрослые образовательные производства и деконсьюмеризация школы

Чагалаев А.Х. Педагогический эффект, последствия вовлечения школьников в производительный труд. Опыт гимназии №97, г. Ижевск

Фролов А.А. Человек в системе производства: «социальный капитал» Ф. Фукуямы и «хозяйствование» А. Макаренко

Базарный В.Ф. Отдаленные последствия 200-летней практики воспроизводства новых поколений на основе «безрукости» и «педагогической усидчивости». Данные медицины и физиологии.

Куприянов Б.В. Роль дополнительного образования детей в технологической подготовке и производственном воспитании школьников

Головин П.П. Из опыта работы ученической учебно-производственной фирмы «Импульс», Ульяновская область

Алексеев А.А. Взаимодействие ассоциации фермерских хозяйств Ярославской области как условие развития производственного воспитания в сельском социуме

Вифлеемский А.Б. Проблемы нормативно-правового регулирования хозяйственной деятельности образовательных учреждений

Конин С.С. От школьного агробиотехнологического минитехнопарка к экологическому туризму

Тененбойм З.Ш. Школьные минитехнопарки и детско-взрослые образовательные производства в истории России

Аксёнов С.И. Макаренковский опыт производственно-хозяйственного воспитания в единстве и противоречии с советской педагогической теорией и практикой (1920–1935 гг.)

Илалтдинова Е.Ю. Интерпретация макаренковских идей производственно-хозяйственного воспитания в советской педагогике (1939–1991 гг.)

Пичугина Г.В. Производственный труд и современная школа (по материалам журнала «Школа и производство»)

Статьи

Педагогика, 2010

№3: Клемашева Е.М. Книга Б.Т. Лихачева «Воспитание и этика»

№6: Запесоцкий А.С. Культурология и педагогика: проблема взаимосвязи. *(«Педагогика изучает развитие жизненного опыта человека». От практического опыта слияния обучения и воспитания – к «школе знаний» – и далее к «параллельности» обучения, воспитания и развития.)*

Арламов А.А. Методологические ориентиры воспитания личности гражданина России

№8: Боровских А.В., Розов Н.Х. Деятельностные принципы и педагогическая логика. *(В связи с определением предмета педагогики критически рассматриваются аргументации: схоластически-компилятивная, «логика теории», исторически-ретроспективная, психологическая, социологическая, философская, этическая, религиозная.)*

Всякая деятельность – «функция общества», «сообщества». «Цель и мотивация деятельности превращаются в отражение в сознании человека его общественной функции».

Педагогическая деятельность: «ее результаты социально значимы». Поэтому «педагогика обязана быть точной, в ней…… все должно измеряться и все должно проверяться». Неопределенность цели «ведет к разрушению деятельности».

Голованова Н.Ф. Семантические изменения понятия «воспитание» в отечественной педагогике. *(От «Толкового словаря……» В. Даля до наших дней).*

Гриценко Л.И. Деятельностная основа педагогики А.С. Макаренко. *(Рассматриваются концепции С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева о единстве сознания, психики – и деятельности. Роль напряжения и конфликта в развитии жизненного опыта как основы воспитания.)*

Бауэр Е.А. Духовно-нравственное воспитание детей и подростков: Германия и Россия. *(«Учитель в Германии не имеет права воспитывать…… В обществе царит атмосфера толерантности…… захватывая естественные ранее моральные запреты». Против этого книга Ф. Кубе и Д. Алслут «Требовать, а не баловать» (Мюнхен–Цюрих, 1992). В России в это время «резкое противопоставление педагогики требования и педагогики свободы, с критикой теории А.С. Макаренко».)*

№9: Филонов Г.Н. Междисциплинарное исследование процесса воспитания. *(Отход*

от «ограниченного школоцентризма».)

Еровенко В.А. Закон тройного понимания в эпоху гуманитарного полуобразования. *(«Понять что-либо – значит найти свое место в мире», в отличие от простого знания.)*

Богуславский М.В. Педагогические идеалы Н.И. Пирогова *(Предназначение школы – «быть руководителем жизни на пути к будущему».)*

№10: Гурьянова М.П. Наша новая школа на селе: прогностическая модель. *(Это «школа, дающая всестороннюю подготовку к жизни и к труду в современном обществе».)*

Фельдштейн Д.И. Взаимосвязь теории и практики в формировании психолого-педагогических оснований организации современного образования. (*В Институте теории и истории педагогики РАО «5 лабораторий из 14 изучают проблемы методологии педагогики. И что же в результате мы имеем?»*

«……В педагогике до сих пор превалирует ущербная теоретическая установка на приоритет обучения…… Необходимо создание целостной теории воспитания...» Необходимо такое построение образовательного процесса, «где обучение и воспитание выступают его равноправными компонентами».

«Педагогика и жизнь» – рубрика в Указателе статей, опубликованных в 2010 г.

Педагогика, 2011

№1: Данилюк А.Я., Кондаков А.М. Развитие человеческого потенциала средствами воспитания и социализации. *(Среда: образовательного учреждения, муниципальная социально-педагогическая, среда субъекта РФ, среда РФ.)*

Репина Н.А. Жизненный опыт старшеклассников в содержании экономического обучения

Ермольева Э.Г. Образование как фактор социального прогресса (латиноамериканский ракурс.) *(Реализация концепции «человеческого капитала» и проекта «Образование – для всех».)*

№2: Гурьянова М.П. Сельская молодежь в обществе: кризис отношений

№3: Попов В.А. Наркотизация в России как социально-педагогическая проблема

Суслова И.Б. Проблема рациональности в философии и педагогике И. Канта. *(Воспитание «должно быть разумным, т.е. реализовываться на основании плана, в истоке которого лежит образ человека, основывающийся на его назначении и совершенстве, – служении идее общего блага». Целесообразность.)*

№4: Гликман И.З. Воспитание в школе жизни

Сасова И.А. Технологическое образование или трудовое обучение? *(«Проектная деятельность» и др.)*

№6: Новиков А.М. Культура как основное содержание образования. *(Воспитание – это «развитие направленности личности»; обучение – «развитие опыта личности». О «формах, методах, средствах» того и другого процесса: «в педагогической литературе говорится много и подробно. Ничего о труде.)*

Карпов А.О. Пуританское образование и наука: опыт экстраполяции. *(Традиционная христианская этика созерцательна; труд – как искупление первородного греха. Религиозная реформация, протестантизм Лютера и Кальвина, пуританские общины, «Протестанская этика» М. Вебера. Установление нового экономического порядка, буржуазных ценностей: к вечной жизни через мирское призвание, успех в труде как Божественное провидение. Аскетизм, против коммерциализации времени – кредитования. Оправдание науки и образования: познание Божественного Провидения. И. Ньютон, Я.А. Коменский, Р. Оуэн.)*

Корсакова Т.В. Уклад жизни школы: от «невидимого содержания» к очевидному результату. *(По достижениям школьников в учебной работе, внеучебной деятельности и личностном развитии.)*

Николаев В.А., Шошин М.А. Сущность трудового воспитания в современных условиях

№7: Попов Л.В., Розов Н.Х. Воспитательная деятельность в вузе: проблемы возрождения. *(«В центре воспитательной работы всегда стояла и будет стоять идеология».)*

Филонов Г.Н. Теория воспитания: потенциал формирующего воздействия. *(«Необходимо согласовать направленность и основные посылы систем социализации и воспитания» – по Н.Д. Никандрову.)*

Тестов В.А. Педагогическое мировоззрение и современная научная картина мира. *(«Все большее значение приобретают идеи недетерминированности, непредсказуемости путей эволюции…… конструктивной роли хаоса, мягкого моделирования».)*

Илалтдинова Е.Ю. Наследие А.С. Макаренко в 1953–сер. 1970-х гг.

Савченко Т.А. Изоляционистская концепция воспитания И.И. Бецкого

Боревская Н.В. Тенденции развития образования в КНР до 2020 г. *(За «гармонизацию отдельной личности и общества в целом»; Акцент на идейно-нравственном и эстетическом воспитании; Введение индивидуального электронного «Дневника общего развития», с записями поведения и успехов; Прием в вузы с проверкой способностей и морального облика; Связь социально-экономических преобразований с «эволюцией сознания»; Оплата труда учителей – не ниже, чем у государственных служащих; Мониторинг развития образования; Все – по 12-му пятилетнему плану развития страны, на 2011–2015 гг.)*

№8: Асадуллин Р.М. Пути познания педагогической сущности человека. *(Историческая преемственность представлений о личности человека в различных обществах. Антропологические основания педагогики. Ее интеграция в систему наук о человеке, приобретение черт «человекосообразности». Каждая новая эпоха «открывалась своеобразным проектом нового человека». О месте человека в природе и обществе, цели и смысле человеческого существования. Разные антропологические концепции. «Образ жизни становится основным содержанием педагогики».)*

Ананьин Г.Н. О системном подходе в воспитании. *(Отмечена роль А.С. Макаренко в решение вопросов о развитии системы и ее оптимальном масштабе – с. 81.)*

Хорошева Н.В., Шачина А.Ю. Философско-педагогические основы экспериментальных школ Х. фон Хентига. *(Германия, школы при университете в Билефельде, развитие реформаторских идей нач. XX в.: Школа как полис, превращение школы учебы в школу жизни; Знание и действие; Радость как «повседневное отражение счастья».)*

№9: Запесоцкий А.С. Проблема деятельности институтов социализации в современной России. *(«Ультралиберальная» рыночная идеология устарела примерно 300 лет назад» и нет никаких оснований для того, чтобы «в современных условиях она могла бы оказаться эффективнее ультрасоциалистической».)*

Безрукова В.С. Воспитаниеведение как новая педагогика. *(«Педагоги…… создают так называемую новую педагогику под новую идеологию правящего класса»; «Нужен агрессивный индивидуалист»; «Педагоги сужают временные, объективные и пространственные рамки исследований»; «Неизбежна новая педагогика – воспитаниеведение», в нем «должна быть заложена матрица более углубленного понимания макаренковского «параллельного действия»».)*

Беляев Г.Ю. Модели поведения как матрица воспитания. *(Типы поведения: в корпоративном обществе – «тотально-фашистская модель»; «кастовый индивидуализм – британско-американская модель»; «кланово-культурный эгалитаризм» – Япония. Положительный опыт СССР и А.С. Макаренко; «взаимодействие общества и личности через коллектив».)*

Фролов А.А. Административное управление и самоуправление в педагогике А.С. Макаренко. *(Они объясняются в их единстве, как проявление педагогической концепции взаимодействия поколений. В связи с этим дается новое определение базовым понятиям педагогики А.С. Макаренко, отвергается их дилетантское толкование.)*

Народное образование, 2010

№1: Гликман И.З. Наша школа: от старой к новой. *(Необходим в школе «массовый широкопрофильный клуб», с хорошей общей организацией и самоуправлением; оплачиваемый производительный труд; «школа жизни, а не только учебы».)*

Григорьев Д.В. Духовное и социальное в воспитании человека

Положение о Международном конкурсе им. А.С. Макаренко. *(Повтор – в №2)*

Вифлеемский А.Б. Как следует готовить материалы на Международный конкурс им. А.С. Макаренко. *(Повтор в №2)*

Пятаков Е.О. Смысл жизни: помощь подростку в осмыслении проблемы

Брунчукова Н.М. «Этические добродетели» младших школьников: способы воспитания. *(На словесном уровне и разрыванием жизненных «ситуаций».)*

Замостьянов А.А. Врата снобизма. Болезнь современного общества. *(Пропаганда потребления, «призрение к народу» – в средствах массовой информации.)*

№2: Загвоздкин В.К. Стандарты образования и тестировании в Швеции

Алексеев А.А., Егоров В.А. Социальный потенциал детей и юношества: школа, село, ассоциация крестьянских хозяйств. *(Ярославская обл., «сеть школ-хозяйств» и др.)*

Прутченков А.С. Как активизировать ученическое самоуправление?

Гармаев А. Есть ли у нас шансы воспитать подростка сегодня? *(«Дефицит взрослого общения».)*

Баева И.А. Психология молодежной субкультуры: риск и перспективы роста

Найдал Т.Е. Хочу красивой жизни, Или моральный кодекс строителя капитализма. *(«Обобщенный образ» подрастающего поколения российского общества.)*

№4: Пронина С.И. Гражданская позиция старшеклассников

Якушина Е.В. Школьные и молодежные военно-патриотические объединения: обзор электронных ресурсов

Данилова Л.Н. Патриотическое воспитание школьников. Из зарубежного опыта.

Гурковский В.А. Кадетские корпуса в дореволюционной России

Замостьянов А. Фальсификация истории. Кому необходим и кому мешает культурно-исторический феномен?

№5: Итоги VIII Международного конкурса им. А.С. Макаренко и Макаренковских чтений, Москва. *(Опыт школ-производств)*

Лапушинская Г.К. В старших классах можно получить профессиональную подготовку

Кушнир А.М. А.А. Фурсенко и педагогические рецепты А.С. Макаренко

Созонов В.П. Дисциплина школьника: разговор на скучную тему

Гликман И.З. Практический аспект нравственного воспитания

№6: Кушнир А.М. , Григорьев Д.В. Смыслы Конкурса Макаренко

Целищева Н.И. «Империя труда» живет по советам Макаренко

Люкин П.В., Рябова Г.Д. Аграрная школа: опыт созидания

Ахьямова И.А. Голос как инструмент педагогического общения

№7: Остапенко А.А. Исследование воспитательных систем. Из опыта эпистолярных рекомендаций. *(Мировоззренческий и методологический плюрализм.)*

Кушнир А.М. «Наша новая школа» не совсем наша и вовсе не новая…...

№8: Болотова Е.Л. Правовой статус школьника

Харина Н.В. Успех коллектива зависит от роста каждого учителя. *(И только? Подход «уединенной личности»)*

Жуковский И.В. Эффективная педагогическая команда. *(«Группа, организованная для совместной работы», отдельного его вида.)*

Букатов М.В. Как наладить и сохранить диалог поколений. *(В семейном укладе жизни.)*

Щуркова Н.Е., Мухин М.И. Новая школа в поисках новых смыслов воспитания. *(«Вопрос о субстанции воспитания», его «материальной ипостаси»; ««тело» воспитания, подвластное педагогической организации». Без выделения труда как основы воспитания.)*

Цирульников А.М. Педагогика кочевая. (очерки философии образования.) *(Сельская школа. «Взрослые и дети в построении новой школы».)*

Сергеев С.Ф. Дилетантизм в педагогике. (В школах: «липовые дипломы», отсутствие профессионализма.)

Хагуров Г.А. Современная культура и воспитание: в поисках точки опоры. (При отказе от моральных и эстетических ценностей.)

№9: Сидоркин А.М. Почему не эффективны школьные реформы? *(«Экономика школы», «Качество школьной жизни».)*

Болотина Е.Л. Ответственность ученика. *(«Законодательная база» и «типология».)*

Кравцов С.С., Крылова Н.Б. Бюрократизация школы. *(«Школа как долгосрочный вклад в развитие общества».)*

Селиванова Н.Л. Воспитательная система: проблемы прошлого, настоящего и будущего. *(«Оценивание результатов воспитания» и др.)*

Ахьямова И.А. Пространство среды и поведение школьников

Александрова Е.А. О концепции воспитания, или Как создать работающую систему. *(«Соотношение теории и практики в управлении воспитательным процессом».)*

№10: Кушнир А.М. По плодам их узнаете их, или Нужна ли нам государственная политика в области образования? *(«События на Манежной площади – это закономерное*

следствие текущей политики и практики воспитания в стране», «Культуре нельзя научить. В культуре можно жить, в культуру – врастать, вживляться».)

Мусарский М.М. Что мешает развитию финансовой самостоятельности школ?

Осипцова Ж.П. Федеральный закон № 83-ФЗ: правовое положение школ

Соложнин А.В. Социальное предпринимательство в образовании: сегодня оно необходимо школе

Григорьев Д.В., Кожурова О.Ю. Эффективное воспитание: школа и семья как партнеры

Круглов В.В. Детское общественное объединение: экономический аспект существования

Хижнякова Е.В. Молодежные переговорные площадки с представителями государства, общества и бизнеса

Народное образование, 2011

№1: Гликман И.З. Социально-личностный подход к воспитанию

Рябова Г.Д. Воспитание трудом, воспитание в труде. *(«Воспитание хозяев-тружеников».)*

Верин-Галицкий Д.В. О детском самоуправлении в школах. *(В «детском коллективе».)*

№2: Поташник М.М. Компьютерный тупик: что дальше? *(«Интеллектуальные возможности компьютера».)*

Бедерханова В.П., Демакова И.Д., Крылова Н.Б. Гуманистическое пространство воспитания. *(С учетом «социальных противоречий».)*

Куприянов Б.В. Школа Хогвартс как воспитательная организация. *(«Основы создания детско-взрослой общности» и др.)*

№3: Рудьева Д.М., Зима Т.М. Ученическая бригада: не игра, а настоящее дело. *(Современные «модели ученических производственных бригад».)*

Илларионова Т.Е., Зотова В.Б. Сельский агрокомплекс в городской школе

Фомина А.Г., Гололобова С.М. Потенциал сельских поселений. *(В Вологодской области)*

№4: Рыжков М.В. Страна «стандартизированных надежд»?

Шепель В.М. Гражданское самочувствие – показатель благополучия личности, коллектива, страны

Алексеев А.А. Образование и социальная практика села

Ярулов А.А. Школьная среда: как преодолеть фактор депривации

Баранова В.А. Вопрос главный….., и, похоже, пока риторический. *(О «дискомфортности» в школе и жизни.)*

№5: Вифлеемский А.Б. Деградация системы управления образованием

Вифлеемский А.Б. Школа-хозяйство и государственная политика

Манаков А.П. Учебно-опытное хозяйство с законченным циклом

Илалтдинова Е.Ю. Наследие А.С. Макаренко: производительный труд учащихся

Маленкова Л.И. Торжество воспитания: возможно ли оно? *(За «приоритетность воспитания»; «Триединая сущность воспитания: его средства, процесс и результат»; Поднять воспитание «на уровень его научного осмысления».)*

Тимошко Е.А., Лепнева О.А. Цель должна быть проверяемой. *(В воспитании.)*

Поляков С.Д. Школьная повседневность: эскиз пейзажа

Давлетшин Д.М. Когда страх перед жизнью сильнее страха смерти. *(О детском суициде.)*

Михин С.Ю. Нескучная «продленка»

Фролов А.А., Аксёнов С.И. Антон Макаренко – Джон Дьюи Советского Союза? *(Аннотация электронной версии статьи, она написана как обзор статьи трех американских профессоров педагогики, 2005. Их вывод: Педагогика А. Макаренко, как и деятельность Дж. Дьюи – это «социальный реконструктивизм – применение педагогических методов к социальным проблемам».)*

№6: Бабинский М.Б. Стратегический анализ идеологии стандарта школьного образования *(«Человеческое бытие», подготовка к взрослой жизни.)*

Свиридов А.Н. Документ, определяющий будущее страны – коллизия преемственности и социализации

Положение о Конкурсе школ-хозяйств им. А.С. Макаренко и Макаренковских чтениях 2012 г. далее в №№7, 8.

Никольская Н.И. Сторонники трудового воспитания продолжают дело своего великого учителя. IX Международный конкурс трудовых школ им. А.С. Макаренко *(Об участниках и победителях Конкурса им. А.С. Макаренко 2011 г.)*

Панасенко В.Я. Точка опоры – производительный труд. *(г. Калининград, образ. центр «Мост»)*

Янушкавичене О.Л. Бесконечный круг: «забвение-удовольствие-стресс…... В чем альтернатива? *(О ««беззаботной жизни» в детстве»)*

Верин-Галицкий Д.В. Педагогический аспект проблемы взросления

№7: Хагуров Т.А., Остапенко А.А. Человек исчезающий: исторические предпосылки и путь дегуманизации общества. *(Древний Восток: человек иерархический; Античность: политический; Христианский: поврежденный Образ Божий.)*

Бабинский М.Б. Российская идеология и общеобразовательная школа: об идеологических основах содержания школьного образования. *(О «человеке, востребуеваемом эпохой».)*

Кушнир А.М. Положение о международном Конкурсе имени А.С. Макаренко. Очередные Макаренковские чтения (науч.-практ. конф.). *(«Школа учебы» провалилась еще вчера, но продолжает действовать - к ускоренной деградации качеств человека и кадровых ресурсов страны.)*

№8: Немирич Т.Н. «Пятый элемент» воспитания. *(Сельская школа становится «школой жизни».)*

Поташник М.М. И стены воспитывают: материальная культура школы

Маленкова Л.И. Педагогическая реабилитация и воспитание ребенка с особенностями в развитии

Хагуров Т.А. Утерян стыд! Да здравствует потребительство!

Зыков М.Б., Кучма И.В., Сабанина Н.Р., Зыкова А.М. О формировании и развитии человеческого капитала

Кушнир А.М. Зачем мы проводим конкурс им. А.С. Макаренко

Мурашов А.А. Детская эгоцентрическая картина мира: восприятие слова

Воспитание школьников, 2011

№1: Никитина Л.Е. Воспитание как технология общественного развития. *(«Ограничения и противоречия в развитии воспитания как общенациональной системы». Ничего – об экономике, производстве.)*

Левин Я.Н. Семнадцать уроков школьного воспитания. *(Обращение к некоторым положениям А.С. Макаренко).* Урок 8. Стиль деятельности школы. Далее в №№2-10: Уроки 9-17: Школьное самоуправление, Меры воздействия, Школа и семья, Совместное воспитание, Трудовой принцип, Успеваемость, Выбор профессии, Клубная работа, Физкультура, Летний отдых.

№2: Никитина Л.Е. – продолжение данного в №1. *(«Идеологический и научный подходы в определении путей развития воспитания как общественной системы. Педагогическая стратегия, философская база и политическая платформа развития воспитания» как «позитивной социализации, в интересах общественного и личного прогресса». «Современная идейная основа развития воспитания», технологический аспект.)*

№3: Щуркова Н.Е. Жизнь как базовая ценность системы воспитания. *(«Базовые ценности»: жизнь, человек, общество, природа и Я человека. Ценностные отношения – объект целенаправленного воспитания. «Ценностно-ориентированное воспитание».)*

Лебединцев В.Б. Самоуправление в учебно-воспитательном процессе: идеи А.С. Макаренко в XXI веке *(Роль «сводного отряда» в разных видах деятельности школьников.)*

№4: Сжеленко В.Б. Какая школа нужна России? *(«Современное российское общество еще удерживается старшим поколением»; «Тотальное многообразие…… хуже тотального единства».)*

№5: Ульянова И.В. Воспитательная система формирования смысложизненных ориентаций учащихся средней школы. *(Без труда.)*

Итоги II Всероссийского конкурса «Воспитать человека» *(Определение лучших: воспитатель дошк., детдома, кл. рук., зам. дир. по воспит. раб., соц. педагог, ст. вожатый.)*

№7: Ульянова И.В. Формирование смысложизненных ориентаций учащихся: методы,

технологии, ведущие виды деятельности. *(Без труда.)*

№8: Кирикович Т.Е., Сабурова Л.Л. Жизненный план школьника как социально-личностная цель

№9: Ульянова И.В. Организация смысложизненно-ориентированной среды школы. *(Четыре вида среды в школе, традиции, традиционные мероприятия.)*

№10: Ульянова И.В. Особенности проведения уроков в Школе формирования смысложизненных ориентаций

Историко-педагогический журнал. – Н.Тагил, 2011, №1: Новиков С.Г. А.С. Макаренко: марксистский и советский воспитательный проект 1920–1930 гг. *(У А.С. Макаренко не «безличностный коллективизм». Это склонность к «традиционной российской коммунитарности». Как и К. Маркс, Ф. Энгельс: «соответствие классовых интересов пролетариев гуманистическому вектору развития человечества». «Опережение социально-исторического процесса». Несовпадение с официальной педагогикой того времени.)*

Российская газета-неделя, 10 фев. 2011 г. Овчинников В. Азиатский Гиблартар. *(«Просвещенный авторитаризм» ярко проявился в успешной модернизации экономик Японии, Юж. Кореи, на Тайване, в Китае: общее выше личной выгоды; компромисс, а не соперничество; согласие, а не плюрализм мнений; нравственные ориентиры, а не западный культ индивидуализма и концентрации.)*

В ресурсах Интернет

Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» – http://www.educom.ru/ru/nascha_novaya_scola/shool.php

Хиллиг Г. Деятельность А.С. Макаренко и В.А. Балицкого по борьбе с детской беспризорностью – www.paffactory.com

Положительная характеристика В.А. Балицкого, работника высшего ранга в ВЧК-ОГПУ-НКВД с конца 1918., сподвижника Ф.Э. Дзержинского. В 1923–1937 гг. в Москве, один из замов ОГПУ СССР, затем возглавлял ГПУ, НКВД УССР.

Меньшевик в 1913–1915 гг. Окончил три курса юридического факультета Московского университета (1912–1915), вольнослушатель Лазаревского института восточных языков (Москва, 1915), окончил Тифлисскую школу прапорщиков (1915), на кавказском фронте в 1917 г.

«Человек напряженного политического ума, сильного характера, высочайшего профессионализма». Как и Ф.Э. Дзержинский, «был захвачен идеей позитивного участия ВЧК-ГПУ в судьбах детства, строительства эффективной педагогики», «пользовался консультациями и советами Макаренко», участвовал в ограждении его от ареста. Инициатор направления А.С. Макаренко на заведование коммуной им. Ф.Э. Дзержинского, по рекомендации его младшей сестры, Н.А. Балицкой, участвующей в шефской работе в Харьковской-Куряжской колонии им. М. Горького.

Сказанное в «Педагогической поэме» о чекистах (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания…... Часть 4, с. 115–116) – это прежде всего характеристика их руководящих деятелей В.А. Балицкого и А.О. Броневого (о втором, там же, Часть 3, с. 326–328), см. также И.М. Блат, в «Типах и прототипах» А.М. Бранд (там же, Часть 1, с. 338.)

Информация, сентябрь 2010 г.: о «новой мотивации труда и вообще социального поведения» в практике А.С. Макаренко и его последователя, В.П. Серикова (при управлении коллективом строителей) – http://www.comforum.ru/ forum/ index.php?PHPSESSID=chgr3wdbbi075fnrjbsiet833&aktion=printrage;topic=1615.o

Там же: ст. Г.В. Недялкова «Коммунизм рождается на производстве» (о бригадном самоуправлении в опыте В.П. Серкова) и материал А.С. Макаренко «О коммунистической этике».

Электронные тексты А.С. Макаренко на сайте А.Ю. Федосова: http://www. makarenko.edu.ru/

На сайте Р.В. Соколова выложен документальный фильм, отцифрованный в Полтаве «400 судеб», о выпускниках колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (апр. 2011 г.)

31 янв. 2011 г. по программе одного из кабельных каналов телевидения показан художественный фильм «Педагогическая поэма» (1957 г.)

Публикации в Украине

Монографии, сборники материалов конференции

Гетманец М.Ф., Гетманец И.О. «Я – писатель Мааренко». Монография. – Харьков, 2011, укр.яз.

История изучения А.С. Макаренко как писателя. Некоторые аспекты мировоззрения А.С. Макаренко в свете новых данных: К вопросу о социально-политических взглядах, Философско-этические взгляды, А.С. Макаренко и искусство, Национальная проблема в его идейно-эстетических взглядах.

«Педагогическая поэма»: Проблематика, Главный герой, Колонисты, Воспитатели, Враги, Коллектив; Жанр и сюжетно-композиционная организация, Хронотип, Характеротворение, Юмор, Пейзаж, Языковое мастерство, Украинский дискурс.

«Флаги на башнях»: На подступах к повести, Оценка критиков, Идейный замысел, Заведующий, Колонисты, Вопросы художественного мастерства.

Последний год жизни.

Украинизмы, Антропонимы.

Истоки педагогического мастерства. Сб. науч. трудов. Вып. 8, Часть 1// Полтава, 2011, укр. яз. (выборка):

Радул В.В. Развитие идей А.С. Макаренко относительно среды жизнедеятельности личности

Наумов Б.Н. А.С. Макаренко и целостный подход в педагогике

Бардинов А.В. Управление процессом ресоциализации лиц спецконтингента в педагогическом наследии А.С. Макаренко

Бойченко Е.В. Взаимодействие школы и общества в управлении школой: европейский опыт и украинские перспективы

Витебская П.В. Условия и этапы формирования педагогического оптимизма учителя в педагогическом коллективе (опыт А.С. Макаренко)

Добрыдень А.В. Педагогическая техника учителя в контексте идей А.С. Макаренко

Зелюк В.В. Современная адаптивная школа в контексте педагогики А.С. Макаренко

Козлова Е.Г., Гавриленко И.И. Функции управления образовательным учебным заведением в теоретическом наследии А.С. Макаренко

Колос Ю.З., Пашко Л.Ф. Самоуправление в контексте теории коллектива А.С. Макаренко

Кращенко Ю.П. Современное студенческое самоуправление в контексте идей А.С. Макаренко

Меттини Э. (Италия). Этика менеджмента в творчестве А.С. Макаренко: путь к развитию личности

Сердюк Т.В. Принцип «параллельного педагогического действия» в современной педагогике

Токуева Н.В. Использование идей А.С. Макаренко в управленческой деятельности директора Гадячской общеобразовательной школы-интерната М. Андриевского (1962–1998 гг.)

Истоки педагогического мастерства. Сб. науч. трудов. Вып. 8, Часть II// Полтава, 2011 укр. яз. (выборка):

Голованова Н.Ф. Воспитание и современные социальные технологии

Захарова О.В. Моральная практика как идейная основа современной мировой педагогики

Павицкая Е.Н. Воспитательные аспекты в деятельности педагогического университета

Ткаченко А.В. Категориальный статус понятия «профессиональное развитие личности»

Статьи

Гетманец И.А. А.С. Макаренко о Л.Н. Толстом// Л.Н. Толстой – писатель, мыслитель, философ (к 180-летию со дня рожд.). Матер. междунар. науч.-практ. конф. – Белгород, 2009.

Гетманец И.А. А.С. Макаренко и Украина //Проблемы и перспективы наук в условиях глобализации. Матер. V Всеукраинской науч.конф. Серия «Языкознание». – М., ТНПУ им.

В. Гнатюка, 2009 (укр. яз)

Гетманец И.А. К вопросу о полемике между А. Макаренко и Ф. Левиным// Филологические трактаты. – Сумы, Украина, 2009, №2 (укр. яз.)

Гюнтер-Шельхаймер Э. Некоторые выводы из опыта применения теории руководства школьным коллективом в ГДР. Доклад на Международной науч.-практ. конф. «Технология управления учреждениями образования», посвященная памяти А.С. Макаренко. 11–12 марта 2011 г. – Полтава, компьют. текст. *(Опыт шк. самоуправления в школе им. К. Либкнехта, 1975–1990 гг., лишь на базе Союза немецкой молодежи.)*

Абаринов А. Киевский адрес Макаренко: новые сведения. Доклад, там же. – Полтава, компьют. текст. *(В ОТК НКВД УССР было образовано 5 отделов, хотя для республик устанавливалось 3. А.С. Макаренко принят в центр. аппарат НКВД Украины, будучи беспартийным и имея брата-эмигранта. Перед переездом в Москву его семья жила на ул. Николаевской, в коммунальной квартире, 2 комнаты, без центр. отопления, дом не сохранился).*

Статьи Ткаченко А.В., укр. яз.

Условия профессионализации подростков в Харьковской трудовой колонии им. М. Горького// Педагогические науки: теория, история, инновационные технологии. – Киев, 2011, №2

Харьковская трудовая колония им. М. Горького в условиях государственной практики профессионального просвещения и трудового воспитания в интернатных учреждениях// Науч. зап. Тернопольского пед. ун-та, 2011, №4

Профессиогенетический подход в педагогической биографичности (на примере анализа творческого наследия А.С. Макаренко)// Имидж современного педагога, 2011, №3

Обеспечение основ профессионального развития воспитанников как педагогическая задача трудового детского корпуса А.С. Макаренко// Педагогические науки: теория, история, инновационные технологии. – Киев, 2010, №8

Украинские средства массовой информации как зеркало истории трудовой колонии им. М. Горького// Вестник Луганского ун-та, 2010, №16

Профессиональное развитие личности в контексте макаренковского педагогического наследия// Истоки педагогического мастерства, Вып. 7. – Полтава, 2010

Статьи В.Ф. Моргуна, укр. яз. и рус. яз.:

Школа-хозяйство после А.С. Макаренко: забвение или возрождение?// Воспитательная работа в школе. – М.. 2010, №6

Очерк творчества украинских и мировых лидеров трудовой педагогики// Имидж современного педагога. – Полтава, 2007, №№7–8

Жизненные перспективы личности и трудовая педагогика А.С. Макаренко// Наука и просвещение. – Одесса, 2008, №3

Макаренкиана ж. «Постметодика»: 1993-2008 гг.// Постметодика, Полтава, 2008, №1

А. Макаренко – А. Захаренко – Зязюн: эстафета трудовой педагогики добра XX-XXI столетия// Философия педагогического мастерства. Сб. науч. тр. – Киев–Винница, 2008

Лучшая трудовая школа Украины// Воспитательная работа в школе. – М., 2007

Последний из могикан – последователей Макаренко?// Охрименко И.В. Главный выбор жизни: очерки биографии П.И. Матвеенко в преддверии 60-летия. – Полтава, 2006

«Школа жизни», или Три секрета педагогики А.С. Макаренко// Кременчугская панорама. – 2005, №12

Школа и труд// Педагогика толерантности. – Киев, 2004

Карпенко Л.А., Петровский А.В., Моргун В.Ф. Макаренко Антон Семенович// Психология общения. Энциклопедический словарь. Под общ. ред. А.А. Бодалева. – М., 2011

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ К ЧАСТЯМ 1–4 ИЗДАНИЯ:

Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания/ Сост. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. – Н.Новгород, 2007–2010

ЧАСТЬ 1
1920–1928 гг.

10 декабря 1919 г.: освобождение г. Полтавы Красной Армией и партизанами **от деникинских войск, восстановление советской власти.**

Начало 1920 г.: А.С. Макаренко **принимает активное участие в создании советских органов народного образования на Полтавщине. С 1920 г. – член губернского правления профсоюза учителей русских школ. Зав. единой трудовой школой № 10 г. Полтавы.**

18 июня 1920 г. **в Полтавской газ. «Вести» (Известия) опубликовано извещение о работе Чрезвычайной Комиссии по защите детей. Одно из её решений: «...предложить орготделу немедленно передать в ведение отдела социального воспитания Наробраза помещения колонии для малолетних преступников[1]. Отделу социального воспитания немедленно представить в комиссию план хозяйства в этом помещении дефективных детей». В составе комиссии: Шумский, Метров, Короленко, Гаенко, Чабан, Нисятин.**

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах. В 2 частях. 1920–1926 гг./ Под ред. И.А. Зязюна. Сост.: О.П. Ермак, Л.В. Крамущенко, И.Ф. Кривонос, Н.М. Тарасевич. – Полтава, 2002, укр. яз. Часть 1, с. 95.

[1] Говорится о помещениях дореволюционной колонии у м. Трибы, где будет размещён «детский дом для дефективных детей №7» (затем макаренковская колония им. М. Горького).

1 июля 1920 г. опубликована *«Декларация Народного комиссариата просвещения УССР о социальном воспитании детей»*. **Основной текст см.: Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Том 2/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова, А.М. Кушнир. – М., 2007, с. 274–279; там же – фрагменты «Кодекса Законов о народном просвещении УССР», с. 280–282. Краткая характеристика этих документов, а также объяснение понятия «социальное воспитание», «соцвос» см.: Фролов А.А. А.С. Макаренко и педагогика его времени. – Н.Новгород, 1988, с. 12–15; А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1/ Сост. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. – Н.Новгород, 2007, с. 28–29.**

Июль 1920 г.: **при школьной секции Полтавского губернского отдела народного просвещения создана подсекция трудовых колоний.**

А.С. Макаренко – «зав. секцией детских колоний Полтавского губоно» (там же, с .43).

Составляет документы: *«Структура подотдела социального воспитания» и «План подотдела социального воспитания на 1920 г.»* **(Рос. гос. архив литературы и искусства – РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 364, лл. 35, 40–43; на с. 40 помета А.Г. Тер-Гевондяна: «Подлинник написан рукой А.С. Макаренко»).**

А.С. Макаренко – распорядитель большого праздника открытая 25 июля 1920 г. Детского дворца в бывшем доме губернатора Полтавы.

22–26 июля на III съезде по народному образованию Полтавской губернии **обсуждается вопрос об организации детских колоний. Принято решение о создании по одной трудовой колонии в каждом уезде. В начале августа начинается организация трудовых колоний в Яковцах и других местах.**

25 августа 1920 г. в м. Трибы (6 км. от Полтавы) Полтавским губнаробразом открывается «Основной детский дом для морально-дефективных детей №7», для несовершеннолетних правонарушителей (по статусу – 45 детей). 20 сентября А.С. Макаренко переведён с заведования школой №10 на заведование этим специализированным детдомом. (Затем, с лета 1921 г. он добивается перевода этого детдома на положение трудовой колонии и превращения её в «трудовую колонию для нормальных детей». См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 23, 35–36).

Свой переход из педагогического учреждения типа единой трудовой школы в учреждение «охраны детства», для «малолетних правонарушителей» и беспризорных детей А.С. Макаренко позднее объяснял тем, что «трудовая колония должна почитаться более передовым типом детского учреждения и более соответствующим принципам соцвоса» (там же, с. 111).

Из протокола заседания Полтавского губсовзащдета[1] при Полтавском губисполкоме, 1 апреля 1921 г.:

«Заслушано: I. План организации детской кампании и детских колоний – доклад тов. Сенюкина.

а) о детских колониях губнаробраза.

Постановлено: 1. Доклад принять к сведению.

2. Постановление комиссии провести в жизнь.

а) закрепить намеченные экономии[2] Божко, Иловайского, Трепке[3] для организации детских колоний в них, причём губнаробразу поручается произвести ремонт в экономии Божко в течение 10 дней, в экономии Иловайского произвести ремонт в течение месяца, в экономии Трепке закончить ремонт к 15 мая. Ремонт производить хозяйственным образом[4].

Предгубсовзащита Порайко».

Полтавцы о Макаренко/ Отв. ред. Е.М. Рижило. – Киев, 1968, с. 8 (укр. яз.).

[1] Совет по защите детства, общественная межведомственная организация при Исполкоме Полтавского Совета рабочих и красноармейских депутатов.

[2] Усадьбы – имения с предприятиями производственного типа.

[3] Экономия бывш. братьев Трепке (в 2,5 км от м. Трибы), у села Ковалёвка, на речке Коломак.

[4] То есть на местные средства.

Этим же постановлением, по ходатайству макаренковской колонии, в её распоряжение передано на условиях аренды разрушенное во время Гражданской войны бывш. имение Трепке. Его ремонт колония начала собственными силами весной 1921 г. (В конце лета туда переселились 6 воспитанников и воспитатель. С помощью государства и общественности капитальный ремонт был закончен к 7 ноября 1924 г.; тогда колония им. М. Горького полностью перевела свою базу на новое место).

6 апреля 1921 г. Президиум Полтавского губисполкома **предлагает комитету незаможних[1] с. Ковалёвка «оказать необходимое содействие заведующему колонией малолетних преступников в розыске и изъятии у местного населения принадлежащих (дореволюционной – А.Ф.) колонии различных вещей и предметов, а также сельскохозяйственных орудий для обработки 50 десятин земли, отведённых колонии».**

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть 1, с. 99. Решение принято в связи с обращением А.С. Макаренко в губнаробраз 21 марта 1921 г. (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 22).

[1] Комитеты бедноты, органы революционной власти на селе, действовали в стране в 1920–1929 гг.

10 мая 1921 г. зам. предс. Полтавского губисполкома Луценко **обращается в «Рабинспекцию т. Мусатову» в связи с необходимостью срочного ремонта «в детской трудовой колонии в бывш. поместье Трепка в д. Ковалёвка» с просьбой «по возможности упростить отпуск денег на ремонт колонии» и «выдавать их на имя кассира Губосвиты Чеботарёва в размере 5 000 000 руб.», а «следующую выдачу производить после представления оправдательных документов на половину полученного аванса».**

Полтавская трудовая колония им. Горького в документах и материалах... Часть 1, с. 99. Денежная сумма периода инфляции.

Из доклада Губнаробраза на пленуме Полтавского губернского исполкома (19–20 мая 1922 г.):

«Четвёртой неотложной задачей, которая стояла перед Профобром в вопросе о детских домах, на который главным образом ориентируется линия советского просвещения: они превратились в интернаты воспитания бездельников и очаги разложения воспитанников».

Там же, с. 101. Отмечается зарождение опасного социально-педагогического явления. А.С. Макаренко вскоре определял его в словах: «потребительская философия детских домов», воспитание в детдомах и детских трудовых колониях «жадного потребителя». Противостояние этому явлению лежит в основе расхождения его педагогики с общепринятой теорией и практикой воспитания.

15 июня 1922 г. полтавская газета «Голос труда» **публикует статью-репортаж «Колония им. М. Горького»:**

«При первом взгляде на колонию им. М. Горького возникает отрадное впечатление. Становится легче, бодрее как-то при виде этой спайки, этой дружной работы детей. Колония поставлена хорошо. В ней сейчас находится 72 малолетних воспитанника. Колония имеет 32 десятины (около 35 га – А.Ф.) обработанной земли, из которых 22 десятины заняты хлебами, остальные – под огородами. Хозяйство ведётся по 6-польной системе. Есть 5 лошадей, волы, свой [сельскохозяйственный] инвентарь, недавно приобрели жатку в счёт будущего урожая.

Кроме того, там на полном ходу работают 5 мастерских – сапожная, бондарная, столярная и др. (кузнечная и корзиночная – А.Ф.), которые обслуживаются детьми под наблюдением специалистов.

Теперь в колонии горячее время – жатва, работа кипит! Все полевые работы обслуживаются колонистами. Везде слышны их весёлые голоса, везде без устали они копошатся, работают. Встают рано, наскоро едят и начинают свой трудовой день, потом короткий перерыв на обед, и снова они, полные сил и энергии, принимаются за работу.

Параллельно с полевыми работами ведётся ремонт в бывшем имении Трепке, где предполагается поместить 100 детей».

(О вполне благополучном в педагогическом отношении положении колонии ещё до этого, к *июню 1921 г.* **см. по акту обследования её тогда комиссией Полтавской губернской Рабоче-крестьянской инспекции: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 302–303).**

Письмо к А.С. Макаренко неустановленного лица, 22 июля 1922 г.: **«Антон Семёнович! Прошу извинить, что так поздно Вам передаю, не имел возможности видеть кого-нибудь из Ваших людей... – знал, что уже не нужно: Вы не поедете в Харьков. С почтением к Вам» (подпись неразборчива) 22/VII – 22 г.**

ЦГА России (РСФСР), ф. 7954, оп. 2, д. 266, л. 6 об. Автор, вероятно, К. Гресь, «завдоротделом Южной железной дороги». Речь идёт о приглашении А.С. Макаренко «взять на себя руководство делом социального воспитания на Южной дороге». См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 39, 41, 52.

В Совет Института организаторов народного просвещения:

В Совет Института организаторов народного просвещения студента основного отделения Антона Макаренко

заявление.

Вследствие полученных мной сообщений от воспитанников и воспитателей Полтавской трудовой колонии для морально-дефективных детей[1], которую я организовал и вёл в течение двух лет, я считаю необходимым немедленно возвратиться в колонию, чтобы вовремя остановить процесс распадения колонии. О моём возвращении телеграфировал мне и губсоцвос.

На этом основании я принуждён прервать образование в Институте и прошу откомандировать меня в распоряжение Полтавского губнаробраза.

Так как я не имею денег на дорогу, то прошу о выдаче мне 60 миллионов рублей[2] на уплату за билет и багаж до ст. Полтава. В случае если такая выдача не может быть произведена безвозмездно, прошу выдать мне эти деньги взаимообразно с уплатой долга в течение трёх месяцев, начиная с декабря, о чём прошу уведомить Полтавский губоно для производства вычетов из жалованья.

Студент *А. Макаренко*

Москва
27 ноября 1922 г.

А.С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт/ Сост. А.А. Фролов. – Н.Новгород, 1992, с. 51. Написано накануне ухода А.С. Макаренко из Центрального института организаторов народного просвещения (г. Москва, директор института Вейсберг, срок обучения 1 год). Находился в институте с 14 октября по 27 ноября 1922 г.

Причина ухода – не только указанная в заявлении, но, вероятно, и неудовлетворённость учебной практикой института, поскольку А.С. Макаренко намеревался там «огромный опыт двух лет, вызвавший множество вопросов, обработать научным образом» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 39. Там же, с. 39–44, см. материалы, относящиеся к его учёбе в этом институте. В более полном объёме – в кн.: А.С. Макаренко сегодня... с. 46–59).

В рекомендательном письме Полтавского губнаробраза (зав. Губоно Мостовой) 25 авг. 1922 г. к поступлению А.С. Макаренко в ЦИОНП сообщалось, что он известен как «очень энергичный, способный и знающий работник-организатор»; «за два года управления колонией при очень трудном составе детей создал одно из лучших учреждений Полтавской губернии» (А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т./

Сост. А.А. Фролов по всем томам, Л.Ю. Годрин и М.Д. Виноградова по отдельным томам, т. 8. – М., Педагогика, 1986, с. 122).

[1] Такое определение несовершеннолетних правонарушителей, принятое в дореволюционной педагогике, стало устраняться в советской педагогике в 1923 г., заменяться понятием «педагогическая запущенность». А.С. Макаренко избегает понятие «моральной дефективности» уже в 1920 г.

[2] Денежная сумма в дензнаках периода инфляции.

Из воспоминаний Е.Ф. Григорович **(до замужества Архангельская, воспитатель – учитель в колонии им. М. Горького со дня её основания, секретарь педсовета колонии, близкий друг А.С. Макаренко с дореволюционного времени; в «Педагогической поэме» Елизавета Фёдоровна):**

«Особенно много писем [А.С. Макаренко] было из Москвы, в период его учёбы в Институте организаторов... В это время созревала его система воспитания. Ему очень хотелось учиться и в то же время ещё больше хотелось применять методы, в которые он начинал верить. Эта борьба прекрасно отражалась в письмах, она закончилась возвращением в колонию... Письма погибли в фашистскую оккупацию».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 837.

Письмо к А.С Макаренко председателя масткома Крюковских вагонных мастерских, 2 марта 1923 г.:

«Уважаемый Антон Семёнович!

При переговорах с Учкультраном Кремучка[1] об учительском персонале при Крюковской жел. дор. трудшколе завучкультраном заявил, что если бы найти подходящего завшколой, то он немедленно принял бы его и дал бы все преимущества при руководстве школой в его распоряжение.

Мы с тов. Ивановым В. Абр. остановились на Вашей кандидатуре и предложили ему Вас. Он с большим удовольствием начал просить нас написать Вам об этом. И вот, имея согласие завучкультрана на Ваше принятие, обращаемся к Вам от имени масткома[2] Крюковских мастерских с просьбой дать нам ответ, конечно, с тем, что мы ожидаем Вашего согласия.

Председатель масткома Крюковских вагон. мастерских Пелипец

2 / III – 23»

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 363, л. 1.

[1] Учебно-культурный отдел на транспорте Кременчугского учебного комитета (от Управления Южной железной дороги). Школа располагалась на территории этих мастерских.

[2] Комитет мастеровых Крюковских вагонных мастерских.

В Крюкове (посад г. Кременчуга) А.С. Макаренко завершил учёбу в Кременчугском городском училище, затем его хорошо знали по работе учителя Крюковского железнодорожного училища (1905–1911 гг.) и инспектора (директора) Соединённого высшего начального железнодорожного училища (1917 – 1919 гг.).

17 марта 1923 г.: Удостоверение, выданное И.Я. Кононенко:

«Удостоверение

Мастком Крюковских [вагонных] мастерских и Комячейка[1] делегирует тов. Ивана Яковлевича Кононенко в Полтаву на предмет приглашения заведовать I-й трудовой жел. дор. школой в Крюкове Антона Семёновича Макаренко.

Учппрофсож[2] соглашается на Ваше предложение, переданное нами, а зав. К.О.[3] Учпрофсожа очень сожалеет, что мы тогда не обратились к нему, и Вы были бы, безусловно, приняты. В настоящее время, если согласитесь, то увольняйтесь, и у нас Вы будете приняты на месте Учпрофсожем.

Уполномоченный ячейки Трифонов.

Маст. В. Иванов

17 / III – 1923»

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 363.

[1] Партячейка КП (б) У.

[2] Ячейка профсоюза учителей железнодорожных школ.

[3] Видимо, отдел кадров.

О результатах переговоров с руководством мастерских см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 39–42, где А.С. Макаренко впервые излагает план преобразования обычной школы с учётом опыта колонии им. М. Горького.

(Ранее приглашение масткома на заведование школой при Крюковских мастерских он получил 4 июля 1922 г. См.: А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т.1, с. 121).

Личное дело А.С. Макаренко

Личное дело работника детского учреждения соцвоспитания

1. Антон Семёнович Макаренко, заведующий колонией им. Горького
2. Рождения 1888 г., 1 марта
3. Украинец

За Социальное положение родителей: [отец] – работник железной дороги (маляр)

4. Неженатый
5. На иждивении мать, 64 лет
6. В старой армии служил, «нижний чин», 1916–1917 гг. В Красной Армии не служил. Отношение к воинской службе: на учёте в губвоенкомате, категория 1/25
7. Партийность: не был членом какой-либо партии, в настоящее время не член партии
8. Член профсоюза работников просвещения с 1920 г., членский билет №882

9. Общее образование: городское по Положению 1872 г. училище, учительский институт – сентябрь 1917 г.[1]

10. Основная профессия – учитель

11. Служебный стаж на 1 января 1924 г.: общий учительский стаж – 19 лет[2]; в данном учреждении – 3 года

12. Владение языком в преподавании: русский и украинский

13. Под судом не был

Подпись работника, на которого составлено дело

Подпись заведующего учреждением – *А. Макаренко.*

ЦГА России (РСФСР), ф. 7954, оп. 2, ед. хр. 266. Заполнено А.С. Макаренко. Без даты. По содержанию – начало января 1924 г.

[1] Аттестат об окончании Полтавского учительского института А.С. Макаренко выдан 15 июля 1917 г. После этого он некоторое время допускался к работе учителя в образцовой школе при этом институте, исполнял обязанности письмоводителя (об этом он в своих автобиографических сведениях не упоминает).

[2] Дано с включением срока воинской службы.

Характеристика колониста М. Шелухина: **«Матвей Шелухин – юноша 18 лет, среднего роста, тонкий, стройный, с весёлыми голубыми глазами на продолговатом лице... в его манере держаться есть изящество, но оно приобретает иногда форму какого-то «расшаркивания». Со всеми приветлив, разговорчив, очень игривый, подвижный. Отличается способностью схватывать на лету отдельные фразы и метко и остроумно подбирать к ним рифму, чем и вызывает общий смех. Большой труженик. Честный, правдивый и вежливый.**

1. Ощущение собственной личности у Шелухина активное. Он вполне сознательно относится ко всему окружающему. У него есть уверенность в правильной оценке своих ощущений, заметно любовное отношение к себе. Очень добр, всегда всем поделится, каждому поможет. Аккуратен, любит даже пофрантить.

2. Всегда весёлый, жизнерадостный, довольный, заражает и других таким настроением. Быстро возбуждается от впечатлений. Вспыльчив и в момент такого состояния не отдает себе отчёта в своих поступках, но скоро отходит и тогда извиняется за свою несдержанность. Проявление воли чувствуется ещё недостаточно.

3. Обладает большими способностями: прекрасно учится, благодаря хорошей памяти, не лишён воображения. Есть ораторские способности: ему не раз приходилось говорить перед общим собранием, и всегда его речь, сказанная экспромтом, была полна чувства, души, теплоты и производила на слушателей сильное впечатление. Читает мало и, к сожалению, его больше увлекает не научная сторона знания, а практическая, физический труд.

4. Сейчас Шелухин работает в кузнечной мастерской и считается главным помощником инструктора. Он не только добросовестно от-

носится к своему делу, но и любит кузнечное ремесло, которое не променял бы ни на какой другой вид труда. Рабочая инициатива в нем громадна, но организаторские способности невелики...

5. Личность другого человека уважает. Интересы и труд других людей глубоко ценит. Чужая вещь для него неприкосновенна, и непонимание этого житейского закона порядочности и честности его глубоко возмущает...

6. Другим полом интересуется и увлекается, но его увлечения не носят характер глубокого переживания или влюблённой мечтательности...

7. К товарищам относится искренно, сердечно. С презрением – к тем, кто не удерживается на уровне колонийских законов и обычаев. С воспитателями вежлив, уважая их авторитет и мнение... В нем чувствуется благодарность за заботу и доброе направление... Со служащими и близко живущими внимателен и гостеприимен. Отличается большой общительностью. Во всех развлечениях принимает самое горячее участие. Его увлекают танцы, футбол, сцена, где он не всегда бывает, полезен, так как часто «пересаливает», за что его иногда на время и отстраняют от этих занятий.

8. Своим положением в колонии он доволен. Сейчас мечтает о рабфаке, куда вместе с другими и готовится.

9. Колонию Шелухин искренно любит, как родной дом, сильно привязан к ней и всецело подчиняется её законам и обычаям, считая их целесообразными, жизненными и отвечающими его запросам. Строго требует этого подчинения от всех членов колонийской семьи.

10. Как командир и дежурный по колонии особенно большим влиянием не пользуется, но как справедливый и в высшей степени благородный юноша он своей душевной чистотой служит для окружающих ярким примером...

За время пребывания в колонии расширил круг своих познаний, познакомился с полевыми и огородными работами, сделался прекрасным кузнецом. Научился быть опрятным, бережливым. Вырос, возмужал, стал более общительным, ценным и полезным для колонии и общества человеком.

Руковод *Сагредо*»

Публикация в статье: Фролов А.А. Прежде всего – «активное отношение к собственной личности»// Воспитание школьников, 2003, №3. Характеристика составлена учителем-воспитателем *Любовью Петровной Сагредо,* «**руководом**», **видимо, школьной группы (закрепления воспитателей за отрядами, как первичными коллективами, в практике А.С. Макаренко не было). Без даты. По содержанию и смежным документам: начало 1924 г. В колонии с ноября 1921 г.**

Характеристики на воспитанников составлялись периодически; ответственная за ведение характеристик – секретарь педсовета *Е.Ф. Григорович*. **По характеристике видно, что она составлена по схеме (утверждённой, несомненно, педсоветом). Возможно, при этом использовалась составленная А.С. Макаренко детализированная разработка. Девяти пунктам характеристики предшествует преамбула, отражающая внешние черты личности, её своеобразие, манеру поведения, нечто наиболее существенное.**

На первый план в характеристике поставлена макаренковская идея «ценности человеческой личности», осознания этого воспитанником, активное отношение к себе. «Я поднимаю в нём веру в себя, воспитываю у него чувство долга перед самим собой, перед рабочим классом…» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 264, см. также: Часть 2, с. 125 и Пед. соч.: в 8 т., т. 3, с. 398).

В «Педагогической поэме» это «радостно-благородный» Матвей Белухин, он поступает в военное училище. *М.В. Шелухин* **погиб в Великую Отечественную войну в боях под Киевом.**

Стихотворение, для О.Д. Иваненко

Наполнен день и шумами, и пылью,
Наполнена душа задором молодым.
А пыль пронизана и страстью, и усильем,
И блеском глаз, и солнцем золотым.
Стучит, гремит в густой пыли машина,
Мелькают блики солнца на снопах,
Мелькает босиком в соломенной перине
Смеющаяся девушка – ах-ах!

Ах-ах, прекрасна жизнь, прекрасен и мой милый!
Вперёд скорей, стучать и молотить.
И хочется визжать, вздымая сноп на вилы,
Стихи писать и хочется любить!

Журнал «Радянська школа», Киев, 1963, №3, укр. яз., в статье: Иваненко О.Д. Страницы воспоминаний о большом друге», с. 20.

О.Д. Иваненко, **будучи студенткой Харьковского института народного образования, проходила летом 1924 г. практику в колонии им. М. Горького. Дочь учительницы, работавшей ранее с А.С. Макаренко. В «Педагогической поэме» К.Р. Варская.**

Колонистки-девочки, узнав, что она пишет стихи, попросили написать в их альбом «только свои стихи». Ее стих о молотьбе показали А.С. Макаренко. Он как бы в ответ написал ей свое шутливое

стихотворение. Возможно, что это – дружеская пародия на ее стихотворение.

«...Антон Семенович был значительно лучше того, как он описан в «Педагогической поэме». «Я ходила на его доклады и страшно переживала, когда его критиковали. Был у нас большой друг – старый профессор дефектологии *Котельников*. **Наш декан факультета, известный ученый** *Иван Афанасьевич Соколянский,* **тоже всегда поддерживал колонию...» (Пеха Л. По следам «Педагогической поэмы», в «Учит. газ., 12 марта 1966 г.; Иваненко О. Страницы воспоминаний о большом друге. – В предисловии к «Педагогической поэме», Киев, 1969, с. 20 (укр. яз.).**

Уведомление заведующего Киевским губсоцвосом, август 1924 г.:

«Полтавский губнаробраз.

Заведующему детским городком т. Макаренко. Тов. Мизерницкий[1] рекомендовал Вас как работника, которого можно использовать на ответственной работе в Киеве.

Если это соответствует Вашим желаниям, присылайте Ваши соображения о характере работы, какое бы Вы хотели иметь curriculum vitae[2], уведомив, как отнесется к Вашему переводу Полтавский губнаробраз.

С приветом

Завгубсоцвосом Киевщины» (подпись неразборчива; вероятно *Л.З. Лемберт***)**

Личный архив А.А. Фролова, без указания на источник. А.С. Макаренко предъявил это уведомление Полтавскому губнаробразу и получил на нем резолюцию зав. сектором охраны детства *Н.С. Лондон*: **«Я считаю, что заниматься отзывами работников из Полтавы в Киев неудобно все же без ведома завгубоно».**

[1] *Мизерницкий А.М.* **– зав. Полтавским губнаробразом в мае–октябре 1920 г.; ответственный работник Наркомпроса УССР с февр. 1923 г. Посетил колонию им. М. Горького во время празднования ее 3-летия. Вызвал А.С. Макаренко телеграммой в Харьков на заседание Научпедкома Главсоцвоса НКП УССР 23 февр. 1924 г., а 28 февр. дал ему письменное направление Главсоцвоса НКП УССР на работу в распоряжение Киевского губоно. 23 апр. 1924 г. зав. Киевским губсоцвосом** *Л.З. Лемберт* **телеграммой запросил Макаренко о его работе в Киеве (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 404; ошибочно указан 1921 г.).**

Мизерницкий А.М. с апреля 1924 г. – глав. редактор ж. «Радянська освита»; с октября – предс. ЦК профсоюза работников просвещения Украины; эта организация взяла шефство над колонией им. М. Горького в нач. 1925 г. Выступал в защиту А.С. Макаренко в нач. 1928 г.

(Дается по источнику: Opuscula makarenkiana – Макаренковедческие работы – №25/ Сост. Г. Хиллиг. – Марбург, ФРГ, 2003, с. 254–256).

В «Педагогической поэме» – завгубнаробразом, который напутствует А.С. Макаренко при определении его на работу в соцвос, новую систему воспитания.

[2] Условия жизни (лат. яз.)

В ВУЦИК, 30 августа, 1924 г. **(на бланке со словами: «Помощь детям – памятник Ленину»):**

«Препровождая при сем отношение Полтавского ГИКа[1] за № 9097 и копию отношения Полтавского ГубОНО за №5767, ЦК Помдет[2] со своей стороны считает, что аренда колонией им. Горького мельницы[3] имеет громадное значение, так как придает колонии промышленный сельскохозяйственный характер и позволит выпускать из колонии квалифицированных работников.

Приложение: упомянутое.

Ответственный секретарь ЦКПД *М. Сирота*

Зав. орготделом ЦКПД *Л. Владимирская*»

Личный архив А.А. Фролова, без указания на источник.

[1] Губернский исполком.

[2] Центральный комитет Центральной украинской комиссии помощи детям.

[3] Паровая мельница бывш. имения Трепке, на территории колонии им. М. Горького, сдавалась в аренду.

Полтавскому губисполкому, 28 октября 1924 г.:

«копия: Трудколонии им. Горького.

28 октября 1924 г.

Вследствие отношения от 30-го апреля за №4045/а Наркомпрос сообщает, что им признано желательным расширение колонии имени М. Горького до 175 воспитанников.

Что касается ремонта построек в колонии, то к работам 1-ой очереди может быть отнесен только ремонт дома «Б» на сумму 1 284 руб. 45 коп. Вопрос об отпуске этой суммы будет разрешен при рассмотрении общего ремонтного плана Наркомпроса. Что же касается ремонта зданий «А» и «В», то эти работы, как восстановительные, согласно Инструкции Наркомпроса за №6009, должны быть отнесены к работам 3-й очереди, и потребные на них суммы: по дому «А» – 2 580 р. 80 к. и по дому «В» – 4 075 р. 63 к. – должны быть отнесены в смету будущего бюджетного года.

Зам. нарком просвещения *Ряппо*

Член коллегии Наркомпроса *Бутвин*

Секретарь коллегии НКП (подпись неразборчива)

Полтавский обл. гос. архив – ПОГА, ф. 1503, оп. 1, ед. хр. 271, л. 19.

Письмо колонистов А.М. Горькому, 12 июля 1925 г.:

«Дорогой Алексей Максимович!

Скоро мы празднуем пятилетний юбилей нашей колонии, которая носит Ваше имя. Но за эти 5 лет, несмотря на все наши желания, мы не смогли списаться с Вами, а тем более познакомиться лично. Знаем Вас только по Вашим сочинениям, и по Вашим сочинениям Вы близки нам.

Нам интересно знать, как Вы живете и что пишите теперь?

Знаете ли Вы о существовании нашей колонии, носящей Ваше имя, и как мы живем здесь? Колония наша в нескольких верстах от города Полтавы в бывшем имении помещика. Местность замечательно красивая: большой парк, река, кругом луга и рощи.

Мы все ведем трудовую жизнь. Зимой преимущественно учимся, а летом занимаемся сельским хозяйством. Мы имеем свою землю, которую сами обрабатываем. Есть у нас скот, земледельческие орудия, своя мельница и мастерские.

Все наши колонисты очень хотели бы получить от Вас письмо и Ваш портрет. Если Вы собираетесь быть в СССР, то обязательно должны заехать к нам.

Колонисты колонии им. Горького (84 подписи)

12 июля 1925 г.»

Личный архив А.А. Фролова, без указания на данные Архива А.М. Горького Института мировой литературы. О переписке А.С. Макаренко и колонистов-горьковцев с А.М. Горьким см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 143 – 144.

Из газеты «Большевик» **(орган Полтавского губисполкома, губкома КП(б) У, губсовета профсоюзов и горсовета г. Полтавы),** *12 авг. 1925 г.,* **статья (без подписи): «Пишет Горький из Италии» (укр. яз.):**

«Полтавская трудовая колония им. М. Горького на днях получила от Горького письмо из Сорренто, где он живёт, восстанавливая свое здоровье.

Горький приветствует колонистов, просит посылать ему фотографические снимки и сведения о колонии. Между прочим, он пишет: «колонисты живут в дни великого исторического значения, которые требуют от человека любви к труду, чтобы создать на земле новую, свободную и счастливую жизнь»».

«5 лет работы с детьми-правонарушителями» **– сб. статей работников полтавских учреждений для правонарушителей. Под ред. проф.** *Ващенко*[1]**. Издание Полтавской комиссии по делам несовершеннолетних. Стеклограф Полтавского Института народного образования, №473, тираж 100 экз., 146 с.**

<u>От издательства:</u> Первый опыт на Украине работы комиссий по делам несовершеннолетних. Выводы авторов статей проверены на опыте. Замечания направлять по адресу: Полтава, Ново-Кременчугская, 4. Полтава, 15 / IX – 25.

<u>Ващенко Г.</u> **<u>Предисловие:</u>**

«...1 сентября – 5 лет работы Полтавской комиссии... Через сборник проходят 2 мысли: главная причина правонарушений несовершеннолетних – не «врожденная моральная дефективность» и не нездоровое социальное окружение; главным способом борьбы с правонарушениями признается социально здоровое окружение...»

<u>О Полтавском коллекторе:</u> «Применяется метод тестов, преимущественно. Используются Бине[2] и Симон, *Владимирский*[3]**,** *Бельский,* **Грабаров. Особенно широко используется система Владимирского, в которой большое значение имеют наблюдения над поведением детей в ходе эксперимента. Система Бине и Симона: простота техники и удобство использования при распределении детей по группам, с точки зрения их интеллекта – используется сравнительно мало...**

Правонарушители имеют свой коллектив, оригинальный по своему устройству... Есть и с врожденными дефектами нервной системы, но их не очень много.

В педагогической литературе высказывается мысль о том, что для детей, выпавших из коллектива, должен быть индивидуальный подход и специфические методы воспитания. Но эти дети выпали из коллектива только из-за социальных условий жизни, они в особенных индивидуальных методах воспитания не нуждаются. Нуждаются в этом в основном лишь в учебном процессе.

Это прекрасно показала практика <u>колонии им. М. Горького.</u> Это учреждение, которым вправе гордиться Полтава. Достижения ее, действительно, большие... Выпустила честных работников, из них 30 рабфаковцев. Дети-правонарушители превращаются в ней в трудолюбивых юношей, они с увлечением ведут хозяйственную работу и работают в школе над своим развитием. Приятно смотреть на их работу, в ней много сознательности и быстроты.

Но больше всего поражает то, что вся жизнь колонии управляется непосредственно силами правонарушителей. Воспитателей и администрации почти не видно. Они или работают рядом с детьми, или ведут свою хозяйственно-административную работу, что непосредственного отношения к руководству детьми не имеет[4]. Если бы зав. колонией, который дал направление ее работе, оставил ее на несколько дней, то порядок в ее жизни не был бы нарушен. Колония не только не применяет какого-либо индивидуального подхода, но

принципиально не интересуется [плохим] прошлым детей-правонарушителей и стремится к тому, чтобы они забыли его.

Большие достижения в работе колонии объясняются исключительно на основе производительного труда. Дети трудятся в хозяйстве, и сама работа подсказывает, какие организационные формы являются наиболее подходящими для работы. Для развития у детей чувства ответственности перед коллективом и для выработки у них здоровых норм поведения работа проводится по определенным планам, выработанным самими детьми при участии воспитателей. Кроме того, ведется детальный учет работы, как детей, так и воспитателей.

Можно не соглашаться с кое-какими деталями в работе колонии им. Горького, но основная мысль о том, что главным условием для здорового воспитания несовершеннолетних правонарушителей является целесообразная организация их коллективной жизни, – безусловно, верна...» (укр. яз.).

Другие статьи в этом сборнике:

Ольшанский Б.[5] **Детская преступность и борьба с ней на Полтавщине.**

Макаренко А. **Очерк работы Полтавской колонии им. Горького**[6]

Полупаев-Рудич И.[7] **Работа Полтавского коллектора (1920–1925).**

Д-р Гая К. О работе Полтавской губкомиссии по делам несовершеннолетних.

Полупаева-Рудич А.[8] **Обследование детей-правонарушителей в Полтавском коллекторе.**

Руденко Г. Работа обследователя-воспитателя комиссии.

Зубенко Е. Из практики обследователя-воспитателя.

Угнивенко В. Из быта несовершеннолетних правонарушителей.

Дубовик Л. По ступеням жизни.

Харчин Я. Их творчество.

Дается по источнику, хранящемуся в Полтавской областной библиотеке.

[1] *Ващенко Г.Г.* **– тогда «профессор по педагогическим наукам» Полтавского ин-та народного образования, преп. рефлексологии, педологии, НОТ в педагогике, дидактики трудовой школы, рук. кабинета социальной педологии (изучающего «детские коллективы» по системе А.С. Залужного). См. Именной указатель: Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1.**

[2] *Бине А.* **– франц. психолог, один из основателей «экспериментальной» психологии и педагогики. Совместно с Т. Симоном разработал систему тестов для измерения общей умственной одаренности детей.**

[3] *Владимирский А.В., Беленький П.Г.* **– см. указанный выше Именной указатель.**

[4] Г. Ващенко ярко отражает здесь свойственное традиционной педагогике непонимание макаренковской «педагогики параллельного действия», где «руководство детьми» (воспитательная работа) проводится не «само по себе», а в общей системе хозяйственно-трудовой организации единого коллектива детей и взрослых. То же ниже – об «индивидуальном подходе».

[5] *Ольшанский Б.* **– тогда председатель Полтавской обл. комиссии по делам несовершеннолетних. См. упомянутый выше Именной указатель.**

[6] Текст и комментарии к нему см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1.

[7] *Полупаев-Рудич И. и Полупаев-Рудич А.* **– см. указанный выше Именной указатель.**

[8] Тематика данных ниже статей показывает, что научная и практическая работа с детьми-правонарушителями тогда сводилась в основном к их «обследованию», «изучению», в соответствии с догматами педологии. 3 последние статьи также не выходят за пределы «описания», простой констатации фактов.

Статья А.С. Макаренко разительно отличается от этого. В ней раскрываются принципы, средства и результаты целенаправленной педагогической работы, в резком контрасте с господствующим педологическим направлением в педагогике. О педологии см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 11, 67–68.

Из статьи Г.Г. Ващенко «Конференция работников социального воспитания закрытого типа в г. Полтаве, 15–16 янв. 1926 г.» **в ж. «Записки Полтавского института народного образования», т. 1, Полтава, 1925–1926 гг. (укр. яз., подп. «Г. В – о»). О колонии им. М. Горького:**

«Необходимо отметить, что эта колония – одна из лучших, а может и лучшая, на Украине. Она действительно воспитывает из детей-правонарушителей полезных граждан с определёнными трудовыми навыками и рабочей дисциплиной. Достижения колонии объясняются главным образом той полной преданностью и увлечением, какие характерны для Макаренко.

Имея, несомненно, педагогические способности и огромный запас энергии, он сумел увлечь трудом своих сотрудников и воспитанников.

Что касается организации жизни в колонии и методов воспитательной работы, какие применяются в колонии, то они являются приложением к жизни идей лучших представителей трудового воспитания. В основу жизни положен труд...»

Доклады: предс. обл. комиссии по делам несовершеннолетних *Б. Ольшанского* **и 2 доклада** *Г. Ващенко*: **как изучать ребёнка, как изучать детский коллектив (со ссылкой на схемы, разработанные Харьковским кабинетом социальной педагогики и отчасти – Полтавским кабинетом).**

Статья – отчёт *Г. Ващенко* **об этой конференции: в ж. «Путь просвещения», Харьков, 1926, №2 – см.: Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 184.**

16 марта 1926 г. Финансово-экономическое управление НКП УССР **сообщает колонии им. Горького: специальная ставка заведующего колонией им. Горького – 105 руб. в месяц, с 1 янв. 1926 г., выделяется «из общей суммы кредитов на зарплату».**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 366.

Информация в газ. «Работник» **(орган Полтавского окркома КП(б)У, окрпрофсовета, окриспокома и горсовета), 21 мая 1926 г.: «Колония им. Горького переводится на ст. Рыжов (возле Харькова), где она будет реорганизована во Всеукраинскую образцовую трудовую колонию для несовершеннолетних правонарушителей. На её место в Ковалёвку переводится детская колония им. Короленко». (В рубрике «Хроника», укр. яз.).**

Письмо А.М. Горького председателю Харьковского окрисполкома И.Д. Гаврилину:

«Разрешите, уважаемый товарищ, от души благодарить Вас за внимание и помощь, Вами оказанные колонии им. Горького.

Хотя я знаком с колонией только по переписке с её ребятами и заведующим её А. Макаренко – человеком, видимо, исключительной энергии и крепкой любви к делу, но мне кажется, что колония заслуживает серьёзнейшего внимания и деятельной помощи.

В среде беспризорных детей преступность всё возрастает, и наряду с превосходнейшими здоровыми всходами растёт и много уродливого.

Будем надеяться, что работа таких колоний, как та, которой Вы помогли, покажет пути в борьбе с уродствами, выработает из плохого – хорошее, как она уже научилась делать это.

Крепко жму вашу руку, товарищ, желаю здоровья, душевной бодрости и хороших успехов в вашей трудной работе.

М. Горький. **Сорренто.**

Газ. «Харьковский пролетарий», 16 июня 1926 г. Упоминание об этом: Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 194.

Приглашение, адресованное Г.С. Салько:

«Уважаемому товарищу Г.С. Салько. Колония им. М. Горького любезно просит Вас

начать с нами жатву этого года и прибыть на «Первый сноп», который жнём 3 июля в 11 час. утра.

Заведующий колонией *А. Макаренко*

Председатель праздничной комиссии (подпись)

Секретарь (подпись)

Личный архив А.А. Фролова, копия, полученная им от П.Г. Лысенко, укр. яз.

Г.С. Салько, **тогда секретарь Харьковского окрисполкома, предс. Харьковской окружной комиссии окрисполкома по делам несовершеннолетних с янв. 1927 г. Приняла деятельное участие в судьбе А.С. Макаренко и его колонии им. М. Горького в кон. 1927–нач. 1928 гг. Стала его товарищем, другом и любовью с весны 1927 г. Его жена с осени 1928 г., официально брак зарегистрирован 4 сент. 1935 г. См.: Ты научила меня плакать... Переписка А.С. Макаренко с женой. 1927–1939. В 2 т./ Сост. Г. Хиллиг, С. Невская. – М., 1994.**

Из очерка: Байков И. В гостях у «горьковцев» **// Юный ленинец, 9 авг. 1926 г.:**

«Все колонисты разбиты на отряды. Их 23. Каждый отряд нечто вроде профсоюза: отряд сапожников, столяров, свинарей, сторожей и т.д. У каждого отряда командир и помощник. С отрядами – инструкторы, воспитатели. Каждый отряд имеет задания. По субботам для выработки трудовых задач на неделю вперёд заседает совет командиров – нечто вроде совпрофа, но одновременно эта организация похожа на Совет Народных Комиссаров, важный авторитетный орган колонии. Совет командиров решает ещё очень много дел. Он ведает приёмом и исключением из колонии, хозяйственными, административными делами. Он не вмешивается только в учебные дела, этим ведает педагогический совет.

Общее собрание почти каждый день. Часто бывает и заседание совета командиров, кроме субботы...

В колонии 100 свиней, 8 коров, 40 овец...

В воскресные дни – отдых, но он так организован, что развлечения, игры, экскурсии – полезны и интересны, а безделью в колонии нет места...

Жизнь колонии внешне похожа на жизнь других трудколоний и коммун, но она очень интересно и умно построена. В колонии – бывшие беспризорные, малолетние правонарушители. Всех 325 чел. Их них 100 комсомольцев, 47 пионеров, 100 «колонистов». «Колонист» отличается от остальных не только тем, что имеет право носить нагрудный знак с надписью «ТГК» (трудколония имени Горького). Основное, чего добиваются воспитатели колонии, – создание крепкого трудового коллектива. «Колонистом» может стать только тот, кто

любит колонию, очень предан ей, кто вне колонии, вне работы в ней для её процветания, вне семьи колонистов – не мыслит себе счастливой жизни. Таких основных, активных работников колонии 100. Раньше одного года звание колониста нельзя получить. Каждый пробывший в колонии 3 года «колонист» получает звание «старого колониста».

Этой «старой гвардии» человек 60. Замечательно и правильно, что и воспитатели должны показать своё умение работать и преданность колонии. Кто из воспитателей за год не получит звание «колониста» – должен подать прошение об уходе из колонии. Поэтому все 15 воспитателей – «колонисты».

Горьковцы всего 2 месяца в Куряже, а чистоту и порядок, ремонт они провели уже на 100%. Старые запущенные здания чисты, свеже окрашены полы и стены внутри, починены двери, окна, сараи, разбиты клумбы, построена и оборудована электростанция, починён водопровод, строится скотный двор. 5 августа прибудет из Харькова динамо, а через два-три дня в домах колонистов засветятся лампочки Ильича.

Но колонисты заботятся не о себе только. Они ведут работу по культурному обслуживанию селян, и уже заслужили их доверие. «Горьковцы» организовали сельсуд, отпустив на это дело кроме своей помощи и 50 руб. деньгами. В село провели электричество. Зовут селян на свои близкие и селянам трудовые праздники «Первого снопа» и «Первого хлеба»... Дают по субботам для селян бесплатно спектакли и показали селянам, что умеют работать и на поле не хуже их,

Есть отряд комендантский, на обязанности которого следить за чистотой и уборкой всех домов в колонии. Есть и сторожевой отряд из 22 человек, вооружённых ружьями, так ночью охраняется сон и имущество колонистов...

Любимое слово колониста – «есть!». Если горьковец сказал «есть!», то будьте спокойны: это действительно будет исполнено – быстро, хорошо, радостно, сознательно. Вообще в колонии сознательное отношение к жизни, к труду, учению, к своим обязанностям как члена трудовой семьи, на большой высоте. В труде, в учёбе, в отдыхе колонист одинаково бодр, весел и внимателен...

Благодаря такой организации у колонии есть самое главное – настоящее и будущее. Колонист знает, что он работает не впустую, он в курсе всех дел в колонии, он чувствует себя не только «солдатом» но и командиром. Все дела колонии почти ежевечерне обсуждаются на общем собрании и здесь же решаются при всех и всеми.

И вот один из сторожей дал возможность за деньги крестьянам пасти скот на земле колонии. За это его отдали под товарищеский

суд. И суд постановил – лишить права голоса на общем собрании на 2 месяца...

Обо всей этой жизни знает Максим Горький, он её одобряет и морально поддерживает. С ним колонисты регулярно переписываются. Каждый отряд пишет отдельно письмо и все подписываются, а Горький пишет всем и всегда говорит приблизительно так: «все в мире создается трудом и учением, и других путей к справедливой жизни нет».

Дается по газетной вырезке: РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 66, л. 2.

Постановление ГПУ УССР, 9 апреля 1927 г.: **«Коллегия Главного политуправления УССР 9 апреля 1927 г. постановила увековечить память т. Дзержинского организацией социально-культурного учреждения для борьбы с детской беспризорностью посредством трудового воспитания беспризорных по различным отраслям труда». Создаётся «на средства, собранные Комиссией[1], составившиеся из отчисления от жалования сотрудников ГПУ Украины, средства Комиссии ГПУ Украины и различных хозяйственных учреждений».**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 369, л. 9.

[1] Комиссия ГПУ УССР по увековечиванию памяти Ф.Э. Дзержинского.

Из статьи «Анри Барбюс в Харькове. Посещение колонии малолетних правонарушителей им. Горького»: **...Французские буржуазные газеты, захлебываясь, пишут о детской беспризорности в СССР: «Дети большевистской России – преступники и дегенераты. Растет поколение убийц», – совсем недавно сенсационно сообщила газета «Матэн».**

Анри Барбюс[1] **знает, что это неправда. Он видел советские университеты и детские дома. Он побывал на московских рабфаках и в детских яслях. Но в СССР ещё велика беспризорность, и Барбюс интересуется, как с ней борются.**

Для этого все вчерашнее утро он посвятил изучению колонии малолетних правонарушителей имени Горького в Куряже.

– Я ученик великого Горького, – говорит Барбюс, – славнейшего из современников. Счастлив, что побывал в колонии его имени и видел самоотверженных, новых людей, исцеляемых трудом. На фасаде колонии плакат: Мы водрузим красные знамена над миром![2]

Дети, отягощенные наследственностью и пороками, способны думать о красных знаменах над миром. Это поистине грандиозно!

Личный архив А.А. Фролова, вырезка из харьковской газеты (её наименование отсутствует). Дата по содержанию и смежным документам – 4 октября 1927 г.

[1] *Барбюс Анри* **– франц. писатель, общественный деятель, активно выступал в защиту Советской республики против иностранной интервенции.**

[2] **Призыв на входной арке в колонию: «И водрузим над землею красное знамя труда!» (из революционной песни «Смело, товарищи, в ногу»). На внутренней стороне арки ответ: «Есть!»**

Из статьи «Анри Барбюс в Харькове. В колонии им. Максима Горького» **в газ. «Комсомолец Украины», 6 окт. 1927 г. (укр. яз.): «Он осмотрел всю колонию, разговаривал с хлопчиками, знакомился с их бытом и работой. Возвращаясь, Барбюс оставил в книге впечатлений о колонии запись, где он говорит, что ему она очень понравилась и система воспитания в ней. Воспитанники колонии провожали т. Барбюса долгими и горячими аплодисментами».**

21–23 декабря 1927 г. Комиссия в присутствии уполномоченного ГПУ УССР Антоновича и Самодурова **произвела осмотр «вновь отстроенного здания Трудкоммуны им. Дзержинского в Новом Харькове (пригород Харькова, в лесопарковой зоне – А.Ф.), при совхозе «Красные зори», возведённого хозяйственным способом[1] Комиссией ГПУ по увековечиванию памяти т. Дзержинского». Здание построено по проекту проф. Носалевича, утверждённому Харьковским окр. инженером. Кровля черепичная. «Передний фасад отштукатурен терезитным составом, существующим в данное время на рынке».**

«Вентиляция проточно-вытяжная, с принудительными вентиляторами и приточной камерой для нагревания и увлажнения воздуха». Уборные, ванны, умывальники, души. Прачечная. Горячая и холодная вода. Кинобудка. Выстроено «за один строительный сезон», на 100 человек. Сметная стоимость – не более 250 тыс. руб., включая оборудование.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 369, лл. 1–4

[1] **То есть вне плана, без использования государственных средств. Коммуна им. Ф.Э. Дзержинского создана и действовала все время как общественно-государственное педагогическое учреждение под руководством ГПУ-НКВД УССР, соблюдающее основные установки Наркомпроса Украины.**

17 марта 1928 г.: А.М. Горький **делает надпись на своей фотографии: «Уважаемому человеку А. Макаренко. М. Горький».**

Письмо Г.С. Салько (Макаренко), 23 марта 1928 г.

1928 год, 23 / III

Дорогой и любезный моему сердцу Антон Семенович!

Я весьма обеспокоена долгим твоим молчание, ибо нахожусь в полной неизвестности относительно Вашего драгоценного здоровья и Ваших дел. Между тем, в настоящее время Вы находитесь в обстоя-

тельствах столь необыкновенных, что каждый день может принести нечаянную перемену.

Не могу Вам выразить, дорогой друг, сколько занимает меня комиссия[1], о которой Вы говорили мне прошедший раз. Я совершенно уверена, что судьба Ваша нимало от нее не завит, ибо я верю в Вашу фортуну, и все-таки я думаю с неизъяснимым душевным волнение, ибо от нее зависит участь и счастье детей, кои находятся на Вашем попечении...

Но оставим этот предмет, я уверена, что скоро все разрешится благополучно.

Что касается меня, то мое недомогание лекари считают приступом нервической горячки. Не надобно тревожиться, ибо опасность миновала, мне гораздо лучше, и как только откроется весна, я по совету лекарей поеду к водам. Но мысль о предстоящей поездке меня не развлекает, сердце во мне болезненно бьется при мысли о разлуке с теми, кто любим моему сердцу.

Жду Вашего ответа. Я, как видите, болтлива с Вами по-обыкновенному, не будьте же и Вы скупы на заочные разговоры.

Любящая Вас *Jalin...*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 324, л. 1.

[1] Говорится об обследовании колонии им. М. Горького, см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 255–257.

«Харьковская пионерия в походе», репортаж в газ. «На смену», Харьков, 7 июля 1928 г., **укр. яз., с публикацией обращения А.С. Макаренко «привет пионерам!» Говорится о военизированной игре харьковской пионерии и колонии им. М. Горького.**

Даны заметки участников военизированных «сотен». Под рубрикой «В бою»: В разведке, Оперативная сводка, Плутания. Под заголовком «В гостях у горьковцев»: Товарищи горьковцы! Всегда вам рады! Подзаголовок «В колонии: Мы рады вас видеть, Впечатления от колонии Горького, Ночевка. Фото: Горьковцы готовятся встречать пионеров (девушки, в строю, в форме), Первые раненые, Читаем световую газету, Перед выходом в поход.

Об этом же см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 288–289.

Из воспоминаний Н.Т. Поповиченко: **«Мы с мужем, Василием Ивановичем[1], работали с Антоном Семеновичем еще до Полтавской колонии, в Крюкове. Он уговорил нас помочь ему работать в колонии... Уехали мы из нее в июле–августе 1925 г., семья забралась в Ленинград... В особо трудные дни он писал нам о желании переехать к нам в Ленинград[2]. Я и муж добились решения гороно об открытии для**

него детского дома, для этого дали прекрасный особняк, на 50 человек.

Антон Семенович на это не согласился, он не мог бросить других 50 человек своей колонисткой семьи. Позже еще раз думал об этом... Иван Петрович Ракович[3] был большим другом Макаренко и его хорошим помощником, воспитанники его очень любили... Его сестра, Ольга Петровна Ракович, работала агентом колонии в Полтаве. Это было такое милое, жизнерадостное существо... Очень близок нам был воспитанник Иван Колос[4]...

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 919.

[1] *Поповиченко В.И. и Н.Т.* **в «Педагогической поэме» Осиповы, в колонии с 1 янв. 1921 г.**

[2] **Вероятно, это было летом 1928 г.**

[3] *Ракович И.П.:* **в колонии с 1923 г. (вероятно, с осени). Ракович О.П., см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть1, с. 353 (Именной указатель).**

[4] *Колос И.Г.* **в колонии с дек. 1920 г.; в «Педагогической поэме» – Голос И.**

Из письма А.М. Горького П.П. Крючкову[1], 5 декабря 1928 г.:

...Прилагаю мое письмо Погребинскому[2] вместе с письмом Макаренко[3], которое Вы прочитаете. Прошу Вас лично поговорить с П., а если этого мало, попросить Ек. Пав. побеседовать с Г.Г. Ягодой[4]. Разрушением колонии очень огорчен.

А.С. Макаренко. Педагогическая поэма/ Сост. С. Невская. – М., 2003, с. 9.

[1] *Крючков П.П.* **– секретарь А.М. Горького с 1930 г., сотрудник издательства «Международная книга» и Госиздата.**

[2] *Погребинский М.М.* **– тогда сотрудник ГПУ НКВД СССР, ответственный за создание молодежных трудовых коммун из осужденных на небольшие сроки; социальный педагог, организатор Болшевской и других коммун; см. фрагменты его книг «Фабрика людей» в «Хрестоматии по истории социальной педагогики и воспитания»: в 2 т., сост. А.А. Фролов и др., т. 2. – М., 2007, с. 346–355.**

[3] **Говорится о письме А.С. Макаренко А.М. Горькому, 22 ноября 1928 г. См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 124–127.**

[4] *Ягода Г.Г.* **– с 1919 г. в органах ВЧК; с 1934 г. и.о. предс. ОГПУ, нарком внутренних дел СССР до кон. сент. 1936 г. По поручению Ф.Э. Дзержинского руководил созданием детских трудовых и молодежных колоний, коммун. К 1929 г. в молодежных коммунах было более 10 тыс. человек.**

Из письма А.М. Горького А.Б. Халатову[1], 6 декабря 1928 г.

...А Куряжская колония имени Горького – разрушается, убрали из нее заведующего Макаренко, и ребята, которые получше, «разбрелись разно». Инициатором сего прелестного поступка является Украинский соцвос. С изумительной педагогической проницательностью четырем сотням воришек, бродяг, маленьких проституток было заявлено: «Вас эксплуатировали, теперь вас будут учить». После этого трудовая дисциплина удалилась ко всем чертям.

А.С. Макаренко. Педагогическая поэма/ Сост. С. Невская. – М., 2003, с. 9.

[1] *Халатов А.Б.* **– советский партийный и государственный деятель, в 1927–1933 гг. предс. правления Госиздата.**

Выписки из книги: Крупская Н.К. Заветы Ленина в области народного просвещения. – М., 1924

8. «Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб».

8. «Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от этого старого капиталистического общества, это полный разрыв книги с практикой жизни»[1].

18. «Поменьше «руководства», побольше фактов, и проверенных фактов, показывающих, в чем, при каких условиях, насколько мы идем вперед или стоим на месте».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 189, л. 1, автограф. Цифры – это, видимо, указание на стр. книги. Ориентировочно (по смежным материалам) относится к кон. 1928–1929 гг.

[1] **Данные 2 абзаца – положения В.И. Ленина из его речи на III съезде РКСМ (комсомола) 2 окт. 1920 г. См.: Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания/ Сост А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова, А.М. Кушнир: в 2 т., т.2. – М., 2007, с. 283–287.**

Выписки из книги: Иорданский Н.Н.[1] Основы и практика социального воспитания (укр. яз.)

8. «Первый запал» – и опускаются крылья.

[«Первый запал» получается, по старой русской формуле о добрых намерениях, без всякого равнения по материалам и силе. Где у нас немецкая культура, немецкие дети и педагогические силы?][2]

9. «Рядовому среднему воспитателю нужно больше вдумываться в свою повседневную деятельность, более или менее работать над собой и уважительнее изучать и постигать жизнь детей, знакомиться с их психическими особенностями».

[Какая чепуха. Какие основания думать, что эти средние воспитатели все это сумеют

проделать, захотят проделать и, наконец, что их «задумывание» приведет к какому-нибудь толку].

40. Л. Гурлит: при этом выявлении сильной индивидуальности «нет ничего более вредного и нелогичного, чем теории, которые объявляют борьбу с личной волей ребенка».

41. «Упрямство у детей часто проявляется в отпоре педагогу. Пусть он увидит причины, которые вызывают его, и, может, они дадут ключ к пониманию источника этого отпора как естественного, законного. У упрямого, непослушного ребенка есть элементы протеста против внешней дисциплины, потребность самостоятельности, до которой и должна, в конце концов, доводиться дисциплина, если ее правильно понимать».

О дисциплине у Иорданского какие-то нечленораздельные разговоры.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 189, л. 1–2. Выписки из укр. издания книги, 1924–1925 гг.; сделаны, вероятно, в кон. 1928–1929 гг. Другие выписки А.С. Макаренко из этой книги, ее критический анализ см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 304–307.

[1] *Иорданский Н.Н.* **– зав. Главсоцвосом Наркомпроса РСФСР в 1921–1922 гг., затем преподаватель педагогики в средних и высших педагогических учреждениях.**

[2] **Квадратные скобки – в тексте А.С. Макаренко.**

[3] *Гурлит Л.* **– нем. педагог, представитель теории и практики «свободного воспитания».**

Выписки из книги:
Шульгин В.Н.[1] Основные вопросы социального воспитания

50. В буржуазных странах самоуправление имеет целью снять с педагога неприятные полицейские обязанности и передать их детям.

Ферстер («Школа и характер») – представитель монархического принципа правления учителя, но для этого «необходимо превратить существующий авторитет корпоративного духа из фактора противодействующего в фактор содействующий».

Таков тип самоуправления в Берлине.

56. Форма самоуправления, введенная Фарио Васконселос в его «Новой школе» в Бельгии, не выходит за пределы школы, носит на себе отпечаток государства, здесь старшие ребята исполняют роль министров. Но этот тип самоуправления был и у нас, в России, до Великой Октябрьской революции. Особенно интересное и выпуклое отражение эта идея нашла в опыте Шацкого[2] в его колонии[3].

«Но вместо республики он создал ограниченную монархию» [«Конституция дана сверху», «приходится Шацкому настаивать на своем». «Назначенство» – вот какими язвительными словечками побивает Шацкого Шульгин].

59. «Ясно таким образом, что детская Конституция не выросла из детской жизни, она не получена ими в результате борьбы, она дана сверху взрослыми, и ребята это чувствуют».

Самоуправление в детской республике Джоржа (США – А.Ф.) автор относит к тому же типу.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 189, л. 2. Выписки из книги, которая была издана и переиздавалась в Москве в 1924–1926 гг. Макаренков-

ский критический анализ ее см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 293–299.

[1] *Шульгин Н.Н.* **– деятель народного образования, социальный педагог и историк. В 1920-е гг. возглавлял Институт методов школьной работы, Институт марксистко-ленинской педагогики. В 1927–1928 гг. возбудил дискуссию по методологическим проблемам педагогики, выступил за укрепление связи школы с жизнью и производством, против зарождающейся «школы учебы». В 1931 г. в партийном постановлении о школе обвинен как основатель «антиленинской теории отмирания школы».**

[2] *Шацкий С.Т.* **– социальный педагог, руководитель Первой опытной станции по народному образованию РСФСР, противник педологии.**

[3] **Говорится о дореволюционном педагогическом опыте С.Т. Щацкого, отраженном в его книге «Годы исканий» (1924 – 1925 гг. изд.).**

Удостоверение о работе А.С. Макаренко в колонии им. М. Горького.

Удостоверение

Наркопрос Украины настоящим удостоверяет, что Антон Семенович Макаренко был заведующим Полтавской, а потом Харьковской колонией имени М.Горького для правонарушителей с 3 сентября 1920 года по 3 сентября 1928 года.

ЦГАОР (бывш.) Украины, ф. 166, оп. 6, д. 2974; л. 15. С печатью Наркомпроса УССР и записью: «Действительность этого подтверждается – Ст. инспектор дефдетства Котельников. 14 / IX 29 г.» (укр. яз.).

ЧАСТЬ 2
1928–1932 гг.

Список воспитанников Трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, подлежащих выпуску

Выпуск на производство

Фамилия	Коммунарское производство	Возраст	Примеч.
1. Перцовский[1]	гараж	19 лет	Достаточно квалифиц.
2. Чарский	слесар.-мех.	19 лет	
3. Касьяненко	гараж	18 лет	
4. Булдченко	столярная маст.	18 лет	
5. Боков	слесар.-мех.	18 лет	
6. Вейсберг	истопник парового отопления и слес.-мех.	18 лет	
7. Теренина	конторская работница	17 лет	имеет прохожд. предв. курсов
8. Ребик[2]	столярная	18 лет	
9. Горьковский	слес.-мех.	17 лет	
	На рабфаки		
1. Глупов[3]	технологич.	18 лет	
2. Чевелий[4]	технологич.	18 лет	

3. Теренин	технологич.	18 лет
4. Курянчик	технологич.	18 лет
5. Володина	технологич.	18 лет
6. Зайко	медицинский	18 лет

Завкомунной *А. Макаренко*

12 / VII – 1928

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 295.

[1] *Перцовский П.Е.* **– в колонии им. М. Горького (в Куряже) с июля 1928 г. В «Педагогической поэме» С. Перец.**

[2] **В колонии им. М. Горького** *А. Ребик* **с марта 1921 г.**

[3] *Глупов (Крупов)* **– в Полтавской трудколонии им. М. Горького с начала 1920-х гг.**

[4] *Чевелий Д.А.* **– в колонии им. М. Горького с апр. 1921 г. В «Педагогической поэме» Д. Жевелий.**

Патронирование выпускников коллективом коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (кон. 1927–нач. 1928 гг.) см.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, лл. 55, 64–65 об.

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько[1], 7 октября 1928 г.

«...Если правду тебе сказать, я боюсь немножко твоего перехода в коммуну Дзержинского, ты мал еще и времени у тебя еще достаточно, можно через год перейти в коммуну. Я так и Антону Семеновичу написала».

Опускула макаренкиана, №24/ Сост. С. Невская и Хиллиг. – Марбург, 2001, с. 20.

[1] *Салько Л.М.* **– сын Г.С. Салько от первого брака. В «Типах и прототипах» Левицкий Алёша (Лева), см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 344.**

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 3 ноября 1928 г.: **«...Мне много и тетя Ксения и бабушка писали о твоем переходе в коммуну (им. Ф.Э. Дзержинского – А.Ф.), и я очень много об этом думала...**

Думала, как ты там все научится делать, приспособиться к жизни, приобретешь общественные навыки и передовую ухватку, научишься организовывать жизнь. У Антона Семеновича этому надо учиться, он на это редкий мастер...

Уверена, что если и ты доволен, то это чудесно, что ты перешел в коммуну.

Помнишь, ты сказал чудесную фразу перед моим отъездом, когда мы обсуждали переход в коммуну, ты сказал: «Мама, без труда ничего не делается в жизни»[1].

Я тогда поняла: у меня хороший, честный и умный сын».

Опускула макаренкиана, №24, с. 21–22.

[1] Видимо, он повторил сказанное ему А.С. Макаренко.

Из письма Л.М. Салько Г.С. Салько (Макаренко) 10 ноября 1928 г.

«...В коммуне у нас весело, я уже работаю в мастерской и командир резервного отряда. Сегодня мой отряд работал на кухне, чистили картошку. День проходит незаметно.

Мне А.С. дал в мое распоряжение свою комнату и подарил много хороших блокнотов, самопишущую ручку[1] и линейку. Мы ходили на праздник в город, было очень интересно. Я жив и здоров, чувствую себя хорошо... Спать очень хочется, сильно устал за день.

Кормят нас хорошо».

Опускула макаренкиана, №24, с. 22–23.

[1] То есть ручку для письма, наполненную чернилами.

Начало апреля 1929 г.: **обследование детских учреждений интернатного типа г. Харькова и Харьковского округа. Из сделанных «Выводов и предложений»:**

«...Что касается колонии им. Дзержинского, то, несмотря на хорошее хозяйственное состояние и достаточное оборудование, школьно-воспитательная работа имеет свои отрицательные стороны из-за отсутствия руководства со стороны окрнаробраза. Колония находится в ведении ГПУ, и руководство, как в хозяйственной, так и в школьно-воспитательной работе, ведется своим самостоятельным советом (советом и правлением коммуны – А.Ф.)...

Считать необходимым передать окрино руководство школьно-воспитательной работой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского».

Личный архив А.А. Фролова, без указания на источник.

Письмо В.И. и Н.Т. Поповиченко, 24 сентября 1929 г.

…...Надоели мне беспризорные до смерти. То, что держало меня так долго в колонии Горького, ощущение важности своей работы, теперь отсутствует. Коммуна им. Дзержинского, в которой я сейчас работаю, лучше и богаче горьковской, но это уже не мое, и я больше не хочу себя губить на этом деле…...

Пусть не думают [в Ленинградском губоно – А.Ф.), что мне отсюда приходится уходить. Мое положение хорошее, меня здесь ценят…...

Прошу в связи с тем, что я женился[1], а жене по здоровью нельзя жить в Харькове…...

Во-вторых, бегу от «украинизации»[2], – совершенно заела, основательно портит мою работу.

Наконец, положение с детскими домами, их сделали какими-то задворками[3]. Хочется поработать в школе. Я бы хотел получить школу в рабочем районе, чтобы хоть отчасти повторить условия Крюковской...[4]…

Личный архив А.А. Фролова, выписки Н.А. Лялина из письма, данного ему Н.Т. Поповиченко. О макаренковском поиске в это вре-

мя нового места работы см. также: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 156–157.

[1] Говорится о гражданском браке с Г.С. Салько с осени 1928 г.

[2] Имеется в виду законодательно и жестко установленный переход всех учреждений УССР на использование лишь украинского языка. В дальнейшем, осенью 1933 г., это расценено как проявление национализма в области культуры и образования.

[3] В конце 1920-х гг., в основном в связи с преодолением в стране детской беспризорности, стало ослабевать внимание к детским домам и колониям как к учреждениям общественного (социального) воспитания. Начался переход к «педагогике школы», «школе учебы» (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 299–302).

[4] Говорится о работе А.С. Макаренко инспектором (директором) Крюковского высшего начального училища в 1917–1919 гг., где он стал применять некоторые элементы воспитательного процесса, развернувшиеся затем в трудовой колонии им. М. Горького.

Письмо инспектора Московского отдела народного образования, 22 дек.: «**Тов. Макаренко! Требуется заведующий индустриально-ремесленной школой коммуны на 175 человек ребят в Москве. При коммуне хорошо оборудованные мастерские, слесарная и столярная. Оклад 200 рублей. Можно будет при школе иметь комнату. Если Вас устраивает, пишите. Инспектор МОНО** *Макаревич.* **22 / XII».**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 360, л. 7. По содержанию и смежным документам датируется 1929 г.

Благотворительность или деловые отношения? (Из записной книжки)

Дело идет об отношении к крестьянству. Нет никакого сомнения, что в нашей смычке и в повороте лицом к селу есть много элементов благотворительности. Эти элементы заключаются не только в логике отношения, но и в методе.

Вся эта стихия встречает со стороны крестьянства привычное старое признание законности такой благотворительности, привычное встречное отношение еще со времен сердобольных помещиц и нашей интеллигенции времен хождения в народ. У крестьянства это переживается как право на благотворительность, как право на подачку, на даровую работу, на попрошайничество.

Если идет разговор о смычке нашей с Шишковкой[1], то это значит разговор о том, чтобы мы все сделали за свой счет и собственными силами, а крестьяне будут угрюмо и неохотно, милостиво принимать наши усилия.

Нужно эту благотворительную стихию заменить исключительно деловыми отношениями, как это мы делали в Полтаве. Единственный вид смычки – это хозяйственные отношения и вытекающие из них общие интересы.

Разумеется, переход на эту систему – дело десятилетий, а может быть даже и веков.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, л. 67. Без даты. Ориентировочно: кон. 1929–нач. 1930 гг.

Запись отражает социально-педагогические интересы А.С. Макаренко, выход за рамки воспитания детей, молодежи.

О работе коммунарского комсомола с молодежью села Шишковки см. в «Марше 30 года»: Макаренко А.С. Пед. соч.: в 8 т., т.2, с. 53–55.

[1] Шишковка и Шевченко – села, соседние с коммуной дзержинцев.

Литературно-драматическая композиция, обозрение, «феерия»: Постройка «стадиона»

ЗВУКИ ФАНФАР

ТРУБАЧИ

Слушайте, слушайте, слушайте.
Смотрите открытыми глазами.
Сейчас перед вами
В шикарном оформлении из дикта и картона
Пройдет феерия: ПОСТРОЙКА «СТАДИОНА».
По данным бухгалтерии…...
Впрочем, об этом скажет «легкая кавалерия»…...

Известный киноартист *Филя*[1],
Будущая звезда экрана,
Исполнит здесь более или менее мило
Роль товарища *Букшпана*[2].

ФИЛЯ

Ну, ничего подобного,
Вот придумали,
В рот вам пирога сдобного.

Товарищ Букшпан в клубе,
А я здесь, выходит,
Рассказываю публике,
Кто что играет и какую ноту выводит.
Это называется конферансье.
Поняли все?

СК[3]

Что тут за скандал?
Вы вышли играть, а не ссориться.
Начинайте, пока я вас в рапорт не закатал.
Разве так в театрах водится?

ТРУБАЧИ

Начинаем, начинаем, начинаем!
Филька, ну, начинай! Конферансье ты или как?

ФИЛЯ

Начнем, как у людей.
Сейчас пойдет пролог.
За сценой – поскорей!
Прочтет вам монолог товарищ *Коган*[4].

Товарищ Коган готов?

ЗА СЦЕНОЙ
Сейчас, живот привязывает.

ФИЛЯ
Роль заведующего производством Когана исполнит коммунар Шурка Агеев.
Итак, монолог Когана.

КОГАН
Достиг я высшей власти.
Шестой уж месяц царствую спокойно.
Но счастья нет в душе моей. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем…...

ФИЛЯ
Позвольте, что вы читаете?

КОГАН
Монолог Когана.

ФИЛЯ
Какой монолог Когана?
Это монолог «Бориса Годунова» Пушкина.

КОГАН
Нет, монолог Когана. Вот. *(показывает запись).*

ФИЛЯ
Ну, хорошо. Продолжайте.

КОГАН
Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной.
Ни власть, ни жизнь меня не веселят.
Предчувствую небесный гром и горе.

Мне счастья нет. Я думал коммунаров
В цехах и производстве успокоить,
Зарплатою любовь их всех снискать,
Но отложил пустое попеченье.

Бывал ли в производстве у них толк?
Какой-то черт прислал к ним *Крапачева*[5].
Народ завыл, в убытках погибая.
Я им навез станков, я им снискал работу.
Они ж меня, беснуясь, проклинали.
Квартирный кризис их давно давил.
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня халтурой упрекали.

У коммунаров не ищи любви.
В строительстве я мнил найти отраду.
Я в сборном цехе[6] думал жить без брака,
Я им воздвиг не сборный цех, а храм,
И тут молва лукаво нарекает
Виновником тяжелого уродства

Меня, меня, несчастного отца.

Кто не умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорял изокружка[7] кончину,
Я отравил литейщиков[8] смиренных.
Ах, чувствую, никто не может нас
Средь производственных печалей успокоить.
Ничто, ничто, едино лишь начальство.
Так здравое оно восторжествует
Над злобою, над темной клеветой.
Но если вдруг на выстроенный цех
Оно презрительно указывает пальцем
И Данцигским ругает коридором,

Тогда беда. Как язвой моровою,
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упреком,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики нахальные в глазах.
И рад бежать, да некуда. Ужасно!
Да жалок тот, кто строит сборный цех.
(уходит)

ФИЛЯ
Этот монолог
Только пролог.
Узнаем из истории, пороемся,
Отчего так Коган расстроился.

Для этого и пьеса назначена.
В ней все причины захвачены.
Пусть это будет не стена *(декорация – А.Ф.)*,
А вся коммунарская страна.
Представьте, на дворе весна.

НА СЦЕНЕ КОММУНАРЫ, РАБОТАЮТ

ПЕРВЫЙ КОММУНАР
Отчего это, пацаны,
Работаем с прошлой весны,
И лес есть, и клей, и все прочее есть,
И настроение у нас рабочее,
А нет ни толку, ни прибыли.
Нет на этого Крапачева погибели.

ВТОРОЙ КОММУНАР
А при чем Крапачев?
Что у нас есть?
Потрудитесь счесть:
Ни помещения,
Ни освещения,
Ни станков,
Ни верстаков,
Нет капитала,
А долгов немало.

КРАПАЧЕВ (*входит*)
Ах, как приятно здесь. Ребята на работе.
Сегодня стул, а завтра стол в заботе,

Там шкафчик сделаем, а там и отдохнем.
Убыток, говорят, с убытка не умрем.
К чему теперь за прибылью гоняться.
Так можно и устать, а то и подорваться.
И мне спокойнее: поел, попил, поспал.
И здорово и не устал.
При мне служащие чужие очень редки,
Все больше сестрины, свояченицы детки.
Все из Житомира народ,
Не первый год со мной живет
Не подведет…...
(*Уходит*)

КОММУНАРЫ
1. А я так разумею,
Нужно гнать Крапачева в шею.

2. Правильно, видно за глаза,
У нас не производство, а буза.

3. Шкафик этот делаешь полгода,
А разве теперь на шкафики мода?

4. Тут бы завести машинизацию,
Чтоб стало тошно всей чертячей нации.

5. Цех поставить хиба ж такой,
Да наставить новых станков.

1. А главное, чтоб был металл,
Чтоб так завертел, а так зажал.

2. Эх, моторы, вагранки, шкивы,
Это было бы не производство, а диво.

3. Ну, а пока делай трельяжи,
Для индустриализации это страшно важно.

4. А у меня не погибла вера,
Что пришлют нам хорошего инженера.

ГРОМ, МОЛНИЯ, УДАР ОРКЕСТРА.
ПОЯВЛЯЕТСЯ КОГАН.

КОММУНАРЫ
О, хлопцы, это не напрасно.
Чего ты хочешь?
КОГАН
Ты прекрасна!
Я тот, которого ты звала,
Коммуна славная моя.
И мысль мою ты отгадала.
Поедем в лучшие края.

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Мы здесь устроим без сомненья
Высокосортный детский дом.

Клянусь дипломом инженера,
Линейкой счетной и тобой,
Мы заживем таким манером
Что перегоним Тракторстрой[9].

О, верь мне, я один поныне,
Тебя постиг и оценил,
А вами правит на перине
Не инженер, а крокодил.

Ты погибаешь меж холодных
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов.

О, нет, прекрасное созданье,
К иному ты присуждена.
Кроватный угол[10], вот заданье,
И целый рубль ему цена.

Всех кустарей моих служебных
Я приведу к твоим стопам,
Никелировщиков волшебных
Тебе, красавица, я дам.

Толпой станков и автоматов
Твой стан, как лентой обовью.
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою.

Для производственного строя,
Для жизни, для инвентаря
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря.

Я опущусь на дно морское,
Я подымусь за облака,
Я дам тебе, все, все земное…...
Ну, где б устроиться пока?..

КОММУНАРЫ
Кто б ни был ты, пришлец случайный,
А обещаешь ты груба.
Невольно мы с отрадой тайной,
Товарищ, слушаем тебя.
Но если речь твоя лукава,
Но если ты, обман тая,
Напутаешь с своей оравой,
Тогда держись, душа моя.

КОГАН
Ну. что вы, что вы, коммунары,
Вот мастера, их лучше нет:
Ганкевич вот, Каневских пара,
Островский, Шнейдеров и Свет.

ТАНЕЦ КУСТАРЕЙ

Киев – город знаменитый,

Кустарями он набитый,
Двести тысяч кустарей
Там живут среди людей.

Кустари – народ бывалый,
И доход бывал немалый.
Мы наделали бы дел,
Если бы не Финотдел…...

В один прекрасный этот день
Собрались все, кому не лень,
Со станками,
С верстаками –
К вам.

И мы приехали сюда
Работать с вами навсегда.
Профбилеты
Хотя бы к лету
Нам.

КОГАН
Значит, у нас будут:

Шишельный цех,
Формовочный цех,
Обрубочный цех,
Опиловочный цех,
Сушильный цех,
Шлифовочный цех,
Шайбовочный цех,
Упаковочный цех,
Сверловочный цех,
Токарный цех,
Слесарный цех,
Механический цех,
Машинный цех,
Сборочный цех,
Швейный цех,
Ниточный цех…...
Сколько всего?

КОММУНАРЫ
Девятнадцать.
КОГАН
Вот видите!

КОММУНАРЫ
Приятное известие.
Но где же мы это все поместим?

КОГАН
А вот увидите.
Товарищи цеховые мастера,
Приниматься за дело пора,
Расходитесь по цехам,
Вас ждет победа там.
Ура!

ВСЕ
Ура!

МАРШЕВАЯ МУЗЫКА

ФИЛЯ
Так началось у нас большое производство,
Как будто ни с чего, вот с этим барахлом.
И по цехам у нас достаточно уродства,
И по кладовкам всем не все идет ладком.

Для коммунарских производственных цехов
Само собою сделалось типичным
Ужасное смешение станков
Благбазовских[11] и заграничных.

А с помещением?
Полюбуйтесь таким положением!

ВХОДИТ КОГАН, УСАЖИВАЕТСЯ ЗА СТОЛ

МАСТЕР 1
Где же мы поместим шлифовочный цех?

КОГАН
Где поместим? Как, где поместим, натурально, в помещениях.
Там есть подвал для картошки, так картошки там нет, туда и помещайте.

МАСТЕР 2
Соломон Борисович, Соломон Борисович, а куда денем
никелировочный цех?

КОГАН
А в подвал.

МАСТЕР 2
В какой подвал?

КОГАН
В тот, где была картошка.

МАСТЕР 2
Там уже шлифовочный цех.

КОГАН
Тогда в подвал, где была капуста.

МАСТЕР 3
Соломон Борисович, для опиловочного цеха места нет.

КОГАН
Нет места? А в подвале?

МАСТЕР 3
В подвале? Там уже все занято.

КОГАН
Гм…... гм…... Вот что (оглядывается). Там выбрался воспитатель,

который уволился, так в его квартиру.

МАСТЕР 3
Так это же квартира.

КОГАН
Ну, так что ж, что квартира?

МАСТЕР 3
Антон Семенович уже пригласил нового воспитателя.

КОГАН
Ах, господи, разве же так можно работать! С кем я буду работать?
Где люди, скажите мне, пожалуйста, где люди? Ну, зачем вам говорить Антону Семеновичу?
Мы должны делать свое дело, а он пусть делает свое. Строгое разделение по вертикали, понимаете? Разве он понимает, по вертикали. Одним словом, занимайте квартиру, но так, чтобы никто не видел. Лучше вечером.

МАСТЕР 3
Ну, а если придет воспитатель?

КОГАН
Вы слышите, что он говорит? Какое вам дело до воспитателя и до всей ихней педагогики? Какое вам дело? Перебирайтесь, пока он еще не приехал. А там будет видно.
В общем и целом, до его приезда мы еще успеем заработать.

МАСТЕР 4
Соломон Борисович, полировочный цех…...

КОГАН
В сарай, в сарай.

МАСТЕР 4
Как в сарай? Сараев нет свободных. В том, что за помойной ямой, – упаковочный цех, а в том, что вы перестроили из уборной, – кладовка. В какой же сарай?

КОГАН
А там один такой сарайчик я видел, проходил как-то, такой знаете, обмазанный глиной…...

МАСТЕР 4
Какой это?

КОГАН
Ах, господи, там стоят, как это, животные такие…...
Вот которые возят все...… ах, черт…... ага: лошади.
Так вы лошадей выведите на двор, теперь тепло.

МАСТЕР 4
Соломон Борисович, завхоз такой крик подымет, что вы!

КОГАН
Ну, вот смотрите, то про воспитателя, то про завхоза.
Все привыкли мешаться не в свое дело. Черт бы вас побрал!
Вам нет никакого дела до завхоза. И вы ему, пожалуйста,
Ничего не говорите, а перебирайтесь.
Работай тут, когда никто никакого понятия не имеет об единоначалии.

МАСТЕР 5
Соломон Борисович, швейная мастерская.

КОГАН
В класс.

МАСТЕР 5
Что?

КОГАН
В класс, в класс.

МАСТЕР 5
Как это в класс…...

КОГАН
Что вы нанялись здесь сегодня куражится надо мной! Вам говорят – в класс…...

МАСТЕР 5
Так туда не пустят, что вы!

КОГАН
Конечно, если вы ничего не понимаете в производстве, так вас не пустят. Вы так и полезете во время уроков, как нахал. И вас назовут нахалом и будут совершенно правы.

Теперь не время для нахалов, и мы с вами работаем не в кустарном заведении, а в государственном, зарубите себе это на носу.

Вот что.

МАСТЕР 5
Ну как же?

КОГАН
Пора уже знать – как. Завтра коммуна уходит в город, на какой-то праздник…... выходной день…... вот вы и перебирайтесь.

МАСТЕР 5
А потом как же, когда вернутся?

КОГАН
Скажите, что я уехал в город, вообще что-нибудь скажите. Скажите им, что теперь время индустриализации и долой предрассудки. Все для индустриализации!

ЗАВХОЗ
Соломон Борисович, это вы сказали: лошадей вывести на двор?

КОГАН
Ну, а если я сказал, так что? Что такое ужасное произойдет с вашими лошадьми, если они поночуют немного на дворе. Вам всякий скажет, что лучше для них дышать свежим воздухом, чем каким-нибудь навозом. Это безжалостное отношение к животным. Попробуйте сами ночевать одну ночь в конюшне, и вы увидите.

ЗАВХОЗ
А вы попробуйте ночевать на дворе, если дождь, и какое вы имели, наконец, право?

КОГАН
Что такое право? Мы работаем для общего дела. Странно. А он смотрит со своей лошади и колокольни и ничего не видит. И, кроме того, нужно идти в ногу. Лошадь теперь уже животное вымирающее. Вы, наверное, газет не читаете. Нужно читать газеты! Теперь

– трактор. Машинизация и тракторизация.

ЗАВХОЗ *(Плюет и уходит).*

МАСТЕР 6
Черт знает, что такое! У меня заказ. А где будет работать сборный цех?

КОГАН
В спальню.

МАСТЕР 6
Куда?!

КОГАН
В спальню, в спальню.

МАСТЕР 6
Как это в спальню?

КОГАН
Они сейчас все на работе, так вы сумеете занять спальню.

МАСТЕР 6
Коммунары не захотят переносить станки в спальню.

КОГАН
А, эти еще коммунары. До чего это избалованный народ! И чего вы ко мне пристали? Что я вам – жилотдел? Ему дают спальню, так он ещё ломается. Что такое сборный цех, губернатор какой, подумаешь! Почему нельзя работать на дворе, я вас спрашиваю.

МАСТЕР 6
Ну а если дождь, а зимой?

КОГАН
Где вы видите зиму, посмотрите, разве это зима?

МАСТЕР 6
Так ведь будет зима!

КОГАН
Как вы все хорошо знаете, что будет зима. Ну а если даже и будет, так что, мы не сумеем построить сборный цех? Подумаешь, архитектора нужно.

МАСТЕР 6
Да из чего же вы построите? У вас же ни кирпича, ни железа, ни денег…...

КОГАН
Кирпич, железо. Из кирпича и железа и дурак построит. А вы постройте без кирпича и железа.

МАСТЕР 6
А из чего же?

КОГАН
Деревья у нас есть. Срубим деревья. Дикт у нас есть, земля и глина у нас есть, солома есть, гвозди, щепки, опилки, мало ли что у нас есть?

МАСТЕР 6

Так это будет хата, а не сборный цех.

КОГАН
То хата, а то сборный цех. Сто метров в длину, пятьдесят метров в ширину. Что я не строил?

МАСТЕР 6
Ну, посмотрим.

КОММУНАРЫ
Долго нам работать на дворе? Как дождь, бросай работу, портится фабрикат.

КОГАН
Фабрикат? Что он – сахарный? Вы сахарные?

КОММУНАРЫ
А зимой?

КОГАН
К зиме я вам построю сборный цех сто пятьдесят метров длиной и сто метров шириной. Вот начнется ваш отпуск, вы поедете в Крым, а пока вы приедете, я вам построю такой сборный цех!... *(Уходит).*

ФИЛЯ
Ну вот, собрались мы, действительно, в Крым.

МАРШ ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ

КОММУНАРЫ
Мы работали на стали
Без устали целый год.
Под конец-таки устали,
Отпуск месячный идет.
Крымом пахнет, всякий рад
В черном море покупаться,
Шамать сладкий виноград,
Вдоволь солнцем напитаться.

Даже пляшет в саду тополь,
Это дело, это лад,
Едем, едем в Севастополь,
Разрешил товарищ *Блат*[12].

Коган весело настроен:
Поезжайте без помех,
Будет к осени построен
Коммунарам сборный цех.

Час настал, кончаем сборы,
На дорогу собран харч,
Козырь выключил моторы.
Становися! Шагом марш!
(Уходят).

ПАНТОМИМА: ПОСТРОЙКИ СТАДИОНА
ОБРАТНЫЙ МАРШ КОММУНАРОВ

КОММУНАРЫ
Веселее сердце бьется,

Крым на пользу пацанам,
Коммунар с разгону рвется
К инструментам и станкам.
Коган весело смеется:
Как я рад, какой успех!
Перед вами вдаль несется
Грандиозный сборный цех.

КОММУНАРЫ ПАДАЮТ В ОБМОРОК

КОГАН
Что? Разве плохо?

КОММУНАРЫ
Коммунары. Ха, ха-ха, ха-ха, ха,
Вот цеха, так цеха,
Вот это смех, вот это грех,
Разве это сборный цех?!

Если буря зашумит,
Он за ветром полетит.
Ну, смешной же вышел он,
Этот сборный «стадион».

Ха, ха-ха, ха-ха, ха,
Вот уж не было греха.
И ползет он под уклон,
Этот сборный стадион.

КРИКИ, СМЯТЕНИЕ, ЗВОНОК ТЕЛЕФОНА:
Едет товарищ Балицкий[13].
ВОЛНЕНИЕ. КОГАН С ВЕНИКОМ. ПРОНОСЯТ СОЛОМУ, ЩЕПКИ.

КОГАН СТРЯХИВАЕТ ЧТО-ТО СО «СТАДИОНА»

БАЛИЦКИЙ
Невольно к этим милым берегам
Меня влечет неведомая сила.
Все здесь напоминает мне былое,
И первый год коммуны молодой.
Такой цветущей и такой прекрасной.
Я узнаю окрестные предметы.
Вот кузница, она уж развалилась,
А там был двор, теперь он весь засорен,
Тропинка тут вилась, она заглохла.
Тут садик был с забором. Неужели
И он засыпан щепками. Нет, нет…...

Ах, что это тут тянется, подобно
Ковчегу длинному, занесенному грязью?
О, ужас! Нет, в моей родной коммуне
Такое здание, такой архитектуры?
Какой чудовищный и глупый анекдот!
Возможно ли? *(Уезжает. Автомобильные гудки).*

КОГАН
Ах, все меня решились уморить.
Моя судьба едва ли не плачевна.
Ах, боже мой, что станет говорить
Ефим Давыдович Элькин?[14]

Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит.
В грядущей мгле таится он.
И все проклятый «стадион»…...
Приедет Элькин рассерженный
И скажет: бдения и сна
Приходит час определенный,
А ты проспал тут без забот
И день, и ночь, и тьмы приход.

Одним словом, будут чреватые последствия.

ПРИЕЗЖАЕТ ЭЛЬКИН

КОГАН

Я виноват, но понимаете, денег нет, капитала нет, я вам писал записку, а с планами не мог успеть. Денег нет, сметы нет, капитала нет и кирпича нет…...

ЭЛЬКИН

Где ваши планы?
Не отпирайтесь! Я прочел
Записку вашу без искусства.
Она в волненье привела
Давно умолкнувшие чувства.
Мне ваша искренность мила,
Но я щадить вас не хочу,
Я вам за это отплачу.
Я вам задам на старость лет,
Как строить, если планов нет.

Начнете плакать, ваши слезы
Не тронут сердца моего
И будут лишь бесить его.
Судите ж вы, какие розы
Вам заготовил «стадион»?
Для всех построек есть закон.
А тут черт не разберет.
К беде неопытность ведет!
(Элькин уходит.)

КОГАН

Все гонят, все клянут, мучителей толпа,
Правителей в вражде неутомимых
И мальчиков неукротимых.
Безумным вы меня прославили всем хором
И от начальства до юнца
Покрыли детище мое позором.

Вы правы, тут не разберешь конца:
И строить вредно, и не строить плохо,
Построил вот, а теперь охай…...
Я в Кисловодск теперь ездок,
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок.
Каре…...
Эй, Топчий, запрягайте, пожалуйста, до автобуса.

Неизвестный Макаренко. Выпуск 6/ Сост. С.С. Невская, А.Н. Русаков, И. В. Филин. – М., 1994, с. 44–68.

Поставлено на празднике 3-летия коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, 7 янв. 1930 г., в жанре «живгазеты», популярного тогда в художественной самодеятельности юмористического или сатирического представления на темы своего производства и быта. Использованы отрывки из «Бориса Годунова» А.С. Пушкина, стихов М.Ю. Лермонтова, опер «Русалка», «Евгений Онегин».

Такого рода постановки готовил литературно-драматический кружок, им руководил А.С. Макаренко, он же был автором текстов. «Феерия» – это драматическое представление с эффектными декорация и костюмами, необычными постановочными трюками.

Представление отражает историю создания в коммуне производства, заостряет внимание на возникших трудностях его развития. Присутствие на празднике руководства правления коммуны позволило начать коренную реконструкцию производственной базы коммуны, выйти на план создания своего завода. См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 315–316, 337 и А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 6, с. 205–207.

О других постановках такого рода в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского и колонии им. М. Горького см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 31–44.

[1] **Коммунар** *Ф. Куслий.* **Рассказ о нем, его актерских способностях: А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 2, с. 89–92.**

[2] *Букшпан М.М.* **– тогда сотрудник ГПУ УССР, ответственный секретарь правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с начала ее основания; с марта 1932 г. член правления коммуны. В «ФД-1» А.О. Крейцер, во «Флагах на башнях» М.О. Крейцер.**

[3] **Секретарь совета командиров коммуны.**

[4] *Коган С.Б.* **– зав. производством коммуны с 15 марта 1930 г., позднее начальник снабжения, работник финчасти. В «Марше 30 года» и «ФД-1» Соломон Борисович Левинсон; в «Типах и прототипах» «Педагогической поэмы»» Соломон Борисович, Борис Самойлович Клямер.**

[5] *Кропачев* **– зав. производством коммуны до С.Б. Когана.**

[6] **Сборный цех деревообделочной мастерской.**

[7] **Кружок рисования и различных поделок, он был лишен тогда своего помещения.**

[8] **Работник литейного участка производства.**

[9] **Строящийся в Харькове тракторный завод.**

[10] **Изготавливаемая на литейном участке деталь железной кровати.**

[11] **Продающихся на харьковском Благовещенском базаре.**

[12] *Блат И.М.* **– тогда ответственный сотрудник ГПУ УССР, предс. правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с нач. 1928 г. В «Типах и прототипах» Бранд А.М.; его положительная характеристика: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 338.**

[13] *Балицкий В.А.* **– тогда предс. ГПУ УССР, предс. Совета коммуны им. Ф.Э. Дзержинского со дня ее основания.**

[14] *Элькин Е.Д.* **– тогда ответственный работник хозяйственного управления ГПУ УССР, член правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.**

Из списка прототипов «Педагогической поэмы»

Колонисты: Таликов, Ш. Чевелий, Крупка, Лева [Салько], Агеев, Хрущ, Агнивцев, Дидоренко, Чарский, Перцовский, Боярчук, Глупов, Дроздюк, Гершанович, Н. Ледак, Куксов, Романов, Синенький, Фомичев, Сторчакова, Борискина, Кузнецов, Лазарева…...

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 1. Автограф. Без даты. По содержанию относится: не ранее марта 1930 г. (приема на работу в коммуне дзержинцев С.Б. Когана) или осень 1932 г. (возобновление работы над первой частью «Педагогической поэмы» – окт. 1932 г.). Всего в списке 59 человек.

Начало списка, основной текст: Друзья, Враги, Свои, Чужие, Педагоги, Сферы – см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть1, с. 349.).

[1] Фамилия зачеркнута.

Тут же: общий список, 198 человек и «Прочие» – 149 чел. (тут и воспитанники и др.: М.В. Димара, Горонович, Горинович, Остроменцкая, Кодесон, Залкинд и др.

Письмо Л.М. Салько, 7 сентября 1930 г.

Харьков, 7 сентября 1930

Милый Лева!

Спасибо за письмо от…... (ты пишешь по-дамски без числа). Мы очень рады, что у тебя все хорошо устроилось. В Севастополе на вокзале мы встретили одного чекиста, который возвращался в Харьков из Симеиза, и жил он в том самом санатории, что и ты. Он нам рассказывал, что во «Фрунзе», в общем, хорошо, только надоедает каша. Оказывается, у тебя такая же драма.

Галина Стахиевна все время беспокоилась все-таки, почему от тебя нет писем, даже недавно поручила Иванову отправить тебе телеграмму.

Мы добрались в Харьков в общем благополучно. В Севастополе маршировали до упаду, были во всех музеях, на крейсере «Червона Украина»[1], но особенных радостей не имели. После Ялты севастопольская столовая показалась нам настоящим голодом. Зато в

вагонах отъедались на целый год. Тимочка[2] накупил помидор, арбузов, масла, потратил на все это сумасшедшие деньги, но зато действительно наша шамовка была «грубая».

Харьков нас приветствовал дождем и хладом, которые настойчиво держатся до сих пор. Сейчас как раз собираемся идти в город праздновать МЮД[3] – в этом году нас влекут на стадион металлистов, собирается идти дождь, и тоже в собачий холод – не знаем, что надевать.

На завод я послал официальное письмо с сообщением, что бывший коммунар Салько в Крыму заболел и оставлен в санатории. Иванов это письмо отнес и узнал, что занятия на ФЗУ начнутся не раньше пятнадцатого сентября, так что ты потеряешь немного.

В коммуне самым важным событием является открытие рабфака. Ты не думай – настоящий рабочий факультет при Харьковском электротехническом институте[4] со всеми правами правительственных рабфаков. Удалось это сделать очень быстро, буквально одним хорошим нажимом – воспользовались некоторыми обстоятельствами при посылке в рабфаки этого года.

Раз мы имеем свой рабфак, то никого ни в какие чужие рабфаки посылать не нужно, так что в этом году никто из коммуны не уезжает, в том числе и все твои приятели.

Сейчас мы все много бегаем, достаем деньги, нужно оборудовать разные кабинеты, лаборатории, классы, учебники и прочее. Сразу открываем два курса – первый и второй. Наши студенты, конечно, будут работать на производстве, как и раньше, четыре часа. По окончании рабфака они будут приниматься во все технические ВУЗы без экзамена. Согласись, что получается очень шикарно. Если Вам, Лев Михайлович, угодно, то мы Вас можем принять на второй курс без экзамена.

На будущий год уже спроектирована экскурсия на Кавказ: до Владикавказа поездом двое суток, потом двенадцать суток марша по военно-грузинской дороге, остановка в Тифлисе на несколько дней, поездом полсуток до Батума, недельку в Батуме, пароходом сутки до Новороссийска. Вероятно, поедем первого мая, чтобы не возвращаться в коммуну осенью. Ты должен все это иметь в виду.

Мама шлет тебе «пламенный привет». Несколько дельных советов также. Во-первых, ты должен заранее позаботиться о билете на поезд, обязательно взять билет в спальном вагоне, обязательно взять в поезде постель, это будет стоить всего два рубля. В Крыму ты должен купить себе фуражку вместо тюбетейки.

В последние дни ты должен послать мне телеграмму с указанием, когда и каким поездом приедешь, чтобы мы могли выслать тебе на вокзал пальто, иначе ты пропадешь обязательно по дороге вокзал – коммуна.

Деньги на прожитие тебе скоро будут высланы телеграфом.

Будь весел.

А. Макаренко

Иванову привета не передал, он уехал в деревню догуливать последние деньки.

Пиши!

Опускула макаренкиана, №24, с. 26–28. Написано при возвращении коммуны из отпуска, летнего похода.

[1] **Затем экипаж крейсера «Червонной Украины» взял шефство над коммуной; группа моряков посетила коммуну. В сер. августа 1934 г., во время летнего похода, коммуна побывала на этом крейсере.**

[2] *Татаринов Т.Д.* **– один из старейших сотрудников А.С. Макаренко, воспитатель-учитель в колонии им. М. Горького с лета 1925 г., затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, в «Педагогической поэме» И.Д. Киризов.**

[3] **Международный юношеский день.**

[4] **Коммунарский рабфак открылся при Харьковском машиностроительном институте.**

Из записных книжек, зарисовок, осень 1930 г.

3154. На общем собрании вдруг привели убежавших [из коммуны] неделю назад. Ч.

Общее волнение. Ч., похудевший, загоревший, с красным носом, запыленный и измятый. Захватили его на голоде – перся в столовую.

Все сгрудились, стоят. Отдельные вопросы. Почему убежали?

– Я и сам не знаю.

– Кормились где?

– Да…... по огородам.

– Куда же вы ездили?

– (Еле слышно): В коммуну Фрунзе.

– Почему вас не приняли?

– Мы не просились. Так зашли.

– Воды напились.

Все хохочут.

Ездили в Киев воды напиться.

Напали на малого Короткова за то, что сидел в палатке и разговаривал с Р.

Он убежал вместе с Ч.

– Выгнать его.

Ни одного голоса за прощение и обратное принятие. Зато единодушно принимается предложение (командиров):

– Арестовать и просить ГПУ отправить в Соловки.

Вечером Ч. спит на диване в кабинете. Дневальный Вовченко[1] ручается, что он не убежит.

3159. Девять наших девочек сегодня первый день на трикотажной фабрике[2]. Их там встретили ласково.

Кладовщик шутит:

– Сначала халаты детям выдам.

– Пустите раньше детей в столовую.

Рабочие улыбаются. Им приятно, что пришли дети.

3161. До чего это хорошо. Перевыборы СК[3]. Командиром 2-го [отряда] избран Дорошенко[4], но он немедленно уезжает в Москву на пионерский слет. По обычаю он «назначает» своим помощником – Вовченко. И Вовченко открыто всеми признается как командир.

3162. Сидели Ч. и Р. целый день в кабинете[5]. Их уже и не стерегли. Затея с отправкой в Соловки, конечно, не вышла. Что с ними делать, поставили вопрос на СК.

– За Р. Терский[6] очень просит.

Ребята высказывались сурово, но, конечно, приняли.

– Ну, идите мыться.

Говорю им вдогонку: я их – в наказание домашним арестом на месяц.

Все любовно пошли их умывать.

Прощение – хорошее дело.

3176. Кодессон[7] рассказывает: В Куряже можно было удрать из колонии и через месяц придти, и этого никто не замечает. Да и трудно было заметить. Никто никого не учитывал. Обед тянулся от часа до шести. Можно было придти и второй раз пообедать.

3177. Воспитатели колонию имели как дачу. Приехала одна из Мелитополя, много вещей навезла. Ну, она пошла на дежурство, а ребята – в окно. Высоко пришлось, так они раму парниковую взяли, стекла выбили, как по лестнице и залезли. Рублей на 300 тогда пацаны взяли.

– Что же, искали воров?

– Не, кто там будет искать. Учительница поплакала, поплакала, потом куда-то уехала.

3178. Я там был больше года и ни одного дня не работал.

3180. Пришел Ряполова брат. Его отец – крестьянин в Лаптеве. С ним пацан. Видно, сюда послали родные.

Экзаменую Ряполова. Он перешел в 4-ю группу. Кто такой Ворошилов, не знает. О Ленине слышал.

– Управлял Россией.

Но что такое Советская власть, не имеет понятия.

– Кто такой буржуй?

– Это богатые.

– В каком ты государстве живешь?

– В Курском.

Его компаньон – тоже в Курском.

3198. …...Музыканты совершают налет на груши[8]. В стенной газете по этому поводу уверяют, что получена телеграмма из Нанкина:

Харьков, Коммуна Дзержинского. Командиру оркестра. Приветствую дорогих музыкантов. Они действуют с Мукденской энергией. Да здравствует мировой бандитизм!

Чан Кай-ши.

3222. У нас встречают коммуну в Прилуках[9]. Вечером в клубе ГПУ была встреча всех сотрудников ГПУ с коммунарами. Очевидно, авторитет К-на[10] здесь имеет большое значение.

Комсомолец, который приехал со мной договариваться насчет приема у нас коммуны, захлебывается:

– Вечер воспоминаний. Ребята рассказывают о своем прошлом.

Я укоризненно мотаю головой.

– А что?

– Ну как это можно? Ребята будут рассказывать о прошлом. На что вам это прошлое?

3229. Экскурсия прилучан. С ними бородатый Т. У него своя завиральная идея.

– Если их учить грамоте, развивать, то из них урки еще хуже выйдут.

Приезжает К-он.

У всех у них какое-то кокетливое отношение к бывшим преступлениям коммунаров. Они только и смакуют вопрос, какой он был раньше, и какой теперь стал, у кого бывали мокрые дела, вообще какие они трудные! Только об этом и говорят. Ребята откровенно завидуют нашей дисциплине, нашей чистоте, недовольны своими воспитателями, которые ходят с револьверами.

3230. Алексюк остается на дневательства, когда коммуна уходит в город. Он боится оставаться один в лагере и поет:

Пацаны все ушли в город.

А я один боюсь.

Ах, зачем мне мать породила.

Личный архив А.А. Фролова. Машинопись выписок из записных книжек, подготовлено к публикации В.В. Кумариным, частично публиковалось им. С вступлением и комментариями Г.С. Макаренко. РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 237, лл. 18–25. Цифры в начале отдельных записей – их нумерация, делалась А.С. Макаренко.

[1] *Вовченко* **– Волченко, «Волчок» – персонаж «Марша 30 года» и «ФД-1».**

[2] **Коммунары были выпущены на производство, трикотажную фабрику спортивного общества «Динамо». Их, видимо, сопровождал тогда А.С. Макаренко.**

[3] **Совет командиров отрядов – центральный орган самоуправления в коммуне.**

[4] **Персонаж «ФД-1».**

[5] **Комната А.С. Макаренко, секретаря совета командиров и дежурного командира.**

[6] *Терский В.Н.* **– руководитель клубной работы в колонии им. М. Горького со второй пол. 1926 гг., затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. В «Педагогической поэме», «Марше 30 года» и «ФД-1» В.Н. Перский, во «Флагах на башнях» П.В. Маленький, в «Типах и прототипах» Н.Н. Кубанов.**

[7] **Воспитанник колонии в Куряже, живший в ней до переезда туда колонии им. М. Горького.**

[8] **Говорится о коммунарах из оркестра коммуны, о их «налете» на расположенный вблизи от коммуны фруктовый сад совхоза «Красные зори» (находился в ведении хозчасти ГПУ УССР).**

[9] **Трудовая коммуна в Прилуках (Черниговской обл.) была также подшефной ГПУ УССР. Предназначалась в основном для молодежи, осужденной на небольшие сроки.**

[10] **Имеется в виду, видимо,** *Карлсон К.М.* **– тогда зам. предс. ГПУ УССР, зам. предс. Совета коммуны им. Ф.Э. Дзержинского со дня ее основания, предс. правления коммуны с марта 1932 г.**

В ряды ЛКСМУ! – статья в «газете коммунаров-дзержинцев», **стенгазеты, №1–12. Без даты, по содержанию – октябрь 1930 г., автор «К-о».**

«У нас в коммуне 150 коммунаров, а комсомольцев и пионеров только 80, остальные беспартийные.

Почему это так?

У нас есть очень много коммунаров, какие хорошо себя ведут, хорошо работают, политически более-менее сознательные. Таким коммунарам не мешало бы вступить в ряды комсомола или в отряд Ю.П.[1]

Наша коммуна почти что лучшая в СССР, поэтому мы должны показать пример другим деткоммунам.

На протяжении этого года мы должны втянуть в ряды комсомола и Ю.П. всех коммунаров, чтобы у нас совсем не было деления на «партийных» и «беспартийных».

У нас много малых даже не знает, что такое Ю.П., и поэтому нужно всем членам отряда Ю.П. провести беседы с малыми, рассказать им о законах и обычаях Ю.П.

Только таким образом можно организовать нашу коммуну как комсомольскую и пионерскую – к 13 годовщине Октября. Все, кто

ещё не вступил в наши организации, должны скорее об этом позаботиться».

Заметки на полях книги А.С. Залужного[1] (М.–Л., 1930)

Глава 1 – Процесс эволюции и мировые законы. Безграмотно (с. 5). Почему новых методов? Почему? (с. 8). Это можно изложить проще и убедительнее (с. 17).

Все это изложено довольно невнятно и плохим языком. Что, собственно, противопоставлено цитате из Бехтерева?[2] Ничего. И это обозначает «новые методы» (с. 22).

Глава – Действия и состояния. Начал с Аристотеля! О, ученость! (с. 23).

Интересно, в какой связи с поведением ставят теперь работу [желез] внутренней секреции?[3] (с. 33).

А.С. Макаренко. Педагогическая поэма/ Сост. Невская. – М., 2003, с. 685. Рассматривается книга А.С. Залужного «Учение о коллективе. Методология. Детский коллектив».

На с. 79 А.С. Залужный определяет: «...Коллективом мы будем называть группу взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражители». Эту биологизаторскую характеристику коллектива А.С. Макаренко критикует в статье, относящейся к концу 1932 г. (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 368). Возможно, он также имеет в виду определение, данное А.С. Залужным в сб.: Педология и воспитание, – М., 1928, с. 76.

На книге имеются также макаренковские пометы «NB» и подчеркивания (Центр внешкольной работы им. А.С. Макаренко, Москва).

[1] *Залужный А.С.* **– сторонник «социогенетического» направления в педологии. См. по именным указателям в изд.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Части 1–4.**

[2] *Бехтерев В.М.* **– видный представитель науки о структуре и функциях человеческого мозга, клиники невропатологии и психиатрии. Труды: Коллективная рефлексология (1921), Общие основы рефлексологии человека (2-я пол. 1920 г., несколько изданий). Социальные явления отождествлял с биологическими и физико-механическими.**

[3] **А.С. Макаренко возмущается сведением социальных, педагогических и психологических явлений к физиологии.**

Письмо старшему редактору ГИХЛа Колесниковой, 29 апреля 1931 г.

29 апреля 1931 г.

Старшему редактору ГИХЛа тов. Колесниковой.

Глубокоуважаемый товарищ.

Разумеется, в моей работе[1] очень много недостатков, и я очень благодарен буду тем людям, которые их выправят.

Не удивляйтесь большому количеству полемики. Ведь я не литератор. Когда пишут люди, дело которых делается в борьбе, они всегда злы и всегда помнят о своих врагах. Поэтому и я всегда готов кричать по адресу олимпийцев педагогики детского дома:

– Карфаген должен быть разрушен.

Поэтому я вообще не возражал бы против всяческих поправок, а тем более против сокращений технически неудачных мест. В последнем случае Вам – книги в руки.

Произвести сокращения я, пожалуй, и не сумею, либо выброшу то, что можно оставить, либо оставлю то, что нужно выбросить. Очень прошу Вас поручить это какому-нибудь товарищу.

В то же время я прошу Вас принять во внимание и такое соображение: если выбросить все острые мысли до одной, получится, может быть, бледно, чересчур мирно, кое-что, может быть, можно и оставить. Одним словом, этот вопрос я передаю на полное разрешение редакции и обещаю никогда ни на кого не жаловаться и не выражать неудовольствия.

Лично я и не могу заняться сокращением, у меня не осталось копии, по условиям моей работы я на книгу мог истратить самое небольшое время, и мне пришлось печатать на машинке прямо «чистовку». Поэтому в ней много разных недостатков.

Глава о комсомоле, вероятно, по этой же причине получилась очень слабая. Но у меня ее сейчас тоже не имеется.

Может быть, числа десятого мая я вырвусь в Москву. Я в таком случае привезу с собой новую главу или добавления к старой. Но для меня идеальным выходом было бы, если бы редакция взяла на себя труд выслать мне спешным пакетом главу о комсомоле. В таком случае, если бы я даже не сумел вырваться, что очень вероятно (я уже 11 лет не могу получить отпуска), глава у Вас через самый короткий срок получилась бы в готовом виде.

Я никакого понятия не имею, возможна ли для Вас отправка мне отдельной главы для исправления. Может быть, технически это настолько для Вас неудобно, что даже моя просьба об этом неприлична. На всякий случай я заготовлю несколько добавлений, и если не напишите мне, что я главу получить не могу, а поехать мне тоже не удастся, что ж делать, отправлю Вам.

Договор лучше пришлите для подписи – я не очень верю, что мне удастся побывать в Москве.

Харьков, 9

Коммуна им. Дзержинского *А. Макаренко*

На почтовый ящик 309 не пишите, мы его уже не имеем.

На В/письмо от 25/IV 931 №2816.

Неизвестный Макаренко. Вып. 8/ Сост. С.С. Невская. – М., 1998, с. 33–34.

[1] Речь идет о книге-очерке А.С. Макаренко «Марш 30 года»; ее фрагменты см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2; об издании «Марша 30 года» см. там же, с. 239–240.

Это ответ А.С. Макаренко на письмо Колесниковой, где она сообщала, что редакция ГИХЛа, «принципиально принимая» его книгу, обращает внимание на следующее: ценно, что показан «сплоченный и дисциплинированный коллектив», но это «противоречит обилию полемики» в стремлении обобщить этот опыт и «сделать нормой социального воспитания вообще». Не ясна роль комсомольской организации, не видно, как «стихийный материализм» беспризорных превращается в «подлинный, теоретически осмысленный материализм»

(там же, с. 35). Возможно, за основу взята рецензия, написанная педагогом.

Июль 1931 г., А.М. Горький получает из Госиздата рукопись книги-очерка А.С. Макаренко «Марш 30 года» **(по сделанному им запросу).**

Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 4. 1930–1936. – М., изд. АН СССР, 1960, с. 129.

Из письма Л.М. Салько Г.С. Салько (Макаренко) 25 августа 1931 г.

...Живу я сейчас замечательно и так же себя чувствую. Был недавно в горах пять дней. Провел время замечательно, одни скалы много значат. Приходилось так лазить, что даже сейчас трудно вспоминать. Там же ходили на охоту на медведя. Жили мы в «Халабуде», ели картошку с маслом, кукурузу, консервы, сыр, пили чай и на обратном пути яблоки, сливы, орехи, их мы рвали в садах.

А то были на Красной поляне, ездили туда на автомобиле. Об этой поездке у меня не такое хорошее воспоминание, так как меня немного укачало...

Из Сочи мы, наверное, выедем первого сентября в Одессу и будем там 10 дней. Это очень хорошо, так как я еще Одессы не видел...

Сейчас у меня острый вопрос с обувью, так как две пары балеток уже износились до того, что их уже нельзя назвать балетками, и я сейчас хожу босиком и, конечно, в таком виде далеко не пойдешь и в общественных местах не покажешься, но ничего, в Одессе должны выдать новые...

В Харьков мы приедем с целым зверинцем, так как у нас будет три медведя, из которых мы двух купили, а одного поймали в Приморском парке...

Опускула макаренкиана, №24, с. 30: Написано в Сочи, во время летнего похода коммуны.

Из письма Л.М. Салько Г.С. Салько (Макаренко), до 17 сентября 1931 г.

...В Одессе мы встретили одного немца, он разговаривал с горем пополам по-русски. Если б ты видела, как мы с ним сдружились. Перед отъездом, когда мы шли на вокзал, так он, несмотря на то, что ему надо было идти на работу, никак не мог расстаться с нами.

Опускула макаренкиана, № 24, с. 32.

27 ноября 1931 г. коммуну им. Ф.Э. Дзержинского посетил Н.М. Шверник, **тогда председатель Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов СССР (ВЦСПС).**

Запись Г.И. Петровского[1] *в Книге посетителей коммуны им. Ф.Э. Дзержинского:* «**7/I – 1932 г. был на открытии мастерских дома беспризорных им. т. Дзержинского. Мастерские хорошо оборудованы, дети в хорошем состоянии, бодрые. Руководители уверены, что они овладеют техникой производства. Соц. строительство имеет еще**

одну позицию в перевоспитании молодого поколения и в выполнении промфинплана. Через год нужно еще наведаться. – Г. Петровский».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 3, ед. хр. 103. Запись сделана в связи с торжественным запуском в этот день оборудования на коммунарском заводе электросверл. Этот завод – первенец отечественного точного машиностроения.

[1] *Петровский Г.И.* **– тогда Председатель ВУЦИКа, предс. Центральной комиссии помощи детям Украины.**

9 января 1932 г.: общее собрание коммунаров, рабочих и служащих, педагогов, инженерно-технического персонала **коммуны им. Ф.Э. Дзержинского в связи с проводами (переводом на другую работу)** *П.О. Барбарова*[1]**, зам. нач. коммуны, ее политрука. Предс. собрания** *С.А. Дидоренко*[2]**, секретарь** *Иткин,* **секретарь комсомольской ячейки коммуны.**

Выступили: секретарь совета командиров *С. Швед*[3] **(«Везде – в цехе, отряде, совете командиров, в каждом из нас – дзержинце чувствовалось большевистское руководство Петра Осиповича»; сообщает о присвоении ему общим собранием коммунаров звания «почетный коммунар-дзержинец»);** *А.С. Макаренко* **(говорит об участии П.О. Барбарова в руководстве всеми делами коммуны);** *Иткин* **(он оставляет нам комсомольскую ячейку из 150 чел. и организованную им партячейку);** *Т.Д. Татаринов* **(он разбирался во всех вопросах жизни коммуны, это пример доброго друга, товарища, культурного человека). Его заслуги отметили** *С.Б. Коган, Филатов* **(рабочий, член профкома коммуны), инженер** *Бегельфер* **и др.**

П.О. Барбаров **сказал о задачах на производстве (овладение технологическим процессом, организация поточного производства, борьба за качество продукции), в идейно-политической работе, в перестройке работы рабфака («в духе решений ЦК партии»), в воспитании нового пополнения коммунаров.**

По поручению общего собрания, совета командиров и бюро ЛКСМ ему вручен приветственный адрес, с подписями более 100 чел.: Токаренко В., Харламовой, Веховой, Сычева, Мельника, Векслера, Дорошенко, Сторчаковой, Бобиной, Джуринской, Лазаревой, Клямера, Ткачук, Яновского, П. Куслия, Явлинского, Татаринова, А.С. Макаренко и др.

Личный архив А.А. Фролова, получено от П.О. Барбарова.

[1] *Барбаров П.О.* **– как политрук коммуны, ее «зам. заведующего» с сент. 1929 г. В «Марше 30 года» Варваров, «молодой и кучерявый».**

[2] *Дидоренко С.А.* **– зав. хозяйством коммуны с января 1931 г.**

[3] *Швед С.* **– секретарь совета командиров коммуны с окт. 1931 г. по май 1932 г.**

Статья «Дзержинцы» в газ. «Коммунист», 10 января 1932 г., **г. Харьков, автор – Журахович. О торжественном пуске завода электросверл в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского (укр. яз.).**

«...Один американец записал свои впечатления: «Тут нет и тени благотворительности». В этом нет какого-то принижения, нет воспитания раба, лакея. Коммуне помогает государство, шефы-чекисты, они – источник заботы и большевистской чуткости.

Но и государство, и шефы выдвигают требование: «Программу завода вы должны выполнять, мы вам для этого дали наилучшие машины, ждем результатов» – сказал Григорий Иванович [Петровский].

15-летний Феликс Куслий зарабатывает подрядно 100–130 руб... Новый завод коммуны может выпускать в 1932 г. 7 тысяч электросверл, на 3,5 млн. рублей».

В этом году 35 коммунаров окончат рабфак. Ж. Звягин хочет стать чекистом, он член совета командиров.

«Мы учимся чекистской большевистской дисциплине», – говорит предс. совета командиров, коммунар Швед, – их преданности партии, их уверенности в победе».

Старый большевик тов. Шелгунов[1] рассказывал коммунарам о своей деятельности в партии».

[1] *Шелгунов В.А.* **– один из старейших участников социал-демократического движения в России, член Коммунистической партии с 1898 г. С 1924 г. персональный пенсионер.**

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 12–13 марта 1932 г., Москва.

...Доехали мы совершенно благополучно, по какому-то неведомому и чудодейственному случаю получили комнату в гостинице «Маяк» и сейчас наслаждаемся жизнью.

Собственно, конечно, жизнью наслаждаюсь только я, Антон, как следовало ожидать, сегодня с утра засел за правку «Марша 30 года». С редактурой ему удалось договориться довольно благополучно...

Добыли уже билеты в театр, завтра идем во 2-й МХАТ на «Петра I».

У Антона очень рабочее настроение, и он уверяет, что писать книгу – для него удовольствие и отдых.

Письмо начато 12, а сегодня уже 13-ое, вчера приходил тот киносценарист, что был в Харькове у Антона, просидел весь вечер и не дал окончить письма.

Опускула макаренкиана, № 24, с. 33.

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 18 марта 1932 г.

...Получили мы от Соломона Борисовича [Когана] письмо, в нем всякие там коммунарские новости. Они нас, конечно, не смущают.

Если Антону придется бросить коммуну, тем лучше, значит переедем в Москву, вот и все, что нас «встраивает», ведь правда!

Мы живем так: днем Антон пишет книгу, а я правила «Горьковцев»[1], надо немножко подсократить, а вечером ходим в театры...

Литературные дела Тосины идут очень хорошо: в ГИХЛе[2] у него покупают обе книжки, ещё даже в незаконченном виде[3]. Тут Антон задумал писать пьесу под впечатлением театров, пьесу, конечно, из коммунарской жизни[4]. Я эту идею очень поддерживаю, это было бы очень интересно и ново.

Опускула макаренкиана, №24, с. 34.

[1] Одно из предварительных названий «Педагогической поэмы».

[2] Гос. изд-во художественной литературы.

[3] Говорится о «Марше 30 года» и «ФД-1».

[4] Пьесу «Мажор» См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 149–165.

18 марта 1932 г. корреспондент газеты «Правда» Г. Рыклин **записал в Книге отзывов посетителей коммуны им Ф.Э. Дзержинского: «Трудно, товарищи, сразу сформулировать свои впечатления. Они так велики. Делается здесь у вас большое дело. Когда-нибудь крупный художник опишет вашу коммуну. И это будет ярким документом о нашей великой эпохе...»**

Морозова Н.А., А.С. Макаренко. Семинарий. 2-е изд. – Л., 1961, с. 105.

Фрагмент книги-очерка «ФД-1» (по авторской машинописи)

Переросток[1] спутывает весь педагогический пасьянс.

В борьбе с беспризорностью нужно приходить на помощь и младшим, и старшим, все они одинаково нуждаются в нашей работе, всех нужно учить грамоте, всем нужно дать советское воспитание. Мы и усаживали их в первые, вторые, третьи и четвертые группы[2]. Здесь мы их учили двум родным языкам – украинскому и русскому, арифметике, политграмоте. Кое-как обходили Сциллы и Харибды комплексной скуки, кое-как старались делать вид, что наша учеба связана с производством и с общественно полезным трудом[3], но втихомолку нажимами на грамотность и умение считать.

В официальном порядке от нас требовалось изображать на больших листах в десятках колонок и подразделений взаимную связь совершенно несвязываемых вещей, мы и это делали. Нас много ругали за то, что некоторые колонки зияли пропусками и умолчаниями. Мы терпеливо искали способы увязки истории II Интернационала с умножением простых дробей, устройством желудка с глагольными формами.

Иногда даже у нас выходили интересные для будущего историка формулы, но в практической работе мы старались быть гораздо скромнее. К подобной скромности нас побуждали не только наши скромные комбинаторские способности, но еще и интересы наших воспитанников.

Коммунары подходили к пятой, шестой группе в 17–18 лет…...

Наш рабфак[4] был естественным продуктом всей нашей работы и всей нашей жизни. И так же точно, как никто не может остановить рост усов у юноши 18 лет, так никакая

сила не могла остановить наше развитие в рабфаке осенью 30-го года – никакая сила в Советском Союзе, ибо у нас в Союзе таких сил даже по каталогу не имеется.

Решающим обстоятельством в этом деле явилось то, что мы были совершенно независимы в финансовом отношении. Коммуна не жила на [бюджетной финансовой] смете, мы ниоткуда не получали денежной помощи и ни от кого ее не ожидали.

Первым творческим актом нашей свободы был рабфак, дело важности ни с чем не сравнимое, дававшее нам неизмеримые запасы энергии, открывающее совершенно невиданные горизонты.

Но вот что удивительно: когда мы рабфак открывали, мы не чувствовали никакого напряжения…...

Рабфак – это дорогая вещь, за него нужно платить деньгами, следовательно, нашими нервами, мускулами, нашей работой.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 16, лл. 42 об., 43 об. Книгу «ФД-1», с другими фрагментами, данными по авторской машинописи, см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2. Данный выше фрагмент показывает роль школы, общего образования в общей истории педагогического опыта А.С. Макаренко, в его системе педагогики.

[1] Подросток, ставший по возрасту старше, чем предполагается в школьном образовании.

[2] Школьными группами назывались в 1920-х гг. учебные классы.

[3] Говорится о комплексной системе обучения, принятой в советской школе (преимущественно «I ступени») в 1923–1931 гг. Предусматривала по существу механическую связь обучения с трудом, жизненной практикой. В макаренковской колонии, коммуне применялась с осени 1922 до лета 1929 гг. См. «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 65–73).

[4] Вечерний рабфак при коммуне им. Ф.Э. Дзержинского Харьковского машиностроительного института (рабфак открыт по постановлению НКП и ВСНХ Украины, на 70 чел.). Рабфаки (рабочие факультеты) действовали в стране в 1919–сер. 1930 гг. при вузах, на базе образования в объеме начальной школы (I ступени 9-летки); обучение в течение 3–4 лет, давали право поступления в вуз определенного профиля. Начальная школа в коммуне стала действовать как группы подготовки к рабфаку.

В колонии им. М. Горького первая группа по подготовке к рабфаку оформилась летом 1923 г.; успешное поступление на рабфаки началось в 1924 г.

Выписка из трудового списка. Второй раздел. Данные о прохождении службы

Дата	Факт	Основание
1905 IX I	Учитель Крюковского ж.д. училища юж. дор.	Удостоверение Управления Юж. дорог №151428 от 16/X 1918
1911 IX 25	Переведен учителем Долинской жел. дорож. школы	Удостоверение Управления Юж. дорог №151428 от 16/X 1918
1914 X 4	Студент Полтавского учительского института	Аттестат института №685
1917 VI 15	Окончил институт	Аттестат института №685
1917 VI 15	Инспектор высшего начального училища на ст. Крюков Юж. дор.	
1919 VIII I	Перешел на должность зав. начальной школой в Полтаве	Предложение Полтавской гор. управы №202
1920 IX 3	Переведен на должность заведующего колонией им. Горького	Справка Наркомпроса №1662
1927 VIII 5	Заведующий дет/учреждениями интернатного типа Харьковского округа	Приказ Харьковского окроно №337, §2
1927 VIII 20	Заведующий домами рабочих подростков	Приказ окроно №351, §2
1928 II 21	Уволен с должности зав. дет. учреждениями и руководителя домами рабочих подростков	Приказ окроно № б 381
1927 X 20	Назначен зав. коммуной им. Ф.Э. Дзержинского ГПУ УССР	
1929 IX 3	Уволен с должности зав. колонией им. Горького	Справка Наркомпроса №1662
1932 IV 15	Назначен начальником пед. части коммуны им. Ф.Э. Дзержинского	

Зам. секретаря окроно /подпись/
Делопроизводитель /подпись/
Печать: Харьковская окружная инспектура Наробраза УССР

Личный архив А.А. Фролова, источник не обозначен. Документ составлен в связи с реконструкцией всего аппарата управления коммуной им. Ф.Э. Дзержинского. А.С. Макаренко отстранен от управления коммунарским производством. Подрывается основа его системы воспитания.

Письмо сектора отдела кадров Крымской АССР, 6 авг. 1932 г.: **Харьков, колония Дзержинского. Тов. Макаренко А.С. Сектор кадров НКПроса Кр. АССР приглашает Вас на работу в качестве зав. орг. учебной части вновь организуемой трудовой колонии в Тавеле. Приглашаетесь по согласованию с зав. оперативной частью милиции т. Аничкиным. Оклад жалования 400 рублей. Дорогу оплачиваем согласно труддоговора. Зав. сект. кадров НКПр. АССР (подпись)**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 360, л. 6.

Из письма М.М. Букшпана И.П. Судакову, 20 августа 1932 г.

Дорогой тов. Судаков![1]

Твое письмо на имя т. Броневого[2] им тщательно разобрано и дополнено сделанной мной ему информацией, приняты следующие ре-

шения:

Констатируется общий сдвиг во всей хозяйственно-строительной работе коммуны...

В отношении необходимых материалов Броневым даны три телеграммы (в Днепропетровск, Винницу и Запорожье) с предложением о результатах сообщить в Одессу. Ты со своей стороны также информируй о ходе поступления материалов...

Достройку *ЛИТЕЙНОГО* цеха начать *ОБЯЗАТЕЛЬНО* и *НЕМЕДЛЕННО*, сдав эту работу стройорганизациям...

Дети чекистов будут работать в 3-й смене (две смены коммунаров) и таким образом заполнят недочет в рабочей силе. Нужно только связать это с занятиями на рабфаке. Необходимо немедленно объявить набор путем подачи заявлений, в возрасте 13–17 лет детей и иждивенцев чекистов и комсостава войск, расположенных в Харькове. Оговорить, что жильем этот набор *НЕ ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ*. Через профком приступи к объявлению набора. Итоги по приезде нашем (вашем) в Харьков...

Тебе необходимо урвать денег и съездить в Бердянск[3], познакомиться с коммунарами, поговорить с народом.

Между прочим: Макаренко хочет уходить. Сейчас его отпускать нельзя. Надо подобрать соответствующую замену, нужно тебе освоиться. Пока нужно создать ему максимум условий для работы, и если он будет очень настаивать, – отпустить.

Ждем дополнительной информации в Одессу не позднее 26-го или 27-го.

***ПРИВЕТ*, по поручению Ал. Осиповича Броневого и от себя.**

БУКШПАН

ОДЕССА 20/VIII – 1932 Г.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед .хр. 396, лл. 1–2, с об.

[1] *Судаков И.П.* **– тогда сотрудник ГПУ УССР, член совета коммуны им. Ф.Э. Дзержинского со времени ее основания; с 15 апр. 1932 г. и.о. начальника коммуны; начальник коммуны с авг. 1932 г. до лета 1933 г.**

[2] *Броневой А.О.* **– тогда сотрудник ГПУ УССР, член правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского с марта 1932 г.; с сент. председатель. В «ФД-1» Крейцер. Переведен в Киев летом 1934 г. Более подробно см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 326–328.**

[3] **В летний лагерь коммуны, где она находилась во время отпуска.**

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 22 августа 1932 г.

...О коммуне я мало что могу написать. Новый начальник Судаков бегает по двору, навел некоторые порядки, но ещё далеко не все

благополучно, но здесь, правду говоря, и работы много...

По письмам Антона, он как будто спокоен и не нервничает, но твердо пишет, что уйдет, а боюсь, не пустят. Коган мне передавал, что Букшпан об этом и слушать не хочет; а между тем Антону уходить надо, на мой взгляд, обязательно.

Опускула макаренкиана, №24, с. 36–38. Адресовано в Бердянск.

Подготовительные материалы к «Педагогической поэме» (в описании)

«Узловые события», их наименования. Далее: II – 17, II – 24, иногда со вставками (2, 3, 1), иногда зачеркнутыми, с указанием персонажей. 6 листов, 167 номеров.

Есть рубрики: Комсомольцы не пускают, Значки колонистов, Чарский в колонии, Дачники в колонии, Драма Лидочки, История Евгеньева, История Назаренко, Игра в Запорожье, История Ужинова, История Марка, Благодать диаконовская, Идиллия; «Повякай, чтобы Шере[1] пошамал, Начало оркестра, Начало кино, Иностранцы. (отнесено позднее ко 2-й части произведения).

Далее с пометами: «Марш 30 года», «Мажор».

Затем эти же «Узловые события», разнесенные по шести вертикальным графам, тут и события коммуны дзержинцев. Далее то же – по горизонтальным графам, с наименованиями глав, с №11: «Рабфаковцы» до №22: «Поезд с горьковцами». Описание переезда в Куряж.

Большая роль, поддержка – Бушанский (затем зачеркнуто, заменено: Бройтман). «Приезд Брегель[2], Бройтмана, с ними Яковлев». «Воробьев[3] в колонии». «Яковлев – профессор педагогики (Чайкин)[4]». «Бройтман победил». «Кляченко[5] – философ, сторонник опыта».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 1. Без даты. Ориентировочно: конец 1932 г. В самом начале ед. хр. №1 помечено: 6 частей.

[1] **Прототип –** *Н.Э. Фере,* **агроном колонии им. М. Горького с февр. 1924 г.**

[2] **Прототип –** *В.М. Дюшен,* **инспектор Наркомпроса УССР в конце 1920-х гг. См. А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 336.**

[3] **Прототип –** *И.А. Соколянский* **– в нач. 1920-х гг. «инспектор дефдетучреждений», член Президиума Гос. научно-методологического совета НКП УССР, педагог-дефектолог, лауреат Гос. премии 1980 г. (посмертно, совм. с Мещеряковым). См. там же, с. 337–338.**

[4] *Яковлев В.И.* **– во 2-й пол. 1920-х гг. науч. сотр. Украинского НИИ педагогики, член Научно-педагогического комитета управления социального воспитания НКП УССР. См. там же, с. 339.**

[5] *Кляченко* **(Пляченко) – см. там же, с. 341.**

ЧАСТЬ 3
1932–1934 гг.

Письмо П.П. Крючкову, 16 февраля 1933 г.

Глубокоуважаемый Петр Петрович.

Я в один день получил и письмо Алексея Максимовича, и Вашу телеграмму. К сожалению, не мог сразу ответить телеграммой Вам, так как внимание Алексея Максимовича и его помощь застали меня совершенно неподготовленным.

В Вашей телеграмме упоминается о Гаграх, там, очевидно, имеется что-то такое, о чем хорошо известно Вам, но о чем я не имею никакого представления. Алексей Максимович о Гаграх ничего мне не написал, он говорит только, что нужно ехать в теплые края отдохнуть и написать книгу о моей работе.

Я позволю себе затруднить Вас немного длинным письмом, чтобы выяснить некоторые части.

Чтобы написать книгу о педагогической работе, нужно все-таки порядочно времени, я так думаю, что месяца три-четыре и то, если работать усиленно.

Очевидно, я должен написать не простой очерк, а изложение основ методики работы в детском коллективе. Такая книга может иметь цену только в том случае, если она будет представлять серьезный анализ довольно сложного дела, имеющего до сих пор много спорных мест и проблем. Тем более мне хотелось бы представить серьезный труд, что он возбуждается к жизни инициативой Алексея Максимовича. Вы понимаете, что я должен представить ценную работу, чтобы оправдать совершенно исключительное отношение ко мне Алексея Максимовича.

По этим причинам я не могу сколько-нибудь легкомысленно относится к задаче.

К сожалению, я не свободный художник, я работаю в трудовой коммуне имени Дзержинского и уехать на такое долгое время для меня не так легко, во-первых, потому что меня так просто не отпустят, во-вторых, и потому, что и сам не могу бросить дело, не обеспечив правильное его протекание на время моего отсутствия.

Мои шефы склонны обеспечить мою работу над книгой и представить мне больше свободного времени хотя бы и на полгода, с тем, однако, чтобы я долго не отрывался от коммуны и мог участвовать в ее работе, хотя бы редким присутствием. Впрочем, в этом вопросе возможности довольно широки.

Кроме того, еще одно осложнения – я женат, и не хотелось бы разлучаться с женой по разным специальным соображениям.

Наконец, я не знаю, что такое Гагры, можно ли там работать, найду ли я в Гагарах нужные мне книги, вообще о Гаграх я ничего не знаю. Не знаю и размера денежной помощи Алексея Максимовича и поэтому никакого конкретного права сейчас наметить не могу, а значит, не могу определенного говорить с моим начальством.

Я думаю, что спешить особенно и не нужно, я успею приготовить коммуну к моему отъезду, успею подобрать кое-какую литературу и успею выяснить, куда мне лучше всего ехать.

Я очень благодарен Вам, что Вы не поспешили с переводом денег, на днях будет наш агент в Москве и может их у Вас получить. Если же Вы находите, что лучше всего мне лично приехать к Вам и посоветоваться, будьте добры, напишите мне об этом.

Я хотел бы надеяться, что Вы вообще не откажите написать мне несколько слов по затронутым трудностям или поручите кому-либо написать.

С тов. приветом

А. Макаренко

16 / II 1933
Харьков, 54
Коммуна им. Дзержинского ГПУ УССР
Антону Семеновичу Макаренко.

Неизвестный Макаренко. Вып. 8/ Сост. С.С. Невская, – М., 1998, с. 38–39. Письмо А.М. Горького П.П. Крючкову *23 янв.* **и А.С. Макаренко** *30 янв.* **см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания...**

Часть 3, с. 74. Настойчивые советы А.М. Горького побудили А.С. Макаренко «стать писателем», подвигли к написанию «Педагогической поэмы».

Телеграмма П.П. Крючкову, 17 февраля 1933 г.

Спасибо плохо представляю какой длительности поездка какие возможности чтобы написать книгу что такое Гагры нужно хлопотать отпуск приготовить коммуну деньги выслать не спешите послано письмо – Макаренко.

Неизвестный Макаренко. Выпуск 8. – М., 1998, с. 39. Датировано по содержанию.

Письмо П.П. Крючкову, 7 марта 1933 г.

Глубокоуважаемый Петр Петрович!

Я очень обескуражен Вашим молчанием. Послал Вам письмо и телеграмму с несколькими недоуменными вопросами, Почему Вы не отвечаете, не показалось ли Вам что-нибудь обидным? Вы должны отнестись ко мне снисходительно. Ведь я провинциал, а кроме того, слишком много на меня навалено работы – самой обыкновенной, простой, черной работы. Выбраться из-под этой груды не так легко.

Я сейчас только и делаю, что мечтаю об отдыхе и работе над книгой. Но, к моему настоящему горю, я совершенно не представляю себе, как это все делается. Вообразите себе человека, который в течение 13 лет не бывал в отпуске, не имел выходных дней, не видел ни санатория, ни дома отдыха.

Я и хотел бы поговорить с Вами, как все это сделать лучше, так чтобы можно было написать книгу. Для Вас писать обо всем этом, конечно, трудно и (далее слово написано неразборчиво – А.Ф.) «с какой стати». Я только хотел бы получить от Вас несколько направляющих указаний:

1. На какой срок я должен взять отпуск.
2. Обязательно ли Гагры и что такое есть в Гаграх.

Без этого совершенно невозможно серьезно говорить с моим начальством – Вы же знаете, какое оно у меня строгое. Я могу и приехать к Вам, но мне хочется перед этим иметь от Вас хотя бы короткую записку.

Буду очень благодарен, если Вы напишите несколько строк.

Привет *А. Макаренко*.

Харьков, 54

Коммуна им. Дзержинского ГПУ УССР.

Неизвестный А.С. Макаренко. Вып. 8. – М., 1998, с. 40.

Весной 1933 г. А.С. Макаренко подал в Наркомпрос УССР докладную записку об организации им средней школы. **Проект предусматривал: школа интернатного типа для детей, имеющих родителей; обычная учебная программа 10-летней школы; мастерские производственного типа; школьная форма (повседневная и «парадная») и др.**

Нежинский Н.П. А.С. Макаренко и педагогика школы. – Киев, 1976, с. 205. Эти сведения автор книги получил от Р.К. Барун, «бывш. руководителя методического сектора Наркомпроса УССР».

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 19 августа 1933 г.

...Попроси Антона, пусть купит себе пальто осеннее, а то он без пальто поедет в Москву. Итак, мы в Москве. Это дело решенное – раз уже ты там[1], там и мы. Молодец. Лева...

Опускула макаренкиана, №24, с. 40. Написано в Теберде.

[1] Салько Л.М. сдал вступительные экзамены, поступил в Московский авиационный институт.

Опускула макаренкиана, №24, с. 40.

Телеграмма П.П. Крючкову, 31 августа 1933 г.

Приеду третьего – Макаренко

Неизвестный Макаренко. Вып. 8, с. 40. Дата ориентировочная. А.С. Макаренко получил 2-месячный отпуск, приехал в Москву 8 сентября.

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 9 сентября 1933 г.

...Антон в Москве[1], я очень рада, что он вырвался из коммуны, уговори его отдохнуть...

Походи с Антоном в театры, ведь он так любит театр, да и ты посмотришь. Страшно хочу в Москву. Я прямо из Теберды – в Москву.

Опускула макаренкиана, №24, с. 41.

[1] А.С. Макаренко был в Москве 3 недели, завершал работу над первой частью «Педагогической поэмы», чтобы передать ее А.М. Горькому.

10 сент. А.С. Макаренко встретился с П.П. Крючковым. 21 сентября появилось название «Педагогическая поэма». В этот день состоялась встреча с А.М. Горьким; ему передана рукопись «Поэмы» (первой ее части): **6 глав «начисто», остальные «в черновом виде».** *26 сентября* **– письмо А.М. Горького, с хорошим отзывом, «рукопись нужно издавать». (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 121–137). Тогда же А.С. Макаренко начал работу над пьесой** *«Ньютоновы кольца»* **(там же, с. 126, 134):**

План работы совета командиров коммуны[1], клуба, школьного комбината: 30 сент.–29 окт. 1933 г. **Секретарь СК Гапеев. Заседания СК примерно через 3 дня, по 1–3 вопросам. Предусмотрено: доклады отдельных командиров отрядов, о работе среди девочек, пионерработе (содокладчик Ткачук), о подготовке к празднику Октября, отчеты хо-**

зяйственной комиссии, о работе сберкассы, отчет обследовательной бригады по выпускникам, доклад В.Н. Терского о клубных кружках, отчет редколлегии газеты «Дзержинец». Отмечается 15 отрядов.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 401.

[1] До этого обычно совет командиров не составлял плана своей работы, будучи органом оперативного руководства.

Письмо Л.М. Салько, 11 ноября 1933 г.

Харьков, 11 ноября, 1933.

Дорогой Лева!

Твое письмо от 5-го получили вчера. Очень рады, что твои дела улучшаются. Замечательно было бы, если бы еще устроилось дело с комнатой Глеба[1]. Тогда можно было бы ее хорошо оборудовать и жить по-человечески, уговорить какую-нибудь старушенцию, чтобы убирала, ходила на базар, кое-что готовила из пищи. Вообще, это было бы во всех отношениях счастливое дело, мы только боимся с Галей, сумеет ли его [!] Глебка устроить. Зато, если сумеет, его живым нужно взять на небо.

Твоему горю с опрокинутой тушью искренне посочувствуем.

Политэкономию и что найду по военному делу высылаю завтра.

Доехали мы удачно во всех отношениях, и сейчас дома все хорошо. Все здоровы и в прекрасном настроении. С пищей у нас хорошо, выдали хороший праздничный паек, а кроме того мне назначили «академический» – получил его, действительно, мировой. Так что, если ты приедешь, будешь откормлен по последнему слову техники.

В коммуне все понемножку налаживается. Немного приодели ребят, стало чище. На днях выселяю из главного здания Тепера[2] со всей его канцелярией и думаю завести головокружительную дисциплину. Сейчас с дисциплиной неладно, много новеньких, ходят грязные, вшивые, крадут походя, старшие тоже разболтались, привыкли к грязи. Терентьев и Бочинский 8-го напились пьяные, пришлось выгнать[3]. На пятом курсе собралось «окончивших» 23 человека, стараются, но ты им не завидуй, жаль, что у них пропадает год. Учебу все бросили, остались в вузах только Клюшник, Борисов, Никитин, Зотов, Иванов, Соколов, Сторчакова. Сегодня избрали ССК[4] твоего приятеля Разумовского, Гапеев не справился.

Галя собиралась ехать в Москву 20 ноября, но сегодня мы решили с нею, что подождем выяснения вопроса с Глебкиной комнатой. Тогда нужно будет поехать ликвидировать это холостяцкое гнездо и устроить хорошую студенческую комнату. Глебке я сейчас пишу письмо и о комнате, между прочим.

Будь здоров. Крепко жму руку. Пиши.

А. Макаренко.

P.S. Бабушка процветает, кланяется тебе. Собирается организовать пир, когда приедешь. Галя тебе пишет.

Опускула макаренкиана, №24, с. 44–45.

[1] *Васильев Г.М.,* **двоюродный брат Г.С. Салько; у него А.С. и Г.С. Макаренко останавливались, когда были в Москве.**

[2] *Тепер И.Я.,* **зам. начальника коммуны весной–летом 1933 г.; с августа 1933 г. начальник коммуны.**

[3] О состоянии дисциплины в коммуне осенью 1933 г. см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 129–130, 145–147, 174–177.

[4] Секретарь совета командиров коммуны.

Письмо Л.М. Салько, 26 ноября 1933 г.

26 ноября 1933

Дорогой Лева!

У меня такое впечатление, как будто я был в Москве в XIX веке, так загрузила меня коммуна. В этой каторге нельзя работать меньше или больше, можно работать только до отказа, и работа большей частью – «дурная». Однако, как показал уже опыт, и вырваться отсюда дело не такое простое. Техника этой операции для меня, собственно говоря, всегда была понятна: надо иметь много денег. А мы их, говоря по совести, копить не умеем.

Я, впрочем, не горюю. Здесь не так уж и плохо. Очевидно, эта канитель для чего-нибудь нужна или время еще не пришло. Если суждено нам перебраться в Москву, так судьба сама покажет, когда это сделать лучше всего.

В коммуне все по-прежнему. 5-й курс занимается во все лопатки.

Вчера получил письмо от Конисевича. В общем, он уже готов, спрашивает, бросать ему Институт или еще подержаться.

Готовимся к годовщине, но в коммуне нет денег, поэтому вся подготовка обращается в сплошное издевательство. Вообще коммунаров запустили, двадцать раз дошивали и переделывали эти мильтонские[1] пальто, а сейчас в город выйти не в чем. Вообще коммуна стала маловыразительным учреждением.

Писать пока ни к чему не приступил – некогда. Пьесу сдал в русский театр[2], но едва ли она пойдет – сырая вещь во всех отношениях, в таких темпах писать нельзя.

Страшно хорошо, что у тебя ладится дело. Не сдавай. Все-таки год в выигрыше. Ну, а если не выйдет, не падай духом!

Будь весел.

А.М.

Опускула макаренкиана, №24/ Сост. С. Невская, Г. Хиллиг. – Марбург, 2001, с.46.

[1] Пальто, сшитые из материала для милицейской формы.

[2] Харьковский Театр русской драмы. Говорится о пьесе «Мажор».

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 19 декабря 1933 г.

...Антон приедет в Москву в конце января.

Антон сейчас в Харькове в большом почете.

Мода на него так велика, что даже будут переводить «Марш 30 года» на украинский...[1]

Опускула макаренкиана, №24/ Сост. С. Невская, Г. Хиллиг. – Марбург, 2001, с. 49.

[1] Это издание, вероятно, не состоялось.

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 27 декабря 1933 г.

...Всегда помни, что у тебя есть два друга – надежные верные друзья: я и Тося. Тося недавно говорил, что когда он смотрит на тебя или о тебе думает, он никогда не вспоминает, что у тебя есть другой отец. «Я считаю его своим сыном – мальчиком и на моей заботе».

«Разве я ему не отец», – спросил меня Антон.

Я сказала: «Конечно, больше, чем отец». И ведь это правда!...

Опускула макаренкиана, №24, с. 51.

Фрагмент тезисов об учебной работе

…...3. Нельзя недооценивать значения внешности в письменных работах. Значение хорошего почерка не только эстетическое, но и грамматическое. Плохой, неряшливый почерк сводит почти на нет зрительные импульсы в деле правильного письма, уменьшает удовлетворение ученика от собственной работы и, следовательно, уменьшает его требования к ней.

Красиво и аккуратно писать дети должны уже в первом классе. Это очень нетрудное дело…... Разумеется, сам учитель должен прежде всего упорядочить свой почерк[1].

4. Наши школьники очень мало заучивают наизусть. Необходимо в несколько раз увеличить число стихотворений, басен и прозаических отрывков…...

Личный архив А.А. Фролова, без указания на источник. Ориентировочно: 1933–1934 гг.

[1] А.С. Макаренко имел 3 почерка: для делового письма, скоропись (с наклоном), для заметок.

Сведения о хозяйственном состоянии коммуны им. Дзержинского.

Баланс коммуны на 1/1 – 1934 года – 11,018 тыс. руб., из них:

В производственной деятельности – 8,625 тыс. руб.,

В учебно-воспитательной – 2,393 тыс. руб.

Имущества коммуна имела на то число на 6,774 тыс., которое на 73,7% покрывалось собственными средствами. Кроме того, коммуна имела 2,543 тыс. руб. оборотных средств.

Всего собственных средств коммуна имела 6,940 тыс. руб. Средства эти накоплены из прибылей за 6 лет существования.

Начала коммуна свое существование с имуществом в 69 тыс. рублей.

Расходы по производству за год на 1/1 1934 г. выразилось в 2,456 тыс. руб., из них фонд зарплаты 1,194 тыс. рублей.

Расходы по учебно-воспитательной части за тот же год были 964 тыс. руб., что при 370 коммунарах дает на каждого 2 600 руб. в год. Сюда входят учебные расходы, питание, одежда, общежитие и пр.

Расходы на питание и одежду коммунары оплачивали из своей зарплаты по хозрасчету. Маленьким коммунарам давалась дотация с таким расчетом, что у них оставались деньги на личные расходы. Общая сумма дотации на год выразилась в 53 тыс. рублей. На конец года коммунары имели 64 тыс. руб. сбережений (т.е. в среднем по 173 рубля на человека – А.Ф.).

Производство, помимо покрытия расходов по учебно-воспитательной части, выделило ей основные и оборотные средства – 1,543 тыс. рублей.

Себестоимость выпущенной продукции составила 2,377 тыс. рублей, куда вошло 1,413 тыс. рублей собственно производственных расходов и 964 тыс. рублей по учебно-воспитательной части.

Чистая прибыль за год достигла 3,136 тыс. рублей. В следующем 1934 г. прибыль должна была составить 4,500 тыс. рублей.

Прибыль в основном шла на капиталовложения – на новое промышленное и жилое строительство и на приобретение промышленного оборудования.

Общий оборот по всем счетам баланса дал за год 60,062 тыс. рублей.

Число вольнонаемных рабочих было 114 человек при 370 коммунарах, в основном инструкторы, рабочие литейного цеха, слесари по ремонту оборудования и рабочие фотозавода в его пусковой период.

Начальник финансовой части

Коммуны им. Ф.Э. Дзержинского – *Кононенко К.С.*

Письмо Л.М. Салько, 17 января 1934 г.

Дорогой Лева!

Напиши точно, когда ты собираешься выезжать из Москвы. Я думаю к этому дню побыть два дня в Москве, чтобы вместе с тобой выехать сюда.

Праздник наш[1], кажется, переносится на 5 февраля, вообще на первые числа, сейчас все штурмуем по обыкновению.

Не видел ли ты в продаже 3-го альманаха «Год шестнадцатый»[2], уже пора ему выйти.

Передай Файнергольцу[3], что ему высылается небольшая посылка по постановлению совета командиров. Назначена ему также помощь в 60 рублей в месяц.

Деньги ему на днях высылаю.

На Глебкино имя я выслал для тебя телеграфом двести рублей.

Есть ли у тебя деньги? Почему ты об этом ничего не пишешь?

Привет Глебу и Кате[4],

Будь здоров и весел, желаю хороших сессий.

Твой А.

Опускула макаренкиана, №24, с. 54.

[1] **Говорится о праздновании 6-летия коммуны.**

[2] **Имеется в виду №3 альманаха «Год семнадцатый», где была опубликована первая часть «Педагогической поэмы» (М., изд-во «Советская литература»).**

[3] *Файнергольц Л.Н.,* **сокурсник Л.М. Салько, выпускник рабфака коммуны.**

[4] *Соловьева Е.* **– жена Г.И. Васильева.**

Письмо П.П. Крючкову, 2-я половина марта 1934 г.

Дорогой Петр Петрович!

Получил письмо от Алексея Максимовича[1], в котором он требует, чтобы я приступил ко второй части «Педагогической поэмы».

Как ни нагружен мой день, приступил, приходится работать ночью, боюсь за качество.

Алексей Максимович пишет еще, что нужно издавать отдельное издание и что в этом деле поможете Вы. Простите, что я причиняю Вам столько хлопот. Так как я сам не смогу выехать в Москву, то просил побывать у Вас мою жену Галину Стахиевну Салько. Может быть, она сможет быть чем-нибудь полезной в деле отдельного издания. Между прочим, я просил ее взять в редакции «Года XVII» рукопись и восстановить текст.

Я Вас очень прошу поговорить с т. Салько и рассказать ей, что нужно делать…...

Харьков, 54.

Коммуна им. Дзержинского *А.С. Макаренко.*

Неизвестный Макаренко. Вып. 8, с. 43. Фрагмент опубликован: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 216.

[1] Это письмо А.М. Горького см. там же, с. 208–209.

Письмо П.П. Крючкову, 14 апреля 1934 г.

Глубокоуважаемый Петр Петрович!

В «Советской литературе» сейчас как будто не могут подписать договор на отдельное издание «Педагогической поэмы»[1], так как кредиты второго квартала исчерпаны.

Предлагают написать «договорную записку». Мне кажется, что такая записка не накладывает на издательство никаких обязательств, в таком случае самое издание книги может быть отложено.

Между прочим, в издательстве говорят, что «Если тов. Крючков позвонит, тогда можно и договор».

Я этот вопрос не особенно связываю с деньгами. Мне нужно сейчас немного денег, чтобы покрыть расходы по перепечатыванию на машинке и по поездкам в Москву. Но хотелось бы, чтобы книжка вышла раньше, во всяком случае, раньше украинского перевода.

Если это вообще удобно и для Вас не затруднительно, я очень прошу Вас что-нибудь сделать.

Лично не могу Вас попросить об этом, – должен быть в Харькове, договор подпишет жена.

Уважающий Вас,

А. Макаренко

Апр. 14

Неизвестный Макаренко, вып. 8, с. 43.

[1] Речь идет об издании первой части «Педагогической поэмы», вышедшей в №3 альманаха «Год семнадцатый».

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 30 мая 1934 г.

...Антон работает по-старому много. С 15-го идет в отпуск до 15 июля, а с 31 июля в [летний] поход [коммуны], после похода – в отпуск и в Москву.

Опускула макаренкиана, №24, с. 56.

Письмо Л.М. Салько, 18 мая 1934 г.

Дорогой Лева!

И моих несколько слов. Все фактические вещи Галя тебе уже описала. Это, правда, что коммунаров черт разносит в разные стороны. Глебов, Зорин и Конисевич уехали в Одессу в Морской техникум. Глебов, кажется, при этом спер одну лейку[1]. Редька и Скребнев идут в школу летчиков. Вчера завертелись дела вокруг командировок в школу Дзержинского и Фрунзе. В дзержинцы, впрочем, решается только один Куксов, остальные в Фрунзе: Матвеев, Гапеев и ещё кое-кто.

Не знаю, с кем пойду в поход – остаются середняки и шпана. Поход намечается прежний – Военно-грузинская [дорога], небольшая стоянка в Сухуми, Одесса, Киев.

Не знаю твоего отношения к походу. Галя говорит, что тебе лучше поехать в Кисловодск. А после Кисловодска что ты будешь делать? Мы ещё не решили вопроса, где будет Галя во время похода.

Напиши мне твои соображения об этом деле подробно.

Большое значение будет иметь вопрос о даче в Москве. Глебка пишет открытку – «ауспиции благоприятны».

Ну, будь здоров.

Твой А.

18/V 34.

Опускула макаренкиана, №27, с. 55.

[1] Фотоаппарат, изготавливаемый на заводе коммуны, лейка «ФЭД».

Из записных книжек и дневника: зарисовки, мысли (начало 1934 г.–лето 1934 г.).

425. Снова старые конфликты. К. – несколько дегенеративный мальчик, крал все время. Общее собрание, несмотря на мое сопротивление, постановило: «уволить».

Ребята предъявляют довод: опять все нужно прятать, боятся воров.

Это, конечно, имеет гораздо больше значения, чем кажется.

Но главное не это. Главное – это все тот же непонятный для всех пункт воспитания целого коллектива.

Стародевическая педагогика кричит: мальчик исправим, его нужно держать.

Логика мальчика, а не логика коллектива.

Почему у нас нет массовой логики, логики больших цифр, оптимальной логики кадров?

430…. Воры в коммуне. Главный Ж. Все «доставали» на базарах и в трамваях...… Засыпались[1], их приводили в милицию, они отдавали там деньги, а к вечеру их выпускали.

Они ходили в коммунарской форме, но им верили, что форма краденная.

431. Воспитанник С. Знал о их похождениях, на него и накинулось главным образом [общее] собрание, говорили такие речи:

– Чего ты улыбаешься, как балерина! Ты опозоренный человек. Ты должен плакать сейчас и стыдиться.

– Товарищи, что говорить о тех «сявках». Нужно говорить о Сучкевиче. Это изменник. Он продал свою коммунарскую честь мелким уличным сявкам и продал очень дешево – за конфеты и кино.

– А кто с тобой будет разговаривать в коммуне? Тебя купили за конфетные бумажки.

Вечером «комиссия пяти»[2] сидит до часу ночи. Перед нею сидит растрепанный С. Он уже не улыбается, у него заплаканные глаза.

432. На другой день Акимов идет искать Ж., чтобы отнять у него унесенное пальто. Для чисто мускульной поддержки он берет с собой Грушева. Ж. они встречают у какого-то притона и говорят ему просто:

– Снимай.

Ж. молча снимает и отдает, а Грушев молча смотрит.

---

433. 1 февраля 1934 г.

ЛИЦО. Высокий. Стройный, однообразный, как мачта. Маленькая голова. Прилизанная. Когда поет, часто подымает бледные круглые брови. Лекция проф. Ткаченко об Евгении Онегине продолжалась два часа в тихом клубе[3], но он терпеливо просидел это время в кабинете, чтобы театрально выйти перед публикой.

434. ***ВРАЛЬ.*** На заседании у Карлсона Кочубиевский[4] говорит:

«Если послать литье в Прилуки, у нас освободится двадцать токарных [станков]». А у нас всего 17. И освободится на самом деле три. А говорится исключительно для того, чтобы понравиться Карлсону, который настаивает на Прилуках.

435. ***ЛИЦО.*** Когда Кочубиевский говорил Карлсону, у него черным огнем нестерпимо горят глаза, и их огонь собирается в каком-то фокусе, как стрела, направленная на глаза Карлсона. Прямые волосы на голове вдруг электризуются и, как при сильном движении, как хвост кометы, прямыми нитями подчеркивают движение вперед, [к услугам].

436. ***ПОЗИЦИЯ.*** Он начальник производственной части, но на совещании у Карлсона он держится как приглашенный эксперт. Он весь напряжен в откровенно искусственной важности, он говорит с сдержанным сарказмом об ошибках своих помощников, он на поларшина впереди бежит перед скептическими вопросами начальства и с одобрительной, сдержанно разыгранной улыбкой провожает начальственные обвинения.

437. ***ТИП.*** Блондинистый, слабо укрепленный на земном шаре Перфильев[5] весь покрыт неуловимо свежими младенческими розовыми пятнами, в слезливых кособочащихся очках и с важными слабыми губами, неуверенным хриплым тенорком докладывает.

На него смотреть противно. Он защищает замечательное дело: новый фото-завод, который должен выпустить 6490 фотоаппаратов. У него есть только временный цех и сотня коммунаров, а за январь он выпустил только 11 штук, уверяя, что выполнил 110% плана.

Конечно, на него со всех сторон наседают с вопросами: как он рассчитывает обеспечить себя кадрами, инструментом, машинами, материалами. Он как будто виноват в том, что построил завод, а о коммунарах не подумали. И спрашивают его как раз те, которые строили, которые не подумали.

438. ***ЖЕНЩИНА.*** Пришла *Тренева*[6]. Она 7 месяцев назад просто исчезла с работы, никому ничего не сказавши.

Она сидит в комнате Левы в той же облезлой шубке. Когда-то карие ее глазки позеленели и подпираются теряющими форму и жиреющими щечками. Она, облизываясь, рассказывает Гале о своем муже. Ко мне обращается с грудным женским ахом, но я обливаю ее холодной водой:

– За удостоверением приехали?

– Что вы, Антон Семенович!

439. ***ВНЕШНОСТЬ.***

У нее большая кудрявая голова и узкие плечи.

---

447. Надо исторически рассматривает *дисциплину,* в разрезе и истории отдельных классов – рабов, крестьян, духовенства, дворянства, кулачества, буржуазии, рабочего класса.

448. Совершенно отдельно стоит вопрос о дисциплине в национальном масштабе и о дисциплине в роде, в семье, школе, рабочей и военной организации.

449. Если дисциплина выражается во внешних формах приказа и подчинения, то корни ее – в очень сложной сетке общественных отношений, морали, идеологии и, возможно,

в последнем счете – в экономике.

450. Чрезвычайно трудным представляется вопрос о дисциплинарном поведении личности.

Допускается теорема:

Личность соблюдает дисциплину, пока для нее это выгодно.

Соблазнительность такой теоремы не должна нас обмануть. Может быть, в общезаконном виде это и так, но нужно установить и некоторую поправку.

Дисциплина имеет самодовлеющую ценность, и в большинстве случаев, чтобы выбить человека из дисциплины, нужен довольно сильный толчок.

Типичный случай:

«Баче Сакао, бывший мулюк-мисир (взводный командир гвардии) сам по себе не представлял большой опасности. В прошлом он был исправный солдат, затем бравый офицер.

Но в 1926 году с ним случилась страшная история: конвоируемый им транспорт серебра был ограблен разбойниками при таких обстоятельствах, которые дали повод правительству обвинить Баче-Сакао в соучастии и предать его военному суду. Военный суд вынес приговор о смертной казни, но Баче-Сакао бежал от стражи» (В.М. Примаков. Афганистан в огне. Изд. «Красной газеты», стр. 140).

Баче-Сакао стал руководителем восстания, претендентом на престол Эмира (Хайбибула), знаменем консервативно-религиозного движения.

Случай, интересный для анализа.

Нужно отметить, что Баче-Сакао не сразу стал вождем политическим. Он еще прошел стадию разбойничества.

Нужно отметить и другое: Баче-Сакао, очевидно, и сам мастер в деле утверждения дисциплины, иначе он не мог бы быть вождем.

Этот случай из восточной практики, вероятно, не характерен для Европы.

---

451. Идем строем по Одессе[7]. Вдруг через ряды оркестра проталкивается *Левшаков*[8] и ведет под руку Козыря. В руках Козыря кларнет. Левшаков взволнован и громко говорит:

– Идем, идем.

Козырь смущенно упирается.

– Чего я пойду.

Они обходят знаменитую бригаду и теряются на тротуаре.

Случай некрасивый.

Через минуту возвращается Козырь, а за ним и Левшаков. Мы с Дидоренко спрашиваем:

– Что это за номер?

– Играет неправильно. Я ему говорю. Так нет, он играет правильно. Идем, говорю, проверим.

– Все-таки в строю делать такие вещи!

– Я мог его ударить, а не только такие вещи.

– Все-таки нужно иметь уважение к строю.

– Уважайте, если вы можете в таких случаях, а я не могу.

В этом эпизоде нужно обратить внимание на такие элементы:

1. Оба уверены в своей «правильности». Как разрешить конфликт?

2. Рефлекс дисциплины у Левшакова ведет к нарушению дисциплины им самим.

3. Может быть, для установления дисциплины в оркестре метод Левшакова даже прекрасен.

452. В классификации дисциплины.

1. Дисциплина деликатности.

2. Дисциплина напряжения.

3. Дисциплина торможения.

4. Дисциплина к своему положению.

453. ***СЛУЧАЙ.***

– Спать.

Смеются и смеются. Перестаньте! Ничего не помогает.

– Дневальный, заметь кто.

Смеются. Дневальный не замечает. Становлюсь сам на пост.

Через двадцать минут они заявляют:

– Мы смеялись. (Лагерь в Сочи)[9].

491. 3. В воспитании нужна такая же точность, как в производстве – до 1 / 100 м / м (миллимикрона). Навалка на «ребенка» со всех сторон. Это хуже «штурмовщины».

3. ***«БЮРОКРАТИЗМ»***

492. По телефону *Броневой* говорит с Бенексоном:

– Вы хотите, чтобы я вам голову поломал.

– Ну, вы знаете, вашу голову не так легко поломать.

– Из этих досок можно было построить Вавилон.

493. *Броневой.* Они устроили этот аппарат, там дальномер, так, чтобы снимать. Нужно взять логарифмическую линейку, потом взять карандаш и блокнот – минимум – письменный стол, а максимум – целую канцелярию с плановым отделом и прочее.

«по мановению жезла»

«он его допросил, арестовал и все вместе взятое» / Коган /

494. *Коган* приходит в кабинет, сидит на краю стула и ест хлеб, разрывая кусок двумя руками / отщипывая в две стороны/.

ФОТО-ЗАВОД. Считали, считали, что много аппаратов выпущено, а на самом деле ни одного.

ЦЕЛЬ – коллектив – личность

Коллектив и индивид

Эгоизм

Этика

Сопротивление коллектива

КОЛЛЕКТИВ

Педагог – техник

Органы

«Механизация»

Единоначалие

Тон

Дисциплина и наказание

ДЕНЬ И ТРУД

Заинтересованность

Зарплата

ДИАЛЕКТИКА

Продолжение коллектива

Растворение личности

Широкая педагогика

т. Владимирова. Клуб ГПУ / дочь /.

1. 500,00

2. Письмо сопроводительное к аппаратам.

3. Матусов едет. Письмо к Яхонтову о том, что рады, просим сообщать, хорошо бы поместить внизу, что снимок сделан нашим аппаратом.

4. Журавлев – в отдел главного механика для мелких ремонтов.

5. Приказ. Реорганизуется в Отдел главного строительства. Во главе Глезер. Замом Понамарев. Получение строительного кредита. Целиком и полностью на ответственность.

ОГС имеет самостоятельный баланс, отчитывается перед Строительным Отд. УССР, некот. под НК, самостоятельный текущий счет в банке.

На ОГС предложить:

1. Немедленно получить все причитающиеся фонды

2. Все фонды на снабжение

3. Установить план с окончанием к 1/IX и иметь оперативный календарный график оперативной работы.

4. Благоустройство.

Все инженеры должны представить дипломы или удостоверения об окончании ВУЗа.

---

1. Внешняя невоспитанность [взрослых]

2. Вкус
3. Отношение к коммунарам
4. Пассивность
5. Перспективность
6. Отношение к коммуне
7. Бытовая неряшливость

[Педагогическая поэма]
Врубелевская пана
«Ни одна блоха не плоха»
«Мозговая нитка из уха лезет»
Постепенно угробил Калину Ивановича
Контральто
«Педагогическая поэма»
Шершнев-Вершнев
Судьба колонистов
Как типы
Корректив

495. ***АВРУТИН***[10]**.** Сборочный цех превратился скорее в ремонтный цех. Почему-то решили, что нужно ремонтировать майскую программу, а не выпускать.

496. Дефектные детали – ежедневное явление. Брак не по вине материала.

497. Работники юстировки не хотят применять методы, рекомендованные главным инженером[11].

499. Экспериментальную мастерскую нужно оставить при техническом руководстве при…...

500. ***СЛОВО.*** Просто халатная работа. Брак не по вине объективных причин, а по вине субъективных причин.

Отдел технического контроля

Оптический цех идет впереди и механического, и сборочного цехов.

Не в станках дело. Начальник оптического цеха мне заявил, что станки ему раньше 1 июля не нужны.

Гросицкий – начальник оптического цеха, мною не был уполномочен.

Латунь ноль шесть

Латунь ноль семь

Самое главное – успокоенность начальника механического цеха и отдела контроля механического цеха, который пропускает бракованные детали.

Балджи[12]. Нельзя сказать, что в мае ничего не делалось. Май был победой фотозавода. В мае месяце мы очень много разрешили проблем.

Мало ли, что мы не выполняем плана. Есть другие причины.

По сборочному цеху вопросы планировки абсолютно неизвестны. Вопросы организации предприятий – ничего не делается?

Спрошу вас, из-за какой детали будем завтра стоять – никто не скажет. Массовое производство этого не терпит.

Какого-то винтика нет.

Когда выпускали тридцать аппаратов, можно было помнить, а когда пошло целыми сериями, нужно планировать.

Сделали детали, положили в коробку, заперли в тумбочку, а на сборке ее нет.

– Делал Овчинников?

– Делал.

– А где они?

– Где-то дали на перешлифовку, они себе лежат, и каши не просят.

Этот способ юстировки не годится. Построили эту собачью будку, а ничего там не вышло.

Вот надеемся, что способ расчета, который разработал Н.А., что-то даст.

Кулагин. Я совершенно не согласен, что учета нет. У нас есть по планированию целый ряд достижений по механическому цеху.

Болотин[13]. Серьезные неполадки – организация планирования. Завод из пускового периода должен стать выпускающим продукцию.

Нужно было отобрать всякие экспериментальные работы.

Алексей Иванович наш завод считает каким-то русско-балтийским заводом.

Мы должны сосредоточить в экспериментальной мастерской хорошие силы, которые не зависят от производства.

Эту деталь можно пропускать – мы подшабрили. Как бы мы аппарат не держали на цепи.

Принимать по чертежам с допусками, зажать производство мы еще не можем. Время еще не наступило.

Возгласы – Что с ним?

– Он разложился.

– Да, что-то новое.

Алексей Иванович такие штуки устраивает: списывает бракованный аппарат вторично, заметит ОТК или не заметит.

– Мы жульничеством не занимаемся.

Снимают

– Ну, он же не юстирован.

– А видите, какой снимок?

Юстировали.

– Видите, какой снимок? Надо еще юстировать.

Все наши калибры.

Наша резьба болтается на ниточке.

Обвинять и наступать легче, чем организовывать.

– Тов. Аврутину как будто все видно, однако же, нет того, чтобы спуститься вниз и протянуть по ниточке.

Мы ищем детали в тумбочках, а не в документах.

В данном вопросе, правда, я не осведомлен, но позволю сомневаться.

Горбунов[13]. Все технические вопросы разрешены. Все детали можно делать. Но вопросы планирования. Эти вопросы будут лимитироваться снабжением.

Пример. Перфильев занимается созданием аппарата для проверки объектива. Если бы он был занят производством, у него ничего не вышло бы.

Что у нас не разрешено

Поверка объектива

Вопрос увязки дальномера, объектива и камеры.

Май – начало. Целый ряд экспериментов. Микроскоп[14]. Лазили на скворечницу.

Разыгрались такие моменты – кто раньше отъюстировал.

– Я первый отъюстировал.

Парусов: с тех пор, как начали юстировать, никуда не ушли.

Глупое упорство. А он думает, что если он сосчитает, подложит, то аппарат правилен.

А для чего Лейц сделал дырку?

Нужно сломать это упорство.

Ив. М. привез, как в Ленинграде центрируют объективы. Почему у нас этот метод не подвергается проверке?

– Если он начнет делать, то к 4 утра кончит.

Если будет это ослиное упорство.

Вопрос: Где-нибудь в мире юстируют аппараты?

– Юстируют, но не снимают же.

Был сделан микроскоп, все бросили, стали [делать].

Коган. – Минуточку.

– Серебрянка, что они говорят, 6 миллиметров.

Когда мы привезли наждак сюда и заплатили бы большие деньги, они себе лежат прекраснейшим образом.

– Я заявляю, что из наших наждаков можно делать наждак 120, отмучивать или еще как.

– Плохо обстоит с фрезами 0,3. Этот фрезок на ХЭМЗ отшлифовывают из миллиметрового.

– Этот фрезок достанется.

– Нет загрузки станка, давай, Коган, на стол. У нас детали по 5 месяцев делают.

– В отношении лака 101 и 102. 40 килограмм, куда он девался?

Я не химик. Я не понимаю. Если пустить в светлый лак немножко..... он станет матовым.

– Дайте мне одного человека, этого самого Орджоникидзе, как его.

Гросицкий

Тепер хвалит снабженца.

– На таком маленьком заводе 20 таких орлов.

Коган и Лейтес сидят.

– Ну, да, так им мало орлы, так нужны еще жуки.

Тепер. Давай вам все на 100% и тогда вы выполните план.

Коган. И тогда не выполнит.

---

520. Кто это выдумал бумаги? Сидит теперь человек, и очень дельный, завален бумагами, не успевает даже их прочитать, резолюции сочинять тоже не может, а просто пишет:

– Т. Оратовскому

– Бухгалтеру

Сколько людей копошится в бумажном ворохе!

533. – Почему не поставлены в ОТК вешалки?

– Мы не имели такой установки.

548. ***СЛОВО.*** Такого приказа не существует в природе.

550. СНК ассигновал миллион рублей на «улучшение работы колонии».

Финотдельцы вокруг этого вопроса затеяли целую оргию:

– На улучшение работы колонии, а вовсе не сказано на капитальное строительство или капитальный ремонт.

– Ах, вы, Кащей Бессмертный!

– Не вносите анархии в финансовую работу! – кричат финотдельцы.

Ведь это прекрасный стержень для какой-нибудь комедии.

---

4. *«Семейное воспитание»*

732. Половинчик. Ему четырнадцать лет. На нем аккуратная черная курточка. Голова круглая, стриженная, чистое лицо и хорошей лепки глазницы, укрытые привычной будничной слезой. Он только что из больницы и хочет в колонию. У него мать занимается стиркой.

Я говорю:

– Приедешь двадцатого.

Он подпирает голову горестной рукой и так же привычно-ремесленно говорит:

– А чем я буду жить? Что я буду кушать?

– Как что? Ты же у матери?

– Разве можно кушать на пять рублей? И одеваться нужно.

– Ну, убирайся, – говорю.

Он убирается.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 237, лл. 6–11. Машинопись, подготовленная Г.С. Макаренко и, возможно, В.В. Кумариным. Записи А.С. Макаренко, сделанные (ориентировочно) с начала 1934 г. до конца этого года. Неразборчивые места отмечены отточиями. Большинство сокращений восполнены. Пояснения к указанным лицам даны А.А. Фроловым.

[1] Попались (жарг.).

[2] «Следственная комиссия» – один из органов коммунарского самоуправления. Создавалась общим собранием отдельно для каждого случая, не была постоянной.

[3] **Название читального зала, где можно было и играть в «тихие игры» – шахматы и т.д. «Громкий клуб» – зал для кино, собраний, концертов.**

[4] *Кочубиевский* **– пом. нач. коммуны по производственной части с июля 1933 г.**

[5] *Перфильев* **– нач. оптического отдела и коммунарского производства с авг. 1933 г.**

[6] *Тренева Е.П.* **– с 1 сент. 1932 г. проходила практику в коммуне дзержинцев, затем «педагог по учету», до 15 сент. 1933 г.**

[7] **Запись относится, видимо, к первой половине сентября 1931 г., когда коммуна в Одессе завершала летний поход.**

[8] *Левшаков В.Т.* **– руководитель оркестра коммуны, капельмейстер, изображен в «Марше 30 года» и «ФД-1», автор музыки марша «Дзержинец». Ноты марша: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 335; слова: А.С. Макаренко. Марш 30 года/ Сост. Г.И. Легенький. – М., 1967, с. 182–184.**

[9] **Запись относится к лету 1933 г., когда коммуна располагалась палаточным лагерем в парке г. Сочи.**

[10] *Аврутин* **– нач. планово-экономического отдела производства коммуны с авг. 1933 г.**

[11] *Горбунов Н.А.* **– глав. инженер электромеханического завода коммуны с начала его деятельности; с лета 1933 г. нач. электроинструментального отдела коммунарского производства. Данный эпизод стал важной частью сюжета макаренковской пьесы «Ньютоновы кольца». В пьесе «Мажор» П.П. Воргунов.**

[12] *Балджи* **– и.о. нач. опытного фотозавода коммуны с нач. 1934 г.**

[13] *Болотин И.М.* **– возглавлял оперативное и техническое руководство электро-инструментальным заводом коммуны. В связи с его болезнью эту обязанность с дек. 1933 г. исполнял пом. глав. инженера Силаков П.Е. В авг. 1934 г. Болотин И.М. – нач. отдела технического контроля.**

[14] **Эпизод с микроскопом – в пьесе «Ньютоновы кольца», как и ниже – эпизод с «дыркой» в корпусе фотоаппарата.**

24 июня 1934 г. – принято постановление о перемещении столицы Украинской ССР из Харькова в Киев.

Дополнительные комментария к статье А.С. Макаренко «Такова наша история» – по *газ. «Комсомолец Донбасса», 24 авг. 1934 г.* **Две стр. газеты под общим заголовком: «Нам партия дала путевку в жизнь». Материалы:**

Дзержинский о детях, Отрывки из поэмы «Дзержинец» (В. Зайцев), И всюду комсомольцы были первыми (секретарь комитета комсомола Бродский), Выросла наша организация (вожатый С. Медведев),

Их прошлое – улица, их настоящее – завод, институт (за прошлые годы коммуна выпустила 85 человек. П. Таликов – студент IV курса Харьковского электротехнического института; М. Каплуновский, М. Пивень, А. Агеев окончили рабфак и работают авиатехниками; 12 коммунаров готовятся к поступлению в вузы; 5 чел. учатся в Полтавской авиашколе; А. Захожай – инструктор шлифовального цеха; С. Мизяк, А. Гуляев, Л. Векслер, В. Чуйко – «ответственные работники на фотоаппаратуре»), был пастухом, стал квалифицированным рабочим (Редько), Расту полезным человеком (Русаков), Шура – пример многим (Андреев, об А. Захожае), Растем в труде («Дзержинец», борьба за освоение электросверлилки «ФД-5», выпуск 900 штук), Наша жизнь (Мазуренко, о распорядке дня коммуны).

Фото: Ф.Э. Дзержинский; Г. Левченко за работой; А. Чевелий – организатор и руководитель планерного кружка, премирован малокалиберной винтовкой; К. Борискина – рабфаковка, командир группы обмотчиц якорей электросверл; А. Захожай; Игра в шахматы в «тихом клубе».

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, конец августа 1934 г.

...Антон не поедет в Москву 31-го, ему приходится провести день Комсомола[1] вместе с коммуной[2].

Вся коммуна поехала в Юзовку[3] по приглашению Обкома, и отказаться было невозможно. Антон очень расстроен этой непредвиденной задержкой[4]...

Коммуна едет в Харьков 11-го, Антон поедет вместе. Говорит, что, вероятно, ему придется побыть в коммуне до 1-го октября и потом думает приехать в Светогорск. Все-таки он думает, что ему дадут годичный отпуск... Тогда поживем в Светогорске до зимы, а потом поедем в Москву.

Опускула макаренкиана, №24, с. 56–57. Адрес отправления: Коробовы хутора, возле Змиевки.

[1] Международный юношеский день (МЮД).

[2] Коммуна в это время была в летнем походе – отпуске, в лагере на реке Северный Донец под Светогорском (позднее Славяногорск), в Донбассе.

[3] Шахтерский город, позднее Сталино.

[4] Планировалось продолжение им работы над 2-й частью «Педагогической поэмы» в редакции альманаха «Год восемнадцатый» (отправлена почтой в сер. августа, начальный вариант).

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 25 сентября 1934 г.

...Антон, помнишь, преподавал у тебя русский язык в первый год твоей жизни в коммуне. Он мне сразу же сказал, что совершенно со мной не согласен, считает тебя очень способным человеком, но без

излишней самонадеянности и хвастовства, и считает, что ты хорошо пойдешь в жизни. Я совершенно согласилась с ним, когда ты последний год был в коммуне – этот самый знаменитый тридцать третий [год]. Я ясно увидела, что ты очень способный и, главное, работоспособный человек, и совершенно успокоился за твою судьбу...

Мы с Антоном едем в Ялту с первого октября.

Опускула макаренкиана, №24, с. 60–61.

23 сентября 1934 г. А.М. Горький уезжает из Москвы в Крым (Тессели).

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 30 сентября 1934 г.

...Мы никуда не уехали, но уезжаем второго числа и не в Гагры, как думали, а в Ялту. И курсовки у нас уже есть...

Мы с Антоном собираемся приехать в Москву в декабре или даже раньше... Вместо Броневого назначен над коммуной, если ты помнишь, такой Элькин. Когана ел, этот Элькин совершенно невыносим, и Антон с ним работать не будет. Тогда едем в Москву, в Глебину комнату пока, а там будет видно...

Антон здоров, но ему нужен отдых, устал он от коммуны и ее дел.

Опускула макаренкиана, № 24, с. 63.

*Ленобль Т. А.С. Макаренко и его воспитанники. О «Педагогической поэме» (ее первой части – А.Ф.)***// Молодая гвардия, 1934, №10 – одна из первых рецензий на это произведение.**

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 29 ноября 1934 г.

...Я тебе в прошлый раз писала, что о Лиле[1] напишу в следующий раз... Она здорова, все благополучно, но дело тут идет о ее дальнейшей судьбе. Конечно, ее надо взять к себе, но я немного боюсь, сумею ли я наладить с ней отношения. В ее отношении к нам есть что-то немножко не совсем здоровое, конечно, это влияние матери...

Я решила взять ее после первого семестра. Попробую жить с ней, как с дочкой...

А Антон, знаешь, как говорит: «Я в это вмешиваться не буду, ты и сама прекрасно справишься...» Когда ты приедешь, Лиля будет у нас...

Как и всегда, в коммуне хорошо и благополучно. Но не обходится без чрезвычайных событий. Прокралась некоторая шпана: Терентьев, Стегний, Остриков и еще несколько новеньких, под предводительством Терентьева. Конечно, их выгнали, и Антон даже не спал ночь, оберегая их от побоев. Пацаны страшно разозлились... Приходит Антон в три часа ночи, как ни поздно он приходит, но это уже слишком.

Оказывается, Ванька Иванов, студент второго курса мединститута, имел целую шайку всякой малышни, которую он спаивал, и с по-

мощью ее обкрадывал спальни. Он скрылся, как только тех пацанов взяли на допрос... Рыжик, Сопин и прочая братия обыскали все закоулки, искали Иванова. Антон говорит, что очень боялся, как бы не было самосуда...

Вчера Ванька прислал Антону длиннющее письмо, в котором каялся в своих грехах и умолял о прощении... Антон говорит, что передаст дело в совет командиров... После получения письма, видно, Антону стало жалко его...

Ну, ты подумай, что за человек этот Иванов, черт его знает, и, главное, хитрый – никто ведь не предполагал. Все это тихо, с самым святым и добродетельным видом... Разве можно такой дряни давать высшее образование... Он тогда таких дел наделает, что небу будет жарко, особенно – доктор.

Все остальные студенты (выпускники коммуны – А.Ф.) живут благополучно, первокурсники жалуются на математику, второкурсники упорно грызут гранит науки, покряхтывают малость, но держатся совершенно твердо. Терентюк бросил машиностроительный и пошел в театральный техникум. Преподаватели говорят, что у него очень большие дарования... Дела в институте шли хорошо... Антон очень доволен...

Мы с Антоном живем хорошо. Антон ввел дежурство педагогов (учителей, преподавателей, вечернее – А.Ф.) и это его значительно разгрузило. Он написал два акта новой пьесы[2]. Выходит очень хорошо, лучше «Мажора».

Своего заместителя – *Вахранева*[3] **– очень неудачного, Антон спровадил и говорит, что так легче...**

В то время, когда я мирно кончала письмо, ко мне вбежал в комнату Иванов и стал просить меня выслушать его и дать совет. Мы долго с ним разговаривали, и, знаешь, несмотря на его слезы и слова о том, что он раскаивается и не сделает ничего дурного, я ему не поверила... Не хочется говорить Антону, что я Иванову совершенно не поверила... Он не умеет подумать в глубину, ширину и вперед.

Оказывается, с ним решили так поступить: он остается в институте с институтской стипендией в 80 руб., но его лишают коммунарской стипендии в 70 руб., и он должен уйти с коммунарской территории...

Антону предлагают квартиру в городе, а я не знаю, как быть. Все-таки думаю переехать в город... Антон говорит: «Если в Москве будет квартира, меня никто и на веревке не удержит».

Опускула макаренкиана, №24, с. 66–68.

[1] *Макаренко Л.В.,* **дочь** *В.С. Макаренко,* **младшего брата А.С. Макаренко, эмигранта. См. о нем Именные указатели в Частях 2, 4.**

[2] **Пьеса «Ньютоновы кольца».**

[3] *Вахранев (Вахрамеев) Ф.К.* **был назначен пом. нач. педчасти коммуны 2 июня 1934 г., уволен в тарифный отпуск до 15 ноября 1934 г.**

Исправление. **Пьесу «Ньютоновы кольца» переставить, дать после «Выступления на педсовете коммуны 9 дек. 1934 г.».**

Из писем Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 18 декабря 1934 г.

...Антон дал клятву, что поедет в Москву после 1 января. Трудно сказать, исполнит ли он свою клятву... Дело в том, что до сих пор он не получил из Москвы никаких извещений, которые вызвали бы его в Москву. Издательства молчат, театры молчат. Я настаиваю на том, чтобы он поехал – надо ведь деньги получить и разведать еще относительно квартиры...

Мы живем по-старому: хорошо, мирно, дружно. Часто у нас бывают гости, то тот, то другой...

С первого числа к нам переезжает Лиля...

Антон много работает, сейчас особенно – готовится к празднику 7-летия коммуны. Написал очень удачное обозрение, с пением и танцами. Я все вспоминаю, давно ли ты играл «крысу»[1], а вот уже студент.

Кроме того, Антон написал еще одну серьезную пьесу[2]. «Поэмы» еще не пишет[3], нет времени.

Опускула макаренкиана, №24, с. 69–71.

[1] Роль в одном из эстрадных представлений.

[2] «Ньютоновы кольца».

[3] Говорится о третьей части «Педагогической поэмы».

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 27 декабря 1934 г.

...У нас на носу, что называется, годовщина коммуны. Антон очень занят. Но после праздника непременно едет в Москву. Он уже получил всякие извещения, и ему, собственно, уже надо было бы быть в Москве... Антон в январе будет в Москве...

У Антона сейчас тяжелые условия работы, и он снова страшно хочет вырваться из коммуны. Уже мы тут строим всякие планы. Правда, есть такой разговор, что театр «Русской драмы» хочет пригласить Антона на должность зав. литературной частью. Антона очень устроила бы эта работа, но, как оно еще будет, трудно сказать.

А сейчас в коммуне, знаешь, как бывает, обострились всяческие противоречия между Антоном и руководством. В коммуне опять новый начальник, бывший хаторговец[1], и, конечно, с хаторговскими тенденциями и взглядами. Понимаешь, как трудно Антону, буквально на каждом шагу приходится с ним спорить. Тепер сейчас начальник фотозавода...

Харьковские наши студенты: Клюшник, Борисов, Никитин, Таликов и проч. сейчас переживают довольно неприятную штуку – их выселяют из нашего дома, хотят их выселить в город. Ребята не хотят,

это сильно понизит их жизненный уровень. Теперь они в коммуне не питаются. Жалко ребят, но Антон ничего не может поделать.

Видела Ваньку[2], он продолжает учиться в институте, но сильно похудел. Где он живет, не знаю, но во всяком случае, не в коммуне... Антон его простит, если он не бросит института, но, пожалуй, ему надо было помнить эту встряску. Может быть, наконец, одумается...

Опускула макаренкиана, №24/ Сост. С. Невская, Г. Хиллиг. – Марбург, 2001, с. 73–74.

[1] Вероятно, ранее работник торговой сети г. Харькова.

[2] Иванова.

Телеграмма Л.М. Салько в коммуну ко дню ее 7-летия, 28 декабря 1934 г.

Коммуне открывшей мне широкий путь жизнь привет обязуюсь быть ударником учебе жму всем руки Салько

Опускула макаренкиана, №24, с. 76.

Списки коммунаров-дзержинцев и выпускников, 1934–1937 гг. (в описании)

1934 г. – список коммунаров: куда хотели бы пойти учиться (вузы, техникумы, 10-летка).

1935 г. – список особо способных (по видам деятельности, сост. 4 дек. 1935 г.).

Характеристика особо одаренных, перспективы развития их талантов и способностей (составлена В.Н. Терским, по результатам работы кружков).

Выпускники 1935 г. (куда определены).

И др. данные.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 414, лл. 1–48 и далее, автограф и машинопись.

Сведения о каждом выпускнике, по 1–2 чел. на отдельном листе (иногда с об.), с адресами, указаниями на профессию, семейное положение и с отметками о посланных письмах, «был лично» (когда); некоторые листы не заполнены (есть только фамилия и имя).

«Переписка взаимно» – 25 чел. (фамилия, имя).

«Послал письма» – 9 чел.

«Знаю в общих чертах» – 39 чел.

«Не знаю» – 37 чел.

«Список выпущенных из коммуны им. Ф.Э. Дзержинского»:

Работают на предприятиях и в колхозах – 21 чел. (выпускники 1929–1932 гг.)

В учреждениях – 13 чел. (выпуск 1929–1933 гг.).

В Красной Армии – 12 чел. (выпуск 1929–1933 гг.).

В учебных заведениях – 16 чел.

(пусто – А.Ф.).

Не имеют постоянной работы – 10 чел.

Возвращены на дополнительный курс рабфака – 20 чел.

Работают в коммуне – 11 чел.

Дополнительный список

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 415, лл. 1–65 и далее, автограф и машинопись.

Документы в ед. хр. 414 и 415 свидетельствуют, во-первых, о принципиальном значении жизненно-практических результатов воспитания в педагогике А.С. Макаренко. Во-вторых, показывают внимание к каждой, отдельной личности. В-третьих, характеризуют «ответственную педагогику», обязанную отвечать за свою теорию и практику перед обществом и человеком.

ЧАСТЬ 4
1935–1936 гг.

План работы клуба коммуны: 15 марта–1 мая 1935 г., составлен В.Н. Терским, 12 марта. **Предусмотрено: кинофильмы – Цирк, Балтийцы, Ленин в Октябре, Девушка спешит на свидание, Если завтра война, Искатели счастья, Граница на замке; работа редакции стенгазеты «За учебу», работа стрелкового тира** *(Добродицкий[1])*, **кавалерийской секции. Постановка пьесы «Актеры» (исправлено: Дон-Кихот). Разучивание песен: О Сталине (комп. Ревуцкий), Прощание (муз. Покрасс), От края до края, песня Народного Фронта Испании, Если завтра война, песня о Родине, Конармейская, Сулико.**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 401.

[1] *Добродицкий* **– руководитель физкультурно-спортивной работы в коммуне, «военрук» с нач. 1933 г. (возможно, ранее).**

10 июня 1935 г.: статья И. Денисенко «Герои «Педагогической поэмы» – автору» – в газ. «Большевик» **(Киев, укр. яз.).**

Из письма Г.С. Салько (Макаренко) Л.М. Салько, 15 июня 1935 г.

...Антон много работает, так много, как еще никогда не работал – я его не вижу совсем, не имеет времени прилечь днем, говорит, что по вечерам у него болят руки. Меня очень все это беспокоит. Правда, одно утешение: говорит, что осенью оставит коммуну. Я очень этого жду...

Опускула макаренкиана, №24, с. 95.

Из докладной записки Харьковского областного управления НКВД УССР, 25 июля 1935 г.

...По бухгалтерии за рядом работников коммуны [им. Ф.Э. Дзержинского] числятся большие подотчетные суммы, за которые они до сих пор не отчитались, и бухгалтерия мер по взысканию этих сумм не принимает... Рекордную сумму по задолженности установил бывш. зав. педчасти коммуны Макаренко – сумма 3 617 рублей, за которую он, не отчитавшись, получив полный расчет – уехал в Киев.

Опускула макаренкиана, №24, с. 107. См.:

«Финансовый отчет» А.С. Макаренко, относящийся к этому времени (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4,

с. 68; отчет за 6 483 руб. 76 коп. А также – его «финанс. отчет»: там же, Часть 3, с. 103.

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 9 сентября 1935 г.

...Антон кончает «Поэму»[1] и в середине сентября будет в Москве непременно...

Антон был нездоров – болели ноги, сейчас поправился. Я здорова.

Опускула макаренкиана, №24, с. 104.

[1] Третью, завершающую, часть «Педагогической поэмы».

***Дополнение* к комментариям на с. 78:**

Художественно-публицистическое изображение работы А.С. Макаренко в отделе трудовых колоний НКВД УССР см. в повести *В. Ширяева «Камни с дороги надо убирать»* **(М., изд-во «Молодая гвардия», 1990); с. 9–38, 79–85, 100–195, 291–302 (в основном в связи с работой А.С. Макаренко в Броварской колонии и с освещением происходящих общественно-политических событий).**

Главные действующие лица: Л.С. Ахматов, Н. Преслер, Н. Савчук, П.А. Оселок, П.А. Суржик, В. Шмигалев, Я. Френкель, Н. Пунченко, С. Броневой, Тамара Букшпан.

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 9 октября 1935 г. (первого письма в этот день)

...Антон получил известие, что в «Литературном агентстве» зашевелились и там заключили договор с Англией...[1]

Опускула макаренкиана. № 24, с. 113. О втором письме в этот день см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 84.

[1] Речь идет об издании в Англии «Педагогической поэмы», ее первой части (возможно, и второй).

Приказы по школьному комбинату коммуны им. Ф.Э. Дзержинского: с №1, 8 окт. 1935 г. – 10 июня 1938 г.

Приказы по учебно-воспитательной части коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, с №5, 13 янв.–31 авг. 1936 г. **Ежедневные, подписи нач. пед. части Дидоренко и ССК Сличенко. Отмечается: Кто ОДК, ДК, ДЧСК, ДС; численность «на довольствии»; организация по взводам и ротам, ежедневная смена состава дежурных и т.д. Мероприятия в основном организационно-дисциплинарного характера.**

16 мая 1936 г. газ. «Большевик» (укр. яз.) поместила корреспонденцию «Творческий вечер писателя Макаренко». **Встреча прошла в связи с появлением в книжных магазинах третьей части «хорошо известной читателям «Педагогической поэмы»». Участвующие 10 писателей отметили ее «высокую ценность», а также «некоторую недоработанность отдельных мест, что не уменьшает ценность этой увлекательной книги». Встреча прошла на специальном заседании русской секции**

ССП Украины. Следующей книгой А.С. Макаренко будет *книга «Мальчики»,* **о воспитании нового человека.**

Опускула макаренкиана, №22, с. 104–105.

Телеграмма в коммуну им. Ф.Э. Дзержинского, 18 мая 1936 г., из Киева:

Поздравляю родных дзержинцев боевым выпуском желаю сил энергии новых побед приехать не могу Макаренко.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 3, ед. хр. 1. Говорится о выпуске из коммуны группы ее воспитанников.

Гольдберг Д. Педагогическая поэма// Советская литература, 1936, №5: **это одновременно и художественное произведение, и труд, посвященный разработке «ряда вопросов новой советской педагогики».**

Лето 1936 г. (возможно, с 28 июня) – начало работы А.С. Макаренко над «Книгой для родителей» **(первоначально «Отцы и дети», договор с редакцией альманаха «Год XIX» заключен 9 июля 1936 г., зав. редакцией П. Павленко; см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 4, с. 264).**

На обращение А.С. Макаренко к теме семьи и семейного воспитания повлияла его тогдашняя работа в Отделе трудовых колоний НКВД УССР (с конца июня 1935 г.), в ходе которой становился все более очевидным факт преобладания детей из семьи среди беспризорных, безнадзорных детей и несовершеннолетних правонарушителей.

Повлияла и активизация государственной политики в отношении детства, начавшаяся в июне 1935 г. общественная компания против абортов, завершившаяся постановлением ЦИК и СНК СССР 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов (за исключением их медицинского показания – А.Ф.), увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах».

Приказ наркома НКВД УССР 29 июня 1936 г.: **о «выпуске 255 лучших воспитанников» украинских трудкоммун и трудколоний. «Многие из них были подлинными стахановцами на фабриках и заводах, подготовились к самостоятельной жизни и могут быть выпущены активными участниками социалистического строительства».**

Опускула макаренкиана, №22, с. 95–96.

Дополнение к комментарию к ст. «Близкий, родной, незабываемый», в Части 4, с. 263 (30 июня 1936 г.):

Опубликовано на странице газеты, имеющей общий заголовок: Памяти Алексея Максимовича Горького. На ней помещены также: Речь тов. А. Толстого. От Союза советских писателей; З. Тулуб. Никогда не сотрется его образ; К. Гольдин. В сердцах людей никогда не погаснет любовь; О. Сорока, Н. Терещенко, В. Кондратенко – стихи, посвященные А.М. Горькому; Безбрежна наша печаль – коллективный отклик 30 писателей, среди них Г. Фефер, А. Корнейчук, З. Микитенко, Е. Сенченко, Е. Тардов, Е. Рыльский, С. Бажан, Б. Квитко, Е. Рыбак и др.

Колбановский В.[1] *Еще раз о поэзии педагогики// Красная новь, 1936, №6* **– о третьей части «Педагогической поэмы»: она отражает сущность педагогической системы А.С. Макаренко, это – ценнейший вклад в педагогическую науку. Яркий факт борьбы с буржуазной педагогикой.**

[1] *Колбановский В.Н.* **– психолог, педагог; в 1931 г. директор Гос. ин-та психологии, педагогики, педологии и психотехники.**

Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов (союзных республик СССР – А.Ф.)», 4 июля 1936 г. (опубликовано 5 июля 1936 г.). **Этим документом отменяются постановление Наркомпроса РСФСР об организации педологической работы и постановление СНК (правительства) РСФСР от 7 марта 1931 г. «Об организации педологической работы в республике».**

Бурное развитие педологии в СССР инициировал *Н.И. Бухарин*[1]**, он выступил на I съезде педологов (1928 г.) с докладом «Педология и марксизм», низвел педагогику до уровня «нормативной наукообразной дисциплины». Развитие педологии поддерживала Н.К. Крупская. Авторы книг по педологии – П.П. Блонский (1925, 1930), И.А. Арямов (1927), А.Б. Залкинд (1927), Л.С. Выготский (1926–1931). На основе «социогенетического» направления в педологии учение о коллективе разрабатывали С.С. Моложавый (изд. 1924 г.), А.С. Залужный (изд. 1926, 1930 гг.). Противником педологии был С.Т. Шацкий.**

Критику педологии возбудил *А.А. Жданов*[2]**. В постановлении 1936 г. отмечено: «раздробление учебной и воспитательной работы» в школе, в деятельности педологических научных центров «наносит вред всему делу советской школы». Обследование детей с помощью анкет, тестов, якобы научно доказывающее «фаталистическую обусловленность судьбы детей биологическими и социальными факторами», – вело к тому, что «все большее число детей зачислялось в категории умственно отсталых, дефективных и «трудных»». Росло число предназначенных для них «специальных» школ. Их основной контингент – дети из рабочих и отдаленных сельских районов, т.е. те, кто особенно нуждается в нормализации условий их жизни и воспи-**

тания. Примерно 1/3 – это физически и психически здоровые люди. В учебных заведениях вместо психологии преподавалась педология.

А.С. Макаренко день опубликования постановления о педологии считал «счастливым днем» в своей жизни»[3].

Все свое творчество он рассматривал как наиболее яркое проявление противостояния в 1920–1930-х гг. двух направлений: социально-педагогического и педолого-педагогического[4].

Педологические обследования детей в его практике не допускались; должности педолога не было.

Главный порок педологии он видел в ее «системе логики», в «безразличном отношении к нашим государственным и общественным целям», это «лучший пример нецелеустремленной педагогической теории»[5].

Он отмечал также, что «боязнь педологии» затем породила игнорирование проблемы индивидуальных особенностей детей[6].

В педагогической печати в поддержку постановления о педологии выступили А.С. Бубнов, И.Ф. Свадковский, П.Н. Шимбирев, Н.А. Константинов и др. Постановление и его характеристику см.: Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Том 2/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова, А.М. Кушнир. – М., 2007, с. 378–381. См. также: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 68.

[1] *Бухарин Н.И.* **– член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1924–1929 гг. Вместе с И.В. Сталиным, Г.К. Орджоникидзе и др. на XV съезде партии (дек. 1927 г.) участвовал в «разгроме троцкистско-зиновьевского антипартийного блока». Гл. ред. газ. «Известия» в 1935–1937 гг.**

[2] *Жданов А.А.* **– кандидат в чл. и чл. ЦК ВКП(б) с 1927 г.; секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП (б) с дек. 1930; канд. в чл. и член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1935 г.**

[3] **А. Абаринов, Г. Хиллиг. Опускула макаренкиана, №22. – Марбург, 2000, с. 116.**

[4] **А.С. Макаренко. Пед. соч.: в 8 т., т. 4, с. 15.**

[5] **Там же, т. 7, с. 28; т. 4, с. 43, 126.**

[6] **Там же, т. 4, с. 208.**

В жур. «Литературная критика», №7, 1936 г. (укр. яз.), опубликовано коллективное письмо 65 писателей **«Творить, как Горький», среди них А. Макаренко, И. Микитенко, А. Корнейчук, М. Бажан, М. Тардов, В. Сосюра, О. Иваненко, Н. Рыбак, М. Рыльский и др.**

Опускула макаренкиана, №22, с. 105.

Научно-методическое издание

А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания.
Учебная книга по истории, теории и практике воспитания.
Часть 5. Статьи, выступления, письма, подготовительные материалы,
«Книга для родителей» 1936–1937 гг.

Составители:
Фролов Анатолий Аркадьевич
Илалтдинова Елена Юрьевна
Аксенов Сергей Иванович

В редакции составителей

Техн. редактор О.В. Ленская
Ком. верстка Е.Я. Владимирова

Издательская лицензия № 04568 от 20 апреля 2001 г.
Полиграфическая лицензия №18-0140 от 8 октября 2001 г.

Сдано в набор 1.11.11. Подписано в печать 28.12.11.
Формат 70×108/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 39. Усл. печ. л. 33,6. Тираж 250 экз. Зак. 6442.

Издательство Волго-Вятской академии государственной службы
603950, Нижний Новгород-292, пр. Гагарина, 46
тел. 412-33-01